РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ

ПСИХОЛОГИЯ
И
ПСИХОТЕХНИКА

научно-практический журнал

www.aurora-group.eu
www.nbpublish.com

AURORA Group s.r.o.
nota bene

Выходные данные

Номер подписан в печать: 29-09-2025
Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com
Издатель: ООО <НБ-Медиа>
Главный редактор: Спирова Эльвира Маратовна - доктор философских наук, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт философии Российской академии наук, Главный научный сотрудник, руководитель сектора истории антропологических учений, руководитель Научно-образовательного центра, 109240, Россия, г. Москва, ул. Гончарная, 12, с.1, оф. 322, elvira-spirova@mail.ru
ISSN: 2454-0722
Контактная информация:
Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна
E-mail: info@nbpublish.com
тел.+7 (966) 020-34-36
Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.
Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 29-09-2025
Founder: Danilenko Vasiliy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com
Publisher: NB-Media ltd
Main editor: Spirova El'vira Maratovna - doktor filosofskikh nauk, Federal'noe gosudarstvennoe byudzhetnoe uchrezhdenie nauki Institut filosofii Rossiiskoi akademii nauk, Glavnyi nauchnyi sotrudnik, rukovoditel' sektora istorii antropologicheskikh uchenii, rukovoditel' Nauchno-obrazovatel'nogo tsentra, 109240, Rossiya, g. Moskva, ul. Goncharnaya, 12, s.1, of. 322, elvira-spirova@mail.ru
ISSN: 2454-0722
Contact:
Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna
E-mail: info@nbpublish.com
тел.+7 (966) 020-34-36
Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .
Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редакционный совет

Харитонов Александр Николаевич — кандидат психологических наук, доцент, президент Русского психоаналитического общества.
119002, Россия, Москва, ул. Арбат, 25-2.

Богоявленская Диана Борисовна — доктор психологических наук, профессор, почётный работник Российской академии образования, заслуженный деятель науки РФ, зав. лабораторией Психологического института Российской академии образования. 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, 9, строение 4.

Леонтьев Дмитрий Алексеевич — доктор психологических наук, профессор, профессор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, 11, строение 9.

Розенова Марина Ивановна — доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры Научных основ экстремальной психологии Факультета "Экстремальная психология" Московского государственного психолого-педагогического университета (МГППУ)

Россохин Андрей Владимирович — доктор психологических наук, старший научный сотрудник факультета психологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, 11, строение 9.

Белинская Елена Павловна - доктор психологических наук, профессор, кафедра социальной психологии, Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова .

Пазухина Светлана Вячеславовна – доктор психологических наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого", 300026, г. Тула, проспект Ленина, 125pazuhina@mail.ru

Борзова Татьяна Владимировна – доктор психологических наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Тихоокеанский государственный университет», профессор кафедры психологии. 680000, Россия, Хабаровск, ул. Карла Маркса, 68, borzova_tatiana@mail.ru

Куликов Леонид Васильевич - доктор психологических наук, профессор кафедры социальной психологии. Санкт-Петербургский госуниверситет, 3. 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова 6, СПбГУ факультет психологии leon-piter@mail.ru

Шаповалов Владимир Иванович — доктор педагогических наук, кандидат психологических наук, доцент профессор кафедры экономики и управления Сочинского государственного университета, первый проректор Института непрерывного профессионального образования.

Алексашкина Людмила Николаевна — доктор педагогических наук ведущий научный сотрудник Центра социально-гуманитарных дисциплин Института стратегии развития образования Российской академии образования.

Поляков Виктор Павлович – доктор педагогических наук, профессор, главный научный сотрудник лаборатории психолого-педагогического и учебно-методического обеспечения развития информатизации образования Центра информатизации образования Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Институт управления

образованием Российской академии образования», 105062, г. Москва, ул. Макаренко, д. 5/16, стр. 1Б, polvikpal@mail.ru

Гогиберидзе Георгий Меджидович — доктор педагогических наук, профессор профессор кафедры социологии и политологии Московского городского педагогического университета.

Аринушкина Анна Александровна – доктор педагогических наук, ФГБНУ ИУО РАО. Центр информатизации образования федерального государственного бюджетного научного учреждения «Институт управления образованием Российской академии образования», главный научный сотрудник, 105062, г. Москва, ул. Макаренко, д. 5/16, anna.arin@mail.ru

Дорофеев Андрей Викторович – доктор педагогических наук, кандидат физико-математических наук, профессор, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы", кафедра педагогики и психологии профессионального образования, 450000, Россия, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Октябрьской революции, 3а

Филатов Олег Константинович — доктор педагогических наук, профессор.

Гельман Виктор Яковлевич – доктор технических наук, профессор, профессор кафедры медицинской информатики и физики ФГБОУ ВО «Северо-Западный государственный медицинский университет им. И.И.Мечникова»,191015, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Кирочная, д.41, gelm@sg2104.spb.edu

Ильинский Игорь Михайлович — доктор философских наук, профессор, ректор Московского гуманитарного университета. 111395, Россия, Москва, ул. Юности, 5/1.

Берд Роберт (Bird Robert) — доктор философии, профессор Чикагского университета (США). 1130 E. 59th St. Chicago, IL 60637

Гиренок Федор Иванович — доктор философских наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой философской антропологии и комплексного изучения человека Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, учебно-научный корпус "Шуваловский".

Лекторский Владислав Александрович — доктор философских наук, профессор, академик Российской академии наук, заведующий сектором теории познания Института философии Российской академии наук. 119991, Россия, Москва, ул. Гончарная, 10

Луков Валерий Андреевич — доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, директор Центра теории и истории культуры Института фундаментальных и прикладных исследований, профессор Московского гуманитарного университета.111395, Россия, Москва, ул. Юности, 5/1.

Намли Елена (Namli Elena) – доктор этики, профессор Упсальского университета (Швеция). Box 514 SE 751 20 Uppsala – Sweden.

Резник Юрий Михайлович — доктор философских наук, профессор, главный сотрудник Института философии Российской академии наук, шеф-редактор журнала «Личность. Культура. Общество». 119991, Россия, Москва, ул. Гончарная, 10.

Спирова Эльвира Маратовна — доктор философских наук, и.о. заведующей сектором истории антропологических учений Института философии Российской академии наук,

главный редактор журналов «Философская мысль», "Психология и психотехника". 119991, Россия, г. Москва, ул. Гончарная, 10.

Фишер Норберт (Fischer Norbert) — доктор, профессор, заведующий кафедрой основных философских вопросов богословия Католического университета в Айхштете (Германия). VdRSSD e.V. – Storksbrede 7 59073 Hamm (Westf.) – Germany.

Шестопал Елена Борисовна — доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой политической социологии и психологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, учебно-научный корпус "Шуваловский".

Дмитренко Татьяна Алексеевна — доктор педагогических наук, профессор. профессор кафедры методики преподавания иностранных языков Московского педагогического государственного университета. Индекс Хирша по РИНЦ = 6 Академик Международной академии наук педагогического образования

Березанцев Андрей Юрьевич - доктор медицинских наук, профессор по специальности "Психиатрия", врач-психиатр, главный научный сотрудник образовательного центра Первой московской клинической психиатрической больницы им. Алексеева. E-mail: berintend@yandex.ru

Артемьева Ольга Аркадьевна - доктор психологических наук, ФГБОУ ВО "Иркутский государственный университет", профессор, руководитель лаборатории методологии и истории психологии, 664025, Россия, г. Иркутск, ул. Чкалова, 2, каб. 205, oaartemeva@yandex.ru

Баксанский Олег Евгеньевич - доктор философских наук, Физический институт имени П. Н. Лебедева РАН, внс, профессор, 107014, Россия, г. Москва, ул. 2 Сокольническая, 1, кв. 28, obucks@mail.ru

Галяшина Елена Игоревна - доктор юридических наук, ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», Директор Центра правовой экспертизы в сфере противодействия идеологии терроризма и профилактики экстремизма, 123995, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудриснкая, 9, каб. 721, eigaljashina@msal.ru

Енгалычев Вали Фатехович - доктор психологических наук, Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Руководитель Научно-исследовательского центра судебной экспертизы и криминалистики , 248002, Россия, Калужский область, г. Калуга, ул. Лесная, 59, valiyen@gmail.com

Каширский Дмитрий Валерьевич - доктор психологических наук, ФГБОУ ВО "Российский государственный социальный университет", профессор факультета психологии, 129226, Россия, г. г Москва, ул. В. Пика, 4, оф. стр. 1, psymath@mail.ru

Краснянская Татьяна Максимовна - доктор психологических наук, АНО ВО "Московский гуманитарный университет", профессор кафедры общей, социальной психологии и истории психологии, 107207, Россия, столичный, г. Москва, ул. Уральская, д.6, к.5, кв. 34, ktm8@yandex.ru

Леньков Сергей Леонидович - доктор психологических наук, ФГБУ "Российская академия

образования", главный аналитик , 170008, Россия, Тверская область, г. Тверь, ул. Склизкова, 27, кв. кв. 77, new_psy@mail.ru

Неволина Виктория Васильевна - доктор педагогических наук, ФГБОУ ВО "Оренбургский государственный медицинский университет", Профессор, ФГБОУ ВО "Оренбургский государственный университет", Профессор, 460040, Россия, г. Оренбург, Мира, 8А, кв. 10, nevolina-v@yandex.ru

Овруцкий Александр Владимирович - доктор философских наук, Южный федеральный университет, Зав. кафедрой рекламы и связей с общественностью, 344019, Россия, Ростовская область область, г. Ростов-на-Дону, ул. 15 линия, 84, кв. 18, alexow1@ya.ru

Ростовцева Марина Викторовна - доктор философских наук, ФГАОУ ВО "Сибирский федеральный университет", заведующая кафедрой, 660062, Россия, г. Красноярск, ул. Вильского, 18а, marin-0880@mail.ru

Рубцова Надежда Евгеньевна - доктор психологических наук, АНО ВО "Российский новый университет", профессор кафедры общей психологии и психологии труда, 170008, Россия, Тверская область, г. Тверь, ул. Склизкова, дом 27, корпус 1, кв. кв. 77, hope432810@yandex.ru

Толстолуцкий Владимир Юрьевич – доктор медицинских наук, профессор, Нижний Новгород, ННГУ, юридический факультет, кафедра уголовного права и процесса, 603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23, tolvlad@yandex.ru

Шевелёва Светлана Анатольевна - доктор медицинских наук, заведующий лабораторией, ФГБУН «ФИЦ питания и биотехнологии», 109240, Россия, Москва, Устьинский проезд, 2/14 Sheveleva@ion.ru

Council of editors

Kharitonov Alexander Nikolaevich — Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, President of the Russian Psychoanalytic Society.
Arbat str., 25-2, Moscow, 119002, Russia.

Bogoyavlenskaya Diana Borisovna — Doctor of Psychological Sciences, Professor, Honorary Worker of the Russian Academy of Education, Honored Scientist of the Russian Federation, Head. laboratory of the Psychological Institute of the Russian Academy of Education. 125009, Russia, Moscow, Mokhovaya str., 9, building 4.

Leontiev Dmitry Alekseevich — Doctor of Psychological Sciences, Professor, Professor of Lomonosov Moscow State University. 11 Mokhovaya str., building 9, Moscow, 125009, Russia.

Rozenova Marina Ivanovna — Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Scientific Foundations of Extreme Psychology of the Faculty of Extreme Psychology of the Moscow State Psychological and Pedagogical University (MGPPU)

Rossokhin Andrey Vladimirovich — Doctor of Psychological Sciences, Senior Researcher at the Faculty of Psychology of Lomonosov Moscow State University. 11 Mokhovaya str., building 9, Moscow, 125009, Russia.

Belinskaya Elena Pavlovna - Doctor of Psychological Sciences, Professor, Department of Social Psychology, Lomonosov Moscow State University.

Svetlana V. Pazukhina – Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Tolstoy Tula State Pedagogical University", 300026, Tula, Lenin Avenue, 125pazuhina@mail.ru

Borzova Tatiana Vladimirovna – Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education "Pacific State University", Professor of the Department of Psychology. 680000, Russia, Khabarovsk, Karl Marx str., 68, borzova_tatiana@mail.ru

Leonid V. Kulikov - Doctor of Psychological Sciences, Professor of the Department of Social Psychology. St. Petersburg State University, 3. 199034, St. Petersburg, nab. Makarova 6, St. Petersburg State University Faculty of Psychology leon-piter@mail.ru

Shapovalov Vladimir Ivanovich — Doctor of Pedagogical Sciences, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Economics and Management of Sochi State University, First Vice-Rector of the Institute of Continuing Professional Education.

Aleksashkina Lyudmila Nikolaevna — Doctor of Pedagogical Sciences, Leading researcher at the Center for Social and Humanitarian Disciplines of the Institute of Educational Development Strategy of the Russian Academy of Education.

Polyakov Viktor Pavlovich – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Chief researcher of the Laboratory of Psychological, Pedagogical and Educational methodological support for the development of Informatization of Education of the Center for Informatization of Education of the Federal State Budgetary Scientific Institution "Institute of Education Management of the Russian Academy of Education", 105062, Moscow, Makarenko str., 5/16, p. 1B, polvikpal@mail.ru

Gogiberidze Georgy Medzhidovich — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor Professor of the Department of Sociology and Political Science of the Moscow City Pedagogical University.

Arinushkina Anna Aleksandrovna – Doctor of Pedagogical Sciences, FGBNU IUO RAO. Center for Informatization of Education of the Federal State Budgetary Scientific Institution "Institute of Education Management of the Russian Academy of Education", Chief Researcher, 5/16 Makarenko str., Moscow, 105062, anna.arin@mail.ru

Dorofeev Andrey Viktorovich – Doctor of Pedagogical Sciences, Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla", Department of Pedagogy and Psychology of Vocational Education, 450000, Russia, Republic of Bashkortostan, Ufa, Oktyabrskaya revolutsii str., 3a

Filatov Oleg Konstantinovich — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor.

Gelman Viktor Yakovlevich – Doctor of Technical Sciences, Professor, Professor of the Department of Medical Informatics and Physics of the I.I.Mechnikov Northwestern State Medical University, 41 Kirochnaya str., Saint Petersburg, 191015, Russia, gelm@sg2104.spb.edu

Ilyinsky Igor Mikhailovich — Doctor of Philosophy, Professor, Rector of the Moscow University for the Humanities. 5/1 Yunosti str., Moscow, 111395, Russia.

Bird Robert — PhD, Professor at the University of Chicago (USA). 1130 E. 59th St. Chicago, IL 60637

Fyodor Ivanovich Girenok — Doctor of Philosophy, Professor, Deputy Head of the Department of Philosophical Anthropology and Complex Human Studies of Lomonosov Moscow State University. 119991, Moscow, Leninskie Gory, Moscow State University, educational and scientific building "Shuvalovsky".

Lector Vladislav Alexandrovich — Doctor of Philosophy, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Head of the Sector of the Theory of Cognition of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. 10 Goncharnaya str., Moscow, 119991, Russia

Valery A. Lukov — Doctor of Philosophy, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Director of the Center for Theory and History of Culture of the Institute of Fundamental and Applied Research, Professor of the Moscow Humanitarian University.5/1 Yunosti str., Moscow, 111395, Russia.

Namli Elena – Doctor of Ethics, Professor at Uppsala University (Sweden). Box 514 SE 751 20 Uppsala – Sweden.

Reznik Yuri Mikhailovich — Doctor of Philosophy, Professor, Chief Employee of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, chief editor of the journal "Personality. Culture. Society". 10 Goncharnaya str., Moscow, 119991, Russia.

Elvira Maratovna Spirova — Doctor of Philosophy, Acting Head of the Department of the History of Anthropological Teachings of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, editor-in-chief of the journals "Philosophical Thought", "Psychology and Psychotechnics". 10 Goncharnaya str., Moscow, 119991, Russia.

Fischer Norbert is a doctor, professor, head of the Department of Basic Philosophical Questions of theology at the Catholic University in Eichstatt (Germany). VdRSSD e.V. –

Storksbrede 7 59073 Hamm (Westf.) – Germany.

Elena Borisovna Shestopal — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Political Sociology and Psychology of Lomonosov Moscow State University. 119991, Moscow, Leninskie Gory, Moscow State University, educational and scientific building "Shuvalovsky".

Dmitrenko Tatiana Alekseevna — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor. Professor of the Department of Methods of Teaching Foreign Languages of the Moscow Pedagogical State University. RSCI Hirsch Index = 6 Academician of the International Academy of Sciences of Pedagogical Education

Berezantsev Andrey Yuryevich - Doctor of Medical Sciences, professor in the specialty "Psychiatry", psychiatrist, chief researcher of the educational center of the First Moscow Clinical Psychiatric Hospital named after Alekseev. E-mail: berintend@yandex.ru

Artemyeva Olga Arkadyevna - Doctor of Psychological Sciences, Irkutsk State University, Professor, Head of the Laboratory of Methodology and History of Psychology, 664025, Russia, Irkutsk, Chkalova str., 2, room 205, oaartemeva@yandex.ru

Baksansky Oleg Evgenievich - Doctor of Philosophy, Lebedev Physical Institute of the Russian Academy of Sciences, VNS, Professor, 107014, Russia, Moscow, 2 Sokolnicheskaya str., 1, sq. 28, obucks@mail.ru

Elena Igorevna Galyashina - Doctor of Law, O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSLA), Director of the Center for Legal Expertise in Countering the Ideology of Terrorism and Preventing Extremism, 9 Sadovaya-Kudriskaya Str., office 721, Moscow, 123995, Russia, eigaljashina@msal.ru

Engalychev Vali Fatekhovich - Doctor of Psychological Sciences, Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky, Head of the Research Center for Forensic Examination and Criminalistics, 59 Lesnaya str., Kaluga, 248002, Kaluga Region, Russia, valiyen@gmail.com

Kashirsky Dmitry Valeryevich - Doctor of Psychological Sciences, Russian State Social University, Professor of the Faculty of Psychology, 129226, Russia, Moscow, V. Pika str., 4, of. p. 1, psymath@mail.ru

Krasnianskaya Tatiana Maksimovna - Doctor of Psychological Sciences, ANO VO "Moscow Humanitarian University", Professor of the Department of General, Social Psychology and History of Psychology, 107207, Russia, Stolichny, Moscow, Uralskaya str., 6, room 5, sq. 34, ktm8@yandex.ru

Sergey Leonidovich Lenkov - Doctor of Psychological Sciences, FSBI "Russian Academy of Education", Chief Analyst, 170008, Russia, Tver region, Tver, Sklizkova str., 27, sq. sq. 77, new_psy@mail.ru

Nevolina Victoria Vasilyevna - Doctor of Pedagogical Sciences, Orenburg State Medical University, Professor, Orenburg State University, Professor, 460040, Russia, Orenburg, Mira, 8A, sq. 10, nevolina-v@yandex.ru

Ovrutsky Alexander Vladimirovich - Doctor of Philosophy, Southern Federal University, Head of the Department of Advertising and Public Relations, 344019, Russia, Rostov region region, Rostov-on-Don, ul. 15 liniya, 84, sq. 18, alexow1@ya.ru

Rostovtseva Marina Viktorovna - Doctor of Philosophy, Siberian Federal University, Head of the Department, 18a Vilskogo str., Krasnoyarsk, 660062, Russia, marin-0880@mail.ru

Rubtsova Nadezhda Evgenievna - Doctor of Psychological Sciences, ANO VO "Russian New University", Professor of the Department of General Psychology and Labor Psychology, 170008, Russia, Tver region, Tver, ul. Sklizkova, house 27, building 1, sq. sq. 77, hope432810@yandex.ru

Tolstolutsky Vladimir Yuryevich – Doctor of Medical Sciences, Professor, Nizhny Novgorod, UNN, Faculty of Law, Department of Criminal Law and Procedure, 603950, Nizhny NovgorodNovgorod, Gagarin Ave., 23, tolvlad@yandex.ru

Sheveleva Svetlana Anatolyevna - Doctor of Medical Sciences, Head of the laboratory, FGBUN "FITZ nutrition and Biotechnology", 109240, Russia, Moscow, Ustinsky passage, 2/14 Sheveleva@ion.ru

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикатором можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или диссертационных работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства http://www.e-notabene.ru кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ…» — неправильно, «История культуры…» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.
- ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....
А в библиографии они должны отображаться так:
[1]
[2]
[3]
[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноску, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноску в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются уголками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (“ ”).
- Тире между датами дается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаях дается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы XX столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору
Зубковой Светлане Вадимовне
E-mail: info@nbpublish.com
или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается…»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невосстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель]. https://chat.openai.com/chat

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенно важно задокументировать точный созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение A для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель]. https://chat.openai.com/chat Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель]. https://chat.openai.com/chat

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: https://chat.openai.com/chat. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

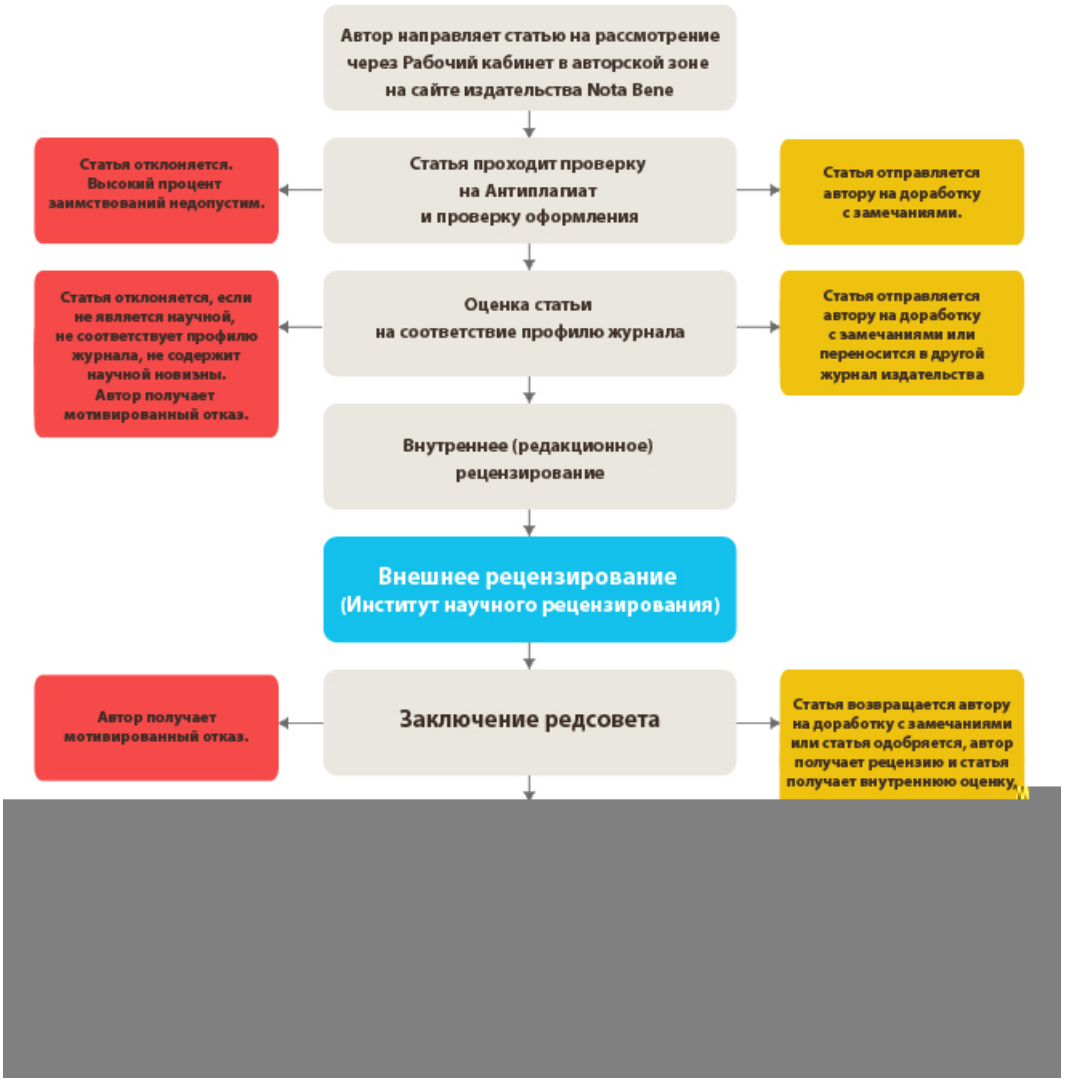
Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

Отправить статью в редакцию

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Богачев А.М., Бутенко Т.А., Коршикова М.А. Работа с материалом сновидений как фактор снижения уровня тревожности 1

Боровиков А.В. Антиципация и депрессия: обзор исследований 45

Шилова В.А. Агрессия как психологический феномен и теоретические аспекты его понимания 65

Фам Т., Караванова Л.Ж. Психологическая атмосфера в российском вузе как основа мотивации к обучению 85

Антоненко А.В., Калошин А.В., Завьялов А.А., Березин С.И., Орлов М.Н., Орлов С.М. Концепция психологии здоровья как основа эффективности реабилитации и абилитации детей с расстройствами аутистического спектра и другими нарушениями нейропсихического развития 100

Аббасалиева С.Э., Резникова Т.Н., Селиверстова Н.А., Чихачев И.В. Эмоциональные компоненты психологического здоровья у молодых лиц с нарушением адаптации 118

Ребен Р.С., Давыдов С.В. Психологическое благополучие подростков: целостный подход к интеграции когнитивных и телесных практик на основе обзора и анализа современных концепций психического здоровья 136

Железняк Н.Е. Изучение семейной истории как средство досуга, самореализации и терапии психоэмоциональных состояний студентов 150

Власов А.С., Шумакова О.А. Возможности психосемантического метода в исследовании социальной ангедонии у больных шизофренией 168

Глушкова С.А. Воздействие информационно-коммуникационных платформ на поведение современных подростков 182

Харитонов И.Ю., Селиванов В.В. Психосемантика как метод изучения бессознательных установок в контексте решения комплексных задач 195

Уймин А.Г. Методы машинного обучения при определении психического состояния на основе данных координатного устройства ввода информации 207

Соболева Е.В. Психологическое сопровождение как один из механизмов, обеспечивающий эффективность трудовой деятельности 224

Мустафаева М.А. Система логических уровней как модель антропоцентрического эталона здоровья 238

Костригин А.А. Проблема педагогической компетентности в трудах А.П. Нечаева 259

Милехина И.Д., Трубицына Л.В. Особенности виктимной идентичности подростков с хроническими заболеваниями 270

Ситникова Э.О., Султанова А.Н., Зинина А.И., Букин А.В., Шестакова Е.С. Личностные аспекты реабилитации пациентов с расстройствами шизофренического спектра и коморбидной аддиктивной патологией в условиях психиатрической больницы специализированного типа 279

Филатова Ю.С., Солодчук О.Н. Профессионализация личности врача: обзор исследований 296

Финогенова Т.А. Связь психологической безопасности и переживания 314

террористической угрозы у студентов: межрегиональное исследование

Англоязычные метаданные 332

Contents

Bogachev A.M., Butenko T.A., Korshikova M.A. Working with dreams as a factor in reducing anxiety levels 1

Borovikov A.V. Anticipation and depression: research overview 45

Shilova V.A. Aggression as a Psychological Phenomenon and Its Theoretical Foundations 65

Fam T., Karavanova L.Z. Psychological atmosphere in a Russian university as a basis for motivation to study 85

Antonenko A.V., Kaloshin A.V., Zavialov A.A., Berezin S.I., Orlov M.N., Orlov S.M. The concept of health psychology as the basis for the effectiveness of rehabilitation and habilitation of children with Autism Spectrum Disorders and other neuropsychological developmental disorders. 100

Abbasalieva S.E., Reznikova T.N., Seliverstova N.A., Chikhachev I.V. Emotional components of psychological health in young individuals with adaptation disorders. 118

Reben R.S., Davydov S.V. Psychological well-being of adolescents from the perspective of a holistic approach based on mind and body 136

Zheleznyak N.E. Studying family history as a means of leisure, self-realization and therapy of students' psycho-emotional states 150

Vlasov A.S., Shumakova O.A. The possibilities of the psychosemantic method in the study of social anhedonia in patients with schizophrenia 168

Glushkova S.A. The impact of information and communication platforms on the behavior of modern adolescents 182

Kharitonov I.Y., Selivanov V.V. Psychosemantics as a method of studying unconscious attitudes in the context of solving complex problems 195

Uymin A.G. Methods of machine learning in determining mental state based on data from a coordinate input device 207

Soboleva E.V. Psychological support as one of the mechanisms ensuring the effectiveness of labor activity 224

Mustafayeva M.A. The system of logical levels as a model of anthropocentric standard of health. 238

Kostrigin A.A. The problem of pedagogical competence in the works of A.P. Nechaev 259

Milekhina I.D., Trubitsina L.V. Features of victim identity of adolescents with chronic diseases 270

Sitnikova E.O., Sultanova A.N., Zinina A.I., Bukin A.V., Shestakova E.S. Personality aspects of rehabilitation of patients with schizophrenia spectrum disorders and comorbid addictive pathology in a specialized psychiatric hospital setting 279

Filatova Y.S., Solodchuk O.N. Professionalization of a doctor's personality: a review of research 296

Finogenova T.A. The relationship between psychological safety and the experience of terrorist threat among students: an interregional study 314

Metadata in english 332

Психология и Психотехника
Правильная ссылка на статью:
Богачев А.М., Бутенко Т.А., Коршикова М.А. Работа с материалом сновидений как фактор снижения уровня тревожности // Психология и Психотехника. 2025. № 3. DOI: 10.7256/2454-0722.2025.3.74667 EDN: YIPDLE URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74667

Работа с материалом сновидений как фактор снижения уровня тревожности

Богачев Алексей Михайлович

ORCID: 0000-0002-9430-2274

научный сотрудник Центра профилактики экстремизма в сфере образования и молодежной среде, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена. Старший преподаватель кафедры практической психологии, Мариупольский государственный гуманитарный университет им А.И. Куинджи

197198, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Большая Пушкарская, 6, кв. 20

amb1976@mail.ru

Бутенко Татьяна Александровна

старший преподаватель; кафедра туризма; ФГБОУ ВО «Приазовский государственный технический университет»

354002, Россия, Донецкая Народная респ., г. Мариуполь, ул. Черноморская, д. 13

tat.nazare@mail.ru

Коршикова Мария Алексеевна

ORCID: 0009-0003-5207-7069

аспирант; кафедра Возрастная и педагогическая психология; Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина

392036, Россия, г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33

korshikovama@gmail.com

Статья из рубрики "Психотехника"

DOI:

10.7256/2454-0722.2025.3.74667

EDN:

YIPDLE

Дата направления статьи в редакцию:

01-06-2025

Дата публикации:

16-06-2025

Аннотация: Предметом исследования является феноменология и материал сновидений как проявление психической активности личности в контексте психологической психотерапии. Объектом исследования – испытуемые – физические лица – при посредничестве психолога ведущие работу с материалом своих сновидений в целях снижения уровня тревожности. Гипотеза исследования: работа с материалом сновидений в рамках авторской синтетической концепции сновидений является эффективной, что проявляется в понижении как ситуативной, так и личностной тревожности лица, со сновидениями которого ведется работа. Актуальность исследования определяется, с одной стороны, растущим интересом к тематике сновидений как с научной, так и с прикладной, психолого-психотерапевтической точек зрения, а, с другой стороны, отсутствием подтвержденных посредством математического анализа данных об эффективности работы с материалом сновидений. В рамках исследования применялись, в том числе, метод исследования отдельных случаев, метод тестирования (тест тревожности Спилбергера-Ханина), метод самонаблюдения (интроспекции). Результаты исследования позволяют сделать статистически значимые выводы об психолого-психотерапевтической эффективности работы с материалом сновидений с использованием алгоритма, предложенного в рамках авторской синтетической концепции сновидений. При этом с помощью средств математической статистики подтверждаются данные, в свое время приведенные в работах таких авторов, как В.В. Козлов, В.В. Майков, С.А. Парфентьев и др., но ранее не обоснованные с позиций академической науки. Новизна представленного исследования заключается в таком обосновании, что может вызвать интерес как у ученых-теоретиков, так и у специалистов в области практической психологии. Как явствует из полученных исследователями данных,различия по шкале «Ситуационная тревожность» по критерию Вилкоксона достоверны на уровне значимости p

Ключевые слова:

Сновидение, Личность, Психотерапия, Целостность, Тревожность, Эксперимент, Толкование, Анализ, Развитие, Символ

Введение

В современном мире с бурным развитием в нем различных областей науки, проблематика психической реальности как индивидуального и, одновременно, трансперсонального феномена становится в более значимой и актуальной.

Сновидение в данном контексте рассматривается в качестве своеобразного «модуса бытия» и артефакта одновременно, причем данный «модус» представляет собой «процесс, состояние, переживание, пространство и психологический механизм» универсального характера [25, с. 23]. Сновидение как таковое является неотъемлемым и естественным для каждого индивидуума состоянием, в котором он, с одной стороны, находится под влиянием процесса интроверсии, а, с другой, субъективно погружается в «поток сопричастности каждого каждому».

При этом погруженность сновидца в символическую и воображаемую реальность

означает в большинстве случаев субъективное восприятие этой реальности как единственно существующей: только после пробуждения реальность бодрствования начинает вновь отделяться от реальности сновидения.

Очевидно, что продукты творческой деятельности, различные произведения искусства и т.д. во многом основываются на сновидческих переживаниях и состояниях, включая состояния «сна наяву», о котором так много говорят поэты и художники [10, 11]. Более того, психоэмоциональная часть психической реальности любого человека в значительной степени зависит от содержания его сновидений (вне зависимости от того, запомнил ли он это содержание).

В настоящее время тема сновидений из предмета бытовых психологии (включающей в себя составления сонников и т.д.) составления сонников и предмета специфической работы духовных лиц и мистиков, стало предметом исследования научной психологии, в том числе обращающейся к феномену духовности как к качеству личности. При таком подходе сновидение выходит за рамки некоего индивидуального и малопознаваемого процесса, и превращается в объект исследования и изучения личной и трансперсональной реальности, и, соответственно, процессов социального, социально-психологического, культурного и религиозного характера [16, 29].

В данном контексте оно может рассматриваться и как важнейший механизм адаптации личности к социальным системам, в которые эта личность встроена. Все это напрямую выводит нас к раскрытию потенциала сновидений в области психологической психотерапии.

Обращение к материалу сновидений осуществлялось на протяжении практически всей истории человечества. Вместе с тем, лишь относительно недавно изменилась «система координат» такого обращения: теперь сновидческая реальность рассматривается не как замкнутая на себе данность, а в качестве пространства многомногомерного («много-многозначного» на языке В.С. Мерлина) взаимодействия сознания человека со своим же бессознательным и с внешним миром. Вместе с тем, **академическая наука испытывает серьёзнейший дефицит в статистически значимом подтверждении эффективности работы с материалом сновидений.** Настоящее исследование посвящено попытке внести свой вклад в исправлении данной ситуации.

Цель исследования заключалась в выявлении психолого-психотерапетического потенциала работы с материалом сновидений с научной точки зрения.

Гипотеза исследования заключалась в следующем: работа с материалом сновидений в рамках авторской синтетической концепции сновидений является эффективной, что проявляется в понижении как ситуативной, так и личностной тревожности лица, со сновидениями которого ведется работа.

Объект исследования – испытуемые - физические лица - при посредничестве психолога ведущие работу с материалом своих сновидений в целях снижения уровня своей тревожности.

Предмет исследования - феноменология и материал сновидений как проявление психической активности личности в контексте психологической психотерапии.

Анализ литературных источников

Работа со сновидениями как в плане их толкования, так и в плане феноменологической

работы в сновидческой реальности представляет собой важную и фактически неотъемлемую часть большого количества направлений и школ практической психологии, в том числе, классического и неоклассического психоанализа (З. Фрейд, О. Ранк, Ш. Ференци, О. Феничел,Х. Кэхэле, Х. Кохут, О. Кернберг, Дж. Салливан), процессуальной трансперсональной психологии (А. Минделл, С. Гроф, Ч. Тарт, К. Уилбер, К. Харари), психосинтеза (Р. Ассаджиоли), символдрамы (Х. Лейнер), аналитической психологии и, особенно, арехипической ее парадигме (К. Юнг, Э. Нойманн, Дж. Хиллман, Дж. Холл), , индивидуальной психологии (А. Адлер, Г. Мосак), гештальт-терапии (Ф. Перлз, С. Гингер), психодрамы (Я. Морено. Г. Лейтц), структурных расстановок (Б. Хеллингер), экзистенциальной и гуманистической психологии (Л. Бинсвангер, Р. Лэнг,А. Лэнгле, Р. Мэй, В. Франкл, А. Маслоу, К. Роджерс). Также следует отметить и исследователей, сконцентрировавшихся на психофизиологии сновидений (В. Б. Слезин, А.Р. Лурия, Ю. Азерински, Р. Маккарли, Ф.В. Бассин, А. У Демент, Дж. Уинсон, Э. Хартманн, Д.А. Хобсон).

В контексте теории сновидений З. Фрейд, объявивший сновидения «царской дорогой в бессознательное» [29], рассматривал их в рамках психодинамических процессов и в контексте влечений и внутренних конфликтов личности.

С позиций психоанализа сновидения представляют собой энграммы вытесненных или отщепленных, тесно связанных с феноменом кошмара и соответствующими продуктами «теневого» творчества желаний, а также предшествующих событий, включая переживания прошедшего дня (здесь мы видим новое сочетание психофизиологического и психологического подходов к пониманию сновидений). Понимание сути сновидения по Фрейду – это расшифровка «скрытого» сновидческого материала за счет анализа его явного содержания: «В сновидении играют наиболее видную роль две психические силы, из которых одна образует желания, проявляющиеся в сновидении, другая же выполняет функции цензуры и, благодаря этой цензуре, способствует искажению этого желания» [30, с. 150]. Вообще на противоречивой борьбе стремления к исполнению желаний и защите от этого Фрейд придавал ключевое значение. При этом он признавал, что существует и прямое исполнение желаний, причем как у детей, так и взрослых (речь идет о желаниях, связанных с утолением жажды, голода, сексуальных влечений, агрессивных импульсов) и т.д. В качестве так называемых «источников» сновидений в психоаналитической традиции выделяются различного рода телесные (соматические) процессы; впечатления предыдущего дня, включая «незавершенные гештальты», являющиеся основой для «фасадного» содержания сновидения; связанные с сильными эмоциями детские воспоминания, в том числе запретного и (или) травмирующего характера, вытесненные влечения и желания, в целом [29].

Фрейд, во многом следуя здесь за Юнгом, понимал сновидения в качестве специфической формы мышления архаического плана: «Особенно охотно работа сновидения соединяет в одной комбинации два противоречащих друг другу представления» [30, с. 44], однако в отличие от Юнга не придавал такому мышлению значение, равновеликое понятийно-логическому мышлению (а то и превосходящее его), но рассматривал сновидения исключительно как объект для редукции к первичным желаниям (то есть расшифровки полученного материала и преодоления цензуры как барьера между сознанием и бессознательным).

В свете того, в качестве основной функции сновидения Фрейд рассматривал восстановление гомеостазиса, отметим, что именно в области психологии ему и его последователям удалось подтвердить данные психофизиологических исследований,

согласно которым дефицит сна, в целом, и (или) быстрого сна, в частности, результирует в возникновении психотических состояний, при том, что прерывание фаз сна, лишенных сновидений, вызывает не более чем существенное утомление [1, 2]. Другими словами, сновидения явно выполняют психотерапевтические функции, и, во многом являются основой для сохранения чувства непрерывности личности.

Концепция сущности сновидений со стороны К.Г. Юнга и его последователей отчасти предшествует психоаналитической теории сновидений, а отчасти делает наследует ей и одновременно делает шаг за ее пределы, и, в сравнении с ней, качественно расширяет видение структуры личности, а, значит, и ее сновидений, так как учитывает существование коллективного бессознательного («объективной психики») и архетипов в качестве самоценной реальности [31-35]. Такое понимание сразу выводит нас к новым сферам толкования сновидения и работы с ними.

Еще до знакомства с З. Фрейдом К. Юнг в рамках своей научно-прикладной деятельности по пониманию поведения душевнобольных и проведению ассоциативного эксперимента установил: в сознание человека могут «прорываться» чуждые сознательной установке психические элементы, характеризующиеся определенной автономией. Каждый из этих элементов несет за собой тут или иную эмоциональную нагрузку доминантного характера, являясь, по сути, обладающей энергией и конкретной направленностью совокупностью мыслей, аффектов и образов: «что не так хорошо известно, но гораздо более важно теоретически, так это то, что комплексы могут овладевать нами. Существование комплексов ставит под серьезное сомнение наивное предположение о единстве сознания, которое отождествляется с "психикой", и о превосходстве воли» [35, с. 107].

Выявив существование комплексов как психический факт (описанный затем, например, Р. Ассаджиоли в качестве «субличностей» [3]) Юнг описывал их как находящиеся в бессознательном психические «узлы», отсылающие нас как к индивидуальному, «субъектиному» опыту, так и к «объектной психике», а также к архетипам как к универсальным образам, воздействующим на психику и одновременно находящимся за ее пределами. Согласно Юнгу за каждым из комплексов находится «универсальный паттерн опыта», - он же архетип.

При выходе за пределы привычных социальных и внутренних ролей (в понимании этого Я. Морено [22], становящаяся субъектом личность временно теряет опору на своего «эго» и, метафорически говоря, попадает и падает в пустоту. Соответствующий процесс в юнгианской и, в целом, трансперсональной традиции описывается посредством мифа о герое. Словно Солнце, «умирающее в водах великого океана», «эго» вступившей на Путь героя гибнет, чтобы воскреснуть, Солнце, которое вновь поднимается утром над линией горизонта. Индивидуирующемуся сознанию также необходимо раствориться в бессознательном, символически умереть и воскреснуть (в этом случае целостность не просто восстанавливаться, но и по принципу дополнительности достигает качественно нового уровня).

Итак, юнгианский подход рассматривает сновидение в качестве как естественного процесса психической саморегуляции и (или) компенсации как в индивидуальном, так и в архетипическом и трансперсональном планах. В первом случае речь идет о коррекции деформаций эго в его привычной социальной и внутренней жизни. а во втором, - глубинный путь духовного и душевного становления. В обоих случаях сознательное внимание направляется туда, куда указывает до этого неосознанный и ли

бессознательный процесс индивидуации. Синтез воли сознания и энергетизирующей психику динамики бессознательного, интенсифицирует и углубляет индивидуацию, способствует переходу в качественно более целостное состояние личности, когда «эго-сознание» получает доступ к трансперсональной реальности.

В любом случае и практически во всех направлениях аналитической психологии «архетипическая сердцевина есть неразрушимая основа «Я», способная отождествляться со многими персонами или эго-идентичностями», а «сновидение может рассматриваться как попытка прямого изменения структуры комплексов, на которые опирается архетипическое эго» [32, с. 57]

Работа со сновидениями в рамках аналитической психологии подразумевает многомерность восприятия смысла и символического содержания сновидения, контекстуальную специфику их толкования, нацеленного на сочетание особенности и универсальности семиотики личности, а также стратегический характер такой работы.

В существенной степени развитие этих положений мы видим в работах таких разных ученых, как А. Маслоу [17] в части идеи самоактуализиции личности и современных специалистов в сфере когнитивной психологии [14] в отношении работы сновидения как инструмента обработки информации (при определенном игнорировании глубинных содержательных его аспектов).

Представления о сновидениях как способе движения личности к подлинности, осуществляемое под влиянием некоего истинного, высшего «я» или, во всяком случае, созидательных интенций, характеризуют целый ряд направлений практической психологии XX и XI века.

Среди этих методов особенно, на наш взгляд, выделяются психосинтез Р. Ассаджиоли [3] и процессуальный подход А. Минделла [20,21]. И тот, и другой подходы, во многом следуя концепции К.Г. Юнга и его идее сочетания высокой осознанности и активного воображения, подразумевают отожествление с различными частями психической реальности при сохранении акцента на целостности личности.

На этом делал акцент и А. Менегетти [18], предлагавший работу как непосредственно в пространстве сновидения, так и в плане интерпретации его символики (а также символики имманентных сновидению продуктов творчества). Фактически Менегетти вслед за многими другими авторами призывал выходить за пределы «стереотипов», «опосредованной речи», «персоны и эго», «цензуры», «вторичного процесса», «блоков» и пр. пр. и входить в контакт с первичным, «текучими» процессами человеческой личности и человеческого бытия (в его терминологии – обращаться к «Ин-се»). Различные элементы тех же самых этапов работы с различными слоями «внешнего» и «наносного» и движению к проявляющимся в сновидении глубинными, истинными процессам (в том числе за счет возвращения к сновидениям) описываются, например, в гештальт-психологии, в том числе и в режиме «диалога субличностей (как и, скажем, в психосинтезе или гипноанализе ». Согласно Ф. Перлзу, «различные элементы сна олицетворяют фрагменты личности. Чтобы достичь интеграции, необходимо признать своими эти спроецированные части, отождествляясь с объектами сновидения. Содержание сновидения выявляется через его переживание, а не путем интерпретаций» [27, с. 92]. Собственно, об этом, а также о том, что сновидение представляет собой «послание» или «повествование» самому себе говорят большинство исследующих данную тему авторов.

В этом контексте с нашей точки зрения является чрезвычайно важным и близким к нашему пониманию следующий алгоритм работы со сновидениями, предложенный С. Гингером: «осознанное воспроизведение материала сновидения и его устное изложение в терапевтическом контексте; истолкование символичного содержания сновидения, определение существующих в нем фигуры и фона, понимание структуры его образов и метафор; возвращение в сновидение «проигрывание сюжета сновидений», сопровождаемое сменой отождествлений с образами сновидения, воспринимаемыми как субличностях сновидящего» [12, с.38]. Подчеркнем, что, на наш взгляд, данной схеме не хватает акцента на «узле напряжения (противоречий) конкретного сновидения; определения базовой сферы (или уровня), к которой оно относится; внимания к соотнесению универсальной (в том числе) архетипической его символики, методов закрепления (запечатления) нового уровня интегрированности личности [4-9]. Вместе с тем, алгоритм Гингера [12,13], по нашему мнению, является вполне рабочим, впрочем, как и предложенный Я. Морено психодраматический подход к сновидениям, а также любые другие подходы, подразумевающие продолжение сновидения в новых условиях и игровую интеракцию между «эго-сознанием» и различными частями личности в различных областях и «мерностях» ее бытия.

Акцент на процессе (причем, опять-таки, с учетом различных уровней этого процесса), в максимальной степени появляющийся в теории и практике работы А. Минделла в случае подхода последнего особенно интересен тем, что сочетает знания из области квантовой физики, западной психологии и восточной философии (впрочем, это, как мы уже отмечали, делали и другие ученые, начиная с К. Юнга и В. Паули). То же самое можно сказать и о трансперсональной психологии С.Гроффа [15].

В современной отечественной психологии большой вклад в исследования психотерапевтической функции сновидений внесли В.В Козлов, С.А. Парфентьев, В.В. Майков [15, 19, 23-26] и многие другие. Вместе с тем, никто из вышеприведенных авторов не представил основанную на методах математической статистики доказательную базу эффективности работы со сновидениями. Наша работа, основанная на длительном взаимодействии с клиентами и описанная в ряде научных статей [4-8], также характеризовалась данным недостатком. В настоящем исследовании мы этот недостаток попытались исправить.

Методология и методы исследования

В целях апробации и получения научного подтверждения эффективности работы со сновидениями мы ранее провели исследование, в рамках которого использовали **следующие методы**: метод эксперимента, метод исследования отдельных случаев, метод тестирования (с применением такой методики, как тест тревожности Спилбергера-Ханина), метод самонаблюдения (интроспекции), метод самоотчета, метод анализа и метод интерактивной интерпретации полученных данных.

В рамках математического анализа использовалась **программа «Excel».**

Выборка исследования. Общая выборка составила 49 испытуемых с 18 по 50 лет, выразивших желание принять участие в эксперименте. Из них 43 лиц женского, и 7 – мужского пола.

Организация исследования. В первом этапе эксперименте приняло участие 24 человек, которые откликнулись на объявление о его проведении в социальных сетях

(половина участников были нам ранее незнакомы лично, другая половина ранее являлась нашими студентами и (или) коллегами). Во втором и третьем – 16 и 9 испытуемых соответственно. Продолжительность эксперимента на всех трех его этапах составила 14 дней (с возможностью продления работы для желающих). Этот срок был выбран, исходя из обычной длины психотерапевтических марафонов с добавлением нескольких дней на возможное осмысление его итогов участниками. Эксперимент строился следующим образом: каждый из его участников изъявил желание совместно работать, прошел соответствующее тестирование и затем на протяжении 14 дней присыла нам либо в социальной сети «Вконтакте», либо в мессенджере Telegram содержание своих сновидений и описание своего состояния после пробуждения. Нами давалось толкование сновидения и (или) рекомендация по работе с ним в соответствии с апробируемой концепцией и включенным в нее алгоритмом работы. После завершения 14-дневного периода испытуемые заново проходили тесты и предлагали обратную связь по итогам работы. Все три этапа исследования представляли собой работу в соответствии с одним алгоритмом с тремя разными группами испытуемых.

Первые два этапа эксперимента были описаны нами в статьях «Психология сновидений: обоснование и развитие синтетического подхода» и «Синтетическая концепция работы со сновидениями: апробация в области психологической психотерапии и развития личности». Приведем описанных в них алгоритм работы:

«Базовая практическая методика работы со сновидением достаточно проста. Если мы понимаем, что любое сновидение – это различного рода взаимодействие между субъектом и Другим, сознанием и запредельным (бессознательным), то: а) нужно оценивать его в контексте жизненной ситуации и личности сновидца, определить ведущий уровень сновидения; б) обратить внимание на любые элементы диалога или же «указания» на блокировку диалога, односторонность сновидения, попытки самообмана и т.д. в данном сне; в) осмыслить значение появившихся в сновидении символов; г) предложить толкование, позволяющее открыть новые возможности для самопознания, внутриличностного диалога, духовного выбора на осознанном и бессознательном уровнях, перевести «слепые пятна» в зону интеграции опыта, преодолеть те или иные побуждения и (или) самообманы; д) в случае необходимости предложить вернуться в сновидение и начать диалог, сохраняя нравственные установки сознания, встретиться с Другим (пусть зачастую и пугающим). При этом Другим (символом бессознательной части психической реальности) для осознанного «я» сновидца может быть как тот или иной персонаж, так и «другая сторона» сна, отсутствующая в первоначальном его варианте (скажем, природа – для урбанистического сна, женские образы – для «патриархального» сна, продолжение движения – для сновидения, в котором сновидец замер, наблюдение за процессом – для сновидения, где сновидец «умер» и в ужасе проснулся и т.д.) и е) закрепить произошедшую интеграцию (в зависимости от уровня сновидения закрепление может происходить как на «якорно»-символическом уровне, так и на уровне осмысления) после выхода из сновидения» [8, с. 10].

После проведения третьего этапа эксперимента мы провели статистический анализ полученных данных, сравнивая уровень ситуативной и личностной тревожности до и после воздействия. Анализ дал следующие, приведенные ниже результаты.

Результаты исследования

Статистический анализ результатов воздействия согласно тесту Спилбергера-Ханина. Использованы:

a. Критерий Вилкоксона (Уилкоксона) для зависимых выборок

b. Т-критерий для парных выборок

Полученные данные представлены в Таблице № 1.

Таблица № 1

Различия в уровне ситуативной и линостной тревожности до и после экспериментального воздействия

Показатель	**Критерий Вилкоксона**	**Т-критерий (Стьюдента)**
1 . **Ситуационная тревожность** (до и после воздействия)	Тф=17< p(0,01) при n=49 Следовательно: различия достоверны при p<0,01	2,84745E-05 при n=49 Статистическая значимость различий на уровне p=0,01
2 . **Личностная тревожность** (до и после воздействия)	Тф=54< p(0,05) при n=47 Следовательно: различия достоверны при p<0,05	0,005234879 при n=49 Различия статистически незначимые

Обсуждение

В целом, мы можем констатировать, что **работа с материалом сновидений с помощью алгоритма, основанного на синтетической теории сновидений [4-9], в целях снижения тревожности, как минимум, ситуационной, а, с высокой степенью вероятности, и личностной (согласно критерию Вилкоксона), является достаточно эффективной**.

В упомянутых выше статьях «Психология сновидений: обоснование и развитие синтетического подхода» и «Синтетическая концепция работы со сновидениями: апробация в области психологической психотерапии и развития личности» мы представили описание динамики психологического состояния испытуемых (в частности, по осям «психодинамики» и «саморефлексии»), а также примеры их самоотчетов, которые подтверждают данное умозаключение [6,8].

Как отмечает одна из участниц исследования, «очень «благодатной почвой» для исследования своего архетипа является сновидения. Нам был предложен метод изучения собственных сновидений на протяжении 14 дней ежедневно подробно описывать в дневнике образы. На наш взгляд, очень полезная и ещё и увлекательная работа по исследованию собственного бессознательного».

Здесь мы не будем вторично приводить другие цитаты из самоотчетов испытуемых. Важно подчеркнуть, что **эффективность предложенного нами алгоритма работы со сновидениями подтверждена с точки зрения математической статистики – причем на основе индивидуального подхода, требующего долговременного взаимодействия с каждым из испытуемых, последовательно интериоризировавших терапевтическую функцию и, таким образом, приобретших новые навыки в области саморегуляции.**

Отметим, что в исследованной нами науной литературе подверждений эффективности работы со сновидениями нами найдено не было.

В целях раскрытия методологии исследования приводим в Приложении 1 пример работы с одним из испытуемых.

Выводы

Гипотеза исследования полностью подтвердилась согласно критерию Вилкоксона в отношении и ситуативной, и личностной тревожности, и частично подтвердилась в отношении ситуативной тревожности согласно критерию Стьюдента:

1. Различия по шкале «Ситуационная тревожность» по критерию Вилкоксона достоверны на уровне значимости $p<0,01$, а по шкале «Личностная тревожность» достоверны на уровне значимости $p<0,05$. Гипотеза подтвердилась.

2. Различия по шкале «Ситуационная тревожность» по критерию Т-критерию (Стьюдента) достоверны на уровне значимости $p<0,01$, а по шкале «Личностная тревожность» различия статистически незначимые. Гипотеза подтвердилась частично.

Таким образом, работа с материалом сновидений показана при психотерапии и (или) психокоррекции тревожных состояний.

Заключение и рекомендации

Итак, мы можем уверенно утверждать, что погружение в материал сновидений действительно обладает психолого-психотерапевтическим эффектом и может использоваться и как самостоятельный метод, и как дополнение к тому или иному психотерапевтическому подходу, например, экзистенциальному. Кроме того, данный метод, на наш взгляд, является вполне показанным при комплексной психотерапии лиц с ПТСР.

На основании вышеизложенного мы рекомендем в процессе немидекаментозной психотерапии и (или) психокоррекции использовать такие технологии, как

1) Ведение "Дневника сновидений", в который следует ежедневно записывать как содержание сохранившегося в памяти материала сновидений, так и все иные впечатления, оставшиеся после сна;

2) Использование алгоритма, релеватного синтетической концепции сновидений;

3) Введение соответствующих инсайтов в смысловую систему координат сновидца.

В то же время для прояснения длительности и устойчивости эффекта, в том числе, при работе по преодолению последствий ПТСР, очевидно, требуются дополнительные исследования, в том числе, использованием метода сравнения контрольной и экспериментальной групп (заметим, однако, что в рамках настоящего исследования испытуемые до и после экспериментального воздействия в определённом смысле представляют собой такие группы, отличающиеся друг от друга по временному критерию).

Приложение 1

В Приложении 1 представлена транскрипция аудиозаписей работы и материалы

переписки с продвинутым в области психологии студентом Иваном Стоцким (все имена и фамилии заменены на псевдонимы, стиль, орфография и пунктуация собеседников сохранены), запрос которого заключался в развитии своей личности через сновидения, а также в избавлении от бессонницы.

Психолог, [14.04.2024 13:31]

Приветствую! Я сделаю по масштабнее описание позже в текстовом виде лично, а пока кратце то, что я увидел, посмотрев на вашу батарею тестов. Там очень интересная штука. С одной стороны, явно нет каких-то серьезных деформаций личности, наоборот, прослеживается сила личности, внутренний ресурс, потенциал, способность к восприятию психической энергии, в то же время к тому, чтобы выдерживать то, что идет. То есть довольно серьезная, здоровая основа, ядро личности при мощном течении психической энергии. И вместе с тем отмечаются маркеры, которые говорят о том, что сейчас у вас вероятнее всего, ну как я это воспринимаю, вы проходите еще какой-то этап трансформации. Сейчас система, у которой есть ядро, тем не менее по своей периферии рушится. Причем ядро не такое жесткое, оно может само трансформироваться, меняться как электрон, который может находиться в нескольких местах одновременно. И, вот, судя по всему, сейчас вы проходите мощную трансформацию, возможно переживаемую фактически как смерть/рождение. И это проявляется и в бессоннице. Бессонница же это когда мы пытаемся удержаться, чтобы не погрузиться в поток сверхсознательных, подсознательных, запредельных импульсов, образов, в общем поток. Отсюда и кошмары, то есть прорывы тени. У вас есть сила, чтобы пройти сквозь некое серьезное испытание, и прямо сейчас это испытание происходит. При этом прогноз благоприятный, хотя все и не просто. Вот, наверное, поэтому вы и пришли в тему исследований и переживаний сновидений. Вот такой взгляд на ситуацию, исходя из тестов и анкеты. Но при этом, повторюсь, у вас очень глубокая сила здоровая, ядро души, если угодно.

Психолог, [15.04.2024 12:51]

Насколько соответствует?)

Иван Стоцкий, [15.04.2024 12:54]

Я думаю соответствует полностью

Иван Стоцкий, [15.04.2024 12:55]

Трансформация действительно идет, я это чувствую. Не могу точно быть уверен, но стараюсь даже способствовать этому

Иван Стоцкий, [15.04.2024 12:55]

Сил действительно полно)

Ощущение что при желании я могу достичь всего чего хочу

Иван Стоцкий, [15.04.2024 12:58]

Единственное что у меня вызывает вопросы и почему я с таким рвением хочу пройти ваше исследование причем именно в составе группы с анализом снов - это проблемы со сном с раннего детства

Иван Стоцкий, [15.04.2024 13:01]

К глубинной психологии интерес действительно из-за этого. Хочется понимать корни всех процессов, происходящих в нас. На мой взгляд это единственный путь к устранению проблем и путь к душевному равновесию

Психолог, [15.04.2024 13:14]

Да, так и есть!

Иван Стоцкий, [07.05.2024 14:34]

06.05.24 - Сон

Мне приснилось что людей начали травить газом, а затем ядерная война. Я в составе небольшой группы людей нашел место где сумели укрыться. Там же, я нашел себе тигра, который позже превратился в девушку лет 25. Со временем группа постепенно уменьшается и остаются только члены моей семьи. В очередной вылазке меня убивают и я начинаю видеть все как просто летающая камера(не могу не говорить не взаимодействовать с людьми и окружением). Затем я возрождаюсь на базе. Снова иду на вылазку с женой(мне резко стало лет 40). На вылазке мы попали в ловушку и нас пытались отравить ядом. Мы сумели договориться, но в последний момент по непонятным причинам началась перестрелка. Все было как в боевике, красивые сцены перестрелок. И я умер. Конец.

Психолог, [08.05.2024 15:14]

Иван, приветствую. Только сейчас добрался до базы, могу нормально говорить. Такой сон, я хочу сказать, с точки зрения универсалий, говорящий о внутреннем конфликте. И об огромной энергии, которая есть в тебе. Это, кстати, возвращаемся к тестам твоим. Так оно и есть. И внутренний конфликт, война ядерная, то есть это ядерная энергия, это мощнейшая энергия. И в то же время способность твоя выживать, укрываться, находить внутреннее убежище. Тигр, опять же, это символ внутренней силы, животной, жизненной энергии. И в этой энергии способность к поиску сути себя, души, анимы, девушки лет 25. Во сне проявляются части тебя, наиболее важные, члены семьи. Проживается момент, связанный с прерывностью нашего «я». Смертью, умиранием, смертью, которая вторична. И всё же это тоже есть внутри нас.

Психолог, [08.05.2024 15:17]

Ну и есть какой-то пока тупик внутри тебя. Но этот тупик уже парадоксальным образом - и в самым естественным - преодолён. То есть это конец, но это и не конец, только начало, поскольку часть тебя уже за этим пределом, за этим концом. Но пока этот тупик внутри тебя есть, и вероятно это как раз и путь.

Иван Стоцкий, [08.05.2024 16:20]

Добрый день. Спасибо за интерпретацию. Очень интересная

Иван Стоцкий, [08.05.2024 16:21]

Я думаю в точку. По ощущение откликается

Иван Стоцкий, [08.05.2024 16:22]

Сегодня почти не спал. Снов не было. Проснулся с ужасной тяжестью из-за нагрузки по учебе/работе. Желание было просто проспать весь день и сделать вид что дня не было

Психолог, [08.05.2024 16:31]

Ну и норм, так тоже бывает. Что называется, продолжаем наблюдать.

Иван Стоцкий, [11.05.2024 21:21]

Доброй ночи. Прозвенит что пишу поздно и не системно. Суматоха страшная сейчас из-за работы и подготовки к сессии.

9-10 снов не запомнил. Я просыпался и сразу бежал на работу. Помню хорошо ощущения после сна. Я точно знаю когда мне снится что-то из разряда «кошмаров» - я просыпаюсь с ощущение как от прыжка с парашютом(только намного слабее адреналин) и ощущаю веселье. В общем, кошмары меня не пугают. Ну вот с такими ощущениями я просыпаюсь.

Иван Стоцкий, [11.05.2024 21:21]

Сегодня:

11.05.24

Я сидел в предбаннике с братом. Он уговорил пойти с ним в баню и его сыном(у него в жизни есть сын). А ему объясняю, что договорился в баню с друзьями сходить. И я ему говорю, что если я успею, то я приду к ним. После я с другом оказываю в каком-то магазине. Магазин этот совмещенный с одеждой. И мы с другом идем и смеемся над находящимися там товарами. Так были разные лаковые красные туфлю и в целом все +-такое, гламурные. Мы выбрали какие-то чипсы и газировку. И он говорит, «да бери так, не парься», я вообще не понял как так можно. Он хватает меня за руку и тащит и мы убегаем из магазина. На выходе из магаза я думаю «а как мы можем не попасться, думаю, ладно, покажу старый чек охраннику если что». После меня переносит в машину и за рулем моя девушка(хотя прав у нее нет, да и вообще я стараюсь всегда быть за рулем, когда я с кем-то, мне так комфортнее). Мы едем мимо какого огромного поля/деревени(там было смутно). И мы обсуждаем что надо залезть в заброшенный завод. А он просто огроменный - размером с небольшой горд населением 200тыс. Чел. Мы подъезжаем и я не вижу, но чувствую что охраны там тьма, и все за нами следят. Мы решили что надо замаскироваться под местных и купить одежду. А магазины были встроены прям в стены заброшенного завода. И всегда эти магазины всегда буквой П. Как небольшие переулки. Но они очень маленькие. Как будто для хоббитов. Я нахожу очень старый рокерский магазин. И смотрю цены - 240 руб. Думаю просто рай и одеваюсь как какой-то бандит(в жизни никогда не нашу такие стили, бандита или рокера) Я проснулся на этом моменте и снова уснул через пол часа(время кололо 7 утра), не могу точно сказать, но я предполагаю что это продолжение, во всяком случае так ощущалось когда проснулся второй раз

Дальше мне приснилось как я иду в баню с друзьями. Далее я снова захожу в баню(как будто уже другой день) а баня превращается в завод. Очень современный. Люди которые там - не люди. Их захватили роботы. Тело человека и оторванная голова, а на месте головы - голова робота. И все внутренности голове растекаются по телам. Вместо камер тоже головы роботов. И я бегу от туда, тихо, украдкой. После я направляюсь домой. Но идти надо обходным путем так как земля(планета) сильно разрушена. Огромнейшие обвалы. И я иду через кладбище. А там меня встречают трое убийц. Убийцы эти из фракции «хохочущий гроб». (Это из мультика где люди перенесли сознание в игру, но выйти Из игры можно только пойдя ее, никак иначе. И вот эти люди

специально убивали людей- а если в игре умер - умер и в жизни. В продолжении этого мультика создали новую игру где уже можно было выйти и умирая в игре в жизни останешься цел. Но конкретно эти ребята «хохочущий гроб» могли убивать в игре и ты умирал в жизни). Ну вот встречаю я этих троих их хохочущего гроба и думаю, все попал я. А во сне было такое ощущение что только они меня могут убить и никто больше. Я стою и думаю, не могу я умереть. Надо что-то делать, как так, именно они. Они начинают идти на меня и я просыпаюсь

Психолог, [11.05.2024 22:50]

Приветствую! Очень много нужно рассматривать в контексте, но вот по линии универсалий одежда - это символ персоны, маски, ролей, которые мы в жизни играем. А баня - это очищение, от всякой грязи, преображение. Тут же и возможность отдать управление женской части себя, символизируемой девушкой Довериться чувством души и чувствам вообще. Есть такое понятие глубинных чувств: любви и радости, здорового гнева. Но путь к ним преграждают ненависть, обида, боль жизни, которая часто возникала тогда, когда мы любили, и поэтому мы начали бояться, Так вот происходит, из-за боли замораживается сердце, а потом оно внезапно размораживается в виде хаоса и разрушения, и снова замораживается по порочному кругу. Причем размораживается часто именно тогда, когда мы начинаем что-то чувствовать. Одновременно и разрушение возникает. Вот, возможно, в этом сне идет движение, которое описывается в разных теориях и практиках психологических. От персоны по Юнгу, от клише/стереотипов по Перлзу, защитных механизмов внешних, ну, в общем, от внешних барьеров, как в «телеске», панциря мышечного, в общем, от всего этого. От поверхности процесс идет вглубь к сути к очищению, к душе, к тонким чувствам, которым можно доверить управление собой и соответственно возникает и разрушительная часть. Как пела группа «Крематорий» 90-х годов: «Дым на небе небе, дым на земле, вместо людей машины. Мертвые рыбы в засохшей реке, зловонный зной пустыни» Вот что-то подобное. Советую послушать. «Вместо людей машины - это и ты сам в таком состоянии, тем не менее ты не можешь умереть, твоя душа жива, именно поэтому ты проходишь сквозь кошмар, и все равно в тебе есть глубокая вера и знание что любовь существует.

Психолог, [11.05.2024 22:50]

Ну и дальше будешь идти. Они пошли на тебя, ты - на себя. Ты проснулся, но в какой-то момент ты сможешь вообще пройти сквозь это состояние ужаса, кошмара в полной мере. Ну, в принципе, может быть, и сейчас уже это происходит и произошло.

Иван Стоцкий, [11.05.2024 23:35]

Очень интересная интерпретация. Нет не слушал, ознакомлюсь спасибо

Иван Стоцкий, [12.05.2024 18:23]

Сон - 12.05.24

Случилась ядерная война, многие люди спаслись. Но прежней жизни нет, теперь почти все морожеры рейдеры и грабители. Однако есть люди которые за добро. Видимо я был один из них и выполнял контракт. В каком-то огромным здании почти разрушенном до основания(но с целой крышей) я искал мужчину, моя задача была его устранить. Я был одет что-то вроде гангстеров 80х. И я был со снайперской винтовкой. Этот мужчина был в стальных доспехах(фото прикреплю). Я гнался за ним несколько этажей. И уже на чердаке я подстрелил его между пластин брони, наверное в печень(я так подумал). Я

вышел на крышу так как он убежал и решил ждать когда он откинется. Но он вышел ко мне, сел рядом и мы начали обсуждать старые добрые времена. Он оказался моим старым хорошим другом. Но я понимал что я должен выполнить работу и отговорок быть не может. Он умер. Я снял шлем. Положил рядом его оружие и жетон. И проснулся

Психолог, [12.05.2024 19:31]

Иван, приветствую. Важный сон. Ядерная война – это ядерная энергия в тебе, очевидно. Сейчас я иду по универсалиям, а в контексте ты уже сам, да и по универсалиям сам. Просто вначале проще это делать через другого. Итак, ядерная война, внутренний конфликт, связанный с принятием в себе этой мощнейшей силы, которая могут быть времена связана с энергией хаоса, ненависти, обиды, разрушения. Поэтому так и боишься собственной жизненной силы. А вдруг прорвутся замороженные эмоции, деструкция как таковой. И этот мужчина, это же ты. Это ты сам, который в броне, который пытается пробить собственную броню, как каждый из нас к своему сердцу. А печень это гнев в китайской медицине, да и в телесно-ориентированном подходе и психосоматике. Твой гнев, который изначально здоровый, который, как и каждого из нас, из-за обид может превращаться в ненависть, в деструкцию, как самоцель. А вот ты взаимодействуешь с собой и пробиваешься сквозь защиты, и пытаешься поразить самого себя, который захвачен ненавистью, но в то же время тогда ты и захватываешься ненавистью, в этом и парадокс. И бегаешь по этажам своей психики. Рекомендация вернуться в сон - в самый его конец.

Иван Стоцкий, [12.05.2024 20:05]

Жестко конечно)

Сразу смеяться начал, у меня всегда защита смех.

Спасибо за рекомендацию. Чуть позже воссоздам атмосферу и погружусь

Иван Стоцкий, [12.05.2024 20:06]

Мне необходимо дать обратную связь после погружения ?

Иван Стоцкий, [12.05.2024 20:18]

Ааа я вспомнил. Я уже погрузился в сон, когда я писал его, чтоб вспомнить хорошо тот диалог. Посыл был в следующем: вспомни как было раньше, хорошо ведь было, когда все это было нам не нужно, а щас что ? Грыземся все из-за остатков «прежнего человеческого», из-за того на чем вообще щас не стоит зацикливаться, а что важно упускаем - дружбу, любовь, верность, преданность, искренность. И разговор был такой как будто мы до этого не могли честно друг с другом говорить из-за того что мы были против друг друга, но на смертном одре можно со старым(ставшим врагом в свете обстоятельств - по сути ставший противоборствующей стороной, ломающий порядок вещей в мире)другом говорить искреннее. Я согласился тогда с его словами, ещё буду во сне, молча кивнув. И после он попросил меня оставить его. Тогда я уже сделал погребальные символические действия и молча ушел. Однако умер он или нет я не знаю, во мне этого уже не было.

Иван Стоцкий, [12.05.2024 20:20]

Знаете, может я надумываю, но очень интересно складывается. Этот образ у меня возник из игры и выразился во сне. Данный персонаж составлял фракцию которая наводила порядок в постапокалиптическом мире. И суть в том что такой броней обладали единицы

и нужна была невероятная подготовка. А для функционирования этого экзоскелета нужен был ядерный блок, иначе говоря ядерная энергия. Интересно складывается, если это так

Иван Стоцкий, [16.05.2024 19:20]

Добрый вечер. Извините, что пропал. Кажется я понял о каких качелях вы говорили)

Состояние конечно тяжкое, но очень забавно это отслеживать. Когда это отрефлексировал стало проще

Сон 14.05.24

Насмотрелся роликов в ютубе про крокодил или героин и мне приснилось, что я решил сделать коктейль из крокодила, героина и метадона. Все отговаривал, но я говорил что так можно сломать систему и выйти за рамки сознания. Укололся и умер моментально. Странный очень сон, проснулся, голова кружилась и тошнота была.

15.05.24

Сна не помню, проснулся убитым в 16:40

Сил вообще нет, еле встал

16.05.24- сон

Я был на какой-то вилле. Светофильтр сна был желтый. Я учил играть на гитаре какую-то девушку(причем в жизни я не играю). Это все, сны очень отрывистые стали. Хотя я не могу сказать что я стал спать меньше. Но по качеству сон изменился. Я перестал высыпаться. Раньше я мог в экстренной ситуации выспаться за 3-4ч и быть в адеквате. Щас еле встаю после 10ч сна

Иван Стоцкий, [16.05.2024 19:22]

Я столкнулся с очень сильным сопротивление. В процессе же сна не возникало неприятных ощущений. Скорее наоборот, наполнение энергий. Никаких тревог не было.

Иван Стоцкий, [16.05.2024 19:23]

Я предполагаю что это страх погружения в себя ?

Иван Стоцкий, [16.05.2024 19:25]

Вот та грань, сознательного и бессознательного о которой вы говорили

Психолог, [16.05.2024 20:01]

Иван, приветствую. Первый сон, ну что, первый сон, там, конечно, и деструкция просыпается, но в этой же деструкции, с которой ты встречаешься, ты выживаешь. То есть учишься, ну, на новом витке спирали явно проходить сквозь деструкцию, сквозь горловину.

Психолог, [16.05.2024 20:02]

Во втором сне появляется желтый цвет цвет желтый практически всегда цвет надежды перемены, изменения учащихся. Соответственно, девушка - твоя душа, чувство сопричастности другому, и здесь же - музыкальная тема, то есть ноты, игра, учеба....

Психолог, [16.05.2024 20:02]

Ну и то, что спал мало, а теперь вот по десяти не можешь выспаться, так организм, вот когда ты прекращаешь вот такую бешеную гонку, то организм начинает хвататься за возможность спать. И все, погружаешься в сон глубокий. То есть это такой отходняк от перенапряжения, перевозбуждения, процессы возбуждения сменяются процессом торможения...

Психолог, [16.05.2024 20:03]

Как раз процессы возбуждения чрезмерные, это и процессы супергиперзащиты, в том числе от самого себя, от глубинных процессов. И поскольку ты человек, который самодостаточен в существенной степени, тебе трудно со стороны воспринимать информацию и тем более отпускать возже. Отсюда и сопротивление процессу. Это действительно очень всё непросто. Выстраивать баланс, если говорить простым языком, возбуждение/торможения. Ну а за этим очень глубокие процессы живые.

Психолог, [16.05.2024 20:04]

Увидел последние крайние строчки, да, именно есть та самая грань, есть тот самый страх.

Психолог, [16.05.2024 20:14]

Что интересно, это реально так. Я щас пытаюсь выработать у себя очень жесткую дисциплину. Я понял что пока я не возьмусь очень серьезно за учебу/работу я не добьюсь чего хочу - интересной работы. Всю жизнь я вывозил за счет задатков или способностей каких-то. Щас осознал что этого мало. И вот начал эти через не могу

Психолог, [16.05.2024 20:15]

Именно.

Иван Стоцкий, [16.05.2024 20:16]

Ага понял. Да, щас пытаюсь в интроспекцию. И учусь играть на гитаре □□

Иван Стоцкий [16.05.2024 20:16]

Интересно, я даже не думал что так это работает…

Гиперкомпенсация какая-то

Иван Стоцкий, [16.05.2024 20:18]

Ну вообще прекрасно. Значит на правильном пути. Хотел чтоб штормило - получил ахаха, «бойся своих желаний» как говорится)

Психолог, [16.05.2024 20:28]

Но это как раз то, что и называется в умных книгах и учебниках правильных, естественной саморегулирующейся функции психики. Я лично верю - данной нам Творцом. Тем не менее, вот так это и работает. А если об этом помнить, по крайней мере для меня, становится существенно легче проходить сквозь циклы смерти и рождения, дезинтеграция и интеграция.

Иван Стоцкий, [16.05.2024 20:34]

Искренне верю, что это так. Психика стремится к стабильности. Да, действительно становится легче. Так понимаешь хотя бы примерно, куда движешься

Иван Стоцкий, [17.05.2024 21:12]

Добрый вечер!

Сон 17.05.24

Я был в состоянии между отчаянием и бешенством из-за того что не могу жить один(Я щас живу с родителями в связи с переездом в питер и родители на неделю уехали и моя производительность и эффективность увеличились на 200% относительно нормы - когда они дома). Я встречаюсь с Валей и предлагаю жить вместе. Во мне не понятно почему я предложил, проснувшись я уже додумывать начал. В общем мы съезжаемся и начинаются конфликты, по тиму: Мы ничего не можем делать вместе и постоянно бездельничаем. Весь сон в полутьме, мрачных тонах, как-будто все действия происходили ночью. В итоге во сне я прихожу к тому что я не могу ни с кем жить и надо от всех дистанцироваться иначе конец моей карьере, мечте и смыслу жизни(Сверхчелове)

Иван Стоцкий, [17.05.2024 21:12]

Ощущение после сна было очень противное, тянущее, давящее

Психолог, [17.05.2024 23:20]

Иван, приветствую. Тут прямо явный такой сон в отделении от родителей и его усиление, в этом случае увеличение, повышение способности к быть, действовать. но одновременно и страхи перед этим, сложностях сопротивления и той, и другой мести.

Иван Стоцкий [17.05.2024 23:29]

Дааа, стремлюсь к этому. И да, страшновато конечно)

Иван Стоцкий [17.05.2024 23:29]

Хотя и сомнений нет что справлюсь. Интересно от чего страх

Иван Стоцкий [17.05.2024 23:29]

Вроде же все очевидно и просто

Психолог, [18.05.2024 9:45]

Так, вчерашний сон, это же еще в том плане, что во сне фигуры в какой-то степени, в полной мере, это мы сами, это взаимодействие между твоим женским и мужским началом внутренним. И ты способен к этому, и в то же время к этому соединению. В то же время этот процесс только происходит. И это нормальный вообще процесс становления собой, когда кажется, что это очень трудно выдержать. Даже, например, понимание, что все в тебе. Хотя в то же время мы и есть другой. Каждый из нас, я из другой, ты из другой. И вот соединение и того, и другого выдержать трудно. действительно нужно в какой-то момент заглянуть внутрь себя, дать себе такую возможность отделиться от родителей. Это нормальное совершенно явление. И делиться от матери, отца. И все это происходит в тебе, внутри и вовне. А страх от энергии, это нормально, это хорошо, за этим есть жизнь, значит. В этом есть жизнь.

Иван Стоцкий, [18.05.2024 16:25]

Понял ☐

Иван Стоцкий, [18.05.2024 16:27]

18.05.24.

Сна почти не помню. Проснулся от звонка и надо было скинуть отчет

Пытался вспомнить, точно помню что был с Варварой на охоте. Учил ее из лука стрелять и следы искать. Дальше было ещё что-то, но уже не вспомнить

Иван Стоцкий, [18.05.2024 16:27]

Может к вечеру смогу дополнить…

Психолог, [18.05.2024 16:43]

Приветствую, Иван. Это опять-таки взаимодействие с внутренней женщиной и внешней одновременно. Лук – это стремление к цели на одном из измерений. В одном из измерений, когда пускаешь стрелу, это направляешься к цели. То есть ты учишь себя самого и включая свою женскую часть, стремиться к цели, в том числе соединения мужского и женского. Также в афридизме стрельба из лука – это сексуальное взаимодействие, которое в свою очередь может обозначать соединение противоположностей мужское и женское. И движение к некой цели внутренней,

Иван Стоцкий, [18.05.2024 18:56]

Понял, буду стремится дальше ☐

Иван Стоцкий, [21.05.2024 12:18]

Добрый день!

Творится что-то очень странное, уже 3 дня мне снится по десятку снов, но когда я просыпаюсь я не могу вспомнить ни один. Точнее даже не так, я пока встаю с кровати или ищу телефон я их забываю напрочь. Но я точно помню что сегодня, например, мне приснилось штук 8 снов. Они все связанны между собой и продолжают другу друга. Я часто просыпаюсь и засыпаю. Сегодняшние сны были связанны с какой-то бухгалтерией.

Иван Стоцкий, [21.05.2024 12:19]

Должен отметит что такого ещё никогда в моей жизни не было чтоб я не мог вспомнить сны. Либо я просыпался прям с полной пустотой, как-будто не снилось ничего либо я отчетливо помнил сон

Психолог, [21.05.2024 12:23]

Иван, приветствую. Ну так это интересно, это новое нечто. Какой-то идет подсчет в тебе, обработка огромного количества информации, огромное количество информации в тебе подсчитывается, как в огромнейшем вселенском компьютере. Короче, внутренняя бухгалтерия, инвентаризация, подсчет, пересчет. И это настолько интенсивно, что сознание пока не успевает. Ну, значит, идет реальная какая-то серьезнейшая работа и, соответственно, так или иначе трансформация, в том числе и в плане нейронных сведений, что логично.

Иван Стоцкий, [21.05.2024 12:25]

Понял. Не подумал об этом)

Просто это расстраивает. Для меня сны были как другая реальность, любые снившиеся сны приносили какое-то удовольствие. Это для меня было как книгу почитать. И как-будто теперь читать или фильмы смотреть не могу

Психолог, [21.05.2024 12:26]

Пауза. Отдел закрыт на пересчет)))) □

Иван Стоцкий, [22.05.2024 12:37]

Вспомнил сон каких-то из дней

Предыстория:

Мне нужно было написать тренинг и сдать его на проверку перед проведением.

Сроки были очень сжатые.

Он был написан, но не идеальный, во всяком случае я сам не был им доволен. Начальница одобрила, но меня прям терзало что я сделал так как мне не нравится.

Сон:

Мы с ней сидим, и она меня люто отчитывает, буквально везде говорит сиди переписывай, всюду надо вносит изменения. Я сижу и думаю, ну и дичь я натворил.

Я предполагаю что подсознание в виде начальницы - моего внутреннего контроллера дало мне понять о внутреннем диссонансе

Психолог, [22.05.2024 12:42]

Да, так и есть. Это как раз то, что в психоанализе называется суперэго. То есть внедренные нам запреты, взгляд на себя такой критический. Мы это часто вспоминаем на экзаменах. Когда сдаем экзамены, то боимся что нас родители любить не будут. Начальница - родительская фигура. Ослабляется уверенность в своем существовании, сопричастность, то есть прорывается энергия хаоса, разрушения, именно ненависти, в общем, влечения к смерти, направленного вовнутрь или вовне, как ненависть. И она, как раз это обличение, используется в суперэко как самонаказание. Мол, вот ничтожность самого себя, разрушение соответственно. Это и есть образы начальниц, начальников и прочих родительских фигур в таком негативном плане. непослушание и одновременно способность действовать, быть, чувствовать спонтанно, не по плану или план выстраивать какой-нибудь такой. И вот здесь внедренные установки запреты связываются с этой хаотической энергией, самонаказанием, самопринижением.

Иван Стоцкий, [22.05.2024 12:50]

Понял □

Иван Стоцкий, [24.05.2024 6:46]

Доброе утро. Встал из принципа чтоб сны запомнить.

Сны 24.05.24

Сон1:

Я устроил тусовку в квартире, нас было 4 и после ещё 2 к нам присоединились. Было что-то вроде оргии, но за всеми был закреплен определенный партнер, просто почему-то никто не стеснялся в общей комнате...

Все были жутко пьяны, затем я в ванну пошел полежать и всех спровадил.

Спустя некоторое время мне звонит отец и говорит, «арендодатель квартиры звонил, говорит относительно срочно, дуй домой».

Тем временем я находился в каком-то доме на колесах и думал блин как не вовремя я же хотел в горы сгонять отдохнуть.

В ходе выяснения я узнал что ребята которые тусили у меня дома(4 человека, 2 девочки и 2 мальчика) нашли ядерный реактор в заброшенном городе под под Питером. Город этот находился между огромнейшей рекой(что-то типа реки жизни и называлась как то странно толи анима то ли как-то очень похоже на А, про нее все слышали но добирались туда единицы, что-то вроде живой легенды) и туннелями метро. Вот отец меня и спрашивает, мол как они вообще туда залезли, как нашли. Я ему отвечаю вроде так: «Пап, да ты чего, пхаха, ты разве не знал про это место ???? Давай ты приедешь и я покажу тебе карту диггерскую, там же нереально разветвленные подземные хода, их там тысячи тысяч, у меня есть карта». Он не доволен был и спросил как именно они туда попали именно с Черной речки. Я ему отвечаю, но очевидно же что туда попасть проще простого так как начальные уровни проходят рядом с тоннелями в метро(интересный факт, не знаю важен ли он, но очень часто инсайты открываются у меня именно в метро). Вот через туннели метро они и спустились глубже, отвечаю ему.

Далее мы с Васей сидим и что-то смеемся и бурно обсуждаем, мне звонит мать и начинает что-то говорить вроде: «что их туда понесло, они вообще головой думали, ты чтоб туда ни ногой и вообще как они посмели туда лезть это же заброшенный город!!!! Это же правительственное место, оно под запретом. Я начинаю жестко с ней ругаться, что мол вообще почему тебя это волнует и если уж так посмотреть то место то это общественное и знаков что туда лезть нельзя нигде нет. Я начинаю как всегда гнуть свою линию что я из принципа дойду до Корней. Дальше начинается политический срач и я кладу трубку. Ну и мы с Васей спокойно продолжаем наш диалог о чем-то веселом.

Примечание: важно отметить что для меня вообще лазанье по пещерам и заброшенным местам(но только нормальным, типа бункеров итп, а не просто дом разваленный) является очень увлекательным делом. Адреналин и ощущение таинственно смешиваются с ощущение первооткрывателя и это настолько влечет. Наверное даже загадка влечет в первую очередь. И во время сна, я когда описывал отцу по телефону все эти ходы, я как буто там был сам в этих хода, для меня это так очевидно было. Я прям визуализировал реку(текучая и вязкая как магма и светится 1 в 1 но синяя), город легко представлял как будто был там, но во сне не уточняется. И меня прям влекло туда, ходить бродить по этим туннелям. Это было что-то вроде «жить»

Сон2

Я точно сказать не могу, но сон каким-то образом перемежался с первым, я предполагаю что в перерывы между звонком папы и звонком мамы во время разговора с Васей. А может и нет, но дело в том что события тоже два. Это был жутчайший сон, запомни я эти звуки очень на долго.

Я спец агент. На какой-то базе. Я в в амуниции и при вооружение. Боеприпасы почти закончились. Но боеприпасы сначала шоковые. Броню противника не пробить, сначала надо током выстрелить после контрольный в голову как сниму защиту. В общем в первой миссии типичное кино(там без шоковых). Перестрелки взрывы гидроциклы. Точнее описать сложно. Объектов тьма. Но вот типичный «крепкий орешек» или любой другой боевик. Вторая часть после звонка папы(предположительно и связываю я это тем что дело деликатней обстояло во втором сне, уже разговор о политике, городе и реке а не тусовки и наказании за нее). Я был на военной морской базе(почему-то все с водой связанно) и у меня остался буквально один противники, но самый бронированный. Весь в черном, в маске. Я стреляю именно между пластин брони.

Иван Стоцкий, [24.05.2024 6:46]

Его бьет током, а я не уязвим к нему. Я подбегаю и думаю, а что вообще делать то с ним. Его начинает отпускать и я снова бью его током. Так раз 5. После я начинаю снимать с него броню и понимаю что а все, патронов то не больше. И я понимаю, надо шею сворачивать. И там это было так естественно. Я настолько отчетливо помню эти ощущения, теплой головы в руках. Я просто беру лодошками и проворачиваю сначала ломая шею, а затем докрутил на 360, чтоб наверняка. Но этом было легко настолько же насколько пластилин разделить на две части. И люди в целом такие были легкий, прям неестественно.

Я как проснулся, легкая тошнота и ощущение мерзости. Я надолго запомню звук от хруста позвонков…

Сны в целом были настолько реальными что я как-будто вернулся в тело, а не сон видел

Психолог, [24.05.2024 7:14]

Доброе утро. Первый сон действительно такой архетипический, мощный. Я думаю, он тебе на всю жизнь запомнится. Такая мощь. Юнг много писал о квартерности. Четыре, два и два, две девочки, два мальчика. Это мужское и женское внутри. Четыре функции, которые могут быть описаны через логику, эмоции, духовное, образное, материальное, соединяемое в квартерности, то есть полная целостность, обращающая к корням, к реке жизни. Соединяются, вот опять же, мужское и женское функции между собой, соединяются сознанием, в том числе, через такую символику сексуальную. Река жизни, глубинная, корни пугающие, даже заброшенные. Отец как символ родного отца, божественного начала в смысле такого Бога-Отца. Мощный сон, символизирующий всю целостность твою и движение к интеграции. Внутренние тоннели. Ходы. Энергия жизни. Ядерная. Которая в тебе, та самая. Которая может созидать, когда служит соединению, интеграции, балансу.

Психолог, [24.05.2024 7:16]

Второй сон, если принять, что всё во сне, это в каком-то смысле и в полной мере мы сами, это сон опять-таки про снятие брони с себя. Конечно, как говорят, срывает голову, это и опасно, что сорвет голову у тебя после всех погружений в собственную ядерную энергию, в глубины себя. Ради глубиннейшей энергии жизни ты снимаешь себя броню, разрешаешь себе отпустить голову, рациональность. В то же время нечто такое идет, что прямо тошнит от этого, тошнит, когда ты себя сдерживаешь на уровне шеи, на уровне солнечного сплетения Это мощная энергия, связанная со стыдом и виной. В общем, куда же ты едешь, крыша моя, в какие реки, в какие моря. Вот от этого и такие ощущения. Интеграция через полосу хаоса и безбашенности.

Иван Стоцкий, [24.05.2024 7:44]

Порой кажется что крыша едет □

Иван Стоцкий, [24.05.2024 7:45]

Но это так, шутки

Иван Стоцкий, [24.05.2024 7:45]

В целом, все понял. Спасибо. Стало понятней

Иван Стоцкий, [27.05.2024 14:39]

Сон 27.05.24

Я помню мало что, но помню что-то я рассказывал про экзамены своей школьной подруге. Я с ней не общаюсь уже миллион лет. Когда-то была школьная любовь, но ничего не вышло, потому что я плохо поступил. Вот я ей рассказывал планы как я буду сессию закрывать.

Второй сон - я прыгал на батутах и учил разные акробатические элементы. И защиты на батуте не было. Можно было улететь с него. Он был большой достаточно. Как только я начал уходить с площадки нацепили защиту. Я думал супер, очень вовремя я только тренировку закончил. А потом думал, а зачем она вообще, с него улететь нереально и удариться тоже трудно

Иван Стоцкий, [27.05.2024 14:40]

Интересно что площадка находилась в моем родном городе прям под окнами дома, квартиры

Психолог, [27.05.2024 14:52]

Иван, но первый сон, видимо, психика прорабатывает, чувство вины, и это экзамен. То есть экзамен – это же тема из детства, когда мы держали ответ перед родителями, ну, самыми важными людьми. Будут нас любить, не будут, и вообще как оценят. Ну, и, конечно, базовое доверие – это одно, но потом наша оценка себя во многом все равно. Наше право на существование зависело от реакции родителей. И мы всегда сдавали экзамены. Вот тогда, ну и вот сейчас, видно, ты сдаешь внутренний экзамен перед самим собой, И пришла та тема с чувством вины, раз она пришла, значит, ты уже это прорабатываешь. Вот выходит боль. Но это и есть экзамен.

Иван Стоцкий, [27.05.2024 14:53]

Да тут в точку. Я же ещё и завалил в прошлом году)

Психолог, [27.05.2024 14:53]

Ну а как раз вторую прочитал часть этой темы. Ну вот, крыша может слететь от всех этих тем, погружений в себя. Это неплохо, это круто, но нужна защита, потому что капитально, когда поднимаются такие темы, как жизнь и смерть, чувство вины, может и улететь крыша. Слететь, куда-то там полететь. Вот поэтому и второй сон, и это все имеет прямое отношение к твоему внутреннему я, твоей квартире, твоему дому. Глубоко ты зашел в работе с собой, и в то же время удерживаешься на тормозах.

Иван Стоцкий, [27.05.2024 14:54]

Понял ☐

Иван Стоцкий, [27.05.2024 14:54]

На самом деле я чувствую изменения

Иван Стоцкий, [27.05.2024 14:54]

Я стал очень спокойней

Иван Стоцкий, [27.05.2024 14:55]

В целом я этого хотел

Иван Стоцкий, [29.05.2024 14:42]

Добрый день

Сон 28.05.24

Приснился кошмар впервые в жизни. Который именно вызвал ощущение страха

Первая часть сна была в каком-то очень старом двух этажном доме. И я был в зале прятался под тумбочкой и за мной охотился человоко-подобный Боров с огромным ржавым тесаком. Ощущение было чтоб я умру и оно была настолько реальное что когда я проснулся это ощущение сохранялось минут 20

Вторая часть сна была уже в моей квартире в мое комнате. Оно ощущалось как сонный паралич хотя я точно уверен что я либо спал либо дремал. Размеры и точность была 1:1 что я даже не понял когда пришел в себя что это был сон. В общем, я лежал лицом к стене но головой немного набок так что видел комнату и медленно открылась дверь из комнаты и как будто кто-то вот вот зайдёт в комнату что-то типо призрака но физического воплощения и вот он уже стоит и дышит прям на входе, но так темно что я не вижу ничего. Но был в комнате ночник который освещал хорошо(синий и создает эффект космоса). Но он не смотря на мощность дальше комнаты не светит хотя должен. И я прихожу в себя и ощущения что за мной следят

Психолог, [29.05.2024 14:44]

Иван, приветствую! Сразу, еще не читая дальше, а посмотрев про кошмар, хочу тебя поздравить. Почему? Страх – это энергия, которую мы не знаем, как использовать. Которая хаотическая, которая в нас. Значит, если у тебя пошел страх, значит, ты приблизился к чему-то сердцевинному, к чему-то ранее закупоренному в себе, что сейчас выражается в форме страха, а высшее, ну не высшее, а наибольшее проявление страха – это ужас, максимальное сжатие. Когда мы исчезаем, в то же время остаемся. Это - точки бифуркации, точки перехода цикле смерти/рождения, и вот ты соприкоснулся с чем-то по-настоящему живым, с чем-то по-настоящему живым из ранее блокированного

Психолог, [29.05.2024 14:45]

Первая часть сна, опять же, это ты, этажи твоей психики, сознание бессознательное, ощущение смерти, перехода. Опять-таки, становление происходит твое. И вот ржавый ворон с тесаком, это что-то может быть еще связанное, но здесь ты смотри сам, по универсальной символике в измерении психоанализа тайных желаний, это когда ребенок, мальчик пытается стать отцом и в то же время ревнует отца к матери и хочет

стать отцом, и в то же время это смерть его прежнего и страх об «ответке», и отсюда ужас кастрации, когда половой орган отрежут тесаком, иногда ржавым. Придет теневая сторона отца и кастрирует. И это сама кастрация, этот страх кастрации, это и сама кастрация, самонаказание за вольные мысли, желания смелые. Повторюсь, самому быть отцом, мужчиной, который сам принимает решения и умирает прежнее, и умирает прежний образ земного отца, как всемогущего, так что ты сам становишься отцо. Тогда все это и в проекции обращения к Богу как к живому источнику любви, а не как к образу запрета, наказания, поощрения. Вот, вероятно, все это в тебе проходит в разных мерностях, в разных уровнях сейчас.

Иван Стоцкий, [29.05.2024 14:46]

Сон 29.05.24

Очень плохо помню, но примерно так:

Опять я в каком-то очень безлюдном месте, что-то между пустыней и очень старой деревней. Я с друзьями начинаю исследовать старую лабораторию переходящую в бункер/ катакомбы. Мы ищем всякие тетради и другие артефакты (ищем именно из-за любопытства и исследовательского интереса)

И я говорю, ребята там токсично и радиация, одеваем противогазы и у нас буквально 30 минут чтоб пройти участок этот. Мы надеваем амуницию и пробираемся через заваленную лестницу вниз в огромнейший длиннейший коридор с сотней дверей. И просто исследуем каждую. Так и не дошли до конца. Но мы искали спуск прям в недра. В конце как будто должно было быть открытие которое бы перевернуло жизнь человечества

Психолог, [29.05.2024 14:47]

И, соответственно, вот ты возвращаешь к себе в комнату, к себе. Сонный паралич, он, кстати, сейчас идет у многих. Это когда ты, напоминаю, максимально близок к части себя, блокированный, и максимально ее же сдерживаешь, и себя же. Отсюда и сонный паралич, ну, в физиологическом уровне это выброс гормона, который блокирует лунатические проявления. А так это вот, когда ты прямо на грани, и вот я даже не могу сказать, что это. Какая-то часть тебя и теневая, и живая, душевная, что-то ведущее за пределы привычного, что-то космическое, галактическое, вселенское в тебе, обращающее к самости, к сути. И если сохранять внутреннее чувство сопричастности Творцу, как ты его не понимай с позиции сознания, себе самому, душе, то ты пройдешь, уже проходишь сквозь ужас и обретешь, и уже обретаешь силу. Ту самую силу, о которой ты говорил.

Психолог, [29.05.2024 14:48]

Ну и суть, опять-таки, ты находишь лестницу соединения с глубинными недрами самого себя. Это и есть переворачивание собственной жизни, поскольку это и есть в каком-то смысле человечество. Это и есть древние артефакты из твоего собственного детства. И я думаю, что это артефакты, архетипические сути жизни, опять-таки человечества, которые ты принимаешь через себя, потому что самостью ты сопричастен всему человечеству и Творцу. И я думаю, что мерности соединяются в этом сне, когда ты обретаешь силу заглянуть в высоты бесконечные, в бездну, и сохраняешь себя. И все это вот так выражается в символах запредельных, тонких, духовных и в нейронных связях одновременно.

Психолог, [29.05.2024 14:49]

И вот эта радиация, это и есть та самая энергия хаотическая, которая пугает. Та самая зона ужаса, сквозь которую ты проходишь, хотя и уже прошел. Хотя и уже прошел. Вот такова реальность живая, внутренняя. Причем, как говорил товарищ Юнг, соответствующие архитектонике психики, строгим закономерностям и в то же время бесконечно творческое.

Иван Стоцкий[29.05.2024 14:49]

Ахах спасибо))

Но ощущения мне понравились

Иван Стоцкий [29.05.2024 14:50]

Понял □

Я думаю похоже, просто надо покопаться чтоб точно понять

Психолог, [29.05.2024 14:51]

Ну так, конечно, потому что ты сейчас учишься принимать, проходить, переживать то, от чего... Ну, это не повод для гордыни, но повод для осмысления. Многие-многие бегут, кто-то сходит от этого с ума, кто-то переносит во внешний мир, начинает видеть опасных демонов, которые гоняются за человеком, паранойя возникает. Кто-то бежит в бездумные переживания, я имею в виду, что такие хаотические, именно как бегство, а не как проживание жизни, переживание полноценное. Кто-то еще что-то делает в рамках дезадаптивной защиты. И сейчас это... Причем ты это все сам делаешь. Кто бы ты ни был, включая меня, это посредники, которых ты призываешь, которых ты пропускаешь через себя к своей внутренней работе.

Иван Стоцкий [29.05.2024 14:51]

Насчет паралича это лишь предположение, я точно не могу сказать потому что я вообще не выкупил что происходит. Но по описанию подходило под паралич

Психолог, [29.05.2024 14:51]

Ну так это и есть. Как ты это ощущаешь, так оно и есть. По сути это дело.

Психолог, [29.05.2024 14:52]

Кстати, советую тему пустыни, безлюдного пространства и паралича, ну, как рекомендация. Сам посчитаешь, это нужно сделать или нет, это зависит от твоей системы координат, но вот рекомендую пообсуждать тему паралича с Василием.

Иван Стоцкий, [29.05.2024 15:00]

Нормально ли что хочу чтоб сонные параличи были ещё ?

Я раньше спортом занимался экстремальным и те ощущения даже близко не стоят с параличом. Тут как будто выкрутили на 200% и мне понравилось. И что значит вообще стремление к этому ?

Я чувствую что живу когда есть адреналин. А щас почти нет его

Психолог, [29.05.2024 16:46]

Я думаю, привлекает то, что позволяет проходить сквозь горловину. В этом плане - вполне нормально.

Иван Стоцкий, [30.05.2024 18:36]

Добрый вечер

30.05.24

Сегодня тоже был кошмар. Но я не запомнил его. Но ощущения были такие же как и последние дня два

Психолог, [30.05.2024 21:18]

Продолжаешь проходить сквозь хаос.

Иван Стоцкий, [30.05.2024 21:43]

Понял □

Иван Стоцкий, [31.05.2024 13:13]

Доброе утро

Заметил только что интересный момент. Мне стало намного легче вспоминать сны. Я отключаю мозг, расслабляюсь и они вспоминаются. Иногда могу через полудрем их вспомнить.

Пока смутно вспоминается но вот сегодняшний сон -31.05.24

Был в квартире в многоэтажке, этажей 15-20 и моя(во сне не понятно было чья она я ещё удивлялся что я там делаю) квартира была на самом последнем этаже. У квартиры был прикол, вот прям ровно где должна была Быть середина стены оттуда начинался стеклянный купол. В общем, брат уходит из квартиры и я понимаю что надо запирать все замки. Это потому что по слухам на этажах происходит что-то необъяснимое, люди пропадают, какие-то сущности неведомые. Но описать точно никто не может. Так как из видевших в живых никого не осталось. По этой причине я начинаю гулять по крышам. А на соседнем здании крыша обычная - плоская, рубироидная. Там люди устроили себе зону отдыха. Ночь, пивко, музыка и сидят отдыхаю. Я прохожу мимо, и там дверь которую все упорно игнорировали. Дальше за дверью этой столярная мастерская и элементы управления светом всего района. Но комната эта заброшена и все в пыли и паутине. Ну со временем я разобрался как пройти через нее, как пользоваться некоторыми элементами и прочее. Конец первого сна

Сон 2

Мы учились в какой-то нереально пристежной школе. Башня школы была как башня Москва сити. А двор был как вся территория Герцена. В общем мы с парнями стоим и что-то обсуждаем, Я , Миша и ещё один наш общий друг - одногруппник. Мы решили что надо куда-то пойти погулять и поесть. После чего мы почему-то охотимся за какой-то девочкой китайской внешности при этом сохраняя изначальную цель - погулять, поесть. В общем мы видим ее у какого-то китайского ресторана и залетаем туда. Саня с Мишаней садятся за столики и покупают лапшу и тофу. А я ухожу к кассам искать девочку это. Когда я возвращаюсь к пацанам я вижу как они целуются(дальше цитата и не

нормативная лексика). «Пацаны вы что творите то(и очень сильное недоумение и шок). «Вы же такой Пиз**ц натворили, как это вообще возможно, вы че совсем ебну**сь». Я выхожу из ресторана покурить и понимаю что я уже не смогу общаться с этими людьми

Психолог, [31.05.2024 13:15]

Приветствую. Как раз я сейчас занимаюсь, я прочитал первый абзац сообщения этой темы, состояние зари между сном и явью. Явью и сном промежуточное состояние, оно особое. Как раз в этот момент погружение, трансформации являются особенно эффективными. Заря.

Психолог, [31.05.2024 13:17]

Я думаю, первый сон тебе прекрасно понятен самому. Многоэтажка — это вся многомерность, разнообразие твоего мира и вообще заброшенная тайная комната в пыли и паутине. То, что ты внутри себя ранее игнорировал. Неведомые части тебя опасны где-то, и в то же время очень важные и интересные. Отсюда и вот эти состояния кошмаров. Неведомое, страшное, игнорируемое внутри тебя. Что-то нужно принять, через что-то пройти. И это прямо как американские горки. И это все реально. Как ты сам ощущаешь, чувствуешь, видишь и знаешь.

Иван Стоцкий, [31.05.2024 13:17]

Угу понял. Я научился это состояние вызывать

Иван Стоцкий, [31.05.2024 13:19]

Да, примерно схожим образом мыслил

Иван Стоцкий, [31.05.2024 13:19]

Не так точно конечно □

Психолог, [31.05.2024 13:19]

Ну тут, понимаешь, очень сложный момент, Иван. Дело в том, что мы же сквозь это проходим. Но вот, как сказал бы дедушка Фрейд, ты в этом столкнулся с так называемой "бисексуальной" частью себя. Это не значит, что такого прода побуждения надо реализовывать в жизни. Вот такая тема. Я думаю когда я говорю, тебя, может быть, передергивает, но тем не менее, вот это можно пройти и проработать, исходя из базовых ценностей. Сон тебе сейчас это дает. Одновременно это и какая-то может быть иные части тайны, - глубинные, связанные с более тонким пониманием женщин, например женской части себя. В общем, ты прорабатываешь сейчас теневую часть себя, приобретая дополнительно мужественность, способность общаться с женщинами, с женщиной, которую ты любишь, с внутренней образом женщины. Я думаю, как-то так.

Иван Стоцкий, [31.05.2024 13:20]

Да приятного мало…

Иван Стоцкий[31.05.2024 13:21]

Понял)

Иван Стоцкий, [01.06.2024 20:33]

Добрый вечер. Начну со сна пока смог вспомнить

Сон 31.06.24

Я был в каком-то старом заброшенном университете/исследовательской лаборатории. СССР стиля или около того. И гулял по этажам, я что-то искал. Я поднялся на самый высокий этаж и вид был шикарный. Здание выглядело фундаментально и невероятно громадным. Все из серого камня в воздухе пыль и дымка. Светофильтр сна был серый(не прям черно-белый, но цвета были оттенков серого). Я поднялся на этаж и шел в сторону кабинета с надписью «библиотека». Не успел я и 10 метров пройти как за мной что-то двигаться началось. Я за нырнул за открытую дверь и стою смотрю что это. Это бабка зашла, с конфетами. Она шла детей кормить. Почему там вообще хз, Как я понял она просто решили пойти насквозь через заброшенный универ. Кстати предыдущие этажи были как лестница Пенроуза. В общем, прошла она и я думал слава богу не они(монстры какие-то который уничтожили мир и человечество на грани исчезновения). Ну и я спокойно иду себе в библиотеку. Там я ищу книги какие-то, там прям настолько крутые знания лежал, чуть ли ни как магию творить. И я прохожу мимо полок и нахожу рассказики на Английском, но они были как брошюрки. А сверху нахожу древние фолианты. И думаю, вот оно. Я его нашел. И меня прям разрывало от чувства вдохновения и ощущения силы. Кладу книгу в вещьмешок и валю оттуда по добру по здорову.

Иван Стоцкий, [01.06.2024 20:34]

Второй сон плохо помню, помню что короткий диалоговый и скучный

Иван Стоцкий[01.06.2024 20:34]

Что-то вроде политоты или спора. Было ощущение как от скучной лекции

Иван Стоцкий, [01.06.2024 20:35]

Я ему все передал, спасибо □

Иван Стоцкий [01.06.2024 20:35]

Более менее. Параличей больше не было. Настроение отличное. Сессия немного душит

Иван Стоцкий, [01.06.2024 20:39]

Лестница Пенроуза. Во сне было прям так почти. Только шире и более пусто. Лестницы были без перил и любых декор элементов в целом

Психолог, [02.06.2024 5:10]

Иван, приветствую. Ну, в общем-то, я думаю, ты и сам все это понимаешь. Огромное здание твоего «Я», лестница соединения миров.

Психолог, [02.06.2024 5:11]

Следование глубине себя. Нечто очень глубокое, важное, помимо понятного и даже скучного, глубокое внутреннее знание.

Иван Стоцкий[02.06.2024 5:32]

Да, так и предполагал. Главное что я нашел его!))

Иван Стоцкий, [02.06.2024 5:32]

Осталось только изучить

Иван Стоцкий, [02.06.2024 9:37]

Доброе утро. Сегодня приснилось как сидели с девушкой за компьютером и он залагал как обычно, мониторы подвисли и выключились. Она сразу начала рыдать мол я тебе компьютер сломала и сидит плачет. Я под стол залез провода потыкал который за мониторы отвечают и он включился, пнул системный блок и он заработал. Я засмеялся и говорю ей, что этот комп без библии и пинка работать не будет(условно, пошути, что только на вере и держится его работа). Она не поверила и попыталась сексом загладить вину. Объяснить ей что комп реально сам тупит я так и не смог…конец

Психолог, [02.06.2024 12:26]

Иван, доброе утро. Думаю, это тебе виднее, а так со стороны по универсалиям. Несколько мерностей. Первая или наоборот последняя, это желание власти, контроля. С другой стороны, сломанный компьютер, это отсутствие контроля. И такая сексуальная необузданность. А с третьей стороны, соединение мужского и женского при выключении головы и проработку собственной твоей вины. А можно ли вообще следовать своим желаниям? И в то же время, чтобы видеть в человеке человека, и в то же время, чтобы секс был мощный, такой в потоке. Вот все, наверное, в этом во сне и проявлялось. Продолжение следует...

Иван Стоцкий, [02.06.2024 14:06]

Я думаю в точку. Контроль точно мне нужен. И с последним согласен, надо и человека видеть и что меня удовлетворяло

Иван Стоцкий, [04.06.2024 10:41]

Доброе утро.

Сон 04.06.24

Приснилось что я выучил сложнейший элемент на турнике и объяснял Васе, как его выучить через подводящие упражнения и с помощью специальных тренажеров

Второй сон:

Я сдавай экзамене по СПТ(социально психологий тренинг). И я забыл презентацию и текст и пытался объяснить преподу что все сделал просто забыл. Узнавал могу ли сдать в другой день. Очень переживал из-за этого

Психолог, [04.06.2024 10:46]

Иван, приветствую. Ну, сны, казалось бы, противоречивы, а на самом деле по универсалии они весьма позитивны. И в контексте тоже. Вот то, что выучил сложнейший элемент. Ну, это и желание твое, эго-желание, но это и внутренний процесс реальный, твоя способность сложнейшим образом И не просто управлять собой, а совершать сложнейшие алгоритмы действий. И обучать самого себя. Потому что это, вероятно, ты на Васю оказываешь сильное влияние. И в то же время Вася как часть тебя, это та часть тебя, которую ты обучаешь и показываешь, ты можешь. И вот вторая часть об этом же. Может быть, иногда стоит отбросить презентации, вот эти самые маски, роли, правила. И просто следовать спонтанно тому, что ты так можешь. Потому что препод – это типа твое сверх-я, родительские установки. Взгляд родителей скептический. Вот, мол, какой ты.

Чего это ты не действуешь по правилам установленным? Ай-яй-яй. А ты можешь быть спонтанным. И в этом и есть суть социально-психологического тренинга. Ну, то есть препод - тоже часть тебя, такое суперэго. Ворчливая.

Иван Стоцкий, [04.06.2024 10:50]

Понял □

Интерпретацию второго сна прям приятно слушать было)

Правила я реально не люблю

Иван Стоцкий, [04.06.2024 20:08]

У меня очень странно работает система снов. Я днем вижу такие сны прикольные. Раньше я вообще любил днем спать. Просто во время эксперимента времени не было до сегодняшнего дня.

В общем, сон дневной - 04.06.24

Я был на паре не у своей группы(сегодня так делал до сна). Там сзади проходила до сдача у должников. А спереди просто что-то типа экзамена или просто микро проверки знаний. При этом на паре были мои одноклассники ещё. В общем я прихожу ещё на перемене в кабинет и вижу своего одноклассника с его другом и они сели за туже парту где мы с Лизой вещи оставили. Я взял и парнем рюкзаки за отдельную парту. Важно, я был в классической рубашке и майке безрукавке. Лиза приходит и мы садимся. Одноклассник начинает играть на скрипке и мы с Лизой восхищаемся(он был и моим тоже хорошим другом, но мы перестали общаться). Я его расхвалил и после началась пара. И было до ужаса жарко, я прям мокрый. Как у нас в Ростове, градусов + 45. Ну я сначала снял рубашку, а после и майку, на что тот парнишка который со скрипкой был говорит «ну кто чем может берет» и подмигивает намекая на крутую физическую форму. Все вокруг посмеялись а девочки покраснели и начали шептаться. Ну пара идет и идет дальше. Я начинаю вертеться от скуки(как в школе), а сзади должники пишут контрольную работу и у них именно урок(40 минут) а не пара 1,5ч. В общем я вижу друга из универа из юридического корпуса(он вечно в долгах). Он тоже радостных меня увидел, так как мы очень давно не виделись. Он подпрыгивает и махает мне и я ему. Но на него сразу же наезжает учитель, как на зека какого-то бесправного, с намеком не разводи клоунаду(а он такой, ему свойственна театральность). Ну и я отворачиваюсь. Проходит ещё время и меня вызывают к преподу. Я встаю и все начинают хихикать(в хорошем смысле), засматриваться, перешептываться. Я думаю ну полуголым туда явно идти нельзя и я хватаю быстро рубашку и по поту натягиваю, но надеть получается только когда я уже сел на стул перед преподом. Важный момент отссылка: рубашку уже не моя а бати(он у меня больше меня намного) и по цвету и по размеру и я как хипстер в ней тонул. Вот я сижу в рубашке с голым пузом и мне заявляют «наглец ты тот ещё». Но я понимаю что нечего мне бояться, я ж не из этой группы. Но тут резко я понимаю, это не просто экзамен, это какое-то дознание по праву быть в универе. И вот я сижу перед преподом, но уже не один на один, а целый ряд защиты со мной, там был мой дядя(брат мамы), дочь дяди, старые школьные учителя, которые не сильно то были меня рады видеть. Ну и пока идет подготовка к процессу я мельком спрашиваю «как вы?» у обоих и дядя и дочки(у них умер дедушка по линии жены моего дяди). Обо ответили «нормально, держимся» ну я похлопал по плечу и повернулся к преподу, а их там целый консилиум, 3штуки. Начинается полилог в ходе которого я как аргумент выдвигаю «да вот не надо, мне все Наташа рассказывает»(Наташа это как раз жена дяди чей отец умер

недавно от рака)(этот аргумент выдвигаю в качестве защиты, что у меня в вузе есть свои информаторы, что реально и в действительности и меня не надо обманывать так как я вообще все знаю даже лучше их). Я предполагаю что на меня жаловались и по этому поводу было слушание.

Вот на этом моменте меня будит телефон

Психолог, [04.06.2024 20:48]

Иван приветствую. Продолжаются темы. Темы с возможностью быть за рамками правил, преодолевая, проходить сквозь стыд. Опять же, одежда, рубашка, это персона, роли, маски. И это экзамен, ну так вот скажу, есть куча направлений всяких, экзистенциальных, психологии. Ну и это твое право быть. Быть и вот сдача такая, экзамен на жизнь. Ну и много чего там еще, я посмотрю внимательнее. Но основное вот это. Человек я или винтик в системе, так сказать, бесправный. Вот и во сне ты выражаешь себя как человек. У меня был и есть хороший знакомый, друг старший. Он был деканом факультета целого. При этом он не разбирается особо в снах. У него был момент, когда он очень дико стыдился, старался правильно говорить.. стыд, правила и так далее. И вот ему приснился сон, и там он идет в плаще, как эксгибиционист, на голое тело или что-то в этом роде. В общем, в итоге он на оживленной улице в Питере этот плащ снимает, испытывает во сне жесточайший стыд. И во сне решает, что стыдиться больше не будет. И так гордо идет во сне по городу. Он проснулся, этот сон очень четко запомнил. И после этого перестал подчиняться такому чувству болезненного, жгучего стыда. Вот что-то подобное, похоже, в серии снов у тебя и происходит.

Иван Стоцкий, [04.06.2024 20:55]

Интерпретация прям близка

Иван Стоцкий [04.06.2024 20:55]

Я начал снова люто социальному давлению сопротивляться люто

Иван Стоцкий, [04.06.2024 20:55]

Позволяю себе очень многого. Но правильного

Иван Стоцкий, [05.06.2024 0:53]

Знаете, заметил очень крутой эффект от вашего эксперимента. Я бы даже сказал терапевтический. У меня повысилась концентрация до каких-то невероятных масштабов (настолько легко стало думать), я стал гораздо спокойнее и трезвее мыслить. А самое главное, я наконец решил проблему с просыпанием. Я стал так легко проспаться, больше нет лютейшей агрессии, нежелания просыпаться. Наоборот, хочется встать и начать делать любимые дела и решать вопросы с универом.

Психолог, [05.06.2024 1:27]

Иван, я этому очень рад. И это - в той же степени и твой эксперимент. Ты его ведешь сам, а я - посредник.

Психолог, [05.06.2024 1:28]

То есть ты реализуешь свой дар идти к балансу.

Психолог, [05.06.2024 1:29]

И сновидения здесь часть процесса.

Иван Стоцкий, [05.06.2024 14:31]

Добрый день

Иван, [05.06.2024 14:31]

Быстрее бы прийти)

Иван Стоцкий, [05.06.2024 14:38]

Сон 05.06.24

Снилась наверно снов 10 опять.

Все были связанны.

Всплыл в памяти один, что интересно они сами стали всплывать. Без напряжения и усилия памяти.

Сон:

Я был с коллегами с работы у себя дома и у нас была тусовка. Я работаю в женском коллективе. Вообще нас 5, но во сне было 4. И мы уставшие решили спать идти. И почему-то все решили лечь на моей кровати все вместе. Ложусь я и слева ложится коллега с которой странные отношения(она один раз закрысила, хотя я не думаю что это было целенаправлено навредить мне). Справа ложится начальница и было прям дискомфортно и еще левея коллега с которой я очень хорошо дружу. Чуть позже начальница уходит, а подруга моя справа отворачивается. И та что слева начинает приставать и случаются предварительные ласки. После чего она говорит «это все» и улыбается. И перелазит через меня к подруге. Я лежал в шоке и вообще не понимал как так можно, мы же коллеги.

Проснулся я конечно с неприятными ощущениями и некоторой неловкостью

Психолог, [05.06.2024 15:13]

А это путь всю жизнь).

Иван, приветствую. То, что вспоминается легко по ассоциациям, это нормально. Как раз вот эта вот тема, когда обтянешь за ниточку и открывается все остальное, она естественно, хотя лично у меня вызывает иногда прямо ощущение такого чего-то чудесного. А так, любопытный сон. Но ведь во сне мы, по крайней мере, привычная мораль в существенной степени исчезает, иногда проявляя себя как суперэго, но вообще во многом исчезает. И, наверное, это опять тебе субъективно точнее видно, а так, с универсальной точки зрения,во сне твоем появляются женские фигуры, общение с женским родом, не только внутренним, но и вовне. Начальница – это нечто материнское. Маленький мальчик хочет быть рядом с мамой, вот это тело эдипового комплекса, который прорабатывается в мире взросления. Поэтому начальница уходит. А что касается хождения налево, то это какой-то, ну да, подсознательные сексуальные импульсы к самым разным женщинам, в том числе коллегам. Хотя, опять-таки, здесь ты структурируешь процесс, ты который и коллега, и сам, то, что называется, сновидческим сознанием. Поэтому дальше не идешь. Это внутренняя регуляция процесса. Ну а то, что

могут быть, естественно, сексуальные влечения к самым разным коллегам женского пола, нормально. Особенно во сне.

Иван Стоцкий, [05.06.2024 17:21]

Понял)

Мне, как всегда, хочется все и сразу □

Иван Стоцкий, [05.06.2024 17:24]

Ооо я молодец, знаю грань и держу себя в руках

Иван Стоцкий, [05.06.2024 17:24]

Это хорошо

Психолог [05.06.2024 22:25]

Ага).

Иван Стоцкий, [06.06.2024 3:31]

)

Иван Стоцкий, [06.06.2024 21:25]

Добрый вечер.

Сон сегодня тоже самое почти что и вчера, только уже все были у врача на осмотре. Все так же с коллегами.

Заметил ещё один момент. У меня поперла психосоматика. Я во сне очень сильно сжимаю кулаки. Да такой степени что утром у меня дико болят предплечья и ладони. Хотя не снится чего-то плохо.

Психолог, [06.06.2024 21:59]

Вероятно, идет доскональный осмотр себя и внутренняя борьба. Но и проявление силы, которая может быть и ненавистью, и здоровой агрессией (гневом).

Иван Стоцкий, [06.06.2024 22:05]

Понял. Спасибо

Иван Стоцкий, [07.06.2024 6:47]

Доброе утро

Сон 07.06.24

Точностей не помню. Однако я точно знаю что мне снилось про какие-то исследования. После чего я что-то считал.

Психолог, [07.06.2024 8:42]

Доброе утро. А какое эмоциональное, ну, общее состояние утром?

Иван Стоцкий, [07.06.2024 8:45]

Ой, все прекрасно. Уставший конечно, но сессия это сессия)

Иван Стоцкий, [09.06.2024 14:41]

Доброе утро.

Сон 09.06.24

Мы с Васей решили построить землянку(это мы и в жизни хотим и вот недавно обсуждали). Мы выбрали место и начали копать, носить стройматериал. И тут я понимаю что мы вообще ни на метр не ушли под землю. Я говорю Васе: «Вася, надо глубже, ты просто глянь в окно, мы все ещё над землей». Он с некоторой, я бы даже сказал, злостью отвечает «ну и копай себе глубже, я тут своим занимаюсь». Я пытаюсь выяснить у него где копать, так как в строительстве он лучше разбирается. Он опять злой и говорит «да хоть где-нибудь, уже лишь бы копай и сделай побыстрее». Ну и я начал копать где по кайфу, нашел угол о начал выкапывать в глине что-то типа лестницы и углубляться вниз вдоль стен дома.

Второй сон:

Я решил кушать анаболические стероиды. И я в своем школьном спортзале, стою и ссорюсь с отцом. Он начинает говорить «что за херню ты вытворил, ты че химик ? Бросай эту дрянь…»

Психолог, [09.06.2024 15:08]

Иван, доброе утро. О чём говорит первый сон, если предположить, что в каком-то смысле и в полной мере сон это ты сам, разные части тебя. Копать глубже, это как раз тема, в том числе и про эксперимент со снами. Я так чувствую, что определённое понимание диалога между сознанием и неосознанным собой, или сверхсознательным собой, достигнуто. Возникает вопрос, если это уже есть, стоит ли идти дальше? Ну и вообще по жизни, не только в плане эксперимента со снами. Ведь сверхчеловек это хорошо, но человек тоже хорошо. Возможно ли сверхчеловек в этой реальности без бытия человека? В общем, стоит ли копать глубже? Задаешь ты себе вопрос. Ты трансперсональный, ты здешний, с эго-сознанием. Задаешь себе вопрос. Стоит ли копать глубже? который сам себе говоришь, а стоит ли? А может и стоит. И ты начинаешь копать лестницу. Лестница всегда - это символ соединения этажей психики. Всегда. У фрейдизма это и секс, то есть лестница, подъем, спуск, мужской и женский. Тем не менее, и сам половой акт, это же тоже символ соединения противоположностей. И вот лестница, это сам по себе, конечно, в универсальном смысле, символ соединения разных частей себя, разных этажей психики. Сознания бессознательного, земного, инстинктивного, тёмного. И вот ты спускаешься вдоль стен дома, ну, дом это символ твоего я, в данном случае не то, что обыденного, а вот традиционного, такого земного, а ты спускаешься именно туда, где царство инстинктов, темное царство, где и полное, может быть, дикое состояние негра, и в то же время и оргиастическое свободно, стихийное. Вот ты, идя вдоль стен дома, всё-таки соединяя это со своим «я», здесь контролем, управлением, остовом, погружаешься вглубь, частью себя. А часть остаётся на страже. Часть остаётся на посту в этом мире, символизируемая Васей. Вот. Ну и твоя сознательная часть, она еще себя немножечко упрекает. Что ж ты не быстрый, что ж ты не погружаешься, когда же уже я буду сверхчеловеком, хотя опять-таки это и вся жизнь. И здесь, наверное, работает и суперэго. Если говорить на языке психоанализа, но не только. То есть вот эти установки родителей, неприятия. У всех же родителей бывает, что должен быть лучше. И у общества в целом. И здесь это может проявляться. Такое

вот, что я хочу быть лучшим, папа,буду полностью соответствовать, чтобы ты ко мне относился хорошо. Ну, это такое у всех детей, в отношении всех мальчиков, в отношении отцов есть. И, наверное, это как-то тоже проявляется во сне. Вот это вот часть - Вася, это и твоё супер-эго также.

Психолог, [09.06.2024 15:09]

О, кстати, вот здесь вторую часть читаю, как раз тема связи с отцом. Ну вот суперэго. Да, логика здесь очевидно есть универсальная. Ну а анаболические стероиды, это чтобы побыстрее. Здесь может суперэго как раз ограничивать чрезмерная торопливость. Потому что стероиды, это то же самое, что наркотики. Быстро нас переносят в сферу запредельного или в сферу накачанности. А сухожилия могут и порваться от напряжения. Здесь такое противоречие. И твоё сознание, и глубинная часть тебя, что называется истинное я, могут помочь пройти сквозь это противоречие, как между Сциллой и Харибдой.

Иван Стоцкий, [09.06.2024 15:42]

Ооо шикарно. Я на верном пути. И надо быстрее двигаться)

Иван Стоцкий, [09.06.2024 15:43]

Получается, важный шаг/этап пройден, диалог сознания и сверхсознания достигнут ?

Иван Стоцкий, [09.06.2024 15:45]

Угу понял. Значит надо проходить через противоречия. Вообще надо быть чуть смелее и увереннее в таких моментах как: копание себя, диалог сознания и подсознания.

Психолог, [09.06.2024 15:46]

Но это, Иван, как раз таки судить и чувствовать тебе самому. Со стороны видно, что диалог идёт. Это только со стороны. Главное, твоё внутреннее реальное чувство, ощущение, оно, когда есть, оно очень реальное.

Иван Стоцкий [09.06.2024 15:48]

Я думаю что да. Я стал понимать суть процессов во мне. Мне стало проще приходить к согласию с собой и перестал лгать себе, хотя и так редко это делал, но щас четче вижу некоторые моменты в себе.

Психолог, [09.06.2024 16:02]

Ну, вот, это уже навсегда.

Иван Стоцкий, [09.06.2024 16:02]

Ваааау, круто

Иван Стоцкий, [09.06.2024 16:03]

Иногда есть переживания что может быть откат

Иван Стоцкий, [09.06.2024 16:04]

Но уже нет

Психолог, [09.06.2024 16:13]

Все идет циклами по спирали, и все же есть то, что запечатлевается.

Иван Стоцкий, [10.06.2024 11:11]

Сон 10.06.24

Приснилось как с Варварой ходили по магазинам и она все время была недовольна. Обошли кучу магазинов и так ничего и не нашли.

Снилось ещё что-то очень похожее, забыл спустя время как проснулся.

Проснулся с нормальным настроением. Особых ощущений не было. Спал мало часа 3-4

Психолог, [10.06.2024 11:14]

Это, неверно, тема твоих социальных ролей, масок, типа, желание выглядеть "на все 100".

Иван Стоцкий [10.06.2024 22:02]

Я тоже об этом подумал

Иван Стоцкий[14.06.2024 11:12]

Добрый день. В последние дни мне сны вообще не запоминаются либо напрямую связанны с экзаменами. Сплю часа по 3 в день. Но просыпаюсь очень легко и я бы даже сказал с хорошим настроением. Во всяком случае мне не хочется отчислится □

Работоспособность и проницательность все так же сохраняются, как вы и говорили, это закрепилось, слава Богу.

Иван Стоцкий, [19.06.2024 12:33]

19.06.24

Сон 1

Я приехал к себе в родной город. Я решил ехать в центр города. Ну я пришел к автобусной остановке и стал ждать. Подъезжает автобус и бабка орет «ты придурок ? Он раньше останавливается, бегите а то не успеете». И я и ещё какая-то девочка побежали. Уже в автобусе, я не понял как платить и стоял думал что это старье отсталое и почему я вообще без машины приехал. И я начал падать когда автобус тронулся и девочка рядом подставила руку мне в спину и я удержался. Уже следующий Кард она меня обнимает сзади. Я спрашиваю типо: «ты че делаешь вообще ?» ответ: «ну не ты же пол дня в хоккей играл, я устала, дай отдохнуть». И мы вроде знакомы, а вроде и не знакомы. Очень странное ощущение.

Сон2.

Тут вообще снос крыши)

Я точно не знал сон ли был это или нет, но «снилось» что я снюсь другому человеку. Я вижу его сон со стороны как бы и вижу себя в его сне и вижу как действует он. Я полностью осознаю что я в изменении состоянии, но это не как осознанное сновидение. Я не мог управлять чужим сном(но мог управлять своей копией во сне человека) но четко видел все и я понял что я щас не наяву. Было следующие:

Отец лежал на крыше огромный многоэтажки на шезлонге. И хотел чтобы я к нему пришел(я это все наблюдаю как бы со стороны как камера сверху в фильмах), и я выхожу из подъезда на крышу. Щелкаю пальцем и проявляю второй шезлонг. Мы начинаем обсуждать семейный проблемы и он жалуется как он устал. Я решил что надо моих сил ему отдать. Дальше мне стало стремно от этой ситуации и я просто себя разбудил словом «открой» и открыл глаза

Псииолог, [19.06.2024 12:37]

Добрый день,да, конечно!

Психолог, [19.06.2024 12:40]

Иван, приветствую. Машина универсальный символ управления собой, символ эго, но здесь получается, что ты здесь собой не сильно управляешь под влиянием чего-то окрика со стороны, так сказать, лица старшего. Возможно, это некие, опять же, фразы, установки, заложенные в тебя в режиме суперэго. И действующие на тебя, когда внутри какой-то окрик со стороны материнской фигуры, ты начинаешь дёргаться, забывать, что надо делать, и торопишься. Мне, кстати, это тоже свойственно. Вот, мол, быстрее, быстрее. Только чтобы, дескать, соответствовать этим внутренним окрикам суперэговским. Но внутри тебя есть внутреннее начало. Другой в виде женщины, внутренней, символизирует вот именно способность чувствовать мир душевно. Знакомая-незнакомка, Анима, душа, внутренняя женщина и связь с миром, душевная, оживляющая, мистическая. Ты находишь этот контакт в этой машине, где дергает со знакомой-незнакомкой. И этот контакт позволяет удержаться на тормозах, удержаться, выйти за пределы привычного, ощутить поддержку глубинную, духовную, душевную. То, что связано с образом Анимы, архетипом Анимы. Советую, хотя я думаю, ты это уже и делал, просто посмотреть в интернете образ Анимы.

Иван Стоцкий, [19.06.2024 12:41]

Спасибо □

Психолог, [19.06.2024 12:41]

А второй сон очень сложный. Конечно, сложный. Ну, по крайней мере, для меня. Это может быть и реальное чувство отца, и внутренний отец. Ты сам в отцовском состоянии. Ты одновременно в этом и в этом. А когда такое возникает, когда ты реально находишься в состоянии сопричастности с отцом, и в то же время. Или если по Берну, транзактному анализу, есть состояние «я-взрослый, я-родитель, я-ребенок», и вот ты одновременно был в этих состояниях и их сочетал. И это очень круто, это как раз и есть способность практического психолога, поскольку если это в себе можешь сочетать, то потом можешь помогать в этом и другим.

Отметим, что на 19.06.2024 у Ивана на протяжении практическитрех недель не было бессонницы, - сон практически полностью восстановился.

Библиография

1. Gottesmann, C. The dreaming sleep stage: a new neurobiological model of schizophrenia? // Neuroscience. – 2006. – V. 140. – P. 1105-1115.
2. Manoach, D. S., Stickgold, R. Does abnormal sleep impair memory consolidation in schizophrenia? // Front. Hum. Neurosci. – 2009. – V. – P. 21.
3. Ассаджиоли Р. А. Психосинтез. Принципы и техники / Пер. с англ. Е. Перо. – М.: Изд-

во ЭКСМО-Пресс, 2002. – 416 с.
4. Богачев, А. М., Межерицкая, А. М. Мир сновидений и символы // Научное мнение. – 2019. – № 1-2. – С. 29-34. – DOI 10.25807/PBH.22224378.2019.1-2.29.34. – EDN RCGCNS.
5. Богачев, А. М. О некоторых аспектах практической работы со сновидениями // Психология и психотехника. – 2020. – № 1. – С. 54-67. – DOI 10.7256/2454-0722.2020.1.32332. – EDN FXNAMX.
6. Богачев, А. М. Психология сновидений: обоснование и развитие синтетического подхода // Психология и психотехника. – 2024. – № 3. – С. 49-72. – DOI 10.7256/2454-0722.2024.3.71244. – EDN FOSVFE.
7. Богачев, А. М. Путь к Другому. О некоторых закономерностях практической психологии : монография / А. М. Богачев. – 2-е издание, исправленное и дополненное. – Санкт-Петербург : Астерион, 2019. – 221 с. – ISBN 978-5-00045-655-2. – EDN YSEHCP.
8. Богачев, А. М. Синтетическая концепция работы со сновидениями: апробация в области психологической психотерапии и развития личности // Психология и психотехника. – 2024. – № 1. – С. 1-23. – DOI 10.7256/2454-0722.2024.1.43920. – EDN WMFRTA.
9. Богачев, А. М. Фильмы ужасов и ночные кошмары: некоторые аспекты психологического анализа явлений // Психология и психотехника. – 2019. – № 4. – С. 39-49. – DOI 10.7256/2454-0722.2019.4.31301. – EDN RSVLUQ.
10. Гарфилд, П. Творческое сновидение. – СПб., 1996. – С. 286-339.
11. Гарфилд, П. Управление сновидениями. – М., 1994. – С. 98-122.
12. Гингер, С. Гештальт: искусство. Новый оптимистический подход к человеческим отношениям. – М.: ПЕР СЕ, 2002. – 320 с.
13. Гингер, С., Гингер, А. Гештальт-терапия контакта. 2-е изд. – СПб.: Изд-во СпецЛит, 2001. – 470 с.
14. Завершнева, Е. Ю. Исследования сновидений в современной когнитивной психологии: методы, методики и результаты экспериментов // Вопросы психологии. – 2020. – № 4. – С. 125-141. – EDN SYAADS.
15. Козлов, В. В. Психотехнологии измененных состояний сознания. Личностный рост. Методы и техники. – М.: Изд-во Ин-та Психотерапии, 2001. – 442 с.
16. Лэнгле, А. Экзистенциальный анализ – найти согласие с жизнью. – Fundamenta Psychiatrica, 1999. – V. 12. – S. 139-146.
17. Маслоу, А. Дальние пределы человеческой психики. – СПб.: Евразия, 1997. – 360 с.
18. Менегетти, А. Мир образов: Пер. с итал. Изд. 3-е. – М.: ННБФ "Онтопсихология", 2002. – 224 с.
19. Майков, В. В., Козлов, В. В. Трансперсональный проект: психология, антропология, духовные традиции. Том I. Мировой трансперсональный проект. – М., 2007. – 350 с. – EDN ZBYYEL.
20. Минделл, А., Минделл, Э. Вскачь, задом наперед: процессуальная работа в теории и практике. – М.: ТЛИ, 1998. – 387 с.
21. Минделл, А. Работа со сновидящим телом // Московский психотерапевтический журнал. – 1993. – № 1,2. – С. 10-16.
22. Морено, Я. Психодрама. – Москва, 2008. – 492 с.
23. Парфентьев, С. А. Анализ сновидений как метод психодиагностики и психокоррекции личности в социальной психологии // Вестник университета (Государственный университет управления). Серия: Социология и управление персоналом. – М., 2006. – № 5 /21/. – С. 93-97.
24. Парфентьев, С. А. Анализ сновидения в современной психотерапии: подходы, распространенность использования // Вестник Интегративной Психологии. Вып. 1. – М.-Ярославль, 2003. – С. 38-41.

25. Парфентьев, С. А. Анализ сновидений как метод психодиагностики и психокоррекции личности в социальной психологии : специальность 19.00.05 "Социальная психология" : диссертация на соискание ученой степени кандидата психологических наук / Парфентьев Сергей Александрович. – Ярославль, 2006. – 243 с. – EDN NOCOBP.
26. Парфентьев, С. А. Динамика поисковой активности и личной силы как социально-психологических характеристик личности в сновидениях // Вестник Интегративной Психологии. – М.-Ярославль, 2006. – Вып. 4. – С. 136-138.
27. Перлз, Ф. Практика гештальт-терапии. – М.: Институт общегуманитарных исследований, 2001. – 268 с.
28. Росс, Ш. Размышления о "Толковании сновидений" Фрейда // Журнал практической психологии и психоанализа. – 2001. – № 3. – С. 18-28.
29. Слезин, В. Б., Музалевская, Н. И., Урицкий, В. М., Рыбина, И. Я. Изменения функционального состояния головного мозга при христианской молитве // Независимый психиатрический журнал. – 1999. – Т. 4. – С. 30.
30. Фрейд, З. Толкование сновидений. – Мн.: ООО "Попурри", 1998. – 576 с.
31. Хиллман, Д. Терапия, сны, воображение // Хрестоматия по глубинной психологии. – М., 1996. – С. 6-33.
32. Холл, Д. Юнгианское толкование сновидений. – СПб.: Б.С.К., 1997. – 214 с.
33. Юнг, К. Г. Алхимия снов. – СПб.: Изд-во "Timothy", 1997. – 352 с.
34. Юнг, К. Г. Практика психотерапии: Пер. с нем. – М.: ООО "Фирма "Издательство АСТ", СПб.: "Университетская книга", 1998. – 416 с.
35. Юнг, Карл Густав. Структура и динамика психического / Карл Густав Юнг ; пер. с англ. [В. В. Зеленского, К. М. Бутырина, Д. А. Узланера]. – Москва : Когито-Центр, 2008. – 478 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.
Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться здесь.

Предмет работы заявлен весьма четко как в заглавии статьи, так и в тексте. Предмет, объект, цель работы прописаны прямо и недвусмысленно.

Методология вызывает основные вопросы и замечания. Несмотря на то, что предыдущие этапы исследования уже опубликованы в иных статьях, необходимо уделить больше внимания. Не совсем понятно, что автор относит к первому этапу исследования, что ко второму, а что к третьему. Автор несколько сжато описывает общую процедуру исследования.

Необходимо куда подробнее описать процедуру "воздействия". Общая схема анализа сновидения автором приведена, но не совсем ясна конкретика. Сколько и каких сновидений проанализировано, вообще не даны подробности по этому материалу.

Также некорректно автор пишет

Также неясно как рассчитана выборка. Сначала указывается n= 48, но затем 29, 16 и 14, что не равно 49. Почему общая выборка указана такой в том числе в таблице результатов? Часть результатов исключены? Это стоит прояснить.

В таблице, где приведены результаты исследования, указаны разные n выборки. Где 49,

а где 50. Почему? Вообще именно анализ фактически не описан.

Более того, Автор некорректно пишет
"а, с высокой степенью вероятности, и личностной", получив статистически не значимый результат.
В целом методология и процедура исследования должны быть описаны в несколько раз объемнее и подробнее.

Актуальность работы описана и обоснована, однако не совсем очевидно, почему авторы делают вывод о дефиците исследований эффективности работы со сновидениями. Это утверждение не слишком подтверждено ссылками на литературу или анализом.

Научная новизна не слишком обоснована, ценность конкретных результатов исследования не показана

Стиль статьи научный, структура соответствует общим требованиям к структуре научной статьи.
Библиография статьи очень небольшая, множество ссылок на книги и на ранние статьи самого автора. Нет собственно литературного обзора исследований по теме, не обоснован вывод о дефиците таких исследований.

Кроме того, авторам стоит определиться, все же, ссылаются ли они на работы З. Фрейда или З. Фрейда (в разных частях статьи разное написание), а также более корректно писать фамилию Р. Ассаджиоли.
Апелляция к оппонентам фактически отсутствует, так как отсутствует обзор актуальных работ по теме.
В целом статья может представляь интерес для читательской аудитории, но необходима доработка. Необходимо значительно расширить раздел методологии, подробно описаны исследование, процедуру и шаги. Подобно описав процедуру количественного анализа, устранив неточности и разночтения в числах. Необходимо значительно расширить литературный обзор, просто перечисления авторов через запятую недостаточно.
Также необходимо устранить стилистические ошибки.

Статья рекомендуется к доработке.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.
Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться здесь.

Предметом исследования в представленной статье является работа с материалом сновидений как фактор снижения уровня тревожности.

В качестве методологии предметной области исследования в данной статье были использованы дескриптивный метод, метод категоризации, опросный метод, а также, как отмечается в статье, «метод эксперимента, метод исследования отдельных случаев, метод тестирования» (тест тревожности Спилбергера-Ханина), «метод самонаблюдения (интроспекции), метод самоотчета, метод анализа и метод интерактивной интерпретации полученных данных», методы математического анализа и математической статистики.
Актуальность статьи не вызывает сомнения, поскольку в современных исследованиях

материалы сновидений получили широкое применение для исследования различных состояний, в том числе и тревожности. На уровень тревожности личности оказывают влияние очень много разнообразных факторов, которые, безусловно, имеют свои особенности по использованию возможностей работы с ними. С этих позиций изучение работы с материалом сновидений как фактором снижения уровня тревожности имеет исследовательский интерес в сообществе ученых и практический интерес в профессиональном сообществе.

Научная новизна статьи заключается в проведении по авторской методике исследования, направленного на изучение по авторской методике особенностей работы с материалом сновидений как фактором снижения уровня тревожности, а также в анализе и описании полученных результатов. В авторском исследовании приняли участие 49 человек в возрасте от 19 до 50 лет.

Статья написана языком научного стиля с применением в тексте исследования изложения научных позиций различных ученых по изучаемой проблеме и научной терминологии и дефиниций, характеризующих предмет исследования, а также с анализом и описанием полученных результатов.

Структуру статьи, в целом можно считать выдержанной с учетом основных требований, предъявляемых к написанию научных статей. В структуре данного исследования представлены такие элементы, как введение, анализ литературных источников, методология и методы исследования, организация исследования, результаты исследования, обсуждение, выводы, заключение и рекомендации, приложение и библиография.

Содержание статьи отражает ее структуру. В частности, особую ценность представляет описание авторского эксперимента и базовой практической методики работы со сновидениями.

Библиография содержит 35 источников, включающих в себя отечественные и зарубежные непериодическое и периодические издания.

В статье приводится описание научных подходов, характеризующих различные аспекты и особенности работы с материалами сновидений. В статье содержится апелляция к различным научным трудам и источникам, посвященным этой тематике, которая входит в круг научных интересов исследователей, занимающихся указанной проблематикой.

В представленном исследовании содержатся краткие выводы, касающиеся предметной области исследования. В частности, отмечается, что одна из выдвинутых гипотез исследования полностью подтвердилась в отношении и ситуативной, и личностной тревожности (по критерию Вилкоксона), а другая выдвинутая гипотеза частично подтвердилась в отношении ситуативной тревожности (по критерию Стьюдента).

Материалы данного исследования рассчитаны на широкий круг читательской аудитории, они могут быть интересны и использованы учеными в научных целях, педагогическими работниками в образовательном процессе, психологами, психотерапевтами, консультантами, аналитиками и экспертами.

В качестве недостатков данного исследования следует отметить, то, что в статье необходимо было бы сделать более содержательные выводы и более подробное заключение, которое должно создать впечатление законченности и логической завершенности проведенного исследования. При оформлении таблицы и приложения следовало бы придерживаться требований действующего ГОСТа, оформить ее в соответствии с этими требованиями, обязательно дать название таблице. Кроме того, в тексте рукописи встречаются технические ошибки и опечатки, в частности, написание слов («…подтвержении …», «…достатоно…», «…бессоницы…»), использование неверного предлога («…участие к эксперименте …»), лишняя буква латинского алфавита («…24 человекf …») и т.п. В качестве рекомендации, возможно, стоило бы пересмотреть

возможность включения приложения в статью, достаточно было использовать представленные материалы частичным упоминанием в тексте рукописи, либо их описанием, однако этот вопрос носит дискуссионный характер. Указанные недостатки не снижают научную и практическую значимость самого исследования, однако их необходимо оперативно устранить и несколько доработать текст статьи. Рукопись рекомендуется отправить на доработку.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.
Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться здесь.

На рецензирование представлена статья «Работа с материалом сновидений как фактор снижения уровня тревожности». Работа включает в себя введение, в котором описана актуальность и поставлена проблема исследования; его цель, гипотеза, объект и предмет. Автором также дан теоретический анализ источников, рассматривающих затронутую проблему. Следующий раздел посвящен описанию методологии и методов исследования, а также его результатов. Автором показаны различия в уровне ситуативной и личностной тревожности до и после экспериментального воздействия, а также представлено описание полученных результатов. В заключении описаны краткие выводы-обобщения, заключение и рекомендации, дано приложение с транскрипцией аудиозаписей работы и материалов переписки с продвинутым в области психологии студентом Иваном Стоцким.
Предмет исследования. В качестве предмета исследования выступает феноменология и материал сновидений как проявление психической активности личности в контексте психологической психотерапии. Автором был изучен психолого-психотерапетический потенциал работы с материалом сновидений с научной точки зрения.
Методологическая основа исследования. В целях апробации и получения научного подтверждения эффективности работы со сновидениями автором проведено исследование, в рамках которого использовали следующие методы: метод эксперимента, метод исследования отдельных случаев, метод тестирования (с применением такой методики, как тест тревожности Спилбергера-Ханина), метод самонаблюдения (интроспекции), метод самоотчета, метод анализа и метод интерактивной интерпретации полученных данных. В рамках математического анализа использовалась программа «Excel». Выборка исследования. Общая выборка составила 49 испытуемых с 18 по 50 лет, выразивших желание принять участие в эксперименте.
Актуальность исследования определяется тем, что академическая наука испытывает серьёзнейший дефицит в статистически значимом подтверждении эффективности работы с материалом сновидений. Проведенное исследование посвящено попытке внести определенный вклад в решение данной ситуации.
Научная новизна исследования. Проведённое исследование позволило проверить основную гипотезу, которая заключалась в следующем: работа с материалом сновидений в рамках авторской синтетической концепции сновидений является эффективной, что проявляется в понижении как ситуативной, так и личностной тревожности лица, со сновидениями которого ведется работа.
На основании проведенного исследования автором отмечается, что в процессе немидекаментозной психотерапии и (или) психокоррекции рекомендуется использовать такие технологии, как: ведение "Дневника сновидений", в который следует ежедневно записывать как содержание сохранившегося в памяти материала сновидений, так и все иные впечатления, оставшиеся после сна; использование алгоритма, релеватного

синтетической концепции сновидений; введение соответствующих инсайтов в смысловую систему координат сновидца.

Стиль, структура, содержание. Стиль изложения соответствует публикациям такого уровня. Язык работы научный. Структура работы прослеживается, автором выделены основные смысловые части. Логика в работе имеется. Содержание статьи отвечает требованиям, предъявляемым к работам такого уровня. Объем работы небольшой, но предмет исследования раскрыт.

Библиография. Библиография статьи включает в себя 35 отечественных и зарубежных источников, незначительное количество которых издано за последние три года. В список включены, в основном, статьи и тезисы, а также монографии. Источники в основном оформлены корректно.

Апелляция к оппонентам.

Рекомендации: 1). Просмотреть работу и откорректировать некоторые неточности (например, «линостной тревожности» и т.д.).

Выводы. Проблематика затронутой темы отличается несомненной актуальностью, а также теоретической и практической ценностью. Статья будет интересна специалистам, которые занимаются проблемами сновидений. Вопрос рассматривается через рассмотрение работы с материалом сновидений как фактора снижения уровня тревожности. Статья может быть рекомендована к опубликованию. Однако важно учесть выделенные рекомендации и внести соответствующие изменения. Это позволит представить в редакцию научно-методическую и научно-исследовательскую работу, отличающуюся научной новизной и практической значимостью.

Психология и Психотехника
Правильная ссылка на статью:
Боровиков А.В. Антиципация и депрессия: обзор исследований // Психология и Психотехника. 2025. № 3. DOI: 10.7256/2454-0722.2025.3.71829 EDN: EHTJNG URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71829

Антиципация и депрессия: обзор исследований

Боровиков Андрей Владиславович

независимый исследователь, студент, факультет психологии, Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. Макарова, 6

alohaman1999@gmail.com

Статья из рубрики "Социальные страсти"

DOI:

10.7256/2454-0722.2025.3.71829

EDN:

EHTJNG

Дата направления статьи в редакцию:

28-09-2024

Дата публикации:

06-07-2025

Аннотация: Антиципация охватывает многие сферы психической деятельности человека и участвует в ряде важных адаптивных процессов. В последние годы проведено значительное количество исследований, посвящённых изучению антиципации как фактора, влияющего на возникновение депрессии. Однако до сих пор существует недостаток исследований, которые обобщают и систематизируют данные об антиципации в условиях депрессии. Это связано с тем, что антиципация достаточно широкое понятие и исследователи используют различные определения и термины для описания того или иного аспекта антиципации. Исходя из этого, цель данной работы заключается в исследовании разрозненных исследований, посвященных антиципации в контексте депрессии. Предметом исследования выступает антиципация как один из ключевых факторов, оказывающих влияние на развитие депрессивных расстройств. Для достижения поставленной цели был осуществлен обзор литературы. Поиск литературы произведен по следующим ключевым словам: «антиципация», «перспектива»,

«ожидание», «предвосхищение», «прогнозирование», «предсказание», «мышление о будущем», «мышление, направленное на будущее», «прогностическая обработка», «суждение о будущем» в сочетании с терминами «дисфория», «депрессия» и «депрессивное расстройство». В работе рассмотрены теоретические модели депрессии, подчеркивающие роль антиципации в её этиопатогенезе. Представлены результаты исследования, в которых подчеркивается, что депрессия характеризуется определенным профилем прогнозирования будущего и убеждённостью в неизбежности негативных исходов. Рассмотрены точность прогнозов и устойчивость негативных ожиданий. Описан дефицит специфичности эпизодического мышления, в основе которого лежат механизмы нарушения эпизодической памяти. Показано, что у лиц с депрессией искажен процесс целеполагания и нарушено прогнозирование эмоций и удовольствия. Антиципация, рассматриваемая как свойство личности, также связана с депрессией. Представлены психологические интервенции, направленные на развитие антиципации и способные снизить симптомы депрессии. Сформулированы выводы о взаимосвязи между депрессией и антиципацией, а также выделены направления для будущих исследований в данной области.

Ключевые слова:

антиципация, депрессия, ожидания, негативные ожидания, позитивные ожидания, прогнозирование, мышление о будущем, эпизодическое мышление, диспозиционные ожидания, прогнозирующая обработка

Введение

Антиципация – это способность действовать и принимать те или иные решения с определенным временно-пространственным упреждением в отношении ожидаемых, будущих событий [1, с. 395]. Отечественными и зарубежными исследователями проведены важные теоретические и эмпирические исследования, описывающие и объясняющие феномен антиципации [1, 3, 5, 17, 74, 83, 84]. Б. Ф. Ломов отмечает, что антиципация имеет универсальное значение для всех сторон деятельности человека. Это связано с тем, что человек не только отражает настоящее и сохраняет прошлое, но и активно овладевает будущим. Без антиципации невозможно ни формирование целей деятельности, ни выделение задач и действий, ни планирование, ни текущая регуляция [1]. Было выявлено, что антиципация играет роль в ряде важных процессов, таких как планирование, принятие решений, эмоциональная регуляция, проспективная память и формирование самоощущения [1, 69]. Подчеркивается, что развитая антиципация позволяет предотвращать, снижать частоту, неожиданность и остроту действия различных стрессоров; сформировать прогноз относительно течения и возможных сценариев развития трудной ситуации; реализовать адаптивные действия до наступления потенциального стрессогенного события [2].

Учитывая спектр психических процессов, с которыми связана антиципация, логично предположить, что это должно быть каким-то образом связано с депрессией.

Однако только относительно недавно в области клинической психологии стали уделять особое внимание антиципации. Это, как отмечают Roepke A. и Seligman M., было обусловлено доминированием психоаналитических и поведенческих подходов, которые подчеркивали роль прошлого опыта в этиологии депрессивных расстройств [67]. Рост

числа исследований в рамках клинического направления связан с появлением когнитивных моделей [20], которые стали указывать на взаимосвязь между процессами, ориентированными на будущее, и психическими расстройствами. В отечественной науке рост числа работ был обусловлен развитием антиципационной концепции неврозогенеза, которая была предложена В. Д. Менделевичем [2].

В настоящее время накоплено большое количество исследований, в которых изучалась антиципация в условиях депрессии [21, 30, 33, 49, 50, 55, 59]. Несмотря на значительный объем работ, представлены немногочисленные попытки объединить разрозненные результаты [67], что может быть связано со следующими причинами. Во-первых, антиципация достаточно широкое понятие, что связано с ее универсальным характером для всех сторон психической деятельности человека [1, 4, 5]. Поэтому существует большое количество исследований, в которых изучался тот или иной аспект антиципации. Например, при депрессии наблюдаются определенные паттерны прогнозирования как будущих событий, так и эмоций [32, 33]. Во-вторых, разные исследователи используют различные определения и термины для описания антиципации. Так, A. Roepke и M. Seligman используют понятие «перспектива» – ментальное представление возможного будущего [67]. Другим частым термином является ожидание, понимаемое как подгруппа когнитивных представлений, относящихся к будущим событиям и переживаниям [42].

В связи с недостаточной систематизацией данных, цель данной работы заключается в анализе разрозненных исследований, посвященных антиципации в контексте депрессии. Предметом исследования выступает антиципация как один из ключевых факторов, оказывающих влияние на развитие депрессивных расстройств.

В соответствии с целью исследования выделены следующие задачи:

1. Проанализировать теоретические модели депрессии, в которых антиципация рассматривается как ключевой элемент этиопатогенеза.

2. Описать ключевые характеристики и механизмы нарушения антиципации у лиц с депрессией.

3. Рассмотреть психологические интервенции, направленные на развитие процессов антиципации с целью снижения симптомов депрессии.

4. Сформулировать выводы о взаимосвязи антиципациии и депрессии.

Методология и методы исследования

В качестве метода был выбран нарративный обзор литературы. Этот подход позволяет охватить широкий спектр исследований антиципации, избегая узкой фокусировки на отдельных её аспектах, что важно для понимания сложного и многофакторного психического феномена. Во-вторых, исследование антиципации в контексте её связи с депрессией является относительно новой областью, в которой пока недостаточно эмпирических данных для проведения систематического обзора. Поэтому нарративный обзор был выбран как наиболее подходящий способ интеграции различных теорий и существующих данных.

Поиск литературы проводился в базах данных PubMed, PsycINFO и Scopus. Литература отбиралась на основе ключевых слов: «антиципация», «перспектива», «ожидание»,

«предвосхищение», «прогнозирование», «предсказание», «мышление о будущем», «мышление, направленное на будущее», «прогностическая обработка», «суждение о будущем» в сочетании с терминами «дисфория», «депрессия» и «депрессивное расстройство». Поиск охватывал работы, опубликованные с 1970 года по настоящее время. Выбор временного диапазона был обусловлен развитием когнитивно-поведенческих моделей в 1970-х годах, которые акцентировали внимание на роли когнитивных процессов в формировании депрессии.

Модели депрессии и антиципация

Модель выученной беспомощности постулирует, что ожидание независимости реакций и результатов приводит к снижению мотивации контролировать ситуацию [52, 71]. Впоследствии модель была расширена и стала называться теорией безнадежности. Новая формулировка была основана на теории атрибуции. Согласно теории, депрессивные люди приписывают негативные результаты внутренним (связаны с личными качествами), глобальным (общие для многих ситуаций) и стабильным во времени причинам. Это, в свою очередь, отражается на ожиданиях человека, что он беспомощен в изменении ситуации [7, 8]. L. Rehm представил модель самоконтроля, в которой отмечается, что для депрессии характерна склонность фокусироваться на немедленных, а не на отсроченных последствиях поведения [64]. A. Beck, исследуя специфику познавательной сферы больных депрессией, выделил корреляты депрессивного состояния – когнитивную триаду: негативное отношение к себе, негативная интерпретация опыта и негативная оценка будущего [20]. По мнению A. Ellis, негативная обработка информации (включая негативные ожидания) сама по себе не приводит к развитию депрессии. Необходимым каузальным элементом является преувеличенное, абсолютистское и догматичное мышление. Например, люди с депрессией видят свое будущее в мрачном свете и полностью уверены в том, что они обязаны быть более счастливыми, и для них невыносимо, если это им не удается [6].

Недавно были предложены теоретические модели, которые подчеркивают особую роль антиципации в развитии депрессии. A. Roepke и M. Seligman предложили, что негативный взгляд на будущее является основным элементом в этиопатогенезе депрессии. Они выделяют три основных нарушения в антиципации: бедное представление возможного будущего, дисфункциональная оценка будущего и негативное отношение к будущему [67]. R. Leahy предложил модель депрессии, основанную на портфельной теории, описывающей, как люди принимают решения о распределении ресурсов. Депрессивные люди предвидят и ожидают, что изменения приведут к дальнейшему риску потерь, поэтому они используют стратегии предотвращения потерь, которые мешают им идти на «риск» (т.е. изменить ситуацию) [44, 45]. W. Rief и J. Joormann рассматривают негативные ожидания в качестве основного механизма депрессии. Авторы вводят концепцию иммунизации, которая описывает любые когнитивные или поведенческие стратегии, направленные на уменьшение эффекта переживаний, нарушающих негативные ожидания. Эти стратегии способствуют поддержанию ожиданий, несмотря на противоречащие события. Таким образом, поддержание депрессии обеспечивается за счет сохранения негативных ожиданий [66]. Также были предложены модели, основанные на концепции прогностической обработки информации. Clark J. и соавторы связывают негативные эмоции с предсказанием неопределенной ситуации, тогда как положительные эмоции связаны с событиями, которые устраняют неопределенность и позволяют ощущать контроль. Авторы постулируют, что депрессия, как форма хронически негативного настроения,

характеризуется чрезмерно высокой точностью прогнозирования. Это касается непредсказуемых и неконтролируемых ситуаций. Они полагают, что депрессия возникает, когда мозг прогнозирует неизбежность неопределенных событий [26]. L. Barret и др. предполагают, что депрессия является результатом относительно «замкнутого» мозга (нечувствительность к ошибкам прогнозирования). Это сочетается с неэффективной регуляцией энергии, которая связана с негативным аффектом и трудностями при активной физической и умственной активности. Их гипотеза заключается в том, что внутренние модели (прогнозы) с определенными характеристиками приводят к неэффективному регулированию энергии. Ошибки прогнозирования или оценки точности приводят к сбою обновления модели. Это может привести к дальнейшей неэффективности [19].

Основные характеристики и механизмы нарушения антиципации при депрессии

A. MacLeod и соавторы пришли к выводу, что позитивное и негативное мышления о будущем не являются полярностями одного измерения, а скорее представляют собой разные конструкты [48, 49]. В ряде исследований было обнаружено, что испытуемые с дисфорией и пациенты с депрессией характеризуются повышенной тенденцией ожидать негативные события и пониженной тенденцией ожидать позитивные события. Последняя характеристика отличает депрессию от тревоги [21, 49, 50, 55, 59]. В соответствии с этим B. Miloyan и соавторы предложили, что депрессивные и тревожные люди отличаются профилями антиципации. Общей чертой является тенденция ожидать негативных событий в будущем. В основе этого лежит следующий механизм: из памяти извлекается информация категорического и эмоционального характера, которая ложится в основу негативных прогнозов. Депрессивный профиль прогнозирования отличается снижением позитивных моделей мышления, ориентированных на будущее, в то время как тревога сама по себе не связана со снижением позитивных ожиданий. Объяснением этому является то, что депрессия ассоциируется с сильно завышенным чувством риска (ощущение уверенности в том, что ситуация не развернется в вашу пользу), которое приводит к уверенности в наступлении негативных исходов и исключению положительных. Тревога, напротив, связана с завышенным чувством неопределенности по отношению к будущим ситуациям. То есть тревожные люди из-за чувства неопределенности не исключают из прогноза позитивные исходы и не уверены полностью в наступлении негативной ситуации [58].

Схожее объяснение для депрессии было предложено S. Andersen. Он выдвинул идею, что лица с депрессией характеризуются депрессивной прогностической уверенностью – тенденция быть уверенным в наступлении негативных исходов и в отсутствии положительных [13-15]. Было обнаружено, что этот феномен положительно связан с симптомами депрессии [14, 59], а также с увеличением депрессивной симптоматики со временем [37, 60]. S. Andersen и соавторы предложили, что депрессивная прогностическая уверенность возникает из-за повторяющихся мыслей о том, произойдут ли положительные или отрицательные результаты в будущем. Согласно этой идее, руминации о будущем приводят людей к формированию предвзятых схем будущих событий, которые способствуют автоматической актуализации негативных прогнозов [15, 16].

Предполагается, что депрессивные люди и здоровые люди отличаются друг от друга точностью прогнозов. L. Alloy и L. Abramson представили гипотезу депрессивного

реализма, согласно которой депрессивные лица способны выносить более точные суждения, чем люди без симптомов депрессии [10, 11]. Исходя из этого, прогнозы людей с депрессией могут быть негативными, но точными. Первые доказательства депрессивного реализма были получены в исследованиях, в которых использовалось задание на оценку непредвидимых обстоятельств. Люди без депрессии демонстрировали «иллюзию контроля», то есть переоценку степени своего контроля над результатом. Депрессивные лица не испытывали подобной предвзятости и были точны в своих суждениях. Также были получены подтверждения этого феномена с помощью других методологических парадигм (например, сравнение ожидания успеха при выполнении задачи). Однако существуют данные, указывающие на отсутствие эффекта депрессивного реализма в определенных условиях [61, 73]. M. Moore и D. Fresco провели первый мета-анализ литературы о депрессивном реализме. Они обнаружили небольшой общий эффект депрессивного реализма. Как у депрессивных лиц, так и у людей без симптомов депрессии наблюдалась предвзятость, но она была сильнее у последних. Также было показано, что результаты исследований с использованием оценки непредвиденных обстоятельств продемонстрировали лишь небольшой общий эффект депрессивного реализма [61].

Данные свидетельствуют о том, что люди с депрессией склонны негативно переоценивать или игнорировать позитивную информацию, которая не подтверждает негативные ожидания, что приводит к устойчивым негативным прогнозам [42]. T. Kube, W. Rief и J. Glombiewski считают, что такая стойкость ожиданий связана с процессами когнитивной иммунизации. Люди, испытывающие симптомы депрессии, могут переоценивать противоречивый положительный опыт так, что негативные ожидания не нуждаются в изменении. В основе этой иммунизации могут лежать следующие стратегии: 1) опыт, нарушающий ожидания, считается исключением; 2) достоверность информации, полученной в результате опыта, ставится под сомнение [39]. A. Roepke и M. Seligman считают, что первоначально нарушения в процессах прогнозирования приводят к формированию депрессии. Депрессивное состояние впоследствии поддерживает негативные прогнозы тремя способами: 1) депрессивные люди замыкаются в себе, ограничивают свою активность и полагаются на избегание, что приводит к меньшему позитивному опыту; 2) поведение приводит к стрессовым переживаниям и межличностным конфликтам – и этот опыт является основой для негативных прогнозов; 3) сниженное настроение приводит к тому, что человек с большей вероятностью вспомнит негативный опыт и представит негативное будущее. В итоге формируется порочный круг, который сохраняет негативные прогнозы [67]. L. Barret и соавторы указывают, что повсеместный негативный аффект является контекстом, при котором мозгу трудно обрабатывать и обновлять ошибку прогнозирования (т.е. несоответствие реального и прогнозируемого). Это приводит к формированию порочного круга негативных прогнозов [19].

В зарубежных исследованиях широко распространено изучение эпизодического мышления о будущем (ЭМБ). ЭМБ — это способность воображать или моделировать события, которые могут произойти в личном будущем [69]. ЭМБ зависит от системы эпизодической памяти, которая обеспечивает хранение информации о личном опыте. Считается, что эпизодическая память лежит в основе моделирования будущего, позволяя гибко извлекать и рекомбинировать прошлый опыт в новые представления событий, которые могут произойти в будущем [68, 69]. Кроме того, существуют доказательства, что память и моделирование опираются на одну и ту же мозговую сеть

[23].

В настоящее время хорошо известно, что при депрессии наблюдается дефицит специфичности автобиографических воспоминаний [46, 75]. Соответственно, исходя из установленной взаимосвязи между ЭМБ и памятью, можно предположить, что мышление о будущем при депрессии также будет характеризоваться снижением специфичности. В мета-анализе 2018 года это было подтверждено [32]. B. Gamble с коллегами провели мета-анализ, целью которого было расширить предыдущий анализ. Авторы выявили небольшую, но статистически значимую корреляцию между снижением специфичности мышления о будущем и высоким уровнем депрессии. Эта взаимосвязь была выявлена только для позитивных представлений о будущем, но не для нейтральных или негативных [30].

Одним из возможных механизмов нарушения ЭМБ у лиц с депрессией является дефицит эпизодического поиска. C. McFarland и др. обнаружили, что индукция эпизодической специфичности (обучение запоминанию эпизодических деталей) приводит к увеличению количества эпизодических элементов и, соответственно, к возрастанию специфичности воображаемых сценариев будущего у людей с депрессией [56]. В качестве возможных когнитивных механизмов также исследовались компоненты модели CaRFAX. Эта модель объясняет дисфункцию автобиографической памяти у больных депрессией нарушениями ряда процессов: закрепление (Ca, англ. «capture») и руминация (R, англ. «rumination»), функциональное избегание (FA, англ. «functional avoidance») и снижение исполнительных функций (X, англ. «executive functions»). Привычка к многократному проигрыванию руминативных мыслей приводит к закреплению информации. Механизм функционального избегания относится к тому, когда депрессивные лица пассивно избегают извлечения конкретных воспоминаний как средство регуляции аффекта. Дефицит исполнительных функций приводит к нарушению целенаправленного поиска конкретной эпизодической информации [81, 82]. D. Addis и др. обнаружили, что процессы стратегического поиска коррелируют как со специфичностью памяти, так и со специфичностью будущего, в то время как избегание и руминации не имели подобных взаимосвязей [9]. M. Parlar и др. обнаружили взаимосвязь между когнитивной гибкостью и моделированием будущего у пациентов с депрессией, которые имели травмы в анамнезе [63]. В целом, данные свидетельствуют о том, что определенные аспекты исполнительных функций связаны с ЭМБ у лиц с депрессией, но требуются дальнейшие исследования для подтверждения этого.

В отечественной психологии в изучении деятельности подчеркивалось решающее значение цели, которая конструирует и направляет деятельность. Б. Ф. Ломов отмечал, что цель представляет собой один из феноменов антиципации. Цель является определенной моделью вероятного будущего, которая по мере временной развертки уточняется и конкретизируется (т.е. в ходе реализации деятельности теряет характер вероятности и все больше приобретает черты определенности) [1].

J. Dickson и др. выявили, что пациенты с депрессией сообщают о таком же количестве будущих целей и их воспринимаемой важности, что и здоровые испытуемые. Однако пациенты с меньшей вероятностью оценивали достижение целей, ориентированных на приближение (англ. «approach goals», например, наладить отношения с родителями), и давали более высокие оценки вероятности достижения целей избегания (англ. «avoidance goals», например, избежать наказания) [27, 29]. Люди, страдающие депрессией, проявляют тенденцию к большему пессимизму по отношению к целям, и это

связано со склонностью отказываться от достижения целей (включая новые цели) при возникновении трудностей [29]. Эти закономерности могут быть связаны с теми же механизмами, которые рассматривались ранее. Например, депрессивная прогностическая уверенность [13-15] может способствовать тому, что пациенты с депрессией дают более высокие оценки вероятности достижения целей избегания.

Также при депрессии обнаруживается дефицит специфичности целей. Люди с депрессивным расстройством, по сравнению со здоровыми, ставят менее конкретные цели и менее конкретно объясняют способы достижения целей приближения (но не целей избегания). Толкование целей на абстрактном уровне (например, «быть способным человеком») без возможности интерпретировать их более конкретным способом (например, «заниматься английским в течение одного часа каждый день») может затруднить эффективное достижение целей и, соответственно, затруднить саморегуляцию [28]. E. Watkins высказал идею, что в основе этого лежит неспособность депрессивных людей гибко переключаться между абстрактным и конкретным уровнями толкования целей. Обычно это переключение происходит в зависимости от актуальных обстоятельств, включая состояние настроения [78, 79]. Также предполагается, что дефицит специфичности автобиографической памяти при депрессии распространяется на нарушения специфичности целей [22].

Долгое время исследователи были сосредоточены на изучении антиципации конкретных будущих событий, упуская из внимания форму антиципации, которая связана с прогнозированием собственных эмоций в будущих ситуациях. Этот феномен был назван аффективным прогнозированием [83, 84]. Дисфоричные испытуемые и пациенты с депрессией оценивают гипотетические позитивные события как менее приятные, чем здоровые люди [50, 53]. Они склонны прогнозировать негативный аффект чаще, чем позитивный [53, 54]. При прогнозировании реакций на предстоящие события люди с более выраженными симптомами депрессии делают более экстремальные прогнозы негативных переживаний и менее положительных эмоций [36, 80]. Эти результаты согласуются с тем, что при депрессии наблюдается выраженный дефицит антиципации удовольствия (ожидание того, что деятельность будет приятной) [33, 72]. D. Hallford и M. Sharma провели мета-анализ исследований, сравнивающих группы с психическими расстройствами с группой здоровых людей в отношении антиципации удовольствия. Они обнаружили, что депрессия характеризуется значительным дефицитом способности предвкушать удовольствие от будущих событий [33]. Этот дефицит является ключевым аспектом ангедонии и оказывает непосредственное влияние на мотивацию прикладывать усилия ради вознаграждения [72].

Ранее были рассмотрены нарушения антиципации, которые проявляются на уровне психических процессов. Однако, как указывает В. Д. Менделевич, антиципация может быть рассмотрена как свойство личности. Он ввел понятие антиципационной состоятельности - способность личности с высокой вероятностью предвосхищать ход событий, прогнозировать развитие ситуаций и собственные реакции на них, действовать с временно-пространственным упреждением. Антиципационная состоятельность является способностью и, следовательно, классифицируется как свойство личности, но актуализируется и разворачивается как психический процесс вероятностного прогнозирования [2, 3]. В зарубежной литературе также можно встретить подобный взгляд. J. Laferton и соавторы предложили классифицировать ожидания по степени конкретности. Конкретные или ситуативные ожидания представляют собой предсказание

событий или переживаний в конкретной ситуации. Глобальные или обобщенные ожидания могут относиться к различным сферам. Например, к таким ожиданиям относятся диспозиционный оптимизм и самоэффективность [43].

Диспозиционный оптимизм – это обобщенная, относительно стабильная тенденция ожидать положительных результатов в будущем в разных областях жизни [24, 70]. Высокий оптимизм ассоциируется с усилиями по достижению целей, более высокими показателями социальной поддержки, а также связан с адаптивными копинг-стратегиями [25, 62]. Исследования последовательно связывают оптимизм и депрессию [31, 38, 76].

Самоэффективность – это вера людей в свою способность справляться с широким спектром стрессовых или сложных задач. Самоэффективность имеет прогнозный и перспективный характер [18, 47]. В мета-анализе было обнаружено, что самоэффективность связана с адаптивными стратегиями совладания, намерением достичь цели, ожиданием результатов, саморегуляцией и другими переменными [47]. Было обнаружено, что при депрессии снижается уровень самоэффективности [57]. Теоретически это выглядит следующим образом: когда люди верят, что желаемые результаты (высокая ценность результата) достижимы при выполнении определенных действий (высокие ожидания результата), и считают, что они неспособны (по сравнению со способными другими) выполнять требуемые действия (низкая ожидаемая самоэффективность), они демонстрируют низкие показатели поведенческой инициативы и настойчивости, самоуничижение и депрессивное состояние [51].

Была выдвинута гипотеза, что ситуативные ожидания, являясь проявлением обобщенных ожиданий, оказывают влияние на депрессию. Недавно эта гипотеза была подтверждена: ситуативные ожидания опосредуют влияние диспозиционных ожиданий на симптомы депрессии [40, 41]. Это соответствует когнитивной теории депрессии A. Beck, в которой предполагается, что дисфункциональные глубинные убеждения вызывают негативные автоматические мысли, приводящие к симптомам депрессии [20].

Антиципация и психологические вмешательства

Как было рассмотрено ранее, нарушение антиципации является важным фактором в этиопатогенезе депрессии. Следовательно, логично, что интервенции, направленные на прогнозы, ожидания и мысли о будущем, должны приводить к снижению симптомов депрессии.

Например, терапия, ориентированная на будущее (англ. Future-directed therapy (FDT)), разработана как полноценное вмешательство, направленное на уменьшение симптомов депрессии и улучшение самочувствия. Она содействует сдвигу парадигмы от фиксации на прошлом или подчеркивания своих ограничений в настоящем к созданию более позитивных ожиданий относительно будущего посредством использования всеобъемлющего и четко определенного набора навыков. В нерандомизированном пилотном исследовании было показано, что FDT способствует снижению симптомов у пациентов с депрессией [77]. Тренинг специфичности будущих событий (Future Event Specificity Training (FEST)) включает в себя две тренировки, направленные на развитие моделирования конкретных будущих событий [34]. D. Hallford с коллегами провели рандомизированное контролируемое исследование, в котором 177 участников с депрессивным эпизодом были распределены в группу, получающую FEST, и группу без FEST. Было выявлено, что FEST способствует улучшению мышления о будущем, и это

приводит к существенному снижению вероятности ангедонии, другим значительным клиническим эффектам и функциональному улучшению [35]. F. Renner с коллегами показали, что практика создания позитивных мысленных образов будущего может повысить уровень поведенческой активации в повседневной жизни у лиц с депрессией [65]. W. Rief и J. Joormann отмечают, что психотерапевтическими стратегиями при работе с депрессией могут быть: усиление эффекта нарушения ожиданий при возникновении положительного опыта и снижение эффекта когнитивной иммунизации [66]. A. Roepke и M. Seligman приводят обзор конкретных техник, ориентированных на будущее [67].

Заключение

Таким образом, антиципация является важным психическим феноменом, играющим ключевую роль в различных адаптивных функциях. Учитывая это, неудивительно, что исследователи всё больше обращают внимание на антиципацию как на фактор, вовлечённый в этиопатогенез депрессии.

Модели депрессии подчеркивают значимость антиципации в развитии и формировании этого расстройства. В ранних концепциях указывалось на то, что у лиц с депрессией наблюдается отсутствие связи между поведением и его последствиями, фокусировка на немедленных результатах и негативное восприятие будущего. Современные авторы утверждают, что антиципация играет центральную роль в патогенезе депрессии. Нарушения антиципации проявляются в бедности представлений о будущем, дисфункциональной оценке перспектив и негативном отношении к будущим событиям. Когнитивные и поведенческие стратегии способствуют поддержанию негативных ожиданий, несмотря на информацию, которая с ними не согласуется. Существуют модели, основанные на концепции прогностической обработки, которые утверждают, что при депрессии мозг становится менее чувствительным к ошибкам прогнозирования и воспринимает неопределенность будущих событий как неизбежную.

Исследования показывают, что позитивные и негативные ожидания представляют собой разные конструкты. Депрессивные лица имеют повышенную склонность ожидать негативные события и заниженную склонность ожидать позитивные. Это связано с их уверенностью в прогнозировании негативных исходов. Гипотеза депрессивного реализма предполагает, что, несмотря на негативные прогнозы, депрессивные люди могут быть более точными в своих оценках. Однако результаты частично подтверждают эту гипотезу, но её применимость имеет определенные ограничения. Данные свидетельствуют о том, что при депрессии часто переоценивается или игнорируется информация, противоречащая негативным ожиданиям. Это приводит к стойкости негативных ожиданий и формированию порочного круга.

Также было выявлено, что при депрессии снижается специфичность эпизодического мышления о будущем, что может быть связано с дефицитом эпизодической памяти и нарушениями исполнительных функций. Лица с депрессией демонстрируют сходное количество и значимость целей по сравнению с здоровыми, однако их отличает более пессимистичное восприятие вероятности достижения целей, особенно тех, что направлены на приближение. У них наблюдается дефицит конкретности в формулировке целей и описании способов их достижения, в первую очередь, для целей приближения, но не для целей избегания. Это может быть связано с нарушением способности гибко переключаться между абстрактными и конкретными уровнями интерпретации целей, а также с дефицитом специфичности автобиографической памяти.

Кроме того, у людей с депрессией выявлен значительный дефицит в аффективном

прогнозировании, проявляющийся в затруднениях при предвосхищении положительных эмоций и склонности ожидать негативные переживания. Этот дефицит связан с ангедонией и оказывает влияние на мотивацию к действиям. Антиципация также может рассматриваться как черта личности. Исследования показывают, что при депрессии снижается уровень самоэффективности и диспозиционного оптимизма.

Психологические интервенции, такие как терапия, ориентированная на будущее (Future-Directed Therapy), и тренинг специфичности будущих событий (Future Event Specificity Training), снижают симптомы депрессии за счет развития процессов антиципации. Практики, направленные на создание позитивных образов будущего, усиление эффекта нарушения ожиданий и снижение эффекта когнитивной иммунизации, также могут способствовать эффективному лечению депрессии.

В соответствии с проведенным обзором, можно сделать ряд выводов, касающихся антиципации и депрессии.

1. Содержание антиципационной деятельности характеризуется преобладанием негативных будущих событий, негативных будущих переживаний, а также целей избегания.

2. Для депрессии свойственен дефицит и исключение из антиципационной деятельности положительной информации относительно будущего. Это связано с депрессивной уверенностью относительно будущего.

3. Точность суждений относительно будущих ситуаций у лиц с депрессией выше, чем у здоровых лиц. Однако эта закономерность выражена слабо и имеет свои ограничения.

4. Стойкость негативных ожиданий обусловлена тем, что позитивная информация, противоречащая ожиданиям, игнорируется или переоценивается. Формируется порочный круг, который препятствует обновлению ожиданий.

5. Люди, страдающие депрессией, проявляют дефицит специфичности будущих представлений (событий и целей), причем это нарушение характерно для положительных событий, но не для нейтральных или негативных. В основе этого лежит нарушение автобиографической памяти.

6. Нарушения антиципации проявляются как на уровне психических процессов, так и на уровне свойств личности. Антиципация как процесс опосредует влияние диспозиционной антиципации на симптомы депрессии.

7. Психологические интервенции, направленные на процессы антиципации, могут быть эффективными в работе с депрессией.

В качестве возможных будущих исследований могут быть выделены следующие области. Во-первых, исследование антиципации как интегративного феномена. Так, В. Д. Менделевич разработал тест антиципационной состоятельности. Эта методика позволяет оценить личносто-ситуативную (способность прогнозировать жизненные события и ситуации), пространственную (способность предвосхищать перемещение предметов в пространстве, упреждать его, координировать собственные движения) и временную (способность прогнозировать течение и точно распределять время) антиципацию [2]. Можно предполагать, что помимо личностно-ситуативной составляющей, будут снижены показатели временной и пространственной антиципации, поскольку депрессивное состояние характеризуется психомоторной заторможенностью и нарушением

хронобиологических ритмов. Во-вторых, изучение непроизвольной и спонтанной антиципационной деятельности. В-третьих, уточнение, от чего зависит точность прогнозов у депрессивных лиц. В-четвертых, оценка и сравнение профилей антиципации у различных групп. Например, сравнение лиц, впервые перенесших депрессивный эпизод, с группой лиц, страдающих рекуррентной депрессией. В-пятых, разработка и оценка психологических интервенций, направленных на процессы антиципации.

Библиография

1. Ломов Б. Ф. Психическая регуляция деятельности: Избранные труды. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006. 624 с. (Выдающиеся ученые Института психологии РАН)
2. Менделевич В. Д. Антиципационные механизмы неврозогенеза. – М.: ИД «Городец», 2018. 448 с.
3. Ничипоренко Н. П., Менделевич В. Д. Феномен антиципационных способностей как предмет психологического исследования //Психологический журнал. 2006. Т. 27. № 5. С. 50-59.
4. Регуш Л. А. Психология прогнозирования: успехи в познании будущего. Санкт-Петербург: СПб.: Изд-во Речь, 2003. 352 с.
5. Сергиенко Е. А. Антиципация: феномен и принцип психической организации //Разработка понятий современной психологии. – 2021. – С. 85-134.
6. Эллис Л. Когнитивный элемент депрессии, которым несправедливо пренебрегают // Консультативная психология и психотерапия. 1994. Том 3. № 1.
7. Abramson L. Y., Seligman M. E., Teasdale J. D. Learned helplessness in humans: critique and reformulation // Journal of abnormal psychology. 1978. Vol. 87. № 1. P. 49-74.
8. Abramson L. Y., Metalsky G. I., Alloy L. B. Hopelessness depression: A theory-based subtype of depression //Psychological review. 1989. Vol. 96. № 2. P. 358-372.
9. Addis D. R., Hach S., Tippett L. J. Do strategic processes contribute to the specificity of future simulation in depression? //British Journal of Clinical Psychology. 2016. Vol. 55. № 2. P. 167-186.
10. Alloy L. B., Abramson L. Y. Judgment of contingency in depressed and nondepressed students: Sadder but wiser? // Journal of experimental psychology: General. 1979. Vol. 108. № 4. P. 441-485.
11. Alloy L. B., Abramson L. Y. Depressive realism: Four theoretical perspectives. – 1988.
12. Alloy L. B. et al. The hopelessness theory of depression: Attributional aspects //British Journal of Clinical Psychology. 1988. Vol. 27. № 1. P. 5-21.
13. Andersen S. M., Lyon J. E. Anticipating undesired outcomes: The role of outcome certainty in the onset of depressive affect //Journal of Experimental Social Psychology. 1987. Vol. 23. № 5. P. 428-443.
14. Andersen S. M. The inevitability of future suffering: The role of depressive predictive certainty in depression // Social cognition. 1990. Vol. 8. № 2. P. 203-228.
15. Andersen S. M., Spielman L. A., Bargh J. A. Future-event schemas and certainty about the future: automaticity in depressives' future-event predictions //Journal of personality and social psychology. 1992. Vol. 63. № 5. P. 711-23.
16. Andersen S. M., Limpert C. Future-event schemas: Automaticity and rumination in major depression //Cognitive Therapy and Research. 2001. Vol. 25. P. 311-333.
17. Atance C. M., O'Neill D. K. The emergence of episodic future thinking in humans //Learning and motivation. 2005. Vol. 36. № 2. P. 126-144.
18. Bandura A.A. Self-efficacy: Toward a unifying theory of behavior change // Psychological Review. 1977. Vol. 84. P. 191-215.
19. Barrett L. F., Quigley K. S., Hamilton P. An active inference theory of allostasis and

interoception in depression //Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences. 2016. Vol. 371. № 1708. P. 20160011.
20. Beck A. T. Cognitive therapy and the emotional disorders. – Penguin, 1979.
21. Beck A. T. et al. Specificity of hopelessness about resolving life problems: Another test of the cognitive model of depression // Cognitive Therapy and Research. 2006. Vol. 30. P. 773-781.
22. Belcher J., Kangas M. Reduced goal specificity is associated with reduced memory specificity in depressed adults // Cognition & emotion. 2014. Vol. 28. № 1. – P. 163-171.
23. Benoit R. G., Schacter D. L. Specifying the core network supporting episodic simulation and episodic memory by activation likelihood estimation // Neuropsychologia. 2015. Vol. 75. P. 450-457.
24. Carver C. S., Scheier M. F., Segerstrom S. C. Optimism // Clinical psychology review. 2010. Vol. 30. № 7. P. 879-889.
25. Carver C. S., Scheier M. F. Dispositional optimism // Trends in cognitive sciences. 2014. Vol. 18. № 6. P. 293-299.
26. Clark J. E., Watson S., Friston K. J. What is mood? A computational perspective // Psychological medicine. 2018. Vol. 48. № 14. P. 2277-2284.
27. Dickson J. M., Moberly N. J., Kinderman P. Depressed people are not less motivated by personal goals but are more pessimistic about attaining them // Journal of abnormal psychology. 2011. Vol. 120. № 4. P. 975-80.
28. Dickson J. M., Moberly N. J. Reduced specificity of personal goals and explanations for goal attainment in major depression // PloS one. 2013. Vol. 8. № 5. – P. e64512.
29. Dickson J. M. et al. Goal fluency, pessimism and disengagement in depression // PloS one. 2016. Vol. 11. № 11. P. e0166259.
30. Gamble B. et al. Specificity of future thinking in depression: A meta-analysis // Perspectives on Psychological Science. 2019. Vol. 14. № 5. P. 816-834.
31. Giltay E. J., Zitman F. G., Kromhout D. Dispositional optimism and the risk of depressive symptoms during 15 years of follow-up: the Zutphen Elderly Study // Journal of affective disorders. 2006. Vol. 91. № 1. P. 45-52.
32. Hallford D. J. et al. Psychopathology and episodic future thinking: A systematic review and meta-analysis of specificity and episodic detail // Behaviour research and therapy. 2018. Vol. 102. P. 42-51.
33. Hallford D. J., Sharma M. K. Anticipatory pleasure for future experiences in schizophrenia spectrum disorders and major depression: A systematic review and meta‐analysis //British Journal of Clinical Psychology. 2019. Vol. 58. № 4. P. 357-383.
34. Hallford D. J. et al. Changing the future: An initial test of future specificity training (FeST) // Behaviour Research and Therapy. 2020. Vol. 131. P. 103638.
35. Hallford D. J. et al. Reducing anhedonia in major depressive disorder with future event specificity training (FEST): a randomized controlled trial // Cognitive Therapy and Research. 2023. Vol. 47. № 1. P. 20-37.
36. Hoerger M. et al. Affective forecasting and self-rated symptoms of depression, anxiety, and hypomania: Evidence for a dysphoric forecasting bias // Cognition & emotion. 2012. Vol. 26. № 6. P. 1098-1106.
37. Jacobson J. A., Weary G., Edwards J. A. Certainty-related beliefs and depressive symptomatology: Concurrent and longitudinal relationships // Social Cognition. 1999. Vol. 17. № 1. P. 19-45.
38. Kronstrom K. et al. Optimism and pessimism as predictors of work disability with a diagnosis of depression: a prospective cohort study of onset and recovery // Journal of affective disorders. 2011. Vol. 130. № 1-2. P. 294-299.
39. Kube T., Rief W., Glombiewski J. A. On the maintenance of expectations in major

depression–investigating a neglected phenomenon // Frontiers in Psychology. 2017. Vol. 8. P. 9.
40. Kube T., Glombiewski J. A., Rief W. Situational expectations mediate the effect of global beliefs on depressive symptoms: a 1-year prospective study using a student sample // Current Opinion in Psychiatry. 2018. Vol. 31. № 5. P. 409-416.
41. Kube T. et al. Integrating situation-specific dysfunctional expectations and dispositional optimism into the cognitive model of depression – A path-analytic approach // Journal of Affective Disorders. 2018. Vol. 229. P. 199-205.
42. Kube T. et al. Distorted cognitive processes in major depression: A predictive processing perspective // Biological psychiatry. 2020. Vol. 87. № 5. P. 388-398.
43. Laferton J. A. C. et al. Patients' expectations regarding medical treatment: a critical review of concepts and their assessment // Frontiers in psychology. 2017. Vol. 8. P. 233.
44. Leahy R. L. Depression and resistance: An investment model of decision-making // Behaviour Therapist. 1997. Vol. 20. P. 3-5.
45. Leahy R. L. An investment model of depressive resistance // Journal of cognitive psychotherapy. 1997. Vol. 11. № 1. P. 3-19.
46. Liu X. et al. Abnormalities of autobiographical memory of patients with depressive disorders: A metal analysis // Psychology and Psychotherapy: Theory, Research and Practice. 2013. Vol. 86. № 4. P. 353-373.
47. Luszczynska A., Scholz U., Schwarzer R. The general self-efficacy scale: multicultural validation studies // The Journal of psychology. 2005. Vol. 139. № 5. P. 439-457.
48. MacLeod A. K., Byrne A. Anxiety, depression, and the anticipation of future positive and negative experiences // Journal of abnormal psychology. 1996. – Vol. 105. № 2. P. 286-289.
49. MacLeod A. K. et al. Retrospective and prospective cognitions in anxiety and depression // Cognition & Emotion. 1997. Vol. 11. № 4. P. 467-479.
50. MacLeod A. K., Salaminiou E. Reduced positive future-thinking in depression: Cognitive and affective factors // Cognition & Emotion. 2001. Vol. 15. № 1. P. 99-107.
51. Maddux J. E., Meier L. J. Self-efficacy and depression // Self-efficacy, adaptation, and adjustment: Theory, research, and application. – Boston, MA : Springer US, 1995. P. 143-169.
52. Maier S. F., Seligman M. E. Learned helplessness: theory and evidence // Journal of experimental psychology: general. 1976. Vol. 105. № 1. P. 3-46.
53. Marroquin B., Nolen-Hoeksema S. Event prediction and affective forecasting in depressive cognition: Using emotion as information about the future // Journal of Social and Clinical Psychology. 2015. Vol. 34. № 2. P. 117-134.
54. Mathersul D. C., Ruscio A. M. Forecasting the future, remembering the past: Misrepresentations of daily emotional experience in generalized anxiety disorder and major depressive disorder // Cognitive Therapy and Research. 2020. Vol. 44. № 1. P. 73-88.
55. Mathews A., Mackintosh B., Fulcher E. P. Cognitive biases in anxiety and attention to threat // Trends in cognitive sciences. 1997. Vol. 1. № 9. P. 340-345.
56. McFarland C. P. et al. Enhancing memory and imagination improves problem solving among individuals with depression // Memory & cognition. 2017. – Vol. 45. P. 932-939.
57. Milanovic M. et al. Self efficacy in depression: bridging the gap between competence and real world functioning // The Journal of nervous and mental disease. 2018 Vol. 206. № 5. P. 350-355.
58. Miloyan B., Pachana N. A., Suddendorf T. The future is here: A review of foresight systems in anxiety and depression // Cognition & emotion. 2014. Vol. 28. – № 5. P. 795-810.
59. Miranda R., Mennin D. S. Depression, generalized anxiety disorder, and certainty in pessimistic predictions about the future // Cognitive therapy and research. 2007. Vol. 31. P.

71-82.
60. Miranda R., Fontes M., Marroquin B. Cognitive content-specificity in future expectancies: Role of hopelessness and intolerance of uncertainty in depression and GAD symptoms // Behaviour research and therapy. 2008. Vol. 46. № 10. P. 1151-1159.
61. Moore M. T., Fresco D. M. Depressive realism: A meta-analytic review // Clinical psychology review. 2012. Vol. 32. № 6. C. 496-509.
62. Nes L. S., Segerstrom S. C. Dispositional optimism and coping: A meta-analytic review // Personality and social psychology review. 2006. Vol. 10. № 3. P. 235-251.
63. Parlar M. et al. Parental bonding and neuropsychological performance are associated with episodic simulation of future events in trauma‐exposed patients with major depressive disorder // Brain and Behavior. 2016. Vol. 6. № 7. P. e00474.
64. Rehm L. P. A self-control model of depression // Behavior therapy. 1977. Vol. 8. № 5. P. 787-804.
65. Renner F. et al. Effects of engaging in repeated mental imagery of future positive events on behavioural activation in individuals with major depressive disorder //Cognitive Therapy and Research. 2017. Vol. 41. P. 369-380.
66. Rief W., Joormann J. Revisiting the cognitive model of depression: The role of expectations // Clinical Psychology in Europe. 2019. Vol. 1. № 1. P. 1-19.
67. Roepke A. M., Seligman M. E. P. Depression and prospection // British Journal of Clinical Psychology. 2016. Vol. 55. № 1. P. 23-48.
68. Schacter D. L., Addis D. R. The cognitive neuroscience of constructive memory: remembering the past and imagining the future // Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences. 2007. Vol. 362. № 1481. P. 773-786.
69. Schacter D. L., Benoit R. G., Szpunar K. K. Episodic future thinking: Mechanisms and functions // Current opinion in behavioral sciences. 2017. Vol. 17. P. 41-50.
70. Scheier M. F., Carver C. S. Dispositional optimism and physical health: A long look back, a quick look forward // American Psychologist. 2018. Vol. 73. № 9. P. 1082-1094.
71. Seligman M. E. P., Maier S. F., Solomon R. L. Unpredictable and uncontrollable aversive events // Aversive conditioning and learning. 1971. P. 347-400.
72. Sherdell L., Waugh C. E., Gotlib I. H. Anticipatory pleasure predicts motivation for reward in major depression // Journal of abnormal psychology. 2012. Vol. 121. № 1. P. 51-60.
73. Strunk D. R., Lopez H., DeRubeis R. J. Depressive symptoms are associated with unrealistic negative predictions of future life events // Behaviour research and therapy. 2006. Vol. 44. № 6. P. 861-882.
74. Szpunar K. K., Spreng R. N., Schacter D. L. A taxonomy of prospection: Introducing an organizational framework for future-oriented cognition // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2014. Vol. 111. № 52. P. 18414-18421.
75. Van Vreeswijk M. F., De Wilde E. J. Autobiographical memory specificity, psychopathology, depressed mood and the use of the Autobiographical Memory Test: A meta-analysis // Behaviour research and therapy. 2004. Vol. 42. № 6. P. 731-743.
76. Vickers K. S., Vogeltanz N. D. Dispositional optimism as a predictor of depressive symptoms over time // Personality and Individual Differences. 2000. Vol. 28. № 2. P. 259-272.
77. Vilhauer J. S. et al. Treating major depression by creating positive expectations for the future: A pilot study for the effectiveness of future‐directed therapy (FDT) on symptom severity and quality of life // CNS neuroscience & therapeutics. 2012. Vol. 18. № 2. P. 102-109.
78. Watkins E. Dysregulation in level of goal and action identification across psychological disorders // Clinical psychology review. 2011. Vol. 31. № 2. P. 260-278.

79. Watkins E. R., Moberly N. J., Moulds M. L. When the ends outweigh the means: Mood and level of identification in depression // Cognition & Emotion. 2011. Vol. 25. № 7. P. 1214-1227.
80. Wenze S. J., Gunthert K. C., German R. E. Biases in affective forecasting and recall in individuals with depression and anxiety symptoms // Personality and Social Psychology Bulletin. 2012. Vol. 38. № 7. P. 895-906.
81. Williams J. M. G. Capture and rumination, f unctional a voidance, and ex ecutive control (CaRFAX): Three processes that underlie overgeneral memory // Cognition and emotion. 2006. Vol. 20. № 3-4. P. 548-568.
82. Williams J. M. G. et al. Autobiographical memory specificity and emotional disorder // Psychological bulletin. 2007. Vol. 133. № 1. P. 122-48.
83. Wilson T. D., Gilbert D. T. Affective forecasting // Advances in experimental social psychology. 2003. Vol. 35. № 35. P. 345-411.
84. Wilson T. D., Gilbert D. T. Affective forecasting: Knowing what to want // Current directions in psychological science. 2005. Vol. 14. № 3. P. 131-134.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.
Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться здесь.

Предмет исследования хоть и не заявлен явно, но можно назвать его так "антиципация как фактор в развитии депрессии". Предмет статьи весьма интересен. Антиципация в принципе нечасто исследуется в отечественных работах, а в данной статье изучается в клиническом аспекте.
В качестве метода исследования в заглавии заявлен литературный обзор. Литературный обзор, представленный в работе, нельзя назвать системным или специальным способом структурированным, однако является достаточно обширным. В этом смысле можно сказать, что методология исследования соответствует заявленной цели работы - изучению разрозненных исследований антиципации при депрессии.
Статья обладает высокой актуальностью. В отечественной литературе антиципация в структуре депрессии и как фактор развития депрессии (вообще как компонент депрессивного расстройства или в связи и связности с депрессивным расстройством) изучается крайне редко.
В добавление к сказанному про актуальность можно сказать, что работа обладает достаточно высокой научной новизной именно для отечественной психологической литературы.
Стиль статьи научный и соответствует требованиям к статье в научном журнале. Структура статьи не совсем классическая, но в целом соответствует научной работе. Разделы отражают основное содержание статьи.
Библиография работы обширная, как и полагается статье, построенной на литературном обзоре. Значительное число зарубежных источников, также значительное число работ, опубликованных в пределах 10 лет.
Присутствует апелляция не к оппонентам, но к ведущим авторам по данной теме, в частности к работе В.Д, Менделевича.
Выводы сформулированы конкретно, следуют из литературного анализа. Интерес читательской аудитории предопределен редкостью темы и обширностью источников.

В целом можно сказать, что работа представляет собою хороший литературный обзор.

Задействовано значительное число литературных источников, в том числе иностранных. Выбранный предмет исследования - антиципация - малоизучен в отечественной психологии, поэтому заведомо актуален, и работа заранее будет представлять интерес для клинико-психологической аудитории. Обзор достаточно обширен - более 80 работ, однако не совсем системен. В этой связи рекомендуется авторам несколько конкретизировать тип самого литературного обзора (систематический, нарративный, зонтичный итд). Конкретную работу можно отнести скорее к разновидностям нарративного литературного обзора. Не совсем понятны критерии включения тех или иных источников в обзор, вообще принципы отбора литературы не прописаны авторами. Нельзя назвать это значительным недостатком, но следует учесть при дальнейшей работе над темой.
Также, работа бы выиграла от более четкого и конкретного (хотя, возможно, несколько более сухого) определения цели, предмета, задач работы. Сейчас они просматриваются имплицитно, но следует их заявлять более явно.

Вообще работа представляет интерес, так как посвящена редкой теме и представляет собою в целом достаточно обширный литературный обзор с четко сформулированными и логичными выводами, следующими из проанализированного материала.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.
Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться здесь.

Предметом исследования в представленной статье являются антиципация и депрессия через обзор исследований.
В качестве методологии предметной области исследования в данной статье были использованы дескриптивный метод, метод категоризации, метод анализа, а также метод нарративного обзора литературы.
Актуальность статьи не вызывает сомнения, поскольку современный социум со стремительно развивающимися информационными технологиями, зачастую агрессивным информационным потоком, значительными нагрузками в различных сферах жизнедеятельности человека и множеством других рисков оказывает отрицательное влияние на физическое и психическое состояние представителей различных социальных групп. В этом контексте изучение исследований, посвященных антиципации и депрессии, представляет научный интерес.
Научная новизна исследования заключается в изучении по авторской методике и последующим анализом «разрозненных исследований, посвященных антиципации в контексте депрессии».
Статья написана языком научного стиля с использованием в тексте исследования изложения различных позиций ученых к изучаемой проблеме, а также использованием терминологии, характеризующей предмет исследования.
Структура статьи, к сожалению, не полностью выдержана с учетом основных требований, предъявляемых к написанию научных статей. Структура данного исследования включает в себя введение, основную часть, заключение и библиографию.
Содержание статьи отражает ее структуру. В частности, особый интерес представляет авторский акцент на том, что «при депрессии обнаруживается дефицит специфичности целей. Люди с депрессивным расстройством, по сравнению со здоровыми, ставят менее конкретные цели и менее конкретно объясняют способы достижения целей приближения (но не целей избегания). Толкование целей на абстрактном уровне (например, «быть

способным человеком») без возможности интерпретировать их более конкретным способом (например, «заниматься английским в течение одного часа каждый день») может затруднить эффективное достижение целей и, соответственно, затруднить саморегуляцию».

Библиография содержит 84 источника, включающих в себя отечественные и зарубежные периодические и непериодические издания.

В статье приводится описание различных позиций и точек зрения ученых, характеризующих различные подходы к пониманию категорий антиципации и депрессии, а также их особенностей. В статье содержится апелляция к различным научным трудам и источникам, посвященных этой тематике, которая входит в круг научных интересов исследователей, занимающихся указанной проблематикой.

В представленном исследовании содержатся выводы, касающиеся предметной области исследования. В частности, отмечается следующее: «1. Содержание антиципационной деятельность характеризуется преобладанием негативных будущих событий, негативных будущих переживаний, а также целей избегания. 2. Для депрессии свойственен дефицит и исключение из антиципационной деятельности положительной информации относительно будущего. Это связано с депрессивной уверенностью относительно будущего. 3. Точность суждений относительно будущих ситуаций у лиц с депрессией выше, чем у здоровых лиц. Однако эта закономерность выражена слабо и имеет свои ограничения. 4. Стойкость негативных ожиданий обусловлена тем, что позитивная информация, противоречащая ожиданиям, игнорируется или переоценивается. Формируется порочный круг, который препятствует обновлению ожиданий. 5. Люди, страдающие депрессией, проявляют дефицит специфичности будущих представлений (событий и целей), причем это нарушение характерно для положительных событий, но не для нейтральных или негативных. В основе этого лежит нарушение автобиографической памяти. 6. Нарушения антиципации проявляются как на уровне психических процессов, так и на уровне свойств личности. Антиципация как процесс опосредует влияние диспозиционной антиципации на симптомы депрессии. 7. Психологические интервенции, направленные на процессы антиципации, могут быть эффективными в работе с депрессией».

Материалы данного исследования рассчитаны на широкий круг читательской аудитории, они могут быть интересны и использованы учеными в научных целях, педагогическими работниками в образовательном процессе, психологами, психотерапевтами, аналитиками и экспертами.

В качестве недостатков данного исследования следует отметить, то, что особое внимание целесообразно было бы уделить структуре научной статьи и отдельным ее элементам, в частности, методологии исследования, описать ее более полно, выделить отдельным заголовком. Результаты исследования и их обсуждение можно было бы выделить отдельно. По результатам исследования целесообразно было бы сформулировать обобщающее заключение, а по факту в представленном заключении содержатся выводы и перспективы дальнейших исследований. Выводы можно было бы выделить как отдельный структурный элемент. Сноски должны быть оформлены единообразно, а в тексте встречаются сноски, представленные в таком виде, как «[например, 13-16, 21, 30, 33, 49, 50, 55, 59], [например, 67]». Если возможно, то библиографию стоило бы пересмотреть в сторону сокращения, так как представленная библиография для такого вида научной работы, как статья, является очень объемной. Указанные недостатки не снижают научную значимость самого исследования, однако их необходимо оперативно устранить, доработать текст статьи, а рукопись рекомендуется вернуть на доработку.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.
Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться здесь.

Предмет исследования: выступает антиципация как один из ключевых факторов, оказывающих влияние на развитие депрессивных расстройств.

Методология исследования: В качестве метода был выбран нарративный обзор литературы. Этот подход позволяет охватить широкий спектр исследований антиципации, избегая узкой фокусировки на отдельных её аспектах, что важно для понимания сложного и многофакторного психического феномена. Во-вторых, исследование антиципации в контексте её связи с депрессией является относительно новой областью, в которой пока недостаточно эмпирических данных для проведения систематического обзора. Поэтому нарративный обзор был выбран как наиболее подходящий способ интеграции различных теорий и существующих данных. Поиск литературы проводился в базах данных PubMed, PsycINFO и Scopus. Литература отбиралась на основе ключевых слов: «антиципация», «перспектива», «ожидание», «предвосхищение», «прогнозирование», «предсказание», «мышление о будущем», «мышление, направленное на будущее», «прогностическая обработка», «суждение о будущем» в сочетании с терминами «дисфория», «депрессия» и «депрессивное расстройство». Поиск охватывал работы, опубликованные с 1970 года по настоящее время. Выбор временного диапазона был обусловлен развитием когнитивно-поведенческих моделей в 1970-х годах, которые акцентировали внимание на роли когнитивных процессов в формировании депрессии.

Актуальность: Развитая антиципация позволяет предотвращать, снижать частоту, неожиданность и остроту действия различных стрессоров; сформировать прогноз относительно течения и возможных сценариев развития трудной ситуации; реализовать адаптивные действия до наступления потенциального стрессогенного события. В связи с недостаточной систематизацией данных, цель данной работы заключается в анализе разрозненных исследований, посвященных антиципации в контексте депрессии.

Научная новизна: Авторами выявлено, что антиципация играет роль в ряде важных процессов, таких как планирование, принятие решений, эмоциональная регуляция, проспективная память и формирование самоощущения. Подчеркивается, что развитая антиципация позволяет предотвращать, снижать частоту, неожиданность и остроту действия различных стрессоров; сформировать прогноз относительно течения и возможных сценариев развития трудной ситуации; реализовать адаптивные действия до наступления потенциального стрессогенного события. Учитывая спектр психических процессов, с которыми связана антиципация, логично предположить, что это должно быть каким-то образом связано с депрессией.

Стиль, структура, содержание: Представленная на рецензирование статья соответствует требованиям научного журнала. Все разделы статьи логически взаимосвязаны, а положения статьи подтверждены цитатами из авторитетных источников и ссылками на научные исследования.

Библиография: Литература соответствует заявленной тематике.

Апелляция к оппонентам: Авторы провели серьезный анализ по исследуемой проблеме исследования. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями.

Выводы, интерес читательской аудитории: Авторы расширяет и уточняет сведения о антиципации, как важном психическом феномене, играющим ключевую роль в различных адаптивных функциях. Полученные данные представляют практический интерес как для исследователей, так и для практикующих специалистов.

Психология и Психотехника
Правильная ссылка на статью:
Шилова В.А. Агрессия как психологический феномен и теоретические аспекты его понимания // Психология и Психотехника. 2025. № 3. DOI: 10.7256/2454-0722.2025.3.75175 EDN: CEZVVT URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75175

Агрессия как психологический феномен и теоретические аспекты его понимания

Шилова Виктория Артемовна

ORCID: 0009-0006-1936-9125

клинический психолог; факультет психологии; Санкт-Петербургский государственный университет
специалист по организации и проведению молодежных мероприятий; Учебно-методический центр; СПб ГБУ "ГЦСП "КОНТАКТ"

197349, Россия, г. Санкт-Петербург, Приморский р-н, Комендантский пр-кт, д. 9 литера А

yermilova.v@gmail.com

Статья из рубрики "Социальные страсти"

DOI:

10.7256/2454-0722.2025.3.75175

EDN:

CEZVVT

Дата направления статьи в редакцию:

15-07-2025

Дата публикации:

26-07-2025

Аннотация: Агрессия – крайне сложный и многоаспектный психологический феномен, оказывающий влияние на межличностные отношения и социальную стабильность. Несмотря на обширное количество теоретических подходов к её изучению, существует значительное разнообразие в представлениях о природе агрессии, её формах и мотивации к реализации, что затрудняет психологическую работу с агрессией в различных её проявлениях. Предметом исследования выступила агрессия как психологический феномен и подходы к ее пониманию. Авторами были изучены также понятия "агрессивное поведение", "агрессивность" "враждебность" и иные часто используемые в данной тематике понятия. В самом исследовании была поставлена цель систематизировать и критически проанализировать основные теоретические подходы к

агрессии как психологическому феномену, выделить ключевые психологические механизмы и мотивационные аспекты реализации человеком агрессивных тенденций. Кроме того, виделось важным предложить интегративное определение «агрессии», которое могло бы использоваться при проведении эмпирических исследованиях и разработке практических методов профилактики и коррекции агрессивного поведения. Предполагалось, что агрессия существенно отличается от близких понятий и представляет собой многоуровневую структуру с функциональными и мотивационными компонентами. В исследовании использован теоретико-методологический анализ научный публикаций для выявления ключевых компонентов агрессии, определения её терминологического поля, а также систематизации подходов к её пониманию. На начальном этапе осуществлялся простой отбор публикаций по ключевым словам «агрессия», «агрессивное поведение» и т. п., после чего выбранные статьи подвергались непосредственному контент-анализу. В ходе исследования проанализированы классические и современные концепции агрессии, выявлено разнообразие её форм и сформулированы чёткие разграничения понятий «агрессия», «агрессивность», «агрессивное поведение», а также «гнев» и «враждебность». Предложенная авторами исследования классификация подходов к пониманию механизмов агрессии интегрировала в себя психологические, социальные, биологические и экологические концепции. Кроме того, в статье было сформулировано интегративное определение агрессии как психологического феномена, учитывающее его биологические, психологические и социальные детерминанты. Разработанная классификация позволяет шире посмотреть на понимание феномена, а сформулированное определение данного психологического феномена открывает перспективы для проведения глубинных эмпирических исследований, создания диагностических инструментов и программ профилактики и коррекции агрессивного поведения в современных социокультурных условиях.

Ключевые слова:

агрессия, агрессивное поведение, агрессивность, психологический феномен агрессии, теоретический обзор, классификация, определение агрессии, природа агрессии, подходы к изучению, психологические механизмы агрессии

Введение

Проблема агрессивного поведения, его истоков в целом и причин для каждого отдельного проявления, как и самих проявлений, а также деструктивности и конструктивности, несправедливости и правомерности интересует научное сообщество уже давно. Впервые этой проблемой занимался в философии Т. Гоббс, предполагавший дикое, разрушающее начало внутри каждого человека, которое возможно обуздать лишь с помощью общественного порядка и закона. Как бы в противовес такому мнению появилось мнение Ж. Руссо, полагающее добрую натуру человека, развивающуюся в благоприятной среде, но не имеющую реализации в среде с ограничениями, которые и побуждают человека проявлять враждебность и агрессию. Ещё одно альтернативное мнение - что агрессия является врождённым свойством, однако присуща не каждому, которое впервые было упомянуто Платоном, который делил общество на реализующих свой агрессивный потенциал во благо общество «воинов» и неагрессивных «земледельцев» и «философов» [16].

Однако несмотря на многочисленность подходов и концепция, вопрос о природе и

механизмах агрессивного поведения, особенно превенции деструктивного её типа, всё ещё стоит остро. Психология агрессии на данном этапе своего развития всё ещё не имеет единого понятийного аппарата и системы категорий, различающихся в зависимости от методологической базы того или иного подхода или школы [1]. При этом как современные научные исследования, так и законодательные решения подчеркивают необходимость интеграции различных теоретических позиций для более полного осмысления агрессивного поведения и в перспективе - разработки соответствующих профилактических и коррекционных программ.

Так, авторам виделось важным проведение данного исследования с целью систематизации и критического анализа основных теоретических подходов к феномену агрессии, выделения ключевых мотивационных аспектов агрессивного поведения, а также разработка интегративного определения «агрессии». Предметом исследования выступила агрессия как психологический феномен. Для достижения обозначенной цели были поставлены следующие задачи:

1) провести контент-анализ и сопоставить различные теории агрессии в отечественной и зарубежной психологии;

2) на основе анализа классифицировать рассмотренные теории в отношении феномена;

3) определить терминологическое поле понятия «агрессия» и смежных для него понятий;

4) с использованием контент-анализа выявить ключевые мотивационные, эмоциональные и функциональные аспекты агрессивного поведения;

5) обобщить существующее в научном сообществе понимание «агрессии» и предложить интегративное определение феномену.

В качестве гипотезы к исследованию было выдвинуто предположение о том, что «агрессия» как психологический феномен существенно отличается от близких по смыслу и иногда взаимозаменяемых терминов, например, таких как «агрессивное поведение», и для более полного и точного описания своей природы и проявлений должна рассматриваться как многоуровневая структура, включающая функциональные и мотивационные компоненты.

Методология и методы исследования

При проведении исследовании использовался теоретико-методологический анализ имеющейся по теме научной литературы, в том числе научных статей, монографий и словарей. В первую очередь, осуществлялся отбор источников по ключевым словами и аннотациям, охватывающим темы «агрессии», «агрессивного поведения», «агрессивность», «гнев», «враждебность», «насилие», их однокоренных слов и прямого перевода. Для дальнейшей обработки в качестве метода исследования был выбран контент-анализ, что позволило более объективно и системно выявлять основные темы, паттерны и транслируемое авторами материалов отношение к агрессии как феномену в теоретических и эмпирических материалах, охватывая как явные, так и косвенные проявления. Данный подход был выбран с целью минимизации субъективности исследователя и способствованию интеграции различных теоретических позиций для построения целостной картины сложного психологического явления. Источники включались осуществлялся по таким В статье проанализированы классические и современные концепции агрессии, выявлено разнообразие её форм и сформулированы чёткие разграничения понятий «агрессия», «агрессивность», «агрессивное поведение»,

а также «гнев» и «враждебность».

Соотношение понятий «агрессия», «агрессивность» и «агрессивное поведение». Понятие «гнев» и «гневливость»

Говоря об истоках определения агрессии, стоит начать с его фактического перевода: термин «агрессия» происходит от латинского «agressio», означающего «нападение», «приступ». Считается, что слово «агрессия» произошло от лат. «aggredi», что буквально означает «двигаться на», «наступать» [2]. Но определение термина выходит далеко за границы прямого перевода.

«Большой психологический словарь» под ред. Мещерякова и Зинченко определяет «агрессию» как «мотивированное деструктивное поведение, противоречащее нормам (правилам) сосуществования людей в обществе, наносящее вред объектам нападения (одушевленным и неодушевленным), приносящее физический ущерб людям или вызывающее у них психологический дискомфорт (отрицательные переживания, состояние напряженности, страха, подавленности и т. п.)» [4].

С точки зрения С. Н. Ениколопова, термин «агрессия» определяется следующим образом: «напористое, доминирующее, атакующее и вредоносное поведение и объединяет в себе такие различные по форме и результатам акты поведения, как злые шутки, сплетни, враждебные фантазии, деструктивные формы поведения, вплоть до убийств и самоубийств [6].

Такой разброс в определениях термина может быть объяснён наличием разных его аспектов (и видов агрессии), что в свою очередь объясняет необходимость рассмотрения данного явления с разных сторон. Поэтому в прикладном аспекте определить, насколько поведение того или иного человека можно считать агрессивным или неагрессивным, чаще представляется возможным, однако инвариантная точка отсчета определения «агрессии» как феномена, относительно которой можно оценить разные интерпретации данного термина, все еще не найдена [2, 6, 19]. Так, в «Большом психологическом словаре» определение агрессии дополняется классификацией её видов: физическая, вербальная, прямая, косвенная, инструментальная, враждебная, аутоагрессия, альтруистическая; а под агрессивные действия предлагается понимать как:

1) средства достижения какой-либо значимой цели;

2) способа психологической разрядки;

3) способа удовлетворения потребности в самореализации и самоутверждении

Между тем, агрессию нельзя определять и без понимания её направленности, а значит – цели. В качестве целей агрессии выделяют:

1) Цели агрессии, не связанные с причинением ущерба:

a. Принуждение;

b. Власть и доминирование;

c. Управление впечатлением;

2) Цели агрессии, связанные с причинением ущерба [3-4].

Немаловажно, что при изучении феномена агрессии можно выделить следующую

особенность: агрессивное поведение, являясь инстинктивно и социально обусловленным поведением, имеет прямую связь с удовлетворением важных жизненных потребностей. Блокирование одной из этих потребностей может вызвать усиление агрессивных тенденций. То есть, на индивидном уровне патологический или непатологический характер агрессии может быть оценен как в зависимости от соответствующего качества фрустрируемых потребностей, так и в зависимости от количественных характеристик агрессивного поведения, а кроме того – его социальной направленности. Поэтому, рассматривая агрессию как «неправильное поведение», исследователь обречен столкнуться с необходимостью более строгого определения «социальной нормы», которая будет своей для каждой отдельной культуры, группы людей или отдельного человека, что может подвести исследователя к отдельному витку размышлений о природе агрессии. Поэтому, существующее широкое терминологическое поле способно ввести в заблуждение исследователя, нацеленного на оценку того или иного проявления агрессивного поведения, что также наталкивает на мысль о необходимости более детального его рассмотрения.

Видится также важным разграничить, казалось бы, близкие, но принципиально различные термины как «агрессия» и «агрессивность». Если под «агрессией» принято понимать действие или совокупность действий, направленных на определенный объект и отражающих внутренние мотивы, чувства и актуальные эмоциональные состояния субъекта, то «агрессивность» рассматривается как устойчивая черта характера, установка или позиция личности, выражающаяся в готовности к агрессивным действиям. По мнению А. Налчаджян, агрессивность может быть выражена в качестве агрессивных действий, недовольстве, недоброжелательности и пр. При этом в ряде случаев она становится ведущим комплексом в структуре характера, а ее крайняя выраженность может приводить к агрессивному поведению даже в ситуациях, не требующих подобной реакции и где агрессия оказывается неадекватной или вредной [12].

А.А. Реан также подчеркивает необходимость разграничения понятий «агрессия» и «агрессивность», определяя первое как некоторые действия, причиняющие ущерб другому, а второе – как свойство личности, выражающееся в готовности к совершению подобных действий. Это позволяет рассматривать агрессивность как относительно устойчивую черту, степень выраженности которой может определяться не только научением в процессе социализации, но и ориентацией на культурно-социальные, общественные нормы. Р.А. Петренко, рассматривая агрессивность как свойстве личности, отмечает, что она может проявляться в различных степенях, как и любое другое личностное качество. Предполагается в таком случае, что любой индивид обладает той или иной степенью агрессивности. При этом отсутствие агрессивности может снижать адаптивность в социальной среде, а ее чрезмерная выраженность - затруднять установление социальных связей и успешную социализацию. Исходя из того, что внешне агрессивные действия могут выглядеть схоже, но иметь разную мотивационную основу, Р.А. Петренко выделяет следующие основные типы агрессивных проявлений: мотивационная агрессия (как самоценность) и инструментальная агрессия (как средство). Оба типа могут реализовываться как под сознательным контролем, так и вне его, и неизбежно сопряжены с эмоциональными переживаниями – гневом, враждебностью и другими. Под «гневом» он понимает эмоциональную реакцию, сопряженную с чувством внутреннего напряжения, часто проявляющуюся с задействованием мышц, в т. ч. мимически. «Враждебность» трактуется им как некое негативное отношение к некоему объекту, способное длиться относительно долго и часто способное реализовываться и в отсутствии объекта агрессии [14].

Разработчики одной из наиболее известных психометрических шкал по оценке «враждебности», А. Басса и А. Дарки, определяли данный конструкт как многомерное явление, включающее нападение, косвенную и вербальную агрессию, негативизм, раздражительность, возмущение и подозрительность. Л. Берковиц, в свою очередь, рассматривал «враждебность» как некую негативную установку по отношению к другому лицу или группе, выражающуюся в крайне неблагоприятной оценке своего объекта, или жертвы. Агрессивность же, по его мнению, выступает гораздо более стабильной характеристикой, выражающей готовность к совершению агрессивных действий в различных ситуациях [3]. Таким образом, гнев может стать эмоциональной основой, а враждебность – когнитивной основой, способствующей реализации агрессивного поведения.

Ч.Д. Спилбергер, следуя К. Изарду, описывает связь гнева, враждебности и агрессии, определяя враждебность как личностную черту, которая способна мотивировать на агрессивное поведение и стать предпосылкой гнева. Он различал «состояние гнева» (временное эмоциональное состояние) и «гнев как черту» (тенденцию реагировать гневом на ситуацию), для измерения которых им был разработан STAXI (State-Trait Anger Expression Inventory).

Биологический подход к пониманию гнева представлен также в работах Т. Рибо, предполагавшего существование генетически обусловленной предрасположенности человека к гневу. Сдерживание гнева, по его мнению, может приводить к переживанию зависти, обиды, ненависти или стремления к мести. «Гнев» изучался и К. Изардом, рассматривавшим его как реакцию на препятствие к реализации намерения, что близко к фрустрационному подходу. Дж. Уотсон определял гнев как врожденную эмоцию и реакцию, возникающую в ответ на ограничение движений, что легло в основу теории агрессии, согласно которой препятствия на пути к цели провоцируют агрессивное поведение [24].

Важно, что Л. Берковиц, анализируя соотношение понятий, отмечал, что агрессия может являться проявлением гнева, неотделимого от нее и относимого как к внутреннему состоянию, или драйву, «запускающему» агрессивное поведение, так и к действию. Однако термин «гнев» может использоваться и для обозначения особого эмоционального состояния, не обязательно приводящего к агрессии. По этой причине Л. Берковиц предлагает под «агрессией» понимать действие, направленное на достижение определенной цели (причинение ущерба другому), а под «гневом» – определенное эмоциональное состояние, напротив, не требующее наличия конкретной цели. Гнев, по его мнению, порождают сенсорные потоки в виде внутренних физиологических реакций в совокупности с непроизвольной эмоциональной экспрессией (моторные или мимические реакции), возникающей в ответ на неблагоприятные события и/или возникающие мысли в отношении событий. Таким образом, гнев не всегда приводит к агрессивному поведению, но часто сопровождает стремление к нападению.

Также важно определить соотношение понятий «агрессия» и «агрессивное поведение». Последнее обычно определяется авторами как совокупность конкретных внешних поведенческих проявлений, направленных против другого человека. Хотя в научной литературе чаще агрессия описывается и определяется через поведенческий ее компонент (как наиболее понятный и измеримый), нельзя пренебречь разграничением данных феноменов, прослеживаемым в различных подходах к их пониманию.

При сопоставлении понятий «агрессия» и «агрессивное поведение» часть авторов рассматривает агрессию как детерминант поведения. Для них агрессия – это драйв

(непреодолимое влечение), эмоция, аффект, побуждение, мотив, установка, намерение и т. д. В психодинамических и гештальт-подходах агрессия не ограничивается только внешними проявлениями. По мнению других исследователей, агрессия – это поведенческая структура, имеющая сложное строение и неоднозначно связанная с эмоционально-волевым комплексом [11]. И в когнитивно-бихевиоральной традиции агрессия трактуется как совокупность определенных поведенческих реакций. Например, Р. Бэрон и Д. Ричардсон определяют агрессию как любую форму поведения, направленного на оскорбление или причинение вреда другому живому существу, не желающему такого обращения [15].

Кроме того, исторически развитие научных взглядов привело к признанию того, что агрессия - более широкое понятие, чем агрессивное поведение, поскольку включает и внутренние процессы, предшествующие действию. Тогда, в рамках эмпирических научных исследований в данной области целесообразным видится определять феномены «агрессии» и «агрессивного поведения» как связанные, но не идентичные.

При этом физическими проявлениями особенно на современном этапе развития человечества, сложно ограничивать определение термина, поскольку моральный ущерб данным определением не учитывается, ровно как и правомерность или «доброжелательность» нанесения физических повреждений. На данные ограничения указывают многие авторы: Е. П. Ильин, Л. Берковиц, Э. Фромм и др.[3, 7, 16, 22]. Некоторыми авторами, в свою очередь, подчеркивается важность мотивации, наличия мотивированного намерения причинить другому вред (Р. Бэрон и Д. Ричардсон, Л. Берковиц, Дж. Каган, С. Фишбах) [3, 10, 16].

Подобное разнообразие терминологического поля может быть объяснено наличием разных его аспектов (и видов агрессии), а также разнообразием подходов к изучению данного феномена, и в этой же связи формулировка точного и исчерпывающего определения феномена требует их учета.

Подходы к изучению агрессивного поведения

В продолжение многообразия подходов к рассмотрению отклоняющегося поведения исторически сложилось несколько подходов к рассмотрению феномена агрессии. Условно их можно определить следующим образом:

Фрустрационный подход. Д. Доллард и Н. Миллер указывали в качестве причин появления агрессивного поведения состояние нервно-психического напряжения и действие фрустраторов, вызывающих растерянность в незнакомых и/или некомфортных ситуациях [16].

Развивая их точку зрения, в своей теории относительной депривации Л. Берковиц рассуждает о побуждающем действии фрустрации и аверсивных стимулов на индивида в отношении «выбора» варианта поведения: бегства или агрессии как несдерживания, выражения эмоций гнева и страха. При этом сдерживание или справление с ними происходит именно в условиях определенной степени фрустрационности ситуации и имеющихся личностных ресурсов и навыков в этом сдерживании [15].

Инстинктивистские подходы: психодинамический и этологический. З. Фрейд как представитель психоаналитического подхода, рассматривал агрессию как «врожденный инстинкт», результат постоянно действующего конфликта в структуре личности, связанный с инстинктом самосохранения и который невозможно сдерживать, а возможно

лишь направлять в правильное русло и совершать «разрядку». Здесь следует в качестве связи с вышеупомянутым подходом упомянуть «позитивный эффект от реализации агрессивного импульса». Так, З. Фрейд (а также С. Фишбах) затрагивает и важный аспект значимости реализации агрессивного поведения для личности как социальной единицы: объединение в группы, поддержание принадлежности группе «мы» и противостояние группе «они», которые проходят параллельно процессам идентификации себя как значимой единицы того или иного общества.

Своей гидравлической концепцией агрессивности, психоаналитический подход близок подходу этологическому. Однако если в первом выдвигалась гипотеза об инстинкте разрушения (нахождение агрессивного инстинкта «на службе у смерти»), во втором – она отвергалась, поскольку с точки зрения этологического подхода (К. Лоренца, Н. Тинбергена, У. Мак-Дугалл, Р. Ардри, Дж. Гудолл), агрессивный инстинкт «служит делу жизни», который, однако же, под влиянием различных факторов из необходимой защиты превращается в деструктивную силу [5] [цит. по: 15] [23].

У. Мак-Дугалл, например, как представитель этологического подхода, видит человека как существо, природе которого изначально присущ некий «инстинкт драчливости», побуждающий его искать любую возможность для своей атаки.

Р. Ардри прямо пишет, что человек «генетически запрограммирован на совершение насильственных действий», и что он «бессилен против инстинктов собственной природы», которые «неотвратимо ведут его к социальным конфликтам». Он полагает, что причиной агрессии выступает наличие у людей «охотничьего» инстинкта, сформировавшегося в результате длительного естественного отбора.

К. Лоренц говорит лишь об агрессивном инстинкте, применяет целый ряд «утонченных логических конструкций» и представляет любую человеческую агрессию, а также жажду мучить и убивать как следствия биологически данной агрессивности. И вот она с его точки зрения под влиянием различных факторов из необходимой защиты превращается в деструктивную силу [23].

Э. Фромм же, будучи представителем гуманистического психоанализа, указывает также н а **социальную природу** агрессии, критикуя инстинктивистские подходы за «оправдание» деструктивных форм агрессии. Саму агрессию он определяет не как природный инстинкт, а как человеческий потенциал, который обусловлен условиями среды развития индивида и его предков. Указывая на изначальное миролюбие, но развившуюся человеческую жестокость, контроль над которой каждому в отдельности и обществу вместе необходимо взять на себя, он разделяет «доброкачественную» и «злокачественную» агрессию. Так, рассматривая роль агрессии в обществе социальных животных, которое состоит из многих особей, в качестве новой системы более высокого уровня, помимо защитной функции, упоминается её организующая функцию: агрессия организовывает совместную жизнь высших животных, формируя структурированную и прочную ранговую систему, исключающую борьбу внутри группы и сохраняющую «единый фронт» в отношении другой группы. И в таком случае следует определять агрессию как «доброкачественную». «Злокачественная» же представляет собой, по мнению Э. Фромма, деструктивность и жестокость, которые свойственны только человеку и практически отсутствуют у других опасных млекопитающих в силу имеющихся, в отличие от человека, у них жёстких биологически обусловленных рестрикторов. Она не имеет филогенетической программы, в отличие от «доброкачественной», не служит биологическому приспособлению, и не имеет никакой цели [22].

Дж. Гудолл как ещё один представитель этологического подхода, тем не менее, указывает, что «доброкачественной» организационная агрессия была у шипанзе, но при рассмотрении агрессивных тенденций человека, в которых даже осознавая страдания, человек не останавливается/даже подталкивается к причинению страданий другому, становится понятна необходимость введения дополнительного конструкта в понимание контроля агрессии у человека, который может не классифицировать свои действия как агрессивные и/или оправдывать их своими внутренними убеждениями о справедливости совершаемых действий [5].

Поведенческий подход. С точки зрения бихевиоризма «агрессией» следует называть приобретенную за счет наблюдения за агрессивными действиями и их подкрепления в процессе социализации форму поведения (Б. Торндайк и Дж. Уотсон) или врожденное качество, над которым индивид способен обрести контроль в результате научения (А. Бандура и А. Басс, а также С. Н. Ениколопов) [16].

Среди более узких и относительно новых подходов также можно выделить нейрохимический и психогенетический подходы. Авторы **нейрохимического подхода** (Н. Г. Андреева, К. Микджек, Донджу Сео) рассматривают агрессивное поведение как поведенческую реакцию, регулируемую гипоталамо-гипофизарной системой (регуляция примитивных видов поведения, в т. ч. агрессивного), ретикулярной формацией (регуляция аффективного и осознанного поведения), серотониновой и дофаминовой системами (регуляция импульсивного и агрессивного поведения). Кроме того, важную роль в регуляции таких состояний как настороженность, страх, тревога, ярость, агрессия и поведения, с ними связанного, играет лимбическая система, особенно – амигдала, являясь её ядром. Так, амигдала становится важным центром системы, регулирующей уровень агрессии и реакций в ситуациях опасности, а также социального доминирования или подчинения. При этом, отмечается, что в условиях нормального уровня напряжения, оказываемого, внешними факторами на это реагирование, лимбическая система обеспечивает адаптивное социальное реагирование и развитие, но условия хронически оказываемого давления провоцируют гиперактивацию амигдалы, приводит к разбалансировке адекватного реагирования и развития в сторону нарастания тревоги, депрессивных настроений. Гиппоккамп, лимбическая система и фронтальная кора также проецируются в гипоталамус, «запуская» механизмы киндлинга (раскачки), при которых хроническое воздействие стрессогенных стимулов порождает хроническое перевозбуждение миндалины или гиппокампа, также приводящие к разбалансировке системы регуляции поведения [16, 18].

Психогенетический подход постулирует существование предрасположенности к развитию психопатических черт личности (Т. Робертон, П. Фит, О. Н. Тиходеев, Bethea C. L., Mendez M. F.), которые, хоть и не в полной мере описывают все причины проявляющегося агрессивного поведения, а вносят существенный вклад в понимание причин возникновения агрессии [16, 18, 21, 25, 26]. И эти определения также важны для включения в «банк» определений «агрессии».

Отдельным подходом также можно выделить **когнитивно-поведенческий подход** Н. Д. Левитова и В. К. Сафонова, рассматривавших агрессию как состояние и выделяя в ней когнитивный, эмоциональный и волевой компоненты. Причем, среди отечественных психологов именно Н. Д. Левитов впервые упоминает доброкачественность агрессии, хотя и считает её скорее исключением. В этом его оспаривает более поздний и близкий к интегративному подходу трехстадийный подход Е. П. Ильина. Он усматривал схему реализации агрессивного поведения как состоящую из внешнего стимула и трех

«стадий», включающих в себя блоки произвольного и непроизвольного контроля агрессивного поведения [7].

Теории другого полюса – **социологические** – склонялись к определению агрессивного поведения через такие конструкты как «зависимость» и «власть» (Дж. Тедеши и Р. Фелсон) или феномен принадлежности к ингруппе или аутгруппе (М. Шерива) и ставили в основу реализации такого рода поведения рост напряжения в межгрупповых отношениях [16]. При этом, рассмотрение реализации агрессивного поведения условным «агрессором», ориентирующегося на принадлежность условной «жертвы» ингруппе или аутгруппе, отчасти отсылает к этологическому, а также этнометодологическому подходам.

Особо яркой и получившей распространение в рамках данного подхода становится теория аномии Э. Дюркгейма, постулирующая обусловленность поведенческих отклонений, в данном случае – реализации деструктивного агрессивного поведения, особым общественным состоянием, характеризуемым разложением системы ценностей, обуславливаемым общественным кризисом, кризисом социальных институтов, и сменойморально-нравственных ориентиров, сопровождающей начало нового культурно-исторического периода. Эта обусловленность объясняется следующим механизмом: в подобные исторические периоды индивиду становится сложно предугадывать ожидания общества, и соответственно, он испытывает некоторые трудности при подстраивании своих поступков под действующую поведенческую норму. Тогда как ранее принятые нормы представляются уже не подходящими, новые – лишь зарождаются и не могут служить достаточно адекватным ориентиром в поведении в силу нечеткости их сформулированности в некоторых аспектах, и именно в такие периоды смены социальных норм, согласно теории аномии, следует прогнозировать резкое возрастание количества и вариативности поведенческих аномалий. Дальнейшее развитие теория получила в работах Р. Мертона, ставившего акцент на то,что в первую очередь молодое поколение вследствие отсутствия сформированного понимания старых норм и поиска новых норм склонно к созданию и вступлению в определенные субкультуры и реализации асоциального поведения как вступающего в противодействие с главной культурой, но отвечающего узкой норме новой культуры [13]. Существует также теория «опасного состояния» Л. Матти, предлагающая в качестве основания для совершения девиантного поступка определенное психологическое состояние, предрасполагающее к вступлению в конфликт с социальными нормами [8].

С точки зрения **этнометодологического подхода** «агрессия» есть обусловленное культуральными особенностями явление (Г. Гарфинкел), которое можно рассмотреть с точки зрения принадлежности индивида к представлениям близких для него людей, социальным связям, которые тот поддерживает, и которые устанавливают «социальные нормы» в качестве регулятора агрессивного поведения индивида по отношению к группе «друзей» или «врагов» (Т. Ньюком). И хотя теория коммуникативных актов Т. Ньюкома имеет объяснительные ограничения в виде неравномерности, а иногда - и полного рассогласования, оценок значимых для индивида людей в отношении чего-либо, в связи с чем ко всем прочим факторам добавляются факторы доверия и близости каждого участвующего в формировании системы отношений индивида, подобные предположения о значимости справедливости и приверженности ей закладывают основу понимания агрессивного поведения через призму морали. Так, идеи **морального развития личности** в рамках регуляции ее поведения прослеживаются и в концепции морально-нравственного развития Л. Колберга, имплицитной концепции справедливости ребенка Д. Арзуманяна на основе исследований К. Левина или концепции выученной

беспомощности Э. Аронсона, которые также отражают взаимосвязь агрессивного поведения, нервно-психического напряжения и нравственных норм [15, 16].

Рассмотреть можно агрессивное поведение также не отдельно, а как один из вариантов девиантного поведения с точки зрения **интеракционистского подхода, семейной психологии и психологии воспитания** [8-9]. Развиваемая Дж. Мидом, Г. Блумеромм и Ч. Кули интерактционистская перспектива рассмотрения поведенческих отклонений утверждает влияние интерпретации индивидом намерений и действий окружающих на особенности его (индивида) поведение. Тогда отклоняющееся, в частности – деструктивное агрессивное, поведение рассматривается как результат социальной реакции на идентификацию личности, а именно: как результат символического определения, наклеивание на индивида обществом, а затем – и самим на себя, некого ярлыка (лейбла) «отклоняющегося» («агрессивного»). Данный подход также получил развитие в теориях Ф. Танненбаума (модель «драматизации зла» или усвоения и соответствия негативному лейблу), Э. Лемерта (социально-психологическая модель или модель усиления первичного отклонения наклеенным ярлыком и преобразование его во вторичное), Г. Беккера (нормативная модель или модель определения отклоняющегося поведения таковым более влиятельными людьми в рамках их нормы), Ф. Зака (социоструктурная модель – модель стимуляции и укрепления девиантности формальными институтами), Дж. Брэйтуэйта (теория реинтегративного стыда или необходимости социальной регуляции через «реинтегративный стыд» как осуждение поступка, но не личности, а не через «стигматизированный стыд» как осуждение личности за проступок), которые, тем не менее, подвергаются значительной критике за косвенность причин девиантного поведения [9]. С альтернативной стороны, агрессивное поведение может рассматриваться как результат семейного неблагополучия (С. А. Кулаков, А. В. Черников и др.) или проблемного воспитания (Л. С. Выготский, М. П. Стурова, В. И. Силенков и др.).

Ресурсный подход. Разработанные в рамках экологии, а не психологии, но, тем не менее, оказывающиеся применимыми законы В. Э. Шелфорда и Ю. Либиха, позволяют предполагать существование неких влияющих на реализацию агрессивного поведения факторов, «оптимальное» влияние которых способствовало бы проявлению лишь конструктивного типа агрессии [17]. Диапазоном благоприятного воздействия фактора становится так называемая зона оптимума (или зона комфорта). Точки оптимума, минимума и максимума были определены исследователями как три важные и различные точки, которые и определяют возможность и степень реакции организма на фактор воздействия. Причём, с увеличением значения отклонения от оптимума выраженность угнетающего действия фактора влияния на организм растёт (зона пессимума/зона угнетения). Выявленная закономерность воздействия фактора получило название «правило оптимума» и нашло дальнейшее отражение в законе минимума Ю. Либиха и законе толерантности В. Э. Шелфорда, первый из которых гласит, что недостаток или чрезмерное обилие какого-либо лимитирующего фактора, может компенсироваться другим фактором, изменяющим отношение организма к лимитирующему фактору, а второй - что существование организма определяется как недостатком, так и избытком любого из факторов, имеющих уровень, близкий к пределу переносимости данным организмом, а благоприятному развития организма способствует нахождение определяющих (лимитирующих) его развитие факторов в точке оптимума [17]. Собственно, данные теории можно было бы применять в рамках психологии агрессии, определив факторы, влияющие на реализацию агрессивного поведения, нахождение уровня которых в оптимуме способствовало бы проявлению лишь конструктивного типа

агрессии.

Интегративный и многоаспектный подходы. Среди так называемых многоаспектных или интегративных подходов к агрессивному поведению важно также выделить концепции таких авторов как Л. М. Семенюк, М. Раттер, Ф. С. Сафуанов [20].

Так, в рамках многоаспектного подхода Л. М.Семенюк, например, определяет его как «целенаправленное разрушительное, наступательное поведение, нарушающее нормы и правила сосуществования людей в обществе, наносящее вред объектам нападения (одушевленным и неодушевленным), причиняющее физический ущерб людям и вызывающее у них психический дискомфорт, отрицательные переживания, состояния страха, напряженности, подавленности». М. Раттер же называет агрессией «социально неодобряемую форму поведения, которая сказывается в отношении друг к другу, демонстративном неповиновении, разрушительных действиях и лживости, плохих отношениях с окружающими, проявляющимися в драках, ссорах, нетерпимом» [16].

Ф. С. Сафуанов, между тем, работая в рамках криминальной агрессии, но с идеей интегративного подхода, создаёт многомерную типологию криминальной агрессии и 8 типов криминальной агрессии, в основе разделения которых находятся: уровень агрессивности, выраженность тормозящих (регулирующих) агрессию личностных структур, характер криминальной ситуации (нейтральный или психотравмирующий). Таким образом, такая концепция учитывает не только каждый из факторов по-отдельности, но также и их взаимовлияние, что важно для изучения агрессии как феномена современности. Саму же «криминальную агрессию» автор определяет как форму поведения (конкретное действие), реализующая какое-либо намерение или побуждение по отношению к потерпевшему (мотивированное действие) и связанная с этим намерением (побуждением) определённым смысловым отношением, объективно направленная на причинение вреда (ущерба) его жизни и здоровью [19].

В общем виде разнообразие подходов можно представить в виде следующей таблицы (Таблица 1):

Таблица 1. Подходы к рассмотрению агрессии зарубежных и отечественных исследователей

Подход	**Основная идея**	**Ключевые авторы**	**Особенности**
Фрустрационный	Агрессия как реакция на напряжение, фрустрацию	Дж. Доллард, Н. Миллер, Л. Берковиц	Агрессия возникает в незнакомой ситуации, при стрессовом воздействии
Классический психоаналитический	Агрессия как врождённый инстинкт и результат постоянно действующего конфликта в структуре личности	З. Фрейд, С. Фишбах	Акцент на внутренних конфликтах и инстинктах разрядки напряжения
	Агрессия делится на «доброкачественную» (адаптивную) и «злокачественную»		Критика классического

Гуманистический психоаналитический	(деструктивную), связана с борьбой человеческой жестокости и социальной развитости	Э. Фромм	инстинктивизма, акцент на социальной обусловленности деструктивности
Этологический	Агрессия как инстинкт, обеспечивающий биологическую адаптацию и выживаемость	К. Лоренц, Р. Ардри, У. Мак-Дугалл, Дж. Гудолл	Акцент на филогенетически заложенной биологической, эволюционной основе агрессии
Поведенческий	Агрессия как усвоенное через обучение и подкрепление поведение	Б. Торндайк, Дж. Уотсон, А. Бандура, А. Басс, С. Н. Ениколопов	Акцент на внешних проявлениях агрессии как модели поведения и способности контроля над ней в результате научения
Нейрохимический	Агрессия как поведенческая реакция в продолжение гормональной реакции на ситуацию	Н. Андреева, Д. Сео, К. Микджек	Агрессия связана с гормональной системой и биохимическими процессами в ЦНС
Психогенетический	Предрасположенность к реализации агрессивного поведения как основная причина возникновения агрессии	Т. Робертон, П. Фит, О. Н. Тиходеев, Bethea C. L., Mendez M. F.	Агрессия связана с наследственностью
Когнитивно-поведенческий	Агрессия как результат взаимодействия когнитивных, эмоциональных и волевых процессов	Н. Д. Левитов, В. К. Сафонов, Е. П. Ильин	Акцент на трехкомпонентности, трехстадийности в реализации агрессивного поведения
Социологический	Агрессия как общественный феномен	Дж. Тедеши, Р. Фелсон, М. Шерифа, Э. Дюркгейм, Л. Матти	Агрессия определяется социальными группами, их нормами и культурными контекстами. Подчеркивает роль социальной структуры и

			межгрупповых отношений
Этнометодологический, Общественно-онтогенетический	Понимание агрессии через призму морального развития личности	Г. Гарфинкел, Т. Ньюком, Л. Колберг	Акцент на моральном или нравственном сознании, выступающим регулятором агрессивного поведения
Интеракционистский	Агрессия как результат социальной реакции на идентификацию, результат социальных взаимодействий, воспринимаемых ярлыков	Дж. Мид, Г. Блумер, Ч. Кули, Ф. Танненбаум, Э. Лемерт, Г. Беккер, Ф. Зак, Дж. Брэйтуэйт	Подчеркивает влияние самоопределения и социального окружения
Семейный, воспитательный	Агрессия как результат неблагоприятного семейного опыта, семейного воспитания	С. Кулаков, А. В. Черников, Л. С. Выготский, М.П. Стурова, В. И. Силенков	Акцент на влияние семьи и воспитания как источника примера агрессивного поведения
Ресурсный	Агрессия в контексте нервно-психического напряжения и его оптимума	В. Шелфорд, Ю. Либих	Позволяет рассмотреть факторы среды и зоны оптимума для регуляции агрессивного поведения
Интегративный (многоаспектный)	Агрессия как комплексное явление, возникающее под влиянием биологических, психологических и социальных факторов	Л. М. Семенюк, М. Раттер, Ф. С. Сафуанов	Объединение различных теоретических направлений для комплексного понимания

Авторам данного исследования видится наиболее полным из представленных подходов многоаспектный подоход, а также гуманистический социально-психологический подход Э. Фромма в силу возможностей учета в их рамках как физиологических и биологических, так и социально-психологических компонентов феномена агрессии. Ещё одним преимущетвом озвученных подходов к агрессии как психологическому феномену может выступить их практическая направленность с возможностью как учета наследственных и биологических факторов, так и учета и модификации социокультурных, мотивационных, эмоциональных и иных психологических компонентов феномена в целях профилактики и коррекции агрессивного поведения. Безусловно, у данного подхода

существуют и ограничения, в частности - ограничение в операционализации компонентов феномена на практике. Иначе говоря, многоаспектность и многокомпонентность агрессии как феномена ставит перед исследователями и практиками нелегкую задачу по охвату всей широты факторов и проявлений агрессивного поведения. Авторами данного исследования, тем не менее, видится важным продолжение разработки данной темы и нахождение обобщенного понимания агрессии как психологического феномена и комплексного инструмента её оценки и коррекции. Однако на данном этапе исследования в качестве достаточно полного и отражающего область своего использования авторы предлагают следующую формулировку определения агрессии:

Агрессия – есть направленное мотивированное наступательное, доминирующее, деструктивное поведение или намерение его реализовать, находящееся в постоянном взаимодействии с нравственными принципами субъекта, различное по форме (злые шутки, сплетни, враждебные фантазии, деструктивные формы поведения, вплоть до убийств и самоубийств), имеющее в качестве общего результата нанесение физического и/или психологического вреда объектам нападения (одушевлённым и неодушевлённым) и выступающее в качестве:

1) способа удовлетворения потребности в самореализации, самоутверждении или самоидентификации;

2) средства достижения какой-либо значимой цели, в т. ч. защиты;

3) способа психологической разрядки и реакции на ситуацию (реализующееся в условиях личностно высокого уровня нервно-психического напряжения);

4) одного из свойств патологической личности (трудно поддающееся логическому анализу).

Заключение

В результате проведенного исследования имеющейся научно-методологической базы в рамках феномена агрессии был систематизирован и проанализирован широкий спектр эмпирических исследований и теоретических подходов к агрессии как психологическому феномену и близким ей понятиям, а также предложена следующая условная классификация:

· Фрустрационный подход, рассматривающий агрессию как реакцию на нервно-психическое напряжение и неудовлетворённость (фрустрацию);

· Инстинктивистские подходы (психоаналитический и этологический), трактующие агрессию как врождённый инстинкт, служащий защите и социализации;

· Поведенческий подход, объясняющий агрессию как усвоенное поведение через научение и подкрепление;

· Нейрохимический и психогенетический подходы, связывающий агрессию с биохимическими процессами и наследственной предрасположенностью;

· Когнитивно-поведенческий подход, выделяющий когнитивные, эмоциональные и волевые компоненты агрессии, включая её конструктивные формы;

· Социологический и этнометодологический подходы, акцентирующий внимание на роли социальных норм, групповой принадлежности и культурного контекста в реализации

агрессивного поведения;

· Интеракционистский подход и подход с точки зрения семейной психологии, подчёркивающие влияние социальных взаимодействий, ярлыков и семейной среды на агрессивное поведение;

· Ресурсный подход, рассматривающий агрессию через призму воздействия оптимальных и стрессовых факторов среды;

· Интегративный или многоаспектный подход, объединяющий биологические, психологические и социальные факторы для комплексного понимания агрессии.

Тогда, агрессия как феномен не может быть полноценно понята и проанализирована без комплексного учёта множества теоретических подходов, каждый из которых освещает определённые его аспекты. Рассматриваемая классификация также демонстрирует, что в основе данного явления могут лежать как биологические инстинкты, так и психологические процессы, и социально-культурные нормы, что требует создания интегративной модели ее понимания.

Авторами исследования также было определено, что агрессия представляет собой многоуровневую структуру, включающую разнообразные формы поведения и руководствующуюся различной мотивацией.

В ходе анализа было также сформулировано комплексное определение агрессии, а также рассмотрено чёткое терминологическое поле понятий «агрессия», «агрессивность» и «агрессивное поведение», а также «враждебность» и «гнев», что позволяи избежать терминологической неясности в дальнейших теоретических и эмпирических исследованиях, направленных на междисциплинарное изучение механизмов агрессии в современных социокультурных условиях. Таким образом, проведенный анализ видится перспективным для разработки эффективных методов профилактики и коррекции деструктивного поведения.

Библиография

1. Агрессия и психическое здоровье: коллективная монография; под ред. Академика РАМН Т.Б. Дмитриевой и профессора Б.В. Шостаковича. СПб.: Издательство "Юридический центр Пресс", 2002. 464 с.
2. Банщикова Т.Н. Агрессия как понятийный конструкт: объяснительные характеристики и виды // Концепт. 2013. № 8 (24). С. 1-9.
3. Берковиц Л. Агрессия: причины, последствия и контроль: учебник. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2001. 512 с.
4. Большой психологический словарь: Под ред. Б. Мещерякова, В. Зинченко. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК; М.: ОЛМА-Пресс, 2003. 666 с.
5. Гудолл Дж. Шимпанзе в природе: Поведение / пер. с англ. Е.З. Годиной, В.В. Свечникова; под ред. Л.А. Фирсова. М.: Мир, 1992. 670 с.
6. Ениколопов С.Н. Понятие агрессии в современной психологии // Прикладная психология. 2001. № 1. С. 60-72.
7. Ильин Е.П. Психология агрессивного поведения: книга. СПб.: Питер, 2014. EDN: UYNEAN. 368 с.
8. Клейберг Ю.А. Теоретико-методологические обоснования психологии девиантного поведения // Методология современной психологии. 2020. № 11. С. 149-165. EDN: GEGHIX.
9. Комлев Ю.Ю. Теория стигматизации: генезис, объяснительный потенциал, значение //

Вестник Казанского юридического института МВД России. 2016. № 2(24). С. 6-14. EDN: VYUAXV.
10. Лоренц К. Агрессия или так называемое зло / пер. с нем. А. Федорова. М.: Издательство АСТ, 2018. 416 с.
11. Невенчанный С.В. Понятие агрессивного поведения в современной психологии // Наука и современность. 2011. № 10-1. С. 1-10.
12. Нлчаджян А.А. Агрессивность человека. СПб.: Питер, 2007. 736 с.
13. Падун И.И. Теории девиантного поведения // Материалы VII Международной студенческой научной конференции "Студенческий научный форум", 2015. 6 с.
14. Петренко Р.А. Многоаспектность понятий "Агрессия" и "Агрессивность" // Гуманитарные и социальные науки. 2010. № 5. С. 94-100. EDN: RKWPUF.
15. Попова А.А. Основные научные подходы к исследованию феномена агрессии // Вестник АГУ. 2015. Вып. 2 (158). С. 208-213.
16. Психология кризисных и экстремальных ситуаций: учебник / под ред. Н.С. Хрусталевой. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2018. 748 с.
17. Пушкарь В.С., Майоров И.С. Экология: учебное пособие. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2003. 188 с.
18. Розанов В.А. Стресс и психическое здоровье (нейробиологические аспекты) // Социальная и клиническая психиатрия. 2013. № 1. С. 79-86. EDN: QADGOP.
19. Сафуанов Ф.С. Психология криминальной агрессии: книга. М.: Смысл, 2003. 300 с. EDN: UEDSPJ.
20. Сафуанов Ф.С., Калашникова А.С., Царьков А.Е. Клинико-психологические факторы криминальной агрессии // Психология и право. 2017. № 4. С. 44-58. DOI: 10.17759/psylaw.2017070405. EDN: ZWJMYR.
21. Тиходеев О.Н. Основы психогенетики: учебник для студентов учреждений высшего профессионального образования. М.: Издательский центр "Академия", 2011. 320 с.
22. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности: книга / пер. с нем. Э. Телятникова. М.: Издательство АСТ, 2020. 736 с.
23. Шагако Д.С., Курочкина Л.Я. К вопросу о происхождении человеческой агрессивности (биогенетический подход) // Вестник ВГТУ. 2009. № 9. с. 182-185.
24. Шамшикова О.А., Белашина Т.В. Психометрический анализ опросника "Оценка проявлений гнева" (STAXI-2) Ч.Д. Спилбергера // МНКО. 2015. № 6(55). С. 269-273. EDN: VKIFIH.
25. Bethea C.L. et al. Anxious behavior and fenfluramine-induced prolactin secretion in young rhesus macaques with different alleles of the serotonin reuptake transporter polymorphism (5HTTLPR) // Behavior genetics. 2004. Vol. 34. P. 295-307. EDN: FMCULR.
26. Mendez M.F. The Neurobiology of Moral Behavior: Review and Neuropsychiatric Implications // NIH. CNS Spectr. 2009. November. 14(11). P. 608-620.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.
Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться здесь.

Объектом исследования в представленной на рецензирование статье выступает агрессия как психологический феномен, предметом – её сущностные и содержательные характеристики в рамках различных научных подходов.
Актуальность исследования обусловлена широким рядом контекстов изучения агрессии в науке как биологических, так и социальных.
С методологической точки зрения работа имеет полностью теоретический характер.

Основным методом выступает содержательный анализ, активно используется также и метод сопоставления, а также абстрагирования, позволяющий рассматривать агрессию как многоаспектное явление в определённом контексте. Данный инструментарий позволяет достичь хорошего уровня систематизации, благодаря чему можно говорить о локальной теоретической новизне и существенной методологической ценности настоящего исследования.

Основные содержательные преимущества проведённого анализа заключаются, по нашему мнению, в том что:

- актуальность представлена на уровне рассмотрения природы явления, а именно с акцентом на зарождение представлений о нём в философии и в науке до появления психологии как отдельной отрасли профессионального знания;
- подходы рассмотрены не просто на уровне определений и основных постулатов, но на уровне пониманий и обоснований явления агрессии;
- в тексте хорошо прослеживаются междисциплинарные связи, что высоко характеризует его именно с методологической стороны.

Исходя из этого данная статья представляет ценный материал для любых работ, посвящённых феномену агрессии, и привлечёт внимание читательской аудитории.

Список литературы соответствует содержательным требованиям и находит отражение на страницах работы, однако, в библиографии не представлены работы всех упоминаемых авторов концепций, что ожидается в статьях подобного формата.

Заключение представляет основные характеристики рассмотренных подходов и основные результаты исследования и выполнено на хорошем тезисном уровне.

По работе существует ряд замечаний в основном рекомендательного характера.

На наш взгляд, последний раздел, посвящённый разграничению понятий, следует либо поставить в начало, поскольку обычно такие разделы нацелены именно на уточнение для корректного понимания основной части, либо вообще убрать из текста, потому что в основной части автор не оперирует рассматриваемыми в нём понятиями. Мы полагаем, что этот раздел может стать материалом для отдельной статьи.

Статья выиграла с точки зрения восприятия, если автор, учитывая существенный объём проанализированного материала, представил бы основные сущностные и содержательные аспекты изученных подходов в табличном виде.

Исследование было более полным, если бы автор представил собственную позицию, какой подход или какие подходы он разделяет в большей степени, а какие – в меньшей и аргументировал почему. Так статья больше бы соответствовала журнальному жанру, без этого она несколько напоминает фрагмент диссертации.

Мы бы также рекомендовали вычитать текст на предмет пунктуации, поскольку весьма часто встречаются лишние запятые: перед «как» в значении «в качестве», после слова «однако» в начале предложения; нетипично обособление ряда слов и оборотов, например «особенно», «то есть» и пр..

В целом замечания имеют рекомендательный характер и не отменяют понимания, что рукопись выполнена на хорошем уровне качества в соответствии с общими требованиями к научным статьям.

Мы полагаем, что статья может быть опубликована в рецензируемом журнале, однако, рекомендуем по крайней мере вычитать текст.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться здесь.

Предметом исследования в представленной статье являются агрессия как психологический феномен и теоретические аспекты его понимания.

В качестве методологии предметной области исследования в данной статье в рамках системного и комплексного подходов были использованы дескриптивный метод, метод категоризации, метод анализа научной литературы, метод обобщения, исторический метод, метод контент-анализа.

Актуальность статьи не вызывает сомнения, поскольку проявления агрессии и агрессивного поведения изучается и продолжает изучаться в рамках исследовательского поля различных наук. Агрессия как научная категория носит многогранный характер и рассматривается в рамках различных теоретических аспектов и подходов. Особое внимание в научном сообществе уделяется рассмотрению психологического феномена агрессии. С этих позиций изучение агрессии как психологического феномена и теоретических аспектов его понимания представляет научный интерес в сообществе ученых.

Научная новизна статьи заключается в проведении по авторской методике теоретического исследования, направленного на глубокое изучение агрессии как психологического феномена и теоретических аспектов его понимания, а также в анализе достигнутых результатов.

Статья написана языком научного стиля с использованием в тексте исследования изложения различных позиций ученых к изучаемой проблеме и применением научной терминологии и дефиниций, характеризующих предмет исследования, а также анализом и описанием полученных результатов исследования.

Структуру статьи, в целом можно считать выполненной с учетом основных требований, предъявляемых к написанию научных статей. В структуре данного исследования представлены такие элементы, как введение, методология и методы исследования, основная часть, заключение и библиография.

Содержание статьи отражает ее структуру. В частности, особую ценность имеет авторский анализ соотношения понятий «агрессия», «агрессивность» и «агрессивное поведение», а также авторский анализ подходов к рассмотрению агрессии зарубежных и отечественных исследователей, что наглядно представлено в таблице 1 рукописи.

Библиография содержит 26 источников, включающих в себя отечественные и зарубежные периодические и непериодические издания.

В статье приводится описание различных позиций и точек зрения ученых, характеризующие различные теоретические подходы к исследованию феномена агрессии, в том числе в отечественной и зарубежной психологии. В статье содержится апелляция к различным научным трудам и источникам, посвященных этой тематике, которая входит в круг научных интересов исследователей, занимающихся указанной проблематикой.

В представленном исследовании содержатся выводы, касающиеся предметной области исследования, представленные в заключении. В частности, в ходе проведенного глубокого теоретического анализа по заявленной проблеме, было определено, что агрессия — это «многоуровневая структура, включающая в себя разнообразные формы поведения и руководствующаяся различной мотивацией», а также была сформулирована комплексная дефиниция агрессии.

Материалы данного исследования рассчитаны на широкий круг читательской аудитории, они могут быть интересны и использованы учеными в научных целях, педагогическими работниками в образовательном процессе, психологами, социологами, философами, конфликтологами, консультантами, аналитиками и экспертами.

В качестве недостатков данной работы следует отметить, то, что по проведенному глубокому теоретическому исследования выводы можно было бы сформулировать

отдельно от обобщающего заключения. При оформлении таблицы необходимо обратить внимание на требование действующего ГОСТа, ее следует оформить в соответствии с этими требованиями. Кроме того, в тексте статьи встречаются технические ошибки и опечатки, например, незаконченное предложение с несогласованными словами («Источники включались осуществлялся по таким»), написание слова с опечатками («...позволяи ...») и т. п. В качестве рекомендации можно отметить, что при подготовке статьи можно было бы использовать и большее количество новых периодических и непериодических изданий, например, за последние 5 лет, сослаться на них и включить в библиографию. Следует обратить внимание на то, что только 2 источника, представленных в библиографии, содержащей 26 пунктов, являются самыми новыми и имеют 2020 год издания. Указанные недостатки не снижают высокую степень научной значимости самого исследования, а скорее, относятся к особенностям подачи материала и оформления текста статьи. С учетом незначительности указанных замечаний и, конечно же, после их устранения, несомненно, рукопись рекомендуется опубликовать.

Психология и Психотехника
Правильная ссылка на статью:
Фам Т., Караванова Л.Ж. Психологическая атмосфера в российском вузе как основа мотивации к обучению // Психология и Психотехника. 2025. № 3. DOI: 10.7256/2454-0722.2025.3.75290 EDN: CNLBGR URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75290

Психологическая атмосфера в российском вузе как основа мотивации к обучению

Фам Тхи Киеу Ань

аспирант; институт иностранных языков (ИИЯ); Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы

143965, Россия, Московская обл., г. Реутов, Юбилейный пр-кт, д. 39

kyeuanhh@gmail.com

Караванова Людмила Жалаловна

ORCID: 0000-0003-0861-5109

доктор психологических наук

доцент; институт иностранных языков (ИИЯ); Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы

125212, Россия, г. Москва, Головинский р-н, Головинское шоссе, д. 11, кв. 363

karavanova_lzh@pfur.ru

Статья из рубрики "Психология и педагогика"

DOI:

10.7256/2454-0722.2025.3.75290

EDN:

CNLBGR

Дата направления статьи в редакцию:

25-07-2025

Дата публикации:

01-08-2025

Аннотация: Мотивация к обучению зависит как от особенностей личности студента, так и от внешних факторов, в том числе от психологической атмосферы, которая формируется в учебных группах. Данный аспект изучен для иностранных студентов

довольно слабо. Целью исследования является воздействие психологической атмосферы на мотивацию к обучению в высшем учебном заведении у вьетнамских студентов разных годов обучения. Психологическая атмосфера учебных групп, где обучаются вьетнамские студенты, может быть охарактеризована как благоприятная, при этом иностранные обучающиеся в большей степени выделяют такие компоненты, как сотрудничество, дружелюбие, согласие и удовлетворенность. В меньшей степени выражены взаимная поддержка, увлечённость, занимательность и успешность. Обнаруженные сильные корреляции между внутренней мотивацией и отдельными компонентами психологической атмосферы в учебных группах, при этом для мотивации к получению диплома не выявлено значимых корреляций. В большей степени на внутреннюю мотивацию воздействуют такие компоненты психологической атмосферы, как успешность, взаимная поддержка и сотрудничество. Исследование проведено на выборке состоящей из 40 вьетнамских студентов, которых обследовали стандартными методиками дважды, на 1 и 3 году обучения. Полученные результаты были подвергнуты корреляционному анализу и попарному сравнению при помощи коэффициента Манна-Уитни. Впервые в сравнительном ключе рассмотрены особенности мотивации вьетнамских студентов к обучению в российских вузах на 1 и 3 курсе. Выявлено преобладание внешней мотивации на младших курсах и внутренней – на старших, что противоречит ранее полученным данным по указанной социальной группе. Впервые показан стабильный характер мотивации «получение диплома» у вьетнамских студентов, что объясняется национальными и культурными особенностями, а также престижностью высшего образования во Вьетнаме. Впервые продемонстрировано усиление мотивации к обучению у студентов 3 курса по сравнению с первым, что может объясняться психологической атмосферой образовательного учреждения, для которого проведено исследование. Показанны статистически значимые различия в структуре мотивации у студентов из Вьетнама 1 и 3 годов обучения. Впервые продемонстрированы особенности психологического климата в группах, где обучаются вьетнамские студенты, выявленны ключевые характеристики психологического климата, которые демонстрируют сильные корреляции с мотивацией к обучению.

Ключевые слова:

психологическая атмосфера, мотивация к обучению, иностранные студенты, Вьетнам, внешняя мотивация, внутренняя мотивация, культурно-психологические особенности, психологический климат, адаптация первокурсников, динамика мотивации

Введение

Мотивация к обучению играют большую роль как в академических достижениях, так и в формировании профессиональных компетенций студентов высших учебных заведений [9]. Она поддерживает вовлеченность в учебный процесс, устойчивый интерес обучающегося к познавательной активности, определяя качество и количество получаемых знаний, а также способность студента преодолевать различные сложности в процессе освоения программы [2]. Учитывая важность мотивации студента в образовательном процессе и результатах обучения, она является темой рассмотрения многих исследовательских работ. Так, было показано, что мотивация к обучению является динамическим образованием, которая находится под влиянием личностных особенностей и установок студента и многочисленных внешних факторов [5].

В качестве одного из факторов, который способен оказывать значительное воздействие на уровень мотивации обучающегося, часто рассматривают так называемую психологическую атмосферу. В российской исследовательской литературе можно выделить несколько подходов к определению этого понятия. Такие авторы, как А.А. Кодочигова, рассматривают его как феномен социальной психологии, который отражает результат взаимодействия людей в составе группы [4]. Иногда его также определяют как состояние коллективного сознания. Другой подход характеризует психологическую атмосферу как совокупный эмоциональный настрой участников группы, который формируется в результате истории взаимодействия, совместных эмоциональных переживаний и взаимного влияния людей друг на друга. Такой подход находит отражение в исследованиях А.А. Шкердиной [16]. Третий подход позволяет определить психологический климат через стиль взаимоотношений, который складывается в определенном коллективе, причем он может формироваться как в результате взаимодействия людей, так и в результате некоего внешнего воздействия (например, принятых в данном учреждении стандартов корпоративной культуры). Данная трактовка находит отражение в исследовании таких авторов, как К.С. Картавых и Г.Н. Ларина [3]. Наконец, четвертый подход рассматривает психологическую атмосферу с точки зрения общих ценностей и целей группы, что характеризует ее сплоченность и единство [13]. Проанализировав эти подходы, можно определить психологическую атмосферу как феномен взаимодействия и взаимного влияния людей в составе группы, включая общие цели и ценности, эмоциональный фон, а также воздействие извне, прежде всего, связанное с корпоративной культурой.

Понятие «психологическая атмосфера» чаще всего рассматривается как синоним «социально-психологического климата» [7]. Однако некоторые исследователи отмечают, что психологическая атмосфера имеет временный характер, более изменчива по сравнению с психологическим климатом и при этом оказывает значительное воздействие на самочувствие, работоспособность и мотивацию членов группы [14]. В пользу этой точки зрения также говорят результаты исследований, демонстрирующие, что в атмосфере доверия и поддержки у студентов и сотрудников повышается концентрация внимания, улучшается восприятие материала и логическое мышление [12]. Важную роль играет стиль общения: демократичный подход, уважительное отношение, возможность высказывать своё мнение создают условия для формирования внутренней мотивации [15]. При этом жёсткий контроль, угрозы и оскорбительные замечания, наоборот, снижают заинтересованность и желание проявлять инициативу [10]. Особенно значимым фактором является поддержка со стороны коллектива. Когда участники группы чувствуют уважение и принятие, они более склонны к самораскрытию и творческой активности. Групповые формы работы, совместные проекты и командные задания способствуют укреплению связей между участниками и повышению общей мотивации [8]. В такой обстановке люди не только лучше усваивают материал, но и получают удовольствие от процесса деятельности, что становится дополнительным стимулом для дальнейшего развития [11].

Несмотря на то, что психологическая атмосфера рассматривается как один из факторов, сказывающихся на мотивации к работе и учебной деятельности, в контексте студенческих коллективов она изучена достаточно слабо [6]. Одной из причин является субъективный характер ее оценки и ограниченность инструментов, которые позволяют получать стандартизированные и сравнимые результаты. Динамический характер

психологической атмосферы не позволяет участникам коллектива до конца осознать ее воздействие, а также отличить его от действия других факторов [1], этим могут объясняться и противоречивые данные исследований. Например, в исследовании И. Жанга и соавторов продемонстрировано, что интерактивный характер обучения не влияет на удовлетворенность онлайн-обучением иностранных студентов, в то время как интерес к содержанию обучения и академическая вовлеченность – влияют значимо [23]. Следовательно, внутренняя мотивация оказывается важнее психологической атмосферы. Однако в исследовании К. Ли и соавторов показано, что поддержка со стороны вуза влияет на успеваемость студентов [18]. Таком образом, данные о воздействии психологической атмосферы на мотивацию к обучению противоречивы и требуют дополнительных исследований.

Для отдельных групп студентов слабо изучены факторы, которые влияют на мотивацию к обучению. К таковым относятся и иностранные студенты, в частности вьетнамские, которые обучаются в российских вузах. С одной стороны, можно предположить, что представители данной страны имеют достаточно высокую мотивацию к обучению, при этом процесс адаптации к новым культурным реалиям проходит для них достаточно легко, учитывая дружественные отношения между Россией и Вьетнамом. Например, изучая особенности мотивации вьетнамских студентов к изучению иностранного языка за границей, Т. Нгуен и Ж. Хажек отмечают, что у вьетнамцев присутствует «образ идеального Я», которому они стремятся соответствовать. Оно наделено такими характеристиками, как лингвистический капитал, развитые экономические, культурные и социальные аспекты [21]. Следовательно, вьетнамские студенты стремятся к изучению иностранных языков, интересуются чужой культурой и стараются активно взаимодействовать с местным населением. С другой стороны, переезд в другую страну, адаптация к новой учебной деятельности и коллективу участников образовательного процесса, взаимодействие с местным населением, значительные изменения внешних условий по сравнению с родной страной, от социокультурных до климатических, позволяет предположить, что психологическая атмосфера в совокупности с другими внешними факторами могут влиять на мотивацию вьетнамских студентов к обучению. Это относится к понятию «культурный шок». В мета-исследовании Е. Мулади и соавторы указывают на следующие его аспекты: языковой барьер, нетипичный распорядок дня, особенности невербальной коммуникации, тоска по дому, чувство одиночества, новые климатические условия и даже особенности питания [20]. Таким образом, взаимодействие с другой культурой затрагивает различные аспекты жизни иностранных студентов, следовательно, спектр оказываемого влияния также достаточно широк.

Изучая особенности адаптации вьетнамских студентов 1 года обучения к иностранному вузу, Л. Тао и П. Трут Туй указали также на сложности самостоятельного обучения, недостаточный уровень технологической грамотности, а также важность баланса между учебой и необходимостью помогать семье, что является частью культурных особенностей вьетнамцев [17]. Таким образом, необходимо учитывать культурные особенности иностранных студентов при дизайне исследований.

Важный аспект – возможность воздействия на ситуацию адаптации психолого-педагогическими средствами. Например, Б. Нгуен-Вьет и Б. Нгуен-Вьет показали, что геймификация положительно влияет успеваемость и вовлеченность вьетнамских студентов, в том числе развивая внутреннюю мотивацию к обучению, а также способствует социальной адаптации студентов [22]. К. Ли и Ж. Ю показали, что тревога по поводу изучения иностранного языка значимо снижает академическую вовлеченность

и успеваемость, при этом в качестве способов преодоления предлагается применять обратную связь на занятиях [19]. Следовательно, можно предположить, что психологическая атмосфера во время учебного процесса воздействует на адаптацию студентов к новым условиям.

Целью данного исследования являлось изучение влияния психологической атмосферы в российском вузе на мотивацию к обучению и ее структуру у вьетнамских студентов 1 и 3 года обучения.

Методика

Эмпирическое исследование было проведено на базе Российского университета дружбы народов в 2023-2025 гг и является лонгитюдным. В исследовании приняли участие 40 вьетнамских студентов гуманитарных факультетов, среди которых 27 девушек и 13 юношей. Возраст испытуемых варьировал от 18 до 21 года.

Первое исследование было проведено в 2023 году, в конце 1 семестра, когда испытуемые обучались на 1 курсе, повторное - в 2025 году, в начале 2 семестра (третий год обучения). Проведение исследования на одной и той же выборке обучающихся позволяет отследить изменения в их структуре мотивации, а также выявить роль психологической атмосферы в этом процессе.

Оценка мотивации студентов к обучению в высшем учебном заведении была проведена при помощи опросника «Мотивация к обучению в вузе» Т.И. Ильиной (2000), оценка психологической атмосферы – при помощи «Методики оценки психологической атмосферы в коллективе» Ф. Фидлера (1967) в русскоязычной адаптации Ю.Л. Ханина (1976). Анкетирование проводилось с каждым студентом индивидуально.

При обработке полученных данных использовали методы описательной статистики (среднее значение, стандартное отклонение). Для выявления статистически значимых отличий в структуре мотивации студентов на 1 и 3 году обучения, а также в их оценке психологической атмосферы учебной группы использовали метод попарного сравнения на основе критерия Манна-Уитни. Для выявления возможного влияния психологической атмосферы и ее отдельных компонентов на мотивацию к обучению в высшем учебном заведении использовали метод корреляционного анализа (коэффициент корреляции Спирмена). В обоих случаях полученный результат признавался статистически значимым на уровне $p=0,05$.

Результаты

На рисунке 1 представлены результаты диагностики мотивации обучения вьетнамских студентов в российском вузе. На 1 курсе доминирует мотивационный компонент «получение диплома», на 3 курсе – «приобретение знаний». Интересно, что в обоих исследованиях наименьшие баллы были получены по шкале «овладение профессией».

Лонгитюдное исследование показывает, что по сравнению с первым курсом показатели всех 3 шкал тестирования выросли, что в целом говорит о возрастании у мотивации к обучению у вьетнамских студентов. Максимальный рост был зафиксирован по шкале «приобретение знаний» (с 7,6 баллов у первокурсников до 10,6 баллов у студентов третьего курса). На 2 месте находится шкала «овладение профессией», где средний балл по группе увеличился с 5,9 на 1 курсе до 8,1 на 3 году обучения. Третий компонент мотивации - «Получение диплома» - характеризуется относительной стабильностью И демонстрируют наименее выраженную динамику увеличения (8,1 балла у

первокурсников и 9 баллов у третьекурсников).

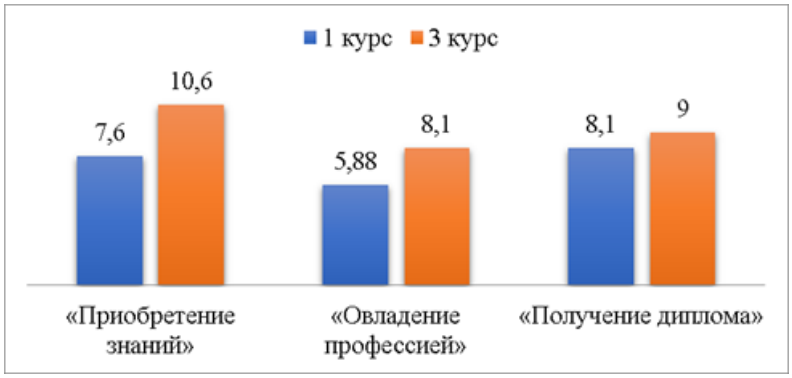

Рис. 1.Мотивация обучения вьетнамских студентов 1 и 3 курсов

В таблице 1 представлены результаты попарного сравнения результатов диагностики мотивации к обучению в вузе на 1 и 3 курсе при помощи критерия Манна-Уитни.

Таблица 1 - Попарное сравнение результатов диагностики мотивации к обучению у вьетнамских студентов 1 и 3 курса

Шкала	Значение критерия Манна-Уитни (U)
Приобретение знаний	0*
Овладение профессией	6*
Получение диплома	347

* - статистически значимые отличия при p=0,05 и менее

На основании полученных результатов можно сделать вывод, что статистически значимые отличия между первокурсниками и третьекурсниками обнаружены по шкалам методики диагностики мотивации к обучению в вузе «приобретение знаний» (U=0) и «овладение профессией» (U=6). Статистически значимые отличия в баллах по шкале «получение диплома» обнаружены не были.

На рисунке 2 представлены результаты диагностики психологической атмосферы в вузе в группе вьетнамских студентов 1 и 3 курса. Стоит отметить, что спецификой использованного метода оценки является тот факт, что чем ниже полученные баллы, тем более выражен данный компонент психологической атмосферы.

На 1 курсе вьетнамские студенты охарактеризовали психологическую атмосферу в учебной группе как дружелюбную (средний балл составил 3,13), с выраженным согласием (3,11), теплотой (3,05) и удовлетворенностью (3,35). При этом наименее выраженными с точки зрения первокурсников были такие характеристики психологической атмосферы, как сотрудничество (5,24), взаимная поддержка (6,22), увлеченность (6,21) и занимательность (5,32). Умеренно были выражены такие компоненты психологической атмосферы, как продуктивность (4,11) и успешность (4,27).

На 3 курсе средние баллы по всем шкалам снизились, что говорит о повышении удовлетворенности или об улучшении психологической атмосферы в группе вьетнамских студентов. Можно также говорить об изменении структуры психологическая атмосфера: на 3 курсе в группах вьетнамских студентов были наиболее выражены такие ее характеристики, как удовлетворенность (2,31), успешность (2,370, дружелюбие (2,39), теплота (3,01), сотрудничество (3,13), продуктивность и согласие (по 3,26). В несколько меньшей степени была выражена взаимная поддержка (4,18). В меньшей степени

вьетнамские студенты 3 года обучения указывали на такие характеристики психологической атмосферы, как увлеченность (5,09) и занимательность (5,25).

Если говорить о динамике изменений среднего балла, то можно отметить, что наиболее устойчивыми были признаны такие характеристики, как теплота и занимательность. Наиболее выраженные изменения были зарегистрированы в оценках сотрудничества, взаимной поддержки, успешности, удовлетворенности, увлеченности.

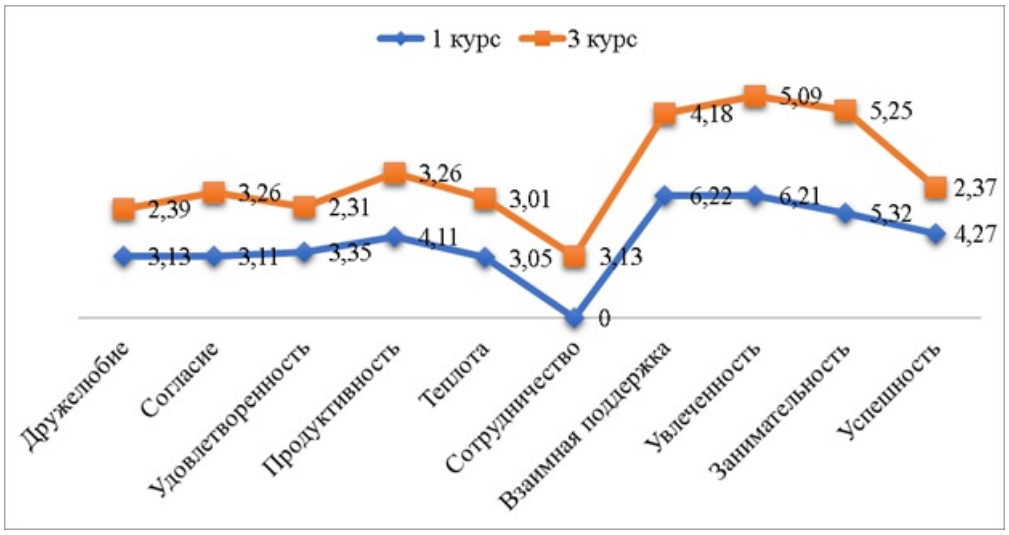

Рис. 2. Психологическая атмосфера в вузе по мнению вьетнамских студентов 1 и 3 курса

В таблице 2 приведены результаты попарного сравнения данных студентов 1 и 3 курсов при помощи критерия Манна-Уитни.

Таблица 2 - Результаты попарного сравнения диагностики психологической атмосферы в группах студентов 1 и 3 курса

Шкала	Значение критерия Манна-Уитни (U)
Дружелюбие	192,5*
Согласие	632,5
Удовлетворенность	114,5*
Продуктивность	203,5*
Теплота	701
Сотрудничество	28*
Взаимная поддержка	18*
Увлеченность	103,5*
Занимательность	753
Успешность	3,5*

* - статистически значимые отличия при p=0,05

Статистически значимые отличия между результатами вьетнамских студентов 1 и 3 курсов были обнаружены по всем шкалам, кроме согласия, теплоты и занимательности.

В таблице 3 Представлены результаты корреляционного анализа с применением коэффициента Спирмена

Таблица 3 - Корреляционный анализ структуры мотивации к обучению в вузе и характеристик психологической атмосферы у студентов из Вьетнама

	Приобретение	Овладение	Получение

	Приобретение знаний	Овладение профессией	Получение диплома
Дружелюбие	-0,52*	-0,55*	-0,43*
Согласие	0,13	0,15	0,10
Удовлетворенность	-0,70*	-0,60*	-0,50*
Продуктивность	-0,51*	-0,57*	-0,31*
Теплота	-0,02	-0,15	0,04
Сотрудничество	-0,76*	-0,78*	-0,45*
Взаимная поддержка	-0,80*	-0,76*	-0,58*
Увлеченность	-0,63*	-0,68*	-0,50*
Занимательность	-0,05	-0,01	-0,06
Успешность	-0,77*	-0,77*	-0,53*

* - статистически значимые отличия при p=0,05

Были обнаружены многочисленные корреляции разной направленности и силы между шкалами методики оценки мотивации к обучению в высшем учебном заведении И методики оценки психологической атмосферы в коллективе. Отсутствуют статистически значимые корреляции между шкалами мотивации и такими параметрами психологической атмосферы, как согласие, теплота и занимательность.

Обнаруженные сильные отрицательные корреляции позволяют сделать вывод, что балл по шкале «приобретение знаний» коррелируют с характеристиками психологической атмосферы – удовлетворенность (-0,70), сотрудничество (-0,76), взаимная поддержка (-0,80) и успешность (-0,77). Баллы по шкале «овладение профессией» демонстрируют сильную обратную корреляцию с такими характеристиками психологической атмосферы, как успешность (-0,77), взаимная поддержка (-0,76), сотрудничество (-0,78). Балл по шкале «получение диплома» демонстрируют умеренную обратную корреляцию со всеми характеристиками психологической атмосферы.

Обсуждение результатов

В структуре мотивации к обучению высшем учебном заведении у студентов из Вьетнама преобладает такой формальный показатель, как получение диплома. С одной стороны, это может говорить о внешнем характере мотивации. С другой стороны, это отражает культурные особенности вьетнамских студентов, где получение высшего образования и диплома является признаком статуса и высоко ценится в обществе. Стоит отметить, что в процессе обучения у студентов возрастают баллы, которые характеризуют внутреннюю мотивацию к обучению. При этом максимальный прирост характерен для 1 шкалы и связан с самим процессом обучения. Студенты 3 курса начинают больше ценить выбранную область знаний, погружаться в предметы и интересоваться их содержанием. Старшекурсники характеризуются высокими значениями познавательной мотивации.

Овладение профессией является наименее выраженным компонентом в структуре мотивации к обучению в высшем учебном заведении. Это может говорить о том, что студенты как на 1, так и на 3 курсе в меньшей степени представляют профессиональную область деятельности и поэтому в меньшей степени интересуются выполнением профессиональных задач. На основании этого можно говорить о том, что необходимо усилить практическую составляющую обучения, способствовать вовлечению студентов в реальные проекты по специальности, чтобы составить у них представление о будущей профессии и повысить интерес к ней. Однако по данному параметру также наблюдается

положительная динамика при переходе от 1 к 3 курсу.

Стоит отметить, что базовое понимание процесса обучения как источника диплома, то есть формального показателя, сохраняется к 3 году обучения. Учитывая, что многие студенты сталкиваются со сложностями при написании выпускных квалификационных работ, можно трактовать данный факт как положительный, который говорит о том, что студенты обладают достаточно выраженной мотивацией для окончания обучения и успешного прохождения всех аттестационных мероприятий.

В целом можно отметить, что выявленные тенденции в структуре мотивации у студентов 3 года обучения по сравнению с первым курсом говорят о формировании более зрелого и осознанного интереса к обучению, также можно говорить о повышении уровня внутренней мотивации к учебному процессу.

Говоря о психологической атмосфере на 1 и 3 курсе, можно отметить, что она является достаточно благоприятной, однако имеет определенные недостатки. Например, наиболее высокие баллы по результатам анкетирования студентов 1 курса получил такой компонент психологической атмосферы, как взаимная поддержка. Это может быть связано с адаптацией к новому коллективу, отсутствием сформированных дружеских связей, языковыми и культурными особенностями студентов, а также их ожиданиями от группового взаимодействия. На 3 году обучения показатель по данной шкале все еще остается достаточно высоким, следовательно, можно говорить об устойчивой ориентации на то, чтобы самостоятельно справляться со сложностями, не опираясь на поддержку коллектива. Мы склонны трактовать это как проявление культурных особенностей: вьетнамские студенты не склонны опираться на поддержку друзей, поэтому не готовы оказывать ее своим одногруппникам.

Вьетнамские студенты проявляют интерес к дружеским связям, поэтому такой показатель психологической атмосферы, как дружелюбие, получил достаточно низкую оценку. Дружелюбный характер общения, вежливость и положительный настрой к членам коллектива важны для вьетнамских студентов, причем с возрастом это прибавляется сильнее. В процессе обучения у студентов формируются дружеские связи в учебном коллективе, что повышает его эмоциональную ценность в их глазах.

Согласие вот в учебном коллективе также важно для вьетнамских студентов. Это выражается во взаимном уважении к чужому мнению, а также в попытках понять другую сторону даже в конфликтной ситуации. Этот компонент также предполагает возможность высказать собственное мнение без осуждения со стороны коллектива. Данный параметр можно охарактеризовать как важный для вьетнамских студентов.

Ожидаемо, что продуктивность в учебных группах 1 года обучения оказалась более низкой, чем в группах 3 года обучения. Необходимость адаптироваться к новым условиям, отсутствие сработанности и слаженности действий препятствуют продуктивной работе учебного коллектива на 1 курсе, однако в дальнейшем воздействие данного негативного фактора было нивелировано. Это относится также к шкале сотрудничества: на 3 году обучения студенты поставили более низкие баллы этой характеристике психологической атмосферы.

Вьетнамские студенты в целом склонны ориентироваться на теплоту общения в коллективе. Значимое отличие между результатами 1 и 3 года обучения по данному параметру отсутствуют. Это говорит о том, что готовность проявлять симпатию и доброжелательное отношение к другим участникам коллектива с возрастом у вьетнамских студентов не меняется. Так это также можно трактовать как культурную

особенность. Вьетнамские студенты ценят атмосферу уюта, комфорт и дружественное, бесконфликтное общение.

По мнению вьетнамских студентов, увлеченность и занимательность являются наиболее невыраженными чертами психологической атмосферы в учебных группах. Здесь наблюдается положительная динамика при взрослении, однако учебный процесс для вьетнамских студентов становится лишь немного более увлекательным. Это может объясняться, с одной стороны, применением иных методов обучения в российской высшей школе, с другой стороны - достаточно сложным содержанием обучения, что не позволяет полноценно применять методы интерактивного обучения (например, игровые, что влияет на увлекательность и интересность учебного процесса для студентов).

Вьетнамские студенты как 1, так и 3 готов обучения считают академическую среду успешной и удовлетворяющей. Они полагают, что в учебной группе к ним относятся справедливо, способствует удовлетворению их познавательных и иных интересов, а также проявляют честность и открытость, что важно для азиатской культуры.

В целом психологическую атмосферу в учебных группах, где обучаются вьетнамские студенты, можно охарактеризовать как благоприятную. Это говорит о грамотном подходе высшего учебного заведения - Российского университета дружбы народов к работе с иностранными студентами, которая позволяет полноценно способствовать их адаптации и интеграции в местное молодежное сообщество.

Проведенный нами корреляционный анализ подтверждает гипотезу о том, что факторы психологической атмосферы способны влиять на учебную мотивацию. В большей степени это касается компонентов мотивации к приобретению знаний и овладению профессии. Наибольшее влияние оказывают такие факторы, как удовлетворенность, сотрудничество, взаимная поддержка и успешность. Нами не было обнаружено выраженное влияние таких факторов психологической атмосферы, как согласие, теплота и занимательность. Полученные нами данные позволяют повышать уровень внутренней мотивации к обучению у иностранных студентов за счет создания ситуации успехов, поддержание дружеской атмосферы взаимной поддержки и сотрудничества.

На основании полученных результатов можно дать следующие практические рекомендации по воздействию на процесс адаптации у вьетнамских студентов.

1 . Поскольку самые негативные оценки у вьетнамских студентов получил такой компонент обучения, как «увлекательность», можно экспериментировать с различными образовательными форматами, например, применять методы геймификации, формат «обучения-приключения», различные интерактивные формы ведения занятий.

2 . Слабым местом в мотивации к обучению является заинтересованность в освоении профессии. Это может объясняться как отсутствием четких карьерных перспектив, так и слабым представлением о роде деятельности. Для коррекции необходимо вовлекать в учебный процесс представителей реальных секторов экономики, а также успешных студентов старших курсов или выпускников, которые уже нашли работу по специальности. В процессе обучения важно использовать кейс-метод, создавая игровые ситуации взаимодействия с задачами по типу профессиональных.

3 . Сильной стороной мотивации к обучению у вьетнамских студентов является ориентация на получение диплома. Данная культурная особенность позволяет им сохранять высокую учебную мотивацию, следовательно, должна поддерживаться персоналом учебного заведения. В российской образовательной культуре получение

диплома как основная цель образования воспринимается скорее в негативном ключе, но в случае вьетнамских студентов нужно делать акцент именно на получении высшего образования как цели.

Выводы

1. В структуре мотивации студентов из Вьетнама к обучению в российском вузе на 1 году обучения преобладает получение диплома, на 3 году обучения - приобретение знаний. В меньшей степени выражено стремление овладеть новой профессией вне зависимости от года обучения.

2. В учебных группах гуманитарных направлений, где обучаются вьетнамские студенты, психологическая атмосфера может быть охарактеризована как благоприятная.

3. Наблюдаются разница в восприятии психологической атмосферы студентами 1 и 3 курса, которая объясняется языковым барьером, недостатком дружеских связей в новой учебной группе, необходимостью адаптироваться к новым культурным и образовательным реалиям.

4. В большей степени от характеристик психологической атмосферы зависит внутренняя мотивация к обучению, в меньшей степени - стремление к получению диплома. Важность данной характеристики определяется культурными особенностями вьетнамских студентов и не зависит от психологической атмосферы в учебной группе.

5. Наиболее значимо воздействуют на внутреннюю мотивацию студентов такие характеристики психологической атмосферы, как успешность, увлеченность, взаимная поддержка, сотрудничество и удовлетворенность, в меньшей степени – согласие, теплота и занимательность.

Библиография

1. Ибатова А. З., Волкова Е. А. Изучение межличностных отношений в учебной группе // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2021. Т. 10. № 3 (36). С. 121-124. DOI: 10.26140/anip-2021–1003-0029. EDN: MKXMCX
2. Каргина Н. В., Полянская Е. Н. Психологические факторы, влияющие на качество получаемого образования и академические достижения современных студентов // Проблемы современного педагогического образования. 2025. № 87-3. С. 119-121. EDN: ESCKUS
3. Картавых К. С., Ларина Г. Н. Социально-психологические факторы сопротивления оптимизационным изменениям // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2024. № 4 (72). С. 355-364. EDN: BFUMOE
4. Кодочигова А. А. Социально-психологический климат сотрудников организации // Экономика и социум. 2024. № 2-1 (117). С. 1595–1598. EDN: YMKULY
5. Куклин С. Я., Куклина Л. В. Эмоционально-психологический климат как базовый компонент образовательной экосистемы вуза // Высшее образование сегодня. 2023. № 5. С. 10-17. DOI: 10.18137/RNU.HET.23.05.P.010. EDN: ZRNLUS
6. Ладыкина Т. А. Морально-психологический климат как фактор социальной адаптации студентов-юристов к образовательной среде вуза // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 4-3 (91). С. 203-209. DOI: 10.24412/2500–1000-2024-4-3-203-209. EDN: PSBDJQ
7. Логвинова И. К., Логвинова И. К. Социально-психологический климат как пространство гармонизации рабочей среды // Естественно-гуманитарные исследования. 2024. № 4 (54). С. 419-425. EDN: GUCLSU

8. Мусхаджиева Т. А., Махаева Г. М., Гитинова П. Ш. Сущность и содержание связи социально-психологического климата с мотивацией к учебной деятельности у студентов // Проблемы современного педагогического образования. 2022. № 74-3. С. 213-216. EDN: AXWVNB
9. Пузиков Д. В., Шнайдер И. Р. Психолого-педагогический анализ мотивации и прокрастинации в профессиональном образовании с использованием дистанционных технологий // Современное педагогическое образование. 2025. № 5. С. 317-323. EDN: OKFEFU
10. Ростовцева М.В., Дулинец Т.Г., Трофимова В.В., Поломошнова А.В., Десятова И.С. Исследование стратегий конфликтного поведения педагогов и психологической атмосферы в педагогическом коллективе // Конфликтология / nota bene. 2023. № 1. С. 94-102. DOI: 10.7256/2454-0617.2023.1.39341 EDN: KPJOFU URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39341
11. Старовойт Н. В. Особенности психологической атмосферы в инклюзивных группах студентов вуза // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2023. № 4. С. 104-118. DOI: 10.5922/pikbfu-2023-4-11. EDN: QVZRGX
12. Страчук А. М. Благоприятный психологический климат как средство повышения продуктивности обучения у студентов СПО // Вестник науки. 2024. Т. 4. № 11 (80). С. 1018–1022. EDN: FLMTIQ
13. Суркова И. Ю., Егунова Е. С. Социально-психологический климат в воинском коллективе: специфика и факторы влияния // Гуманитарный научный журнал. 2024. № 1-1. С. 60-65. EDN: WPVNWM
14. Татарчук Е. Р. Психологическая поддержка оптимального климата и атмосферы в женских высококвалифицированных командах по футболу // Теория и практика физической культуры. 2023. № 10. С. 78-78. EDN: JAMABU
15. Шарова С. Н., Смирнова Н. Б., Вараева Н. В. Проблема оптимизации социально-психологического климата студенческой группы на занятиях английским языком // Проблемы современного педагогического образования. 2025. № 86-3. С. 300-303. EDN: ELTVQS
16. Шкердина А. А. Значение роли руководителя в формировании благоприятного социально-психологического климата коллектива // Проблемы современного педагогического образования. 2018. № 60-3. С. 402-404. EDN: YMBQJN
17. Le Thanh Thao, Trut Thuy P. Navigating transitions: Vietnamese students' experiences and challenges in the first year of higher education // International Journal of Lifelong Education. 2024. Vol. 44, № 1. P. 38-56.
18. Li X., Rahman M. S., Yu L. Is University Support Effective? A Longitudinal Study of Cultural Adaptation of South Asian Students in Chinese Universities // Journal of Studies in International Education. 2023. Vol. 28, № 4. P. 643-662.
19. Li X., Yu Z. Teacher support, academic engagement and learning anxiety in online foreign language learning // British Journal of Educational Technology. 2024. Vol. 55. P. 2151–2172.
20. Mulyadi E., Permatasari D., Soares D., Syarifudin M., da Silva Pinto T., Sarmento J. Culture Shock: Challenges of International Students // International Journal of Health Engineering and Technology (IJHET). 2024. Vol. 3, № 1. P. 98-112.
21. Nguyen T. T. T., Hajek J. Motivation for learning Chinese in a study abroad context: Vietnamese students in Taiwan // Journal of Multilingual and Multicultural Development. 2021. Vol. 45, № 2. P. 444-458.
22. Nguyen-Viet B., Nguyen-Viet B. Gamification in Vietnamese education: Assessing psychological need satisfaction, intrinsic motivation, and learning effectiveness // Learning

and Motivation. 2025. Vol. 89. P. 102101. DOI: 10.1016/j.lmot.2025.102101. EDN: LZPPGJ
23. Zhang Y., Zhang X., Meng Z. Effect of interactive immediacy on online learning satisfaction of international students in Chinese universities: The chain mediating role of learning interest and academic engagement // Acta Psychologica. 2024. Vol. 244. P. 104202. DOI: 10.1016/j.actpsy.2024.104202. EDN: UOTFNO

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.
Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться здесь.

Предмет исследования: влияние психологической атмосферы в российском вузе на мотивацию к обучению и ее структуру.
Методология исследования: В исследовании приняли участие 40 вьетнамских студентов гуманитарных факультетов, среди которых 27 девушек и 13 юношей. Возраст испытуемых варьировал от 18 до 21 года. Первое исследование было проведено в 2023 году, в конце 1 семестра, когда испытуемые обучались на 1 курсе, повторное - в 2025 году, в начале 2 семестра (третий год обучения). Оценка мотивации студентов к обучению в высшем учебном заведении была проведена при помощи опросника «Мотивация к обучению в вузе» Т.И. Ильиной (2000), оценка психологической атмосферы – при помощи «Методики оценки психологической атмосферы в коллективе» Ф. Фидлера (1967) в русскоязычной адаптации Ю.Л. Ханина (1976). Анкетирование проводилось с каждым студентом индивидуально. Для выявления статистически значимых отличий в структуре мотивации студентов на 1 и 3 году обучения, а также в их оценке психологической атмосферы учебной группы использовали метод попарного сравнения на основе критерия Манна-Уитни. Для выявления возможного влияния психологической атмосферы и ее отдельных компонентов на мотивацию к обучению в высшем учебном заведении использовали метод корреляционного анализа (коэффициент корреляции Спирмена).
Актуальность: актуальность исследования обусловлена тем, что мотивация к обучению играют большую роль как в академических достижениях, так и в формировании профессиональных компетенций студентов высших учебных заведений.
Научная новизна: Рецензируемая статья обладает научной новизной, поскольку авторами изучено влияние психологической атмосферы в российском вузе на мотивацию к обучению и ее структуру у вьетнамских студентов 1 и 3 года обучения.
Стиль, структура, содержание: Статья хорошо структурирована, написана четким и научным языком, выводы обоснованы, литература соответствует, заявленной тематике.
Библиография: Источники, цитируемые в настоящей статье, отражают современную точку зрения на исследуемую проблему. Однако, в библиографии присутствуют устаревшие источники по исследуемой теме. в Некоторых источниках отсутствуют doi.В источниках убрать EDN. Отсутствует анализ зарубежной литературы по изучаемой проблеме.
Апелляция к оппонентам: Авторы провели анализ текущего состояния исследуемой проблемы. Однако, не все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями.
Выводы, интерес читательской аудитории: Интересными представляется вывод о том, что в большей степени от характеристик психологической атмосферы зависит внутренняя мотивация к обучению, в меньшей степени - стремление к получению диплома. Важность данной характеристики определяется культурными особенностями вьетнамских студентов и не зависит от психологической атмосферы в учебной группе. Не представлены практические рекомендации. Не указан практический выход проведенного

исследования.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.
Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться здесь.

Предметом исследования в представленной статье является психологическая атмосфера в российском вузе как основа мотивации к обучению.
В качестве методологии предметной области исследования в данной статье были использованы дескриптивный метод, метод категоризации, метод анализа, метод сравнения, лонгитюдный метод, опросный метод в форме анкетирования, а также, как отмечается в статье, были применены методики: «опросник «Мотивация к обучению в вузе» Т.И. Ильиной (2000)», ««Методика оценки психологической атмосферы в коллективе» Ф. Фидлера (1967) в русскоязычной адаптации Ю.Л. Ханина (1976)» и методы описательной статистики и статистического анализа.
Актуальность статьи не вызывает сомнения, поскольку в настоящее время происходят существенные изменения в системе образования в Российской Федерации. Эти изменения затрагивают интересы практически всех субъектов образовательного процесса, а также оказывают значительное влияние на систему взаимоотношений между ними и социально-психологический климат в образовательной организации. Одной из важных задач в деятельности образовательной организации является создание благоприятной психологической атмосферы, поскольку именно она играет важную роль в достижении результатов освоения образовательной программы и выступает основополагающим фактором мотивации к обучению. С этих позиций исследование психологической атмосферы в российском вузе как основы мотивации к обучению представляет научный интерес в сообществе ученых и, безусловно, практический интерес в профессиональном сообществе.
Научная новизна представленной работы заключается проведении по авторской методике лонгитюдного исследования, направленного на изучение влияния психологической атмосферы в российском вузе на мотивацию к обучению. В анкетировании, проводимом в 2023-2025 годах на одной выборке, приняли участие 40 респондентов из числа вьетнамских студентов, обучающихся в Российском университете дружбы народов.
Статья написана языком научного стиля с применением в тексте исследования изложения различных позиций ученых к изучаемой проблеме и научной терминологии и дефиниций, характеризующих предмет исследования, а также наглядной демонстрацией, анализом и описанием полученных результатов исследования.
Структура статьи, в целом выдержана с учетом основных требований, предъявляемых к написанию научных статей. В структуре данного исследования представлены такие элементы как введение, методика, результаты, обсуждение результатов, практические рекомендации, выводы и библиография.
Содержание статьи отражает ее структуру. В частности, особую ценность представляет выявленные и отмеченные в представленной статье тенденции, характеризующие динамику маркеров психологической атмосферы образовательной организации по мнению вьетнамских студентов 1 и 3 курсов, что наглядно продемонстрировано на рисунке 2 рукописи.
Библиография содержит 23 источника, включающих в себя отечественные и зарубежные периодические издания.
В статье приводится анализ исследований ученых, характеризующих особенности

психологической атмосферы в образовательной организации и ее роль и значение в мотивации к обучению. В статье содержится апелляция к различным научным трудам и источникам, посвященных этой тематике, которая входит в круг научных интересов исследователей, занимающихся указанной проблематикой.

В представленном исследовании содержатся краткие выводы, касающиеся предметной области исследования. В частности, отмечается, что на факультетах, где проводилось исследование, психологическая атмосфера является благоприятной для мотивации к обучению, а также описываются изменения в структуре мотивации и восприятии психологической атмосферы вьетнамскими студентами 1 и 3 курса.

Материалы данного исследования рассчитаны на широкий круг читательской аудитории, они могут быть интересны и использованы учеными в научных целях, педагогическими работниками в образовательном процессе, руководством и администрацией образовательных организаций высшего образования, специалистами по работе с иностранными студентами, специалистами по внеучебной работе, кураторами, социологами, психологами, консультантами, аналитиками и экспертами.

В качестве недостатков данного исследования следует отметить, то, что при оформлении рисунков необходимо обратить внимание на требования действующего ГОСТа, оформить их в соответствии с этими требованиями. Кроме сформулированных выводов и практических рекомендаций по проведенной научно-исследовательской работе целесообразно было бы сформулировать заключение, которое должно создать впечатление логической завершенности и законченности исследования. В качестве рекомендации, возможно, что в названии статьи следовало бы указать, что речь идет об иностранных студентах и дополнить название рукописи словами «...иностранных студентов», однако, этот вопрос носит дискуссионный характер. Указанные недостатки не снижают высокую степень научной и практической значимости самого исследования, а скорее, относятся к особенностям изложения и оформления текста статьи. С учетом незначительности указанных замечаний и, конечно же, после их устранения, несомненно, рукопись рекомендуется опубликовать.

Психология и Психотехника
Правильная ссылка на статью:
Антоненко А.В., Калошин А.В., Завьялов А.А., Березин С.И., Орлов М.Н., Орлов С.М. Концепция психологии здоровья как основа эффективности реабилитации и абилитации детей с расстройствами аутистического спектра и другими нарушениями нейропсихического развития // Психология и Психотехника. 2025. № 3. DOI: 10.7256/2454-0722.2025.3.75424 EDN: NTTOZH URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75424

Концепция психологии здоровья как основа эффективности реабилитации и абилитации детей с расстройствами аутистического спектра и другими нарушениями нейропсихического развития

Антоненко Александр Викторович

Генеральный директор, ученый секретарь, клинический психолог, патопсихолог; научно-исследовательская лаборатория клинической патопсихологии «САНАТ»

353917, Краснодарский край, г.Новороссийск, переулок Краснознаменный д.2А пом II

info1@medicus-curat.ru

Калошин Александр Викторович

Заведующий Центра Здоровья научно-исследовательской лаборатории клинической патопсихологии «САНАТ», врач-педиатр-клинический фармаколог

353917, Краснодарский край, г. Новороссийск, переулок Краснознаменный д.2А пом II

info@medicus-curat.ru

Завьялов Александр Анатольевич

Ведущий аналитик отдела развития и сопровождения корпоративных и образовательных сервисов дирекции по цифровизации Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы (РУДН), педагог, коррекционный педагог

117198, г. Москва, улица Миклухо-Маклая дом 6

esc8787@mail.ru

Березин Семен Игоревич

Главный врач научно-исследовательской лаборатории клинической патопсихологии «САНАТ», Заведующий Новороссийского филиала ГБУЗ «Наркологический диспансер» министерства здравоохранения Краснодарского края, врач-психиатр

353917, Краснодарский край, г. Новороссийск, переулок Краснознаменный д.2А пом II

semeshka08@mail.ru

Орлов Михаил Николаевич

кандидат медицинских наук

доцент; кафедра пропедевтики стоматологических заболеваний; Ставропольский государственный медицинский университет
старший научный сотрудник, врач-стоматолог; лаборатория клинической патопсихологии «САНАТ»

355017, Ставропольский край, г. Ставрополь, улица Мира, дом 310

skydent250@rambler.ru

Орлов Семен Михайлович

Лаборант кафедры пропедевтики стоматологических заболеваний Ставропольского государственного медицинского университета, врач-стоматолог

355017, Ставропольский край, г. Ставрополь, улица Мира, дом 310

Semor2000@mail.ru

Статья из рубрики "Психология развития"

DOI:

10.7256/2454-0722.2025.3.75424

EDN:

NTTOZH

Дата направления статьи в редакцию:

02-08-2025

Дата публикации:

09-08-2025

Аннотация: Объектом исследования выступает процесс реабилитации и абилитации детей с расстройствами аутистического спектра (РАС). Предмет исследования – концепция психологии здоровья как условие успешной реабилитации и абилитации детей с РАС. Целью исследования является экспериментальное обоснование эффективности реабилитации и абилитации детей с РАС и другими нарушениями нейропсихического развития, в основе которой лежат принципы и методы концепции психологии здоровья. Процесс реабилитации и абилитации, здоровье детей с РАС рассматриваются с позиции теории и практики психологии здоровья. Особое внимание уделено пониманию здоровья ребенка с РАС в контексте основных положений психологии здоровья, которое определяется как системное образование, как баланс психического, физического и социального благополучия личности. РАС рассматривается как специфическое системное нарушение психического развития детей, которое проявляет себя в нарушениях социального взаимодействия, нейрофизиологического и соматического функционирования организма. Методы исследования: нейрофизиологические методы, лабораторные методы, методы психологического обследования, метод индивидуального расчета нутриентов, методы рационального питания, методы поведенческого вмешательства, количественные и качественные методы обработки данных. Исследование проведено среди детей в возрасте от 4-х до 10 лет с диагнозом РАС в количестве 48 человек на базе Центра Здоровья научно-исследовательской лаборатории клинической патопсихологии «САНАТ», г. Новороссийск. Основным выводом проведенного исследования является положение об эффективности программы вторичной профилактики детей с РАС и другими нарушениями нейропсихического развития, в основе которой лежат принципы и методы концепции

психологии здоровья. Включение детей с РАС в программу вторичной профилактики обеспечивает положительную динамику нейрофизиологического развития детей: улучшение показателей мозгового кровообращения, состояния сосудов и биоэлектрической активности головного мозга, улучшение маркеров повреждения мозга, а также повышение навыков социальной коммуникации и снижение сопутствующих РАС нарушений. Новизна исследования заключается в том, что впервые научно обоснована эффективность теории и практики психологии здоровья в отношении детей с РАС. Полученные результаты позволяют рекомендовать к применению заявленную программу для достижения положительной динамики нейрофизиологического и психологического развития, снижения коморбидной симптоматики и улучшения соматического здоровья у детей с РАС в рамках реализации программ вторичной профилактики.

Ключевые слова:

психология здоровья, реабилитация, абилитация, вторичная профилактика, расстройства аутистического спектра, нарушения социальной коммуникации, нейрофизиологическое развитие, пищевой рацион, нейродиетология, соматическое здоровье

Введение. В последние десятилетия во всем мире сохраняется тенденция к увеличению заболеваний, связанных с нарушениями нейропсихического развития. Внимание как зарубежных, так и отечественных специалистов привлекают проблемы высокой распространенности расстройств аутистического спектра (РАС), оценка которой варьируется в зависимости от диагностических критериев, возраста обследованных, страны и региона [1]. Согласно оценкам современных эпидемиологических данных распространенность РАС составляет 6 случаев на 1000 детского населения [2]. Рост количества установленных диагнозов РАС связан с повышением качества медицинских услуг, с совершенствованием диагностических методов, с ростом осведомленности о заболевании в профессиональном сообществе и в обществе в целом [1,2]. В настоящее время происходят изменения возрастной структуры заболевания в детской популяции. В России в детской популяции в настоящее время наблюдается существенное увеличение практически в 16 раз случаев заболевания среди подростков в возрасте 15-17 лет, достоверное снижение доли детей в возрасте от рождения до 4 лет и 5-9 лет, на что следует обратить внимание специалистам, осуществляющим реабилитацию и абилитацию детей и подростков данной категории [2].

Концепции реализуемых в настоящее время программ реабилитации и абилитации детей с РАС и другими нарушениями нейропсихического развития опирается на современные теоретические положения, раскрывающие возрастно-психологические закономерности развития ребенка в норме и при патологии, положения о соотношении первичных и вторичных дефектах нарушенного развития [3], на научные представления об особенностях этиологии и патогенеза заболевания [4, 5]. РАС представляют собой «сложную группу нарушений развития, характеризующихся стойкими дефицитами в социальном взаимодействии и коммуникации, а также ограниченными, повторяющимися моделями поведения» [4, с. 336]. РАС является специфическим системным нарушением психического развития детей, которое проявляет себя в нарушениях аффективно-волевой сферы, когнитивного и личностного развития, оказывая влияние на

психофизиологический и соматический уровень функционирования организма. Тяжесть течения РАС обусловлена наличием коморбидных для РАС состояний, сопутствующими заболеваниями,такими, как нарушение питания, расстройства желудочно-кишечного тракта (ЖКТ)[6], аллергические состояния[7], фобии, нарушение сна, агрессия и аутоагрессия, обсессивно-компульсивные состояния, проявляемые различными типами навязчивых действий или движений[8, 9]. Сопутствующие коморбидные для РАС расстройства оказывают негативное влияние не только на качество жизни ребенка с РАС, но и на качество реабилитационной деятельности специалистов, осложняя контакт с ребенком при проведении реабилитационных мероприятий[10].

Комплексный подход к процессу реабилитации и абилитации детей с РАС предполагает реализацию мер, направленных как на коррекцию нейропсихического статуса ребенка, так и на восстановление его соматического здоровья. Актуальным становится разработка эффективных программ вторичной профилактики развития сопутствующих для РАС соматических расстройств, которые позволяют учитывать как нейропсихический, так и соматический анамнез ребенка[11]. В этой связи нами разработана и экспериментально обоснована эффективность программы реабилитации и абилитации детей с РАС и другими нарушениями нейропсихического развития, в основе которой лежат принципы и методы концепции психологии здоровья.

Психология здоровья включает теорию и практику профилактики психических и психосоматических заболеваний различной этиологии, обеспечивающей повышение качества жизни и социального благополучия человека. Психология здоровья представляет собой раздел научного знания о психологических механизмах и детерминантах, обеспечивающих здоровье, о методах и средствах его сохранения, укрепления и развития. Здоровье ребенка с позиции психологии здоровья рассматривается как системное образование, как баланс психического, физического и социального благополучия, что требует объединения усилий специалистов разного профиля при проведении программ реабилитации и абилитации детей с РАС и другими нарушениями нейропсихического развития. Практические методы психологии здоровья необходимо внедрять в программы реабилитации и абилитации детей с РАС и другими нарушениями нейропсихического развития в практику коррекционно-развивающей деятельности специалистов психолого-педагогического сопровождения детей данной категории[12]. Целевыми ориентирами реализации программ вторичной профилактики, в основе которых лежат принципы и подходы психологии здоровья, должны быть снижение коморбидных расстройств (нарушение сна, нарушение пищевого поведения, нарушения ЖКТ, гиперактивность и др.), интенсивность проявления которых оказывает влияние на степень тяжести течения РАС. Внедрение методов психологии здоровья позволяет обеспечить как профилактику развития соматических нарушений, сопутствующих РАС, так и вторичных осложнений при наличии факторов риска, а также в целом повысить качество и эффективность проводимых лечебно-медицинских и профилактических мероприятий.

Одним из основных принципов психологии здоровья выступает сочетание рационального питания и физической культуры в рамках адаптивной физической культуры. Рациональное питание детей с РАС необходимо строить с учетом соматических нарушений, которые наблюдаются у детей с нарушением нейропсихического развития. Формирование рационального питания для детей данной категории должно проводиться на основе нейрофизиологического обследования, показателей маркеров повреждения мозга S 100 и NSE[13], диагностических показателей реоэнцефалографии и

электроэнцефалографии [14, 15], которые демонстрируют дисбаланс процессов торможения и возбуждения нейронных сетей, связанных с функционированием ГАМК-рецепторов, процессов обусловленных ишемическими нарушениями, эксайтотоксичностью и некоторыми другими патологическими состояниями [16, 17]. Нейрофизиологическое обследование, в частности электроэнцефалография, позволяет определять развитие эпилептиформного регресса у ребенка задолго до клинических проявлений с учетом существующих нарушений психических и когнитивных функций [18]. Понимание механизмов эксайтотоксичности, лежащих в основе дисбаланса в системе Гамк/глутамат [19], а также в основе этиопатогенеза СЭА, позволяет включать в питательный рацион нутриенты, что обеспечивает вторичную профилактику формирования эпилептиформного регресса психических и когнитивных функций.

Для детей с РАС, как отмечалось выше, характерны симптомы, связанные с расстройствами со стороны ЖКТ (боль в животе, запор, диарея, рефлюкс), наблюдаются нарушения пищевого поведения, пищевая избирательность, ограниченный рацион, что приводит к нарушению функционирования ЖКТ, к изменению кишечной микробиоты, к воспалительным заболеваниям ЖКТ, к пищевой непереносимости и пищевой аллергии. Типичные жалобы и симптомы трудно выявить по причине нарушенной коммуникации, что затрудняет своевременную диагностику гастроинтестинальных нарушений и расстройств питания у детей с РАС [6].

При формировании рациона питания для детей с РАС внимания заслуживают вопросы физиологической значимости витаминов, минеральных компонентов и микроэлементов в питании как важных кофакторов ферментных систем, получение которых у детей с РАС проблематично в связи с избирательностью питания. Рацион детей с РАС обеднен такими биологически активные веществами как: индольные производные (индол-3-карбинол, сульфорафан); органические изотиоцианаты (фенэт или зотиоцианат) и тиогликозиды крестоцветных, которые содержаться в различных видах капусты, репы, редиса, хрена; серосодержащие компоненты чеснока и лука; растительные фенолы (биофлавоноиды, катехины, антоцианиды) листовых овощей; каротиноиды моркови, облепихи; кумарины и фурокумарины пастернака, сельдерея и других зонтичных; терпены солодки, цитрусовых, брусники и других ягодных растений; селен и цинкорганические соединения чеснока, овса; адаптогенные гликозиды родиолы, солодки и других растений. Данные вещества и их комплексы с витаминами и минералам есть активнейшие антиканцерогены, поскольку через ферменты способствуют детоксикации, обезвреживанию и выведению из организма опасных веществ техногенной среды. У детей с РАС пищевой рацион обеднен балластными веществами (пектины, гемицеллюлоза), которые участвуют в создании благоприятной среды для развития молочнокислой микрофлоры, препятствующей развитию дисбактериоза. Фактически, избирательность питания и нарушения пищевого поведения создает условия для нарушения функции ферментных систем защиты внутренней среды организма и систем антирадикальной защиты, усиливая разрушительные проявления любого стресса, что создает условия для нарушения эндоэкологического благополучия организма.

Реализация программ вторичной профилактики с позиции психологии здоровья для детей с РАС при различных нарушениях функции ЖКТ предполагает использовать диету №5 ГА [20]. Экспериментально обосновано, что при использовании диеты №5 ГА к третьему месяцу у детей с нейропсихическими расстройствами нормализовывался стул, уменьшались симптомы воспаления, газообразования, диспептических нарушений, улучшалось пищеварение, что приводило к снижению эксайтотоксичности (по данным

исследования маркеров повреждения мозга) и снижению не только частоты, но и тяжести экзацербаций, психогенных синкопальных состояний и проявлений коморбидных для РАС психических дисфункций в целом [11]. Введение в рацион детей с РАС при нарушении пищевого поведения и пищевой избирательности чаев, киселей и компотов не вызывает трудностей, позволяет насытить организм необходимыми нутриентами, дефицит которых необходимо восполнять. В выявлении алиментарных дефицитов при формировании рационального питания можно использовать современные методики, к примеру АРМ диетолога-нутрициолога «Индивидуальная диета». Обоснована эффективность технологии оптимизации медицинской реабилитации детей с РАС с использованием методов традиционной медицины, фитотерапии в комплексе с фитодиетотерапией, включая нейродиетологию и фотохромотерапию, что имеет перспективы успешного практического применения [11]. Разработка программ рационального питания для детей с РАС представляется перспективным направлением развития теории и практики психологии здоровья.

В концепции психологии здоровья формирование рациона питания для детей с РАС имеет первостепенное значение, поскольку питание – один из ведущих факторов, от которых зависит состояние здоровья и психофизиологическая работоспособность организма. От качества рациона питания зависит реализация энергетической, пластической, биорегуляторной и защитной функций организма. Рациональное питание обеспечивает построение и непрерывное обновление клеток, тканей и органов и создание биологически активных веществ, из которых образуются ферменты и гормоны – регуляторы и катализаторы биохимических процессов, которые способствует нормальному физическому и психическому развитию организма [20].

Целью исследования является экспериментальное обоснование эффективности реабилитации и абилитации детей с РАС и другими нарушениями нейропсихического развития, в основе которой лежат принципы и методы концепции психологии здоровья. Объектом исследования выступает процесс реабилитации и абилитации детей с РАС и другими нарушениями нейропсихического развития. Предметом исследования выступает концепция психологииздоровья как условие успешной реабилитации и абилитации детей с РАС и другими нарушениями нейропсихического развития.

Материалы и методы. Исследование проводилось среди детей с диагнозом РАС в количестве 48 человек в возрасте от 4-х до 10 лет на базе Центра Здоровья научно-исследовательской лаборатории клинической патопсихологии «САНАТ», г. Новороссийск, Краснодарский край. У всех детей отмечается нарушение социального взаимодействия, коммуникации, стереотипные повторяющиеся движения. Сопутствующие РАС нарушения соматического здоровья, коморбидные для РАС состояния были выявлены в 100 % случаев.

Нейрофизиологические исследования электроэнцефалографию (ЭЭГ) и реоэнцефалографию (РЭГ) выполняли на оборудовании: Энцефалан ЭЭГА 21/26, реограф-полианализатор РГПА 6/12 «Реан-Поли». УЗИ выполняли с помощью аппарата: Sam-sung Sono Ace R7. Индивидуальный расчет нутриентов для формирования рационального питания проводился с помощью программы АРМ диетолога-нутрициолога «Индивидуальная диета».

Нейрофизиологические исследования (РЭГ, ЭЭГ), а также психиатрические и психологические диагностические исследования в области патопсихологии, нейропсихологии и психолого-педагогического исследования проводили на базе ООО

Научно-исследовательской лаборатории клинической патопсихологии «Санат» (г. Новороссийск, Краснодарский край). УЗИ проводили на базе ООО «Евромед» (г. Новороссийск, Краснодарский край).

Весь комплекс профилактических мероприятий, в том числе эндоэкологическая реабилитация растительным чаем, в модификации предложенной специалистами лаборатории клинической патопсихологии «САНАТ», с включением суррогатов чая, компотов и киселей на фоне диеты 5 ГА проводился на дому под наблюдением родителей. Комплекс лечебных мероприятий проводился специалистами узкого профиля в медучреждениях по месту жительства. Рекомендованные каждому ребенку методы комплексного подхода прикладного анализа поведения проводились родителями (после их обучения проведению методов прикладного анализа поведения) [21], самостоятельно на дому под динамической курацией поведенческого аналитика. Затраты времени поведенческого аналитика на курацию родителей по реализации комплексного подхода составляли 3-4 часа на одну семью за 14 дней. Затраты времени родителей на реализацию комплексного подхода прикладного анализа поведения составляли от 30 до 40 часов еженедельно. Достоинством программы является повышение вовлеченности родителей, воспитывающих детей с РАС, в реабилитационный процесс совместно со специалистами, осуществляющими коррекционное воздействие, что оказывает положительное эмоциональное и мотивационное действие и уровень благополучности семейных отношений.

Дополнительно, усилиями специалистов лаборатории клинической патопсихологии «САНАТ» проводились целевые вмешательства по развитию определенных навыков с затратами времени на проведение коррекционной работы по 4 часа в неделю, которая включала адаптивную физическую культуру [22, 23], сенсорную интеграцию по Айрес [24], метод JASPER (Joint Attention, Symbolic Play, Engagement andRegulation) для развития социальных и игровых навыков совместного внимания и социальной вовлеченности у детей с РАС [25], тренинг ключевых реакций (PRT – pivotal responsetraining/teaching/treatment) для развития речевых навыков у детей с РАС [26-27].

Оценка результатов, анализ, обобщение и систематизация полученных данных проводились на базе ООО Научно-исследовательской лаборатории клинической патопсихологии «Санат» (г. Новороссийск, Краснодарский край). Курс коррекционной работы проводился в течении одного года на основе мониторинга данных нейрофизиологического исследования (ЭЭГ, РЭГ), исследования маркеров повреждения мозга и психологических методов обследования каждые 3-6 месяцев.

В ходе исследования были сформированы две группы: основная (ОГ) и контрольная (КГ) по 24 ребенка в каждой группе. Критерием формирования групп выступали результаты диагностических исследований, пол, возраст, сопутствующие заболевания и коморбидные расстройства, что позволило сформировать максимально однородные группы детей. В каждой группе количество мальчиков, девочек, их возраст, наличие сопутствующих заболеваний, проявление поведенческих расстройств, тяжесть течения психических и соматических расстройств сопоставимы. Дети подбирались со средней и тяжелой тяжестью проявления РАС при условии наличия поведенческих нарушений и задержки развития речи.

В контрольной группе (КГ) проводили коррекционную работу на основе поведенческого подхода, лечение по показаниям в медучреждениях по месту жительства. Дети контрольной группы не употребляли суррогаты чая, компоты и кисели, а также диету 5

ГА, рекомендованные к использованию детьми основной группы. В основной группе (ОГ) также проводили коррекционную работу на основе поведенческого подхода, лечение по показаниям в медучреждениях по месту жительства. Дополнительно дети ОГ были включены в программу вторичной профилактики, учитывающей нарушения соматического здоровья, риски развития нарушений функций органов и систем с учетом выявленных дефицитов нутриентов (витамины, микроэлементы, макроэлементы, жиры, белки, углеводы). В программу включалась диета 5 ГА, суррогаты чая, компоты и кисели с добавлением адаптагенов в соответствии с современными представлениями психологии здоровья. Для оценки нутритивного статуса, выявления алиментарной недостаточности питания была использована программа АРМ диетолога-нутрициолога «Индивидуальная диета», рекомендованная Научно-методическим советом Национальной Ассоциации диетологов и нутрициологов (г. Москва) для оценки и коррекции индивидуального рациона в профилактических и оздоровительных целях. При разработке программ рационального питания учитывалась карта регионарных микроэлементозов России, риски развития ятрогенных микроэлементозов.

Результаты и обсуждение. Результаты нейрофизиологических и лабораторных исследований, функциональной диагностики у детей обеих групп, исследования маркеров повреждения мозга детей КГ и ОГ с РАС представлены в табл. 1.По результатам исследования специалистами центра были даны рекомендации о необходимости обращения к узким специалистам в медучреждения по месту жительства для коррекции выявленных сопутствующих соматических расстройств.

Таблица 1 Результаты мониторинга нейрофизиологических показателей (РЭГ, ЭЭГ,NSE, S100) у детей с РАС КГ и ЭГ в ходе реализации программы вторичной профилактики течение 6 и 12 месяцев

Критерии и показатели	КГ, кол-во/%		ОГ, кол-во/%	
	6 мес.	12 мес.	6 мес.	12 мес.
Данные РЭГ И ЭЭГ				
Резкое затруднение венозного оттока в бассейне внутренних сонных артерий				
Общее кол-во, чел.	22	22	24	24
Без изменений	22 / 100%			
Умеренные улучшения не убедительно		20 /91%		
Умеренные улучшения		2 / 9%	16 / 67%	14/ 58%
Значительные улучшения			8 / 33%	10 / 42%
Резкое затруднение венозного оттока в вертебро-базилярном бассейне				
Общее кол-во, чел.	24	24	24	24
Без изменений	20 / 92%			
Умеренные улучшения не убедительно		18 /75%		
Умеренные улучшения	4 / 8%	6 / 25%	17 /71%	5 / 21%
Значительные улучшения			7 / 29%	19 / 79%
Резкое и значительное снижение наполнения средних и мелких артериальных стволов				
Общее кол-во, чел.	19	19	18	18
Без изменений	16 / 84%			
Умеренные улучшения	3 / 16%	18 / 95%		

Умеренные улучшения не убедительно	3 / 16%	18 / 95%		
Умеренные улучшения		1 / 5%	11 / 61%	4 / 22%
Значительные улучшения			7 / 39%	14 / 78%
Резкое и значительное снижение тонуса артерий мелкого калибра и артериол				
Общее кол-во, чел.	18	18	17	17
Без изменений	14 / 78%			
Умеренные улучшения не убедительно		12 / 67%		
Умеренные улучшения	4 / 22%	6 / 33%	9 /53%	4 / 24%
Значительные улучшения			8 / 47%	13 / 76%
Резкое и значительное снижение обьемного пульсового кровенаполнения				
Общее кол-во, чел.	22	22	23	23
Без изменений	15 / 68%			
Умеренные улучшения не убедительно		18 /82%		
Умеренные улучшения	7 / 32%	4 / 18%	11 / 48%	2 / 9%
Значительные улучшения			12 / 52%	21 / 91%
Значительное повышение тонуса артерий распределения				
Общее кол-во, чел.	17	17	16	16
Без изменений	16 /94%			
Умеренные улучшения не убедительно		12 /71%		
Умеренные улучшения	1 / 6%	5 / 29%	11 / 69%	3 / 19%
Значительные улучшения			5 / 31%	13 / 81%
Значительное и резкое снижение эластических свойства артерий				
Общее кол-во, чел.	23	23	22	22
Без изменений	20 /87%			
Умеренные улучшения не убедительно		18 /78%		
Умеренные улучшения	3 /13%	5 /22%	16 /73%	4 /18%
Значительные улучшения			6 /27%	18 /82%
Эпилептиформная активность				
Общее кол-во, чел.	20	20	21	21
Без изменений	20 / 100%	20 / 100%	7 / 33%	
Умеренные улучшения не убедительно				
Умеренные улучшения			14 / 67%	15 / 71%
Значительные улучшения				6 / 29%
Результаты исследований NSE и S100				
Повышение NSE				
Общее кол-во, чел.	19	19	20	20
Без изменений	19 / 100%			
Умеренные улучшения			16 / 80%	3 / 15%

Умеренные улучшения			10 / 80%	3 / 15%
Значительные улучшения			4 / 20%	17 / 85 %
Повышение S100				
Общее кол-во, чел.	21	21	22	22
Без изменений	21 / 100%			
Умеренные улучшения			14 / 64%	2 /9%
Значительные улучшения			8 /36%	20 / 91%

Мониторинг нейрофизиологического развития детей с РАС показал более интенсивную положительную динамику исследуемых показателей у детей ОГ, в которой была проведена программа вторичной профилактики индивидуального рационального питания, включающая диету 5 ГА, суррогаты чая, компоты и кисели с добавлением адаптагенов, в отличие от детей КГ, в которой проводились только комплексные программы поведенческого вмешательства.

В КГ детей с РЭС на период 6 месяцев от начала коррекционного вмешательства показатели РЭГ демонстрируют нарушения кровообращения в бассейне внутренних сонных артерий у всех детей; нарушения кровообращения в вертебро-базилярном бассейне у большинства детей (20 детей, составивших 92%). Только у 4 детей, составивших 8%, были выявлены умеренные улучшения венозного оттока в вертебро-базилярном бассейне. По показателям состояния сосудов головного мозга у детей с РАС КГ наблюдались лишь умеренные улучшения у незначительного числа детей (от 1 до 6 человек в зависимости от показателя).

У детей ОГ на период 6 мес. от начала коррекционного вмешательства наблюдалась более интенсивная положительная динамика нейропсихических показателей: выявлены умеренные улучшения кровообращения в бассейне внутренних сонных артерий у большинства детей - у 16 детей, составивших 67%, значительные улучшения данного показателя наблюдались у каждого третьего ребенка (8 чел., 33%); умеренные улучшения кровообращения в вертебро-базилярном бассейне выявлены у большинства детей - 17 чел. (71%), а значительные улучшения практически у каждого третьего ребенка - 7 чел., составивших 29% от группы.

На период 12 месяцев от начала коррекционного вмешательства в ОГ детей с РЭС значительные улучшения по показателю кровообращения в бассейне внутренних сонных артерий выявлены у 10 детей, составивших 42% от группы; по показателю венозного оттока в вертебро-базилярном бассейне значительные улучшения продемонстрировали большинство детей - 19 человек, составивших 79% от группы. В ОГ на период 12 месяцев от начала коррекционного вмешательства у большинства детей значительно улучшилось состояние сосудов головного мозга: по показателю наполнения средних и мелких артериальных стволов у 14 детей, составивших 78% от группы; по показателю тонуса артерий мелкого калибра и артериол - у 13 детей, составивших 76% от группы; по объёмному пульсовому кровенаполнению - у 21 ребенка, составивших 91% от группы. В КГ детей значительных улучшений показателей мозгового кровообращения и состояния сосудов головного мозга не выявлено, наблюдалась лишь динамика умеренного улучшения данных показателей в процессе коррекционного воздействия.

Результаты ЭЭГ на период 6 месяцев от начала коррекционного вмешательства у большинства детей, как КГ, так и ОГ показали различные нарушения биоэлектрической активности головного мозга, наличие признаков субклинической эпилептиформной

активности. На период 6 и 12 месяцев от начала коррекционного вмешательства показатели эпилептиформной активности в КГ детей оставались без изменений, в то время, как в ОГ детей после 6 месяце коррекционного вмешательства у большинства детей - 14 чел., составивших 67%, были отмечены умеренные улучшения, а на период 12 мес. от начала коррекционного вмешательства умеренные улучшения были обнаружены у 15 чел., составивших 71%, значительные улучшения у 6 человек, составивших 29% от группы.

Результаты исследований маркеров повреждения мозга у детей с РАС показали повышение NSE у всех 19 детей КГ на период 6 месяцев от начала коррекционного вмешательства. В отличие от КГ, на данном этапе проведения профилактических мероприятий у большинства детей ОГ были выявлены умеренные улучшения показателя NSE - у 16 детей, составивших 80% от группы, а у каждого пятого ребенка наблюдались значительные улучшения (4 человека, 20%). На период 12 месяцев от начала коррекционного вмешательства в ОГ детей значительные улучшения были выявлены уже у большинства детей с РАС - у 17 детей, составивших 85 % от группы.

Повышение S100B (белок S100B)на период 6 месяцев от начала коррекционного вмешательства в КГ детей было обнаружено у всех детей (21 человек), в то время, как в ОГ в этот период умеренные улучшения наблюдались у большинства детей – 14 чел., составивших 64%, а значительные улучшения у 8 чел., составивших 36% от группы. На период 12 месяцев от начала коррекционного вмешательства в ОГ детей значительные улучшения S100B наблюдались практически у всех детей – у 20 чел., составивших 91%, в то время как в КГ детей со значительным улучшением данного показателя не выявлено.

Мониторинг психологического статуса и сопутствующих РАС нарушений удетей КГ и ОГ в ходе реализации программы вторичной профилактики в течение 6 и 12 месяцев представлен в табл. 2.

Таблица 2 Результаты мониторинга нарушений социальной коммуникации и сопутствующих РАС нарушений у детей КГ и ОГ в ходе реализации программы вторичной профилактики в течение 6 и 12 месяцев

Критерии и показатели	КГ, кол-во/%		ОГ, кол-во / %	
	6 мес.	12 мес.	6 мес.	12 мес.
Нарушения социальной коммуникации				
Недостаточная или отсутствующая реакции на обращенную речь и имя				
Общее кол-во, чел.	24	24	24	24
Слабая эффективность	19 / 79%	15 / 63%	4 / 17%	4 / 17%
Умеренная эффективность	5 / 21%	9 /77%	20 / 83%	14 / 58%
Высокая эффективность				6 / 25%
Отсутствие речи или выраженная ее задержка				
Общее кол-во, чел.	15	15	17	17
Слабая эффективность	14 / 93%	12 / 80%	5 / 29%	4 / 24%
Умеренная эффективность	1 / 7%	3 / 20%	12 / 71%	9 / 52%
Высокая эффективность				4 / 24%
Стереотипное, повторяющееся поведение (повторяющиеся движения:				

Стереотипное, повторяющееся поведение (повторяющиеся движения: раскачивание, взмахи руками)				
Общее кол-во, чел.	14	14	13	13
Слабая эффективность	13/ 93%	6/ 43%	7/ 54%	3/ 23%
Умеренная эффективность	1/ 7%	7/ 50%	6/ 46%	6/ 46%
Высокая эффективность		1/ 7%		4/ 31%
Гиперактивное расстройство (непрерывное двигательное беспокойство: бег, прыжки, неусидчивость)				
Общее кол-во, чел.	7	7	9	9
Слабая эффективность	6 / 86%	3 / 43%	5 / 56%	3 / 33%
Умеренная эффективность	1 / 14%	4 / 57%	4 / 44%	3 / 33%
Высокая эффективность				3 / 33%
Сопутствующие РАС нарушения (коморбидность)				
Повышенная раздражительность				
Общее кол-во, чел.	21	21	22	22
Слабая эффективность	16 / 76%	6 / 29%	11 / 50%	4 / 18%
Умеренная эффективность	5 / 24%	13 / 62%	9 / 41%	10 / 45%
Высокая эффективность		2 / 9%	2 / 9%	8 / 37%
Повышенная чувствительность к различным стимулам (солнечные блики, резкий шум (дрель, фен, звонок телефона, мотоцикл, громкие звуки)				
Общее кол-во, чел.	19	19	17	17
Слабая эффективность	14 / 74%	4 / 21%	2 / 12%	2 /12%
Умеренная эффективность	4 / 21%	8 /42%	13 / 76%	3 / 18%
Высокая эффективность	1 /5%	7 / 37%	2 /12%	12 / 70%
Расстройства питания				
Общее кол-во, чел.	19	19	21	21
Слабая эффективность	12 / 63%	11 / 58%	5 / 24%	2 /10%
Умеренная эффективность	7 /37%	8 / 42%	10 /48%	3 /14%
Высокая эффективность			6 /28%	16 /76%

Мониторинг нарушений социальной коммуникации у детей КГ и ОГ в ходе реализации программы вторичной профилактики в течение 6 и 12 месяцев также показал более интенсивную положительную динамику исследуемых показателей у детей ОГ, в отличие от детей КГ. Результаты исследований социальной коммуникации по показателю реакции на обращенную речь и имя показали, что на период 6 месяцев от начала коррекционного вмешательства только у каждого пятого ребенка КГ (5 человек, 21%) наблюдалась умеренная эффективность коммуникации. В ОГ детей с РАС, в отличие от КГ, умеренная эффективность коммуникации была выявлена у большинства детей (20 чел., 83%). На период 12 месяцев от начала коррекционного вмешательства в ОГ детей

каждый четвертый ребенок с РАС (6 чел., 25%) продемонстрировал высокую эффективность социального взаимодействия по показателю реакции на обращенную речь и имя, в отличие от КГ, в которой таких детей не выявлено. Мониторинг речевого развития в КГ детей на период 6 месяцев от начала коррекционного вмешательства показал, что большинство детей имеют задержку речевого развития (14 чел., 93%). В отличие от КГ, на данный период коррекционной работы большинство детей ОГ (12 чел., 71%) продемонстрировали умеренную эффективность речевой деятельности, а на период 12 месяцев от начала коррекционного вмешательства практически каждый пятый ребенок (4 чел., 24%) показал высокую эффективность речевого поведения, в отличие от КГ детей, в которой таких детей не выявлено.

На период 6 месяцев от начала коррекционного вмешательства практически у всех детей КГ (13 чел., 93%) наблюдалось стереотипное, повторяющееся поведение, на период 12 месяцев от начала коррекционного вмешательства - 6 чел., составляющих 43% от группы. В ОГ на период 6 месяцев от начала коррекционного вмешательства детей со стереотипным, повторяющимся поведением было 7 чел., что составляло 54% от группы, а на период 12 месяцев - только 3 ребенка, составивших 23% от группы, демонстрировали подобное поведение.

Симптомы гиперактивного расстройства на период 6 месяцев от начала коррекционного вмешательства наблюдались у большинства детей КГ (6 чел., 86%); у более, чем половины детей ОГ (5 чел., 56%). На период 12 месяцев от начала коррекционного вмешательства в ОГ детей каждый третий ребенок с РАС (3 чел., 33%) продемонстрировал высокую эффективность в отношении снижения симптомов гиперактивности, в то время, как в КГ более , чем у половины детей (4 чел., 57%) наблюдалось лишь умеренное снижение данных симптомов.

Выявлена динамика сопутствующих РАС нарушений в КГ и ОГ детей с РАС в ходе реализации программы вторичной профилактики. На период 6 месяцев от начала коррекционного вмешательства высокая эффективность коррекционного воздействия по показателю высокой раздражительности выявлена только у незначительного числа детей ОГ (2 чел., 9%), большинство детей продемонстрировали умеренную эффективность коррекционного воздействия по данному показателю (9 чел., 41), в отличие от КГ, в которой у большинства детей выявлена слабая эффективность снижения повышенной раздражимости (16 чел, 76%). На период 12 месяцев от начала коррекционного вмешательства высокая эффективность коррекционного воздействия по данному показателю выявлена только у 2 чел., что составляет 9% от группы, в то время, как в ОГ обнаружена более интенсивная положительная динамика, где высокую эффективность снижения раздражительности показали 8 чел., составившие 37% от группы.

По показателю повышенной чувствительности к различным стимулам так же обнаружена более высокая эффективность коррекционного воздействия в ОГ детей, в отличие от КГ детей с РАС. Если на период 12 месяцев от начала коррекционного вмешательства в КГ детей высокую эффективность показали 7 человек, составляющих 37% от группы, то в ОГ детей высокая эффективность коррекционного воздействия на снижение данного симптома заболевания продемонстрировали большинство детей с РАС - 12 чел., составляющих 70% от группы.

Мониторинг расстройства питания у детей исследуемых групп также выявил более интенсивное повышение эффективности коррекционного воздействия в ОГ детей с РАС по сравнению с КГ детей. Если на период 12 месяцев от начала коррекционного вмешательства в КГ детей наблюдалась только слабое (11 чел., 58%) и умеренное (8

чел., 42%) снижение нарушений пищевого поведения, то в ОГ большинство детей с РАС - 16 чел., составляющих 76% от группы, показали высокую эффективность коррекционного воздействия на снижение нарушений пищевого поведения.

Заключение. Представлены результаты экспериментального обоснования эффективности программы вторичной профилактики детей с РАС и другими нарушениями нейропсихического развития, в основе которой лежат принципы и методы концепции психологии здоровья. В программу включены методы рационального питания (диета 5 ГА, суррогаты чая, компоты и кисели с добавлением адаптагенов с учетом сопутствующих заболеваний), методы поведенческого вмешательства (адаптивная физическая культура, сенсорная интеграция по Айрес, методы для развития социальных и игровых навыков). В основной группе детей с РАС была проведена профилактическая программа индивидуального рационального питания, включающая диету 5 ГА, суррогаты чая, компоты и кисели с добавлением адаптагенов, и контрольной группе проводились только комплексные программы поведенческого вмешательства.

Мониторинг нейрофизиологического развития детей с РАС показал, что в ОГ детей выявлены значительные улучшения показателей мозгового кровообращения, состояния сосудов головного мозга, биоэлектрической активности головного мозга и маркеров повреждения мозга, в то время, как в КГ детей значительных улучшений данных показателей не выявлено, наблюдалась лишь динамика умеренного улучшения нейропсихических показателей в процессе коррекционного воздействия. Данные результаты отражают эффективность программы вторичной профилактики, в которую положены принципы психологии здоровья, в частности принципы рационального питания детей с учетом нарушений РАС и сопутствующих заболеваний.

Мониторинг нарушений социальной коммуникации и сопутствующих РАС нарушений у детей КГ и ОГ в ходе реализации программы вторичной профилактики в течение 6 и 12 месяцев также показал более высокую эффективность коррекционного воздействия у детей ОГ, в отличие от детей КГ.

Таким образом, полученные результаты позволяют рекомендовать к применению заявленную программу рационального питания с включением диеты 5 ГА, суррогатов чая, компотов и киселей с добавлением адаптагенов для достижения положительной динамики нейрофизиологического развития, навыков социального взаимодействия, снижения коморбидной симптоматики и улучшения соматического здоровья в целом у детей с РАС в рамках разработки программ вторичной профилактики.

Библиография

1. Устинова Н.В., Намазова-Баранова Л.С., Басова А.Я., Солошенко М.А., Вишнева Е.А., Сулейманова З.Я., Лапшин М.С. Распространенность расстройств аутистического спектра в Российской Федерации: ретроспективное исследование // Consortium Psychiatricum. 2022. № 3 (4). С. 28-37. DOI: 10.17816/CP211 EDN: SRXVPD.
2. Терлецкая Р.Н., Кузенкова Л.М., Винярская И.В., Лашкова А.Н. Современные аспекты распространенности аутизма среди детей различных возрастных групп // Российский педиатрический журнал. 2020. № 23 (1). С. 21-27.
3. Выготский Л.С. Основы дефектологии. Москва: Издательство Юрайт, 2023. 332 с.
4. Азимова Н.М., Абдукодирова С.А. Детский аутизм: диагностика, терапия, реабилитация // Inter education & global study. 2025. Vol. 3 № 4(1). С. 334-339.
5. Hodges H., Fealko C., Soares N. Autism spectrum disorder: definition, epidemiology, causes, and clinical evaluation // Translational pediatrics. 2020. Т. 9. No. 1. Pp. 55-66.
6. Madra M., Ringel R., Margolis K.G. Gastrointestinal issues and autism spectrum disorder

// Child and adolescent psychiatric clinics of North America. 2020. T. 29. No. 3. Pp. 501-513.
7. Chua R.X.Y., Tay M.J.Y., Ooi D.S.Q., et al. Understanding the Link Between Allergy and Neurodevelopmental Disorders: A Current Review of Factors and Mechanisms // Front Neurol. 2021. T. 11. No. 603571. Pp. 1-15.
8. Lai M.C. et al. Prevalence of co-occurring mental health diagnoses in the autism population: a systematic review and meta-analysis // The Lancet Psychiatry. 2019. T. 6. No. 10. Pp. 819-829.
9. Neumeyer A.M. et al. Identifying associations among co-occurring medical conditions in children with autism spectrum disorders // Academic Pediatrics. 2019. T. 19. No. 3. Pp. 300-306.
10. Lawson L.P. et al. Cross-sectional and longitudinal predictors of quality of life in autistic individuals from adolescence to adulthood: The role of mental health and sleep quality // Autism. 2020. T. 24. No. 4. Pp. 954-967. DOI: 10.1177/1362361320908107 EDN: SXYDIN.
11. Антоненко А.В., Орлов М.Н., Березин С.И., Калошин А.В. Методы традиционной медицины в комплексном лечении и реабилитации детей с расстройством аутистического спектра, задержкой психического и психоречевого развития (с умеренным нарушением социального взаимодействия) // Традиционная медицина. 2022. № 3 (69). С. 19-36. DOI: 10.54296/18186173_2022_3_19 EDN: HZIWCC.
12. Никифоров Г.С. Психология здоровья: история становления: учебное пособие. Москва: Скифия, 2024. 310 с.
13. Голубова Т.Ф., Цукурова Л.А., Корсунская Л.Л., Осипян Р.Р., Власенко С.В., Савчук Е.А. Белок S100B в крови детей с расстройствами аутистического спектра // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 2019. Т. 119 (12). С. 76-83. DOI: 10.17116/jnevro201911912176 EDN: BVXSOX.
14. Сорокин А.Б., Баландина О.В., Полевая С.А., Мишанов Г.А., Савчук Л.В., Борзиков В.В., Дворянинова В.В., Белова А.Н. Связь спектральных характеристик ЭЭГ со степенью выраженности аутистических проявлений // Современные технологии в медицине. 2019. № 11 (1). С. 84-89. DOI: 10.17691/stm2019.11.1.10 EDN: TVKVLA.
15. Балдова С.Н., Белова А.Н., Шейко Г.Е., Борзиков В.В., Кузнецов А.Н., Полякова А.Г., Лоскутова Н.В. Количественная электроэнцефалография при изучении расстройств аутистического спектра // Практическая медицина. 2017. № 1 (102). С. 35-39. EDN: YHZKMV.
16. Эль-Ансари А. ГАМК, дефициты нейротрансмиттера глутамата при аутизме и их нейтрализация как новая гипотеза эффективной стратегии лечения // Аутизм и нарушения развития. 2020. Том 18. № 3. С. 46-63. DOI: 10.17759/autdd.2020180306 EDN: DDRKGX.
17. Кузьмич Г.В., Синельникова А.Н., Мухин К.Ю. Дискуссионные вопросы коморбидности аутизма и эпилепсии: субклиническая эпилептиформная активность и аутистический эпилептиформный регресс // Русский журнал детской неврологии. 2019. № 14 (1). С. 40-48. DOI: 10.17650/2073–8803-2019-14-1-40-48 EDN: WMPAUW.
18. Кузьмич Г.В., Синельникова А.Н., Мухин К.Ю. Дискуссионные вопросы коморбидности аутизма и эпилепсии: субклиническая эпилептиформная активность и аутистический эпилептиформный регресс // Русский журнал детской неврологии. 2019. № 14 (1). С. 40-48. DOI: 10.17650/2073–8803-2019-14-1-40-48 EDN: WMPAUW.
19. Эль-Ансари А. ГАМК, дефициты нейротрансмиттера глутамата при аутизме и их нейтрализация как новая гипотеза эффективной стратегии лечения // Аутизм и нарушения развития. 2020. Том 18. № 3. С. 46-63. DOI: 10.17759/autdd.2020180306 EDN: DDRKGX.
20. Клиническая диетология детского возраста: Руководство для врачей / Под ред. проф. Т.Э. Боровик, проф. К.С. Ладодо. Москва: ООО "Издательство "Медицинское

информационное агентство", 2015. 720 с.
21. Нигматуллина И.А., Иванова О.А., Сазонова А.Ю., Диярова И.В. Расстройства аутистического спектра: прикладной анализ поведения в работе с детьми и их родителями: учебно-методическое пособие. Казань: Издательство Казанского университета, 2022. 108 с.
22. Healy S. et al. The effect of physical activity interventions on youth with autism spectrum disorder: A meta-analysis // Autism Research: Official Journal of the International Society for Autism Research. 2018. No. 6 (11). Pp. C. 818-833.
23. Chan J.S.Y., Deng K., Yan J.H. The effectiveness of physical activity interventions on communication and social functioning in autistic children and adolescents: A meta-analysis of controlled trials // Autism. 2021. T. 25. No. 4. Pp. 874-886. DOI: 10.1177/1362361320977645 EDN: OCKMDM.
24. Schoen S.A. et al. A systematic review of ayres sensory integration intervention for children with autism // Autism Research. 2019. T. 12. No. 1. Pp. 6-19.
25. Waddington H. et al. The effects of JASPER intervention for children with autism spectrum disorder: A systematic review // Autism. 2021. T. 25. No. 8. Pp. 2370–2385. DOI: 10.1177/13623613211019162 EDN: MUVURZ.
26. Gengoux G.W. et al. Pivotal response treatment parent training for autism: Findings from a 3-month follow-up evaluation // Journal of Autism and Developmental Disorders. 2015. No. 9 (45). Pp. 2889–2898. DOI: 10.1007/s10803-015-2452-3 EDN: SVEKQM.
27. Gengoux G.W. et al. A pivotal response treatment package for children with autism spectrum disorder: An RCT // Pediatrics. 2019. No. 3 (144). Pp. E20190178.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.
Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться здесь.

Предметом исследования в представленной статье является концепция психологии здоровья как основа эффективности реабилитации и абилитации детей с РАС и другими нарушениями нейропсихического развития.
В качестве методологии предметной области исследования в данной статье были использованы дескриптивный метод, метод категоризации, экспериментальный метод, поведенческого анализа, метод сравнения, метод обобщения, метод наблюдения, а также специальные диагностические методы нейрофизиологического исследования, проводимые на соответствующем оборудовании (электроэнцефалография (ЭЭГ), реоэнцефалография (РЭГ)) и метод УЗИ, методы оценки с применением специальных программ и оборудования.
Актуальность статьи не вызывает сомнения, поскольку в настоящее время среди детей наблюдается явный рост распространения расстройств аутистического спектра (РАС). Такая тенденция привлекает внимание различных специалистов, особенно в рамках проведения мероприятий реабилитации и абилитации, что, несомненно, требует комплексного подхода в ходе их реализации. С этих позиций изучение концепции психологии здоровья как основы эффективности реабилитации и абилитации детей с РАС и другими нарушениями нейропсихического развития представляет научный интерес в сообществе ученых и, безусловно, практический интерес в профессиональном сообществе.
Научная новизна представленной работы заключается проведении по авторской методике комплексного исследования, направленного на изучение концепции психологии здоровья как основы эффективности реабилитации и абилитации детей с РАС

и другими нарушениями нейропсихического развития. В исследовании, проводимом на базе Центра Здоровья научно-исследовательской лаборатории клинической патопсихологии «САНАТ» (г. Новороссийск, Краснодарский край), приняли участие 48 детей, имеющих диагноз РАС, в возрастном диапазоне от 4 до 10 лет.

Статья написана языком научного стиля с применением в тексте исследования изложения различных позиций ученых к изучаемой проблеме и научной терминологии и дефиниций, характеризующих предмет исследования, а также демонстрацией, анализом и описанием полученных результатов исследования.

Структуру статьи, в целом можно считать выполненной с учетом основных требований, предъявляемых к написанию научных статей. В структуре данного исследования представлены такие элементы как введение, материалы и методы, результаты и обсуждение, заключение и библиография.

Содержание статьи отражает ее структуру. В частности, особую ценность представляет выявленные и отмеченные в представленной статье тенденции, демонстрирующие результаты мониторинга нарушений социальной коммуникации и сопутствующих РАС нарушений у детей сравниваемых групп (основной группы и контрольной группы) в ходе реализации программы вторичной профилактики, что наглядно продемонстрировано в таблице 2 рукописи.

Библиография содержит 27 источников, включающих в себя отечественные и зарубежные периодические и непериодические издания.

В статье приводится анализ исследований ученых, характеризующих особенности реабилитации и абилитации детей с РАС и другими нарушениями нейропсихического развития. В статье содержится апелляция к различным научным трудам и источникам, посвященных этой тематике, которая входит в круг научных интересов исследователей, занимающихся указанной проблематикой.

В представленном исследовании содержатся краткие выводы, касающийся предметной области исследования, представленные в заключении. В частности, отмечается, что в статье описаны и продемонстрированы результаты авторского экспериментального обоснования «эффективности программы вторичной профилактики детей с РАС и другими нарушениями нейропсихического развития, в основе которой лежат принципы и методы концепции психологии здоровья», в том числе предложены конкретные мероприятия для применения в программе, особы акцент сделан на рациональное питание, адаптивную физическую культуру, сенсорную интеграцию Айрес и развитие у детей социальных и игровых навыков.

Материалы данного исследования рассчитаны на широкий круг читательской аудитории, они могут быть интересны и использованы учеными в научных целях, педагогическими работниками в образовательном процессе, руководством и работниками реабилитационных центров по работе с детьми с РАС, медицинскими работниками, психологами, нейропсихологами, консультантами, аналитиками и экспертами.

В качестве недостатков данного исследования следует отметить, то, что большее внимание можно было бы уделить обзору научной литературы по теме исследования. При оформлении таблиц необходимо обратить внимание на требования действующего ГОСТа, оформить их в соответствии с этими требованиями. Кроме сделанного заключения по проведенной научно-исследовательской работе целесообразно было бы сформулировать отдельно от него выводы по результатам исследования. В качестве рекомендации можно отметить, что в названии статьи следовало бы использовать полный термин, а не использовать сокращение «РАС», однако этот вопрос носит дискуссионный характер. В тексте статьи встречаются незначительные технические ошибки и опечатки, например, в написании слова «…обьемного...», отсутствие пробела между словами «...andRegulation» и т. п. Указанные недостатки не снижают высокую

степень научной и практической значимости самого исследования, а скорее, относятся к особенностям изложения и оформления текста статьи. С учетом незначительности указанных замечаний и, конечно же, после их устранения, несомненно, рукопись рекомендуется опубликовать.

Психология и Психотехника
Правильная ссылка на статью:
Аббасалиева С.Э., Резникова Т.Н., Селиверстова Н.А., Чихачев И.В. Эмоциональные компоненты психологического здоровья у молодых лиц с нарушением адаптации // Психология и Психотехника. 2025. № 3. DOI: 10.7256/2454-0722.2025.3.75524 EDN: QKFEPU URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75524

Эмоциональные компоненты психологического здоровья у молодых лиц с нарушением адаптации

Аббасалиева Севиндж Эльбрус кызы

ORCID: 0009-0007-7248-9414

аспирант; лаборатория стереотаксических методов; Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт мозга им. Н.П. Бехтеревой Российской академии наук (ИМН РАН)

197022, г. Санкт- Петербург, ул. академика Павлова, дом 9, Российская Федерация

sevulya.abbasova.27@gmail.com

Резникова Татьяна Николаевна

ORCID: 0000-0003-1923-6112

доктор медицинских наук

профессор; ведущий научный сотрудник; лаборатория стереотаксических методов; Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт мозга им. Н.П. Бехтеревой Российской академии наук (ИМН РАН)

197022, г. Санкт- Петербург, ул. академика Павлова, дом 9, Российская Федерация

tnreznikova@rambler.ru

Селиверстова Наталья Алексеевна

ORCID: 0000-0002-9333-0476

доктор психологических наук

старший научный сотрудник; Лаборатория стереотаксических методов; Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт мозга им. Н.П. Бехтеревой Российской академии наук (ИМН РАН)

197022, г. Санкт- Петербург, ул. академика Павлова, дом 9, Российская Федерация

selivnat@mail.ru

Чихачев Игорь Владимирович

ORCID: 0000-0002-2816-8708

аспирант; лаборатория стереотаксических методов; Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт мозга им. Н.П. Бехтеревой Российской академии наук (ИМН РАН)

197022, г. Санкт- Петербург, ул. академика Павлова, дом 9, Российская Федерация

igor.chikachev@gmail.com

Статья из рубрики "Социальные страсти"

DOI:

10.7256/2454-0722.2025.3.75524

EDN:

QKFEPU

Дата направления статьи в редакцию:

14-08-2025

Дата публикации:

22-08-2025

Аннотация: Предметом исследования является эмоциональное состояние молодежи с диагнозом «нарушение адаптации» в контексте психологического здоровья. Автор подробно рассматривает такие аспекты темы, как значимость эмоций в общей системе благополучия личности, включающей физическое, психическое, социальное и духовное здоровье. Особое внимание уделяется проявлениям тревожности, субдепрессивного настроения, страха, а также агрессивным и саморазрушающим эмоциональным реакциям, включая чувство вины и обидчивость. Отмечается, что подобные эмоциональные дисфункции существенно влияют на качество жизни молодых людей, вызывая снижение жизненной активности, ухудшение психического состояния и общего самочувствия. Кроме того, подчеркивается роль как внутренних факторов (неуверенность, заниженная самооценка), так и внешних (социальная нестабильность, информационная перегрузка) в формировании эмоционального напряжения. Акцент сделан на дефиците адаптационных ресурсов и недостаточной сформированности эффективных стратегий эмоционального регулирования у данной категории молодежи. Психодиагностическое обследование проводилось с использованием опросников для оценки тревожности, депрессии и показателей качества жизни. Применялись валидизированные методики: шкала Зунга, шкала тревожности Тейлора и опросник Басса-Дарки. Это позволило комплексно проанализировать эмоциональные проявления и выявить ключевые нарушения в эмоциональной и личностной сферах у молодежи с нарушением адаптации. Основными выводами проведенного исследования явилось установление связи между нарушением адаптации и выраженными эмоциональными расстройствами у молодежи, включая высокий уровень тревожности, субдепрессию, страх и агрессию, а также значительное снижение показателей качества жизни. Выявлена зависимость эмоционального напряжения от сочетания внутренних и внешних факторов, а также недостаточности механизмов психологической адаптации. Установлено, что наиболее характерны комбинированные варианты эмоциональных отклонений, которые приводят к значительному снижению качества жизни и общего уровня психологического благополучия. Новизна исследования заключается в комплексном подходе к изучению эмоционального состояния молодежи с учетом как индивидуально-личностных особенностей, так и социального контекста, в котором формируются дезадаптивные реакции. Особым вкладом автора в исследование темы является акцент на необходимости индивидуализации психотерапевтических программ и развитии эмоциональной устойчивости как важнейших направлений психологической помощи молодежи, находящейся в состоянии эмоционального и адаптационного дистресса.

Ключевые слова:

психологическое здоровье, эмоциональные компоненты, нарушение адаптации, молодые лица, страх, агрессивная реакция, дистресс, психотерапевтические программы, эмоциональное благополучие, психическое здоровье

Введение

Современное представление о здоровье выходит за рамки исключительно медицинской науки. В последние годы исследования здоровья активно интегрируют данные из таких областей, как психология, социология, экология и даже нейронауки, что способствует более глубокому пониманию взаимосвязи физических, психических и социальных аспектов жизни человека [1]. Особое внимание уделяется изучению качества жизни и способности индивида удовлетворять свои потребности, а также жизни в гармонии с окружающей средой и собственной системой ценностей. Здоровье, будучи целостным и одновременно динамичным состоянием, включает физические, психические, социальные и духовные аспекты, каждый из которых является неотъемлемым элементом общего благополучия [2]. Психологическое здоровье, в свою очередь, является ключевым условием полноценной жизни и успешного развития человека [3]. Важную роль для психологического здоровья человека играют эмоции, на которых развивается психологическая и практическая деятельность человека [4]. Современные исследования подчеркивают системный характер эмоциональной деятельности и её связь с адаптационными процессами у студентов [5]. В своей монографии авторы рассматривают динамическую теорию эмоций и методы диагностики эмоционального состояния и стрессоустойчивости, опираясь на Теорию функциональных систем П. К. Анохина, что служит важной основой для понимания механизмов адаптации и эмоционального здоровья молодёжи. Эмоции играют ключевую роль в вопросах адаптации и формировании отношений, как явных, так и скрытых, влияя на восприятие внешнего мира и собственной личности [6]. Одним из проявлений психологического здоровья является состояние эмоционального благополучия, которое представляет собой благоприятный баланс между положительными и отрицательными эмоциями, что дает возможность обеспечения позитивного функционирования личности [7].

Нарушение баланса эмоций, особенно длительное, может приводить к развитию нарушений адаптации. Последнему часто способствуют социальные и экологические факторы, такие как отсутствие поддержки со стороны окружения, информационный шум и другие аспекты, сопровождающие жизнь современного человека. Само заболевание (нарушение адаптации) классифицируется в зависимости от преобладающих симптомов и временного фактора [8]. С медицинской стороны нарушения адаптации включают легкие депрессивные симптомы, симптомы тревоги, девиации в поведении и смешанное нарушение эмоции. Симптомы не могут длиться дольше шести месяцев, после прекращения действия стрессов или его последствий. При сохранении симптомов дольше шести месяцев – состояние нарушения адаптации следует рассматривать как хроническое [9].

Подтверждением важности работы с эмоциональной сферой при подобных состояниях являются результаты современных исследований. Так, в рандомизированном контролируемом исследовании, проведённом У. Ньярдвиком и соавт. [10], было

установлено, что терапия, направленная на развитие навыков эмоциональной регуляции у детей с поведенческими нарушениями, способствует значительному снижению деструктивного поведения и улучшению общего психологического функционирования. Это подчёркивает необходимость комплексного подхода к оценке и коррекции эмоционального благополучия, в том числе и у молодёжи с нарушениями адаптации. Дополнительно, в систематическом обзоре C.J. van Lissa [11], основанном на интеллектуальном анализе текстов, подчёркивается центральная роль эмоциональной регуляции в подростковом возрасте как ключевого механизма психоэмоциональной устойчивости в условиях стресса. Это подчёркивает необходимость комплексного подхода к оценке и коррекции эмоционального благополучия, в том числе и у молодёжи с нарушениями адаптации.

Современные исследования подтверждают, что эмоциональная регуляция у подростков является ключевым фактором их психологического благополучия и адаптации к стрессовым ситуациям. Систематический обзор Haag и соавт. (2024) показал, что гибкость эмоциональной регуляции (emotion regulation flexibility) позволяет подросткам более эффективно справляться с разнообразными стрессорами, тогда как её дефицит связан с тревожностью, депрессивными симптомами и внутренними конфликтами [12]. Анализ связи эмоциональной регуляции и субъективного благополучия выявил, что адаптивные стратегии, такие как когнитивная переоценка и принятие, повышают удовлетворённость жизнью и защищают подростков от тревоги и депрессии, что подчёркивает их значение как защитных факторов [13].

Подтверждением важности работы с эмоциональной сферой при подобных состояниях являются результаты современных исследований. Так, в рандомизированном контролируемом исследовании, проведённом Njardvik и соавт. [14], было установлено, что терапия, направленная на развитие навыков эмоциональной регуляции у детей с поведенческими нарушениями, способствует значительному снижению деструктивного поведения и улучшению общего психологического функционирования. Это подчёркивает необходимость комплексного подхода к оценке и коррекции эмоционального благополучия, в том числе и у молодёжи с нарушениями адаптации.

Мета-анализ Zhou и соавт. (2025) выявил, что нарушения эмоциональной регуляции связаны с дезорганизованным питанием у подростков и молодых взрослых, особенно у женщин, что указывает на необходимость включения тренингов эмоциональной регуляции в профилактику и терапию расстройств пищевого поведения [15]. Современные технологии также находят применение в психологической практике. Так, VR-интервенция «Impact VR» показала высокую приемлемость и эффективность в улучшении навыков распознавания эмоций и просоциального поведения у подростков с conduct disorder и чертами безжалостности [16]. Аналогично, семисессионный тренинг эмоциональной регуляции для подростков и родителей продемонстрировал высокую вовлечённость участников и родителей, что повышает эффективность программы и её клиническую применимость [17].

Современные методы диагностики эмоциональных дисфункций подтверждают это: исследование Ларссона и соавт. продемонстрировало, что сокращённая шкала DERS-16 является надёжным и клинически значимым инструментом для выявления трудностей регуляции эмоций у подростков, особенно в условиях психоэмоционального напряжения [18].

Таким образом, современные данные подтверждают значимость развития гибкости эмоциональной регуляции, внедрения адаптивных стратегий и использования инновационных интервенций, включая VR-технологии и совместные тренинги с родителями, для повышения психологического благополучия и коррекции поведенческих нарушений у подростков.

Цель настоящего исследования являлось изучение эмоциональных компонентов психологического здоровья у молодых лиц с нарушением адаптации.

Материалы и методы

В исследовании приняли участие 120 человек в возрасте от 18 до 25 лет, которые были разделены на две группы: 1 группа (основная) – 60 больных с диагнозом «нарушение адаптации» (F43.2 по МКБ-10). Из них: 47 мужчин и 13 женщин. Диагноз устанавливался врачом-психиатром на основании клинического обследования и диагностического интервью. Была исследована 2 группа (контрольная), в которую входило 60 человек условно здоровых лиц, учащихся студентов университета и колледжа в возрасте от 18- до 25 лет, (32 мужчин, 28 женщин), которым было проведено полное психологическое обследование. Жалоб на состояние здоровья не предъявляли. В исследовании рассматривался депрессивный вариант F43.2, который проявляется клинической симптоматикой депрессии в рамках адаптационного расстройства.

Для оценки эмоциональных компонентов психологического здоровья проводилось психологическое исследование с применением методов, направленных на оценку эмоциональной и личностной сферы. Для изучения эмоционального состояния использовались следующие методики: Шкала самооценки депрессии Зунга (Zung Self-Rating Depression Scale) [19], личностная шкала проявлений тревоги Дж. Тейлор (Taylor`s Manifest Anxiety Scale) по Немчину Т.А. Изучение разных видов агрессии осуществлялось с помощью опросника оценки уровня агрессивности Басса-Дарки (Buss-Durkee Hostility Inventory, BDHI).

Статистическая обработка данных проводилась с использованием программы STATISTICA 10.0 на персональном компьютере. Для оценки значимости различий применяли t-критерий Стьюдента при нормальном распределении данных и непараметрический U-критерий Манна–Уитни при отклонении от нормальности, в соответствии с современными методологическими рекомендациями [20,21]. Такой подход обеспечивал корректную оценку статистической значимости различий между выборками с возможным нарушением нормальности распределения. Различия считались статистически значимыми при $p < 0,05$.

Результаты и обсуждения

Во время клинико-психологического обследования основная часть (70%) больных с нарушением адаптации были хорошо контактны, быстро включались в беседу и охотно отвечали на заданные вопросы. В 30% случаев больные затруднялись в ответах на вопросы, беседовали без желания, проявляли негативизм, с трудом выполняли данные им задания. По данным анамнестического исследования 60% группы больных с нарушением адаптации имели в прошлом перенесенные заболевания, такие как гипоксия, черепно-мозговые травмы, соматические расстройства, перенесенные заболевания, которые следует рассматривать как негативные факторы влияющие на адаптивные возможности личности. Психологический анамнез больных с нарушением адаптации включал в себя воспитание в неполноценной семье, частые конфликты с

окружающими, неблагополучные родители или родственники (нахождение в местах лишения свободы, наркомания, алкоголизм). Также больные отмечали за собой, нарушение поведения, которые проявлялись с раннего возраста.

Ответы больных включали в себя жалобы на нарушение сна (90%), нарушение аппетита (50%), трудности в общении (60%), нетерпеливость (70%), сниженный фон настроения (80%). В 80% случаев больные с нарушением адаптации отмечали жалобы на проблемы эмоционального характера (тревогу, беспокойство, раздражительность.). Вместе с тем, полноценно объяснить и оценить, что такое психологическое здоровье больным с нарушением адаптации было достаточно сложно. В связи с этим, представляло значимый интерес рассмотреть эмоциональные компоненты психологического здоровья у этих больных.

Таблица 1 – Усредненные показатели эмоциональных процессов в группе лиц с нарушением адаптации (n=60)

Методы	Показатели	M (SD)*	Норма
Шкала самооценки депрессии Зунга (Zung Self-Rating Depression Scale)	Депрессия	49,75±11,35	50
Личностная шкала проявлений тревоги Дж. Тейлор (Taylor`s Manifest Anxiety Scale)	Суммарная тревога	33,47 ± 9,56	5 - 15
ИСАС	Суммарный страх	137,20 ± 45,02	77.9 ± 4.7

Примечание * M (SD) – среднее значение и стандартное отклонение

Исследование эмоционального состояния больных с нарушением адаптации выявило высокий уровень суммарной тревоги по личностной шкале проявлений тревоги Дж. Тейлор (TMAS) (табл.1). Уровень тревоги значительно превышал норму, что позволило предположить выраженную напряженность у большинства обследуемых. Такой высокий уровень тревоги мог быть вызван не только текущими стрессовыми событиями, но и повышенной чувствительностью к неопределённости, завышенными ожиданиями от будущего и невозможностью адаптироваться к новым условиям.

Это также может свидетельствовать о том, что молодые люди находятся в состоянии постоянной внутренней настороженности, что может влиять на их поведение, снижать концентрацию, мотивацию и повышать утомляемость. Показатели суммарной тревоги находятся значительно выше нормы, что может быть связанно со многими неразрешенными вопросами, а также с неопределенностью и неясностью за будущее (Табл.1).

По шкале самооценки депрессии Зунга, усредненные показатели депрессии у больных лиц с нарушением адаптации находились на верхней границе нормы, а в 52% выявлялся повышенный уровень. Наличие депрессии у молодых пациентов с нарушением адаптации может указывать на наличие скрытых депрессивных состояний, не достигающих клинически значимого уровня, но влияющих на общее эмоциональное самочувствие. Особенно уязвимыми могут быть лица, которые ощущают потерю контроля, бессмысленность происходящего, эмоциональное выгорание на фоне неопределённости будущего.

По данным ИСАС было установлено, что у больных с нарушением адаптации суммарный страх значительно превышал нормативные значения. Возможно, это связано с тем, что начало взрослой жизни оказалось связано с неопределенностями будущего. Информационное окружение тоже способствует высокому страху, постоянный доступ к новостям и социальным сетям, которые часто фокусируются на негативе. Молодые лица также могут не иметь достаточного опыта для того, чтобы эффективно справляться с новыми стрессовыми ситуациями.

У пациентов с нарушением адаптации источниками такого страха могут быть как внутренние (неуверенность в себе, страх не справиться с взрослыми обязанностями), так и внешние факторы — экономическая нестабильность, глобальные кризисы, конфликты, перегрузка негативной информацией, полученной из социальных сетей.

Полученные результатысвидетельствуют о том, что больные с нарушением адаптации находятся в состоянии выраженного психоэмоционального напряжения, которое характеризуется субдепрессивным состоянием, высокой тревогой и страхом. Такого рода эмоциональное напряжение может существенно усложнять и нарушать процессы адаптации к новым социальным ролям и обязанностям, которые встают перед молодыми людьми на этом жизненном этапе: затруднять обучение, профессиональную реализацию, вносить разлад в систему отношений молодых лиц и негативно сказываться на самооценке.

Изучение уровня депрессии по шкале Зунга было проведено на обеих подгруппах. В группе лиц с нарушением адаптации депрессии (по шкале самооценки депрессии Зунга) была выявлена у 52% исследуемых (Рис.1); в группе здоровых процент лиц с депрессией равнялся 13% (Рис.2).

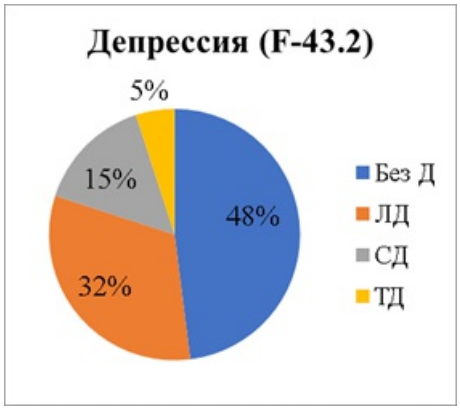

Рис.1 – Показатели депрессии в группе лиц с F-43.2 **Рис. 2** – Показатели депрессии в группе здоровых

В группе лиц с нарушением адаптации депрессия была представлена в легкой (32%), средней (15%) и тяжелой (5%) форме, в то время как в группе здоровых лиц депрессия в тяжелой форме отсутствовала.

По результатам исследования депрессии в обеих подгруппах можно заключить, что в группе лиц с нарушениями адаптации депрессивные проявления отмечает более половины испытуемых, в то время как в группе здоровых лиц таких испытуемых - 13%, а выраженность депрессии характеризуется как легкая (депрессивное состояние, ситуативная депрессия).

Изучение агрессии по опроснику уровня агрессивности Басса – Дарки показало, что

такие показатели, как «косвенная агрессия», «негативизм», «обида», «вербальная агрессия» и «чувство вины» превышали нормативные значения, что подтверждалось фактами психологического анамнеза: девиантное поведение, зависть к окружающим, выражение негативных чувств, недоверия. Физическая агрессия, раздражительность, подозрительность, общая агрессивность, враждебность находились в пределах нормы (Табл.2).

Таблица 2 – Усредненные показатели агрессии по данным Басса – Дарки у больных с нарушением адаптации

Показатели агрессии	M (SD)	Норма
Физическая агрессия	5,74 ± 1,54	4-6
Косвенная агрессия	5,57 ± 1,82	4-5
Раздражение	5,87 ± 1,29	4-6
Негативизм	3,93 ± 0,70	2-3
Обида	5,23 ± 1,68	4-5
Подозрительность	5,49 ± 1,23	4-6
Вербальная агрессия	7,36 ± 2,61	4-6
Чувство вины	6,49 ± 1,49	4-5
Общая агрессивность	16,36 ± 5,95	12-17
Враждебность	10,02 ± 3,22	8-11

У молодых больных с нарушением адаптации выявлялись повышенные показатели разных видов агрессии. Наиболее характерными были повышенная вербальная агрессия и чувство вины, что отражает склонность к злости, обидчивости. Исследования показали, что решающим фактором в совершении агрессивных действии у молодых лиц является сочетание неблагоприятных внутренних и внешних факторов.

Кроме того, отягощенная наследственность, органическая неполноценность центральной нервной системы, неблагоприятные микросоциальные условия, внутрисемейные конфликты могут являться основными причинами, приводящими к формированию и реализации агрессивных действии у молодых. Молодые люди нуждаются в коррекции агрессивности, поскольку она искажает их представление о реальности, заставляя видеть в окружающем мире только враждебность и пренебрежение к себе.

В таблице 3 представлены усредненные и медианные значения показателей качества жизни, связанного со здоровьем, по данным опросника MOS SF-36 (Medical Outcomes Study-Short Form) у больных с нарушением адаптации.

Таблица 3 – Усредненные показатели качества жизни, связанного со здоровьем, по данным опросника MOS SF-36 (Medical Outcomes Study-Short Form) у больных с нарушением адаптации

Показатели качества жизни	M (SD)
PF	64,67 ± 19,47
RF	48,9 ± 18,14
BP	53,82 ± 12,88
GH	43,88 ± 13,84
VT	44,38 ± 14,31
SF	53 ± 15,8
RE	45,73 ± 10,7
MH	46,03 ± 12,65

Примечание PF – физическое функционирование, RF - ролевое функционирование, обусловленное физическим состоянием, BP – интенсивность боли, GH – общее состояние здоровья, VT – жизненная активность, SF – социальное функционирование, RE – ролевое функционирование, обусловленное эмоциональным состоянием, MH – психическое здоровье

Для оценки полученных результатов использовались популяционные показатели качества жизни, связанного со здоровьем, полученные в ходе многоцентрового исследования «Мираж» на контингенте молодых людей и девушек в возрасте 18-24 года [22]. Сравнение медианных значений исследуемых групп с данными популяционного исследования проводилось посредством стандартизации полученных данных, и с использованием одновыборочного критерия Уилкоксона. Стандартизация полученных данных проводилась по формуле:

$$Z\ знач. = (знач.\ шкалы - среднее\ знач.\ шкалы) / станд.\ отклон.\ шкалы$$

$$Z\ станд. = 50 + Z\ знач. * 10$$

Достоверные различия между группой молодых здоровых лиц и молодых лиц с расстройством адаптации отмечаются по показателям опросника MOS SF-36, отражающим физический компонент качества жизни, связанным со здоровьем (FF, RF, BP, GH, ФКЗ). Отличия в психическом компоненте отмечаются только по показателю SF (социальное функционирование). Во всех рассмотренных случаях, показатели качества жизни молодых здоровых лиц оказались достоверно выше, чем у больных с расстройством адаптации (Табл.4)

Табл. 4 – Достоверные различия по данным опросника MOS SF-36 между группой больных с расстройством адаптации и популяционными показателями

Показатели качества жизни	PF	RF	BP	GH	VT	SF	RE	MH
F 43.2 мужчины (N=32)	52,90	57,90	51,00	47,60	46,300	51,20	59,10	51,40
Популяция мужчины (N=151)	57,13	60,90	60,93	56,95	54,47	57,61	60,19	54,60
Z (станд. значение)	-4,988	-5,055	-9,766	-7,366	-6,127	-7,706	-9,517	-5,318
p-уровень значимости	*0,000	*0,000	*0,000	*0,000	*0,000	*0,000	*0,000	*0,000
F 43.2 женщины (N=28)	53,90	57,90	56,00	49,80	50,700	54,10	51,10	49,60
Популяция женщины (N=322)	57,13	55,00	54,83	55,40	52,20	52,27	52,24	50,59
Z (станд. значение)	-4,672	-1,927	-0,254	-2,192	-3,436	-2,884	-2,234	-0,697
p-уровень значимости	*0,000	0,054	0,8	*0,028	*0,001	*0,004	*0,026	0,486

Показатель ролевое функционирование обусловлено физическим состоянием ниже

нормы, что свидетельствует об ощущении влияния физического состояния на свою социальную и профессиональную жизнь. Одним из самых низких показателей оказалась жизненная активность, которая отражает наличие выраженной астении, утомляемости и сниженного уровня энергии.

С другой стороны, следует подчеркнуть, что в группе больных с нарушением адаптации показатели психического здоровья, общего физического и душевного благополучия достаточно низкие, что свидетельствует с одной стороны, на общее ухудшение физической активности и самоощущения, с другой– чётко отражает наличие глубокой психологической дисгармонии и наличие эмоционального истощения.

Полученные данные указывают на системный характер нарушений эмоциональных компонентов психологического здоровья у молодых лиц с расстройством адаптации. Высокие уровни тревоги, страха, агрессии и депрессии свидетельствуют о том, что процесс адаптации сопровождается значительными внутренними конфликтами и дефицитом ресурсов психологической устойчивости. Сочетание неблагоприятных биологических факторов (перенесённые заболевания, черепно-мозговые травмы, органическая неполноценность ЦНС) с социальными стрессорами (неблагополучная семья, конфликты, низкая социальная поддержка) создаёт условия для формирования устойчивых дезадаптивных моделей поведения. Сравнение с популяционными показателями подтверждает, что у этой категории лиц страдает и физическое, и психическое качество жизни, особенно в областях жизненной активности и социального функционирования. Полученные в нашем исследовании данные подтверждают важность психологической резильентности (устойчивости) как ключевого фактора, способствующего повышению качества жизни у молодых людей с нарушениями адаптации. Мы выявили, что у данной категории наблюдаются высокие уровни тревоги, страха и агрессии, что указывает на дефицит эмоциональной устойчивости. Эти результаты согласуются с зарубежными исследованиями, показывающими, что психологическая резильентность тесно связана с показателями качества жизни, а также может выступать как предиктор улучшения психоэмоционального состояния в стрессовых условиях [23]. Полученные в нашем исследовании результаты согласуются с современными представлениями о тесной взаимосвязи психоэмоционального состояния и качества жизни [24, 25]. Это подчёркивает необходимость комплексных коррекционных программ, направленных на восстановление эмоциональной устойчивости, развитие навыков стрессоустойчивости и укрепление социальных связей.

Таким образом, у пациентов с нарушением адаптации наблюдаются выраженное снижение субъективного уровня общего здоровья и жизненной активности, существенные нарушения в сфере психического и эмоционального благополучия. Наиболее проблемными областями являются общее душевное благополучие, жизненная активность и психическое здоровье, что указывает на выраженные эмоционально-личностные расстройства.

Проведенное исследование лиц с нарушением адаптации показало, что эмоциональные компоненты психологического здоровья были нарушены в виде наличия высокой тревоги, страха, агрессии. Вместе с тем, выявляются низкие показатели психического здоровья и общего благополучия. Низкие показатели по шкале психического здоровья и качества жизни указывают на необходимость психологической и, возможно, медикаментозной коррекции для лиц с нарушением адаптации.

Результаты работы показали, что у молодых людей с нарушением адаптации наблюдается тенденция к повышенному уровню эмоциональной напряженности и дефициту

эффективных механизмов эмоционального регулирования. Одним из важных выводов является необходимость комплексного подхода в психотерапевтической помощи, направленного на развитие эмоциональной устойчивости и улучшение адаптивных стратегий у данной категории людей. Важно продолжить исследование роли социальных и когнитивных факторов в процессе формирования эмоциональных реакций, что позволит более точно настраивать коррекционные программы для молодежи с нарушениями адаптации. Таким образом, для улучшения психоэмоционального здоровья молодых людей с нарушениями адаптации требуется создание индивидуальных программ, ориентированных на развитие эмоциональной компетентности и эффективных стратегий преодоления стресса.

Перспективы дальнейших исследований и практические рекомендации

Проведённое исследование позволяет глубже понять особенности психологического здоровья и его влияние на формирование личности в молодом возрасте при нарушении адаптивных возможностей. На основе полученных результатов могут разрабатываться теоретические модели, которые помогут анализировать взаимосвязи между эмоциями и другими компонентами психологического здоровья. Результаты исследования могут послужить основой для создания новых психологических методов и программ сопровождения, направленных на улучшение психологического благополучия молодых лиц. Практическая значимость работы заключается в возможности использования полученных данных для разработки программ и тренингов, направленных на развитие психологического здоровья и повышение стрессоустойчивости. Понимание особенностей психологического здоровья важно для внедрения профилактических мер, снижающих риск депрессий и тревожно-фобических расстройств. Полученные данные могут применяться психологами, психиатрами и психотерапевтами для более эффективной работы с пациентами, особенно в возрастной группе молодых людей. Кроме того, результаты исследования могут быть внедрены в образовательные учреждения для повышения уровня психологической грамотности студентов и учащихся, а также помочь родителям и педагогам лучше понять эмоционально-личностные особенности молодежи, способствуя более эффективному взаимодействию и поддержке. Таким образом, данное исследование имеет потенциал как для теоретического обогащения научного знания о психологическом здоровье, так и для практического применения в различных областях.

Выводы

1 . Основными компонентами психологического здоровья является эмоциональные и личностные.

2 . Выявлено, что у молодых лиц с нарушением адаптации по данным исследования выявляется выраженное нарушение эмоционально – личностной сферы в виде высокой тревоги, страха и агрессии, напряженности психологических защитных механизмов.

3 . Результаты психологического исследования сравнительной оценки эмоциональных компонентов психологического здоровья у больных с нарушением адаптации и здоровых лиц показали, что эмоциональные отклонения наблюдались как в группе с нарушением адаптации, так и в группе здоровых лиц.

Заключение

Проведённое исследование показало, что у молодых лиц с нарушением адаптации наблюдаются выраженные нарушения в эмоциональной сфере, проявляющиеся в виде повышенного уровня тревожности, страха, субдепрессивного фона настроения и

отдельных форм агрессии. Эти эмоциональные проявления сочетаются с достоверным снижением показателей психического здоровья и общего субъективного благополучия по данным шкал качества жизни.

Особое внимание заслуживает высокий уровень эмоционального напряжения и выраженный дефицит эффективных механизмов эмоционального саморегулирования у обследуемых лиц. Повышенные показатели агрессии, особенно вербальной, в сочетании с чувством вины и обидчивостью, указывают на внутреннюю конфликтность и сложности во взаимодействии с окружающей социальной средой. Выявленные отклонения подтверждаются как данными анамнеза, так и результатами валидизированных психодиагностических методик.

Анализ качества жизни по шкале SF-36 показал достоверное снижение жизненной активности, ролевого функционирования и общего психоэмоционального состояния по сравнению с нормативными популяционными значениями. Это свидетельствует о наличии устойчивых нарушений адаптационных процессов, снижающих уровень функционирования и социальной реализации личности.

Таким образом, полученные результаты подчеркивают необходимость комплексного подхода к психотерапевтической помощи молодежи с нарушением адаптации. Поддержка должна включать развитие эмоциональной устойчивости, обучение стратегиям преодоления стресса, а также, при необходимости, медикаментозную коррекцию. Особую значимость приобретает индивидуализированный подход, учитывающий как психологические, так и социальные и когнитивные особенности пациента. Дальнейшее изучение роли внешних и внутренних факторов в формировании эмоциональных нарушений позволит уточнить механизмы дезадаптации и повысить эффективность профилактических и коррекционных программ, направленных на улучшение психоэмоционального здоровья молодежи.

Библиография

1. Smith J., Brown K. The impact of health information system integration on healthcare delivery: An empirical study // Journal of Health Informatics. 2020. Vol. 14. P. 123-136.
2. Wüthrich-Grossenbacher U. The need to widen the concept of health and to include the spiritual dimension // International Journal of Public Health. 2024. Vol. 69. № 1606648. P. 1-4. DOI: 10.3389/ijph.2024.1606648. EDN: YDJXGE
3. Моргачева Ю. А. Феномен психологического здоровья / Ю.А. Моргачева – Текст: непосредственный // Молодой ученый. 2022. № 24 (419). С. 554-556. EDN: SWVWTU
4. Ильин Е. П., Понамарева М. С. Возрастно-полевая динамика базовых эмоций // Ананьевские чтения: Тезисы научно-практической конференции. СПб., 2010. С. 85-87.
5. Юматов Е. А., Кашина Ю. В., Чередник И. Л. (ред.) Психофизиология эмоций, эмоционального стресса и адаптация студентов: Монография. М.: Спутник+, 2024. 265 с.
6. Рейковский Я. Психология личностного развития: современные подходы. М.: Наука, 2022. 280 с.
7. Бефани А. А. Психология эмоции и поведения: современные исследования. М.: Речь, 2019. 300 с.
8. Бабин С. М., Бомов П. О., Васильев А., Зотова А. В. и др. Невротические, связанные со стрессом и соматоформные расстройства. СПб.: Изд-во СЗГМУ им. И. И. Мечникова, 2015. 42 с. EDN: YKWPZN
9. Биссон Джи., Сахуджа Д. Расстройства адаптации // Психиатрия. 2013. № 7. С. 240-242.
10. Njardvik U., Smaradottir H., Öst L. G. The Effects of Emotion Regulation Treatment on

Disruptive Behavior Problems in Children: A Randomized Controlled Trial // Research on Child and Adolescent Psychopathology. 2022. Vol. 50, № 7. P. 895-905. DOI: 10.1007/s10802-022-00903-7. EDN: SJTCAT
11. van Lissa C. J. Mapping phenomena relevant to adolescent emotion regulation: A text-mining systematic review // Adolescence Research Review. 2022. T. 7, № 1. P. 127-139. DOI: 10.1007/s40894-021-00160-7. EDN: EZRYMY
12. Haag A. C., Bagrodia R., Bonanno G. A. Emotion Regulation Flexibility in Adolescents: A Systematic Review from Conceptualization to Methodology // Clin Child Fam Psychol Rev. 2024. Vol. 27, № 3. P. 697-713. DOI: 10.1007/s10567-024-00483-6. EDN: GOGHLR
13. Martínez-Líbano J., Axel Kosch Serey, Barahona-Fuentes G. Emotional Regulation and Subjective Well-Being in Adolescents: A Systematic Review // Mental Health: Global Challenges Journal. 2025. Vol. 8, № 1. P. 14-26. DOI: 10.56508/mhgcj.v8i1.240. EDN: DWOEBZ
14. Njardvik U., Smaradottir H., Öst L. G. The Effects of Emotion Regulation Treatment on Disruptive Behavior Problems in Children: A Randomized Controlled Trial // Research on Child and Adolescent Psychopathology. 2022. Vol. 50, № 7. P. 895-905. DOI: 10.1007/s10802-022-00903-7. EDN: SJTCAT
15. Zhou R., Zhang L., Liu Z., et al. Emotion Regulation Difficulties and Disordered Eating in Adolescents and Young Adults: A Meta-Analysis // Journal of Eating Disorders. 2025. Vol. 13. Article 25. DOI: 10.1186/s40337-025-01197-y. EDN: LAOKKW
16. Thomson N. D., Kevorkian S. S., Hazlett L., Perera R., Vrana S. A New Treatment Approach to Conduct Disorder and Callous-Unemotional Traits: An Assessment of the Acceptability, Appropriateness, and Feasibility of Impact VR // Frontiers in Psychiatry. 2025. Vol. 16. Article 1484938. DOI: 10.3389/fpsyt.2025.1484938
17. Holmqvist Larsson K., Zetterqvist M. An Emotion Regulation Skills Training for Adolescents and Parents: Perceptions and Acceptability of Methodological Aspects // Frontiers in Psychiatry. 2024. Vol. 15. Article 1448529. DOI: 10.3389/fpsyt.2024.1448529
18. Larsson K. H., Aspeqvist E., Falkenström F., Andersson G., Svedin C. G., Zetterqvist M. Assessing emotion regulation difficulties in adolescents: validation and clinical utility of the difficulties in emotion regulation scale, 16-item // BMC Psychology. 2025. Vol. 13, № 1. P. 237. DOI: 10.1186/s40359-025-02540-3. EDN: HXYFIP
19. Смулевич А. Д. Депрессии при соматических и психических заболеваниях. М.: Медицинское информационное агентство, 2003. № 44-46. С. 328-344.
20. Мюрей А. Эффективная работа в Microsoft Excel. М.: ДМК Пресс, 2021. 276 с.
21. Walkenbach J. Excel 2021 Bible. Hoboken, NJ: Wiley, 2021. 1120 p.
22. Амирджанова В. Н., Горячев Д. В., Коршунов Н. И., Ребров А. П., Сороцкая В. Н. Популяционные показатели качества жизни по опроснику SF-36 (результаты многоцентрового исследования качества жизни "Мираж") // Научно-практическая ревматология. 2008. № 1. С. 26-32. EDN: PZMDWR 23.
23. Simón-Saiz M. J., Fuentes-Chacón R. M., Garrido-Abejar M., Serrano-Parra M. D., Larrañaga-Rubio E., Yubero-Jiménez S. Influence of resilience on health-related quality of life in adolescents // Enferm Clin (Engl Ed). 2018. Vol. 28, № 5. P. 283-291. DOI: 10.1016/j.enfcli.2018.06.003.
24. Иванова Е. В., Шаповаленко И. В. Проблема психологического и эмоционального поведения детей и жизнестойкость их родителей в современных зарубежных исследованиях // Современная зарубежная психология. 2023. Т. 12. № 3. С. 52-63. DOI: https://doi.org/10.17759/jmfp.2023120305. EDN: DQTSKA
25. Diener E., Oishi S., Lucas R. E. National accounts of subjective well-being // American Psychologist. 2015. Vol. 70, № 3. P. 234-242. DOI: 10.1037/a0038899.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.
Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться здесь.

Предметом исследования в представленной статье являются эмоциональные компоненты психологического здоровья у молодых лиц с нарушением адаптации.
В качестве методологии предметной области исследования в данной статье были использованы дескриптивный метод, метод категоризации, метод анализа, метод сравнения, опросный метод, метод диагностического интервью, а также, как отмечается в статье, были применены методики: «шкала самооценки депрессии Зунга (Zung Self-Rating Depression Scale), личностная шкала проявлений тревоги Дж. Тейлор (Taylor`s Manifest Anxiety Scale) по Немчину Т.А.», «опросник оценки уровня агрессивности Басса-Дарки (Buss-Durkee Hostility Inventory, BDHI)» и методы математической статистики и статистического анализа.
Актуальность статьи не вызывает сомнения, поскольку в настоящее время нарушение адаптации среди молодежи становится сравнительно распространенным явлением, а в некоторых случаях реакция на тяжелый стресс и нарушение адаптации у молодых людей уже становится диагнозом. Это отражается на качестве жизни молодых людей и выстраивании ими социальных отношений в различных сферах жизнедеятельности, что в комплексе оказывает существенное влияние на состояние психологического благополучия молодых лиц. С этих позиций изучение эмоциональных компонентов психологического здоровья у молодых лиц с нарушением адаптации представляет научный интерес в сообществе ученых и, безусловно, практический интерес в профессиональном сообществе.
Научная новизна представленной работы заключается проведении по авторской методике исследования, направленного на изучение эмоциональных компонентов психологического здоровья у молодых лиц с нарушением адаптации. В авторском исследовании приняли участие 120 человек, возраст испытуемых составил от 18 до 25 лет, в том числе в основную группу лиц с диагнозом нарушения адаптации вошли 60 человек.
Статья написана языком научного стиля с применением в тексте исследования изложения различных позиций ученых к изучаемой проблеме и научной терминологии и дефиниций, характеризующих предмет исследования, а также демонстрацией полученных результатов исследования, их анализом и описанием.
Структура статьи, в целом выдержана с учетом основных требований, предъявляемых к написанию научных статей. В структуре данного исследования представлены такие элементы, как введение, материалы и методы, результаты и обсуждения, заключение и библиография.
Содержание статьи отражает ее структуру. В частности, особую ценность представляют выявленные и отмеченные в представленной статье тенденции, характеризующие особенности показателей качества жизни, связанного со здоровьем у больных с нарушением адаптации, что наглядно представлено в таблице 3 рукописи.
Библиография содержит 19 источников, включающих в себя отечественные и зарубежные периодические и непериодические издания.
В статье приводится анализ исследований ученых по вопросам психологического здоровья и его эмоциональных компонентов, в том числе их особенностей при таком заболевании, как нарушение адаптации. В статье содержится апелляция к различным научным трудам и источникам, посвященных этой тематике, которая входит в круг научных интересов исследователей, занимающихся указанной проблематикой.

В представленном исследовании содержатся краткие выводы, касающийся предметной области исследования, изложенные в заключении. В частности, отмечается, что молодые люди с нарушением адаптации отличаются рядом выраженных нарушений в эмоциональной сфере, в частности, в форме «повышенного уровня тревожности, страха, субдепрессивного фона настроения и отдельных форм агрессии», а также снижением маркеров психического здоровья и субъективного благополучия, которые были выявлены и описаны в ходе проведенного исследования.

Материалы данного исследования рассчитаны на широкий круг читательской аудитории, они могут быть интересны и использованы учеными в научных целях, педагогическими работниками в образовательном процессе, руководством и администрацией организаций по работе с молодежью, кураторами, медицинскими работниками, социологами, психологами, психотерапевтами, консультантами, аналитиками и экспертами.

В качестве недостатков данного исследования следует отметить, то, что кроме таблиц при изложении результатов исследования можно было бы использовать и рисунки для большей наглядности представленной в рукописи информации. При оформлении таблиц необходимо обратить внимание на требования действующего ГОСТа, оформить их единообразно и в соответствии с этими требованиями. В материалах исследования упоминается о разделении испытуемых на две группы, но описываются особенности только одной группы, «1 группа (основная) – 60 больных с диагнозом «нарушение адаптации» (F43.2 по МКБ-10)», а о второй группе нет никаких уточняющих упоминаний. Также хотелось бы обратить внимание на формулировку диагноза по МКБ-10, согласно электронному ресурсу «Международная классификация болезней 10-го пересмотра, https://mkb-10.com/index.php?pid=4257» указан класс F43.2 как «Расстройство приспособительных реакций». Кроме заключения по проведенному исследованию можно было бы сформулировать и самостоятельные выводы, конкретизировать их и изложить более подробно. Также хотелось бы обратить внимание на требования действующего ГОСТа применительно к оформлению библиографии и описании указанных в ней источников. Кроме того, обнаружена некоторая неточность в названии источника, описанного в п. 18 библиографии. В рукописи указано (с опечаткой в слове «жизнестойкость») название источника «Иванова Е.В., Шаповаленко И.В. Проблема психологического и эмоционального поведения детей и жизне-стойкость своих родителей в современных зарубежных исследованиях [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2023. Том 12. № 3. С. 52-63», но при обращении к самому источнику было установлено, что название статьи сформулировано следующим образом: «Иванова Е.В., Шаповаленко И.В. Проблема психологического и эмоционального благополучия детей и жизнестойкости их родителей в современных зарубежных исследованиях». Указанные недостатки не снижают высокую степень научной значимости самого исследования, однако их необходимо оперативно устранить и внести соответствующие уточнения и корректировки в текст статьи. Рукопись рекомендуется отправить на доработку.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться здесь.

Предмет исследования: эмоциональные компоненты психологического здоровья у молодых лиц с нарушением адаптации.

Методология исследования: В исследовании приняли участие 120 человек в возрасте от 18 до 25 лет, которые были разделены на две группы: 1 группа (основная) – 60 больных с диагнозом «нарушение адаптации» (F43.2 по МКБ-10). Из них: 47 мужчин и 13 женщин. Диагноз устанавливался врачом-психиатром на основании клинического обследования и диагностического интервью. Для оценки эмоциональных компонентов психологического здоровья проводилось психологическое исследование с применением методов, направленных на оценку эмоциональной и личностной сферы. Для изучения эмоционального состояния использовались следующие методики: Шкала самооценки депрессии Зунга (Zung Self-Rating Depression Scale) , личностная шкала проявлений тревоги Дж. Тейлор (Taylor`s Manifest Anxiety Scale) по Немчину Т.А. Изучение разных видов агрессии осуществлялось с помощью опросника оценки уровня агрессивности Басса-Дарки (Buss-Durkee Hostility Inventory, BDHI). Статистическая обработка данных проводилась с использованием программы STATISTICA 10.0 на персональном компьютере. Для оценки значимости различий применяли t-критерий Стьюдента при нормальном распределении данных и непараметрический U-критерий Манна–Уитни.

Актуальность: актуальность исследования обусловлена тем, что одним из проявлений психологического здоровья является состояние эмоционального благополучия, которое представляет собой благоприятный баланс между положительными и отрицательными эмоциями, что дает возможность обеспечения позитивного функционирования личности.

Научная новизна: Рецензируемая статья обладает научной новизной, поскольку авторами изучены пациенты с нарушением адаптации, которых наблюдаются выраженное снижение субъективного уровня общего здоровья и жизненной активности, существенные нарушения в сфере психического и эмоционального благополучия.

Стиль, структура, содержание: Представленная на рецензию статья носит научный характер. Соблюдение правил оформления: правила оформления текстовой и иллюстративной части работы соблюдены в основном.

Библиография: Необходимо провести анализ современной отечественной и зарубежной литературы в рецензируемых журналах за последние пять лет. Не во всех источниках есть doi. Убрать из источников EDN.

Апелляция к оппонентам: аппеляция к оппонентам была отражена, к примеру, "в систематическом обзоре C.J. van Lissa, основанном на интеллектуальном анализе текстов, подчёркивается центральная роль эмоциональной регуляции в подростковом возрасте как ключевого механизма психоэмоциональной устойчивости в условиях стресса".

Выводы, интерес читательской аудитории: Интересным представляется вывод о том, что высокий уровень эмоционального напряжения и выраженный дефицит эффективных механизмов эмоционального саморегулирования у обследуемых лиц. Повышенные показатели агрессии, особенно вербальной, в сочетании с чувством вины и обидчивостью, указывают на внутреннюю конфликтность и сложности во взаимодействии с окружающей социальной средой.
Однако, необходимо добавить рубрику "Перспективы дальнейший исследований". Добавить практические рекомендации.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.
Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться здесь.

На рецензирование представлена статья «Эмоциональные компоненты психологического здоровья у молодых лиц с нарушением адаптации». Работа включает в себя вводный раздел, в котором описана актуальность и поставлена проблема исследования, а также определена его цель. Во вводном разделе представлен также теоретико-методологический анализ. В основном разделе представлены материалы и методы, результаты и обсуждение полученных результатов исследования. В заключении имеются обобщающие выводы и результаты, а также дальнейшие перспективы.
Предмет исследования. Целью проведенного исследования является изучение эмоциональных компонентов психологического здоровья у молодых лиц с нарушением адаптации. Проведённое исследование показало, что у молодых лиц с нарушением адаптации наблюдаются выраженные нарушения в эмоциональной сфере, проявляющиеся в виде повышенного уровня тревожности, страха, субдепрессивного фона настроения и отдельных форм агрессии. Эти эмоциональные проявления сочетаются с достоверным снижением показателей психического здоровья и общего субъективного благополучия по данным шкал качества жизни.
Методологическая основа исследования. В статье представлены результаты проведенного эмпирического исследования. В нем приняло участие 120 человек в возрасте от 18 до 25 лет. В исследовании рассматривался депрессивный вариант F43.2, который проявляется клинической симптоматикой депрессии в рамках адаптационного расстройства. Для оценки эмоциональных компонентов психологического здоровья проводилось психологическое исследование с применением методов, направленных на оценку эмоциональной и личностной сферы. Для изучения эмоционального состояния использовались следующие методики: Шкала самооценки депрессии Зунга, личностная шкала проявлений тревоги Дж. Тейлор (Taylor`s Manifest Anxiety Scale) по Немчину Т.А. Изучение разных видов агрессии осуществлялось с помощью опросника оценки уровня агрессивности Басса-Дарки (Buss-Durkee Hostility Inventory, BDHI).
Статистическая обработка данных проводилась с использованием программы STATISTICA 10.0 на персональном компьютере. Для оценки значимости различий применяли t-критерий Стьюдента при нормальном распределении данных и непараметрический U-критерий Манна–Уитни при отклонении от нормальности, в соответствии с современными методологическими рекомендациями. Такой подход обеспечил корректную оценку статистической значимости различий между выборками с возможным нарушением нормальности распределения. Различия считались статистически значимыми при $p < 0,05$.
Актуальность исследования определяется тем, что важно рассматривать эмоциональный аспект при изучении психологического здоровья. Особенно это актуально для лиц с нарушением адаптации.
Научная новизна исследования.
Проведенное исследование позволило сделать ряд выводов:
1. Основными компонентами психологического здоровья является эмоциональные и личностные.
2. Выявлено, что у молодых лиц с нарушением адаптации по данным исследования выявляется выраженное нарушение эмоционально – личностной сферы в виде высокой тревоги, страха и агрессии, напряженности психологических защитных механизмов.
3. Результаты психологического исследования сравнительной оценки эмоциональных компонентов психологического здоровья у больных с нарушением адаптации и здоровых

лиц показали, что эмоциональные отклонения наблюдались как в группе с нарушением адаптации, так и в группе здоровых лиц.

Стиль, структура, содержание. Стиль изложения соответствует публикациям такого уровня. Язык работы научный. Структура работы прослеживается, автором выделены основные смысловые части. Логика в работе имеется. Содержание статьи отвечает требованиям, предъявляемым к работам такого уровня. Объем работы достаточный для раскрытия предмета исследования.

Библиография. Библиография статьи включает в себя 25 отечественных и зарубежных источников, значительная часть которых изданы за последние три года. В список включены, статьи и тезисы, а также монографии. Источники оформлены в основном корректно и однородно.

Апелляция к оппонентам.

1). Рекомендуется во введении выделить объект, предмет, задачи, научную новизну и методологические основы исследования.

Выводы. Проблематика затронутой темы отличается несомненной актуальностью, а также практической ценностью. Статья будет интересна специалистам, которые занимаются проблемами психологического здоровья. Вопрос рассматривается через призму изучения эмоциональных компонентов психологического здоровья у молодых людей с нарушением адаптации. Статья может быть рекомендована к опубликованию. Однако важно учесть выделенные рекомендации и внести соответствующие изменения. Это позволит представить в редакцию научно-методическую и научно-исследовательскую работу, отличающуюся научной новизной и практической значимостью.

Психология и Психотехника
Правильная ссылка на статью:
Ребен Р.С., Давыдов С.В. Психологическое благополучие подростков: целостный подход к интеграции когнитивных и телесных практик на основе обзора и анализа современных концепций психического здоровья // Психология и Психотехника. 2025. № 3. DOI: 10.7256/2454-0722.2025.3.75716 EDN: ZZXAKN URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75716

Психологическое благополучие подростков: целостный подход к интеграции когнитивных и телесных практик на основе обзора и анализа современных концепций психического здоровья

Ребен Рамадан Салих

ORCID: 0000-0002-8225-8763

аспирант; кафедра возрастной и клинической психологии факультета социальных наук; Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского

603950, Россия, Нижний Новгород, проспект Гагарина, 23

reben.r.salehh@su.edu.krd

Давыдов Сергей Владимирович

ORCID: 0000-0001-9232-7040

кандидат психологических наук

доцент; кафедра возрастной и клинической психологии факультета социальных наук; Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

603950, Россия, Нижний Новгород, проспект Гагарина, 23

sergej.davydov@googlemail.com

Статья из рубрики "Психология развития"

DOI:

10.7256/2454-0722.2025.3.75716

EDN:

ZZXAKN

Дата направления статьи в редакцию:

01-09-2025

Дата публикации:

10-09-2025

Аннотация: Предметом исследования является психологическое благополучие подростков в контексте целостного подхода, объединяющего работу с психикой и телом. Подростковый возраст представляет собой критическую стадию развития, когда происходят значительные социальные, эмоциональные и физиологические изменения. Эти изменения оказывают сильное влияние на эмоциональную регуляцию, уровень тревожности и устойчивость к стрессу. В статье подробно рассматривается интеграция когнитивной терапии и телесно-ориентированных методов как наиболее эффективного направления для гармонизации внутреннего состояния подростков. Особое внимание уделяется тому, как сочетание психологических и соматических практик позволяет устранить пробелы традиционных подходов, формируя комплексные стратегии поддержки. Цель исследования – показать, что такой междисциплинарный подход способствует развитию саморегуляции, устойчивости и осознанности, отвечая многомерным потребностям подростков. В статье используется системный теоретический анализ, основанный на биопсихосоциальной модели (модель БПС). Критериями отбора моделей стали: психологическое благополучие, телесно-ориентированная психотерапия и когнитивно-поведенческая терапия. Цель анализа – преодолеть методологический разрыв между телесным и когнитивным подходами и феноменом психологического благополучия. Результаты исследования свидетельствуют о том, что интеграция подходов на основе «психики и тела» значительно улучшает психологическое благополучие. Этот эффект достигается за счет комплексного развития навыков саморегуляции, устойчивого снижения уровня тревожности и усиления личностной автономии. Научная новизна работы заключается в синтезе когнитивных и телесных методик, что эффективно компенсирует ключевые ограничения изолированных методов (например, игнорирование телесного аспекта травмы в классической КПТ). Практическое внедрение результатов включает разработку школьных программ и клинических протоколов, сочетающих дыхательные практики, осознанность и когнитивное реструктурирование. Такой интегративный подход особенно актуален для подростков, так как полностью соответствует их возрастной потребности в телесном самопознании и развитии. Данный анализ вносит вклад в развитие междисциплинарных подходов в области психического здоровья, предлагая консолидированную теоретическую основу для последующих эмпирических исследований и разработки научно обоснованных интервенций.

Ключевые слова:

психологическое благополучие, подростки, когнитивно-поведенческая терапия, телесно-ориентированная терапия, психосоматика, регуляция эмоций, снижение стресса, школьное психическое здоровье, осознание тела, интегративная психотерапия

Введение:

Подростковый возраст представляет собой сложный этап развития, характеризующийся стремительными изменениями и глубинными трансформациями во всех сферах формирования личности. В контексте этих интенсивных изменений подростки демонстрируют повышенную уязвимость к возрастным кризисам и широкому спектру психосоциальных проблем. Наблюдаемая психологическая нестабильность в этот период обусловлена интенсивными нейробиологическими и социально-психологическими изменениями, которые определяют особенности психического здоровья подростков [21, с. 1]. При этом нерешённые проблемы подросткового возраста оказывают

пролонгированное воздействие на стадию зрелости [36, с.4-5].

Л.С. Выготский установил, что утрата детского равновесия при отсутствии нового устойчивого состояния порождает внутренние противоречия, препятствующие развитию в подростковом возрасте [6, с.53]. Э. Эриксон концептуализировал данный период как кризис формирования идентичности versus диффузии ролей, при котором неразрешенный конфликт может привести к дезинтеграции идентичности, снижению самооценки и повышенной уязвимости к стрессу [13, с.227]. Параллельно теория Ж. Пиаже акцентирует, что становление формально-операционального мышления (11-15 лет) хотя и обеспечивает способность к абстрактным умозаключениям, но одновременно предрасполагает подростков к идеализму и когнитивному диссонансу [31, с.93-94]. В совокупности эти теоретические позиции обосновывают необходимость холистического подхода к поддержанию психологического благополучия на данной переходной стадии развития.

В данной статье рассматриваются теоретические основы сочетания телесно-ориентированных и когнитивных техник для улучшения психологического здоровья подростков.

Цели работы: 1) анализ важных теоретических моделей благополучия (в частности, эвдемонической парадигмы К. Рифф) и их взаимосвязи с когнитивными и телесными практиками, 2) выявление и обоснование существующего пробела в исследованиях, заключающегося в недостаточной проработанности методологического синтеза телесно-ориентированной или когнитивно-поведенческой терапии, 3) обзор, анализ и синтез современных теоретических моделей и эмпирических данных, 4) подготовка рекомендаций в рамках концептуальной модели интегративного подхода с акцентом на ключевую роль телесного аспекта и демонстрация его преимуществ для развития осознанности и саморегуляции у подростков.

Современная концепция психического здоровья предполагает не только отсутствие психических расстройств, но и наличие психологического благополучия, которое определяется как оптимальное психологическое функционирование и положительный опыт [32, с.1]. Психологическое благополучие представляет собой позитивное состояние эмоционального, когнитивного и социального здоровья, способствующее достижению баланса, преодолению трудностей и предотвращению психологических проблем. Данный конструкт включает две ключевые парадигмы: гедонию и эвдемонию. В то время как гедонический аспект подразумевает переживание удовольствия, комфорта и наслаждения [15, с.12], эвдемония представляет более широкую концепцию, выходящую за рамки простого достижения удовлетворённости и избегания негативного опыта [8, с.51-52]. Эвдемонические установки связаны с самореализацией, причём их отсутствие может привести к психологическому стрессу, расстройствам личности или плохой адаптации [1, с.73]. Данная концепция восходит к философии Аристотеля, акцентировавшей возможность достижения полноценной жизни через реализацию индивидуальных способностей [30, с.2]. Эвдемоническое благополучие концентрируется на экзистенциальных вызовах и актуализации личностного потенциала [29, с.2].

Теория психологического благополучия К. Рифф соответствует эвдемонической парадигме и охватывает многочисленные аспекты жизни личности, играя значительную роль в формировании психического здоровья подростков. Психологическое благополучие подразумевает как позитивное эмоциональное состояние, так и

эффективное функционирование в соответствии с личным потенциалом [17, с.137-138]. К. Рифф выделила следующие ключевые факторы психологического благополучия: автономию, контроль над окружающей средой, личностный рост, позитивные отношения с окружающими, цель в жизни и самопринятие [29, с.11]. Данные измерения, по мнению К. Рифф, формируют целостное понимание благополучия, интегрируя как аффективные, так и функциональные аспекты жизнедеятельности [28, с.724].

Мы полагаем, что предложенные К. Рифф факторы в первую очередь согласуются с принципами психотерапии, акцентирующей внимание на работе с мышлением и психикой. Например, использование КПТ позволяет улучшить самоконтроль подростков, делает их более независимыми, помогает приобрести навыки эффективного взаимодействия, развивать социальные навыки, ставить цели, способствующие личностному росту и укреплению позитивных отношений со сверстниками. Благодаря анализу своих действий, ценностей и целей подростки смогут найти осмысленное направление в жизни. Безусловно, что факторы К. Рифф можно связать и с телесно-ориентированным подходом: техники телесной терапии развивают контроль над окружающей средой и автономию через саморегуляцию и осознание тела. Данный подход способствует развитию самосознания, регуляции эмоций и освобождению от физического и эмоционального напряжения, что ведёт к улучшению психологического благополучия [33, с. 138-141].

Осознание тела помогает подросткам лучше управлять средовой компетентностью, прислушиваясь к телесным сигналам, а освобождение от подавленных эмоций способствует личностному росту и самопринятию. Несмотря на то, что в одном из исследований К. Рифф (2024) была показана связь между высоким уровнем психологического благополучия (особенно в аспектах личностного роста, позитивных отношений и наличия жизненных целей) и улучшенными показателями физического здоровья, включая контроль уровня сахара в крови, снижение воспалительных процессов, оптимизацию липидного профиля и уменьшение кардиометаболических рисков[29, с.30], все же физиологический телесный аспект психологического благополучия требует большего внимания психологов.

В целом аспект телесности, как и сам телесно-ориентированный психотерапевтический подход несмотря на свой потенциал и доказанную эффективность в решении ряда психологических проблем, остаются незаслуженно игнорируемыми [7, с.82]. Как справедливо отмечает Бызова В.М. (2022), применение исключительно когнитивной терапии без методов телесного вовлечения часто не позволяет достичь желаемого результата, поскольку тело, сохраняя мышечное напряжение, продолжает удерживать эмоционально подавленные переживания и невыраженные эмоции [4, с.7]. К сожалению, большинство исследований сосредоточены либо на психологическом, либо на физическом аспектах здоровья по отдельности, а интеграция обоих методов в психотерапии для повышения психологического благополучия, в том числе среди подростков, до сих пор не получила широкого распространения. Учитывая, что подростковый возраст является критическим, можно согласиться с мнением Василенко Т.Д. (2013), что большинство кризисов возникают именно в этот период, а концентрация на телесности особенно продуктивна во время кризисных событий [5, с.49-50].

Таким образом, необходимость преодоления методологического разрыва между когнитивными и телесными техниками обусловливает актуальность данного исследования. Разработка целостной интегративной модели посредством системного

теоретического синтеза является научной новизной. Акцент на взаимосвязи тела и психики позволяет разработать интегративную модель психотерапии, которая будет способствовать развитию у подростков навыков рефлексии своих убеждений, мыслей, телесных ощущений и эмоций для улучшения психологического благополучия. Интеграция психики и тела способствует более глубокому пониманию личностной реализации и выявляет ограничения существующих психотерапевтических подходов [20, с. 5-6]. Учитывая сложность и изменения в физиологических, эмоциональных и социальных аспектах подросткового возраста, комбинированное применение телесной и когнитивной терапии представляет собой перспективное направление для регуляции эмоциональных состояний, поведенческих паттернов и снятия мышечных напряжений, что способствует достижению комплексного благополучия, имеющего особую ценность в этот период.

Методологический принцип исследования

В данном исследовании в рамках биопсихосоциальной модели (БПС) мы проанализировали и систематизировали полученные в ходе проведённого теоретического обзора данные различных научных исследований. Для обеспечения парадигматической репрезентативности были выбраны ключевые взаимодополняющие подходы: когнитивно-поведенческая терапия (КПТ) как доказательно обоснованный метод «сверху вниз», работающий с психологическим компонентом, и телесно-ориентированная психотерапия (В. Райх) как фундаментальный метод «снизу вверх», работающий с биологическим компонентом. Когнитивные (психологические), физические (биологические) и социальные аспекты благополучия, представленные в модели Рифф, синтезированы в биопсихосоциальной модели. Предпочтение отдавалось публикациям, демонстрирующим эффективность каждого подхода или подчеркивающим ограничения их изолированного применения, тем самым обосновывая необходимость их синтеза. Анализ основывался на рецензируемых публикациях из баз данных CyberLeninka, PubMed и Google Scholar. Был проведен сравнительный анализ механизмов, сильных сторон и ограничений каждого подхода для выявления точек их взаимодействия и компенсаторного потенциала для создания единой интегративной перспективы в рамках модели (БПС).

Психологическое благополучие в подростковом возрасте:

Психологическое благополучие — это жизненная потребность человека [1, с.73], выступающая ключевым ресурсом для социальной адаптации и эффективного функционирования. По мнению гуманистических психологов, в современной психологии он рассматривается как отсутствие психического заболевания и позитивный рост, соответствующий эвдемонической парадигме (самореализации, аутентичности и целеустремленности). Эвдемоническая перспектива фокусируется на многомерности концепции благополучия, например, PERMA как позитивная модель М. Селигман и модель К. Рифф. Психологическое благополучие в подростковом возрасте традиционно рассматривается как многомерный конструкт, включающий эмоциональное, психологическое и социальное функционирование. Многомерная модель благополучия способствует развитию у подростков способности справляться со стрессом и преодолевать трудности этого возрастного этапа. Согласно исследованиям, подростки с более выраженным психологическим благополучием демонстрируют лучшие академические результаты, имеют более качественные межличностные отношения и чёткую жизненную перспективу, что позволяет им лучше реагировать на растущую учебную нагрузку и социальные стрессоры, которые могут приводить к тревожности и

депрессии.

В ряде эмпирических исследований, посвящённых изучению роли психологического благополучия в подростковый период, было показано, что:

- психологическое благополучие помогает подросткам справляться со стрессом и предотвращать проблемы психического здоровья [21, с. 3];
- психологическое благополучие связано с гибкостью и креативностью мышления, просоциальным поведением и хорошим физическим здоровьем [17, с.149-151];
- психологическое благополучие коррелирует с уровнем вовлечённости в школьную жизнь [35, с.1];
- психологическое благополучие тесно связано с академической успеваемостью [16, с.6-8].

Однако необходимо комплексное биопсихосоциальное знание этого явления, о чем свидетельствует тот факт, что современные исследования зачастую носят весьма специализированный характер. Согласно концепции системы «мозг-тело», тело и его соматические сигналы непосредственно участвуют в формировании эмоциональных состояний [27, с.1-2].

Нейробиологические данные показывают, что интероцептивная осведомлённость (способность воспринимать и точно интерпретировать телесные сигналы) [19, с. 5]; [25, с. 3] служит ключевым механизмом эмоциональной регуляции и психологического благополучия. Различные аспекты психологического благополучия могут быть улучшены посредством телесно-ориентированного подхода, поскольку научные данные свидетельствуют, что снятие телесного напряжения положительно влияет на степень выраженности психологических проблем. Телесные практики (йога, прогрессивная мышечная релаксация, дыхательные техники и соматическая психотерапия) способствуют развитию у подростков самосознания, эмоциональной саморегуляции, самопринятия и автономии.

Несмотря на то, что многочисленные исследования продемонстрировали эффективность как телесных техник, так и разговорной терапии по отдельности для разных групп населения, остаётся пробел в исследованиях по интеграции обоих методов для улучшения психологического благополучия подростков. Так когнитивная терапия может игнорировать телесно воплощённую травму, а соматические методы сами по себе часто не справляются с неадаптивными моделями мышления. Использование психотерапии, основанной на балансе психикии тела через телесное освобождение от эмоционального напряжения и когнитивное переобучение, позволяет подросткам совершенствовать способности к саморегуляции, развивать навыки снижения стресса и устойчивости, что способствует уменьшению психологических проблем и повышению благополучия. Такая интеграция может быть полезна для реализации в школьных программах психологической поддержки, уделяя внимание профилактике нарушений психического здоровья с помощью телесных практик и психологических интервенций. Далее мы рассмотрим, как интегративные методы сочетают сильные стороны обоих подходов для развития психологического благополучия.

Интегративнвй психо-телесный подход:

Основываясь на биопсихосоциальной модели, мы можем наблюдать взаимосвязь между различными аспектами и личностью как целостным феноменом. Исторически биопсихосоциальный подход был впервые предложен Р. Гринкером в 1952 году, а затем расширен Дж. Энгелем в 1977 году путем интеграции системной теории для преодоления

дуализма психики и тела. Данный подход способствует углублению понимания психических расстройств через призму биологических, психологических и социокультурных факторов [22, с. 4].

Биопсихосоциальная модель подвергла критике традиционную биомедицинскую модель за её дуалистическую и редукционистскую методологию, которая отделяет социальные и эмоциональные факторы от соматического заболевания [14, с. 536]. Энгель утверждает, что для эффективного лечения пациента система здравоохранения должна учитывать взаимосвязь психики и тела, сочетая гуманистический подход с научной строгостью. Современная психиатрическая практика, признающая нередуцируемую сложность психического здоровья, формируемого под влиянием среды, генетики и индивидуального опыта, согласуется с данной теорией [22, с. 3].

В качестве иллюстрации практической ценности БПС-модели для понимания сложных заболеваний можно привести расстройства настроения, в развитии которых участвует комбинация полигенных рисков, детских психотравм и социокультурных стрессоров. Использование данного подхода позволяет медицинским специалистам преодолевать разрыв между симптом-ориентированными методами (такими как когнитивно-поведенческая терапия) и холистическими (целостными) подходами (например, телесно-ориентированной терапией), способствуя интеграции психических и физических аспектов здоровья и обеспечивая условия для глубокого восстановления.

Связь между физическим здоровьем и психологическим благополучием представителей разных возрастных групп достаточно давно изучается в клинической и возрастной психологии. Нейронаучные модели постулируют, что тело обеспечивает базовые сигналы эмоций, тогда как когнитивные процессы интерпретируют и регулируют эти сигналы, формируя динамическую интеграцию, которая считается критически важной для эмоционального здоровья [26, с. 2-5]; [11, с.224]. Mehling, W. E et al. (2012) концептуализировали интеграцию психикии тела как динамическое взаимодействие между физическими ощущениями, эмоциями и саморегуляцией, утверждая, что интероцептивное осознание служит нейробиологическим и когнитивным мостом между телесными состояниями и эмоциональной обработкой [23, с. 2-3].

Исторически развитие подходов, учитывающих тело, связано с трудами В. Райха, который, по-настоящему, развил телесно-ориентированную психотерапию. В. Райх ввел понятие «мышечного панциря» как физиологического выражения психологических защит в своей теории характерно-аналитической вегетотерапии, которая показала, как связаны характер и нормальные реакции человека на стресс. Методики В. Райха помогают работать с подавленными переживаниями и способствуют личностному росту [9, с.138], закладывая фундамент для современных соматических практик.

Когнитивная терапия в первую очередь ориентирована на работу с мышлением, эмоциями и поведением, что относит её к методам воздействия на психику. Исследования показали, что КТ эффективно снижает уровень депрессии среди подростков [25, с.39]. А. Эллис и А. Бек внесли значительный вклад в развитие когнитивной терапии. Рационально-эмотивно-поведенческая терапия (РЭПТ) А. Эллиса продемонстрировала, что иррациональные убеждения лежат в основе психологических проблем, поэтому терапевтическое вмешательство направлено на их замену рациональными установками. А. Бек - создатель когнитивно-поведенческой терапии (КПТ) расширил эту концепцию, связав эмоциональные расстройства с когнитивными

искажениями — автоматическими негативными мыслями, укоренёнными в глубинных убеждениях. Однако, как уже было показано ранее, изолированное применение КПТ может упустить из виду физический аспект переживаний.

Современная нейронаука предоставляет убедительные доказательства онтологической интеграции психики и тела. Интеграция психики и тела была научно подтверждена посредством изучения взаимосвязи между нервной системой и психическими функциями [10, с.2]. Тело и психика являются взаимосвязанными структурами без иерархического подчинения, где оба компонента способствуют формированию личности [2, с.116]. Техники взаимодействия психики и тела способствуют более расслабленному и здоровому осознанию тела, что стимулировало новые исследования в области духовности, медицины и нейробиологии [24, с. 2]. Кроме того, А. Дамасио развил идею Р. Декарта, предложив концепцию: «Я чувствую и мыслю, следовательно, я существую» [11, с. 248-252]. Согласно этой расширенной идее, процесс мышления играет лишь частичную роль, в то время как чувство относится к нейробиологической способности воспринимать и интерпретировать состояния тела (интероцепция).

Современные эмпирические исследования демонстрируют устойчивую взаимосвязь между физическим и психологическим здоровьем и психологическим благополучием. Как показано в работе Борисова Г.И. (2022), существуют статистически значимые положительные корреляции между показателями здоровья (по опроснику SF-36) и уровнем психологического благополучия (по всем субшкалам методики К. Рифф) [3, с. 111-113]. Yang и др. (2024) выяснили, как упражнения для психикии тела улучшают качество жизни, восприятие социальной поддержки и психологическую устойчивость [34, с.9].

Ключевым механизмом, обеспечивающим эффективность интегративного подхода, является интероцептивная осведомлённость. Исследования подчёркивают ключевую роль интероцептивной осознанности и стратегий регуляции эмоций в формировании психологического благополучия. Как показали Klocek A. и Riháček T. (2023), способность замечать телесные сигналы (например, с использованием шкалы MAIA) и модифицировать негативные эмоции способствует формированию динамической двунаправленной системы, связанной с улучшением благополучия [19, с. 5-8]. Эффективность психокоррекции тревожных и депрессивных состояний с помощью метода, основанного на единстве «тела и психики» (Body and Mind), была показана в работе Y. Dong [12, с.8-10]. Двигательная активность в процессе терапии способствует как физическому, так и психическому благополучию, укрепляя социальные связи и снижая уровень изоляции [18, с.24]. Таким образом, полученные данные подтверждают психофизиологическую модель, в которой телесные и когнитивные механизмы взаимно усиливают друг друга, что расширяет её применимость для подросткового возраста. Такая интеграция обеспечивает комплексный подход к здоровью, улучшение эмоциональной регуляции, снижение стресса и повышение общего благосостояния.

Таким образом, синтез подходов «сверху вниз» (когнитивного) и «снизу вверх» (телесного) предлагает целостную основу для понимания и улучшения психологического благополучия подростков. Подход, основанный на единстве тела и психикии постулирующий взаимосвязь физического здоровья и психического благополучия, предлагает целостную систему для понимания психологического благополучия подростков как сложного психофизиологического феномена.

- Посредством когнитивной реструктуризации нисходящий (центрированный на психике или когнитивных процессах) когнитивный метод стремится опровергнуть нелогичные убеждения, чтобы изменить чувства и поведение.

- Для контроля физиологического возбуждения и выявления подавленных эмоций восходящий (центрированный на теле) метод включает в себя дыхательные техники, заземление и работу с телесными ощущениями.

Их интеграция даёт нам методологическое преимущество в виде одновременного устранения дисфункции на всех системных уровнях, что соответствует принципам биопсихосоциальной модели.

Выводы:

Необходимость интегративного подхода к психологическому благополучию подростков теоретически обоснована в данной статье, где также выделены его важные особенности. Помимо отсутствия заболеваний, современное определение психического здоровья включает в себя позитивное функционирование, включающее гедонистические и эвдемонические элементы. Модель К. Рифф обеспечивает теоретическую основу для понимания психологического благополучия, которая может стать теоретической основой для понимания позитивного функционирования подростков через многомерную перспективу. Многочисленные исследования подтверждают тот факт, что благополучие улучшает социальные связи, академическую успеваемость, адаптацию к стрессу и другие аспекты жизни.

Телесно-ориентированные техники способствуют снижению стресса и развитию интероцептивной осознанности, но не могут устранить когнитивные искажения. Когнитивная терапия (КТ) может не учитывать физические признаки травмы и продолжающегося стресса. Поэтому интегративная стратегия, эффективно сочетающая два подхода, обеспечивает комплексное решение, преодолевающее эти недостатки.

Эмпирические данные подтверждают эффективность сочетания двух подходов, согласно теоретическому синтезу, проведенному в работе: телесные практики улучшают физическое состояние и осознанность тела, а когнитивные техники корректируют негативные убеждения. Подростковый возраст – это период высокой чувствительности и значительной нейропластичности, что делает этот синтез особенно важным в чрезвычайных ситуациях, требующих сложного вмешательства. Развитие подростков основано на развитии критически важных способностей, таких как саморегуляция, психологическая устойчивость и осознанность, которые усиливаются благодаря систематической интеграции различных подходов.

Научная новизна исследования заключается в системном объединении эвдемонической модели К. Рифф, теоретического аппарата телесно-ориентированной психотерапии и современных нейробиологических данных о взаимосвязи интероцепции и эмоциональной регуляции для преодоления редукционизма традиционных методов. Перспективы дальнейших исследований связаны с эмпирической валидацией конкретных интегративных протоколов и разработкой научно обоснованных программ школьного психического здоровья.

Библиография

1. Андронникова, О. О., Ветерок, Е. В. Психологическое благополучие и здоровье как актуальная потребность современного человека в рамках девиктимизации // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 1 (65). С. 72-76. EDN: VQSVPD.

2. Ахмедов, Т. И. Телесно-ориентированная психотерапия // Международный медицинский журнал. 2003. № 4. С. 116-122.
3. Борисов, Г. И. Физическое и психологическое здоровье как ресурс психологического благополучия педагогов позднего возраста // Cognitive Neuroscience. Екатеринбург, 2022. С. 109-114. EDN: YLHQPK.
4. Бызова, В. М. Психология телесного самосознания: учебное пособие. Санкт-Петербург: Скифия-принт, 2022. 68 с. EDN: TIBHLB.
5. Василенко, Т. Д. Психология телесности: процессуально-смысловой подход // Российский психиатрический журнал. 2013. № 4. С. 49-55. EDN: RBTKRZ.
6. Выготский, Л. С. Проблемы возраста. В Педология подростка (Оригинальная работа опубликована в 1929 г.) // PsychLib.ru. URL: https://psychlib.ru/mgppu/VPp-1929/VPp-504.htm#n7 (дата обращения: 20.08.2025).
7. Давыдов, С. В., Семонюк, А. М. Феномен телесности в онтогенетически ориентированном психотерапевтическом подходе // Клиническая психология в здравоохранении, образовании и социальной сфере: онтогенетически ориентированные подходы. 2022. С. 80-84. EDN: TSYARQ.
8. Жданова, Т. А., Филиппова, Е. В. Психологическое благополучие подростка: личностные качества и семейные отношения (по материалам зарубежных исследований) // Современная зарубежная психология. 2024. Т. 13. № 4. С. 51-63. DOI: 10.17759/jmfp.2024130405 EDN: PLMDKB.
9. Зулкаидова, Д. К., Осипова, Н. В. Телесно-ориентированная терапия как метод психологической помощи // Инновационные научные исследования. 2023. № 1-3(25). С. 136-143. https://doi.org/10.5281/zenodo.7654241.
10. Barbato, L. Transformation in Body Psychotherapy: Conscious States and the Future // International Body Psychotherapy Journal. 2023. Vol. 22. № 2.
11. Damasio, A. R. Descartes' error: Emotion, reason, and the human brain. New York: Avon Books, 2005. 331 p.
12. Dong, Y. et al. The effects of mind-body exercise on anxiety and depression in older adults: a systematic review and network meta-analysis // Frontiers in Psychiatry. 2024. Vol. 15. С. 1305295. https://doi.org/10.3389/fpsyt.2024.1305295 EDN: ATCFRH.
13. Erikson, E. H. Childhood and Society [Electronic resource]. New York: W.W. Norton & Company, 1950. URL: https://archive.org/details/dli.ernet.1996 (дата обращения: 20.08.2025).
14. George, E., Engel, L. The clinical application of the biopsychosocial model // American Journal of Psychiatry. 1980. Т. 137. № 5. С. 535-544.
15. Giuntoli, L. et al. The different roles of hedonic and eudaimonic motives for activities in predicting functioning and well-being experiences // Journal of Happiness Studies. 2021. Vol. 22. № 4. С. 1657–1671. https://doi.org/10.1007/s10902-020-00290-0 EDN: OJULXO.
16. Guamanga, M. H. et al. Analysis of the contribution of critical thinking and psychological well-being to academic performance // Frontiers in Education. Frontiers Media SA, 2024. Vol. 9. С. 1423441. https://doi.org/10.3389/feduc.2024.1423441 EDN: QNEDPW.
17. Huppert, F. A. Psychological well‐being: Evidence regarding its causes and consequences // Applied Psychology: Health and Well‐Being. 2009. Vol. 1. № 2. С. 137-164. https://doi.org/10.1111/j.1758–0854.2009.01008.x.
18. Koch, S. C. et al. Effects of dance movement therapy and dance on health-related psychological outcomes. A meta-analysis update // Frontiers in Psychology. 2019. Vol. 10. С. 1806. https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.01806.
19. Klocek, A., Řiháček, T. The associations between interoceptive awareness, emotion regulation, acceptance, and well-being in patients receiving multicomponent treatment: a dynamic panel network model // Research in Psychotherapy: Psychopathology, Process, and

Outcome. 2023. Vol. 26. № 2. C. 659. https://doi.org/10.4081/ripppo.2023.659 EDN: DHPIJD.
20. Leitan, N. D., Murray, G. The mind-body relationship in psychotherapy: Grounded cognition as an explanatory framework // Frontiers in Psychology. 2014. Vol. 5. C. 472. https://doi.org/10.3389/fpsyg.2014.00472.
21. Li, W. et al. Gender based adolescent self-compassion profiles and the mediating role of nonattachment on psychological well-being // Current Psychology. 2024. Vol. 43. № 10. C. 9176-9190. https://doi.org/10.1007/s12144-023-05049-3 EDN: BOMSIL.
22. Lugg, W. The biopsychosocial model-history, controversy and Engel // Australasian Psychiatry. 2022. T. 30. № 1. C. 55-59. https://doi.org/10.1177/10398562211037333 EDN: WAEINS.
23. Mehling, W. E. et al. The multidimensional assessment of interoceptive awareness (MAIA) // PloS One. 2012. Vol. 7. № 11. C. e48230. https://doi.org/10.1371/journal.pone.0048230.
24. Mehling, W. E. et al. The multidimensional assessment of interoceptive awareness, version 2 (MAIA-2) // PloS One. 2018. Vol. 13. № 12. C. e0208034. https://doi.org/10.1371/journal.pone.0208034.
25. Oud, M. et al. Effectiveness of CBT for children and adolescents with depression: A systematic review and meta-regression analysis // European Psychiatry. 2019. Vol. 57. C. 33-45. https://doi.org/10.1016/j.eurpsy.2018.12.008.
26. Price, C. J., Hooven, C. Interoceptive awareness skills for emotion regulation: Theory and approach of mindful awareness in body-oriented therapy (MABT) // Frontiers in Psychology. 2018. Vol. 9. C. 798. https://doi.org/10.3389/fpsyg.2018.00798.
27. Raison, C. L. et al. Somatic influences on subjective well-being and affective disorders: the convergence of thermosensory and central serotonergic systems // Frontiers in Psychology. 2015. Vol. 5. C. 1580. https://doi.org/10.3389/fpsyg.2014.01580.
28. Ryff, C. D. Psychological well-being revisited: Advances in the science and practice of eudaimonia // Psychotherapy and Psychosomatics. 2013. Vol. 83. № 1. C. 10-28. https://doi.org/10.1159/000353263.
29. Ryff, C. D. The privilege of well-being in an increasingly unequal society // Current Directions in Psychological Science. 2024. T. 33. № 5. C. 300-307. https://doi.org/10.1177/09637214241266818 EDN: KQEHNY.
30. Ryff, C. D., Keyes, C. L. M. The structure of psychological well-being revisited // Journal of Personality and Social Psychology. 1995. Vol. 69. № 4. C. 719. https://doi.org/10.1037/0022–3514.69.4.719.
31. Santrock, J. W. Adolescence. 16th ed. New York: McGraw-Hill Education, 2016.
32. Tang, Y. Y., Tang, R., Gross, J. J. Promoting psychological well-being through an evidence-based mindfulness training program // Frontiers in Human Neuroscience. 2019. Vol. 13. C. 237. https://doi.org/10.3389/fnhum.2019.00237.
33. Veckalne, R. Somatic transformation: examining the role of body-oriented therapy in restoring health and well-being // Science and Education. 2023. Vol. 4. № 4. C. 137-143.
34. Yang, Q., Zhang, Y., Li, S. The impact of mind-body exercise on the quality of life in older adults: the chain mediation effect of perceived social support and psychological resilience // Frontiers in Public Health. 2024. Vol. 12. C. 1446295. https://doi.org/10.3389/fpubh.2024.1446295 EDN: FJTPDN.
35. Yuen, M., Wu, L. Relationship between school connectedness and psychological well-being in adolescents: A meta-analysis // Current Psychology. 2024. Vol. 43. № 12. C. 10590-10605. https://doi.org/10.1007/s12144-023-05164-1.
36. Zozaya, N., Vallejo, L. The effect of the economic crisis on adolescents' perceived health and risk behaviors: A multilevel analysis // International Journal of Environmental

Research and Public Health. 2020. Vol. 17. № 2. C. 643.
https://doi.org/10.3390/ijerph17020643 EDN: KGDSQJ.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.
Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться здесь.

Предмет исследования, цель, задачи статьи прямо не заявлены. Из заголовка можно заключить, что предметом является психологическое благополучие подростков. Вместе с тем, не совсем ясно, что же является целью работы - построение концепции психологического благополучия? Обзор существующих концепций? Построение мета-теоретической системы? Из-за неясности, неопределенности цели и задач, соответственно и методология у авторов статьи несколько "плывет".
Из текста видно, что это литературный обзор с попытками некоторого обобщающего анализа. Между тем совершенно неочевидно, по каким критериям выстроен обзор и по каким принципам сделан анализ. Почему избраны именно эти (Рифф, Райх, КБТ) концепции, а не иные? По какому принципу происходит затем обобщение (в выводах "современная концепция психического здоровья"?)
Между тем на ум приходят минимум две концепции, которые авторами "выпущены", например в принципе подход позитивной психологии, весьма мощного и развитого научного направления. Не рассмотрена био-психо-социальная модель, являющаяся по сути своей базисом для КБТ. Системные модели также никак не упомянуты. В целом в статье присутствует заявка на некоторую научную оригинальность, но не заявленный предмет статьи и непрописанная методология превращают статью в своеобразный "навал" из источников с попытками обобщения.
Актуальность статьи не показана. Собственно, а какой пробел в науке закрывает статья? В науке существует недостаток концепций психического здоровья? Или современные концепции отрицают связь "разума" и тела? Необходимо обосновать актуальность, выделить проблемную зону.
Это же касается и научной новизны. Авторы постулируют в целом достаточно тривиальные факты (КТ эффективна в коррекции дисфункционального мышления - это не новое утверждение, это общеизвестно). Вообще складывается ощущение, что авторы хотят будто-бы переизобрести био-психо-социальную модель на своих началах.

Стиль статьи научный в целом, но очень "режет" глаз слово "разум", не являющееся психологическим термином, в заголовке. Не лучше ли его заменить на более научный термин? Сознание? Психика? Мышление? Или, уж если авторы полны решимости использовать термин "разум", то стоит обосновать его научность и ввести данный термин в научно-психологическое поле.

Структура статьи в целом соответствует требованиям к научным публикациям.
Содержание статьи представляет собою не очень структурированный литературный обзор. Неясны критерии подбора литературы. Попытка анализа также выглядит так, будто авторы лишь подступаются к обобщениям.

Библиография у статьи достойная, можно похвалить авторов за достаточно большую подборку работ, в частности зарубежных и современных. Но это не отменяет вопросов к принципам отбора статей и некоторой бессистемности обзора.
Апелляция к оппонентам как таковая отсутствует.

Выводы, к сожалению, весьма тривиальны, не содержат новизны.

Теоретически статья могла бы быть интересной, если, например, переформатировать ее в литературный обзор "современных концепций психического здоровья". Но в нынешнем виде она не может быть рекомендована к публикации.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.
Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться здесь.

На рецензирование представлена статья «Психологическое благополучие подростков: целостный подход к интеграции когнитивных и телесных практик на основе обзора и анализа современных концепций психического здоровья». Работа включает в себя вводный раздел, в котором описана актуальность и поставлена проблема исследования, а также представлены цель, задачи и новизна. В основном разделе дан обзор отечественной и зарубежной литературы, описаны полученные результаты методического исследования. В заключении имеются аргументированные выводы.
Предмет исследования. Автором рассматриваются теоретические основы сочетания телесно-ориентированных и когнитивных техник для улучшения психологического здоровья подростков. Для достижения поставленной цели были решены следующие задачи: проанализированы важные теоретические модели благополучия и их взаимосвязи с когнитивными и телесными практиками; выявлены и обоснованы существующие пробелы в исследованиях, заключающееся в недостаточной проработанности методологического синтеза телесно-ориентированной или когнитивно-поведенческой терапии; проведен обзор, анализ и синтез современных теоретических моделей и эмпирических данных; подготовлены рекомендации в рамках концептуальной модели интегративного подхода с акцентом на ключевую роль телесного аспекта и демонстрация его преимуществ для развития осознанности и саморегуляции у подростков.
Методология исследования. В данном исследовании в рамках биопсихосоциальной модели (БПС) автором были проанализированы и систематизированы полученные в ходе проведённого теоретического обзора данные различных научных исследований. Для обеспечения парадигматической репрезентативности были выбраны ключевые взаимодополняющие подходы: когнитивно-поведенческая терапия (КПТ) как доказательно обоснованный метод «сверху вниз», работающий с психологическим компонентом, и телесно-ориентированная психотерапия (В. Райх) как фундаментальный метод «снизу вверх», работающий с биологическим компонентом. Когнитивные (психологические), физические (биологические) и социальные аспекты благополучия, представленные в модели Рифф, синтезированы в биопсихосоциальной модели. Предпочтение автором отдавалось публикациям, демонстрирующим эффективность каждого подхода или подчеркивающим ограничения их изолированного применения, тем самым обосновывая необходимость их синтеза. Анализ основывался на рецензируемых публикациях из баз данных CyberLeninka, PubMed и Google Scholar. Был проведен сравнительный анализ механизмов, сильных сторон и ограничений каждого подхода для выявления точек их взаимодействия и компенсаторного потенциала для создания единой интегративной перспективы в рамках модели (БПС).
Актуальность исследования определяется тем, что необходимо преодолеть

методологический разрыв между когнитивными и телесными техниками. Важно целостно рассматривать психологическое благополучие подростков.

Научная новизна исследования заключается в том, что автором была разработана целостная интегративная модель посредством системного теоретического синтеза. Акцент на взаимосвязи тела и психики позволяет разработать интегративную модель психотерапии, которая будет способствовать развитию у подростков навыков рефлексии своих убеждений, мыслей, телесных ощущений и эмоций для улучшения психологического благополучия. Интеграция психики и тела способствует более глубокому пониманию личностной реализации и выявляет ограничения существующих психотерапевтических подходов. Учитывая сложность и изменения в физиологических, эмоциональных и социальных аспектах подросткового возраста, комбинированное применение телесной и когнитивной терапии представляет собой перспективное направление для регуляции эмоциональных состояний, поведенческих паттернов и снятия мышечных напряжений, что способствует достижению комплексного благополучия, имеющего особую ценность в этот период.

Научная новизна исследования заключается в системном объединении эвдемонической модели К. Рифф, теоретического аппарата телесно-ориентированной психотерапии и современных нейробиологических данных о взаимосвязи интероцепции и эмоциональной регуляции для преодоления редукционизма традиционных методов.

Перспективы дальнейших исследований связаны с эмпирической валидацией конкретных интегративных протоколов и разработкой научно обоснованных программ школьного психического здоровья.

Стиль, структура, содержание. Стиль изложения соответствует публикациям такого уровня. Язык работы научный. Структура работы прослеживается, автором выделены основные смысловые части. Логика в работе имеется. Содержание статьи отвечает требованиям, предъявляемым к работам такого уровня. Объем работы достаточный для раскрытия предмета исследования.

Библиография. Библиография статьи включает в себя 36 отечественных и зарубежных источников, меньшая часть которых изданы за последние три года. В список включены, статьи и тезисы, а также монографии и учебные пособия. Источники в основном оформлены корректно и однородно.

Апелляция к оппонентам. Рекомендуется привести текст к единообразию по шрифту и его размеру.

Выводы. Проблематика затронутой темы отличается несомненной актуальностью, а также практической ценностью. Статья будет интересна специалистам, которые занимаются проблемами психологического сопровождения. Вопрос рассматривается через призму изучения интеграции когнитивных и телесных практик на основе обзора и анализа современных концепций психического здоровья. Статья может быть рекомендована к опубликованию. Однако важно учесть выделенные рекомендации и внести соответствующие изменения. Это позволит представить в редакцию научно-методическую и научно-исследовательскую работу, отличающуюся научной новизной и практической значимостью.

Психология и Психотехника
Правильная ссылка на статью:
Железняк Н.Е. Изучение семейной истории как средство досуга, самореализации и терапии психоэмоциональных состояний студентов // Психология и Психотехника. 2025. № 3. DOI: 10.7256/2454-0722.2025.3.71851 EDN: XCGWKQ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71851

Изучение семейной истории как средство досуга, самореализации и терапии психоэмоциональных состояний студентов

Железняк Надежда Евгеньевна

ORCID: 0009-0002-4292-7288

ассистент; кафедра массовых коммуникаций; Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы

350000, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

kultterapia@gmail.com

Статья из рубрики "Внутренний мир человека"

DOI:

10.7256/2454-0722.2025.3.71851

EDN:

XCGWKQ

Дата направления статьи в редакцию:

30-09-2024

Аннотация: В статье рассмотрены психологические механизмы воздействия семейной истории, такие как семейный сценарий, семейный мир, межпоколенная передача, на психоэмоциональное состояние студентов. Проанализированы подходы к феномену влияния семейной истории в различных психологических школах. Рассмотрено психологическое воздействие изучения семейной истории на психоэмоциональные состояния личности с учетом возрастной динамики. Изучена тема сохранения семейной истории как средство досуга и самореализации, а также обоснована необходимость ее изучения в России. Таким образом, цель данного исследования – доказать эффективность использования семейной истории как средства психологической работы при помощи изучения и систематизации актуальных научных работ по данной тематике. Предмет исследования – возможности психотерапии средствами изучения семейной истории в коррекции психоэмоциональных состояний у студентов. Объектом настоящего исследования является процесс психотерапевтической деятельности с использованием

семейной истории. В статье создан обобщающий обзор доступных результатов исследований по применению занятий семейной историей в терапевтической практике на основе публикаций российских и зарубежных авторов. Показано, что занятия семейной историей могут являться ресурсом социальной адаптации для лиц с низкой жизнестойкостью, межпоколенный диалог и взаимодействие оказывают безусловный положительный эффект на психологическое благополучие. Также подтверждено, что существует связь между эмоциональным благополучием и показателем семейной идентичности как переживанием ценности семьи. Также показано, что у студентов, занимающихся на курсах по изучению семейной истории, улучшаются показатели идентификации с семьей, повышается самооценка и снижается тревожность. При этом отмечается, что в некоторых случаях изучение истории семьи может иметь и обратные негативные последствия для психоэмоционального состояния человека. Путем анализа доступных материалов было установлено: изучение семейной истории является эффективным методом терапии психоэмоциональных состояний в России и мире, однако изучение семейной истории, как эффективного психологического инструмента, пока остается мало разработанной темой. При этом доступные результаты проведенных к настоящему времени исследований указывают на то, что использование генеалогических исследований в психологической практике, а также на обучающих мероприятиях дает положительные психотерапевтические эффекты.

Ключевые слова:

самореализация, досуговая деятельность, семейная память, генеалогия, психоэмоциональные состояния, семейная психология, семейный сценарий, семейный миф, психология, семейная история

Введение

В целях популяризации государственной политики в сфере защиты семьи, а также сохранения традиционных ценностей, 2024 год объявлен в нашей стране Годом Семьи. Семья являет собой базовую социальную группу и предопределяет механизмы социального познания человека, его самоидентичность, что особенно значимо в молодом возрасте. Одним из ключевых ресурсов выступает биографическая память поколений. Л.С. Выготский замечал: «Через других мы становимся самими собой» [1].

Формирование личности начинается в семье, к которой ребенок принадлежит как к группе. Группа же является частью рода, и в целом – человечества. Согласно результатам опроса ВЦИОМ от 2023 года, история своей семьи интересует девять из десяти россиян, а 48% заявили об этом с полной уверенностью, они целенаправленно стараются узнать больше о своих предках. О наличии генеалогического древа в своей семье заявили около трети россиян.

Россия обладает по истине уникальным и одним из самых больших и задокументированных исторических архивов в мире. За последние годы российская архивная система стала более открытой и доступной для исследователей семейной истории. Сегодня некоторые архивы обладают возможностью онлайн-доступа, активно идет процесс оцифровывания информации. Появились базы данных погибших, награжденных и пропавших без вести во время Первой и Второй мировых войн, доступные онлайн и совершенно бесплатно. Активно создаются сайты и программы для построения генеалогического древа семьи, с удобным интерфейсом, возможностью

добавлять фото, а также социальные сети и форумы для обмена и совместного поиска информации о предках. Изучение семейной истории становится доступным любому желающему.

История семьи представляет собой комплекс знаний о членах семьи, а также прародителях, включая их личностные черты, жизненный уклад, семейные традиции, сохраненные в памяти семьи. Данный процесс может происходить в мифологизированной бессознательной форме как передача особого семейного нарратива. Семейная память, таким образом, это особый тип семейного самосознаня, базовой функцией которого является регуляция поведения семьи на основе согласованного образа семьи. Систематизацией сведений о происхождении, а также родстве занимается наука генеалогия. Историк Е. В. Пчелов определяет генеалогию как науку, которая изучает не только генеалогические связи, но и системы, возникающие вследствие этого процесса, их историю, происхождение и развитие [2].

В России, несмотря на стремительно растущие запросы общества, со стороны психологической науки пока наблюдается небольшой интерес к изучению семейной истории как средству коррекции психоэмоциональных состояний. Этот процесс осложняется необходимостью подходить к психокоррекции с использованием семейной памяти как сложному, гетерогенному объекту научного анализа.

Цель данного исследования – выявить взаимосвязь изучения семейной истории с психоэмоциальными состояниями личности и самореализацией студентов, а также при наличии такой связи обосновать включение семейной истории в инструментарий психологической практики.

Задачи исследования

1 . Изучение и обобщающий обзор доступных результатов исследований российских и зарубежных авторов по применению в психотерапии методов изучения семейной истории.

2 . Концептуальный анализ феномена взаимосвязи семейной истории и психоэмоционального состояния, формируемого в результате ее изучения.

3 . Определение вероятного влияния занятий генеалогией на самореализацию и психоэмоциональное состояние личности.

Статья состоит из следующих частей: введение, материалы и методы исследования, обзор научной литературы по теме исследования, основная часть, результаты исследования, заключение. Основная часть включает в себя три раздела: 1. «Обращение к теме семейной истории в различных психологических школах»; 2. «Психологическое влияние изучения семейной истории на психоэмоциональные состояния»; 3. «Изучение и сохранение семейной истории как средство досуга и самореализации».

Материалы и методы

Проведен обобщающий обзор и анализ опубликованных в российских и зарубежных изданиях исследований по применению изучения семейной истории в психотерапевтических целях. При этом использовался дескриптивный метод, метод категоризации с распределением схожих статей по темам и метод анализа научной литературы. Также применялись такие общенаучные методы, как количественно-статистический анализ, сравнительно-сопоставительный анализ.

Обзор научной литературы по теме исследования

Влияние семьи на развитие личности в психологии начало активно исследоваться на рубеже XIX-XX веков. В рамках психоаналитического подхода одним из первых идеи о семейной истории, как базовом факторе влияния на личность, высказал З. Фрейд, в дальнейшем его идеи были развиты его последователями - К. Юнгом, Э. Берном, Ф. Дольто. На сегодняшний день они являются по-прежнему актуальными и активно используются в фундаментальных трудах по психологии семейной истории. Современные российские авторы продолжают исследовать это направление и отдельные его составляющие, среди них: А. Я. Варга (семья, как система), Е.В. Краснова, Н.П. Паттурина (межпоколенная идентичность), О.Ю. Стрижицкая, М.Д. Петраш (роль межпоколенческого диалога), Е. А. Петрова Е. А. (межпоколенные отношения как ресурс совладающего поведения) и др. Особое внимание в современных зарубежных исследованиях (T. R. Elfrink, T. Asano, A. Baird, и др.) уделяется «терапии воспоминаниями» как инструменту в работе с пожилыми людьми, в том числе с деменцией.

Базой исследования выступают теоретические основы психотерапии семьи (М. Боуэн, А. Я. Варга, О. А. Карабанова и др.), положения трансгенерационного подхода (Ф. Дальто, Э. Берн), идеи влияния бессознательного (З. Фрейд, К. Г. Юнг), а также положения отечественных психологов о системном подходе в самореализации (К. А. Абульханова-Славская, С. И. Кудинов).

Обращение к теме семейной истории в различных психологических школах

Влияние семьи на становление личности являлось во все времена базовым в психологическом знании. Признание ценности семьи в жизни человека оформилось в науке еще в работах древнегреческих мыслителей (Аристотеля, Геродота, Ксенофонта, Платона, Сократа и др.). Практически все психологические школы отводили ей главенствуюшее место. Значительный вклад в это учение внесли классики психоаналитического (З. Фрейд, К.Г. Юнг, А. Адлер, К. Хорни, Дж. Боулби и др.), бихевиористического (Б. Скиннер, Р. Сирс), когнитивного (Ж. Пиаже), гуманистического (К. Роджерс, Э. Фромм, А.Г. Маслоу) и других направлений психологии.

Психоаналитическое направление было одним из пионеров в области исследования истории семьи и рода, межпоколенной передачи информации в контексте эволюции психики. З. Фрейд [3] в своих трудах приходит к выводу о том, что индивидуальный опыт являет собой слепок опыта, пройденного предшествующими поколениями. Межпоколенная передача в психоанализе также связана с понятием «трансгенерационной травмы», которая предполагает передачу негативных аспектов опыта предков. Этот процесс может активироваться через сны, фобии или некоторые другие проявления психических расстройств. К схожим выводам приходит Ф. Дольто [4], по мнению которой бессознательное матери и ребенка связаны между собой таким образом, что дети ощущают информацию о своей семье на протяжении нескольких поколений.

Если З. Фрейд подчеркивал роль отношений с родителями в развитии ребенка, то А. Адлер первым обратил внимание на то, что семья предполагает еще и взаимоотношения между детьми, сиблингами. Он подчеркивал тот факт, что братья и сестры обычно сильно отличаются друг от друга, несмотря на сходное физическое наследование. В число инструментов его работы входил анализ самых ранних воспоминаний клиента, а также

практика «семейного созвездия», где особое место уделялось очередности рождения, отношениям с родителями, что давало возможность понимания раннего эмоционального опыта.

Важно отметить, что исследование межпоколенной передачи не всегда вызвано исключительно негативными аспектами опыта. З. Фрейд [5] говорит о ресурсном потенциале межпоколенческой связи: «Если психические процессы одного поколения не передавались бы другому, не продолжались бы в другом, каждому пришлось бы вновь учиться жизни, что исключало бы всякий прогресс и развитие». То есть, именно благодаря переданным психическим ресурсам человек может успешно пройти процесс адаптации в обществе.

Продолжая психоаналитические идеи, К.Г. Юнг [6] вводит понятие «коллективного бессознательного». Автор замечает: «Оно существует вне индивидуального опыта личности и включает в себя весь опыт человечества по средствам архетипов, которые транслируются через поколения». К. Г. Юнг убежден, что историю человечества, весь его опыт может объяснить только миф, выраженный в виде архетипов, но не рациональное знание.

Теория семейных систем Мюррея Боуэна во многом основывалась на принципах Общей Теории Систем математика Людвига фон Берталанффи. Одним из инструментов анализа семейной системы в его исследованиях выступает генограмма. Это визуальная схема структуры семьи, похожая на генеалогическое («родовое») древо. Однако она включает в себя, как социальные характеристики, так и трансформационные кризисные события: развод, переезд, а также профессиональную деятельность, семейные роли и эмоциональные связи. В генограмме акцентируется внимание на происхождение семьи, изучаются модели взаимодействия и т. д. [7]. В это же время Джекоб Леви Морено, автор психодрамы, создает свой инструмент работы с межличностными отношениями – социометрию. Это метод количественного измерения отношений между людьми в группе, в том числе в семье.

Сегодня современные российские авторы продолжают исследовать психологическую составляющую семейной памяти, а также развивают инструментарий работы с ней для терапии различных психоэмоциональных состояний. Среди них: метод генограммы в практике системной семейной терапии А.Я. Варга [8], А.В. Черникова [9], проработка семейного древа по методу психодрамы Е. Михайловой [10], терапия воспоминаниями («ретро-терапия») Л.А. Раимовой [11], М.В. Ридико [12], «семейный календарь» О.А. Карабоновой [13].

Анализ научной литературы, посвященной разработке темы семейной истории в психологии, позволяет сделать следующие выводы: исследования в области межпоколенной передачи информации, раннего эмоционального опыта первоначально диктовались целями коррекции «трансгенерационной травмы», негативного жизненного сценария, что привело к разработке разнообразного психологического инструментария, а также пониманию ресурсного потенциала межпоколенческой связи.

Психологическое влияние изучения семейной истории на психоэмоциональные состояния

С раннего возраста ребенок участвует в процессе обмена воспоминаниями. Благодаря этому процессу формируются близкие семейные связи, а также чувство культурной

принадлежности. Сегодня исследование семейной истории – не только досуговая деятельность, которая доставляет удовольствие, но и занятие, которое потенциально может принести психотерапевтическую пользу тем, кто в нем участвует.

Человеческая память является основным компонентом личности. Можно предположить, что потеря памяти способствует и потере идентичности, что подтверждено исследованиями и как следствие – ставит под угрозу благополучие личности. Так, среди людей, страдающих деменцией, потеря памяти ставит под угрозу самочувствие, прежде всего потому, что она связана с потерей идентичности [14]. Схожее исследование проведено среди лиц, страдающих снижением памяти при болезни Альцгеймера. Доказано, что нарушения некоторых компонентов автобиографической памяти, особенно детства и ранней взрослости, были связаны с изменениями силы и качества идентичности [15]. Триггерами (инструментами) по восстановлению памяти могут являться: книги с жизнеописаниями, мультимедийные биографии, «ящики памяти», генеалогическое древо, фотоальбомы, записи с памятной музыкой, видеоролики из семейного архива.

Согласно исследованиям, действительно, одним из способов противостоять пагубному воздействию деменции и потери памяти является использование вызывающих воспоминания объектов: одежды [16; 17], книг с жизнеописанием [18; 19], цифровых приложений для хранения мультемедийной информации о воспоминаниях [20], музыки, фотографий [21] и пр.

Это согласуется с социологическим исследованием ученых Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. Согласно опросу от 16.05.2021 года, 74% россиян хранят на память фотографии предков. Ордена, грамоты, медали на память о предках есть у 29% россиян. Также в качестве семейных реликвий респонденты указали письма (14%), иконы, предметы культа (13%), домашнюю утварь (12%), драгоценности или антиквариат (12%). Нет предметов памяти лишь у 11% россиян. Приведенные данные указывают на бессознательное стремление большинства людей сохранять объекты, вызывающие воспоминания, которые являются значимыми артефактами для понимания истории семьи и своей идентичности. Такой вид влияния на психоэмоциональное состояние получил название «терапия воспоминаниями» [22] и включает в себя обсуждение прошедших событий, семейной истории с помощью материальных подсказок, таких как фотографии, знакомые предметы из прошлого, музыка и архивные видеозаписи.

«Группы воспоминаний» представляют собой групповые встречи не реже одного раза в неделю и индивидуальные сеансы, на которых участникам предлагается рассказывать о прошлых событиях, возможно в хронологическом порядке, с составлением книги жизнеописаний. Сегодня все чаще в этом процессе участвуют лица, осуществляющие уход за пожилыми людьми. «Терапия воспоминаниями» – одно из самых популярных психосоциальных вмешательств в лечении различных заболеваний во многих странах, и оно высоко оценивается персоналом и участниками. Есть некоторые свидетельства того, что оно эффективно поднимает настроение у пожилых людей без деменции, а также повышает уровень психологического благополучия и улучшает память [22].

В системной семейной психотерапии семья рассматривается как живая система, которая стремится как к сохранению связей между элементами, так и к их эволюции (С. Минухин, В. Сатир, А. Варга, К. Витакер). Важной частью изучения семейной истории и генеалогии в целом является взаимодействие с членами семьи, что способствует развитию

стабильности представлений о личной идентичности. Согласно системному подходу, каждый член семьи влияет на других в процессе этого взаимодействия (его реакции и поведенческие паттерны усиливают или ослабляют их реакции). Особенности семейной системы, структуры представлений ее членов о мире и себе наиболее полно раскрываются в семейных историях, передающихся из поколения в поколение.

Одним из таких механизмов передачи родовой истории являются «родительские послания» – жизненные установки, воспринятые ребенком от родителей и иных родственников в детстве. Такие послания могут оставаться невербализированными, содержать в себе различные легенды, мифы, ожидания соответствия определенному сценарию поведения, который передается через многие поколения. Таким образом запускаются трансгенерационные процессы, основанные на бессознательном воспроизводстве. Наследование определенного жизненного сценария описано Э. Берном. Сценарий, по Берну, выступает как раскрывающийся в течение жизни план, сформированный в детстве под влиянием родительских установок. Э. Берн замечает: «Этот психологический импульс с большой силой толкает человека вперед, навстречу его судьбе, и очень часто независимо от его сопротивления и свободного выбора» [23].

Так, эмпирически подтверждена передача типов привязанности от поколения к поколению [24]. У детей родителей, которые перенесли опыт психологических травм, согласно исследованиям Х. Барокас и С. Барокас[25] наблюдаются схожие с родителями состояния: чувство вины, тревоги, уязвимости, депрессивной симптоматики. Исследование А. Дауд[26] показывает, что дети из таких семей демонстрируют психопатологические симптомы.

К. Г. Юнг замечал, что «…миф является неизбежным связующим звеном между знанием бессознательным и сознательным» [27]. Процесс экстериоризации (превращение внутреннего психического действия во внешнее действие) через нарративы позволяет человеку восстановить историю, интегрировать опыт, таким образом предоставляя человеку свободу в формировании своей индивидуальности. Семейные истории – это зримое воплощение семейной культуры и психологии. Они вбирают в себя взгляды и опыт каждого из рассказчиков, обладают обилием интерпретаций и принципиальной многозначностью, видоизменяются в зависимости от социального контекста, трансформируются под влиянием формата коммуникации. Таким образом, генеалогия, история семьи оказываются неразрывно связана с психологией.

Согласно исследованию межпоколенной идентичности и жизнестойкости студентов педагогического вуза Е. В. Красной, Н. П. Паттуриной было показано, что межпоколенная идентичность может становиться жизненной ценностью человека, а следовательно – мотивом и смыслообразующим фактором существования, включаясь в комплекс жизненных ценностей. Показано, что высокий уровень межпоколенной идентичности является ресурсом социальной адаптации для лиц с низкой жизнестойкостью [28]. В работе О.Ю. Стрижицкой, М.Д. Петраш также исследуется роль межпоколенного диалога и межпоколенного взаимодействия в аспекте психологического благополучия студентов Санкт-Петербурга. Показано, межпоколенные отношения оказывают безусловный положительный эффект на психологическое благополучие студентов [29]. Эти данные согласуются с исследованием Е.А. Петровой: представления о старших поколениях и межпоколенные отношения могут быть использованы как ресурс совладающего поведения [30]. В исследовании С.С. Строковой также подтверждено, что существует связь между эмоциональным благополучием и показателем семейной

идентичности. Чем слабее молодые люди осознают свою принадлежность к семье как ценность, тем он менее эмоционально благополучен [31]. Также показано, что у студентов, занимающихся на курсах по изучению семейной истории улучшаются показатели идентификация с семьей, повышается самооценка и снижается тревожность [32].

Однако стоит отметить, что изучение истории семьи может иметь и обратные последствия для психоэмоционального состояния человека, что ставит комплекс морально-этических вопросов. Подобного рода случаи требуют переформулировать полученные знания в адаптивный личный нарратив. Например, это может быть связано с обнаружением человеком информации о ее/его удочерении или усыновлении. Эмоциональные реакции могут включать в себя, как шок от открытия, которое часто возникает случайно, так и связанное с этим чувство предательства; и серию потерь, например, родственных связей, культуры и авторитета. Этот симптоматический комплекс может потребовать перестройки всей личной идентичности. [33]. Также, непредсказуемые реакции могут быть вызваны вопросами происхождения, национальной идентичности [34]. Люди могут испытывать такие эмоции, как гнев, покинутость, замешательство, вину, печаль или потерю доверия в ответ на новую информацию. Как правило, совладающие механизмы психики способствуют переоценке случившегося и позитивным личностным изменениям, однако, некоторым людям может потребоваться психотерапевтическая поддержка для осмысления новой информации.

Стоит обратить внимание и на травматичность для слушателя историй их предков. Так, исследования Р. Егуда [35] показали, что у детей могут развиваться симптомы посттравматического стрессового расстройства в ответ на рассказ о родительской травме. Однако осознание влияния межпоколенной передачи является важным шагом в понимании себя и своих отношений с другими людьми.

Влияние семьи на личность чаще рассматривается в рамках детско-родительских отношений. Такой подход, на наш взгляд, может быть расширенным, что является особенно актуальным для российской семьи, поскольку многие семьи, особенно в регионах Северного Кавказа, характеризуются расширенным составом, а значит обмен семейными историями происходит, в том числе, и с прародителями.

Итак, мы видим, что сохранение в памяти истории семьи, обращение к ней в ходе применения «терапии воспоминаниями» улучшает память у пожилых людей и в целом позитивно влияет на психоэмоциональное состояние личности.

Межпоколенная идентичность является ресурсом адаптации для студентов, усиливая их жизнестойкость, самооценку и эмоциональное благополучие.

В то же время возможны негативные психологические состояния на фоне постижения семейной истории в случае неосведомленности о тех или иных событиях, которые, как правило, носят временный характер и влекут переоценку семейного сценария.

Изучение и сохранение семейной истории как средство досуга и самореализации

Сегодня все большее число молодых людей стремится как можно более полно реализовать свой жизненный потенциал, который напрямую связан с представлениями человека о себе, самопознанием. Именно тенденция к самореализации детерминирует процесс формирования Я-концепции личности. Самореализация – это диалектически противоречивый процесс поиска, обретения и осуществления личностью своих ключевых

жизненных ценностей [36]. Личностная самореализация способствует духовному росту человека [37].

Одной из форм личностной самореализации выступает досуговая деятельность. Сам выбор досуга во многом детерминирован смыслом: суть досуга заключается не столько в конкретной деятельности, сколько в субъективном восприятии свободы, выбора и внутренней мотивации. Хотя для большинства людей досуг остается второстепенным по отношению к работе с точки зрения приоритета, он, тем не менее, может придать жизни значительный смысл, а также повысить уровень личного благополучия и удовлетворенности.

Обратим внимание, существует множество форм поведения (например, работа по дому, уход за детьми), которые человек может осуществлять вне рабочего времени, но мало кто определил бы их как досуг. Есть разница между свободным временем и деятельностью, наполненной переживанием смысла.

Согласно обзорному исследованию [38] досуг является психологической сущностью, определяемой представлениями людей о свободе, то есть досуг означает свободу выбора делать или не делать что-либо. В противном случае возникает чувство долга и теряется ощущение досуга. Второй по важности характеристикой, лежащей в основе концепции досуга, является внутренняя (а не внешняя) мотивация.

Досуговая деятельность способствует полноценному развитию личности, благодаря таким функциям как социализирующая, гедонистическая, творческой самореализации, компенсаторная и пр. Б.А. Трегубов отмечает осознанный и целенаправленный характер этой активности, которая позволяет личности не только удовлетворить свои интересы, но и самоутвердиться, а также самосовершенствоваться [39]. Таким образом, досуг является одной из форм самореализации личности, то есть видом деятельности, которой индивид, как правило, занимается в свободное время по собственному желанию.

Одной из форм такой деятельности может выступать изучение семейной истории (генеалогия). Генеалогию можно охарактеризовать как серьезный досуг, то есть любительскую добровольную деятельность, в которой хобби формирует центральный жизненный интерес, при этом участники активно приобретают и выражают специальные навыки, знания и опыт. Термин «серьезный досуг» ввел профессор университета Р. Стеббинс, который предложил досуговую деятельность рассматривать в двух аспектах: досуг серьезный и досуг случайный (гедонистический). Наиболее значимую культурно-историческую роль выполняет, по мнению Р. Стеббинса, именно серьезный досуг, который «более всего отвечает гуманистическим запросам современного человечества» и способствует самореализации личности [40].

В студенческом возрасте наблюдается активное развитие всех познавательных процессов. Фактически, чтобы углубить генеалогические исследования, человек должен изучать различные темы, которые могут включать географию, историю, фольклористику, иностранный язык, чтение карт, топографию и многое другое. В этом отношении изучение генеалогии становится междисциплинарной возможностью обучения для тех, кто постоянно вовлечен в этот процесс [41]. Возможность использовать различные источники, как первичные, так и вторичные, позволяет исследователям развивать когнитивные и интеллектуальные навыки. Изучение данных переписи населения, записей актов гражданского состояния и газет позволяет делать перекрестные ссылки на информацию, чтобы подтвердить местонахождение и происхождение своей семьи.

Также, генеалогия способствует обучению, развивая навыки критического мышления [41].

Таким образом, досуг в виде занятия генеалогическими исследованиями способствует развитию и саморазвитию личности, в процессе которой человек реализует свои потребности: в эстетических чувствах, эмоциях при посещении выставок, музеев, посвященных интересующим темам и периодам истории, на встречах с единомышленниками, во время туризма, связанного с посещением мест захоронения предков (иногда это – глухие леса, с едва сохранившимися надгробиями), а также раскрывая свои собственные творческие способности в общении с литературой, живописью, искусством по интересующей теме.

Восьмиступенчатая психосоциальная модель развития человека была предложена Э. Эриксоном [42]. Согласно модели Эриксона, жизненный цикл человека делится на восемь базовых этапов. На каждом из них наблюдается специфический психосоциальный кризис, являющийся следствием личностных противоречий. Пятая стадия знаменует собой переход от подросткового возраста к взрослости и закладывает основы Эго-идентичности. В этой модели позитивное развитие идентичности рассматривается как основной компонент здорового психологического развития позднего подросткового возраста. С определением собственной идентичности связана необходимость психологической сепарации от родителей и семьи и умение видеть себя отдельной личностью. Таким образом, позитивное развитие идентичности предполагает обретение сильного чувства собственного "я". Это процесс, в ходе которого человеку необходимо исследовать роли и ценности и принимать независимые решения и обязательства относительно профессии; социальных и иных убеждений и ценностей.

Именно семейная поддержка и благоприятный психологический климат внутри семьи являются основой для становления идентичности, процессов самореализации и достижения автономии молодого человека. Согласно исследованиям, одним из факторов, который может способствовать установлению семейных связей, является знание семейной истории. Семейные истории помогают формировать личность и обеспечивают основу для ориентирования в жизненных событиях подросткового и раннего взрослого возраста, а также помогают наладить отношения с родителями [43]. Таким образом, описывая, объясняя и оценивая наше прошлое в рамках «социальных воспоминаний», молодой человек приходит к созданию интерпретирующей основы для понимания себя, что способствует развитию идентичности и, как следствие, наиболее полной личностной самореализации.

Россия – многонациональная страна, в которой придается приоритетное значение проблемам сохранения идентичности и самобытности малых народов. Согласно работе Н.П. Копцевой [44] в классических этнотеориях процессы этнической идентификации и самоидентификации взаимосвязаны с определенными этническими качествами, такими как место, где человек родился, его географическая принадлежность, а также язык, который ассоциируется с языком прародителей, а также религия и традиции, которые передаются из поколения в поколение. Досуговая деятельность в виде изучения семейной истории может быть особенно актуальной для выстраивания позитивной этнической идентичности особенно для представителей недоминантных этнических групп и этнических меньшинств, поскольку, как замечают исследователи, «им в большей степени присуща негативная этническая идентичность, которая может сопровождаться ощущением неполноценности, ущемленности и даже стыда за представителей своего этноса» [45].

Можно сделать вывод, что для таких народов генеалогическая информация – это нечто большее, чем досуг, поскольку это ключевой фактор того, как коренной житель осознает свою идентичность. Эта информация охватывает и приобщение к культурным, религиозным ценностям своего народа, что, вероятно, повышает ощущение реализованности жизненного потенциала и как никогда необходимо в молодом возрасте, когда происходит становление человека, осуществляется выбор жизненного вектора развития.

Однако отметим, в отечественной психологии наблюдается дефицит работ по изучению условий процесса самореализации личности в семье и практически отсутствуют работы, посвященные влиянию досуговой деятельности на процесс самореализации личности в юношеском и молодом возрасте.

Таким образом, занятие генеалогией помогает реализовывать как научные цели для углубленного изучения истории, географии, антропологии, культурологии, так и цели инкультурации и самореализации в сфере досуга, а также может являться творческой, коммуникативной и художественной деятельностью.

Учитывая такую возрастную особенность студенческого возраста как сепарация от родителей, занятие семейной историей способствуют укреплению семейных связей не только через процесс познания семейной истории, но и через взаимодействие с членами семьи, что, в свою очередь, является важным фактором социализации, обретения новых социальных связей, а также процесса индивидуализации и самореализации личности.

Результаты исследования

1. Память человека является основным компонентом его личности. Изменение памяти напрямую влияет как на благополучие в целом, так и на его составляющую – уровень идентичности, в связи с чем обращение к семейной истории может служить эффективным инструментом сохранения и восстановления идентичности, что, в свою очередь, влечет улучшение психоэмоционального состояния личности.

2. Семейные установки и сценарии поведения способны запускать трансгенерационные процессы, влияющие на выбор поведения человека в той или иной жизненной ситуации. Изучение семейной истории помогает найти эту взаимосвязь и интегрировать опыт семьи, одновременно предоставляя человеку свободу в формировании своей индивидуальности.

3. Психологическое благополучие молодежи напрямую связано с актуализацией межпоколенного взаимодействия, осознанием принадлежности к своей семье, роду. Изучение генеалогии как повод и мотив взаимодействия с семьей усиливает осознание межпоколенной идентичности как жизненной ценности и расширяет перспективы социальной адаптации личности.

4. Изучение истории семьи может иметь отдельные негативные проявления для психологического состояния, что необходимо учитывать в терапевтической практике, однако в целом постижение и переосмысление семейной истории ведет к позитивным личностным изменениям.

5. Семейная история как досуговая деятельность студентов формирует у них центральный жизненный интерес, историко-культурную идентичность, способствует изучению истории, географии, развитию когнитивных и интеллектуальных навыков и способностей, усиливая процесс самореализации личности.

6. Существует взаимосвязь между занятием генеалогией, отслеживанием семейных историй, степенью семейной идентичности и психоэмоциональным состоянием личности. У студентов, занимающихся изучением семейной истории, улучшаются показатели идентификация с семей, повышается самооценка и снижается тревожность. Таким образом, изучение семейной истории является эффективным методом терапии психоэмоциональных состояний личности.

7. На сегодняшний день тематика изучения семейной истории как эффективного психологического инструмента и использования генеалогических исследований в психологической практике недостаточно разработана, что отчасти объясняется сложностью и многогранностью объекта научного анализа. В то же время растущий интерес к генеалогии свидетельствует о наличии такого запроса в обществе.

Заключение

Генеалогия является уникальной наукой, она одновременно может быть социально-направленной и глубоко интимной, носящей психотерапевтическую функцию. Исследование семейной истории и памяти дает глубокое понимание жизни в целом. За последние годы архивная система стала более открытой и доступной для исследователя родословной, активно развивается ДНК-генеалогия, Яндекс и друге нейросети автоматически оцифровывают метрические книги, старинные газеты и иные сведения. Общество сегодня имеет прямой доступ к личной генетической информации, связанной со здоровьем, происхождением, питанием, спортивными способностями.

Сегодня интерес к генеалогии и семейной памяти является, в том числе, ответом на чувство тревоги в обществе, необходимость рефлексии и поиска опоры в прошлом, дабы через осмысление этого опыта структурировать настоящее и позитивно влиять на будущее. Занятия семейной историей могут являться ресурсом социальной адаптации для лиц с низкой жизнестойкостью, межпоколенный диалог и взаимодействие оказывают безусловный положительный эффект на психологическое благополучие.

Библиография

1. Выготский Л.С. Педология подростка. – М.: Наука. – 1931. – 300 с.
2. Пчелов Е.В. Теоретические понятия генеалогии; Теоретические понятия генеалогии // Гербовед. № 45. М., 2000. С. 54-61.
3. Фрейд З. Введение в психоанализ: Лекции. М.: Наука, 1991. 456 с. (Сер. «Классики науки»).
4. Дольто Ф. На стороне ребенка. М.: Изд-во У-Фактория, 2003. 672 с.
5. Фрейд З. Тотем и табу. – М., Академический проект, 2007. – 159 с. (Серия «Психологические технологии»)
6. Юнг К.Г. Архетип и символ. – М., 1991.
7. Варга А. Я. Теория семейных систем Мюррея Боуэна: Основные понятия, методы и клиническая практика – М.: Когито-Центр, 2005. – 496 с.
8. Варга А. Я., Драбкина Т. С. Системная семейная психотерапия. Краткий лекционный курс. СПб.: Речь, 2001. – 144 с.
9. Черников А.В. Ч 89 Системная семейная терапия: Интегративная модель диагностики. – Изд. 3-е, испр. и доп. М.: Независимая фирна "Класс", 2001. – 208 с. – (Библиотека психологии и психотерапии. Вып. 97).
10. Михайлова Е. "Наши мертвые не покинут нас в беде": психодраматическая работа с семейной историей/ Психологи о мигрантах и миграции. Информационно-аналитический бюллетень, 2001, № 3.
11. Раимова Л.А. По дороге воспоминаний…Терапия воспоминаниями в работе с людьми

пожилого возраста: метод. пособие для специалистов учреждений социальной сферы, работающих с людьми пожилого возраста. – Казань: Веда, 2014. – 142 с.
12. Ридико, М. В. Терапия воспоминаниями в работе с пожилыми гражданами / М. В. Ридико, С. Д. Матюшкова // Повышение качества профессиональной подготовки специалистов социальной и образовательной сфер : сборник научных статей. – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2021. – С. 248-250.
13. Карабанова О.А. Психология семейных отношений и основы семейного консультирования: Учебное пособие. – М.: Гардарики, 2005. – 320 с.
14. Jetten J, Haslam C, Pugliese C, Tonks J, Haslam SA. Declining autobiographical memory and the loss of identity: effects on well-being. J Clin Exp Neuropsychol. 2010 Apr; 32(4), 408-16. doi:10.1080/13803390903140603. Epub 2009 Sep 25. PMID: 19787523.
15. Addis DR, Tippett LJ. Memory of myself: autobiographical memory and identity in Alzheimer's disease. Memory. 2004 Jan; 12(1), 56-74. doi:10.1080/09658210244000423. PMID: 15098621.
16. Buse C, Twigg J. Materialising memories: exploring the stories of people with dementia through dress. Ageing and Society. 2016; 36(6), 1115-1135. doi:10.1017/S0144686X15000185
17. Winterich, K. P., Reczek, R. W., & Irwin, J. R. (2017). Keeping the Memory but Not the Possession: Memory Preservation Mitigates Identity Loss from Product Disposition. *Journal of Marketing, 81*(5), 104-120. URL: https://doi.org/10.1509/jm.16.0311
18. Elfrink T.R., Zuidema S.U., Kunz M., Westerhof G.J. Life story books for people with dementia: a systematic review. International Psychogeriatrics. 2018. 30(12), 1797-1811. doi:10.1017/S1041610218000376
19. Asano T. et al. Effectiveness of high-frequency individual reminiscence interventions using life story books on persons with dementia // British Journal of Occupational Therapy. – 2021. – Т. 84. – № 5. – С. 317-326.
20. Catala A, Nazareth D. S., Félix P, Truong K.P., Westerhof G. 2021. Emobook: A Multimedia Life Story Book App for Reminiscence Intervention. In 22nd International Conference on Human-Computer Interaction with Mobile Devices and Services (MobileHCI '20). Association for Computing Machinery, New York, NY, USA, Article 10, 1-4. URL: https://doi.org/10.1145/3406324.3410717
21. Baird, A., Gelding, R., Brancatisano, O., & Thompson, W. F. (2020). A Preliminary Exploration of the Stability of Music-and Photo-Evoked Autobiographical Memories in People with Alzheimer’s and Behavioral Variant Frontotemporal Dementia. Music & Science, 3. URL: https://doi.org/10.1177/2059204320957273
22. Woods B, Spector A, Jones C, Orrell M, Davies S. Reminiscence therapy for dementia. Cochrane Database Syst Rev. 2005 Apr 18;(2):CD001120. doi: 10.1002/14651858.CD001120.pub2. Update in: Cochrane Database Syst Rev. 2018 Mar 01;3:CD001120. PMID: 15846613.
23. Берн Э. Люди, которые играют в игры. Игры, в которые играют люди. – М.: Прогресс, 1988. – 400 с. С. 175-176.
24. Bateson G. Steps to an ecology of mind: collected essays in anthropology, psychiatry, evolution and epistemology. University of Chicago Press, 1972.
25. Barocas H., Barocas C. Manifestation of Concentration Camp Effect on the Second Generation // American Journal of Psychiatry. 1973, 130. P. 820-826.
26. Daud A. et al. Children in families of torture victims: Transgenerational transmission of parents’ traumatic experiences to their children // International Journal of Social Welfare. 2005, 14. P. 23-32.
27. Юнг К.Г. Воспоминания, сновидения, размышления; пер. с нем. – Киев: Изд-во AirLand, 1994. 406 с.

28. Красная Е. В., Паттурина Н. П. Межпоколенная идентичность и жизнестойкость студентов педагогического вуза Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена DOI: 10.33910/herzenpsyconf-2020-3-96
29. Стрижицкая О. Ю., Петраш М. Д. Роль межпоколенного диалога и межпоколенного взаимодействия в психологическом благополучии студентов Санкт-Петербурга https://scipress.ru/pedagogy/articles/rol-mezhpokolennogo-dialoga-i-mezhpokolennogo-vzaimodejstviya-v-psikhologicheskom-blagopoluchii-studentov-sankt-peterburga.html (дата обращения 01.05.2014)
30. Петрова Е. А. Межпоколенные отношения как ресурс совладающего поведения: автореф. дис. канд. псих. наук: 19.00.13. – М., 2008. – 28 с.
31. Строкова С.С. Связь образа семьи и семейной идентичности с эмоциональным благополучием подростков [Электронный ресурс] // Клиническая и специальная психология. 2017. Том 6. № 1. С. 119-137. doi: 10.17759/psyclin.2017060108
32. Lunt B.M. Summers K. M, Wood D. A. Improving Psychological Well-Being of Young Adults by Conducting Family History Research at a Religious University. Vol. 6 No. 1 (2022) DOI: https://doi.org/10.24240/23992964.2023.1234541
33. Riley H. Confronting the conspiracy of silence and denial of difference for late discovery adoptive persons and donor conceived people //Australian Journal of Adoption. – 2013. – Т. 7. – №. 2. – С. 1-13.
34. Theunissen C. A. The effects of DNA test results on biological and family identities //Genealogy. – 2022. – Т. 6. – №. 1. – С. 17.
35. Yehuda R. et al. Phenomenology and psychobiology of the intergenerational response to trauma // Y. Danieli (Ed.), International handbook of multigenerational legacies of trauma. New York: Plenum Press, 1998. P. 639-655.
36. Абульханова-Славская, К. А. Стратегия жизни [Текст]: монография / К. А. Абульханова-Славская. – М.: Мысль, 1991. – 299 с.
37. Кудинов С. И. Полисистемный подход исследования самореализации личности // Сибирский педагогический журнал. 2007. № 11.
38. Seppo E Iso-Ahola, Roy F. Baumeister Psychol., 28 февраля 2023, 14-2023. https://doi.org/10.3389/fpsyg.2023.1074649
39. Трегубов, Б. А. Свободное время молодежи: сущность, типология, управление [Текст] / Б. А. Трегубов. – Санкт-Петербург, 2011.
40. Stebbins R.A. Personal decisions in the public square: Beyond problem into a positive sociology. New Brunswick, NJ: Transaction Publications, 2009.
41. Hershkovitz, Arnon. 2012. A Suggested Taxonomy of Genealogy as a Multidisciplinary Academic Research Field. Journal of Multidisciplinary Research 4, 5-21.
42. Эриксон Э. Г. Детство и общество [Текст]: пер. с англ. – СПб.: Ленато, АСТ, Фонд «Университетская книга», 1996. – 592 с.
43. Merrill, N., & Fivush, R. (2016). Intergenerational narratives and identity across development. Developmental Review, 40, 72-92. URL: https://doi.org/10.1016/j.dr.2016.03.001
44. Копцева Н.П. Влияние современных культурных практик на этническую идентичность коренных малочисленных народов Центральной Сибири // Социодинамика. 2014. № 6. С. 1-27. DOI: 10.7256/2306-0158.2014.6.12201. URL: https://e-notabene.ru/pr/article_12201.html
45. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. – М.: Институт психологии РАН, «Академический проект», 1999. 320 с. [Электронный ресурс] URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/ stef/12.php
46. Ball R. Visualizing genealogy through a family-centric perspective //Information Visualization. – 2017. – Т. 16. – №. 1. – С. 74-89.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.
Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться здесь.

Предметом исследования в представленной статье является изучение семейной истории как средство досуга, самореализации и терапии психоэмоциональных состояний студентов.
В качестве методологии предметной области исследования в данной статье были использованы дескриптивный метод, метод категоризации, метод анализа научной литературы.
Актуальность статьи не вызывает сомнения, поскольку изучение семейной истории, генеалогии приобретает все большую популярность в настоящее время, поскольку именно через историю семьи происходить трансляция семейных ценностей молодежи. Изучение генеалогии становится своего рода хобби, интеллектуальным занятием в свободное время, что благоприятно сказывается на психоэмоциональном состоянии личности. Поэтому изучение семейной истории в качестве средства досуга, самореализации и терапии психоэмоциональных состояний студентов представляет научный интерес среди различных ученых.
Научная новизна исследования заключается в исследовании по авторской методике и последующем доказательстве эффективности «использования семейной истории как средства психологической работы при помощи изучения и систематизации актуальных научных работ по данной тематике».
Статья написана языком научного стиля с использованием в тексте исследования изложения различных позиций ученых к изучаемой проблеме, а также применением терминологии, характеризующей предмет исследования.
Структура рукописи, к сожалению, не полностью выдержана с учетом основных требований, предъявляемых к написанию научных статей. Структура данного исследования включает в себя введение, материалы и методы, основную часть, заключение и библиографию.
Содержание статьи отражает ее структуру. В частности, особую ценность представляет отмеченная тенденция, что «с раннего возраста ребенок участвует в процессе обмена воспоминаниями. Благодаря этому процессу, формируются близкие семейные связи, а также чувство культурной принадлежности. Сегодня, исследование семейной истории – не только досуговая деятельность, которая доставляет удовольствие, но и потенциально может принести психотерапевтическую пользу тем, кто в нем участвует. Человеческая память является основным компонентом личности. Можно предположить, что потеря памяти способствует и потере идентичности, что подтверждено исследованиями и как следствие - ставит под угрозу благополучие личности».
Библиография содержит 46 источников, включающих в себя отечественные и зарубежные периодически и непериодические издания, а также электронные ресурсы.
В статье приводится описание различных позиций и точек зрения ученых, характеризующих различные подходы к пониманию семейной истории, средства досуга, самореализации и терапии психоэмоциональных состояний. В статье содержится апелляция к различным научным трудам и источникам, посвященных этой тематике, которая входит в круг научных интересов исследователей, занимающихся указанной проблематикой.
В представленном исследовании содержатся выводы, касающиеся предметной области исследования. В частности, отмечается, что «занятия семейной историей могут являться

ресурсом социальной адаптации для лиц с низкой жизнестойкостью, межпоколенный диалог и взаимодействие оказывают безусловный положительный эффект на психологическое благополучие. Также подтверждено, что существует связь между эмоциональным благополучием и показателем семейной идентичности, таким как переживание ценности семьи. Также показано, что у студентов, занимающихся изучением семейной истории, улучшаются показатели идентификация с семей, повышается самооценка и снижается тревожность».

Материалы данного исследования рассчитаны на широкий круг читательской аудитории, они могут быть интересны и использованы учеными в научных целях, педагогическими работниками в образовательном процессе, руководством и администрацией образовательных организаций, работниками министерств, ведомств и организаций к ведению которых относятся вопросы образования, специалистами по работе со студентами, кураторами, социологами, психологами, психотерапевтами, социальными педагогами, аналитиками и экспертами.

В качестве недостатков данного исследования следует отметить, то, что в структуре статьи некоторые важные элементы либо раскрыты не полностью, либо отсутствуют. В частности, большее внимание целесообразно было бы уделить обзору научной литературы по теме исследования и обозначить этот структурный элемент отдельным заголовкам. При описании материалов и методов необходимо более полно описать методологию исследования. Результаты проведенного исследования не описаны и не выделены отдельным заголовком. По результатам исследования целесообразно было бы сформулировать также выводы, а не только заключение. Указанные недостатки не снижают научную значимость самого исследования, однако их необходимо оперативно устранить и существенно доработать текст статьи в части ее структуры. Рукопись рекомендуется вернуть на доработку.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться здесь.

На рецензирование представлена статья «Изучение семейной истории как средство досуга, самореализации и терапии психоэмоциональных состояний студентов». Работа представляет собой краткую постановку проблемы и проведение подробного теоретического анализа.

Предмет исследования в работе не сформулирован. В то же время работа нацелена на выявление взаимосвязи изучения семейной истории с психоэмоциальными состояниями личности и самореализацией студентов. Автором отмечается, что при наличии такой связи необходимо обосновать включение семейной истории в инструментарий психологической практики. В статье проведен подробный анализ теоретических подходов отечественных и зарубежных исследователей.

Методология исследования. В работе проведен обобщающий обзор и анализ опубликованных в российских и зарубежных изданиях исследований по применению изучения семейной истории в психотерапевтических целях. Автором использовался дескриптивный метод, метод категоризации с распределением схожих статей по темам и метод анализа научной литературы. Помимо этого, применялись такие общенаучные методы, как количественно-статистический анализ, сравнительно-сопоставительный анализ.

Актуальность исследования обусловлена тем, что, несмотря на стремительно растущие запросы общества, со стороны психологической науки пока наблюдается небольшой

интерес к изучению семейной истории как средству коррекции психоэмоциональных состояний. Особенно, когда речь идет о психологическом сопровождении студентов.

Научная новизна исследования заключается в следующем. Автором:

- определено значение семейной истории в формировании идентичности и улучшения психоэмоционального состояния личности;
- описано то, каким образом семейные установки и сценарии поведения способны «запускать» трансгенерационные процессы, влияющие на выбор поведения человека в той или иной жизненной ситуации;
- охарактеризовано то, что психологическое благополучие молодежи напрямую связано с актуализацией межпоколенного взаимодействия, осознанием принадлежности к своей семье, роду.

Стиль, структура, содержание. Стиль изложения соответствует публикациям такого уровня. Язык работы научный. Структура работы прослеживается, автором выделены основные смысловые части. Логика в работе представлена. Содержание статьи отвечает требованиям, предъявляемым к работам такого уровня. Объем работы достаточный для того, чтобы раскрыть предмет исследования.

Во вводной части кратко определена тема исследования и обозначены ее «проблемные» зоны.

В основной части автором:

- представлен обобщающий обзор результатов исследований российских и зарубежных авторов по применению в психотерапии методов изучения семейной истории;
- дан концептуальный анализ феномена взаимосвязи семейной истории и психоэмоционального состояния, формируемого в результате ее изучения;
- определено вероятное влияние занятий генеалогией на самореализацию и психоэмоциональное состояние личности.

В завершающем разделе автором сформулированы подробные результаты исследования и сделан общий вывод. Автором отмечается, что занятия семейной историей могут являться ресурсом социальной адаптации для лиц с низкой жизнестойкостью, межпоколенный диалог и взаимодействие оказывают безусловный положительный эффект на психологическое благополучие. Особенно это становится актуальным при психологическом сопровождении личностного и психологического развития студентов.

Библиография. Библиография статьи включает в себя 46 отечественных и зарубежных источников, издания за последние три года практически отсутствуют (представлено только 3 источника). В список включены, в основном, статьи, тезисы и монографии. Помимо этого, имеются также учебные материалы, информационные издания, интернет-источники. Источники не во всех позициях оформлены корректно и однородно (например, не во всех источниках есть номера страниц (например, номер 6), неправильно оформлено периодическое издание (например, номер 10), неоднородно оформлены издания (отсутствуют знаки «-» в источниках 8, 10) и т.д.). Библиографический список нуждается в значительной доработке.

Апелляция к оппонентам.

Рекомендации:

1) провести анализ большего числа научных источников, в том числе современных, поскольку затронутая проблема активно рассматривается отечественными и зарубежными исследователями; теоретический анализ современных источников является недостаточным;

2) во вводном разделе сформулировать объект, предмет, а также научную новизну проведенного исследования;

3) сформулировать рекомендации по результатам проведенного исследования, выделив значимость полученных результатов для современного развития психологической науки;

4) представить перспективы дальнейшего исследования, в том числе, эмпирического;
5) не на все источники литературы имеются в статье ссылки (например, источник № 46);
6) оформить библиографический список однородно и в соответствии с предъявляемыми требованиями.

Выводы. Проблематика затронутой темы отличается несомненной актуальностью, теоретической и практической ценностью. Статья будет интересна специалистам, которые занимаются проблемами поддержания психоэмоционального состояния студентов. В том числе, важным является вопрос о нахождении наиболее эффективных средств в психолого-педагогической практике. Автором упор был сделан на изучение семейной истории, которое может выступать как средство досуга, самореализации и психотерапии. Статья может быть рекомендована к опубликованию. Однако важно учесть выделенные рекомендации и внести соответствующие изменения. Это позволит представить в редакцию научно-методическую и научно-исследовательскую работу, отличающуюся научной новизной и практической значимостью/

Психология и Психотехника
Правильная ссылка на статью:
Власов А.С., Шумакова О.А. Возможности психосемантического метода в исследовании социальной ангедонии у больных шизофренией // Психология и Психотехника. 2025. № 3. DOI: 10.7256/2454-0722.2025.3.75949 EDN: XEHJEI URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75949

Возможности психосемантического метода в исследовании социальной ангедонии у больных шизофренией

Власов Андрей Сергеевич

ORCID: 0009-0008-8793-5357

преподаватель; кафедра психологии; ФГБОУ ВО ЮУГМУ Минздрава России
медицинский психолог; ГБУЗ «ОКСПНБ№1», г. Челябинск

454141, Россия, Челябинская обл., г. Челябинск, Центральный р-н, ул. Воровского, д. 66

andrey_wlasov@mail.ru

Шумакова Ольга Алексеевна

ORCID: 0000-0001-9928-0548

доктор психологических наук

зав. кафедрой; кафедра психологии; Южно-Уральский государственный медицинский университет Министерства здравоохранения Российской Федерации

454092, Россия, Челябинская область, г. Челябинск, ул. Воровского, 66, каб. 220

olgash37@yandex.ru

Статья из рубрики "Понять человека"

DOI:

10.7256/2454-0722.2025.3.75949

EDN:

XEHJEI

Дата направления статьи в редакцию:

20-09-2025

Аннотация: Представлены результаты исследования социальной ангедонии у больных шизофренией. Предметом исследования является социальная ангедония у больных шизофренией. Цель работы: провести теоретический анализ возможностей психосемантического подхода и представить эмпирические данные особенностей

субъективной семантической структуры социального опыта у больных шизофренией, ее связей с выраженностью социальной ангедонии и особенностями социальной мотивации. Уточняется то, что больные шизофренией с выраженной социальной ангедонией проявляют активное социальное избегание, вместо ожидаемого равнодушия. Особое внимание уделено психосемантическому подходу, позволяющему описать структуру субъективных семантических координат социального опыта у больных шизофренией и выявить ее связь с мотивацией на социальное избегание. В исследовании приняли участие 42 пациента в возрасте от 23 до 46 лет (средний возраст = 34,8 лет, SD = 7,4) с диагнозом: «F20.0 параноидная шизофрения» со стажем заболевания более 5 лет, в состоянии субремиссии, без выраженной психотической симптоматикой. Адаптированные методики «Шкала социальной ангедонии» (Eckblad et al., 1982), «Шкала социального избегания и дистресса» (D. Watson, R. Friend, 1969), «Краткая шкала страха негативной социальной оценки» (M. Leary, 1983), «Торонтская шкала алекситимии» (G. Taylor, J.Parker, R. Bagby, 1994); программа SPSS Statistics ver.22. Выявлено, что социальная ангедония у больных шизофренией связана с особенностями субъективной семантической структуры социального опыта; больные шизофренией независимо от наличных характеристик и контекста характеризуют других как злых и недоброжелательных, что приводит их к невозможности получать удовольствие от социального взаимодействия; эти особенности опосредуют мотивацию к социальному избеганию, а также препятствуют получению эмоционального опыта из актуальной ситуации социального взаимодействия. Новизна результатов заключается в применении психосемантического метода, а именно направленного ассоциативного эксперимента, в котором испытуемым последовательно предъявлялись изображения, представляющие собой фотографии глаз профессиональных актеров, выражающих различные эмоциональные состояния. Полученные результаты результаты дополняют ранее проведенные исследования в области социальной мотивации больных шизофренией. Область применения результатов: разработка и реализация психокоррекционных и психотерапевтических программ.

Ключевые слова:

ангедония, социальная ангедония, социальная мотивация, шизофрения, психосемантика, эмоционально-оценочные свойства, социальное взаимодействие, гедонистические функции, социальное избегание, психосемантические методы

Актуальность. Дефицит способности получать удовольствие от межличностных взаимоотношений, начиная с середины прошлого века, считается основным признаком и предиктором расстройств шизофренического спектра, а также кардинальным симптомом и фактором, усугубляющим течение большого депрессивного расстройства (А.О. Кибитов, D.C. Gooding и др.). В настоящее время социальная ангедония концептуализируется как трансдиагностический, резистентный к медикаментозной терапии феномен, оказывающий преимущественное влияние на качество социального функционирования, и повышающим риск повторных госпитализаций в учреждения психиатрического профиля.

На заре исследований общей ангедонии при психических расстройствах, социальная ангедония в рамках клинико-психологического подхода концептуализировалась как дефицитарный симптом, который выявлялся в преморбидном функционировании лиц, имеющих высокий риск развития расстройств психотического спектра (М.А. Кудряшов). В

дальнейшем, в известном лонгитюдном исследовании «The New York High-Risk Project», L.R. Freedman и D. Rock с коллегами получили убедительные данные о том, что риск развития психотических расстройств потенцируется ангедоническими явлениями, которые коррелировали с нарушенным социальным функционированием при экзацербации шизофрении [1]. Клиническая значимость конструкта социальной ангедонии отразилась в создании специальных психометрических инструментов, предназначенных для самооценки выраженности снижения гедонистической функции при социальном взаимодействии, а близнецовые исследования позволили выявить генетический характер этого феномена, что побудило ученых к поиску потенциальных нейробиологических механизмов социальной ангедонии. Это привело к тому, что исследование социальной ангедонии отошло от классических клинико-психологических парадигм и в настоящее время консолидировалось вокруг нейроповеденческого подхода.

Исследования общей ангедонии в рамках нейроповеденческой науки показали, что в основе нарушения предвосхищающей гедонистической способности лежит дисфункция дофаминергической системы, которая опосредует значимость или ценность вознаграждения, что отражается на снижении мотивации к его получению и неготовности затрачивать усилия на его достижение [2]. В свою очередь, снижение способности к непосредственному переживанию удовольствия (консуматорная ангедония) связана с дисфункцией опиоидной и ГАМКергической систем [3]. Прицельные исследования социальной ангедонии в целом подтвердили общность нейробиологического механизма, указав на то, что опиоидная и дофаминергическая системы участвуют в опосредовании гедонистического опыта при социальном взаимодействии [4].

При исследовании когнитивного аспекта ангедонии у больных шизофренией был обнаружен так называемый «парадокс ангедонии»: больные сообщали о сходном со здоровыми испытуемым текущем уровне переживаемого удовольствия в актуальном времени, однако при этом заявляли о значительном снижении антиципационного удовольствия, что отражалось на снижении мотивации к поведению, направленному на получение вознаграждения. G.Strauss и коллеги объясняют этот парадокс тем, что нарушения при шизофрении, в контексте которых снижение предвосхищаемого удовольствия у данной клинической группы связано с дефицитом в кратковременной и долговременной памяти. Ввиду этого больные шизофренией испытывают трудности в консолидации позитивного опыта в долговременную память, а ожидания от будущих событий, таким образом, опираются не на эпизодическую память, а на более широкий семантический контекст, который отражает не сам опыт удовольствия, а мышление об удовольствии [5]. Такие же данные были получены в контексте изучения социальной ангедонии. Так, D.B. Abel, J.L. Vohs и др. провели исследование, включающее метод выборки опыта (experience sampling method). В рамках этого экспериментального подхода испытуемым предлагалось в течении 5 дней предоставлять ежедневный самоотчет об ожидаемом и текущем социальном удовольствии, в ходе чего исследователи получили данные, указывающие на то, что нарушения в долгосрочном прогнозировании социального гедонистического опыта у больных шизофренией так же связаны с дефицитом мышления об удовольствии и с нейрокогнитивными нарушениями в целом [6]. В этом ключе, в более широком аспекте исследований общей ангедонии, была высказана гипотеза, согласно которой гедонистический опыт представляет собой достижение некоторого состояния (цели), которое концептуализировано в терминах субъективного абстрактного семантического пространства. Ценность социальных

стимулов, которые по своей сути не являются объектами первичного вознаграждения (как еда, прикосновения и секс), таким образом, определяется их значимостью для достижения цели во внутреннем семантическом пространстве. Снижение гедонистического опыта объясняется как получение результата, увеличивающего дистанцию до цели, а хроническая невозможность ее достижения, то есть ангедония, основывается на приписывании результату негативного смысла в соответствии с внутренней семантической структурой (структурой убеждений, в терминах обсуждаемого исследования) [7].

Были предприняты попытки связать социальную ангедонию с не менее популярным конструктами социального познания и ментализации (theory of mind) [8, 9]. Так, в исследованиях отечественных авторов, социальная ангедония рассматривается как фактор нарушения эмоционального интеллекта, опосредующий мотивационную направленность на социальное взаимодействие [9]. В свою очередь зарубежные публикации предоставляют данные, которые указывают на то, что социальная ангедония и ментализация ассоциированы с одними и теми же нейронными областями, что косвенно указывает на связь сниженной способности к получению удовольствия от социального взаимодействия со способностью понимать намерения, мысли и чувства других [10].

В настоящий момент в экспериментальном пространстве для исследования социальной ангедонии приняты ряд так называемых парадигм исследования – валидизированных экспериментальных процедур, направленных на изучение различных аспектов нарушения гедонистического опыта. Наиболее популярны среди них следующие:

1) Тест «Усилия-Затраты на вознаграждение» (Effort-Expenditure for Rewards Task) (EEfRT) — поведенческий метод для объективной оценки принятия решений о затрате усилий на достижение вознаграждения и исследования мотивационного аспекта ангедонии. Классический метод, разработанный M.T. Treadway с коллегами, представлял собой экспериментальную процедуру, в которой испытуемым предлагалось прилагать физические усилия (нажимать определенноеколичество раз кнопку в течении ограниченного времени), предварительно выбрав одну из двух «сложностей» задачи, с которыми были связаны различные суммы денежного вознаграждения в качестве выигрыша. Этот метод не был адаптирован непосредственно под социальные стимулы, однако он продемонстрировал свою успешность в исследовании мотивационного аспекта гедонистической функции, в том числе у испытуемых с выраженной социальной ангедонией [11].

2) Задача на задержку социального стимула (social incentive delay (SID) task) – модифицированный вариант задачи на задержку денежного стимула (money incentive delay (SID) task), основанный на концепции обучения с подкреплением (reinforcement learning). Метод представлял собой процедуру, в которой испытуемым предлагалось осуществить действие (сделать выбор) в ответ на предъявление нейтральных стимулов, каждому из которых соответствовало либо отсутствие вознаграждения, либо изображение счастливого лица. Предварительно каждый из испытуемых проходил этап «обучения», в котором он получал информацию о том, какой из нейтральных стимулов имеет под собой вознаграждение.

3) Метод выборки опыта (experience sampling method) – дневниковый метод, предполагающий ежедневное использование структурированного самоотчета для оценки различных аспектов собственного состояния. Метод впервые был применен в экологической психологии, где утверждалось, что поведение человека контекстно

обусловлено, и его изучение возможно только в этом актуальном контексте. Одно из самых часто цитируемых исследований ангедонии при шизофрении с использованием этого метода было направлено на изучение темпорального аспекта нарушения гедонистической функции, что стало своеобразным эталоном для эмпирического изучения консуматорной и антиципационной ангедонии при психических расстройствах [12; 13].

4) Распознавание эмоций на лице. Эта экспериментальная процедура включает в себя большое разнообразие методов, объединенных общей инструкцией: испытуемому в ответ на предъявленное изображение лица или части лица (глаз) предлагается определить эмоцию, которую выражает данное лицо, выбрав из списка или назвав ее самому. Впервые подобный метод был предложен известным исследователем раннего детского аутизма S. Baron-Cohen в исследовании социального познания и способности к ментализации у взрослых испытуемых с синдромом Аспергера. Оригинальный метод, а также исследуемый им конструкт, оказались клинически востребованными настолько, что, во-первых, были осуществлены многочисленные адаптации этого теста под различные языковые культуры, в том числе отечественными специалистами, а во-вторых, его применение вышло за рамки клинической группы расстройств аутистического спектра [14; 15]. Исследовательская парадигма, лежащая в основе этого теста, широко применяется в изучении социальной ангедонии при шизофрении, что отражается в большом количестве накопленных данных, указывающих на то, что нарушение социальной гедонистической функции связано с искажением валентности и качества воспринимаемых эмоций [16; 17].

5) Психометрические методы. В эту группу входят самооценочные методы, выполненные в виде опросников, предлагающие испытуемым самостоятельно оценить свой гедонистический опыт. Самые известные среди них «Шкала физической и социальной ангедонии», «Шкала удовольствия Фосетта-Кларка» (Fawcett-Clark Pleasure Scale, FCPS), «Шкала удовольствия Снейта-Гамильтона» (Snaith-Hamilton Pleasure Scale, SHAPS), «Шкала оценки опыта удовольствия» (Temporal Experience of Pleasure Scale, TEPS), «Пересмотренная шкала социальной ангедонии» (Revised Social Anhedonia Scale, RSAS) [18; 19; 20].

Следует отметить, что описанные методы преимущественно нормоцентрически ориентированы, что предполагает существование некоторого нормативного значения, в отношении которого формируется диагностическое заключение о снижении или нарушении гедонистической функции. Однако, они не учитывают значение субъективного личностно-смыслового аспекта в нарушении гедонистической функции, о котором говорилось выше, и не предоставляют возможности его оценить. Тем не менее, о важности этого уровня в первую очередь говорят данные, касающиеся исследования эффективности лечебных мероприятий, указывающих на то, что психологические методы лечения ангедонии показывают большую эффективность в лечении ангедонии, нежели традиционные фармакологические методы [20; 21; 22].

Таким образом, из всего многообразия имеющихся на текущий момент данных, касающихся конструкта социальной ангедонии, нам представляются важными следующие: во-первых, социальная ангедония, как уже отмечалось прежде, является предиктором шизофрении; во-вторых, этот феномен связан с особенностями когнитивной обработки социальных стимулов, вовлекающих семантическую память для их атрибуции; в-третьих, нарушение социальной гедонистической функции опирается на особенности смысловой регуляции; и наконец, в научном поле имеется дефицит методов оценки

субъективного личностно-смыслового аспекта в нарушении социальной гедонистической функции.

Таким образом, несмотря на широкий исследовательский и клинический интерес к феномену социальной ангедонии, ее содержательный аспект остается по-прежнему не изученным. В частности, остается неясным, почему больные шизофренией с выраженной социальной ангедонией проявляют активное социальное избегание, вместо ожидаемого равнодушия, как это должно следовать из основного определения данного феномена. В контексте имеющихся исследовательских данных об опосредовании гедонистического опыта субъективной семантической структурой, мы предлагаем гипотезу, согласно которой социальная ангедония при расстройствах шизофренического спектра помимо известного дефицита удовольствия от социального взаимодействия может проявляться в виде особенностей или искажения субъективных семантических координат социального опыта, выявляемых с помощью психосемантических методов [23; 24; 25]. С позиции психологии субъективной семантики, взаимодействие человека с социальными объектами актуализирует у него встречные структуры опыта, которые организованы как семантические пространства, и обеспечивают квалификацию воспринимаемых объектов посредством «вычерпывания» из себя качеств для этой квалификации. Это соотносится с прежде упомянутыми гипотезами о том, что при антиципационной ангедонии человек обращается к семантической памяти, из которой получает информацию о гедонистических свойствах объекта, что в целом опирается на модель обработки неактуального эмоционального опыта, предложенную M.D. Robinson и G.L. Clore [26]. Мы так же предполагаем, что структура субъективных семантических координат социального опыта у больных шизофренией связана с мотивацией на социальное избегание. Это определило цель нашего текущего исследования.

Цель работы: Изучить особенности субъективной семантической структуры социального опыта у больных шизофренией и выявить ее связь с выраженностью социальной ангедонии и особенностями социальной мотивации у больных шизофренией.

Материалы и методы: В исследовании приняли участие 42 пациента в возрасте от 23 до 46 лет (средний возраст = 34,8 лет, SD = 7,4) с диагнозом: «F20.0 параноидная шизофрения», проходившие стационарное лечение в психиатрической больнице. На момент обследования все испытуемые имели стаж заболевания более 5 лет, пребывали в состоянии субремиссии, и не имели выраженной психотической симптоматики.

В качестве психосемантического метода нами был применен направленный ассоциативный эксперимент, в котором испытуемым последовательно предъявлялись 16 изображений из методики «Чтение психического состояния по глазам» (RMET) (S.Baron-Cohen, S,Wheelwright et al., 2001), представляющие собой фотографии глаз профессиональных актеров, выражающих различные эмоциональные состояния. При предъявлении изображения каждому испытуемому предлагалось назвать не менее пяти прилагательных, которые, по их мнению, характеризовали взгляд или эмоциональное состояние человека на фотографии. В результате данной процедуры нами был получен список прилагательных, который мы подвергли частотному анализу, в результате чего исключили из него единичные уникальные значения. Далее, с помощью словаря синонимов-антонимов русского языка, исключили из него синонимичные слова, а так же прилагательные, которые отражали предметные характеристики самого изображения (например: «черно-белое» или «не цветное»). В конечный список вошли 7 прилагательных, которые отражали эмоционально-оценочные свойства, которыми большинство испытуемых оценили все предъявленные изображения: «неясный, молодой,

красивый, непонятный, недобрый, напряженный, злой». На следующем этапе, мы подсчитали частоту использования каждого из этих прилагательных для описания изображений, и получили двумерную матрицу, которая отражала семантический профиль всех изображений каждого из испытуемых.

В рамках текущего исследования этот набор свойств можно назвать семантическим пространством предъявленных стимулов, или, согласно определению Е.Ю.Артемьевой, «актуальными семантическими координатами» социального опыта больных шизофренией. Уровень социальной ангедонии оценивался с помощью методики «Шкала социальной ангедонии» (Revised Social Anhedonia Scale, RSAS) (Eckblad et al., 1982; адаптация О.В. Рычковой, А.Б. Холмогоровой, 2013). В качестве методов оценки социальной мотивации мы использовали «Шкалу социального избегания и дистресса» (Social avoidance and distress scale, SADS) (D. Watson, R. Friend, 1969; адаптация В.В. Красновой, А.Б. Холмогоровой, 2011), которая предназначена для оценки выраженности социальной тревожности, дискомфорта в социальных ситуациях и склонности к их избеганию; «Краткую шкалу страха негативной социальной оценки» (Brief Fear of Negative Evaluation scale, BFNE) (M. Leary, 1983; адаптация И. В. Григорьевой, С. Н. Ениколоповым, 2016), предназначенную для оценки выраженности иррационального страха внимания со стороны людей с предвкушением последующей негативной оценки с их стороны. Так же в исследование мы включили «Торонтскую шкалу алекситимии» (Toronto Alexithimia Scale, TAS-20-R)(G. Taylor, J. Parker, R. Bagby, 1994; адаптация Е.Г.Старостиной и др., 2010), для оценки выраженности дефицита способности к дифференцированному пониманию собственных чувств, как меры, отражающей трудность понимания качества и ценности социального взаимодействия в его индивидуальном эмоциональном аспекте, а так же косвенной меры, отражающей склонность к категоричным суждениям и эгоцентрической позиции в ситуациях межличностного взаимодействия. Математическая обработка полученных данных осуществлялась с помощью компьютерной программы IBM SPSS Statistics ver.22.

Результаты исследования. Полученные данные указывают на ожидаемо высокий уровень социальной ангедонии у обследованной группы респондентов (среднее = 20,21, SD = 7,33) по методике RSAS. Так же испытуемые показали средний уровень по шкале социального избегания и дистресса (среднее = 15,9, SD = 5,75), и средний уровень по краткой шкале страха негативной социальной оценки (среднее = 27,73, SD = 7,55).

Уровень алекситимии в группе респондентов по всем субшкалам так же находился в диапазоне средних значений (общий показатель, среднее = 52,69, SD = 14,03; трудности идентификации чувств, среднее = 18,5, SD = 5; трудности описания чувств, среднее = 13,21, SD = 3,51; внешне-ориентированное мышление, среднее = 20,98, SD = 5,56).

Психосемантический анализ показал следующие результаты: наиболее значимыми эмоционально-оценочными свойствами выражений глаз у больных шизофренией из группы испытуемых были: «неясный, молодой, красивый, непонятный, недобрый, напряженный, злой».

Эти прилагательные встречались в среднем 6,8 раз у всей группы обследуемых. На рисунке 1 представлен групповой семантический профиль на основе средних значений по количеству выборов прилагательного у испытуемых.

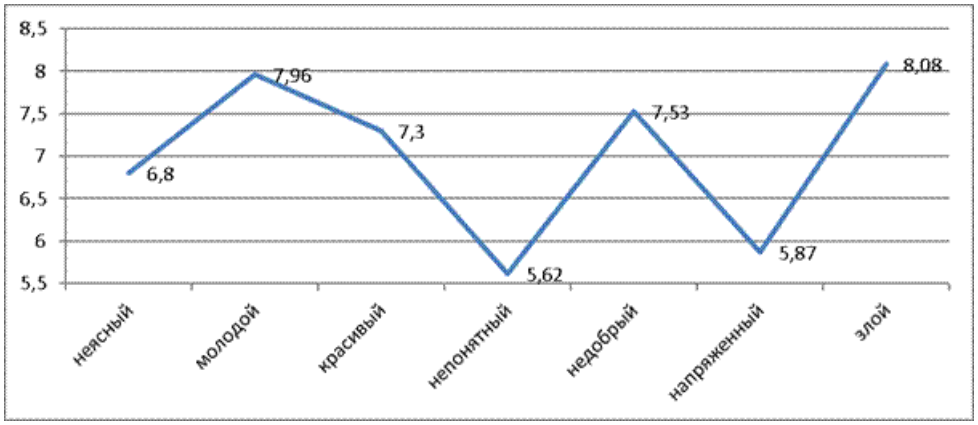

Рис. 1. Групповой семантический профиль изображений из теста «Чтение эмоций по глазам», составленный на основании направленного ассоциативного эксперимента.

Как видно из графика, предпочитаемыми свойствами выступают «злой» (среднее = 8,08) и «молодой» (среднее = 7,96). Следующими по значимости характеристиками выступают «недобрый» (среднее = 7,53), «красивый» (среднее = 7,3), «неясный» (среднее = 6,8). Полученный семантический профиль, таким образом, отражает квалификацию социальных стимулов больными шизофренией, которая осуществляется в двух плоскостях: предметной, которая стимулируется внешненаблюдаемыми характеристиками и связана с актуализацией поверхностного, организованного модальными свойствами уровня субъективного опыта (в терминах психологии субъективной семантики). К ним относятся такие характеристики как «молодой», «красивый», «неясный» - запечатленные на представленных для оценки изображениях люди, в большинстве случаев, это молодые женщины, а сами изображения выполнены в черно-белом варианте, из-за чего некоторые элементы изображения являются плохо различимыми. Другая плоскость квалификации – эмоциональная. Она задействует более глубокий амодальный уровень субъективного опыта, а извлекаемые из него свойства, которые приписываются внешним объектам, не являются результатом прошлого опыта, но поступают из «ядерных структур образа мира». К этим характеристикам относятся «злой» и «недобрый» - на представленных стимулах изображены только глаза, поэтому сама фотография поставляет недостаточное количество визуальной информации для квалификации эмоционального состояния изображенного на ней человека, поэтому можно предположить, что данные свойства извлечены больными шизофренией из семантического пространства, которое не связано с актуальным или прошлым опытом.

Таблица 1. Корреляция показателей методики «Шкала социальной ангедонии» (RSAS) с данными методик «Шкала социального избегания и дистресса» (SADS), «Краткая шкала страха негативной социальной оценки» (BFNE) и субшкалами методики «Торонтская алекситимическая шкала» (TAS-20)

	Шкала социальной ангедонии (RSAS)	
	r-Спирмена	p-уровень
Шкала социального избегания и дистресса (SADS)	0,630	0,000
Краткая шкала страха негативной социальной оценки (BFNE)	0,087	0,583
Общий показатель (TAS-20)	0,897	0,000
Трудности идентификации чувств (TAS-20)	0,900	0,000
Трудности описания чувств (TAS-20)	0,892	0,000

Трудности описания чувств (TAS-20)	0,892	0,000
Внешне-оринтированное мышление (TAS-20)	0,881	0,000

Как видно из таблицы 1, были выявлены значимые положительные корреляционные связи показателей шкалы социальной ангедонии (RSAS) со шкалой социального избегания и дистресса (SADS) (r=0,630, p<0,01), а так же всеми субшкалами торонтской алекситимической шкалы (TAS-20) (при уровне значимости p<0,01). Вопреки ожиданиям, не было выявлено связи между снижением социальной гедонистической функции и страхом негативной оценки. Полученные данные свидетельствуют о том, что социальная ангедония связана с мотивацией социального избегания, а так же ограничивает возможность квалификации актуального эмоционального опыта в ситуациях межличностного взаимодействия у больных шизофренией, что подтверждает эмпирические выводы имеющихся исследований.

Корреляционный анализ между показателями шкал социальной ангедонии, социального избегания и дистресса, страха негативной социальной оценки и характеристиками семантического анализа показал следующие результаты (таблица 2). Выраженность социальной ангедонии имеет положительную корреляционную связь с такими свойствами, как «недобрый» (r=0,370, p<0,05) и «злой» (r=0,491, p<0,01), а также отрицательную корреляционную связь со свойством «молодой» (r=-0,410, p<0,01). Следует отметить, что эти характеристики в семантическом профиле испытуемых являются ведущими, а выявленная корреляционная связь с социальной ангедонией свидетельствует о том, что организация субъективной семантической структуры социального опыта у больных шизофренией, наполненной преимущественно негативными свойствами, влияет на способность больными шизофренией получать удовольствие от социального взаимодействия.

Таблица 2. Корреляция между показателями методик «Шкала социальной ангедонии» (RSAS), «Шкала социального избегания и дистресса» (SADS), «Краткая шкала страха негативной социальной оценки» (BFNE) и данными психосемантического анализа

	Шкала социальной ангедония (RSAS)	Шкала социального избегания и дистресса (SADS)	Краткая шкала страха негативной социальной оценки (BFNE)
неясный	-0,117	-0,124	-0,197
молодой	-0,410**	-0,280	0,262
красивый	-0,201	-0,032	-0,234
непонятный	0,116	0,200	-0,293
недобрый	0,370*	0,232	0,324*
напряженный	0,122	0,103	-0,025
злой	0,491**	0,358*	0,278

Примечания: в таблице указаны значение коэффициента корреляции r-Спирмана

** - корреляция значима на уровне 0,01 (2-х сторонняя);

* - корреляция значима на уровне 0,05 (2-х сторонняя)

Также выявлены корреляционные связи показателей шкалы социального избегания и дистресса с эмоционально-оценочной характеристикой «злой» (r=0,358, p<0,01) и показателей краткой шкалы страха негативной социальной оценки с семантической характеристикой «недобрый» (r=0,324, p<0,05). Выявленная связь указывает на то, что

склонность больных шизофренией к социальному избеганию связана с особенностями субъективной семантической структуры социального опыта, которая задает семантические координаты социального пространства, организующие качество социального функционирования. Иными словами, внемодальное восприятие больными шизофренией других людей, как преимущественно злых и недобрых приводит к тому, что больные стремятся к избеганию с ними контакта и пребывают в тревожном ожидании унижения от них.

Корреляционный анализ показателей методики «Торонтская алекситимическая шкала» (TAS-20) с характеристиками субъективного семантического пространства социального опыта больных шизофренией представлен в таблице 3.

Таблица 3. Корреляция между показателями методики «Торонтская алекситимическая шкала» (TAS-20) и данными психосемантичсекого анализа

	Торонтская алекситимическая шкала (TAS-20)			
	Общий показатель	Трудности идентификации чувств	Трудности описания чувств	Внешне-оринтированное мышление
неясный	-0,124	-0,115	-0,117	-0,107
молодой	0,378*	0,382*	0,372*	0,369*
красивый	0,055	0,072	0,066	0,057
непонятный	0,215	0,209	0,208	0,215
недобрый	0,596**	0,545**	0,560**	0,570**
напряженный	0,257	0,203	0,208	0,220
злой	0,406**	0,459**	0,460**	0,440**

Примечания: в таблице указаны значение коэффициента корреляции r-Спирмана

** - корреляция значима на уровне 0,01 (2-х сторонняя);

* - корреляция значима на уровне 0,05 (2-х сторонняя)

Как видно из таблицы 3, выявлены положительные корреляционные связи эмоционально-оценочных свойств «молодой», «недобрый», «злой» со всеми субшкалами методики TAS-20 на уровне значимости $p<0,05$. Это свидетельствует о том, что внемодальная квалификация больными шизофренией других людей как недобрых и злых связана с неспособностью больных к оценке индивидуальной эмоциональной значимости и качества актуального социального взаимодействия. Другими словами, семантические эмоционально-оценочные свойства, поставляемые из ядерных внемодальных структур образа мира, которыми больные шизофренией характеризуют других людей, препятствуют появлению эмоционального опыта из актуальной ситуации межличностного взаимодействия.

Выводы. Социальная ангедония у больных шизофренией связана с особенностями субъективной семантической структуры социального опыта. Эмоционально-оценочные свойства, являющиеся координатами этой семантической структуры, представлены преимущественно негативными характеристиками и поставляются из ядерных внемодальных структур образа мира. Иными словами, больные шизофренией независимо от наличных характеристик и контекста характеризуют других как злых и недоброжелательных, что приводит к невозможности получать удовольствие от социального взаимодействия. Другой особенностью этих свойств является то, что они

опосредуют мотивацию к социальному избеганию, а так же препятствуют получению эмоционального опыта из актуальной ситуации социального взаимодействия.

Библиография

1. Freedman L.R. The New York High-Risk Project: attention, anhedonia and social outcome // Schizophrenia research. 1998. Vol. 30, № 1. P. 1-9.
2. Der-Avakian A., Markou A. The neurobiology of anhedonia and other reward-related deficits // Trends Neurosci. 2012. Vol. 35, № 1. P. 68-77.
3. Петелин Д.С., Байрамова С.П., Сорокина О.Ю. Апатия, ангедония и когнитивная дисфункция: общие симптомы депрессии и неврологической патологии // Неврология, нейропсихиатрия, психосоматика. 2022. Т. 14, № 5. С. 96-102. DOI: 10.14412/2074-2711-2022-5-96-102 EDN: HQACJE.
4. Fu X-w., Juan Y., Yao X-r. An ERP study on pre-attentive processing of emotional faces in individuals with high social anhedonia // Psychiatry Research: Neuroimaging. 2025. 349:111988.
5. Strauss G.P., Knippenberg A.R., Allen D.N. Anhedonia is associated with impaired memory for positive emotional stimuli in individuals with schizophrenia // Neuropsychology. 2025. Vol. 24.
6. Abel D.B. Social anhedonia in the daily lives of people with schizophrenia: Examination of anticipated and consummatory pleasure // Schizophrenia research. 2024. Vol. 271. P. 253-261. DOI: 10.1016/j.schres.2024.07.043 EDN: RIXLER.
7. Hall A.F., Browning M., Huys Q.J.M. The computational structure of consummatory anhedonia // Trends in cognitive sciences. 2024. Vol. 28, № 6. P. 541-553.
8. Рычкова О.В., Соина Н.А., Гуревич Г.Л. Эмоциональный интеллект при шизофрении // Acta Biomedica Scientifica. 2013. Т. 94, № 6. С. 59-64. EDN: RWBMJN.
9. Холмогорова А.Б., Рычкова О.В. Нарушения социального познания – новая парадигма в исследованиях центрального психологического дефицита при шизофрении: монография. – М.: ФОРУМ, 2016. – 288 с. EDN: WLJEBH.
10. Dodell-Feder D. The neural basis of theory of mind and its relationship to social functioning and social anhedonia in individuals with schizophrenia // Neuroimage Clin. 2013. Vol. 4. P. 154-163.
11. McCarthy J.M., Treadway M.T., Blanchard J.J. Motivation and effort in individuals with social anhedonia // Schizophrenia research. 2015. Vol. 165, № 1. P. 70-75.
12. Hanewald B. Functional connectivity in a monetary and social incentive delay task in medicated patients with schizophrenia // Front Psychiatry. 2023. 14:1200860.
13. Beames J.R. Using the experience sampling methodology to measure anhedonia and its correlates in mental health research: A systematic review // Clinical psychology review. 2025. 119:102590.
14. Gard D.E. Anhedonia in schizophrenia: distinctions between anticipatory and consummatory pleasure // Schizophrenia research. 2007. Vol. 93. P. 253-260.
15. Lee T.M.C. The Chinese "Reading the Mind in the Eyes" Test: A study with normal adults, and adults with Asperger syndrome/high-functioning autism // Asian journal of psychiatry. 2023. 89:10378.
16. Stafford O.A. 20-Year Systematic Review of the 'Reading the Mind in the Eyes' Test across Neurodegenerative Conditions // Brain sciences. 2023. Vol. 13, № 9. P. 1268. DOI: 10.3390/brainsci13091268 EDN: GANTDP.
17. Gao Z. Facial Emotion Recognition in Schizophrenia // Front Psychiatry. 2021. Vol. 12. P. 633717.
18. Mandal M.K., Habel U., Gur R.C. Facial expression-based indicators of schizophrenia: Evidence from recent research // Schizophrenia research. 2023. Vol. 252. P. 335-344. DOI:

10.1016/j.schres.2023.01.016 EDN: WJSMZA.
19. Касьянов Е.Д., Рукавишников Г.В., Кибитов А.О., Мазо Г.Э. Валидация шкалы удовольствия Снейта-Гамильтона для оценки ангедонии у пациентов с монополярной депрессией в российской популяции // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 2025. Т. 125, № 7. С. 110-121. DOI: 10.17116/jnevro2025125071110 EDN: GPXHTO.
20. Рычкова О.В., Холмогорова А.Б. Адаптация методики диагностики социальной ангедонии (RSAS) на российской выборке // Консультативная психология и психотерапия. 2016. Т. 24, № 4. С. 62-96. DOI: 10.17759/cpp.2016240404 EDN: XIKMGP.
21. Sandman C.F., Craske M.G. Psychological Treatments for Anhedonia // Current topics in behavioral neurosciences. 2022. Vol. 58. P. 491-513.
22. Farina E.A. Factors Related to Passive Social Withdrawal and Active Social Avoidance in Schizophrenia // The Journal of Nervous and Mental Disease. 2022. Vol. 210, № 7. P. 490-496. DOI: 10.1097/nmd.0000000000001502 EDN: RWKUGJ.
23. Артемьева Е.Ю. Основы психологии субъективной семантики. М.: Наука, 1999.
24. Артемьева Е.Ю. Психология субъективной семантики. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980.
25. Серкин В.П. Психосемантика. М.: Издательство Юрайт, 2024.
26. Robinson M.D., Clore G.L. Episodic and semantic knowledge in emotional self-report: evidence for two judgment processes // Journal of personality and social psychology. 2002. Vol. 83, № 1. P. 198-215. EDN: GXTUFV.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.
Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться здесь.

РЕЦЕНЗИЯ НА СТАТЬЮ
«Возможности психосемантического метода в исследовании социальной ангедонии у больных шизофренией»

Предмет исследования не заявлен автором напрямую, но судя по названию статьи это «возможности психосемантического метода в исследовании социальной ангедонии у больных шизофренией».
Методология исследования построена на классическом подходе, который включает в себя теоретический анализ и обобщение литературных данных по заявленной теме. В нем не предполагается проведение прикладного исследования. Поэтому использование сравнительных методов и методов обобщения литературных и исследовательских данных здесь представляется вполне обоснованным. Автор в статье выделяет основные методологические моменты – актуальность, научную новизну, цель исследования.
В исследовании приняли участие 42 испытуемых, которые были отобраны по возрасту и диагнозу. Их объединяет то, что они проходили лечение в стационаре.
Для работы над целью был применен основной метод – это ассоциативный эксперимент, где респондентам предъявлялись 16 изображений из методики «Чтение психического состояния по глазам». Они должны были называть не менее 5 прилагательных, которые описывали эмоциональное состояние людей на фотографиях (ими были профессиональные актёры).
Также были применены различные психодиагностические методики:
1) «Шкала социальной ангедонии» (Revised Social Anhedonia Scale, RSAS) для оценки уровня социальной ангедонии оценивался с помощью методики (Eckblad et al., 1982;
2) «Шкала социального избегания и дистресса» (Social avoidance and distress scale,

SADS) для оценки социальной мотивации;
3) «Краткая шкала страха негативной социальной оценки» (Brief Fear of Negative Evaluation scale, BFNE) для оценки выраженности иррационального страха;
4) «Торонтская шкала алекситимии» (Toronto Alexithimia Scale, TAS-20-R) для оценки выраженности дефицита способности к дифференцированному пониманию.
Важно отметить, что все методики являются адаптированными отечественными учёными. Для обработки данных использованы статистические методы – анализ средних значений, подсчет процентов, коэффициент корреляции Спирмена,
Актуальность представленной статьи связана с двумя моментами. Во-первых, автор представил работу по очень сложной теме, которая в клинической психологии раскрыта не в полном объеме. Во-вторых, диагностика как первичный этап в работе с больными шизофренией является предметом повышенного внимания практикующих психологов и психотерапевтов. Особенно в связи с трендом на увеличение численности таких больных.
Научная новизна автором не заявлена и по тексту статьи она не обозначена. Но на основании выводов в заключении статьи можно предположить, что новизна опосредована поиском связи социальной ангедонии у больных шизофренией с особенностями субъективной семантической структуры социального опыта.
Стиль, структура, содержание
Статья грамотно структурирована, и несмотря на сложность заявленной темы читается весьма доступно.
Вводная часть обосновывает выбор темы. Автор делает обширный обзор литературы, сравнивая подходы различных авторов к исследованию общей ангедонии. Также в аналитической части статьи представлены 5 групп методов исследования социальной ангедонии – задачи на задержку социального стимула, методы выборки опыта и пр.
В прикладной части исследования автор делает выбор в пользу метода распознавания эмоций на лице. С помощью него он работает над решением цели - изучение особенностей субъективной семантической структуры социального опыта у больных шизофренией и выявить ее связь с выраженностью социальной ангедонии и особенностями социальной мотивации у больных шизофренией.
В практической части статьи представлен групповой семантический профиль, связи социальной ангедонии с различными показателями (трудности идентификации и описания чувств, внешне-ориентированное мышление и пр.).
В заключении автор делает выводы о полученных результатах. Хотелось бы видеть прогноз по использованию результатов исследования в практике работы психологов и психотерапевтов, а также описание дальнейших планов по исследованию.
Оформление статьи и стиль изложения материалы соответствуют требованиям, предъявляемым к научным публикациям.
Библиография
Представлена 26 литературным источником, они на двух языках – английском и русском. Обращает на себя внимание качественный подбор литературных источников. Среди них представлены как фундаментальные работы (Артемьева Е.Ю., Серкин В.П.), так и прикладные работы (Холмогорова А.Б., Рычкова О.В.).
Апелляция к оппонентам – статья рекомендуется к публикации. Она содержит качественный литературный обзор, прикладные результаты, полученные на сложной выборке испытуемых и основана на грамотной методологии,
Выводы, интерес читательской аудитории – статья вызовет интерес читательской аудитории, которые интересуются вопросами психодиагностики, коррекции психических состояний. Интересантами могут быть практикующие психологи, клинические психологи и психотерапевт, а также преподаватели соответствующих психологических дисциплин.

Психология и Психотехника
Правильная ссылка на статью:
Глушкова С.А. Воздействие информационно-коммуникационных платформ на поведение современных подростков // Психология и Психотехника. 2025. № 3. DOI: 10.7256/2454-0722.2025.3.71311 EDN: XIEQOG URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71311

Воздействие информационно-коммуникационных платформ на поведение современных подростков

Глушкова Светлана Александровна

ORCID: 0009-0006-9699-9366

аспирант; кафедра педагогики, психологии и социальной работы; Частное учреждение образовательной организации высшего образования «Омская гуманитарная академия»

644105, Россия, Омская область, г. Омск, ул. Четвертая Челюскинцев, 2А

glushkova.s.a@gmail.com

Статья из рубрики "Понять человека"

DOI:

10.7256/2454-0722.2025.3.71311

EDN:

XIEQOG

Дата направления статьи в редакцию:

21-07-2024

Аннотация: Цифровые технологии стали неотъемлемой частью жизни современных подростков. Помимо развлекательных функций приложения для коммуникаций способны модернизировать образовательный процесс и создать предпосылки для формирования полноценной личности подростка, который адекватно оценивает риски применения информационно-коммуникационных технологий и который способен извлечь положительный опыт для формирования успешной карьеры в будущем. Внедрение информационно-коммуникационных платформ способствовало выявлению особенностей социального поведения среди подростков. В зависимости от интенсивности использования электронных сервисов происходит изменение поведения старших школьников. Целесообразно рассматривать среду интернет-коммуникаций как средство улучшения коммуникативных навыков и развития компенсаторских функций социализации. Цель статьи – выявление взаимосвязи между интенсивностью использования информационно-коммуникационных платформ и особенностями фактического социального поведения подростков. Диагностика уровня

демонстративности О.С. Посыпановой; опросник социальной желательности Д. Кроун, Д. Марлоу; тестирование «Кто Я?» М. Куна, доработанная Т. В. Румянцевой, опросник на выявление локуса контроля Дж. Роттера, анкетирование на выявление поведенческих реакций (авторская методика). Для диагностики внешних характеристик поведения было проведено интервьюирование характерного социального поведения пользователей. В ходе проведенного исследования выяснилось, что подростки с низким уровнем применения приложений коммуникаций нацелены на использование приложения в образовательных целях. Подростки со средней интенсивностью применения приложения делятся своими личными успехами и достижениями, а также коммуницируют по образовательным темам для получения и передачи информации. Высокая активность в приложении среди подростков приводит к формированию обширного круга друзей, администрированию групп и активному участию в различных воспитательных мероприятиях с целью самопрезентации в выгодном ракурсе. Чем интенсивнее подростки используют электронное приложение, тем выраженнее проявляется демонстративное поведение, интенсифицируется социальная желательность, ярче проявляются поведенческие реакции, а также происходит смещение локуса контроля в сторону экстернального. Поскольку присутствие интерактивных платформ для общения растет, следует поощрять здоровое использование информационных ресурсов.

Ключевые слова:

коммуникация, социальное поведение, подростки, приложение сферум, физическое я, рефлексия, селфизм, публикации, изменение внешности, поведенческие реакции

Введение. Стремительная популяризация сервисов интернет-коммуникации сподвигла на организацию дискуссионных площадок и проведение научных исследований. Междисплинарность возникшего вопроса привела многих специалистов к совместной деятельности, например, психологи, философы, филологи, программисты, которые осуществляют попытки осознать сущность привязанности современных подростков к интернет-коммуникациям. В целом стоит отметить, что популярные формы интернет-коммуникаций, например, платформы для обмена мгновенными сообщениями (Сферум, Телеграм, Скайп, Дискорт), важны для подростков в сфере образования с целью совершенствования навыков общения, информирования о ходе образовательного процесса, обмена данными и коммуникации между сверстниками или педагогами.

Стоит отметить, что в редких случаях могут возникать ситуации аддикции с неблагоприятными трансформациями личности подростка. Подростки обладают продвинутым уровнем взаимодействия с технологиями, а также рассматривают коммуникацию в среде Интернет безопасным и естественным средством. Подростки зачастую не осознают весь спектр рисков в силу отсутствия личного опыта [1].

В настоящее время остро стоит проблема замещения реального, непосредственного взаимодействия общения виртуальному. Функциональные возможности мессенджеров обладают понятным интерфейсом, а разнообразие персональных устройств, позволяющих использовать приложения для коммуникации доступны большинству пользователей, что позволяет осуществлять коммуникацию в любом месте и в любое время суток. Между тем в образовательных целях представляется ценным использование групповых форм общения, когда участники сообщества обмениваются данными или сообщениями внутри группы, сохраняя уникальную атмосферу и нормы конфиденциальности.

Интеграция форм интернет-коммуникаций во все сферы человеческой деятельности предоставляет широкие возможности для идентификации личности подростка, самопрезентации талантов и способностей широкой аудитории пользователей. Сформировавшееся толерантное отношение к контенту, публикуемому в интернете, помогает раскрывать скрытые способности, которые трудно реализовать в реальной действительности [2]. Подростки публикуют информацию о своей личной жизни, с радостью делятся своими успехами и достижениями, активно переписываются с одноклассниками и друзьями. В целом следует отметить, что процесс цифровой социализации проходит на высоком уровне среди большинства современных подростков, выражающееся в процессе адаптации формирующейся личности к перспективам и рискам изменчивого социотехнологического общества [3].

В психологии интернет-коммуникаций представлены исследования, нацеленные в большинстве случаев на анализ причин формирования виртуальных личностей и их мотивов (О. Н. Астафьева, Е. П. Белинская, А. Е. Войскунский, А. Е. Жичкина, Н. Л. Сунгурова, С. Гослинг, С. Дж. Рид и др.). В результате было отмечено, что присутствует несовпадение реальных и виртуальных идентичностей пользователей. Однако одна группа ученых отмечает, что диссонанс возникает по причине выражения скрытых и нереализованных сторон Я личности, в свою очередь другие исследователи пришли к выводу, что вариативность самопрезентации отражает изменчивость идентичности в процессе цифровой социализации в современных реалиях [4].

Целью исследования является установление связи между интенсивностью использования информационно-коммуникационных платформ и особенностями фактического социального поведения подростков. Благодаря исследованию представляется возможным выяснить в какой форме коммуникационные платформы, в частности онлайн пространство коммуникации Сферум, регулируют действительное поведение пользователей подросткового возраста.

Предметом исследования: является манифестация социальных паттернов поведения подростков.

Гипотеза исследования: интенсивность применения коммуникационной платформы моделирует стереотипы социального поведения подростков, акцентируя и фиксируя определенные модели поведения, тактики взаимодействия и самопрезентации.

Методы исследования. Анализ социально-психологических специфик проявления индивидуальности пользователей подросткового возраста происходил на основе следующих методик: диагностика демонстративности О.С. Посыпановой; опросник социальной желательности Д. Кроун, Д. Марлоу; тестирование «Кто Я?» М. Куна, доработанная Т. В. Румянцевой, опросник на выявление локуса контроля Дж. Роттера, анкетирование на выявление поведенческих реакций (авторская методика). Для диагностики внешних характеристик поведения было проведено интервьюирование характерного социального поведения пользователей.

Сферум – платформа коммуникации, созданная на базе мессенджера ВКонтакте, под руководством министерства просвещения с целью внедрения безопасного и доступного средства коммуникации среди участников образовательного процесса. Платформа Сферум обладает всеми известными функциями мессенджера: отправка текстовых, голосовых и видео сообщений, взаимодействие в группах и школьных сообществах. Особенностью данной платформы является абсолютная безопасность. Сообщения может

прислать только тот пользователь, который состоит в общих чатах или записан в контактах. Данный сервис был создан российскими программистами в интересах министерства образования. Интеграция с электронным дневником автоматически создает чат с учителем предметником и открывает широкие возможности по реализации образовательной программы.

Результаты исследования. Описание экспериментального исследования начнем с передачи особенностей поведения, характерных для подростков, которые интегрированы в информационно-коммуникационное пространство коммуникационных платформ. Изучив отечественные и зарубежные научные источники, представилось возможным выделить следующие существенные для исследования маркеры социального поведения подростков:

1) Демонстративное поведение;

2) Социальная желательность;

3) Самооценка;

4) Поведенческие реакции.

Организация исследования стартовала с отбора подростков, всего в исследовании приняло участие 99 подростков в возрасте от 15 до 17 лет (средний возраст составил 16.06), среди них 43% подростков женского пола и 57% подростков мужского пола. Базовой теорией возрастной периодизации выбрана теория Д. Б. Эльконина, согласно которой 15-17 лет относится к старшему школьному возрасту, характеризующиеся формированием картины мира, в частности дальнейшей карьеры и ролевых моделей [5].

Анкетирование составило основу для деления интервьюируемых на три спецгруппы в зависимости от интенсивности использования приложения Сферум. Опросный лист состоял из трех видов вопросов: численные показатели (интенсивность использования и публикаций материалов), информативные показатели (задачи коммуникации, нравящаяся проблематика, часто выполняемые действия: публикация материалов таких как фото или видео, предпочтения по выбору публикаций) и аксиологические показатели (присутствие тоски, вызываемые чувства).

Посредством проведения качественного и количественного анализа были выделены отличительные признаки каждой отдельно взятой группы. Группа 1 составляет основу пользователей, которые отличаются высоким уровнем интенсивности применения приложения. Особенностью данной группы является наличие большого количества друзей (среднее значение 159,68), превалирование желания общаться в онлайн пространстве, мониторинг личных данных других пользователей, комментирование постов или высокая активность в групповых чатах, более высокая частота публикации данных на личных страницах.

В состав группы 2 входят пользователи среднего уровня активности, они предпочитают следить за активностью других пользователей или сообществ, намного реже публикуют контент на своих личных страницах (в среднем от месяца до полугода). Данная категория пользователей нацелена на общение со знакомыми людьми, среднее количество друзей составляет 57,1.

Группа 3 представлена пользователями пониженного уровня активности в коммуникационной образовательной платформе. Сообщества или группы используются данной группой пользователей в информационных целях: получение или передача

информации. Обладают закрытым кругом знакомств (в среднем 20,48), с которыми они предпочитают поддерживать личные взаимоотношения как в реальной жизни, так в виртуальном пространстве. Публикации отсутствуют, не обладают необходимостью оставаться на связи или следить за публикациями других пользователей.

Изучение результатов эксперимента продемонстрировало наличие корреляционных связей между интенсивностью использования приложения и фактическим поведением подростков на основании критерия Краскела-Уоллиса. Во-первых, следует отметить наличие зависимости между демонстративным поведением и динамичностью использования приложения Сферум. В состав группирования 1 входят пользователи, которые проявляют демонстративный стиль поведения намного экспрессивнее ($p = 0,018$). Кроме того, выявлено значительная разница между группированиями 1 и 3, так как непараметрическая средняя x_1-x_3 существенно различается (Рисунок 1).

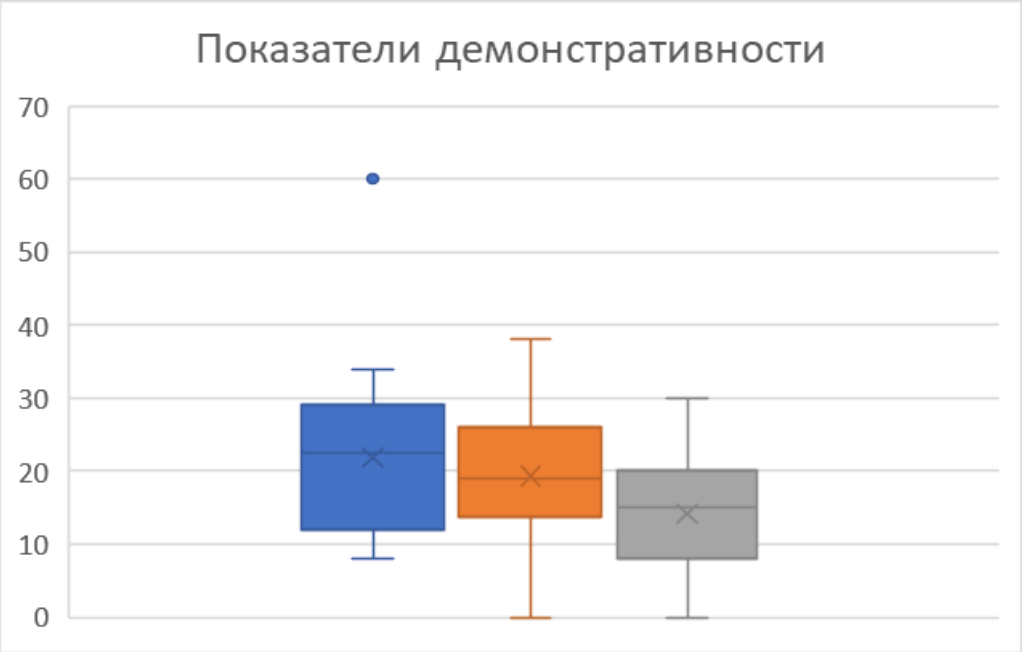

Рисунок 1. Показатели демонстративности в группах

Безусловно, платформы коммуникации представляют собой площадку для демонстрации авторитетности в различных областях профессионального развития, презентации особенностей личной жизни в форме фотографий, видео или постов. Данная форма проявления демонстративности способствует усилению эгоистичности подростков. Модная тенденция селфизма до сих пор является актуальной среди подростков, причем в настоящее время популярно отправлять мини видео обращения в группы или личные сообщения [6]. Феномен селфи побуждает подростков менять свою внешность: яркий макияж, трендовые вещи, стильные стрижки или прически, регулярные визиты к косметологу, мастеру маникюра. Особая тенденция наблюдается в акцентировании внимания на выполненном профессионально сделанном маникюре при публикации контента. Активные участники приложения чаще других делают селфи фотографии (98%), девушки постоянно проверяют внешний вид в форме прихорашивания или смотрятся в зеркало (76%). Несмотря на экспрессивное отношение к внешности подростки осознают взаимосвязь между красотой и здоровьем, поэтому понимают важность здорового образа жизни и стремятся контролировать самочувствие и не прибегают к пагубным привычкам (89%).

Следующая взаимосвязь была выявлена между интенсивностью применения приложения

и социальной желательностью, среди участников группы 1 с высоким уровнем активности является более значимым получение социального одобрения (p<0,01). Используя функционал приложения, пользователь способен сформировать удобный или выгодный образ в зависимости от реакции аудитории, а также получения наград за участие в интеллектуальных конкурсах или воспитательных акциях, челледжах. Так пользователи с высоким уровнем активности всегда открыты к участию в акциях (100%). Результатом такого высокого уровня активности может стать зависимость от получения ответной реакции от других людей, конформизме (Рисунок 2).

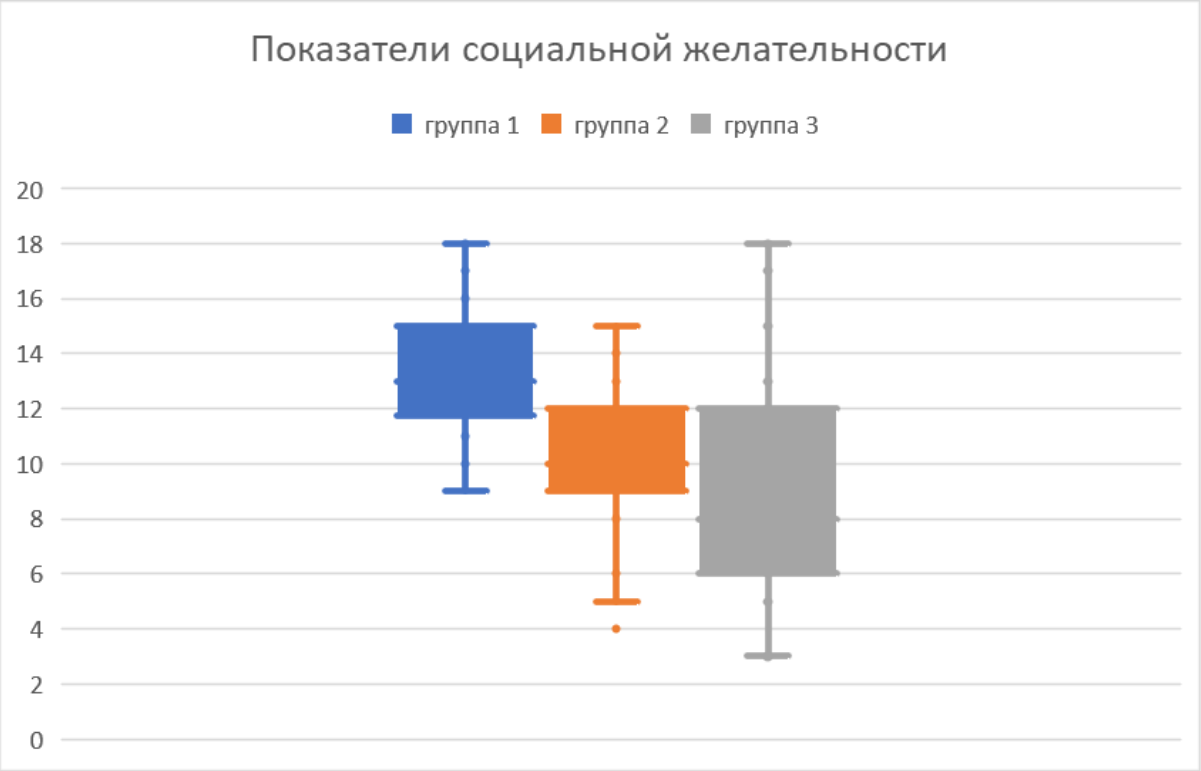

Рисунок 2. Сведения социальной желательности среди групп

Следует признать, что просоциальное поведение активно популяризируется в обществе и образовательных учреждениях, поэтому представители группы 1 с повышенным уровнем активности участвуют в спортивных (рекламирование здорового образа жизни, 67%), патриотических (75%) или благотворительных мероприятиях (48%).

Чем активнее подростки используют приложение для коммуникации, тем значительнее выражены следующие группы ценностей:

1) социальное Я (p <0,001);

2) Коммуникативное Я (p <0,001);

3) Физическое Я (p <0,05);

4) Деятельное Я (p <0,05).

Исходя из полученных данных опросника М. Куна можно сделать выводы, что подростки вовлечены в коммуникацию среди сверстников и педагогами, они уделяют внимание осуществляемой деятельности, которая определенным образом характеризует их модели поведения. Пользователи активно примеряют на себя социальные роли: сын или дочь, брат или сестра, ученик, друг, обладают четкой гендерной позицией. Подростки с большим удовольствием делились своими увлечениями и интересами, проявляли

творческий подход в описании своего физического Я. Группирование 2 и 3 со средним и низким уровнем активности соответственно интенсивнее рефлексировали по поводу различных видов деятельностей, группа 2 набрала 79%, и группа 3 показала 71% пользователей.

Проявление феномена поведенческих реакции показало, в группе с активными пользователями превалировали реакции избежания и достижения результата ($x_{ср}$=4; p <0,05). В группах 2 и 3 преобладают реакции приспособления, достижение результата и избежания ($x_{ср}$=3; p<0,05). Удивительно, но по признаку агрессивные реакции пользователи всех трех групп набрали одинаковое количество ($x_{ср}$=2), поэтому данные реакции сформированы примерно на одинаковом уровне. Наличие идентичных реакции в форме достижения успеха показывает, что каждая из групп пытается достигать результатов и проявлять свои таланты в разных областях: группа с высоким уровнем активности привлекает внимание своими демонстративными действиями, напротив группы со средним и низким уровнем активности стремятся презентовать себя на фоне профессиональной деятельности, что также было выявлено при проведении опросника самооценки М. Куна. Подростки средней и низкой активности чаще задумываются о своем будущем, пытаются выстроить стратегическую линию успеха (p <0,05).

В отношении самооценки опросник выявил адекватную самооценку у представителей группы 2 со средним уровнем активности (Рисунок 3). Локус контроля в данной группе представлен в интернальной форме (52%), что проявляется в успешной коммуникации на платформе с целью решения профессиональных задач, а также успешной коммуникации со сверстниками, проявляя сдержанность во внешнем виде (34%) и интенсивности общения (более 2-х часов в день). Пользователи данной группы 2 полагаются на свои таланты и способности на основе полученного персонального опыта ($x_{ср}$=3; p <0,05).

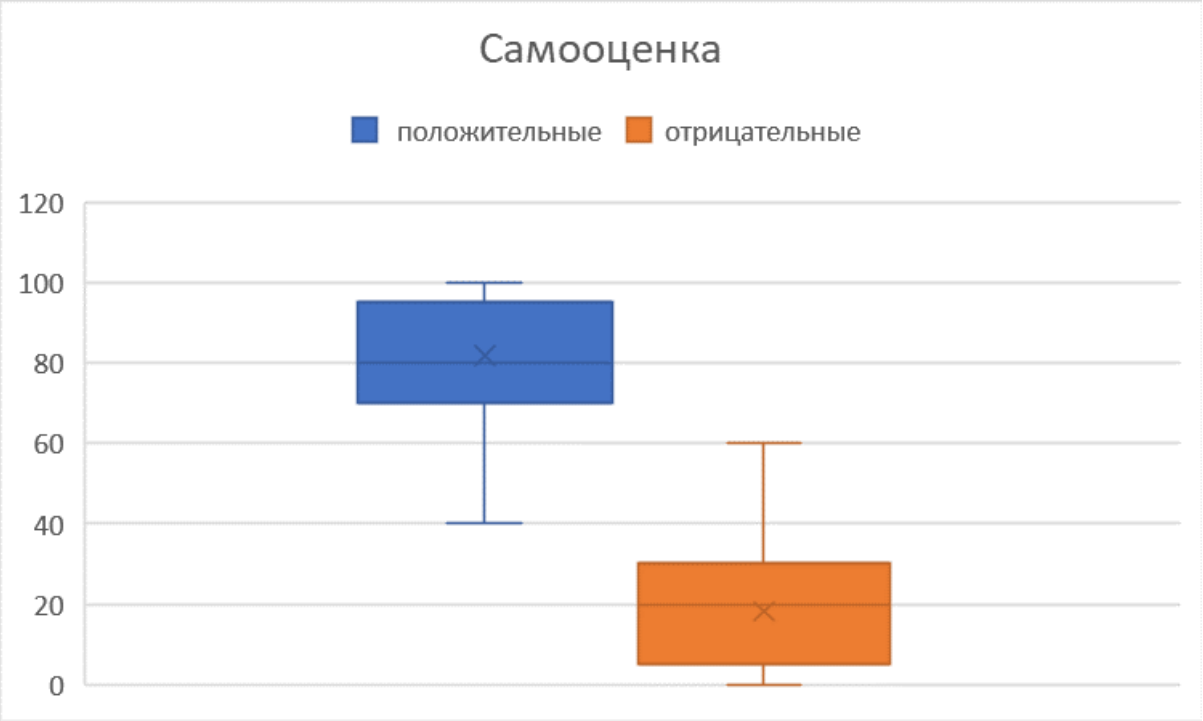

Рисунок 3. Значения самооценки в группе 2 со средней активностью

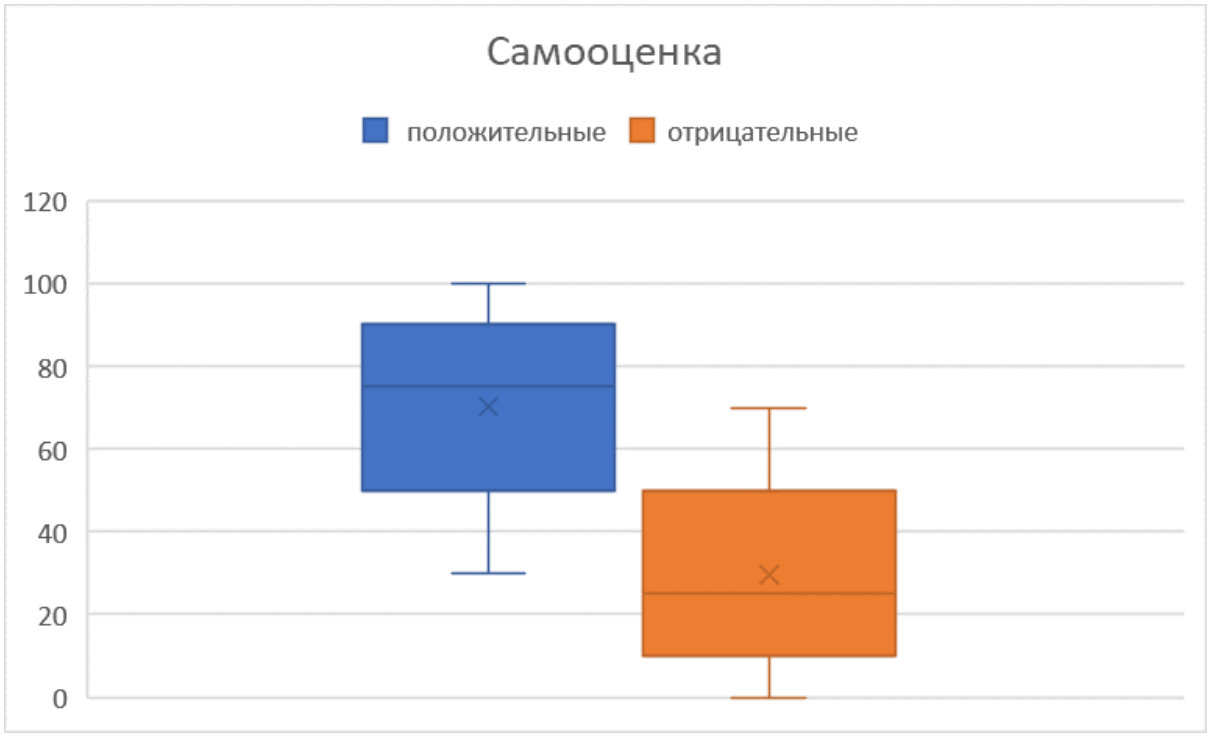

Рисунок 4. Значения самооценки в группе 3 с низкой активностью

Для представителей группы 3 с низким уровнем активности локус контроля сформирован также на интернальном уровне (56%). Несмотря на низкий уровень демонстративности, пользователи данной группы презентуют свои таланты в форме использования интерактивных инструментов общения в форме смайликов или эмотиконов, а также платформы другое дело, где пользователи могут проявлять свои таланты на интеллектуальном уровне (r=0,58). Подростки проводят не более 2-х часов за несколько дней на платформе. Публикации материалов на личной странице отсутствует, они не занимаются изменением внешности и не претендуют на роль администратора группы (0%). Согласно Рисунку 4 самооценка является адекватной (x_{cp}= 72,5; p <0,05), а поведенческие реакции коррелируют с применением платформы другое дело (r=0,44), таким образом достижение успехов и получение результата достигается за счет упорного труда и интеллектуальной деятельности.

Выводы. Проведенное исследование демонстрирует взаимосвязь между формами интернет-коммуникаций и сформировавшимися моделями поведения среди подростков. Высокая интенсивность использования интернет-коммуникации приводит к интенсификации демонстративного поведения, конформизму и получению одобряемых реакций других пользователей, а также способствует изменению внешнего образа подростка, что в свою очередь отрицательно влияет на дельнейший перспективы на профессиональном и личностном уровне развития. В свою очередь подростки со средним и низким уровнем активности рефлексируют по поводу семейных ценностей и деятельностных перспектив. Подростки с низким уровнем активности имеют ограниченный круг лиц для общения и взаимодействия, а пользователи со средним уровнем активности сосредоточены на получение опыта с целью достижения поставленной цели, особенно на этапе рефлексии [8]. Адекватное применение интернет-коммуникаций позволяет популяризировать просоциальные формы поведения, когда подростки стремятся следовать тенденции вести здоровый образ жизни, участвовать в акциях, воспитательных мероприятиях, оказывать информационную помощь и поддержку другим пользователям [7]. Следует сосредоточиться на особенностях социального

поведения подростков с высоким уровнем активности на платформе коммуникации и оказывать адресную поддержку в форме проведения личных консультаций или групповых занятий, нацеленных на акцентуализацию взаимодействия в реальной жизни.

Библиография

1. Moreno Megan A, Binger K., Minich M., Zhao Q. Adolescent digital technology interactions and importance: associations with depression and well-Being // Cyberpsychology, behaviour and social networking, 2022. № 25(4). doi:10.1089/cyber.2021.0294
2. Ильин А.Н. Тенденция к демонстративности в обществе потребления // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2022. № 4 (15). С. 39-51.
3. Солдатова Г.У., Войскунский А.Е. Социально-когнитивная концепция цифровой социализации: новая экосистема и социальная эволюция психики // Психология. Журнал ВШЭ. 2021. № 3. С. 431-450.
4. Руденко Е.С. Виртуальная коммуникация как психологический феномен // Научный результат. Педагогика и психология образования. 2020. № 2. С. 50-54.
5. Нечаев Н.Н. О новом подходе к языку и речевой деятельности в условиях цифровизации // Психологическая газета. 2020. № 6. С. 19-34.
6. Павлова Н. В., Филиппова Е. В. Феномен селфи и его психологический смысл для современного подростка // Консультативная психология и психотерапия. 2022. Том 30, № 1. С. 109-131.
7. Демин П. Н. Риски и возможности онлайн-социализации подростков и молодежи // Ценности и смыслы. 2022. № 3 (79). С. 76-85.
8. Залевская М.А. Возрастная периодизация в Российской федерации в современных условиях // Международный научно-исследовательский журнал. 2020. № 12-3 (102). С. 17-21.
9. Карпов А. В., Карпова Е. В., Маркова Е. В. Локус контроля как фактор метакогнитивной сферы личности и его специфика в образовательной деятельности // Перспективы науки и образования. 2022. № 3 (57). С. 402-421.
10. Al-Ansi A.M., Hazaimeh M., Hendi A., AL-hrinat J., Adwan G. How do social media influencers change adolescents' behaviour? Evidence from middle east countries // Heliyon. 2023. № 9 (5). URL: https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2023.e15983.
11. Bauman S., Perry V. M., Wachs S. The rising threat of cyberhate for young people around the globe // Child and Adolescent Online Risk Exposure / Eds. M.F. Wright, L.B. Schiamberg. London: Academic Press. P. 2021. Pp. 149-175. doi:10.1016/B978-0-12-817499-9.00008-9
12. Bergmann M. C., Baier D. Prevalence and Correlates of Cyberbullying Perpetration. Findings from a German Representative Student Survey // International journal of environmental research and public health. 2018. № 15 (2). 13 p. doi:10.3390/ijerph15020274
13. Betts L. R., Spenser K. A., Gardner S. E. Adolescents' involvement in cyber bullying and perceptions of school: The importance of perceived peer acceptance for female adolescents // Sex Roles. 2017. № 77 (7-8). Pp. 471-481. doi:10.1007/s11199-017-0742-2
14. Hsu Michelle S. H., Rouf A., Allman-Farinelli M. Effectiveness and behavioral mechanisms of social media interventions for positive nutrition behaviours in adolescents: a systematic review // Journal of adolescent health. 2018. № 63(5). Pp. 531-545.
15. Lou C., Kim H. K. Fancying the new rich and famous? Explicating the roles of influencer content, credibility, and parental mediation in adolescents' para-social relationship, materialism, and purchase intentions // Frontiers in Psychology. 2019. № 10. doi: https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.02567
16. Nahidh M., Al-Khawaja N. F. K, Jasim H. M., Cervino G., Cicciù M., Minervini G. The role of social media in communication and learning at the time of COVID-19 lockdown - an

online survey // Dentistry Journal. 2023. № 11(2):48. doi: https://doi.org/10.3390/dj11020048
17. Nesi J. The impact of social media on youth mental health: challenges and opportunities // North Carolina Medical Journal. 2020. № 81 (2). Pp. 116-121.
18. Simonson M. Social Media and Online Learning: Pros and Cons // Distance Learning. 2023. № 20 (4). Pp. 59-61.
19. Tao Z., Sun L. The influence of internet celebrities on the mainstream values of college students: evidence from Beijing questionnaire // 6th International conference on social science and higher education. Atlantis Press. 2020. Pp. 872-876. doi: 10.2991/assehr.k.201214.166
20. Vasyura S.A., Kuzmina O.V., Maletova M.I. Internet Communications: time phenomenon in online activity // Education and self-development. 2020. № 15 (4). doi: 10.26907/esd15.4.03

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.
Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться здесь.

Рецензия на статью «Воздействие информационно-коммуникационных платформ на поведение современных подростков»

Предмет исследования – в статье не обозначен. Можно предположить, что предмет заявлен в цели исследования - установление связи между интенсивностью использования информационно-коммуникационных платформ и особенностями фактического социального поведения подростков.
Методология исследования построена на традиционных методах психологического исследования. В первой части есть короткое описание важности подхода и темы. К сожалению, автор несколько вольно использует термины (например, «поколение Альфа»), что снижает качество теоретического обзора.
Прикладная часть в исследовании проведена на выборке из 99 подростков в возрасте от 15 до 17 лет. Респонденты были разделены на 3 группы в зависимости от активности и интенсивности использования приложения Сферум.
Для прикладной части исследования применен пакет психодиагностических методик:
- диагностика демонстративности О.С. Посыпановой;
- опросник социальной желательности Д. Кроун, Д. Марлоу; тестирование «Кто Я?» М. Куна, доработанная Т. В. Румянцевой,
- опросник на выявление локуса контроля Дж. Роттера,
- анкетирование на выявление поведенческих реакций (авторская методика);
- интервьюирование характерного социального поведения пользователей.
Методы математической обработки, которые применил автор, ограничены анализом средних значений, процентным соотношением. Также проанализированы отклонения по показателям в группах, но автором не заявлен метод, который для этого использован.
Актуальность представленной статьи не вызывает сомнения. Интерес к изучению применения новых образовательных цифровых платформ и пользовательских моделей поведения сейчас является очень высоким. Для формирования адекватной модели поведения в онлайне взрослого человека важно заложить модель поведения уже в школьном возрасте.
Научная новизна потенциально связана с заявленной темой, что позволяет проанализировать модель поведения при использовании цифровых платформ.

Стиль, структура, содержание
Статья имеет традиционную структуру – вводная, основная и заключительная части.
Вводная часть обосновывает выбор темы. Она достаточно проработана.
В основной части статьи автор описывает методологию проведенного исследования и его результаты. К сожалению, описание результатов не сопровождается графическими материалами. Учитывая обширную выборку и сравнение трех групп, важно представить данные в сравнительных таблицах, графиках и диаграммах. Без визуализации и представленных статистических данных сложно понять интерпретируемые результаты.
Вывод, который делает автор по результатам исследования не совсем соотносится с заявленной гипотезой. Так, в выводе отсутствуют данные о стереотипах социального поведения подростков, моделях поведения, тактиках взаимодействия и самопрезентации.
Стиль изложения материала соответствует требованиям научности и доступности.
Библиография
Насчитывает 20 наименование литературных источников, большинство из которых статьи в журналах и публикации в сборниках конференций.
Апелляция к оппонентам – статья частично соответствует требованиям, предъявляемым к статьям для публикации в журналах из перечня ВАК, и рекомендуется к исправлению по завяленным в рецензии замечаниям. Важно представить результаты в таблицах и графиках, соотнести выводы с гипотезой и целью.
Выводы, интерес читательской аудитории – после исправления недостатков статья вызовет интерес читательской аудитории, заинтересованной в изучении личностных особенностей. Она будет полезна широкому круг лиц - психологам, преподавателям, учителям.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.
Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться здесь.

Предметом исследования в представленной статье является воздействие информационно-коммуникационных платформ на поведение современных подростков.
В качестве методологии предметной области исследования в данной статье были использованы метод анализа, метод категоризации, дескриптивный метод, а также следующие методики; «диагностика демонстративности О.С. Посыпановой; опросник социальной желательности Д. Кроун, Д. Марлоу; тестирование «Кто Я?» М. Куна, доработанная Т. В. Румянцевой, опросник на выявление локуса контроля Дж. Роттера, анкетирование на выявление поведенческих реакций (авторская методика)» и интервьюирование. Для обработки полученных данных применялись методы математической статистики.
Актуальность статьи не вызывает сомнения, поскольку цифровизация, активное внедрение информационных технологий в повседневную жизнь, доступность средств Интернет-коммуникации и связанные с этим социальные изменения оказывают значительное влияние на поведение людей, особенно, на поведение подростков, которые являются наиболее активными пользователями социальных сетей, мессенджеров, образующих разнообразные современные информационно-коммуникационные платформы.
Научная новизна исследования заключается в проведении по авторской методике изучения «связи между интенсивностью использования информационно-коммуникационных платформ и особенностями фактического социального поведения

подростков» на примере платформы Сферум. В исследовании приняли участие 99 человек подросткового возраста (от 15 до 17 лет).

Статья написана языком научного стиля с очень грамотным использованием в тексте исследования изложения различных позиций ученых к изучаемой проблеме и применением терминологии, характеризующей предмет исследования, а также подробным описанием полученных результатов исследования.

Структура выдержана с учетом основных требований, предъявляемых к написанию научных статей. В структуру данного исследования входят такие элементы, как введение, методы исследования, результаты исследования, выводы и библиография.

Содержание статьи отражает ее структуру. Особую ценность представляет авторский акцент на изучении основных маркеров социального поведения подростков, а именно, демонстративное поведение; социальная желательность; самооценка и поведенческие реакции. Результаты исследования этих маркеров наглядно представлены в рисунках.

.

Библиография содержит 20 источников, включающих в себя отечественные и зарубежные преимущественно периодические издания.

В статье приводится описание различных позиций и точек зрения известных ученых, характеризующих подходы и различные аспекты к пониманию воздействия информационно-коммуникационных платформ на поведение современных подростков, а также содержится апелляция к различным научным трудам и источникам, посвященных этой тематике, которая входит в круг научных интересов исследователей, занимающихся указанной проблематикой.

В представленном исследовании содержатся выводы, касающиеся предметной области исследования. В частности, отмечается, что «проведенное исследование демонстрирует взаимосвязь между формами интернет-коммуникаций и сформировавшимися моделями поведения среди подростков. Высокая интенсивность использования интернет-коммуникации приводит к интенсификации демонстративного поведения, конформизму и получению одобряемых реакций других пользователей, а также способствует изменению внешнего образа подростка, что в свою очередь отрицательно влияет на дельнейший перспективы на профессиональном и личностном уровне развития. Адекватное применение интернет-коммуникаций позволяет популяризировать просоциальные формы поведения, когда подростки стремятся следовать тенденции вести здоровый образ жизни, участвовать в акциях, воспитательных мероприятиях, оказывать информационную помощь и поддержку другим пользователям. Следует сосредоточиться на особенностях социального поведения подростков с высоким уровнем активности на платформе коммуникации и оказывать адресную поддержку в форме проведения личных консультаций или групповых занятий, нацеленных на акцентуализацию взаимодействия в реальной жизни».

Материалы данного исследования рассчитаны на широкий круг читательской аудитории, они могут быть интересны и использованы учеными в научных целях, педагогическими работниками в образовательном процессе, руководителями образовательных организаций, кураторами, классными руководителями, социальными педагогами, социологами, психологами, экспертами и аналитиками.

В качестве недостатков данного исследования следует отметить, что в тексте статьи представлены рисунки, однако, при их оформлении необходимо обратить внимание на требования действующего ГОСТа. В тексте статьи встречаются незначительные технические ошибки и опечатки (например, при написании слов). Возможно, текст статьи целесообразно было бы дополнить обобщающим заключением, а не ограничиваться только краткими выводами. Указанные недостатки не снижают высокую научную и практическую значимость самого исследования, а скорее относятся к оформлению

текста статьи. Статью рекомендуется опубликовать.

Психология и Психотехника
Правильная ссылка на статью:
Харитонов И.Ю., Селиванов В.В. Психосемантика как метод изучения бессознательных установок в контексте решения комплексных задач // Психология и Психотехника. 2025. № 3. DOI: 10.7256/2454-0722.2025.3.76006
EDN: UWFCTE URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76006

Психосемантика как метод изучения бессознательных установок в контексте решения комплексных задач

Харитонов Игорь Юрьевич

преподаватель; институт экспериментальной психологии; Московский государственный психолого-педагогический университет
аспирант; институт экспериментальной психологии; Московский государственный психолого-педагогический университет
Младший научный сотрудник; Лаборатория "Интеллектуальных и виртуальных событий"; Московский государственный психолого-педагогический университет

142710, Россия, Московская обл., г. Видное, пгт. Лопатино, ул. Сухановская, д. 8, кв. 53

exisai@mail.ru

Селиванов Владимир Владимирович

ORCID: 0000-0002-8386-591X

доктор психологических наук

профессор; институт иностранных языков, современных коммуникаций и управления; Московский государственный психолого-педагогический университет
профессор, зав. кафедрой; кафедра "Общая психология"; Смоленский государственный университет
Заведующий лабораторией ; Лаборатория "Интеллектуальных и виртуальных событий"; Московский государственный психолого-педагогический университет

214036, Смоленская обл, Смоленск г, Рыленкова ул, дом № 42, кв. 123

selivanovvv@mgppu.ru

Статья из рубрики "СОЗНАТЕЛЬНОЕ И БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ"

DOI:

10.7256/2454-0722.2025.3.76006

EDN:

UWFCTE

Дата направления статьи в редакцию:

25-09-2025

Аннотация: Статья посвящена исследованию бессознательных установок, формирующих когнитивные паттерны восприятия и решения комплексных задач в условиях

неопределённости. Актуальность работы определяется необходимостью преодоления ограничений традиционных моделей, фокусирующихся на осознанных стратегиях, и переходом к анализу имплицитных факторов, существенно детерминирующих успешность интеллектуальной деятельности. Особое внимание уделяется ситуациям, требующим творческого подхода, где неосознаваемые смысловые структуры сознания выступают ключевым фильтром интерпретации проблемного поля. В основе исследования лежит психосемантическая парадигма, позволяющая реконструировать глубинные критерии оценки через анализ субъективных семантических пространств. Этот подход обеспечивает операционализацию имплицитных ожиданий субъекта до начала решения задачи, выявляя скрытые координаты, которые формируют предвосхищающий образ проблемы, задают траекторию поиска решений и опосредуют взаимодействие аффективных и когнитивных компонентов мышления. Основным методом выступил лабораторный эксперимент с использованием авторского семантического дифференциала (17 биполярных шкал), адаптированного для оценки восприятия задачи. Выборка составила 72 респондента (18–44 года). Для обработки данных применялся факторный анализ (метод главных осей с вращением «облимин»), корреляционный и графический анализ. Был разработан и апробирован валидный инструмент для диагностики бессознательных установок по отношению к задаче. Выявлена структура семантического пространства «задачи», ключевыми измерениями которого являются «Эмоционально-мотивационная привлекательность» (32% дисперсии, α=0,938) и «Структурная ясность и творческий потенциал» (20% дисперсии, α=0,864), находящиеся в сильной положительной связи (r=0,850). Установлено, что «идеальная» и «нежелаемая» задачи занимают семантически противоположные позиции в данном пространстве. Полученные результаты вносят вклад в понимание единства аффективных и когнитивных процессов при восприятии проблемной ситуации. Теоретическая значимость работы заключается в разработке контекстно-специфичного инструмента, а практическая – в выявлении имплицитных критериев, которыми субъекты бессознательно руководствуются при оценке и выборе стратегий решения, что открывает возможности для оптимизации организации творческой деятельности. Показано, что семантическое пространство задачи не универсально и отражает взаимодействие объективных характеристик задачи и субъективных когнитивных стилей.

Ключевые слова:

интеллектуальное событие, психосемантика, семантический дифференциал, бессознательная установка, восприятие задачи, семантическое пространство, эмоционально-мотивационная привлекательность, структурная ясность, бессознательное, сознание

Исследование осуществляется при финансовой поддержке РНФ, проект № 25-18-00885 «Реальное и виртуальное интеллектуальное событие при решении комплексных проблем».

Введение

Ключевой научной проблемой современной психологии остается изучение бессознательных процессов, которые, будучи недоступными прямому наблюдению, продолжают детерминировать поведение, восприятие и принятие решений человека. Актуальность исследований в этой области обусловлена необходимостью понять скрытые механизмы адаптации, научения и формирования установок, что имеет фундаментальное

значение для психологической практики, образования и социальных наук в целом. Особый интерес представляет онтологическая первичность интеллектуального события, которое, как отмечается в работах В. А. Барабанщикова [3], основывается на перцептивном событии динамической системе, пришедшей на смену статичным понятиям «перцептивная система» и «гештальт». Перцептивный процесс, выстраивающийся на основе познавательного отношения, создает основу для бессознательного формирования установки - целостного состояния готовности субъекта, сформированного прошлым опытом. Именно эта установка, возникающая до предъявления явных условий задачи, определяет стратегию и направленность последующего интеллектуального решения, что подчеркивает неразрывную связь между неосознаваемыми перцептивными процессами и осознанной когнитивной деятельностью. Таким образом, изучение бессознательного позволяет раскрыть базовые механизмы организации психической жизни, выявив скрытые детерминанты, лежащие в основе восприятия, мышления и действия.

Традиционно, бессознательное изучается в категориях психоанализа, развиваемых ещё З. Фрейдом [16], который рассматривал его как хранилище вытесненных желаний, травм и конфликтов, проявляющихся через невротические симптомы, ошибочные действия и сновидения. Классические методы, такие как анализ свободных ассоциаций, интерпретация сновидений и анализ переноса, направлены на реконструкцию скрытых содержаний через вербальные и символические проявления. Современные психоаналитические исследования акцентируют роль бессознательных установок в формировании межличностных отношений и психопатологии, используя качественный анализ клинических случаев для выявления паттернов защиты и проекции. Например, изучение трансферных процессов позволяет раскрыть, как детские переживания бессознательно влияют на текущее поведение. Несмотря на субъективный характер интерпретации, эти методы остаются ключевыми для понимания смысловой организации бессознательного.

В отличие от психоанализа, нейропсихологический подход фокусируется на объективных коррелятах бессознательных процессов, используя методы нейровизуализации (фМРТ, ПЭТ) и психофизиологические измерения (ЭЭГ, кожно-гальваническая реакция). Эти технологии позволяют изучать имплицитное научение, автоматизированные навыки и неосознаваемую обработку стимулов на уровне мозговой активности. Например, исследования субсенсорных реакций и фиксированных установок [12-13] демонстрируют роль базальных ганглиев и префронтальной коры в бессознательной регуляции поведения. Кроме того, нейропсихоанализ интегрирует психоаналитические концепции с данными о нейронных сетях, исследуя бессознательные аспекты принятия решений и эмоционального реагирования [15]. Такие методы применяются в клинической психологии (реабилитация после черепно-мозговых травм), когнитивной нейронауке (изучение прайминг-эффектов) и экономике (анализ неосознаваемых потребительских предпочтений).

Психосемантика позволяет на ранних этапах математической обработки выявлять значимые взаимосвязи категорий сознания, в том числе бессознательные. По мере усложнения математических процедур [5-7] появляется возможность определить силу связей между компонентами, выявить когнитивные "склейки" и имплицитные структуры, о которых человек не догадывается. Сознание предстает как многоуровневая система, содержащая как осознаваемые, так и бессознательные компоненты, что позволяет решать задачу изучения структуры сознания, поставленную ещё Л. С. Выготским и А. Н.

Леонтьевым [4,12]. Метод семантических пространств дает наглядное представление о категориальном составе сознания через математически структурированные элементы.

Психосемантический метод эффективен для изучения обыденного сознания, но мало исследует процесс осознания. Одним из перспективных подходов является многократное тестирование через временные промежутки для изучения динамики сознания [9]. Эксперимент с оценкой суждений о смысле жизни и смерти показал, что после лекции и обсуждения у студентов возросла когнитивная сложность и дифференцированность представлений. Изменения фиксировались на уровне "микродвижений" и когнитивных склеек, отражающих бессознательные изменения мировоззрения.

В целом, научная новизна исследования определяется разработкой нового инструментария (авторский СД) для диагностики бессознательных компонентов интеллектуального события и получением новых данных о структуре семантического пространства задачи. Впервые показано, что ключевыми измерениями, организующими это пространство, являются эмоционально-мотивационная привлекательность и структурная ясность, находящиеся в отношении тесной взаимосвязи. Описана нелинейность восприятия: для части испытуемых чрезмерно высокая структурная ясность и привлекательность задачи могут выступать барьером для творчества, что требует пересмотра упрощенных представлений о детерминантах интеллектуальной активности.

Материалы и методы

Основной целью исследования является разработка метода изучения бессознательных установок субъекта в процессе функционирования мышления и актуализации его творческого потенциала

Основным методом являлся лабораторный эксперимент. В исследовании применялись следующие методики.

1 . Авторский семантический дифференциал (СД) восприятия «задачи» состоит из 17 биполярных шкал; измеряет восприятие задач по двум ключевым факторам: «Эмоциональная и мотивационная привлекательность» (приятность, интерес, полезность) и «Структурная ясность и творческий потенциал» (понятность, разрешимость, возможности для творчества); применялся для оценки конструктов: «идеальная задача», «худшая задача».

Полноценное исследование проводилось в формате online, при помощи сервиса Google Forms. Данные хранились в Microsoft Excel. Обработка данных проводилась при помощи математико-статистической программы IMB SPSS v 26.0 for Windows. Выборка составила 72 человека в возрасте от 18 до 44 лет (53% мужчины, 47% женщины).

Непосредственно сам эксперимент включал следующие этапы.

1 Предварительно-диагностический. При помощи биполярных пар прилагательных респонденты давали ответ на два утверждения: «Идеальная задача, в которой я проявлю весь свой творческий потенциал должна быть» и «Задача, которая полностью ограничивает ваш творческий потенциал, должна быть...».

2 После чего необходимы было ответить на диагностический блок методик, который включал методику «Рациональный - Опытный» и «Тест творческой самоэффективности».

3 Прогностический. Испытуемые оценивают предстоящую задачу, до того, как увидят её (т.е. без чёткого понимания того, какая задача будет перед ними поставлена). Оценка

производится при помощи биполярных шкал, которые являются ответом на утверждение «На мой взгляд, предстоящая задача будет:».

4 Основной. Далее испытуемые решают задачу.

5 После решения задачи, испытуемые оценивают задачу при помощи тех же биполярных шкал, но в качестве утверждения, на которое респонденты дают ответ становится «На самом деле эта задача была:».

6 Завершающий. Шаги 4-7 повторяются до тех пор, пока не будет решена последняя задача. Эксперимент заканчивается.

Обработка ответов респондентов была унифицирована, посредством следующего алгоритма: общий список ответов, присвоение ответам балла оригинальности…

Результаты

Разработка семантического дифференциала отношения к «задаче»

Проведенный факторный анализ (KMO = 0,893, критерий сферичности Бартлетта <0,001), с методом извлечения «факторизация главной оси» в сочетании с вращением «облимин» (см.таблицу 1) выявил следующие результаты.

Проведение факторного анализа методом извлечения «Факторизация главной оси» с вращением «облимин» было выделено 3 фактора, объясняющие 58,2% совокупной дисперсии.

Первый фактор, объясняющий 32% дисперсии (а = 0,938) был проинтерпретирован нами, как «Эмоционально-мотивационная привлекательность задачи». Он объединяет аффективные и регуляторные аспекты. При высоких оценках по шкале задача оценивается как приятная, мотивирующая, интересная, красивая, дружественная, полезная, открытая. При низких оценках по шкале задача оценивается как неприятная, демотивирующая, скучная, некрасивая, враждебная, бесполезная, закрытая.

Таблица 1/Table 1

Результаты факторного анализа семантического дифференциала восприятия задачи

Results of factor analysis of the semantic differential of the perception task

Биполярная пара/ Bipolar couple	**1 фактор/ 1 factor**	**2 фактор/ 2 factor**	**3 фактор/ 3 factor**
Неприятная-Приятная/ Unpleasant-Pleasant	0.916		
Демотивирующая- Мотивирующая/ Demotivating - Motivating	0.910		
Нежеланная-Желанная/ Unwanted-Wanted	0.835		
Скучная-Интересная/ Boring-Interesting	0.792		

Некрасивая-Красивая/ Ugly-Beautiful	0.780		
Бесполезная-Полезная/ Useless-Useful	0.711		
Враждебная-Дружественная/ Hostile-Friendly	0.538		
Закрытая-Открытая/ Closed-Open	0.475		
Напряженная-Спокойная/ Tense-Calm	0.426		
Доступная для моего понимания-Недоступная для моего понимания/ Available to my understanding - Inaccessible to my understanding		0.797	
Разрешимая-Неразрешимая/ Solvable-Unsolvable		0.796	
Определенная-Неопределенная/ Definite-Indefinite		0.727	
Логическая-Нелогическая/ Logical-Illogical		0.668	
Творческая-Нетворческая/ Creative-Non-creative		0.485	
Гибкая-Жёсткая/ Flexible-Rigid		0.447	
Имеет временные рамки-Не имеет временные рамки/ Has a time frame - Does not have a time frame			0.639
Срочная-Несрочная/ Urgent-Non-urgent			0.598
Объясненнаясовокупнаядисперсия/Explained total variance	**32,3**	**20,1**	**5,8**
Альфа Кронбаха/ Cronbach's Alpha	**0,938**	**0,864**	**0,561**

Проведение факторного анализа методом извлечения «Факторизация главной оси» с вращением «облимин» было выделено 3 фактора, объясняющие 58,2% совокупной дисперсии.

Первый фактор, объясняющий 32% дисперсии (а = 0,938) был проинтерпретирован нами, как «Эмоционально-мотивационная привлекательность задачи». Он объединяет аффективные и регуляторные аспекты. При высоких оценках по шкале, задача оценивается как приятная, мотивирующая, интересная, красивая, дружественная, полезная, открытая. При низких оценках по шкале, задача оценивается как неприятная,

демотивирующая, скучная, некрасивая, враждебная, бесполезная, закрытая.

Второй фактор, объясняющий 20% дисперсии (а=0,864) был проинтерпретирован нами, как «Структурная ясность и творческий потенциал задачи». Он интегрирует параметры когнитивной обработки и инновационного потенциала. При высоких оценках по шкале, задача оценивается как доступная для понимания, разрешимая, определенная, логическая, творческая, гибкая. При низких оценках по шкале, задача оценивается как недоступная для понимания, неразрешимая, неопределенная, нелогическая, нетворческая.

Третий фактор, объясняющий 6% (а = 0,561) был проинтерпретирован нами, как «Временная неограниченность задачи» При высоких оценках по шкале, задача оценивается как срочная, имеющая временные рамки. При низких оценках по шкале, задача оценивается как несрочная, не имеющая временные рамки.

Важным, на наш взгляд, является особенность вращения Облимин для проведенного анализа, в меру учёта возможности корреляции факторов между собой. Так, между показателем «Эмоционально-мотивационная привлекательность задачи» и показателем «Структурная ясность и творческий потенциал задачи» была обнаружена значимая сильная взаимосвязь (0,850). Обнаруженная сильная положительная корреляция (r=0.850) эмпирически подтверждает фундаментальную психологическую идею: «Существует очень сильная положительная ассоциация между восприятием задачи как структурно ясной и творческой и восприятием ее как эмоционально привлекательной и мотивирующей. Задачи, оцениваемые высоко по одному из этих факторов, с очень высокой вероятностью будут оценены высоко и по-другому». Данная связь представляет единство эмоциональных и когнитивных процессов.

Смысловая детерминация творческого выбора: эмоционально-структурные координаты идеальных и нежелаемых задач

Для проверки нашей гипотезы о том, что идеальная задача и наименее предпочтительная для актуализации творческого потенциала задача будут иметь чёткое координатное расположение на осях эмоциональной привлекательности и структурной ясности, построим график рассеивания (см. рисунок 1).

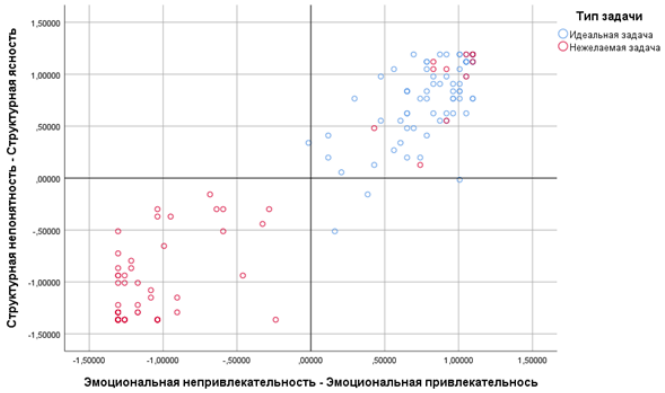

Рис.1 График расположения идеальной и нежелаемой задачи семантическом пространстве в проекциях на оси эмоциональной привлекательности и структурной ясности

Fig.1. Graph of the location of the ideal and undesirable task in semantic space in projections on the axes of emotional appeal and structural clarity

Как мы видим по рисунку 1, действительно выстраивается чёткий паттерн оценивания задач на координатной плоскости. Верхний правый квадрат отражает полюс эмоционально-мотивационной привлекательности и структурной ясности и творческого потенциала. В этой области сгруппированы практически все оценки идеальной для актуализации творческого потенциала задачи. С другой стороны, нижний левый блок, отражает полную противоположность данному полюсу и выражает эмоционально-мотивационную непривлекательность и структурную непонятность. Здесь в большей степени сгруппированы наименее предпочтительный для актуализации творческого потенциала задачи.

Обсуждение результатов

Разработка авторского семантического дифференциала (СД) для изучения восприятия (или даже предвосприятия) задачи представляет собой важный методологический инструмент в исследовании сложного феномена интеллектуального события и роли бессознательных установок. В отличие от классического семантического дифференциала Ч. Осгуда [5], ориентированного на универсальные факторы (оценка, сила, активность), авторская методика позволяют адаптировать шкалы к специфическим контекстам, таким как оценка когнитивных и эмоциональных аспектов задачи. Разрабатывая авторский семантический дифференциал, мы опирались на методику «Семантический дифференциал жизненной ситуации» [1], но изменили её временной ракурс, перенеся фокус с ретроспективного оценивания тяжелых ситуаций из прошлого на актуальное и прогностическое оценивание любых комплексных задач, чтобы соответствовать современным международным научным трендам. Например, исследования в рамках Event Segmentation Theory Дж. М. Зака[19] демонстрируют, как предвосприятие и прогнозирование влияют на сегментацию событий, что подчеркивает необходимость учета контекстно-специфичных и процессуальных параметров, таких как «владение ситуацией», «эмоциональное переживание» и «позитивное ожидание».

Использование авторского СД позволяет количественно оценить вклад имплицитных процессов через математико-статистический аппарат (факторный анализ, многомерное шкалирование), обеспечивая связь между психосемантическими методами и современными нейрокогнитивными теориями. Такой подход не только расширяет методологические возможности исследования установок, но и обеспечивает валидное измерение сложных конструктов, отражающих специфику интеллектуальной деятельности.

Таким образом, применение разработанного нами СД в реальной экспериментальной практике позволило определить то, что «идеальная» и «худшая» задачи для творчества занимают семантически противоположные позиции в семантическом пространстве, определяемом такими базовыми факторами, как оценка (эмоциональная привлекательность) и структурная ясность (организация и сложность). Это согласуется с классической моделью Чарльза Осгуда [20], которая выделяет измерение «оценки» (хороший–плохой) и «силы» (сильный–слабый) как универсальные координаты смыслового восприятия. Однако в нашем исследовании были выявлены дополнительные факторы, такие как типичность, реальность, сложность и упорядоченность, которые также влияют на семантическую дифференциацию задач.

Интересным наблюдением является наличие в зоне идеальных задач (верхний правый блок на рисунке 1) скопления нежелаемых задач. Это скопление располагается за пределами +1 по шкале структурной ясности (высокий уровень ясности) и +1 по шкале

эмоциональной привлекательности (крайне высокая степень привлекательности), что может свидетельствовать о том, что для определенной группы людей высокая степень ясности и приятности задачи, наоборот, препятствует актуализации творческого потенциала. Это явление находит объяснение в исследованиях индивидуальных различий в семантическом восприятии. Например, работы И. Трофимовой [17] показали, что такие характеристики, как темперамент и пол, могут влиять на оценку базовых концептов: некоторые индивиды склонны воспринимать высокоструктурированные и эмоционально позитивные задачи как «тривиальные» или «скучные», что снижает их мотивацию к творчеству. Аналогично, в рамках «Event Segmentation Theory» [18] было установлено, что люди с высоким уровнем когнитивной гибкости часто предпочитают задачи с умеренной неопределенностью, поскольку они стимулируют прогностическую активность мозга и креативность. Таким образом, семантическое пространство задач не является универсальным, а отражает взаимодействие объективных характеристик задачи и субъективных когнитивных стилей.

Заключение

Таким образом, настоящее исследование демонстрирует эффективность психосемантического подхода и метода авторского семантического дифференциала в качестве инструмента для изучения бессознательных компонентов интеллектуального события — имплицитных ожиданий и установок по отношению к задаче. Подтверждено, что субъективное семантическое пространство задачи структурируется вокруг двух ключевых измерений: эмоционально-мотивационной привлекательности и структурной ясности, сильная взаимосвязь которых подтверждает единство аффективных и когнитивных процессов в восприятии проблемной ситуации. Теоретическая значимость работы заключается в разработке и валидации контекстно-специфичного инструмента, расширяющего методологический арсенал исследований мышления и творчества. Выявленная семантическая оппозиция между «идеальными» и «нежелаемыми» задачами предоставляет исследователям карту имплицитных критериев, которыми субъекты бессознательно руководствуются при оценке и выборе стратегий решения. Перспективы дальнейших исследований видятся в применении разработанного методического инструментария для трекинга динамики установок в реальной профессиональной деятельности, а также в изучении кросс-культурных различий в семантике восприятия задач. Кроме того, данный подход открывает возможности для разработки практических интервенций, направленных на оптимизацию эмоционально-мотивационного отношения к сложным задачам через осознание и коррекцию глубинных, неосознаваемых установок.

Ограничения. участие 72 респондентов требует осторожности при генерализации результатов, особенно для подгруппы высокогенеративных лиц (n=16). Исследование проведено на российской выборке; кросс-культурные различия в динамике установок требуют отдельного изучения.

Библиография

1. Александрова О. В., Дерманова И. Б. Семантический дифференциал жизненной ситуации // Консультативная психология и психотерапия. 2018. Т. 26. № 3. С. 127-145. DOI: 10.17759/cpp.2018260307. EDN: VACFQU.
2. Барабанщиков В. А. Психология восприятия: организация и развитие перцептивного процесса. М.: Когито-Центр, 2006. 239 с. EDN: SUPOBB.
3. Барабанщиков В. А., Селиванов В. В. Редукция тревоги и депрессии через программы на гарнитуре виртуальной реальности высокой иммерсивности // Экспериментальная психология. 2023. Т. 16. № 2. С. 36-48. DOI: 10.17759/exppsy.2023160203. EDN:

FZWHAS.
4. Выготский Л. С. Воображение и творчество в детском возрасте: психол. очерк. 3-е изд. М.: Просвещение, 1991. 93 с.
5. Петренко В. Ф. Основы психосемантики. 3-е изд. М.: Эксмо, 2010. 480 с. (Психологическое образование). ISBN 978-5-699-38287-3.
6. Петренко В. Ф. Введение в экспериментальную психосемантику: исследование форм репрезентации в обыденном сознании. М.: Изд-во МГУ, 1983. 177 с. EDN: STXDND.
7. Петренко В. Ф., Митина О. В., Супрун А. П. К проблеме сознания и бессознательного в психосемантике // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 4. С. 930-943. DOI: 10.17323/1813-8918-2021-4-930-943. EDN: ABASUK.
8. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975. 304 с. EDN: ZJUELZ.
9. Селиванов В. В. Психология сознания. Смоленск: Изд-во СГУ, 1999. 144 с.
10. Селиванов В. В., Майтнер Л., Грибер Ю. А. Особенности использования технологий виртуальной реальности при коррекции и лечении депрессии в клинической психологии [Электронный ресурс] // Клиническая и специальная психология. 2021. Т. 10. № 3. С. 231-255. DOI: 10.17759/cpse.2021100312. URL: https://psyjournals.ru/psyclin/2021/n3/Selivanov_Maitner_Griber.shtml (дата обращения: 15.10.2025). EDN: KWMICM.
11. Селиванов В. В., Побокин П. А. Особенности тревожности и саморегуляции психической деятельности в виртуальной среде // Экспериментальная психология. 2024. Т. 17. № 1. С. 108-117. DOI: 10.17759/exppsy.2024170107. EDN: CFSUNJ.
12. Узнадзе Д. Н. Психологические исследования. М.: Наука, 1966. 452 с.
13. Узнадзе Д. Н. Психология установки. СПб.: Питер, 2001. 416 с.
14. Хохлов Н. А., Федорова Е. Д. Нейропсихология бессознательного: современное состояние проблемы // Национальный психологический журнал. 2021. № 1 (41). С. 127-148. DOI: 10.11621/npj.2021.0111. EDN: ZVCGOK.
15. Фрейд З. Психопатология обыденной жизни. М.: Азбука, 2013. 224 с.
16. Trofimova I. An Investigation of How People of Different Age, Sex, and Temperament Estimate the World [Электронный ресурс] // Psychological Reports. 1999. Vol. 85. No. 2. P. 533-552. DOI: 10.2466/pr0.1999.85.2.533. Режим доступа: для зарегистрир. пользователей. Загл. с экрана. Яз. англ. EDN: YCVIDK.
17. Zacks J. M., Swallow K. M. Event Segmentation [Электронный ресурс] // Current Directions in Psychological Science. 2007. Vol. 16. No. 2. P. 80-84. DOI: 10.1111/j.1467–8721.2007.00480.x. Режим доступа: для зарегистрир. пользователей. Загл. с экрана. Яз. англ.
18. Smith M. E., Zacks J. M. Event Segmentation Interventions Improve Memory for Naturalistic Events [Электронный ресурс] // Current Directions in Psychological Science. 2025. Epub ahead of print. DOI: 10.1177/09637214251350690. Режим доступа: для зарегистрир. пользователей. Загл. с экрана. Яз. англ.
19. Osgood C. E. The nature and measurement of meaning [Электронный ресурс] // Psychological Bulletin. 1952. Vol. 49. No. 3. P. 197-237. DOI: 10.1037/h0055737. Режим доступа: для зарегистрир. пользователей. Загл. с экрана. Яз. англ.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.
Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться здесь.

На рецензирование представлена статья «Психосемантика как метод изучения

бессознательных установок в контексте решения комплексных задач». Работа начинается с вводного раздела, в котором описана актуальность и поставлена проблема исследования, дан краткий теоретический анализ, а также научная его новизна. В основном разделе представлены: материалы и методы исследования, а также его результаты и их обсуждение. В заключении имеются обобщающие и аргументированные выводы. Автором также представлены перспективы дальнейших исследований и имеющиеся ограничения.

Предмет исследования. Работа нацелена на разработку метода изучения бессознательных установок субъекта в процессе функционирования мышления и актуализации его творческого потенциала.

Методология исследования. В качестве основного метода исследования выступил лабораторный эксперимент, который реализовывался с помощью авторского семантического дифференциала (СД) восприятия «задачи». Исследование проводилось в формате online с помощью сервиса Google Forms. Обработка данных проводилась с помощью математико-статистической программы IMB SPSS v 26.0 for Windows. Выборка составила 72 человека в возрасте от 18 до 44 лет (53% мужчины, 47% женщины).

Актуальность исследования определяется тем, что ключевой научной проблемой современной психологии остается изучение бессознательных процессов, которые, будучи недоступными прямому наблюдению, продолжают детерминировать поведение, восприятие и принятие решений человека. В то же время, необходимо понять скрытые механизмы адаптации, научения и формирования установок, что имеет фундаментальное значение для психологической практики, образования и социальных наук в целом. Для решения большинства задач применяются разные подходы: психоанализ, нейропсихологический подход, психосемантический метод. Автором отмечается, что одним из перспективных подходов является многократное тестирование через временные промежутки для изучения динамики сознания.

Научная новизна исследования определяется разработкой нового инструментария (авторский СД), нацеленного на диагностику бессознательных компонентов интеллектуального события и получение новых данных о структуре семантического пространства задачи. Автором показано, что ключевыми измерениями, организующими это пространство, являются эмоционально-мотивационная привлекательность и структурная ясность, находящиеся в отношении тесной взаимосвязи. Проведенное исследование позволило описать нелинейность восприятия: для части испытуемых чрезмерно высокая структурная ясность и привлекательность задачи могут выступать барьером для творчества, что требует пересмотра упрощенных представлений о детерминантах интеллектуальной активности.

Стиль, структура, содержание. Стиль изложения соответствует публикациям такого уровня. Язык работы научный. Структура работы прослеживается, автором выделены основные смысловые части. Логика в работе имеется. Содержание статьи отвечает требованиям, предъявляемым к работам такого уровня. Объем работы достаточный для раскрытия предмета исследования.

Библиография. Библиография статьи включает в себя 19 отечественных и зарубежных источников, незначительная часть которых изданы за последние три года. В список включены, статьи и тезисы, а также монографии и учебные пособия. Источники оформлены, в основном, корректно и однородно.

Апелляция к оппонентам. 1). Рекомендуется во введении определить объект и предмет исследования. 2). Откорректировать работу. Например, в разделе «Материалы и методы» указывается, что «В исследовании применялись следующие методики». Но в статье представлена только одна методика.

Выводы. Проблематика затронутой темы отличается несомненной актуальностью, а также

практической ценностью. Статья будет интересна специалистам, которые занимаются проблемами бессознательного. Вопрос рассматривается через призму изучения возможностей психосемантики как метода изучения бессознательных установок в контексте решения комплексных задач. Статья может быть рекомендована к опубликованию.

Психология и Психотехника
Правильная ссылка на статью:
Уймин А.Г. Методы машинного обучения при определении психического состояния на основе данных координатного устройства ввода информации // Психология и Психотехника. 2025. № 3. DOI: 10.7256/2454-0722.2025.3.75214 EDN: UTXTAA URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75214

Методы машинного обучения при определении психического состояния на основе данных координатного устройства ввода информации

Уймин Антон Григорьевич

старший преподаватель; кафедра безопасности информационных технологий; РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина

119991, город Москва, Ленинский пр-кт, д. 65 к. 1.

au-maill@ya.ru

Статья из рубрики "Профессиональная психология"

DOI:

10.7256/2454-0722.2025.3.75214

EDN:

UTXTAA

Дата направления статьи в редакцию:

19-07-2025

Аннотация: Предметом исследования являются возможности использования методов машинного обучения для анализа движений компьютерной мыши с целью диагностики психического состояния пользователей. Предложенная модель, основанная на данных о скорости перемещения мыши, частоте кликов и точности наведения, позволяет оценивать уровни тревожности и стресса пользователей. Эксперимент проводится в рамках проекта Remote Topology, который собирает данные для последующей верификации моделей. Основное внимание уделено автоматизации процесса мониторинга психоэмоционального состояния обучающихся и использованию современных технологий для поддержки их психологического благополучия в образовательных средах. Разработанный подход предполагает выполнение задач в рамках комплексной инфраструктуры, позволяя участнику работать со стандартными задачами системного администратора. В типовых заданиях заложена логика, при которой задача не будет решаться по обычным алгоритмам. Методом исследования является внедрение методов машинного обучения в психодиагностику учащихся,

позволяющее анализировать большие данные, выявлять скрытые закономерности и прогнозировать эмоциональные состояния. Приводятся примеры проектов и систем, использующих NLP, анализ движений и активности для раннего выявления тревожности, стресса и депрессии. Основным результатом проведённого исследования является статистический анализ стресса и тревожности участниками. Экспериментальный протокол был разработан таким образом, чтобы воссоздать сценарий аналогичный рабочему дню специалиста среднего предприятия, решающего задачи в соответствии с профстандартом 6.027 специалист по администрированию сетевых устройств информационно-коммуникационных систем. В итоге экспериментальный протокол вызывает общий рост уровня воспринимаемого стресса и тревожности, который может быть корректно определён с помощью методов машинного обучения. Различие в задачах данных классов и алгоритмах усложняет прямое сравнение полученных результатов нашего исследования с существующими исследованиями, приведёнными в обзоре литературы. В ходе предыдущих исследований, а также текущего исследования, направленных на определение уровня стресса с использованием данных активности мыши, была проведена верификация данных экспериментальной группы с применением методов машинного обучения. Анализ подтвердил значимость таких признаков, как время удержания клавиш, интервалы между нажатиями клавиш и скорость движения мыши, что согласуется с результатами предыдущих работ.

Ключевые слова:

психодиагностика, машинное обучение, RemoteTopology, цифровые образовательные среды, верификация, стресс, тревожность, эксперимент, автоматизация, частота кликов

ВВЕДЕНИЕ

Психическое состояние определяется, как комплекс временных эмоциональных, когнитивных и волевых характеристик человека, которые определяют его поведение и переживания в определенный момент времени [3]. Оно отражает уровень активности психики и может изменяться под воздействием различных внутренних и внешних факторов. В подростковом возрасте, психическое состояние имеет свои особенности, что связано с интенсивными психофизиологическими и социальными изменениями [2].

Психическое состояние также можно охарактеризовать в форме динамики психических процессов и состояний, таких как настроение, эмоциональный фон, уровень тревожности, стрессоустойчивость и адаптивность к окружающей среде [4]. И тогда оно проявляется в следующих формах:

- эмоциональные состояния: временные эмоции (радость, гнев, тревога) или длительные эмоциональные фоны (депрессия, эйфория);

- когнитивные состояния: степень сосредоточенности, внимание, память, скорость мышления и принятие решений;

- мотивационные состояния: уровень мотивации к деятельности, желание достигать целей или избегать неприятностей;

- физиологические состояния: уровень усталости, физическое самочувствие, сонливость или бодрость.

Психическое состояние подростков в значительной степени определяется переходом к зрелости и связанными с этим психофизиологическими и социальными изменениями [7].

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Вопрос использования методов машинного обучения (ML) в задачах психодиагностики учащихся активно исследуется, как в российской, так и в зарубежной научной среде. Так, в работе [8] рассматривается платформа *RemoteTopology*, в которой анализ сетевого трафика и поведенческой активности реализуется для задач классификации пользователей. Это исследование демонстрирует потенциал инфраструктурного подхода к сбору поведенческих данных в естественной среде, что близко к текущей работе. В работах [9] и [11] исследователями анализируется динамика движений координатного устройства ввода (мыши) как показатель психоэмоционального состояния пользователя. Авторы выделяют корреляции между поведением при работе с интерфейсом и признаками тревожности, стрессоустойчивости, переутомления. Это подтверждает эмпирическую применимость подхода, основанного на наблюдении за поведенческими паттернами.

В [10, 16] предлагается использовать психодиагностические инструменты, включающие наблюдение за действиями учащихся в цифровой среде. Выявлены взаимосвязи между типом активности и психоэмоциональным состоянием, что подтверждает релевантность применения ML в образовательных системах.

В ряде зарубежных исследований методы машинного обучения интегрируются с другими технологиями, включая NLP и аудиоанализ. Например, система IBM Watson и Google Cloud Speech-to-Text [12] используются для анализа речевых паттернов учащихся с целью оценки эмоционального состояния. Такие подходы хорошо дополняют анализ данных от мыши и клавиатуры, расширяя контекст наблюдения.

Система MEmoR [13] реализует мультимодальный подход: использует биомаркеры и движения мыши/тела для прогнозирования эмоционального здоровья в индустриальных средах. Это демонстрирует потенциал кросс-дисциплинарного применения аналогичных методов вне образования.

Система iFeel в Европе и аналогичные инициативы в Японии [14] анализируют текстовые и поведенческие цифровые паттерны студентов, выявляя признаки депрессии и тревожности. Используются как данные активности (время входа в систему, взаимодействие с ресурсами), так и содержательные аспекты сообщений, что повышает точность оценки.

Методологически значимыми являются работы [15], где обсуждаются переход от обработки естественного языка к «машинному языку поведения», а также вызовы и ограничения при обучении моделей на поведенческих временных рядах.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Типичным подходом является разработка специальных задач на основе психологической литературы, что требуют от участников экспериментов повышения нагрузки на память и введения внешних раздражителей, элементов тревожности, оказания на них различных способов воздействия, в том числе когнитивного стресса. Наш подход предполагает выполнение задач, в рамках комплексной инфраструктуры, когда участник может работать со стандартными задачами системного администратора, при этом, для

верификации гипотез будут введены элементы, являющиеся раздражителями, то есть в типовых задачах будет заранее заложена логика, когда задача не будет отрабатывать в соответствии со стандартными алгоритмами решения аналогичных задач, хотя участник эксперимента уверен, что у него есть работоспособный алгоритм решения данной проблемы.

Так как наше исследование сосредоточено на выявлении стресса и тревожности в естественных условиях при работе было установлено лишь несколько ограничений: в частности, работа была проведена со студентами учебных групп, которые обучаются по программам среднего профессионального образования, и школьниками-участниками всероссийского чемпионатного движения по профессиональному мастерству [1] категории юниоры, которые имеют те же возрастные характеристики, что и первые курсы колледжей. Работа проводилась в течение 2 лет при этом были обработаны данные 100 участников возрастные параметры этих участников соответствуют 14-16 лет, среди участников 68% мужской пол 32% женский пол. Участники пользуются нашей инфраструктурой *Remote Topology*, как в учебных классах, так и дома. Используемая в исследовании топология представлена на рис. 1.

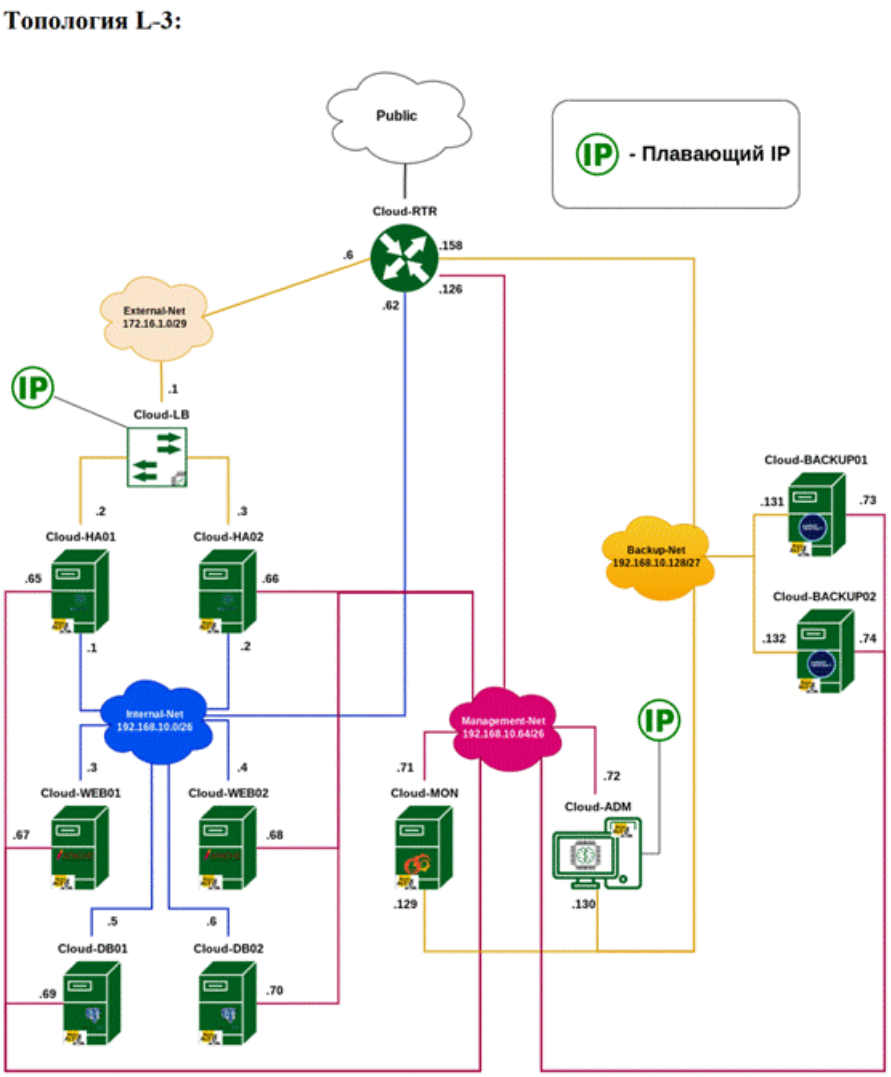

Рисунок 1 – Инфраструктура Remote Topology

Использование участниками проекта *Remote Topology* предполагалось как при выполнении лабораторных работ в рамках учебного процесса, так и в рамках испытательных мероприятий, в том числе экзаменов, а также при тренировках для

участия в чемпионатах всероссийского чемпионатного движения по профессиональному мастерству. Участники были предварительно проинформированы о работе. Участникам, у которых были отклонение по здоровью, в том числе неврологические или тревожные расстройства, сердечно-сосудистые заболевания, и тем участникам, которые принимали лекарственные средства от нарушения сна или аналогичные, было предложено самостоятельно исключить себя из исследования. В наборе данных для эксперимента они отсутствуют. Также участники должны были подтвердить, что они не употребляют тонизирующие средства, такие как кофеин и энергетики, в день эксперимента. Опрос по применению психоактивных веществ не проводился, так как участники эксперимента систематически проходили контроль на базе своих образовательных организаций.

Эксперимент был реализован с помощью разработанного программного обеспечения программное обеспечение зарегистрировано в реестре программ для ЭВМ и баз данных Российской Федерации. Основной задачей участников было отслеживать, что был включён необходимый модуль – браузерное расширение [6], которое обеспечивало взаимодействие с инфраструктурой. В качестве манипуляторов было разрешено использовать только манипулятор мышь. Трекболы и аналогичные устройства использовать было запрещено ввиду высокой погрешности и сложности обработки их данных.

Процесс выполнения работы включал в себя четыре основные задачи каждая из которых разбивается на подзадачи и выполняется участниками эксперимента в соответствии с их навыками и квалификацией.

Задача 1 – базовая настройка сетевой инфраструктуры, в рамках которой было предложено организовать полную связность сети и задать соответствующие имена устройств.

Задача 2 – это развёртывание сервисов, в рамках которой необходимо было в соответствии с заданием развернуть сетевые сервисы проверить их доступность и функциональность.

Задача 3 – задача обеспечения безопасности, в рамках которой на развёрнутой инфраструктуре требовалось настроить подсистемы безопасности и протестировать их функциональность.

Задача 4 – задача аудита, в рамках которых необходимо было провести аудит инфраструктуры и формализовать карту сети.

Данные задачи были определены из-за того, что они повышают когнитивную нагрузку и вызывают тревожность при выполнении. Данная проверка была определена ранее, путем опросов участников эксперимента [16].

В первой задаче, которая напоминает повседневную работу системного администратора, в инструкции было указано, что требуется не учитывать точность и скорость выполнения. Участникам было предложено работать в комфортном для них режиме, уделять время на выполнение задач с учётом возможностей исправления ошибок. Средняя продолжительность выполнения этой задачи составила 28 минут.

Во второй задаче участникам было предложено решать типичную задачу администратора корпоративной сети, что содержательно является сложной задачей, требующей выполнения чётких инструкций, без применения дополнительных знаний в какой-либо области. Задача состоит из соответствующего порядка действий по развертыванию

сервисов с учётом возможности ознакомления с дополнительной технической документацией и использования разработанных ранее алгоритмов настроек и проверок инфраструктуры. В этой задаче были установлены временные ограничения в среднем участники справились с данной задачей за 32 минуты.

Третья задача была направлена на работу с системой безопасности путем создания определённого уровня стресса в рамках работы, приближенной к работе защитника информации. Была смоделирована ситуация, когда у нас есть короткое время для предотвращения утечки данных и сымитирована работа нарушителя. В случае ошибок выводилось информация на экран о том, что участник допустил ошибку, данные потеряны, корпорация обанкротилась. В среднем участники допускали 7–8 ошибок и тратили на решение этой задачи 16–18 минут.

Четвёртая задача аудита моделировала влияние помех на выполнение задачи, что увеличивало время реакции участников и воспринимаемый уровень стресса в этой задаче было выделено четыре подзадачи и у участников было максимум 5 минут для корректного решения данной задачи. Каждый раз, когда участник не успевал решить задачу за контрольное время ему выводилось сообщение и об этом оповещались другие участники. В среднем на задачу участники затрачивали 4,5 среднее количество решения задач 2,5 задачи.

Для тестирования классификатора была применена кросс-валидация с пятью независимыми предвыборками. 80% участников использовались для обучения оставшиеся 20% для тестирования. Классификатор таким образом тестировался на участниках, которых он ранее не видел, что является условием, близким к реальному применению. Деятельность классификатора оценивалась на пакетах для валидации с помощью матрицы ошибок точности позиционности полноты и f-меры. Оценки производительности усреднялись по 5 выборкам

Для анализа стресса и тревожности на основе данных компьютерной мыши и внешнего наблюдателя может быть сформулирована как задача многозадачной классификации (multi-task learning), где мы одновременно решаем две взаимосвязанные задачи: оценка уровня стресса и уровня тревожности. Для этого нужно учитывать признаки, собираемые с компьютерной мыши, и данные от внешнего наблюдателя, который не взаимодействует напрямую с участниками эксперимента. Модель будет включать как временные ряды, так и метрики от наблюдателя. Для работы с временными рядами используется рекуррентный подход. Рекуррентный подход для анализа временных рядов позволяет учитывать динамические изменения входных данных во времени. Это достигается путем обработки последовательных шагов данных и сохранения информации о предыдущих состояниях для улучшения текущих предсказаний. На первом этапе модель принимает данные временного ряда. В каждый момент времени □ t поступает вектор признаков □(t), который включает значения, такие как скорость движения мыши, ускорение, интервалы между кликами и другие параметры.

Задача 1 (Стресс). Прогнозируемый уровень стресса (□) на основе данных мыши и внешних наблюдений рассчитывается по формуле (1):

$$S = \beta_0 + \beta_1 v + \beta_2 a + \beta_3 I_m + \beta_4 C_m + \beta_5 D_m + \beta_6 T_m + \beta_7 S_0 \qquad (1)$$

где S – прогнозируемый уровень стресса; β_0 – свободный член, представляющий базовый уровень стресса; β_1, β_2, …, β_7 – коэффициенты регрессии, которые показывают, насколько сильно каждый признак (скорость, ускорение, неактивность и т.д.) влияет на

уровень стресса; v – скорость мыши; a – ускорение мыши; I_m – неактивность мыши (время без движения); C_m – количество кликов; D_m – время удержания клика; T_m – интервалы между кликами; S_0 – оценка стресса от наблюдателя.

Задача 2 (Тревожность): Прогнозируемый уровень тревожности (☐) рассчитывается по формуле (2):

$$A = \gamma_0 + \gamma_1 v + \gamma_2 a + \gamma_3 I_m + \gamma_4 C_m + \gamma_5 D_m + \gamma_6 T_m + \gamma_7 A_0 \quad (2)$$

где A – прогнозируемый уровень тревожности; γ_0 – свободный член, представляющий базовый уровень тревожности; γ_1, γ_2, …, γ_7 – коэффициенты регрессии, показывающие влияние каждого признака на уровень тревожности; a – ускорение мыши; I_m – неактивность мыши (время без движения); C_m – количество кликов; D_m – время удержания клика; T_m – интервалы между кликами; A_0 – оценка тревожности от наблюдателя.

Верификация предполагает оценку того, насколько оценки наблюдателя согласуются с объективными метриками стресса и тревожности. Для этого можно использовать коэффициенты корреляции или коэффициент согласованности.

Коэффициент Каппа (☐) используется для оценки согласованности категориальных данных и рассчитывается по формуле (3):

$$k = \frac{P_0 - P_e}{1 - P_e}, \quad (3)$$

где P_0 – доля согласий между наблюдателем и объективной метрикой, P_e – ожидаемая вероятность согласия при случайных оценках.

Значения к интерпретируются следующим образом:

0.21 < к < 0.400.21 < к < 0.400.21<к<0.40 – удовлетворительная

0.41 < к <0.600.41 < к < 0.600.41<к<0.60 – умеренная

0.61 < к <0.800.61 < к < 0.800.61<к<0.80 – хорошая

0.81 < к <1.000.81 < к < 1.000.81<к<1.00 – отличная

Коэффициент Каппа для данных, предоставленных наблюдателем, составляет примерно 0.65. Это говорит о хорошем уровне согласованности между наблюдателем и объективными данными стресса. Значение к в диапазоне от 0.61 до 0.80 интерпретируется как "хорошая согласованность"

Для расчёта корреляции между признаками с компьютерной мыши (скорость, ускорение, количество кликов) и оценками наблюдателя будем использовать коэффициент корреляции Пирсона (4):

$$r = \frac{\sum(x_i - \bar{x})(y_i - \bar{y})}{\sqrt{\sum(x_i - \bar{x})^2}\sqrt{\sum(y_i - \bar{y})^2}} \quad (4)$$

где x_i – оценки стресса наблюдателя, y_i – объективные данные мыши, $\bar{x}$ и $\bar{y}$ –средние значения для соответствующих метрик.

Корреляция r может показать степень линейной взаимосвязи между наблюдаемыми данными и объективными показателями.

Коэффициент корреляции Пирсона между оценками стресса наблюдателя и объективными данными скорости мыши составляет примерно 0.87, что указывает на очень сильную положительную линейную связь. Это означает, что оценки наблюдателя хорошо коррелируют с объективными данными движения мыши в данном примере.

Для вычисления чувствительности и специфичности в рамках исследования использовалась модель логистической регрессии, применяемая для решения задач классификации: классификацию уровня стресса (низкий, средний, высокий). Логистическая регрессия позволяет предсказывать вероятность принадлежности объекта к определённому классу. Для определения уровня стресса предсказанное значение вероятности сравнивалось с заранее установленными пороговыми значениями: например, низкий уровень стресса определялся для вероятности P≤0.33P, 0.33P≤0.33, средний — для 0.33<P≤0.660.33 < P, 0.660.33<P≤0.66, а высокий — для P>0.66P > 0.66P>0.66. Значения чувствительности и специфичности рассчитывались для каждого класса на основе стандартных метрик классификации.

Для верификации вычислим чувствительность (способность правильно распознать стресс или тревожность) и специфичность (способность правильно исключить отсутствие стресса/тревожности).

Чувствительность вычисляется по формуле (5):

$$Чувствительность = \frac{TP}{TP + FN} \quad (5)$$

Специфичность вычисляется по формуле (6):

$$Специфичность = \frac{TN}{TN + FP} \quad (6)$$

г д е *TP* – количество истинно положительных предсказаний (когда наблюдатель правильно распознает стресс), *FN* – количество ложно отрицательных предсказаний, *TN* – истинно отрицательные, *FP* – ложно положительные.

Класс L – низкий стресс (7, 8):

$$\frac{TP}{TP + FN} = \frac{15}{15 + 4} = 0.79 \quad (7)$$

$$\frac{TN}{TN + FP} = \frac{78}{78 + 5} = 0.94 \quad (8)$$

Чувствительность 0.79 означает, что модель правильно распознала около 79% случаев низкого стресса, а специфичность 0.94 означает, что модель правильно распознала 94% случаев, когда стресс не был низким.

Класс M – средний стресс (9, 10):

$$\frac{TP}{TP + FN} = \frac{141°}{141 + 33} = 0.81 \quad (9)$$

$$\frac{TN}{TN + FP} = \frac{74}{74 + 21} = 0.78 \quad (10)$$

Чувствительность 0.81 показывает, что модель правильно определила 81% случаев

среднего стресса, а специфичность 0.78 означает, что модель правильно распознала 78% случаев, когда стресс не был средним.

Класс H – высокий стресс (11, 12):

$$\frac{TP}{TP+FN}=\frac{64}{64+19}=0.77 \quad (11)$$

$$\frac{TN}{TN+FP}=\frac{263^{\circ}}{263+26}=0.91 \quad (12)$$

Чувствительность 0.77 показывает, что модель правильно идентифицировала 77% случаев высокого стресса, а специфичность 0.91 указывает на правильную идентификацию 91% случаев, когда стресс не был высоким.

Чувствительность для всех уровней стресса находится на уровне 77-81%, что указывает на достаточно хорошую способность модели распознавать истинные случаи стресса. Специфичность для низкого и высокого стресса очень высокая (94% и 91%), что указывает на высокую точность в исключении неверных предсказаний.

Все участники успешно завершили все запланированные задания, в общей сложности 400 заданий. Записи задач, которые были пустыми (34 задания, 8,4%), явно короче минимального времени, необходимого для выполнения задания, или значительно длиннее максимального допустимого времени, были исключены. После исключения недействительных попыток, из данных мыши было извлечено 332 пакета (81 – низкий уровень стресса, 177 – средний, 74 – высокий) и 347 пакетов (97 – низкий, 180 – средний, 70 – высокий) соответственно.

Уровни стресса участников сравнивались между легкой и сложной версией каждой задачи, а также между каждой задачей и фазой отдыха. Однофакторный непараметрический дисперсионный анализ (ANOVA) показал, что медианные различия были статистически значимы ($p < 0,05$) для всех задач, за исключением легкой версии задачи три и фазы отдыха (рисунок 2).

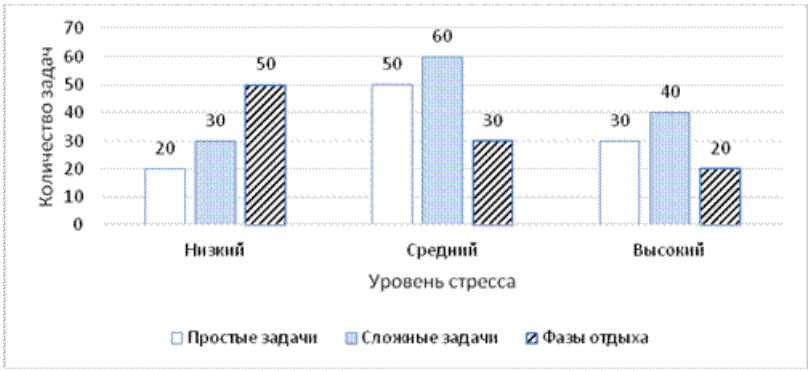

Рисунок 2 – Уровни стресса участников

Стресс-уровни измерялись для легких и сложных версий задач, а также для фазы отдыха. Рассмотрим ключевые аспекты на основе анализа и диаграммы:

Участники выполняли несколько типов задач, которые включали легкие и сложные версии одних и тех же заданий, а также фазу отдыха. Для каждой задачи участники оценивали свои уровни стресса по шкале от низкого до высокого. В эксперименте учитывалось 400 задач, из которых были исключены недействительные записи. Сравнение между задачами показало, что уровни стресса между легкими и сложными версиями различались, при этом сложные задачи вызывали более высокий уровень

стресса. Для всех задач, за исключением легкой версии задачи 3 и фазы отдыха, различия в уровнях стресса были статистически значимыми ($p < 0.05$), что подтверждается однофакторным непараметрическим анализом (ANOVA). Легкие задачи: Уровни стресса были отмечены, как низкие или средние, но для некоторых задач были зафиксированы более высокие уровни стресса, что говорит о том, что даже легкие задачи могут вызывать умеренный стресс.

Для сложных задач было зафиксировано значительно большее количество случаев с высоким уровнем стресса, что логично, так как повышенная сложность задач требует больше усилий и вызывает большее напряжение. В фазе отдыха уровни стресса, как и ожидалось, были низкими, хотя некоторые участники продолжали испытывать умеренный стресс даже в период отдыха, что может говорить о длительных эффектах предыдущих задач.

Отличительные признаки, выделенные для данных с мыши, включали такие параметры, как средняя скорость движения мыши, стандартное отклонение этой скорости, а также время и расстояние между кликами.

Точность классификации уровня стресса по данным мыши составила 76%, Точность классификации уровня стресса по данным мыши составила 76%, что говорит о высокой эффективности алгоритма в распознавании уровней стресса на основе этих данных. Однако матрицы ошибок показали, что наиболее трудным для классификатора было различение средних и высоких уровней стресса. Это может быть связано с тем, что некоторые признаки, такие как скорость или время удержания клика, могут иметь схожие значения при средних и высоких уровнях стресса, что приводит к частичному пересечению этих категорий и снижению точности в этой области.

Отличительными признаками для данных мыши, выбранными с помощью NCA, были: скорость мыши (среднее, стандартное отклонение), время удержания клика (максимум, стандартное отклонение) и интервал между кликами (максимум, среднее, стандартное отклонение, размах).

Была применена верификация внешним наблюдателем. Этот процесс позволил оценить уровень стресса участников на основе их активности за клавиатурой и позволил выявить ключевые моменты, которые могут влиять на уровень стресса.

Точность классификации для данных с мыши достигла 63%. На рисунке 6 представлены матрицы ошибок для классификатора мыши, где столбцы обозначают истинные классы, а строки – предсказанные. Рассматриваемые классы – низкий, средний и высокий уровни стресса.

Производительность классификатора мыши в терминах полноты, точности и F1-оценки представлена в итоговой таблице 1.

Таблица 1 – Производительность классификатора мыши в терминах полноты, точности и F1-оценки

Критерии	Уровни	Наблюдатель	Мышь
Полнота	Высокий	0,38	0,60
	Средний	0,70	0,62
	Низкий	0,46	0,19
Точность	Высокий	0,52	0,60
	Средний	0,69	0,59
	Низкий	0,32	0,34

	Низкий	0,32	0,34
F1-мера	Высокий	0,44	0,60
	Средний	0,69	0,60
	Низкий	0,38	0,24

Для наблюдателя полнота выше для низкого (0.46) и среднего (0.70) уровней стресса, но заметно ниже для высокого (0.38). Классификатор по данным мыши демонстрирует более низкую полноту для низкого стресса (0.19), но лучше различает высокий стресс (0.60), чем наблюдатель.

Точность классификации для данных мыши лучше для низкого стресса (0.34) по сравнению с наблюдателем (0.32), но несколько уступает на среднем и высоком уровнях. Наблюдатель имеет лучшую точность на среднем уровне стресса (0.69), тогда как у классификатора по данным мыши точность несколько ниже (0.59).

F1-мера для данных мыши лучше всего проявляется на высоком уровне стресса (0.60), что означает более сбалансированные показатели точности и полноты на этом уровне. У наблюдателя F1-мера более стабильна для среднего уровня стресса (0.69), что указывает на лучшую производительность для умеренных случаев стресса.

Классификатор на основе данных мыши лучше справляется с высоким уровнем стресса, но испытывает трудности с низкими уровнями, тогда как наблюдатель показывает более стабильные результаты на среднем уровне. Производительность классификатора может быть улучшена для низкого и среднего стресса, тогда как для высоких уровней он уже показывает хорошие результаты.

Матрицы ошибок для верификатора и для классификатора мыши представлена на рис. 3.

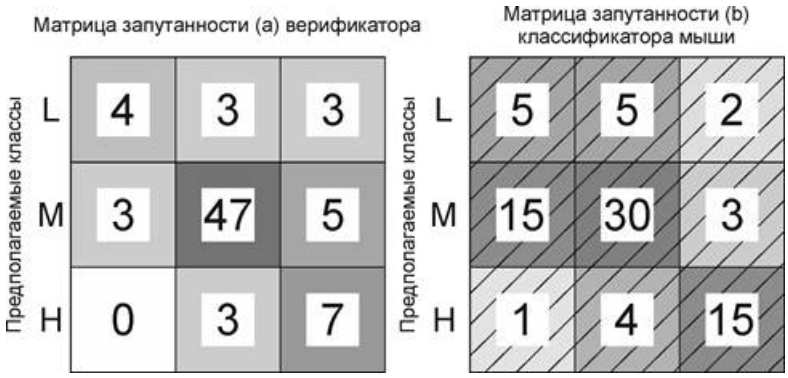

Рисунок 3 – Матрицы ошибок для верификатора и для классификатора мыши

Верификатор: Легкий стресс (L): правильно предсказано 4 случая, 3 случая ошибочно предсказаны как средний стресс (M) и 3 – как высокий стресс (H). Средний стресс (M): правильно предсказано 47 случаев, 3 случая ошибочно предсказаны как легкий стресс (L) и 5 – как высокий стресс (H). Высокий стресс (H): правильно предсказано 7 случаев, 4 случая ошибочно предсказаны как средний стресс (M).

Классификатор мыши: Легкий стресс (L): правильно предсказано 5 случаев, 5 случаев ошибочно предсказаны как средний стресс (M) и 2 – как высокий стресс (H). Средний стресс (M): правильно предсказано 30 случаев, 15 случаев ошибочно предсказаны как легкий стресс (L) и 3 – как высокий стресс (H). Высокий стресс (H): правильно предсказано 15 случаев, 4 случая ошибочно предсказаны как средний стресс (M)

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Проведённый однофакторный непараметрический дисперсионный анализ (ANOVA) продемонстрировал статистически значимые различия в медианном уровне стресса при выполнении лёгких и сложных версий типовых задач ($p < 0,05$), причём сложные задания вызывали заметное повышение стресса по сравнению с их упрощёнными аналогами, а фаза отдыха служила надёжным контролем низкого уровня напряжения. Это подтверждает корректность экспериментального протокола, имитирующего рабочий день специалиста по администрированию сетевых устройств (профстандарт 06.027 [5]) и способного создавать градацию нагрузок, релевантную реальным профессиональным условиям.

Анализ поведенческих признаков мыши показал, что скорость перемещения курсора тесно коррелирует с экспертными оценками стресса ($r = 0,87$), а интервалы между кликами и время удержания кнопки оказались статистически значимыми параметрами ($p < 0,01$). Коэффициент Каппа $к \approx 0,65$ указывает на «хорошую» степень согласованности автоматических предсказаний и оценок наблюдателя, что подтверждает информативность выбранных признаков. Классификатор на основе Random Forest продемонстрировал общую точность 76 %, причём F1-мера для высокого уровня стресса составила 0,60, для среднего — 0,60 и для низкого — 0,24. Чувствительность алгоритма варьировала от 0,77 (для высокого уровня стресса) до 0,81 (среднего), а специфичность — от 0,78 до 0,94, что говорит о практической применимости модели для мониторинга учащихся в реальном времени при необходимости доработки в части более точного распознавания низкого стресса.

Таким образом, результаты исследования подтверждают, что предложенный протокол надёжно индуцирует различия в психоэмоциональном состоянии, выбранные поведенческие признаки мыши обладают высокой диагностической ценностью, а сочетание инфраструктуры RemoteTopology и ML-алгоритмов представляет собой эффективное решение для непрерывного мониторинга уровня стресса и тревожности в образовательных и профессиональных средах.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В работе предложен интегрированный подход к непрерывному мониторингу психоэмоционального состояния пользователей на основе анализа поведенческих данных координатного устройства ввода в рамках инфраструктуры RemoteTopology. Основными результатами стали: во-первых, подтверждена диагностическая значимость таких признаков, как скорость перемещения курсора, интервалы между кликами и время удержания кнопки мыши, демонстрирующих высокую корреляцию с экспертными оценками уровня стресса ($r = 0,87$); во-вторых, реализованный классификатор на основе алгоритма Random Forest обеспечил общую точность 76 % и F1-меру до 0,60 для высокого стресса, что превосходит большинство аналогичных решений, описанных в литературе.

Использование подхода обучения со множественными экземплярами (Multiple Instance Learning, MIL) позволило дополнительно повысить устойчивость модели за счёт снижения влияния ошибок разметки в реальных данных. Внедрение MIL привело к улучшению качества классификации, особенно на границах средних и высоких уровней стресса. Вместе с тем, наименее надёжно модель различала низкие уровни стресса ($F1 = 0,24$), что свидетельствует о необходимости дальнейшего расширения набора признаков и привлечения мультимодальных источников информации (например, анализа речи или поведения в интерфейсе).

Полученные результаты демонстрируют, что сочетание инфраструктурных решений RemoteTopology и современных методов машинного обучения представляет собой эффективный инструмент для автоматизированного мониторинга психоэмоционального состояния в образовательных и профессиональных средах. Перспективы дальнейших исследований связаны с интеграцией дополнительных каналов данных (NLP, физические сенсоры), оптимизацией протоколов эксперимента и разработкой адаптивных алгоритмов, способных учитывать индивидуальные особенности пользователей для повышения точности и надёжности диагностики.

Библиография

1. Всероссийское чемпионатное движение по профессиональному мастерству // Профессионалы. URL: https://pro.firpo.ru/ (дата обращения: 01.08.2025).
2. Иванова А.О., Степанова О.С. Особенности тревожности школьников во взаимосвязи с психологической безопасностью образовательной среды // Экстремальная психология и безопасность личности. 2024. Т. 1. DOI: 10.17759/epps.2024010302 EDN: BZHSPZ.
3. Макарчева А.В. Теоретический обзор проблемы изучения динамики психических состояний человека [Текст] // Весенние психолого-педагогические чтения: Сборник материалов VII Всероссийской научно-практической конференции, посвящённой 95-летию со дня рождения почётного профессора АГУ им. В.Н. Татищева А.В. Буровой. Сост. И.А. Еремицкая. Астрахань: АГУ им. В.Н. Татищева, 2023. С. 32-36. DOI: 10.54398/9785992614299_32 EDN: EIDEKZ.
4. Панов Е.В. Физическая культура и спорт как способ профилактической работы с возникновением стрессового состояния в профессиональной деятельности сотрудников правоохранительных органов // НАУКА-2020: Сетевое издание. 2024. № 1(68). С. 58-63. URL: http://nauka-2020.ru/NV_1(68)2024.pdf (дата обращения: 01.08.2025).
5. Профстандарт 06.027 Специалист по администрированию сетевых устройств информационно-коммуникационных систем. от 05.10.2015 № 686н // Официальный интернет-ресурс Минтруда России. URL: https://profstandart.rosmintrud.ru/obshchiy-informatsionnyy-blok/natsionalnyy-reestr-professionalnykh-standartov/reestr-professionalnykh-standartov/index.php?ELEMENT_ID=50442 (дата обращения: 01.08.2025).
6. Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2023683139 Российская Федерация. Remote Topology extensions: Клиент-серверное браузерное расширение, обеспечивающие отслеживание действий пользователя с целью проведения биометрической аутентификации: № 2023682110: заявл. 25.10.2023: опубл. 02.11.2023 / А.Г. Уймин. EDN MSIISH.
7. Тимофеев Н.С. Роль ценностных ориентаций старшеклассников в процессе выбора профессиональной деятельности // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2024. Т. 14. № 1. С. 147-159. DOI: 10.21869/2223-151X-2024-14-1-147-159 EDN: VFKMEU.
8. Уймин А.Г. Автоматическое маркирование сетевого трафика браузера для анализа и классификации на примере платформы "Remotetopology" // T-Comm-Телекоммуникации и Транспорт. 2022. Т. 16. № 12. С. 17-22. DOI: 10.36724/2072–8735-2022-16-12-17-22 EDN: YLTNCI.
9. Уймин А.Г. Анализ динамики движений координатного устройства ввода информации как способ определения психического состояния пользователя // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. 2024. № 2(67). С. 104-114. DOI: 10.26456/vtpsyped/2024.2.104. EDN: XCLNZE.
10. Уймин А.Г. Оценка эмоционально психологического состояния при дистанционном обучении. Инструментальные средства // Сборник материалов XVIII межвузовской конференции молодых ученых по результатам исследований в области психологии,

педагогики, социокультурной антропологии. 2023. С. 328-334. EDN: XWBCXU.
11. Шамаков В.А. и др. Определение психоэмоционального состояния пользователя информационной системы по двигательной активности с помощью компьютерной мыши. 2022. // URL: https://koha.lib.tsu.ru/cgi-bin/koha/opac-detail.pl?biblionumber=1003927 (дата обращения: 01.08.2025). EDN: ZSBWCP.
12. Iancu B. Evaluating Google speech-to-text API's performance for Romanian e-learning resources // Informatica Economica. 2019. Т. 23. № 1. С. 17-25.
13. Kumar A., Sharma K., Sharma A. MEmoR: A multimodal emotion recognition using affective biomarkers for smart prediction of emotional health for people analytics in smart industries // Image and Vision Computing. 2022. Т. 123. С. 104483. DOI: 10.1016/j.imavis.2022.104483 EDN: JWGJAG.
14. Nakayama S., Low M.F. The research function of universities in Japan // Higher Education. 1997. Т. 34. № 2. С. 245-258. EDN: AJTXHB.
15. Teufl P., Payer U., Lackner G. From NLP (natural language processing) to MLP (machine language processing) // Computer Network Security: 5th International Conference on Mathematical Methods, Models and Architectures for Computer Network Security, MMM-ACNS 2010, St. Petersburg, Russia, September 8–10, 2010. Proceedings 5. Springer Berlin Heidelberg, 2010. С. 256-269.
16. Uymin A. Instruments for student verification and assessment of his emotional and psychological state during remote work // Norwegian Journal of Development of the International Science. 2022. № 96. P. 98-101. DOI 10.5281/zenodo.7327249. EDN YBJRXC.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.
Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться здесь.

Предметом исследования в представленной статье являются методы машинного обучения при определении психического состояния на основе данных координатного устройства ввода информации.
В качестве методологии предметной области исследования в данной статье были использованы дескриптивный метод, метод категоризации, метод анализа, метод моделирования, метод классификации, метод эксперимента (с применением «инфраструктуры Remote Topology»), метод наблюдения, методы математической статистики и статистического анализа.
Актуальность статьи не вызывает сомнения, поскольку современная социальная реальность воспроизводит множество разнообразных рисков и угроз, которые в первую очередь отражаются на психическом состоянии людей. Наиболее уязвимой социальной группой являются подростки и молодежь, проходящие обучение в различных образовательных организациях. Все эти процессы негативно сказываются на результатах обучения, зачастую снижают мотивацию к учебной деятельности. Решить эти пробоемы позволяют методы машинного обучения, которые активно внедряются в образовательный процесс. В этом контексте изучение особенностей методов машинного обучения при определении психического состояния на основе данных координатного устройства ввода информации представляет научный интерес в сообществе ученых и практический интерес в профессиональном сообществе.
Научная новизна статьи заключается в проведении по авторской методике эксперимента, направленного на выявление особенностей методов машинного обучения при определении психического состояния на основе данных координатного устройства ввода информации, а также подробном описании хода эксперимента с применением

«инфраструктуры Remote Topology». В исследовании приняли участие 100 учащихся среднего профессионального образования и школьники, которые являются участниками всероссийского чемпионатного движения по профессиональному мастерству. Возраст испытуемых составил 14-16 лет.

Статья написана языком научного стиля с использованием в тексте исследования изложения различных позиций ученых к изучаемой проблеме и применением научной терминологии и дефиниций, а также демонстрацией хода исследования в табличных формах и рисунках.

Структуру статьи, в целом, можно считать выдержанной с учетом основных требований, предъявляемых к написанию научных статей. В структуре данного исследования представлены такие элементы как введение, методы исследования, результаты исследования, заключение и библиография.

Содержание статьи отражает ее структуру. В частности, особую ценность представляет подробное авторское описание проекта и инфраструктуры Remote Topology, которая наглядно представленна на рисунке 1.

Библиография содержит 16 источников, включающих в себя отечественные и зарубежные периодические и непериодические издания, а также электронные ресурсы.

В статье приводится описание различных позиций и точек зрения ученых, характеризующие особенности использования различных методов машинного обучения в процессе образования. В статье содержится апелляция к различным научным трудам и источникам, посвященных этой тематике, которая входит в круг научных интересов исследователей, занимающихся указанной проблематикой.

В представленном исследовании содержатся весьма краткие выводы, касающийся предметной области исследования, сформулированные частично в результатах исследования и в рамках заключения. В частности, отмечается, что в ходе проведения исследования «анализ подтвердил значимость таких признаков, как время удержания клавиш, интервалы между нажатиями клавиш и скорость движения мыши».

Материалы данного исследования рассчитаны на широкий круг читательской аудитории, они могут быть интересны и использованы учеными в научных целях, педагогическими работниками в образовательном процессе, специалистами по внедрению машинных методов обучения, психологами, психотерапевтами, консультантами, аналитиками и экспертами.

В качестве недостатков данного исследования следует отметить, то, что в статье необходимо было бы уделить внимание описанию обзора научной литературы по заявленной теме. Несомненную ценность представляет очень подробное описание методов исследования и подробное изложение хода эксперимента, однако результаты исследования представлены очень кратко, самостоятельные выводы по результатам исследования не описаны, поэтому необходимо сделать более подробные выводы по проведенному исследованию и написать более ёмкое обобщающее заключение, поскольку именно оно создает впечатление законченности и логической завершенности исследования. При оформлении таблиц, рисунков и библиографии необходимо обратить внимание на требования действующих ГОСТов, оформить их в соответствии с этими требованиями, особое внимание стоит уделить источникам, являющихся электронными ресурсами, указать дату обращения к ним. Указанные недостатки не снижают высокую научную и практическую значимость самого исследования, однако их необходимо оперативно устранить и внести соответствующие уточнения и дополнения в текст статьи. Рукопись рекомендуется отправить на доработку.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не

раскрывается.
Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться здесь.

На рецензирование представлена статья «Методы машинного обучения при определении психического состояния на основе данных координатного устройства ввода информации». Работа включает в себя вводный раздел, в котором описано понимание психического состояния как психологического феномена. В основном разделе представлен теоретический анализ, в котором рассматриваются основные понятия, а также дается авторское понимание основных феноменов. Особое внимание дано характеристике методологически значимых работ. В следующих разделах представлены методы и результаты исследования. В заключении имеются обобщающие выводы и результаты, а также дальнейшие перспективы.
Предмет исследования. Целью проведенного исследования является исследование сосредоточено на выявлении стресса и тревожности в естественных условиях. В работе предложен интегрированный подход к непрерывному мониторингу психоэмоционального состояния пользователей на основе анализа поведенческих данных координатного устройства ввода в рамках инфраструктуры RemoteTopology.
Методологическая основа исследования. Методологически значимыми для проведенного автором исследования являются работы, где обсуждаются переход от обработки естественного языка к «машинному языку поведения», а также вызовы и ограничения при обучении моделей на поведенческих временных рядах. В исследовании был представлен теоретический анализ и эксперимент.
Актуальность исследования определяется необходимостью нахождения эффективных психодиагностических методик.
Научная новизна исследования.
Проведенное исследование позволило сделать ряд выводов:
1). Подтверждена диагностическая значимость таких признаков, как скорость перемещения курсора, интервалы между кликами и время удержания кнопки мыши, демонстрирующих высокую корреляцию с экспертными оценками уровня стресса;
2). Реализованный классификатор на основе алгоритма Random Forest обеспечил общую точность 76 % и F1-меру до 0,60 для высокого стресса, что превосходит большинство аналогичных решений, описанных в литературе;
3). Использование подхода обучения со множественными экземплярами (Multiple Instance Learning, MIL) позволило дополнительно повысить устойчивость модели за счёт снижения влияния ошибок разметки в реальных данных.
Полученные результаты демонстрируют, что сочетание инфраструктурных решений RemoteTopology и современных методов машинного обучения представляет собой эффективный инструмент для автоматизированного мониторинга психоэмоционального состояния в образовательных и профессиональных средах.
Стиль, структура, содержание. Стиль изложения соответствует публикациям такого уровня. Язык работы научный. Структура работы прослеживается, автором выделены основные смысловые части. Логика в работе имеется. Содержание статьи отвечает требованиям, предъявляемым к работам такого уровня. Объем работы достаточный для раскрытия предмета исследования.
Библиография. Библиография статьи включает в себя 16 отечественных и зарубежных источников, значительная часть которых изданы за последние три года. В список включены, статьи и тезисы. Источники оформлены не во всех позициях корректно. Например, в описании периодического источника 11 отсутствует информация о наименовании и номере журнала, а также номерах страниц.
Апелляция к оппонентам.

1). Рекомендуется оформить введение с определением актуальности, цели, объекта, предмета, задач, научной новизны и методологических основ исследования.

Выводы. Проблематика затронутой темы отличается несомненной актуальностью, а также практической ценностью. Статья будет интересна специалистам, которые занимаются проблемами психодиагностики состояний. Вопрос рассматривается через призму изучения методов машинного обучения при определении психического состояния на основе данных координатного устройства ввода информации. Статья может быть рекомендована к опубликованию. Однако важно учесть выделенные рекомендации и внести соответствующие изменения. Это позволит представить в редакцию научно-методическую и научно-исследовательскую работу, отличающуюся научной новизной и практической значимостью.

Психология и Психотехника
Правильная ссылка на статью:
Соболева Е.В. Психологическое сопровождение как один из механизмов, обеспечивающий эффективность трудовой деятельности // Психология и Психотехника. 2025. № 3. DOI: 10.7256/2454-0722.2025.3.71938 EDN: UTANZA URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71938

Психологическое сопровождение как один из механизмов, обеспечивающий эффективность трудовой деятельности

Соболева Елена Владимировна

ORCID: 0009-0006-2808-6864

кандидат психологических наук

доцент; кафедра педагогики и психологии; Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики

090020, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Лермонтовский, 44, Лит. А

bernar5@mail.ru

Статья из рубрики "Профессиональная психология"

DOI:

10.7256/2454-0722.2025.3.71938

EDN:

UTANZA

Дата направления статьи в редакцию:

10-10-2024

Аннотация: Объектом исследования являются психологические аспекты, обусловливающие эффективность трудовой деятельности. Предметом исследования служат внутренние психологические механизмы, влияющие на интерес человека к профессии, потребность в профессиональном развитии и самореализации, карьерном росте, его отношение к работе, коллегам, организации, а также на его мотивационно-ценностную направленность. Цель исследования состоит в углублении теоретико-методических положений, исследовании показателей эффективности трудовой деятельности до и после реализации программы психологического сопровождения и разработке научных и практических рекомендаций по психологическому сопровождению как механизму, обеспечивающему эффективность трудовой деятельности. В статье рассмотрена проблема психологического сопровождения как одного из механизмов, обеспечивающих эффективность трудовой деятельности. В процессе исследования были

выявлены психологические показатели эффективности трудовой деятельности. Автором статьи представлена оригинальная программа психологического сопровождения, направленная на регуляцию уровня стресса сотрудников в соответствии с эффективностью трудовой деятельности и поведения во взаимосвязи с особенностями развития организации. Методологической основой написания статьи послужили исследования отечественных и зарубежных ученых, раскрывающие психологические факторы, влияющих на эффективность трудовой деятельности, а также психологическое сопровождение в условиях повышенного стресса на разных этапах трудовой деятельности. В исследовании использованы теоретические (сравнительный анализ) и эмпирические методы (беседа, анкетирование) исследования. Научная новизна работы заключается в том, что в научной и практической области знания проблема влияния психологических механизмов на эффективность трудовой деятельности стала одним из центральных аспектов экономической эффективности. В этих условиях, наряду с профессиональными знаниями, умениями и мотивационно-ценностной направленностью на успешное исполнение работы, необходима ориентация не только в реальном процессе труда, но и в перспективах возможных перемен в организации и собственной профессиональной деятельности. Практическая значимость заключается в том, что проведенное исследование расширяет диапазон знаний о специфике психологического сопровождения как механизма, повышающего эффективность трудовой деятельности. Изучение взаимосвязи трудовой деятельности и психологических характеристик в процессе психологического сопровождения может способствовать более эффективному и целесообразному психологическому воздействию на личность работника. Разработанная программа психологического сопровождения работников организации может быть использована психологами психологических служб.

Ключевые слова:

трудовая деятельность, эффективность, организация, работники, психологическое сопровождение, психологические механизмы, стрессовые ситуации, ментальное здоровье, благополучие, профессиональное развитие

Введение

В связи с особенностями непредсказуемости и быстротечности, требующих психологической готовности персонала, к нему предъявляются более высокие требования, ориентируемые на функции, роль и статус в производственных, социальных и управленческих процессах в организации в целях повышения эффективности функционирования организации и сохранения конкурентоспособности, а также, удовлетворенности и безопасности деятельности каждого специалиста.

Обеспечение высокого уровня производительности труда является неоспоримым условием достижения стабильности и эффективности экономической деятельности, а также инновационного развития организаций. Планомерное совершенствование психологического сопровождения как механизма управления производительностью труда является приоритетом повышения эффективности трудовой деятельности [1].

Формирование эффективного механизма управления производительностью труда с учетом приоритетов психологического сопровождения в условиях инновационного развития организаций является чрезвычайно важной составляющей реформирования экономики. Возникает необходимость изменения концепций и новых требований к

менеджменту, прежде всего связанных с регулированием психологического сопровождения и обновлением методического инструментария, способного обеспечить организациям высокую экономическую эффективность [3].

В психологических исследованиях отечественными и зарубежными авторами обосновывались интеграционные аспекты и влияние различных аспектов на формирование психологических стратегий субъектов трудовых отношений, учитывая различные факторы, такие как психологические аспекты экономической эффективности трудовой деятельности [9]; показатели ментального и физического здоровья в рамках психологического сопровождения трудовой деятельности [7]; формирование субъекта деятельности и индивидуального стиля, механизмы и этапы профессиональной адаптации, кризис профессионального становления и феномены профессиональных деформаций, деструкций, конфликтом и фасилитации, медиации [4].

В научной и практической области знания проблема влияния психологических механизмов на эффективность трудовой деятельности стала одним из центральных аспектов экономической эффективности. В этих условиях, наряду с профессиональными знаниями, умениями и мотивационно-смысловой направленностью на успешное исполнение работы, необходима ориентация не только в реальном процессе труда, но и в перспективах возможных перемен в организации и собственной профессиональной деятельности [6].

Иванова И.М. раскрывает хронологическую и содержательную динамику специфических особенностей человека, обусловивших элементы психологического сопровождения как механизма управления эффективностью труда работников в организации. Начиная от концепции «человек экономический» внимание перешло к современному подходу о «человеке комплексном», который рассматривает комплекс внешних и внутренних мотивов, обусловливающих индивидуальное восприятие человеком реальной ситуации и эффективность профессиональной деятельности. В рамках данного подхода ориентация на творчество, свободу и ответственность за самого себя является механизмом регуляции успешной и эффективной профессиональной деятельности. А потребность в саморазвитии, самореализации и такие ценности, как свобода и автономия определяются как необходимые качества работников организации [5].

В то же время разнообразие профессиональной деятельности, должностных характеристик, инновационные изменения, индивидуальные особенности человека как личности и субъекта труда (его мировосприятие, отношение, представление, осознание, переживание, психическое развитие, функциональные возможности организма и профессиональная готовность), которые необходимо рассматривать во взаимосвязи, требуют по-новому подходить к психологическим механизмам повышения экономической эффективности трудовой деятельности.

В связи с этим, особое внимание необходимо уделить эмоциональной направленности характеристик психологического напряжения сотрудников. Сотрудники организации должны работать в более быстром ритме и нести все большее давление. Работа становится монотонной и скучной, возникает предрасположенность к физическим, умственным и эмоциональным проблемам. Когда у сотрудников возникают похожие симптомы, мы можем судить, что сотрудники находятся под сильным давлением, заставляющим их терять жизненные силы. Поэтому важным аспектом управления человеческими ресурсами организации стало управление стрессом сотрудников. Чрезмерный и постоянный стресс может привести к серьезным физическим и

психическим заболеваниям сотрудников, а управление стрессом и эмоциями может предотвратить разрушительный ущерб, причиняемый стрессом [9,10].

Под психическим стрессом работников организации понимают физиологическую и психологическую реакцию личности на внешние раздражители, являющуюся результатом стрессорной стимуляции. Согласно теории субъективных характеристик, стресс связан с некоторыми характеристиками личности и порождается взаимодействием конкретной среды и конкретных людей. Когда человек оценивает окружающую среду, внутренние и внешние потребности среды превышают его ресурсы и возможности, что будет производить психологическое давление [9,10,12].

Адебайо и др. отметили, что стрессоры работников организаций исходят из их работы и быта и имеют разные характеристики интенсивности. Источник давления относится к типу форс-мажорного кризиса, в результате чего усиление давления на работников зависит от двух причин: во-первых, форс-мажорный кризис приводит к нанесению ущерба имуществу работников или их родственников, или телесным повреждениям, что непосредственно влияет на рабочую и жизненную среду, а также влияет на дух сотрудников [11].

Шарма и др. считают, что личностные характеристики, внутренние и внешние организационные факторы действуют как три основных фактора, вызывающих профессиональный стресс [13].

Сильва и др. показывает, что стресс сотрудников можно разделить на три аспекта, таких как стресс на работе, межличностный стресс и стресс, связанный с карьерным ростом, что дает организациям прорыв в управлении стрессом на работе с разных точек зрения [14].

Все вышеизложенное подтверждает необходимость внедрения программ психологического сопровождения в организации с целью снижения уровня стресса и повышения эффективности трудовой деятельности, что относится к категории инноваций в управлении организацией. В качестве платформы управления экономической эффективностью рассматривается внедрение концепций и методов профессиональной психологической работы. Его цель – повысить эффективность организации за счет развития карьеры, благополучия и повышения уровня самоактуализации сотрудников.

Одним из способов достижения психологического благополучия, карьерного роста и снижения уровня стресса является создание и реализация программы психологического сопровождения. Эта программа представляет собой серию стратегий и связанных с ними мероприятий, инициатив и политик, разработанных работодателем совместно с психологической службой по согласованию с сотрудниками для постоянного улучшения или поддержания качества трудовой жизни, здоровья и благополучия сотрудников. Эти мероприятия разрабатываются как часть процесса постоянного совершенствования, направленного на улучшение рабочей среды (физической, психосоциальной, организационной, экономической), а также на расширение личных возможностей и личностного роста.

Цель исследования: углубление теоретико-методических положений, исследование показателей эффективности трудовой деятельности до и после реализации программы психологического сопровождения и разработка научных и практических рекомендаций по психологическому сопровождению как механизму, обеспечивающему эффективность трудовой деятельности.

Предметом исследования являются внутренние психологические механизмы, влияющие на интерес человека к профессии, потребность в профессиональном развитии и самореализации, карьерном росте, его отношение к работе, коллегам, организации, а также на его мотивационно-ценностную направленность

Методы исследования

В целях изучения показателей эффективности трудовой деятельности в рамках реализации программы психологического сопровождения, автором статьи проведено собственное исследование на базе образовательной организации высшего образования г. Санкт-Петербурга. В исследовании приняли участие административные работники и сотрудники профессорско-преподавательского состава, имеющие различные должностные обязанности. Программа психологического сопровождения реализовалась совместно с работой руководства по созданию безопасных рабочих мест и повышению мотивации работников, была направлена на профилактику отрицательного воздействия психосоциальных факторов, с целью снижения вероятности развития стресса, деморализации, подавленного настроения, тревожности или выгорания, и реализовывалась в течение 6 месяцев. Программа психологического сопровождения включала цикл лекций по психологической профилактике уровня стресса, эмоционального выгорания, техникам возвращения в ресурсное состояние, проводимые в онлайн-формате, «Социально-психологический тренинг», а также индивидуальные консультации работников по запросу.

В проведении исследования были использованы эмпирические методы (анкетирование, беседа). С целью выявления индивидуальных механизмов и факторов эффективности трудовой деятельности с работниками организации была проведена диагностическая беседа в виде частично стандартизированного интервью. Вопросы беседы касались уровня благополучия, ментального и физического здоровья, удовлетворенности психологическим климатом, особенностями трудовой деятельности и работой руководства. По результатам проведенной беседы, и на основании анализа психосоциальных показателей эффективности трудовой деятельности, описанных в теоретической части данной статьи, были определены факторы эффективности трудовой деятельности, которые легли в основу разработанной анкеты. В анкетировании приняли участие 214 работников в возрасте от 26 до 65 лет до и после реализации программы психологического сопровождения. Перед работниками были поставлены вопросы, направленные на выявление удовлетворенности психосоциальными факторами, которые могут оказывать влияние на организационное здоровье, здоровье отдельных сотрудников и эффективность трудовой деятельности, представленные девятью шкалами и требующие ответы «да», в случае удовлетворенностью данным фактором, «нет», в случае неудовлетворенностью данным фактором:

1. Баланс между работой и личной жизнью как состояние благополучия;

2. Удовлетворенность работой;

3. Эффективное руководство;

4. Вовлеченность сотрудников;

5. Личностный и профессиональный рост и развитие сотрудников;

6. Организационная культура;

7. Психологическая безопасность на рабочем месте;

8. Признание и вознаграждение;

9. Управление рабочей нагрузкой.

Анкетирование проводилось анонимно в онлайн-формате до и после реализации программы, работники заполняли Google Формы. Всего анкетирование проводилось 2 раза. Статистическая обработка производилась в программном обеспечении Excel с использованием среднего значения, описательных статистик, критерия t-критерия Стьюдента для зависимых выборок.

Результаты исследования и их обсуждение

По результатам проведенного исследования установлено, что количество работников, удовлетворенных показателями эффективности трудовой деятельности после реализации программы психологического сопровождения, выросло по сравнению с предыдущими показателями. С целью выявления изменений в измеряемых показателях был применен t-критерий Стьюдента для зависимых выборок. Результаты значимых различий между показателями эффективности трудовой деятельности до и после реализации программы психологического сопровождения с помощью t-критерия Спирмена представлен в таблице 1.

Таблица 1

Выделение значимых различий между показателями эффективности трудовой деятельности до и после реализации программы психологического сопровождения с помощью t-критерия Стьюдента.

Названия показателей по анкете	t-критерий Стьюдента	Уровень значимости
Баланс между работой и личной жизнью как состояние благополучия	t-Эмп.=10.9	p≤0.01
Удовлетворенность работой	t-Эмп.=4.8	p≤0.01
Эффективное руководство	t-Эмп	p≤0.01
Вовлеченность сотрудников	t-Эмп.=13.0	p≤0.01
Личностный и профессиональный рост и развитие сотрудников	t-Эмп.=12.5	p≤0.01
Организационная культура	t-Эмп.=9.3	p≤0.01
Психологическая безопасность на рабочем месте	(t-Эмп.=9.3	p≤0.01
Признание и вознаграждение	t-Эмп.=5,8	p≤0.01
Управление рабочей нагрузкой	t-Эмп.=9.5	p≤0.01

Хотелось бы отметить значимые изменения по фактору субъективного благополучия (t-Эмп.=10.9; p≤0.01), что связано с более осознанным отношением к балансу между работой и личной жизнью, выработке навыков по закрытию своих потребностей, позволяющие справляться с многочисленными обязанностями на работе, дома и в обществе, поддерживая физическое, эмоциональное, семейное и общественное здоровье. Вместе с тем, есть улучшения по показателям управления рабочей нагрузкой (t-Эмп.=9.5; p≤0.01). Рабочее место, где задачи и обязанности могут быть успешно выполнены в отведенное время, снижает уровень стресса и позволяет соблюдать баланс между работой и личной жизнью.

Увеличилось количество работников по показателям вовлеченности (t-Эмп.=13.0; p≤0.01), которая реализуется на физическом (затрачиваемая энергия), эмоциональном (позитивный взгляд на работу и страсть к своей работе) или когнитивном (уделять больше внимания своей работе и быть полностью поглощенной своей работой) уровнях.

За счет внутренней системы поощрения грамотами и благодарственными письмами, благодаря обеспечению условий для прохождения курсов повышения квалификации за счет средств организации, проведение собственных конференций и участие в конференциях, проводимых другими организациями, выросло число работников с более высокими показателями личностного, профессионального роста и развития (t-Эмп.=12.5; p≤0.01). Данный показатель также стимулируется за счет поощрения и поддержки в развитии своих межличностных, эмоциональных и профессиональных навыков. На этом фоне претерпели изменения среди работников, удовлетворенных признанием и вознаграждением трудовой деятельности (t-Эмп.=5,8; p≤0.01), проявляющиеся в справедливом и своевременном признании со стороны руководства.

Наблюдаются изменения по количеству респондентов, удовлетворенных организационной культурой (t-Эмп.=9.3; p≤0.01), что связано с формированием благоприятного и доброжелательного социально-психологического климата в коллективе, зависящего от стиля руководства и стратегических целей организации. При положительном социально-психологическом климате для членов коллектива характерно проявлять честность, заботливость, а также способность выстраивать конструктивные отношения с коллегами [3].

Изменения соотношения работников, удовлетворенных работой не сильно значительные (t-Эмп.=4.8; p≤0.01), но они есть, что связано с внедрением политики вежливости и уважения на рабочем месте, большим восприятием справедливости, более позитивным отношением, улучшением морального духа, лучшей командной работой, большей заинтересованностью в личном развитии, участием в решении проблем, улучшением отношений между руководителем и персоналом и сокращением количества отпусков по болезни, и оборот.

Четкое лидерство и понятные ожидания, основанные на эффективном руководстве и поддержке, которая помогает сотрудникам понимать, что им нужно делать, какой вклад их работа приносит организации и есть ли изменения, показало небольшие сдвиги в сторону увеличения работников, удовлетворенных данным фактором (t-Эмп.=5.0; p≤0.01), что требует дальнейшей работы в данном направлении по улучшению взаимодействия руководства и подчиненных на уровне четких инструкций и выявления затруднений в работе с последующим решением.

Выросло число работников, удовлетворенных показателями по психологической безопасности на рабочем месте (t-Эмп.=9.3; p≤0.01), что проявляется в способности сотрудников задавать вопросы, искать обратную связь, сообщать об ошибках и проблемах или предлагать новую идею, не опасаясь негативных последствий для себя, своей работы или карьеры.

Выводы

Таким образом, в ходе реализации программы психологического сопровождения мы получили значимые изменения по всем показателям эффективности трудовой деятельности, что проявилось в выравнивании баланса между работой и личной жизнью, увеличением количества работников с показателями благополучия, вовлеченности,

личностного и профессионального роста. В связи с этим, можно отметить, что мероприятия, направленные на анализ и улучшение характеристик психического здоровья работников, введения инновационного подхода к управленческой деятельности на создание условий для психологического благополучия, позволяющие не только увеличить свободное время сотрудников, но и уменьшить повседневные противоречия работников, а также снижающие их рабочую нагрузку, становятся платформой для улучшения взаимопонимания работников и руководства, стимулирующим фактором для гармоничного развития работников и повышения экономической эффективности трудовой деятельности.

В целях повышения эффективности трудовой деятельности и улучшения ее показателей руководству рекомендуется продолжать проводить мероприятия в рамках психологического сопровождения по формированию позитивного эмоционального отношения к работе и создание благоприятного психологического климата, а также предоставление работникам возможности для личностного и профессионального роста.

Библиография

1. Васильева А.В. Возможности оценки экономической эффективности труда в различных видах экономической деятельности // Креативная экономика. 2022. Том 16. № С. 833-848. DOI: 10.18334/ce.16.2.114198.
2. Евстифеева Е.А., Филиппченкова С.И., Балакшина Е.В. Особенности психологического сопровождения персонала в организации // Вестник ТвГУ. Серия "Педагогика и психология". 2018. № 2. С. 43-49.
3. Ермаков Г.П., Котельникова Н.В., Труничкина Е.И., Ганиева Й.Н. Эффективность труда и вознаграждение за его результаты: теория и практика // Экономика труда. 2021. Том 8. № 8. С. 841-864. DOI: 10.18334/et.8.8.113240.
4. Сыманюк Э.Э., Зеер Э.Ф. Психология профессиональных деструкций // М.: Академический проект. 2005. С. 2005-240.
5. Иванова Е. М. О психологических механизмах повышения эффективности деятельности персонала в организации // Известия Иркутского государственного университета. 2016. Т. 18. С. 3-11. URL: http://izvestia_psy.isu.ru/ru/index.html
6. Камалова О.М., Караванова Л.Ж. Мотивационно-смысловые отношения личности в профессиональной деятельности // Психология и Психотехника. 2024. № 2. С. 29-37. DOI: 10.7256/2454-0722.2024.2.70276 EDN: FRUXSW URL: https://e-notabene.ru/ptmag/article_70276.html
7. Коновалова В. Г. Психическое здоровье на рабочих местах: новый уровень проблем и их решения // УПИРР. 2022. № 6.
8. Родионова Е. А. Психологические факторы эффективности сотрудников современного предприятия // Terra Linguistica. 2011. № 124.
9. Селье Г. Стресс без болезней. СПб.: ТОО Лейла, 2003. 384 с.
10. Селье Г. Стресс без дистресса / Г. Селье; ред. Е. М. Крепс; авт. предисл. Ю. М. Саарм. – М.: Прогресс, 1979. 126 с.
11. Adebayo A.O., Hussein A.A., Hussein A.A. Data mining using hierarchical clustering techniques on the position of employees in an information technology firm // Glob. Scientific J. 2019. 69. Pp. 50-76.
12. Jilan B., Wen Z. Quantitative analysis of the impact of perceived organizational support on employees' work-family enrichment in paper industry // Paper Asia. 2018. 1. Pp. 87-90.
13. Sharma H., Sharma S. Psychological pressure and stress on employees during 'unlock-1': a case study // Invertis J. Sci. Technol. 2020. 13. Pp. 51-99. DOI: 10.5958/2454-762X.2020.00005.0
14. Silva M.K., Sansaloni M., Pol A. Psychology of testimony: a pilot study on accuracy of

memory in an emotional Vs. neutral situation // Global journal of. Intell. Dev. Disabil. 2018. 4. Pp. 9-14.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.
Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться здесь.

Предмет исследования четко определен, можно сказать, вынесен в заголовок статьи.
Методология исследования, к сожалению, прописана довольно поверхностно, сложно понять, как конкретно проводилось исследования, какая программа психологической поддержки реализовывалась, каковы были характеристики выборки, какими методами анализировалась эффективность трудовой деятельности. Статистический анализ в принципе отсутствует, присутствует умозрительное сравнение шкал.
Актуальность статьи присутствует, подтверждена ссылками на актуальную литературу.
О научной новизне, к сожалению, судить трудно, так как формат предоставления результатов исследования в данном виде не позволяет сделать вывод о вкладе, которое делает данное исследования в науку.
Стиль статьи научный, структура статьи соответствует требованиям к научной работе.
Библиография содержит определенное число актуальных источников, однако требует некоторого расширения.
Апелляция к другим авторам исследований по теме присутствует.
Данная работа вполне способна вызвать интерес читательской аудитории при условии внесения ряда правок.

Раздел, посвященный методологии исследования требует серьезнейшей доработки и расширения.

Во-первых в статье в принципе отсутствует информация о характеристиках выборке, кроме ее количества и географии. Необходимо подробно описать характеристики выборки, в идеале, привести описательные статистики.

Во-вторых, необходимо описать собственно методы и ход исследования. Если реализовывалась конкретная программа психологической поддержки - необходимо подробно описать ее цели, задачи, сроки реализации, конкретные методы и методики, какое конкретно воздействие оказывалось на испытуемых и каким образом. В настоящем тексте никакой информации о данной программе просто нет.
Необходимо также описать конкретные методы исследования. Если проводилось анкетирование, то необходимо развернуто описать анкету, вопросы анкеты (шкалы, если релевантно), а также основание выбора данных вопросах, процедуру составления анкеты, процедуру предъявления анкеты, сбора данных, обработки данных.
Метод беседы, также требует подробного описания, вид беседы, ход беседы, учитывая, что беседа по сути является качественным методом исследования, необходимо описать процедуру фиксации (записи, протоколирования) данных, их формализации и обработки.
Стоит точнее определить, что исследовалось. Например, в настоящем тексте статьи имеется фраза: "Перед работниками поставлены вопросы, направленные на анализ удовлетворенности показателями эффективности трудовой деятельности:". Что такое "удовлетворенность показателями эффективности"? Так что же исследовалось? Очевидно, что данный фрагмент нуждается в корректуре и переработке.

Также необходимо обосновать выбор конкретных критериев эффективности деятельности, почему измерялись именно такие, а не иные критерии, дать отсылки к литературе.

В настоящей статье непонятно, как связан результат исследования с методами исследования, откуда взяты "уровни выраженности" до и после проведения программы, как связаны данные шкалы собственно с методами исследования. Все это надлежит описать подробнейшим образом.

Необходимо отметить, что, к сожалению, в настоящий момент в работе в принципе отсутствует математический анализ результатов. Умозрительное сравнение процентов или показателей таковым не является. Фактически, в работе должно быть проведено сравнение двух зависимых выборок (релевантное, поскольку фактически измеряется один и тот же признак в разный период времени). Для чего необходимо применять соответствующие статистические методы (например, Т-критерий для зависимых выборок (Стьюдента или Уилкоксона (если распределение отличается от нормального)). Только таким образом можно сделать вывод о наличии или отсутствии различия в измеряемых показателях до и после проведения программы поддержки.

Необходимо также уделить отдельное внимание иллюстративному материалу. В настоящем виде Таблица 1 нечитаема, рисунок 1 слабочитаем.

Также вызывает некоторые вопросы литературный обзор.
В отличие от диплома или диссертации в статье не стоит приводить фамилии авторов через запятую большим списком, не давая конкретных ссылок на их работы. Например, данный фрагмент "Практическую ценность представляют данные о формировании субъекта деятельности и индивидуального стиля, о механизмах и этапах профессиональной адаптации, кризиса профессионального становления и феномены профессиональных деформаций, деструкций, конфликтом и фасилитации, медиации, раскрываемые в работах [авторов]" является избыточным и не нужным, так как он не содержит отсылок к конкретным работам поименованных авторов. Лучше сократить список упоминаемых авторов, но проанализировать их конкретные работы, релевантные для темы и цели данного исследования, привести конкретные ссылки на них.
В целом список литературы требует расширения.

Статья представляет собою интересный замысел исследования, но по исполнению является несколько "сырой". Однако при внесении соответствующих доработок может представлять интерес для читательской аудитории. В настоящем виде статья рекомендуется к доработке.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.
Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться здесь.

Данная статья выполнена на тему, которая достаточно регулярно обсуждается научной общественностью. Предполагается разработка таких технологий психолого-педагогического сопровождения, внедрение которых может оказать позитивное влияние на эффективность конкретной трудовой деятельности. Поэтому можно признать, что такая тематика актуальна.

Однако именно в этой статье актуальность исследования автором не обоснована с учетом современных требований к конкретным видам деятельности. Во введение в очень общем виде отмечается, что «На фоне повышения требований к экономической эффективности трудовой деятельности в эпоху интенсивного и турбулентного развития экономики все большее внимание уделяется ментальному здоровью, от которого зависит физическое состояние и продуктивность сотрудников». Для обоснования актуальности этого недостаточно. К тому же во введении имеют место утверждения, которые непонятны по смыслу и смотрятся вне контекста. Например, когда автор пишет о том, что «Последние исследования ссылаются на то, что безопасное и надежное место работы с хорошими рабочими часами и условиями, поддерживающим руководством и возможностями для обучения и развития полезнее для здоровья, чем отсутствие работы».

Кроме того, в тексте совсем нет формулировок цели исследования, его научной новизны и предмета, что не позволяет сразу понять, чему данная статья посвящена. Особенно отсутствие предмета исследования затрудняет восприятие текста.

Нет данных о методологии исследования и ее обоснования. Необходимо ссылаться на какие-либо теории или принципы, на основании которых выполнялось исследование предмета психологического сопровождения в качестве механизма, обеспечивающего эффективность трудовой деятельности. Автор ссылается на некий подход, который называется «человек комплексный». Но научность данного подхода весьма неубедительна. Он представляет собой субъективное мнение одного из авторов, которое пока еще не нашло научного признания.

Автор пишет о том, что «сотрудники организации должны работать в более быстром ритме и нести все большее давление. Работа становится монотонной и скучной, возникает предрасположенность к физическим, умственным и эмоциональным проблемам. Когда у сотрудников возникают похожие симптомы, мы можем судить, что сотрудники находятся под сильным давлением». Это общие фразы, которые не привязаны к конкретной деятельности.

По тексту видно, что автор пытается сослаться на стресс профессиональной деятельности. Например, отмечается, что «чрезмерный и постоянный стресс может привести к серьезным физическим и психическим заболеваниям сотрудников, а управление стрессом и эмоциями может предотвратить разрушительный ущерб, причиняемый стрессом». Пока не указан вид деятельности, упоминание о губительных последствиях стресса неуместно.

Хотя по тексту сказано, «что одним из способов достижения психологического благополучия, карьерного роста и снижения уровня стресса является создание и реализация программы психологического сопровождения».

Стиль изложения текста поверхностный, сведения из литературных источников фрагментарны.

Структура работы не соответствует тем логическим требованиям, которым должна соответствовать статья для публикации в научном журнале (актуальность, цель, предмет, научная новизна и методология исследования).

Содержание статьи свидетельствует о том, что автором, тем не менее, проделана большая и полезная работа. Была разработана программа психологического сопровождения, которая включала цикл лекций по психологической профилактике уровня стресса, эмоционального выгорания. Проводился «Социально-психологический тренинг», а также индивидуальные консультации работников по запросу.

В проведении исследования были использованы эмпирические методы (анкетирование, беседа). С целью выявления индивидуальных механизмов и факторов эффективности трудовой деятельности с работниками организации была проведена диагностическая

беседа в виде частично стандартизированного интервью. Анкетирование проводилось анонимно в онлайн-формате, работники заполняли Google Формы. Статистическая обработка производилась в программном обеспечении Excel с использованием среднего значения, описательных статистик, t-критерия Стьюдента для зависимых выборок.

По результатам проведенного исследования установлено, что количество работников, удовлетворенных показателями эффективности трудовой деятельности после реализации программы психологического сопровождения, выросло. По многим фактором автором были определены положительные изменения. Например, такие, как значимые изменения по фактору субъективного благополучия, который до реализации программы был представлен у 37,3% работников, а после – у 81,3% (t-Эмп.=10.9; p≤0.01), что связано с более осознанным отношением к балансу между работой и личной жизнью, выработке навыков по закрытию своих потребностей, позволяющие справляться с многочисленными обязанностями на работе.

То есть, можно признать, что в результате реализации программы, были получены позитивные изменения и об этом в тексте отмечено.

Однако обращает внимание некоторая некорректность по трактовке статистических данных. Автор пишет, что статистическая обработка производилась в программном обеспечении Excel с использованием среднего значения, описательных статистик, t-критерия Стьюдента для зависимых выборок. Значит, необходимо показать количество исследований (n), а также собственно средние абсолютные величины конкретных показателей. Надо показать и средние квадратические отклонения по этим же показателям. Лучше это сделать в виде таблицы. Тогда представленные показатели критериев достоверности различий будут понятны и проверяемы. А между процентными исчислениями t-критерий не рассчитывается. Например, до - 48,9%, после – 67,4% (t-Эмп.=4.8; p≤0.01) – это некорректное представление данных статистики.

Заключения нет.

Выводы имеются, но они нуждаются в корректировке, конкретизации и детализации. Выводы необходимо формулировать с учетом только тех данных, которые были получены при исследовании. Они не должны быть голословными.

Библиографический список включает источники, некоторые из которых прямого отношения к данной теме не имеют (№ 1, 12, 17).

Несмотря на имеющиеся замечания, данная статья имеет перспективу опубликования, поскольку исследование автором было выполнено и были получены фактические данные. Кроме того, эти недостатки вполне устранимы. Поэтому после доработки текста, данную статью можно будет рекомендовать к опубликованию как представляющую интерес для читающей аудитории.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться здесь.

Предметом исследования в представленной статье является психологическое сопровождение как один из механизмов, обеспечивающий эффективность трудовой деятельности.

В качестве методологии предметной области исследования в данной статье были использованы дескриптивный метод, метод категоризации, метод анализа, а также метод анкетирования и метод беседы.

Актуальность статьи не вызывает сомнения, поскольку в современных условиях в

организациях наблюдается тенденция, характеризующаяся принципиальными изменениями в кадровой политике и работе с кадрами. Особое внимание руководство организаций стало уделять психологическому сопровождению своих работников, обеспечению комфортной среды и улучшению качества условий на рабочем месте, повышению мотивации к работе. В этом контексте изучение особенностей психологического сопровождения как одного из механизмов, обеспечивающих эффективность трудовой деятельности, представляет научный интерес в сообществе ученых.

Научная новизна исследования заключается в изучении по авторской методике «показателей эффективности трудовой деятельности в рамках реализации программы психологического сопровождения» «на базе образовательной организации высшего образования г. Санкт-Петербурга». Разработке анкеты предшествовало проведение бесед с работниками, по итогу которых и «на основании анализа психосоциальных показателей эффективности трудовой деятельности» была разработана анкета. В ходе исследования были проанкетированы «214 работников в возрасте от 26 до 65 лет до и после реализации программы психологического сопровождения». Обработка результатов проводилась с помощью методов математической статистики.

Статья написана языком научного стиля с использованием в тексте исследования изложения различных позиций ученых к изучаемой проблеме, использованием терминологии, характеризующей предмет исследования, а также описанием полученных результатов.

Структура статьи, к сожалению, не полностью выдержана с учетом основных требований, предъявляемых к написанию научных статей. Структура данного исследования включает в себя введение, методы исследования, результаты исследования и их обсуждение, выводы и библиографию.

Содержание статьи отражает ее структуру. В частности, особое значение имеет выявленная в ходе исследования, важная в работе с кадрами, тенденция, «что количество работников, удовлетворенных показателями эффективности трудовой деятельности после реализации программы психологического сопровождения, выросло по сравнению с предыдущими показателями».

Библиография содержит 14 источников, включающих в себя отечественные и зарубежные периодические и непериодические издания.

В статье приводится описание различных позиций и точек зрения ученых, характеризующих различные подходы к рассмотрению вопросов психологического сопровождения трудовой деятельности и факторов, обеспечивающих ее эффективность.

В статье содержится апелляция к различным научным трудам и источникам, посвященных этой тематике, которая входит в круг научных интересов исследователей, занимающихся указанной проблематикой.

В представленном исследовании содержатся выводы, касающиеся предметной области исследования. В частности, отмечается, что «в ходе реализации программы психологического сопровождения мы получили значимые изменения по всем показателям эффективности трудовой деятельности, что проявилось в выравнивании баланса между работой и личной жизнью, увеличением количества работников с показателями благополучия, вовлеченности, личностного и профессионального роста. В связи с этим, можно отметить, что мероприятия, направленные на анализ и улучшение характеристик психического здоровья работников, введения инновационного подхода к управленческой деятельности на создание условий для психологического благополучия, позволяющие не только увеличить свободное время сотрудников, но и уменьшить повседневные противоречия работников, а также снижающие их рабочую нагрузку, становятся платформой для улучшения взаимопонимания работников и руководства,

стимулирующим фактором для гармоничного развития работников и повышения экономической эффективности трудовой деятельности».

Материалы данного исследования рассчитаны на широкий круг читательской аудитории, они могут быть интересны и использованы учеными в научных целях, педагогическими работниками в образовательном процессе, руководителями, администрацией и работниками служб по работе с персоналом различных организаций, психологами, социологами, консультантами, аналитиками и экспертами.

В качестве недостатков данного исследования следует отметить, то, что особое внимание целесообразно было бы уделить структуре научной статьи и отдельным ее элементам, в частности, представить и выделить отдельным заголовком обзор литературы; раздел «Методы исследования» целесообразно было бы озаглавить «Материалы и методы», поскольку там описаны не только примененные в исследовании методы, но и материалы, необходимые для проведения данного авторского исследования; кроме представленных выводов и рекомендаций, в качестве завершающего исследование элемента статьи целесообразно было бы сформулировать обобщающее заключение. При оформлении таблицы необходимо обратить внимание на требования действующего ГОСТа и оформить ее в соответствии с этими требованиями. Полученные результаты исследования для наглядности можно было бы оформить в виде рисунков, а не ограничиваться только таблицей. Указанные недостатки не снижают научную и практическую значимость самого исследования, однако их необходимо оперативно устранить, доработать текст статьи, в плане его структуры, а саму рукопись рекомендуется вернуть на доработку.

Психология и Психотехника
Правильная ссылка на статью:
Мустафаева М.А. Система логических уровней как модель антропоцентрического эталона здоровья // Психология и Психотехника. 2025. № 3. DOI: 10.7256/2454-0722.2025.3.74463 EDN: USUATP URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74463

Система логических уровней как модель антропоцентрического эталона здоровья

Мустафаева Мариам Абдуррахмановна

кандидат психологических наук

преподаватель; Факультет психологии; Бакинский государственный университет

AZ 1148, Азербайджан, Baki, г. Баку

trukhanovas77@gmail.com

Статья из рубрики "Психология и педагогика"

DOI:

10.7256/2454-0722.2025.3.74463

EDN:

USUATP

Дата направления статьи в редакцию:

15-05-2025

Аннотация: Предметом исследования является феномен здоровья как сложной, многомерной и иерархически организованной системы, включающей физические, психические, социальные и духовные компоненты. Объектом исследования выступают социокультурные эталоны здоровья, определяющие общественные и личностные представления о здоровье и болезни. Автор подробно рассматривает такие аспекты темы, как античный, адаптационный и антропоцентрический подходы к пониманию здоровья. Особое внимание уделяется антропоцентрическому эталону, в рамках которого личность воспринимается как саморазвивающаяся система, способная к осознанию, самопознанию, духовному росту и внутренней интеграции. Исследование опирается на системно-структурный подход, который позволяет анализировать здоровье как динамический процесс, включающий взаимодействие различных уровней человеческого существа. В аннотации подчёркивается значимость внутреннего ядра личности как ключевого компонента, обеспечивающего целостность и устойчивость индивида. Методологической основой исследования является системно-структурный подход и модель логических уровней сознания Р. Дилтса, дополненная элементами

структурной психосоматики, позволяющая проанализировать внутреннюю организацию личности сквозь призму ценностей, идентичности и духовного ядра. Научная новизна настоящего исследования заключается в интеграции модели логических уровней сознания в интерпретацию антропоцентрического эталона здоровья, что позволяет по-новому взглянуть на внутреннюю структуру личности как системы. Такой подход обеспечивает возможность глубинного анализа ценностно-смысловых основ человеческого существования и механизмов самоорганизации. В работе подчёркивается, что здоровье в антропоцентрическом контексте выступает как результат устойчивого взаимодействия между различными уровнями психической и духовной организации личности. В отличие от античного и адаптационного эталонов, предлагаемый подход акцентирует внимание на внутреннем ядре личности как источнике жизненной энергии, экзистенциального смысла и духовной устойчивости. Сделан вывод о том, что нарушение связи с ядром личности лежит в основе многих личностных и психосоматических кризисов. Восстановление этой связи способствует достижению психологической целостности, личностной зрелости, внутреннего равновесия и высокой стрессоустойчивости, что открывает новые перспективы как для теоретической психологии, так и для практической психотерапии.

Ключевые слова:

система логических уровней, эталоны здоровья, антропоцентрический эталон здоровья, интегративная модель, ядро личности, структурная психосоматика, самоактуализация, духовное измерение личности, экзистенциальный подход, системно-структурный подход

Введение

В условиях стремительных изменений современного мира, сопровождающихся трансформацией социокультурных норм и ценностей, проблема здоровья выходит за рамки исключительно медицинской сферы и приобретает междисциплинарный характер. Современные научные подходы требуют комплексного, системного рассмотрения феномена здоровья как многомерного и многоуровневого явления [1,2]. В рамках психологии и смежных дисциплин всё большую значимость приобретают интегративные модели, способные отразить как биопсихосоциальные, так и духовные аспекты личности. Одной из таких моделей является система логических уровней, предложенная Р. Дилтсом и дополненная методологией структурной психосоматики, которая раскрывает внутреннюю организацию человеческой личности через призму антропоцентрического эталона здоровья.

Актуальность исследования

Современные социокультурные и научные реалии требуют переосмысления традиционных подходов к понятию здоровья. Усложнение структуры личности и повышение значимости её духовного измерения обуславливают необходимость системного, интегративного взгляда на здоровье как многомерную категорию. В условиях кризиса идентичности, ценностной дезориентации и роста психосоматических расстройств особую актуальность приобретает антропоцентрический эталон здоровья, предполагающий рассмотрение человека как духовно интегрированной сущности. Это делает востребованным обращение к модели логических уровней сознания как к инструменту системной диагностики и саморегуляции[3-5].

Проблема исследования

Психология и смежные дисциплины пока не располагают универсальной моделью, способной одновременно отразить многоуровневую структуру личности, процессы самоактуализации и критерии духовного здоровья. Отсутствие единой функциональной схемы, интегрирующей духовные, поведенческие и когнитивные уровни в контексте здоровья, затрудняет как теоретическое осмысление, так и практическое применение концепций целостной личности.

Объект исследования

Объектом исследования является феномен здоровья как интегративная и многоуровневая система в контексте гуманистической и трансперсональной психологии.

Предмет исследования

Предметом исследования выступает модель логических уровней сознания, интерпретируемая как функциональная структура антропоцентрического эталона здоровья.

Цель исследования

Целью исследования является обоснование системы логических уровней как универсальной модели описания структуры личности и критериев духовного здоровья в антропоцентрическом подходе.

Задачи исследования:

1. Провести сравнительный анализ античного, адаптационного и антропоцентрического эталонов здоровья.

2. Охарактеризовать особенности антропоцентрического подхода к здоровью как духовно-интегративной модели.

3. Рассмотреть структуру логических уровней сознания и их соответствие компонентам здоровой личности.

4. Выявить роль ядра личности как высшего уровня интеграции в модели здоровья.

5. Проанализировать метод структурной психосоматики как способ моделирования и практической работы с личностной целостностью.

Методы исследования:

В работе использованы системно-структурный и сравнительно-аналитический подходы, метод теоретического моделирования, контент-анализ философских, психологических и психотерапевтических источников. Также применялись интерпретативные методы анализа интегративных моделей личности и конструкций, связанных с духовным здоровьем.

Научная новизна исследования

Научная новизна заключается в интерпретации модели логических уровней сознания как основы антропоцентрического эталона здоровья, в которой центральную роль занимает ядро личности как духовное измерение. Впервые предложено рассматривать логические уровни не только как иерархию когнитивных процессов, но и как критерии

интегративного здоровья личности. Модель адаптирована для анализа не только поведенческих и адаптационных характеристик, но и уровней самоидентификации, метамотивации и экзистенциального выбора.

Основная часть

В *античном эталоне* здоровье рассматривается преимущественно как внутренняя категория, в малой степени зависящая от отношений человека с окружающим миром. Здоровье определяется гармонией и соразмерностью телесных и душевных качеств, а также оптимальностью физических и психических процессов, реализующихся в человеческом существе, и предполагает равновесие противодействующих сил. Здоровый человек, опираясь на руководство разума, здравомыслие и самообладание, следует своей собственной природе и общей природе Мироздания.

Мы относим к данному эталону дефиницию здоровья, данную античным философом Алкмеоном (V в. до н. э.). Алкмеон определял здоровье как равновесие противоположно направленных сил, имея в виду первоэлементы. Первоэлементы, согласно его концепции, составляют физическую природу человека и формируют различные телесные состояния – тепло и холод, влагу и сухость, активность и неподвижность и др. Болезнь же наступает вследствие нарушения этого баланса [7]. Учению Алкмеона созвучна гуморальная теория Гиппократа (460–370 гг. до н. э.), согласно которой здоровье поддерживается «правильным смешением соков» (гуморов) человеческого организма – крови, лимфы, желчи и чёрной желчи [10].

В отличие от Гиппократа и Алкмеона, римский философ и учёный Цицерон (106 г. до н. э. – 43 г. н. э.) характеризует здоровье как «правильное соотношение различных душевных состояний» [25]. Эти две полярные дефиниции – крайний физиологизм и крайний же психологизм примиряются в определении здоровья древнегреческим философом Платоном (428–347 гг. до н. э.): здоровье и красоту он характеризует «согласием противоположностей», соразмерностью душевного и телесного. Примером сохранения внутреннего равновесия состояний физического и психического уровней Платон называет Вселенную, как образец внутренней согласованности и соразмерности. Он сопоставляет человеческое существо с Мировым Телом – Вселенной, показывая, что они находятся в соотношении как микрокосм с Макрокосмом [22].

Развили идеи Платона об аналогии между внутренней согласованностью человеческого существа и высшей согласованностью Вселенной философы-стоики. Зенон (490–430 гг. до н.э.), Сенека (IV в. до н.э.), Марк Аврелий (121 -180 гг.), Эпиктет (50 – 138 гг.) – их учения объединяла идея о том, что в основе здорового и полноценного существования лежит высшая согласованность между гармонией частного и общего, всеединого [8].

Адаптационный эталон здоровой личности явился результатом интеграции биологических и социальных наук. Он составляет концептуальный базис современных медицины и психиатрии. Теоретической основой данного эталона выступает представление о человеке, как о биосоциальном существе. В частности, это эволюционная теория Ч. Дарвина и социологические концепции О. Конта и Э. Дюргейма. Основным критерием здоровья в данном эталоне является адаптированность человека к биологической и социальной среде. Успешная адаптация, как результат высокой степени включённости во внешние биологические и социальные системы, обозначается как здоровье индивида, нарушение же биологической или социальной адаптации рассматривается как болезнь [8,16].

Сам адаптационный эталон представлен в науке тремя подходами: психофизиологическим, эволюционистским и социально-ориентированным. При этом, первые два подхода относятся к биологической адаптации, в то время как третий – к социальной. *Психофизиологический подход* описывает индивидуальный уровень адаптации личности к окружающей природной среде. Он представлен в психологической науке биологической теорией стресса Г. Селье (1946), которая основана на том утверждении, что для реализации адаптивных способностей организма к среде необходимо поддерживать стресс на определённом уровне, а не полностью избавляться от него [23].Понятие о гомеостазе, как способности поддерживать необходимый уровень баланса и стабильности психофизиологических процессов, введённое американским физиологом У. Кенноном (1932) также может быть отнесено к психофизиологической модели адаптационного эталона здоровья. В свою очередь, И. Шульц в 1932 году описал метод психофизического саморегулирования, получивший название «аутогенной тренировки», который может служить инструментом поддержания такого баланса. Его последователь Х. Линдеманн определял болезнь как нарушение психофизической саморегуляции [16].

Если психофизиологический подход рассматривает здоровье как индивидуальную характеристику, то *эволюционистские концепции* ставят акценты на адаптации человечества как вида. Так, опираясь на учение Ч. Дарвина, Конрад Лоренц (1941) определяет эволюционный вектор развития человечества как адаптационный процесс, главным инструментом которого является познание, а ведущей закономерностью – естественный отбор [17].

Теория биосферы В. И. Вернадского (1926) основана на идее о значительной роли человечества, как сознательного вида, в процессах космопланетарного масштаба - постепенном преобразовании биосферы в ноосферу – сферу духовной активности [9]. В.П. Казначеев и Е.А. Спирин (1991) – авторы концепции «космопланетарного феномена человека», основным критерием здоровья называют степень вовлечённости индивидуума в глобальные процессы социально-природного развития и его продуктивность в этой деятельности [15].

Интересна эволюционистская трактовка болезни. И.В. Давыдовский (1969) рассматривал болезнь как «активно организованный способ адаптации, как форма выживания человека в экстремальных, опасных для него условиях внешней или внутренней среды» [12]. Иначе расставлены акценты в *социальном подходе* адаптационной модели здоровья. Данный подход абсолютизирует идею о социальной детерминации личности и рассматривает её исключительно как продукт социальных отношений. Э. Дюргейм [14, с. 14], М. Вебер развивали идеи, согласно которым, индивидуальное сознание и поведение полностью обусловлены системой коллективных представлений. На основе идей социального детерминизма возникло направление, называемое социальным конструкционизмом. Для социального конструкционизма характерен нормоцентрированный подход к пониманию здоровья. Социально-ориентированный подход стал теоретическим базисом для психотерапевтической системы А. Адлера, бихевиоризма Б. Скиннера и социально-когнитивной теории научения А. Бандуры.

Ограничения социального конструкционизма были преодолены интеракционистской концепцией адаптации, разработанной Л. Филипсом [36]. В рамках данной концепции высказываются идеи о целенаправленной и творческой активности адаптирующейся личности и приводятся в баланс средовые и внутрипсихические факторы.

Расставляя акценты в аспектах проявления человеческого существа, *антропоцентрический эталон здоровья* особо выделяет его духовное измерение. Если мы говорим о системно-структурном подходе, как общей методологии, рассматривающей любой объект как систему, то каждый из трёх эталонов здоровья описывает человека как многомерную систему. При этом основным системным критерием структуры здоровой личности является свойство интегративности. Развитие представлений о человеке как об интегративной сущности прослеживается на протяжении всей истории развития психологии. При этом под интеграцией понимается процесс сближения, взаимного приспособления, объединение частей в одно целое. Это механизм, обеспечивающий сохранность качественных и функциональных характеристик системы и её развитие [20, 33, 34].

С этой точки зрения качество интегративности реализуется в каждом из трёх названных нами эталонов. Однако антропоцентрический эталон качественно отличается от предыдущих двух наличием ядерной зоны личности – измерения, на котором он акцентирует внимание.

Антропоцентрический эталон меняет уже саму картину мира. Если в античном подходе человек пребывает в строго организованном, упорядоченном, ограниченном космическом пространстве, то антропоцентрический эталон определяет место обитания человека как неограниченную и непознанную Вселенную. Акцент на цикличности времени и природных процессов в античном подходе, сменяется его направленностью из прошлого в бесконечное будущее - в антропоцентрическом. Причём, начальной точкой новых времён считается рождение Христа [8]. В таком пространственно-временном континууме меняется и концепция здоровой личности. Человек становится хозяином и строителем своей собственной жизни, своего мира, которые во многом определяются его субъективным отношением к событиям и сделанными им выборами. Предметом исследования антропоцентрической модели здоровья становится индивидуальность. Её безусловными ценностями становятся субъективные качества, стремление к свободе самовыражения и творчеству, к самопознанию и самоопределению, а также осознание собственной ответственности за свою жизнь. Ценность индивидуальности становится равнозначна природе, социуму и космосу. Сама же личность рассматривается как динамичная, постоянно развивающаяся и самореализующаяся. При этом направление этого динамизма и развития – всё более высокие уровни эволюции, всё более высокие уровни организации и сложности.

Подходы, реализующиеся в рамках антропоцентрического эталона - экзистенциальный, гуманистический и трансперсональный - признают сущностную природу человека, как в высшей степени сознательную и разумную. Человек может быть творцом собственной жизни, саморазвивающимся существом, обладающим свободой выбора и возможностями саморегуляции. Все эти свойства являются сущностными, духовными качествами. Наличие ядерной зоны личности или духовного измерения человека является основной отличительной особенностью моделей антропоцентрического эталона. Ядерная зона личности, в разных ее аспектах, так или иначе, представлена во всех его моделях и подходах [34]. Её категориями выступают ценностные и смысловые аспекты человеческого сознания. Так, у Р. Гвардини это свобода самовыражения, подлинность и цельность; у Э. Фромма – свобода и ответственность. А. Бергсон придает значение творческому аспекту в организации человеческого существа, который позволяет ему развиваться как самоорганизующейся системе.

Сторонники *экзистенциального подхода* в психологии (Хайдеггер, Бинсвангер)

опираются на представление о человеке, как стремящемся к целостности в восприятии самого себя и в отношении к миру. В основе психопатологии они видят нерешенный экзистенциальный конфликт, а саму психопатологию – как субъективную форму его разрешения.И. Ялом экзистенциальными называл проблемы свободы, изоляции, бессмысленности, одиночества.

Основными качествами самореализующейся личности, согласно *гуманистической модели*, являются: самоактуализация, полноценное развитие, динамизм и личностный рост; открытость опыту и изначальное доверие к процессу жизни; способность к подлинному диалогу; свобода в переживании, самовыражении и самоопределении; осмысленность существования; целостность.

При этом Э. Эриксон считал, что человеческая природа требует постоянного личностного роста. Процесс *личностного роста* он разбил на несколько этапов (восемь), на каждом из которых в результате разрешения определённого экзистенциального кризиса происходит эволюционный шаг в сторону личностного роста индивидуума. На каждом из этапов человек стоит перед выбором между зрелостью и самоопределением, с одной стороны, и стагнацией, регрессом и неврозом – с другой [30, 31]. В. Франкл самым главным, и даже единственным измерением человеческого бытия называл *«измерение смысла»* его жизни [24].

Э. Фромм идею о духовном измерении или ядерном образовании личности видел как мотивационную и ценностную основу человеческого бытия, которую он считал изначально присущей человеческому существу, независимо от культурных и социальных условий, в котором оно развивается. Названные условия, согласно Э. Фромму лишь определяют форму реализации потребностей данного уровня [30].

Представление о зрелой личности Г. Олпорта отражено в его понятии «проприум». *Проприум* – это позитивное, творческое, стремящееся к росту и развивающееся свойство человеческой природы, качество, «осознаваемое как наиболее важное и центральное». Проприум охватывает все аспекты личности, формирует чувство внутреннего единства – это объединяющая и организующая энергия, создающая уникальную, наполненную смыслом жизнь. Таким образом, Г. Олпорт основными критериями зрелой здоровой личности называет сформированность проприотических функций, свободу самоопределения, проактивность и целеустремлённость, а также цельную философию жизни, основанную на определённой системе ценностей [21].

К. Роджерс называет главными критериями духовного здоровья и самореализации человека конгруэнтность и открытость опыту. При этом *конгруэнтность* он определяет как способность личности реагировать и действовать искренне, открыто, выражая свои подлинные чувства [35]. Гуманистическое направление разрабатывает свои концепции самоактуализации личности, изучая здоровых и зрелых людей. Ключевым элементом гуманистической психологии является восприятие человека единым целым. К исследованию человека как к единому, уникальному, организованному целому подошел А. Маслоу. Он делал акцент на необходимости исследования высших уровней сознания человеческого существа. По мнению А. Маслоу, человеческую сущность нельзя понять, не принимая во внимание его наивысшие стремления: к здоровью, к личностному росту, к самоактуализации, свободе, самостоятельности и самотождественности. Эту тенденцию он принимал как естественную и универсальную для всех людей. [27].

Центральным аспектом модели А. Маслоу является мотивация. Он считал, что развитие

личности происходит в постоянном стремлении к достижению разного уровня личных целей, и этот процесс придает каждому его личностные смыслы [26, 27].Он также утверждал, что все потребности человека являются врожденными, или инстинктоидными, но что не все они равнозначны. Потребности имеют свою иерархию и систему приоритетов.

Уровень потребностей, которые человек способен осознать и удовлетворить, определяют степень проявления его индивидуальности, самореализации и психического здоровья. Таким образом, одним из интегративных инструментов модели Маслоу является движение по иерархии уровней потребностей вверх – к ядерной зоне, критерием которой является потребность в самоактуализации. Сам А. Маслоу охарактеризовал самоактуализацию как желание человека стать тем, кем он может стать. На этом уровне человек реализует свои таланты, способности и возможности, здесь он способен достичь вершины своих возможностей. [27]. А. Маслоу определяет самоактуализацию как «...стремление к самоосуществлению, точнее, тенденцию актуализировать то, что содержится в качестве потенций. Эту тенденцию можно назвать стремлением человека стать все более и более тем, кем он способен стать». [27, с. 22]. Индивидуальность наиболее ярко проявляется именно на высших уровнях иерархии, где наблюдается большое разнообразие специфических форм самоактуализации.

А. Маслоу различал два вида или два уровня самоактуализации, которая является категорией ядерной зоны личности. Реализующиеся на первом уровне личности – это люди, «самые здоровые в психологическом смысле», с высоким уровнем развития когнитивных и перцептивных способностей, с высоко выраженной способностью к творчеству, высокообразованных, сильных личностей. Однако, говоря о полной самоактуализации, Маслоу подразумевает не только социальную и творческую самоактуализацию человека. Одним из критериев высшей реализации он считает опыт трансценденции. Это и есть второй вид самореализации. Основными ценностями человека уровня трансценденции являются высшие переживания и плато-познание [27].

Высшей стадией процесса самореализации, А. Маслоу считал своеобразное состояние завершенности, при котором отсутствуют стремления, цели, потребности и желания – как будто обычные потребности и стремления обыденной жизни больше не интересуют человека. Для данного этапа так же характерно отсутствие усилий - человек больше не проявляет никакой активности для достижения чего-либо, не стремится избежать боли или дискомфорта. «Он только есть. Радость достигнута, что означает временный конец стремления к радости» [26, с. 103]. Высшему же уровню самореализации соответствует концепция вершинных переживаний А. Маслоу.

При описании духовных измерений или ядерной зоны личности мы сталкиваемся с проблемами, на которые указывали исследователи и авторы интегративных моделей структуры личности Л. И. Божович и М. Ш. Магомед –Эминов [7,18]. Для того чтобы понять суть этих проблем, необходимо вспомнить, что ядерная зона личности имеет своё иерархическое строение.

Гуманистическая психология в исследовании и описании ядра личности, как системной составляющей, подходит к пределам индивидуального существования, где подсистемами выступают внутренние и социальные ценности - когнитивные, смысловые, эмоциональные, поведенческо-стилевые, мотивационно-волевые. Трансперсональная же психология выходит за эти рамки и переходит от изучения конкретной личности к постижению глубинной сущности человеческого существа. Она охватывает аспекты

индивидуального бытия, выходящие за пределы социального самоопределения и самоактуализации, а именно, надличностные аспекты и измерения.

Имея в виду вышесказанное, проблема раскрытия психологического строения ядра может быть объяснена с точки зрения системного подхода следующим образом - для того, чтобы описать систему, необходимо выйти за её пределы. Если предположить возможность выхода за пределы личностного уровня, то мы попадаем в надличностные измерения [20]. В реальности у нас, чаще всего, нет ни такого опыта, ни такой возможности. А значит, мы сталкиваемся с проблемой понимания и описания психологического ядра. Другой причиной сложности описания ядерной зоны личности является бедность языка. Будучи структурой более низших уровней – проявлений личности и собственно личности, язык не обладает средствами для корректного описания высшего духовного опыта.

К описанию трансцендентного уровня ядра личности можно отнести также теории К. Юнга и С. Грофа. Гроф предполагает наличие у человека хилотропического и *холотропического модусов сознания*. «Новое определение здорового функционирования должно включать в качестве критического фактора признание и культивирование двух взаимодополняющих сторон природы человека – его существование в качестве отдельной материальной сущности и в качестве безграничного поля сознания» [11]. «Понятие «высшего психического здоровья» следует применять к тем лицам, которые достигли сбалансированного взаимодействия обоих взаимодополняющих модусов сознания» [11].

Наиболее наглядной функциональной моделью антропоцентрического эталона можно назвать пирамиду. Такая модель может быть универсальной интегративной схемой для описания любых контекстов, включая здоровье. Именно форму пирамиды избрал А. Маслоу для описания структуры человеческого существа в динамике развития и реализации его потребностей от элементарных до наиболее сложных духовных потребностей. В этой модели он устанавливает взаимосвязь между здоровьем самоактуализирущейся личности и основными общечеловеческими потребностями и ценностями - в безопасности, любви, уважении, самоуважении, идентичности и самоактуализации.При этом А. Маслоу вводит понятие *метамотивации*, которое связано с осознанием потребностей и ценностей личностного и духовного роста. Эти потребности относятся к ядру личности [26, 33].

Для понимания внутренней логики структуры динамической системы, называемой личностью, большой интерес представляет структурная психосоматика как универсальная методология антропологии. Ее основу составляет структурный анализ человеческого существа. Вся психическая и физиологическая деятельность, как внешняя, так и внутренняя, может быть сведена к многомерным процессам отражения-отреагирования, анализ которых, позволяет вычленить так называемые логические уровни сознания. [19, с. 14]. Рис.1. иллюстрирует иерархическую модель логических уровней сознания, которая лежит в основе подхода Р. Дилтса и используется в рамках структурной психосоматики как функциональная схема описания личности. Нижний уровень - (1) включает такие компоненты, как окружение, поведение и способности, отражающие внешние проявления личности и её взаимодействие с окружающей средой. Средний уровень (2) представлен убеждениями и ценностями, формирующими внутренние мотивационные установки и когнитивные фильтры. Верхний уровень (3) объединяет идентичность и миссию (духовность), которые соответствуют ядру личности и отражают её

экзистенциальную направленность, самоосознание и жизненные смыслы. Таким образом, данная структура наглядно демонстрирует движение от внешнего к внутреннему, что полностью соответствует логике антропоцентрического эталона здоровья, в основе которого лежит целостная и духовно интегрированная личность.

Многоуровневая репрезентация внутренней структуры позволяет проводить анализ механизмов регуляции в двух плоскостях: (а) вертикальной, при рассмотрении взаимосвязей между разными иерархическими уровнями (макроанализ) и (б) горизонтальной, учитывающей текущие адаптационные перестройки на каждом из названных уровней (микроанализ) [20].

А. Минченков и П. Елпидифоров так объясняют свой подход: «Важной особенностью такого подхода является принципиальная неразличимость «внешней» и «внутренней» деятельности, точнее, осознание того факта, что любая деятельность имеет «внешнюю» и «внутреннюю» составляющую, что человек участвует в каждом акте своего существования не отдельным элементом своей структуры, а ее целокупностью - идет ли речь о вертикали «тело-душа-дух» или об оси отражения-отреагирования». [19, с. 8]

Данная взаимосвязь справедлива как для вертикали, отражающей логические уровни, так и для «оси отражения-отреагирования». Реализация этой идеи на практике помогает соотнести объективные требования конкретной ситуации и актуализацию определенных форм внутренней активности субъекта в ней [19, с. 42].

Рисунок 1. Структура логических уровней

Понятие «логических уровней сознания» впервые было введено американским НЛП-мастером Робертом Дилтсом в 1982 г. Он же разработал одноименную структурную модель. В разных интерпретациях модели, в ней выделяют от 5-ти до 8-ми уровней [13, 28].

Сам Дилтс писал об этом так: «В структуре нашего мозга, языке и перцептивных системах присутствуют естественные иерархии, или уровни опыта. Воздействие каждого уровня состоит в организации и контроле информации, относящегося к низшему по отношению к нему уровню. Любые изменения на высшем уровне неизбежно приводят к изменениям на низших уровнях; изменения на низших уровнях могут, но не обязательно затрагивают высшие уровни. Логические уровни: внутренняя иерархия, каждый уровень которой является все более психологически всеобъемлющим и влиятельным». [28, с. 26]

Авторы метода структурной психосоматики называют логическими уровнями сознания

любые градации по вектору процесса отражения-отреагирования, подразумевая под этим уровни взаимодействия человеческого существа с внешней реальностью или внутренней деятельностью. [19, с. 15]

Модель Логических Уровней выявляет структуру опыта – процесса или объекта, и в этом смысле она универсальна. С ее помощью можно описать задачи любого контекста и уровня сложности.

Согласно концепции Дилтса, моделирование может включать в себя исследование взаимоотношений между целым рядом различных уровней:

• *Окружение* определяет внешние условия реализации рассматриваемого нами феномена – явления или процесса. Уровень окружения описывает контекст: «где» и «когда» реализуется данный процесс.

• *Поведение* – это те действия или реакции, которые реализует человек в вышеописанном контексте – на уровне окружения. Это то, «что делает» конкретно тот, кто осуществляет данный процесс.

• *Способности* организуют действия по реализации конкретной формы поведения посредством определённого алгоритма или стратегии, которую также можно назвать ментальной картой. На данном уровне находит свой ответ на вопрос «как?», «каким образом осуществляется данное действие?».

• *Убеждения и ценности* – это своеобразный фильтр, который обеспечивает мотивацию к развитию данной способности и разрешение на реализацию действия по её осуществлению. Здесь мы получаем ответ на вопрос: «Почему реализуется данный навык или способность?».

• *Идентификация* определяет социальную роль человека, реализующего названную форму поведения, с осознанием её, как своей миссии в мире.Она связана с самосознанием. Отвечает на вопрос: «Кто я, реализующий эту миссию?».

• *Духовность* связана с более обширной системой, частью которой является данный человек. Основной вопрос данного уровня: «Для кого я реализую данную способность?», «В чём смысл её реализации для более обширной системы (мир)?» [28, с. 26]

В структурной психосоматике рассматриваются разные логические уровни сознания. Все эти уровни образуют единую иерархически построенную целостную структуру. Они могут быть объединены и в более крупные структурные слои: 1) проявлений личности, 2) личности, 3) ядра личности. [19,20].

В структуре сознания каждого человека представлены все логические уровни, однако в деятельности конкретной личности они представлены не в одинаковой степени. При этом центр осознания большинства людей нашей цивилизации пребывает на внешних логических уровнях и относится к проявлениям личности, а не собственно к личности. Также он далёк от ядра.Уровень считается проработанным, если человек на нём функционален и чувствует себя свободно. В противном случае, мало проработанный и плохо осознаваемый уровень можно отнести к бессознательной сфере, имея в виду, что психофизиологические возможности человека на данном уровне сильно ограничены. [19, с. 15].

Недостатком схемы Р. Дилтса является тот факт, что она плоскостная, и само понятие «ядро личности» он использует как метафору.

В контексте данной работы мы рассмотрим вариант модели, используемый в структурной психосоматике и описывающий сущностную организацию человека . Рис. 2. представляет собой расширенную модель логических уровней, в которой прослеживается движение от внешних проявлений к глубинным основаниям личности. Нижние уровни — Окружение, Поведение и Способности и навыки — описывают то, как человек действует, где он находится и какими средствами реализует свою активность. Средний уровень — Убеждения и ценности, а также Парадигма и мировоззрение — формирует смысловую и мотивационную основу поведения. На вершине находится уровень Идентичности, где сосредоточены вопросы самости и жизненного предназначения. Завершающий уровень — Проекция Абсолюта — символизирует трансцендентное измерение, источник интеграции и целостности личности. Эта иерархия наглядно отражает ключевую идею статьи о связи духовного здоровья с глубинными структурами сознания в рамках антропоцентрического эталона.

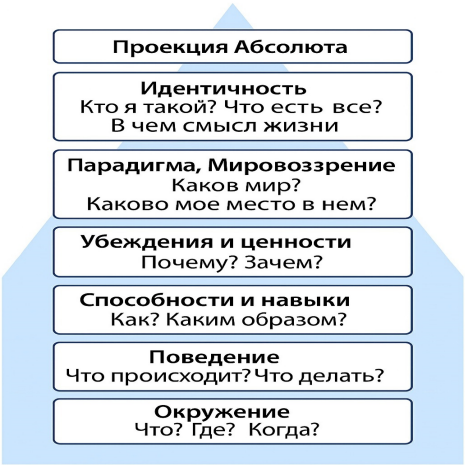

Рисунок 2. Система логических уровней

В данной модели наиболее значимыми оказываются переходные зоны между вторым и третьим, и пятым и шестым логическими уровнями сознания, которые в рассматриваемом методе называются барьерными мембранами.

Структурная психосоматика рассматривает объёмный – трёхмерный вариант модели Дилтса. В этом случае треугольник трансформируется в сектор – часть круга, а тот, в свою очередь – в часть сферы. Теперь очевидно, что движение по логическим уровням плоской модели вверх, есть в объеме движение вглубь, к ядру [19, с. 9]. Рис. 3. представляет многоуровневую модель познания объекта, где осмысление реальности строится как нисходящее и восходящее движение через уровни сознания. Слева расположен реальный объект, воздействующий на субъект, а справа — его образ, возникающий в сознании как результат анализа. Между ними действует центральный механизм анализа и обобщения, который поэтапно фильтрует информацию через уровни: от восприятия окружения, поведения и навыков — до убеждений, парадигм и глубинной самоидентификации. Каждому уровню соответствуют определённые когнитивные процессы: например, на уровне навыков преобладают операции, тогда как на уровне

парадигм работают глобальные контексты. В основании фигуры показана «точка перехода» (сингулярность) — она символизирует границу между рациональным восприятием и глубинной экзистенциальной интеграцией, которая может быть интерпретирована как выход к метафизическим основаниям субъективного опыта. Модель подчёркивает, что человек формирует целостное восприятие не одномоментно, а путём последовательной внутренней обработки, в которой участвуют все уровни сознания, вплоть до проекций Абсолюта, формирующих фундаментальные смыслы бытия.

В формате, заданном структурной психосоматикой, модель структурной организации человеческого существа, на высших её уровнях, описывает интегрированную сущность.

Структурная психосоматика и ее техника направлена на развитие целостной личности, которая имеет четкую структуру, обеспечивающую динамичность развития и самоорганизации. Здесь важную роль играет активность самого субъекта, как творческого начала. Иной путь в принципе невозможен. [19, с. 9]

Рисунок 3. Объёмный (трёхмерный) вариант модели Р. Дилтса

По нашему мнению, структурная психосоматика и ее техника имеет большую перспективу в дальнейшем изучении психологии личности.

Интегрированная сущность в традиции структурной психосоматики описывается следующими критериями.

На этапе высшей интеграции опыта, у человека уже сформированы парадигма и

целостное мировоззрение. Когнитивные вопросы данного уровня: «Каков мир?», «Каково мое место в мире?». Это ещё зона собственно личности. Вектор внимания еще распределен между внешним и внутренним пространством, но уже всё более обращается вовнутрь - к ещё скрытой, но уже ощущаемой ядерной зоне личности. Внешнее уже воспринимается через внутреннее - через целостные представления о мире и понимание своего места в нём. Топология данного уровня интеграции многомерна, и сама погружена в бесконечномерное пространство, которое можно назвать Универсальным объёмом. Этот этап интеграции характеризуется малой вербальной активностью, так как структура языка уже слишком бедна для описания его феноменов. «Телесное состояние характеризуется признаками глубокого транса, все внешние проявления замирают; тело воспринимается как единая цельная структура, почти кристаллическая, полностью связная и взаимозависимая – на этом фоне становятся видны все ее изъяны, разрывы, асимметрии» [19, с. 21]. Это уровень абстрагирования и обобщения. Разорванная ранее картина мира обретает свою целостность, которую можно назвать космограммой.Процессы отражения и отреагирования предельно сближаются, превращаясь почти в единое целое, реализуясь преимущественно как внутренняя деятельность. Потребность во внешних действиях становится минимальной, сами же они отличаются своей структурированностью и точностью.

Критерием ещё большей интегрированности является обретение самоидентификации.

Когнитивные вопросы данного уровня: «Кто я такой?», «Что есть все?», «В чем смысл жизни?». Этот уровень относится уже к ядерной зоне личности. Маркерами такого перехода являются особые телесные и психические феномены, которые могут быть одновременно неприятны и пугающи. Тело реагирует непроизвольными движениями, производящими впечатление пересборки, глубокой трансформации телесной организации.

Одновременно с телесной пересборкой активизируются воспоминания о травматическом опыте раннего детства, которые сопровождаются тревожными сновидениями.Как правило, прежняя психофизиологическая структура «сопротивляется» таким изменениям. Нередко в момент перехода, может возникнуть спонтанное противодействие этому процессу. В крайнем своём проявлении оно может осознаваться как агрессия по отношению к терапевту или другому лицу, инициировавшему данный переход.

Результатом развития данного интегративного процесса является изменённое восприятие окружающей среды. Такое изменение носит двойственный характер – с одной стороны, окружающая среда начинает восприниматься как плоский и тусклый макет подлинной реальности. По словам одной клиентки автора данной научной работы, имевшей опыт мистического переживания: «Окружающий мир становится «безвкусным» и тусклым». С другой стороны, восприятие становится предельно четким – со всеми деталями, особенностями и измерениями наблюдаемого объекта. Вектор внимания полностью направляется вовнутрь, и вся окружающая реальность начинает восприниматься через себя, как совокупное, неразделимое целое, где «Я» само становится этим целым. На данном уровне вербальная активность крайне затруднена. Телесное состояние характеризуется глубоким «медитативным» трансом («сатори», «самадхи», «пустота»). Это состояние «пустоты» ощущается как «отсутствие» мыслей, прекращение внутреннего диалога, остановка всех телесных движений. Ноэто не пустота отсутствия, а напротив – состояние полного присутствия и наполненности. [19, с. 24-39]

В современной науке данное состояние соответствует феномену, описанному Полем Дираком. Это, так называемое, «море Дирака», где абсолютный вакуум является

абсолютно плотным («исполненным») образованием, которое воспринимается как пустота, потому что полностью структурировано и не имеет изъяна. Выпадениеиз этого образования элементарной частицы, которая при этом приобретает энергию, формирует в структуре вакуума «дырку», обладающую энергией, равной выпавшей частице [29]. На уровне, соответствующем состоянию «моря Дирака», космограмма интегрируется с чувством «Я» в целостное единство. При этом, чувство подлинного «Я», как такового не отменяется, но исчезает оппозициюя «Я» - «не Я».Это уже зона не проявлений и не собственно личности, а ядро личности - зона высших анализа, интеграции и воления. Это уровень самопознания[36].

Наивысший уровень интеграции – уровень проекции Абсолюта. Необходимо отметить, что описание любой системы возможно только при выходе за её пределы, поэтому корректная характеристика уровня проекции Абсолюта в формате научного подхода не представляется возможной. Однако остаётся доступным понимание того, что абсолютная интеграция «Я» с Реальностью не означает его отмену. «Так, предельная исполненность абсолютно плотной пустоты содержит в себе в непроявленном виде все полюса и противопоставления.» [19, с. 24-39]

Если рассмотреть модель логических уровней с точки зрения основных структурных компонентов теории личности, то *структура личности* как стабильные характеристики основных элементов психики представлена семью уровнями отражения-отреагирования – окружение, поведение, способности и навыки, убеждения и ценности, парадигма, идентичность и проекция Абсолюта. *Мотивация* личности обусловлена парадигмой, определяющей её идентичность и миссию. Это ещё не ядерная зона личности, но её импульсы в форме хорошо осознаваемых желаний и потребностей уже ясно ощущаются на данном уровне. *Развитие личности* в данной интегративной модели представлено повышением уровня сознания, направлением вектора осознания вовнутрь и достижения психосоматического единства в ядерной зоне в состоянии высшей интегрированности, предполагающем ассимиляцию противоположностей[37]. Критерием ещё большей интегрированности становится обретение самоидентификации, реализующееся с перемещением центра осознания на уровень идентичности. Это переход от собственно личности к ядру личности. *Психопатология* рассматривается как нарушение базовой конгруэнтности, проявляющееся в крайних полярных тенденциях на всех уровнях отражения-отреагирования[38].

Существует базовый – сущностный конфликт и его проявления на периферических уровнях. Полярностями данного конфликта выступают, с одной стороны, воления ядра личности; с другой – его периферические проявления. На периферических уровнях данный конфликт проявляется в противоположных тенденциях – базовых неконгруэнтностях, от дисбаланса в строении тела до до деструктивных форм межличностного и социального взаимодействия и нарушения иерархии ценностей. Описанные признаки являются маркерами глубинного сущностного конфликта – потери связи личности с ее сущностным ядром, который проявляется в кризисе идентичности.

Изменение личности с помощью терапевтического воздействия предполагает направленность данного воздействия на повышение логического уровня центра осознания личности, на разрешение базового конфликта и достижение состояния конгруэнтности через процессы интеграции полярных противоречий.

Модель Логических Уровней выявляет структуру опыта – процесса или объекта, и в этом смысле она универсальна. С ее помощью можно описать задачи любого контекста и

уровня сложности. Это означает, что данная модель может включать в себя в качестве составляющих контексты и критерии античного и адаптационного эталонов здоровья, реализуя интегративный подход к определению здоровой личности.

Заключение

Проведённое исследование подтвердило, что системно-структурный подход позволяет глубоко и многомерно осмыслить феномен здоровья в контексте современной гуманистической и трансперсональной психологии. Анализ трёх социокультурных эталонов здоровья — античного, адаптационного и антропоцентрического — показал эволюцию представлений о здоровье: от физиологического равновесия к социальной адаптации и далее — к духовной целостности личности. Наиболее адекватным вызовам современности оказался именно антропоцентрический эталон, в котором здоровье трактуется как процесс внутренней интеграции и самоактуализации. Центральным компонентом антропоцентрического эталона выступает ядро личности — духовное измерение, ответственное за ценностные ориентиры, экзистенциальный выбор и способность к трансформации. В этом контексте модель логических уровней сознания, предложенная Р. Дилтсом и развитая в структурной психосоматике, представляется универсальной системой описания внутренней структуры личности и её здоровья. Модель логических уровней позволяет не только диагностировать состояние личности, но и выстраивать индивидуальные стратегии саморегуляции, направленные на достижение высших форм интеграции и духовного благополучия. В отличие от плоских адаптационных моделей, она обеспечивает переход от внешнего функционирования к внутреннему самопознанию и целостности. Таким образом, можно заключить, что система логических уровней является эффективным инструментом описания и развития структуры здоровой личности. Её применение в рамках антропоцентрического эталона здоровья позволяет не только переосмыслить понятие здоровья, но и предложить практические механизмы его формирования в условиях кризисов идентичности, ценностей и смысла жизни.

Библиография

1. Спыну С.Ю., Герасименко О.Н., Тимошенко П.Е. Междисциплинарный подход к преобразованию педагогического процесса и обновлению структуры учебновоспитательного занятия в высшем профессиональном образовании // Новые научные исследования и разработки. – 2025. – С. 180-201. EDN: QQPPTP.
2. Занковский А.Н. Психология труда, эргономика, инженерная и организационная психология в Институте психологии РАН: традиции, достижения, перспективы // История, современность и перспективы развития психологии в системе Российской академии наук. – 2022. – С. 730-733. EDN: WOUCZW.
3. Шевкопляс И.В. Влияние антропологического подхода на процесс формирования и развития профессионального мировоззрения студентов юридических вузов // Вестник педагогических наук. – 2024. – № 5. – С. 138-144. DOI: 10.62257/2687-1661-2024-5-138-144. EDN: ABREVN.
4. Гончарова В.А. Здоровье человека и его онтологические основания // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2020. – № 2. – С. 67-73. DOI: 10.25198/2077-7175-2020-2-67. EDN: CSYZOO.
5. Мартыненко Е.А. Особенности ценностно-смысловой сферы, детерминирующей психологическую суверенность личности // Азимут научных исследований: педагогика и психология. – 2022. – Т. 11. – № 3(40). – С. 40.
6. Атажанова А.А. Потребности как ядро личности // Наука молодых – будущее России. – 2020. – С. 287-290. EDN: SUBQBR.

7. Божович Л.И. Проблемы формирования личности. // М.; Воронеж: МОДЭК, 1997. – С. 351.
8. Васильева О.С., Филатов Ф.Р. Психология здоровья человека: эталоны, представления, установки. // М.: Издательский центр "Академия", 2001. – 352 с.
9. Вернадский В.И. Мысли и наброски. // Москва : Наука, 1988. – № 15. – С. 294.
10. Гиппократ. О природе человека // Клятва. Закон. О враче. Наставления. – Минск, 1998. – С. 111-131.
11. Гроф С. Холотропное сознание. Три уровня человеческого сознания и их влияние на нашу жизнь. // М.: АСТ, 2003. – 272 с.
12. Давыдовский И. В. Приспособительные процессы в патологии. // Вестник АМН СССР, 1962. – № 4. – С. 27-37.
13. Дилтс Р. "Путь размышлений" Дарвина // СНТ. – 2013. – Т. 1. – С. 381-385.
14. Дюркгейм Э. Социология: её предмет, метод, предназначение // Социология. – М., 1995. – С. 304.
15. Казначеев В.П., Спирин Е.А. Космопланетарный феномен человека. // Проблемы комплексного изучения. – Новосибирск, 1991. – С. 304. EDN: RZYHSX.
16. Линдеман Х. Система психофизического саморегулирования. // Москва : РЭНАР, 1992. – С. 5-52.
17. Лоренц К. Оборотная сторона зеркала. // Республика, 1998. – С. 393.
18. Магомед-Эминов М.Ш. Трансформация личности. // Психоаналитическая Ассоциация Москва, 2007. – С. 496.
19. Минченков А.В., Елпидифоров П.Б. Методы структурной психосоматики // – СПб.: Ювента; М.: Институт общегуманитарных исследований, 2001. – С. 409.
20. Мустафаева М. Системно-структурный подход в психологии и особенности структурной психосоматики // Психология. – 2019. – № 2. – С. 30.
21. Олпорт Г. Личность в психологии. // М.: Ювента, 1998. – С. 345.
22. Платон. Диалоги Платона. – URL: http://psylib.org.ua/books/plato01/27timei.htm.
23. Селье Г. Стресс без дистресса. // Рига, 1992. – С. 112.
24. Франкл В. Экзистенциальный вакуум // Человек в поисках смысла. – М., 1990. – С. 308-321.
25. Цицерон. О старости // О старости. О дружбе. Об обязанностях. – М., 1975. – С. 7-31.
26. Maslow A.H. Motivation and Personality. // Harper & Row, 1970. – С. 369.
27. Maslow A.H. Toward a Psychology of Being. // Litton Education Publishing, 1968. – С. 240.
28. Maslow A.H. Психология бытия. // М.: Рефл-бук; К.: Ваклер, 1997. – С. 304.
29. Дилтс Р. Коучинг с помощью НЛП. // СПб.: прайм-ЕВРОЗНАК, 2004. – 256 с. EDN: QXIVHJ.
30. Dirac P.A.M. A Theory of Electrons and Protons // Proc. R. Soc. Lond. A. – 1930. – Vol. 126. – С. 360-365.
31. Erikson E.H. Childhood and Society. // N.Y.: Norton, 1963. – С. 200.
32. Erikson E.H. Identity: Youth and Crisis. // W.W. Norton Company, 1968. – С. 338.
33. Fromm E. Escape from Freedom. // N.Y.: Avon, 1956. – С. 333.
34. Mustafayeva M. El modelado como instrumento clave del enfoque sistemático-estructural de la psicología de la personalidad // Interacción y Perspectiva. – 2021. – Vol. 11, № 2. – С. 129-140.
35. Mustafayeva M. Integration of polarities as a trend towards integrity of the personality // Revista Universidad y Sociedad. – URL: https://rus.ucf.edu.cu/index.php/rus/issue/view/89.
36. Поддьяков А.Н. Социальный конструктивизм и учебно-исследовательские интернет-проекты // Исследовательская деятельность учащихся: от детского сада до вуза. –

Москва, 2010. – С. 68-77. EDN: VWRRNO.
37. Баянасова А.А., Голубева О.Ю. Развитие современной личности: социокультурный контекст // Социально-культурная деятельность: векторы исследовательских и практических перспектив. – Казань, 2022. – С. 124-129. EDN: XWETGY.
38. Бухановский А.О., Кутявин Ю.А., Литвак М.Е. [и др.]. Общая психопатология. // Москва: "КноРус", 2022. – С. 368. EDN: MQUDJO.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.
Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться здесь.

На рецензирование представлена статья «Система логических уровней как модель антропоцентрического эталона здоровья». Работа включает в себя основной раздел, в котором описываются такие вопросы как: основные подходы к эталону здоровья (античный эталон, адаптационный эталон, психофизиологический подход и т.д.). Особое внимание уделено рассмотрению антропоцентрического эталона (экзистенциальный, гуманистический и трансперсональный подходы). Проведенный анализ позволил выделить структуру и систему логических уровней сознания, а также модель структурной психосоматики. Вводная и заключительная части в статье отсутствуют.
Предмет исследования. Автором рассмотрены основные подходы, которые рассматривают эталон здоровья. Особое внимание уделено выделению и описанию системы логических уровней как модели антропоцентрического эталона здоровья. В целом, заявленный предмет рассмотрен.
Методологическая основа исследования. Методологическим подходом исследования выступил антропоцентрический подход. Методом исследования выступил теоретический обзор источников.
Актуальность исследования. Автором систематизированы основные подходы, которые рассматривают содержание логических уровней сознания через призму антропоцентрического эталона здоровья.
Научная новизна исследования. Автором выделена система логических уровней в модели антропоцентрического эталона здоровья.
Стиль, структура, содержание. Стиль изложения соответствует публикациям такого уровня. Язык работы научный. Структура работы н е прослеживается, автором не выделены основные смысловые части. Логика в работе имеется. Содержание статьи частично отвечает требованиям, предъявляемым к работам такого уровня. Необходимо представить вводный и заключительный разделы. Объем работы достаточный, но необходимо расширить за счет введения и заключения.
Библиография. Библиография статьи включает в себя 29 отечественных и зарубежных источников, издания за последние три года отсутствуют. В список включены, в основном, монографии и учебные пособия. Источники не во всех позициях оформлены корректно и однородно. Например, не во всех источниках указано количество страниц (например, в источниках 12, 14, 15 и т.д.). Также, некорректно оформлены статьи (например, в номере 14 отсутствует знак //) и интернет-источники (например, номер 16).
Апелляция к оппонентам.
Рекомендации: 1). Структурировать статью, выделив введение, основную часть и заключение. В настоящее время представлена только основная часть. 2). Во введении описать актуальность и проблему исследования, а также выделить объект, предмет, цель, задачи, методы и научную новизну исследования. 3). В заключении сделать аргументированные выводы. 4). Корректно представить рисунки и описать их в тексте.

Например, на рисунке 1 указаны цифры 1,2 и 3. Не совсем понятно, что автор подразумевал, так как не дано текстовое описание данной информации. Рисунок 2 представлен в деформированном виде, важно добавить авторское и корректное изображение. Рисунок 3 объемный, но в тексте недостаточно информации-описания по его содержанию. 5). Расширить библиографический список и сделать анализ современных источников. 6). Оформить библиографический список в соответствии с предъявляемыми требованиями.

Выводы. Проблематика затронутой темы отличается несомненной актуальностью, теоретической и. практической ценностью Статья будет интересна специалистам, которые занимаются проблемами подходов к феномену «здоровье». Вопрос рассматривается через призму рассмотрения системы логических уровней как модели антропоцентрического эталона здоровья. Однако статья не может быть рекомендована к опубликованию. Важно учесть выделенные рекомендации и внести соответствующие изменения. Это позволит представить в редакцию научно-методическую и научно-исследовательскую работу, отличающуюся научной новизной и практической значимостью.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться здесь.

Предметом исследования в представленной статье является система логических уровней как модель антропоцентрического эталона здоровья.

В качестве методологии предметной области исследования в данной статье в рамках системно-структурного и сравнительно-аналитического подходов были использованы метод категоризации, дескриптивный метод, исторический метод, метод анализа, метод моделирования, контент-анализ научных источников, методы интерпретации.

Актуальность статьи не вызывает сомнения, поскольку в современных условиях социальных трансформаций тема здоровья и его эталона пользуется большой популярностью среди населения и различных специалистов, что требует рассмотрения этих вопросов с различных точек зрения в рамках междисциплинарного подхода разными науками, а не только медициной. Одной из главных проблем при этом остается понимание феномена здоровья человека в рамках комплексного и системного подходов к его изучению. В этих контекстах изучение системы логических уровней как модели антропоцентрического эталона здоровья представляет научный интерес как в сообществе ученых, так и практический интерес в профессиональных сообществах различных специалистов.

Научная новизна статьи заключается в проведении по авторской методике исследования, направленного на глубокое теоретическое изучение системы логических уровней как модели антропоцентрического эталона здоровья, а также в авторском анализе и подробном описании полученных результатов.

Статья написана языком научного стиля с применением в тексте исследования изложения научных позиций различных ученых по изучаемой проблеме и научной терминологии и дефиниций, характеризующих предмет исследования, а также с анализом и подробным описанием результатов исследования.

Структуру статьи в целом можно считать выдержанной с учетом основных требований, предъявляемых к написанию научных статей. В структуре данного исследования представлены такие элементы, как введение, актуальность исследования, методы

исследования, научная новизна исследования, основная часть, заключение и библиография.

Содержание статьи отражает ее структуру. В частности, особую ценность представляет подробное теоретическое описание и авторский анализ трех социокультурных эталонов здоровья, а также обоснование антропометрического эталона в качестве наиболее адекватно соответствующего современным реалиям жизнедеятельности человека.

Библиография содержит 38 источников, включающих в себя отечественные и зарубежные периодические и непериодические издания, а также электронные ресурсы.

В статье приводится описание научных подходов, характеризующих особенности социокультурных эталонов здоровья, а именно, античного, адаптационного и антропоцентрического. В статье содержится апелляция к различным научным трудам и источникам, посвященным этой тематике, которая входит в круг научных интересов исследователей, занимающихся указанной проблематикой.

В представленном исследовании содержатся выводы, представленные в заключении, касающиеся предметной области исследования. В частности, отмечается, что антропоцентрический эталон здоровья наиболее адекватно отвечает вызовам происходящих социальных трансформаций современности, а модель логических уровней сознания можно рассматривать в качестве универсальной системы «описания внутренней структуры личности и её здоровья».

Материалы данного исследования рассчитаны на широкий круг читательской аудитории, они могут быть интересны и использованы учеными в научных целях, педагогическими работниками в образовательном процессе, психологами, психотерапевтами, медицинскими работниками, консультантами, аналитиками и экспертами.

В качестве недостатков данного исследования следует отметить, то, что в тексте рукописи есть упоминания о рисунках 1, 2 и 3, а также указание их названий, однако фактически эти три рисунка в тексте исследования не представлены. При оформлении библиографии необходимо обратить внимание на требования действующего ГОСТа, оформить ее в соответствии с этими требованиями, особое внимание при этом следует источникам, которые являются электронными ресурсами. Кроме того, в тексте рукописи встречаются незначительные опечатки и технические ошибки, например, рассогласование окончаний («Основную часть»), отсутствие пробела между предложениями («…социально-ориентированным.При…»), написание слова из-за пропуска буквы («…антропоцентирческий эталон…») и т.п. Указанные недостатки не снижают научную и практическую значимость самого исследования, однако их необходимо оперативно устранить и несколько доработать текст статьи. Рукопись рекомендуется отправить на доработку.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться здесь.

Предмет исследования – модель логических уровней сознания, интерпретируемая как функциональная структура антропоцентрического эталона здоровья.

Методологической базой исследования является системно-структурный и сравнительно-аналитический подходы, метод теоретического моделирования, контент-анализ философских, психологических и психотерапевтических источников. Также применялись интерпретативные методы анализа интегративных моделей личности и конструкций, связанных с духовным здоровьем.

Актуальность исследования, как справедливо отмечает автор, связана с тем, что в

условиях кризиса идентичности, ценностной дезориентации и роста психосоматических расстройств особую актуальность приобретает антропоцентрический эталон здоровья, предполагающий рассмотрение человека как духовно интегрированной сущности. Научная новизна исследования состоит в интерпретации модели логических уровней сознания как основы антропоцентрического эталона здоровья, в которой центральную роль занимает ядро личности как духовное измерение. Впервые предложено рассматривать логические уровни не только как иерархию когнитивных процессов, но и как критерии интегративного здоровья личности. Модель адаптирована для анализа не только поведенческих и адаптационных характеристик, но и уровней самоидентификации, метамотивации и экзистенциального выбора.

Общая структура работы представлена следующими разделами: введение, результаты исследования и их обсуждение, заключение, библиография, включающая в себя 38 источника, 8 из них на английском языке.

Текст статьи имеет следующую рубрикацию: «Введение», «Основная часть», «Заключение». Содержание статьи в целом отражает ее структуру. В разделе работы «Основная часть» автор рассматривает философские и психологические концепции, посвящённые проблеме здоровья личности. Вместе с тем достаточно грамотно анализируются и содержательно интерпретируются эмпирические данные, характеризующие объект исследования, используются методы наглядного представления результатов. Так, в основной части статьи содержатся три рисунка. Особенно ценным является то, что автор, начиная с античных времён, прослеживает изменения представлений о здоровье человека, с одной стороны, под влиянием развивающихся психологических концепций, с другой стороны, под влиянием социально-исторических условий и общественного климата. И приходит к обоснованному выводу о том, что модель логических уровней является универсальна. Более того, данная модель позволяет реализовать интегративный подход к определению здоровой личности.

Материалы данного исследования рассчитаны на широкий круг читательской аудитории, они могут быть использованы учеными в научных целях, педагогическими работниками в образовательном процессе. Вместе с тем они представляют интерес для практикующих психологов, экспертов, аналитиков. В качестве недостатков данной работы следует отметить, что в разделе «Заключение» фактически представлены выводы исследования. Рекомендуется включить в статью раздел «Выводы», в котором представить чётко сформулировать основные результаты исследования, согласно его задачам. А в разделе «Заключение» подвести общие итоги работы и обозначить перспективы дальнейшего исследования. Вместе с тем предлагаю конкретнее обозначить название основной части статьи, например, подзаголовком «Результаты и их обсуждение».

Психология и Психотехника
Правильная ссылка на статью:
Кострыгин А.А. Проблема педагогической компетентности в трудах А.П. Нечаева // Психология и Психотехника. 2025. № 3. DOI: 10.7256/2454-0722.2025.3.75244 EDN: URJMBX URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75244

Проблема педагогической компетентности в трудах А.П. Нечаева

Кострыгин Артем Андреевич

ORCID: 0000-0002-5454-7357

кандидат психологических наук

доцент; кафедра психологии; Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)
Старший научный сотрудник; Институт психологии РАН

119071, Россия, г. Москва, ул. Малая Калужская, 1

artdzen@gmail.com

Статья из рубрики "Психология и педагогика"

DOI:

10.7256/2454-0722.2025.3.75244

EDN:

URJMBX

Дата направления статьи в редакцию:

21-07-2025

Аннотация: В статье рассматривается проблема педагогической компетентности в российской психологии. Выделяется направление анализа исторических истоков современных представлений о педагогической компетентности. Отмечается, что такие историко-научные исследования посвящаются преимущественно широко известным персоналиям, в то время как существуют ученые начала XX в., чьи представления о педагогической компетентности мало изучены. Проводится историко-психологический анализ психолого-педагогических взглядов А.П. Нечаева (1870–1948) на личность и деятельность педагога. Саму проблему педагогической компетентности ученый не изучал (так как она была разработана позже), однако в своих научных трудах А.П. Нечаев описывал требования к личностным и профессиональным качествам педагога, на основе которых можно реконструировать его представления о значимых видах компетентности. Основным методологическим принципом исследования выступило

положение о возможности использования современных концепций для определения структуры научных представлений персоналий по определенной проблеме. В качестве современного подхода использовалась концепция компетентности В.Д. Шадрикова. Основными методами исследования являются проблемологический анализ и историко-психологическая реконструкция. Установлено, что в своих научных трудах А.П. Нечаев рассматривал все виды педагогической компетентности: к личностной в его взглядах относилась направленность педагога на изучение душевной жизни ребенка, мотивационной – индивидуализация обучения, организационной – подготовка учебных материалов на основе возрастных особенностей психического развития ребенка, информационной – овладение педагогом психологическими знаниями, программной – построение учебного процесса на основе экспериментально-психологических данных, целевой – стремление к формированию «нравственно-ценной» и целостной личности ученика. А.П. Нечаев придавал большое значение использованию психологии в педагогической деятельности. В заключении сделан вывод о том, что взгляды ученого были обусловлены интеллектуальным, социально-историческим и морально-нравственным контекстом того времени. Проведенное исследование позволяет говорить о том, что среди истоков современных представлений о педагогической компетентности являются, в том числе, труды А.П. Нечаева, в которых отражена направленность педагога и его деятельности на внутренний мир учащихся, развитие их личности, учет возрастных особенностей их психического развития.

Ключевые слова:

история психологии, педагогическая психология, педагогическая компетентность, А.П. Нечаев, историко-психологическая реконструкция, личность педагога, педагогическая деятельность, внутренний мир ребенка, индивидуализация обучения, воспитание

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00061, https://rscf.ru/project/24-18-00061/

Введение

В настоящее время в российской психологии проводится активная разработка проблемы *педагогических компетенций*: анализируются теоретико-методологические вопросы [9; 24; 26; 47], составляется их структура [14], выделяются их типы и виды [4; 10; 15; 17; 20; 27; 37; 38; 42], разрабатываются методы их диагностики и развития [36] и др. В качестве отдельного вопроса рассматривается *соотношение компетентности и компетенций* в педагогической деятельности: под компетентностью понимается интегративное личностное и профессиональное качество педагога, которое состоит из знаний, умений, навыков, представлений и мотивов и которое реализуется в виде конкретных компетенций – когнитивных, коммуникативных, управленческих, метакогнитивных и др. [13; 16; 44; 46; 50].

Важным вектором данного научного направления является анализ *истоков современных представлений* о компетентности и компетенциях педагогов. Таких работ современные авторы издают немного, а их тематика относится к достаточно распространенной – анализ вклада преимущественно крупных психологов в разработку рассматриваемой проблемы (например, В.Н. Дружинина, П.Я. Гальперина, И.А. Зимней, П.Ф. Каптерева, Н.Ф. Талызиной, Б.М. Теплова, К.Д. Ушинского и др.) [1; 2; 7; 12; 23; 24; 35; 41; 47]. При

этом в истории психологии остается еще много неизученных персоналий, разрабатывавших эту тему, особенно в досоветскую и раннесоветскую эпохи.

Одним из таких ученых был *Александр Петрович Нечаев* (1870-1948) – яркий представитель экспериментальной психологии и педагогики и крупный организатор психолого-педагогической науки первой трети XX в.: он создал первую в России лабораторию экспериментальной педагогики при Педагогическом музее Главного управления военно-учебных заведений Санкт-Петербурга (1901), был одним из организаторов Педагогической академии (1907) в Санкт-Петербурге, инициатором 1-го и 2-го Всероссийских съездов по педагогической психологии (1906, 1909) и 1-го, 2-го и 3-го Всероссийских съездов по экспериментальной педагогике (1910, 1913, 1916), основателем Общества экспериментальной педагогики (1910) и др. Его психолого-педагогические взгляды уже рассматривались исследователями [3; 8; 18; 22; 39; 40; 43; 49], однако вопрос разработки им проблемы психологических особенностей педагогической деятельности и компетентности педагога проанализирован недостаточно.

Методология исследования

В данной статье ставится *цель* историко-психологического анализа взглядов А.П. Нечаева на психологические характеристики личности и деятельности педагога. Непосредственно проблемы психологии педагогической компетентности ученый не изучал (так как эта тематика исследований сформировалась позже), однако можно реконструировать его представления по этому вопросу с помощью их соотнесения с современными психологическими подходами.

Использование современных концепций в историко-научных исследованиях называется *презентизмом* [11; 19; 21], частными компонентами или видами которого являются эпистемологический, онтологический и моральный. Его преодолением считаются отказ от мнения о «неразвитости» прошлого и реализация т.н. «метанаучного актуализма», в рамках которого все три перечисленные составляющие устраняют недостатки презентизма [19]. В данном исследовании мы будем использовать современное понимание педагогической компетентности для того, чтобы выявить не столько совпадение научных взглядов ученого с современными, сколько специфику представлений о деятельности педагога в конкретный исторический период. В начале XX в. еще не была выработана концепция компетентности, поэтому для определения направленности психолого-педагогических концепций можно использовать современные взгляды как «рамку», не вынося оценочных суждений.

В качестве опорного психологического подхода к педагогическим компетенциям в нашем исследовании выступит *концепция компетентности В.Д. Шадрикова* [46]. Согласно ученому, содержание педагогической компетентности определяется психологической функциональной структурой деятельности. В.Д. Шадриков выделил 6 блоков педагогической компетентности: в области личностных качеств, в постановке целей и задач педагогической деятельности, в мотивировании учебной (воспитательной) деятельности, в обеспечении информационной основы педагогической деятельности, в разработке программы педагогической деятельности и принятии решений, в организации педагогической деятельности. Использование данной концепции будет способствовать пониманию особенностей развития педагогической деятельности, а также социальных и научных требований к личности педагога в учениях психологов и педагогов в различные исторические периоды.

В ходе историко-психологического анализа научные представления А.П. Нечаева будут

сопоставлены с обозначенными выше блоками педагогической компетентности, а также будет выявлен преобладающий в творчестве ученого блок. Задачей таких историко-психологических исследований является попытка реконструировать психолого-педагогические тенденции в понимании педагогической деятельности и организации психолого-педагогического образования в конкретный исторический период. На основе учений выдающихся психологов и педагогов создавались государственные образовательные программы и стандарты; первые выступали теоретико-методологическими основами последних.

Результаты исследования

А.П. Нечаев занимался проблемами педагогической психологии, вопросами преподавания психологии и подготовки психологических материалов для воспитателей и учителей. В качестве основных целей педагогов и их деятельности А.П. Нечаев обозначал *идеалы и средства воспитания*. Идеалы формируются под влиянием науки, культуры, религии, практики и повседневной жизни; они, как правило, не входят в сферу самого образования и задаются извне. Непосредственно же педагог занимается средствами обучения и воспитания. Именно для их разработки А.П. Нечаев предлагает использовать психологию.

Проблематика требований к педагогу анализировалась А.П. Нечаевым в контексте обсуждения актуального на рубеже XIX-XX вв. вопроса о соотношении и взаимодействии педагогики и психологии в решении проблемы обучения и воспитания. Он писал: «…сравнивая современных психологов и педагогов, в их отношении к вопросам психологических основ школьного обучения и воспитания, можно сказать, что, в большинстве случаев, первые являются обладателями тонких приемов исследования при полном отсутствии исследуемого материала, а вторые – с богатым материалом, но без ясного сознания, как надо его оценить» [28, с. 50]. По мнению ученого, «школа и наука должны пойти навстречу друг другу» [28, с. 50]: педагоги смогли бы овладеть приемами научного психологического исследования для демонстрации на практике, навыками психологического анализа письменных работ учеников, способами фиксации психологических феноменов на занятиях и др. Эти психологические задачи вошли (при участии А.П. Нечаева) в формировавшуюся в начале XX в. педагогическую психологию.

Важным положением этой науки ученый считал *изучение душевной жизни ребенка*. Он писал: «…все выдающиеся педагоги, оставившие след в истории науки, глубоко интересовались психологическими вопросами. Каждый ремесленник для того, чтобы получить из сырого материала требуемую вещь, должен наперед тщательно ознакомиться со свойствами этого материала. Только в таком случае работа его может быть успешной. В деле воспитания таким сырым материалом для педагога является душевный мир его воспитанника. <…> Это как нельзя лучше понималось выдающимися мыслителями-педагогами, из которых многие были в то же время и выдающимися исследователями психических явлений» [31, с. 3-4]. И в другом месте: «Для того, чтобы умело содействовать правильному развитию детской души, недостаточно только желать этого, недостаточно даже при этом искренно любить ребенка, – для этого нужно еще обладать определенными психологическими знаниями, которые помогли бы понять его» [34, с. 3-4].

Исходя из этого, можно выделить в научных представлениях А.П. Нечаева первую категорию компетентности в *педагогической* деятельности – *личностную*. Основным «правилом» для педагога А.П. Нечаев обозначил необходимость изучения душевной

жизни воспитанника [31, с. 4], что соответствует в концепции В.Д. Шадрикова базовой компетентности интереса к внутреннему миру обучающихся [46, с. 73]. Данное качество выражается в том, что педагог не просто интересуется своими учениками, но всю свою педагогическую деятельность выстраивает на основе этого знания. Опираясь на К.Д. Ушинского, А.П. Нечаев показал, что «педагогика может быть основана только на психологии» [31, с. 5]. Одной из самых главных составляющих подготовки учителей должно быть «знакомство с общими законами, управляющими душевным развитием людей, и с теми особенностями душевной жизни, которые могут обнаруживаться у отдельных лиц» [33, с. 10-11]. Кроме того, к личностным качествам педагога А.П. Нечаев относил педагогический такт, понимаемый им как «способность ориентирования в отдельных случаях педагогической практики» [31, с. 6].

Важно также отметить другую тенденцию в российском образовании начала XX в., которая выражалась в *индивидуализации обучения*. Существовало противоречие между, с одной стороны, стремлением сделать исходным пунктом педагогической работы интересы учащихся, а с другой – направленностью на развитие в нем самого широкого перечня способностей и интересов, чтобы он смог войти в любую профессиональную сферу. А.П. Нечаев предлагал объединить эти два подхода с акцентом на индивидуализации: «ставя своей целью достижение общего образования, педагог должен индивидуализировать средства, ведущие к этой цели» [30, с. 226]. Такую стратегию педагогической деятельности можно отнести к *компетентности мотивации учебной деятельности* – с помощью индивидуализированного подхода стимулируется активность ученика. Опираясь на психофизиологические исследования А.И. Зачиняева, согласно которым сильные центры памяти усиливают работу слабых, А.П. Нечаев выступал в пользу поддержки более развитых способностей учеников. «Итак, если возбужден сильный нервный центр – пускай он работает! Если ученик отдается любимой, захватившей его умственной работе, то старайтесь всячески поддержать и использовать этот интерес. Он только оживит умственную работу в других направлениях. Всякая же попытка насильственно отвлечь ученика от тех интересов, которые соответствуют его природным силам, … должна явиться тормозом для его дальнейшего психического развития» [30, с. 230].

Одним из основных направлений психолого-педагогических исследований А.П. Нечаев являлось изучение развития психических процессов и свойств у детей и разработка на основе этого методических материалов для учителей. В этих материалах ученый обосновывал требования к педагогу, которые можно отнести к компетентности в *организации педагогической деятельности*. В ходе обучения работа учителя направлена на развитие у ребенка понимания учебного материала (процессов ощущения, восприятия, представлений, внимания), его запоминания (памяти) и усвоения (внимания, мышления) [33, с. 83]. Кроме того, в учебном процессе важно развивать чувства (нравственные, религиозные, эстетические) и волевые проявления. Таким образом, по мнению А.П. Нечаева, форма и содержание педагогической деятельности зависят от специфики конкретного возраста ребенка и направленности обучения на конкретные психические процессы. «Не зная, как изменяется с возрастом душевная жизнь человека, и не понимая тех условий, от которых зависит более плодотворное восприятие предметов преподавания, мы не можем построить целесообразного учебного плана и определить надлежащие методы обучения» [33, с. 173].

Еще одной организационной компетентностью является *обеспечение наглядности преподаваемого материала*. В работах А.П. Нечаева этот вопрос демонстрировался на

примере преподавания психологии. По его мнению, усвоение психологических знаний эффективнее всего происходит при непосредственном их проживании. «Классное время должно быть прежде всего использовано на обстоятельную демонстрацию тех психических явлений, которые подлежат изучению в данный момент, и на беседу по поводу того, что наблюдается учениками. Такие демонстрации и беседы служат не только превосходным средством для упражнения в психологическом анализе, но также хорошим поводом к повторению пройденного и естественной подготовкой внимания при усвоении последующего» [32, с. 12]. Общими дидактическими требованиями ученый называл обеспечение целостности и осмысленности материала, предлагаемого для восприятия учащихся, а также стимулирование активности их внимания [34, с. 37].

Четвертым блоком педагогической компетентности, который присутствовал в трудах А.П. Нечаева, являлся *информационный*, к которому обычно относят глубокое знание предмета и методов преподавания, а также направленность на профессиональный рост и развитие [46, с. 76-77]. Среди важных качеств педагогов А.П. Нечаев выделял не только направленность на внутренний мир детей, но и *овладение педагогами психологией* – это развивало бы «личную психологическую наблюдательность» [32, с. 11]. Кроме того, ученый отмечал «педагогическую опытность» как результат наблюдения разных образовательных явлений и их анализа [31, с. 5].

Наконец, частично в работах А.П. Нечаева затрагивались те качества и навыки учителей, которые соответствуют *компетентности в разработке программы педагогической деятельности*. Ученый сам развивал и призывал распространять методы экспериментальной психологии и педагогики в учебной работе. А.П. Нечаев критиковал учебные планы гимназий в первой половине 1900-х гг. за повышенное количество умственной нагрузки для начальных классов и предлагал составлять учебные программы с учетом данных экспериментально-психологических исследований, согласно которым усиленные умственные занятия следовало бы проводить с детьми только после 13 лет [29]. Таким образом, по мнению ученого, министерству и конкретным педагогам необходимо использовать экспериментально-психологический и экспериментально-педагогический метод в планировании и организации образования.

Отдельно А.П. Нечаев отмечал значимость *воспитательной деятельности* в работе педагога. Его представления о воспитательном процессе относились к *компетентности постановки целей*. В воспитании ученый выделял три составляющие – физическую (соблюдение физиологических норм учения и труда), умственную (формирование знаний и суждений) и нравственную (развитие чувств). При этом основной педагогической задачей ученый видел воспитание *«нравственно-ценной» личности* [33, с. 47-48]. Такая личность стремится к нравственным ценностям и соблюдает общественные нормы. Педагог и школа в целом должны знакомить учащихся с идеалами и формировать у них соответствующее поведение.

К другой воспитательной задаче он относил участие в формировании различных психических процессов и свойств в ходе общего психического развития ребенка. Отдельные психические феномены объединяются в личности, таким образом на каждом этапе психического развития учащихся учителю необходимо обеспечивать *«целостность» личности*: «Мы должны способствовать установке определенной связи между чувствами человека, его знаниями и действиями» [33, с. 79]. Конкретное же воздействие на ребенка важно организовывать исходя из его развития – например, в один возрастной период развивать его зрительные и двигательные представления, в другой – формировать речь,

в третий – воздействовать на ребенка с помощью учебных, дружеских, семейных и религиозных отношений и др.

Таким образом, в своих представлениях о деятельности учителя А.П. Нечаев большое внимание уделял психологическим принципам и знаниям: «Такие знания всякий учитель может получить двумя путями: теоретически – из лекций и книг, и практически – из наблюдений за своими учениками. Очевидно, что учителю необходимо использовать оба эти пути, так как теория, оторванная от живых наблюдений, легко превращается в бесплодную мертвую схему, а личные наблюдения, не освещенные теоретическими знаниями, нередко приводят к односторонним и ошибочным выводам. Иначе говоря: наша школа только тогда сможет освободиться от тяжких грехов пред психологией, когда в ней станут работать учителя, обладающие хотя бы элементарным психологическим образованием» [34, с. 4].

Заключение

Обобщая психолого-педагогические взгляды А.П. Нечаева, можно сделать *вывод* о том, что в его научных трудах присутствуют представления о всех шести блоках педагогической компетентности, выделяемых В.Д. Шадриковым: к педагогической деятельности относилась личностная, мотивационная, организационная, информационная и программная, а к воспитательной – целевая. Наиболее подробно у ученого описана личностная и организационная компетентности, которые действительно являются одними из ведущих блоков данного феномена. Такая направленность требований к педагогу, вероятно, может быть характерной для начала XX в.: А.П. Нечаев был одним из ведущих специалистов по педагогической психологии этого периода и выражал соответствующие взгляды на образование. Так, целостное представление о задачах педагога начало формироваться на рубеже XIX – XX вв.: в частности, была разработана духовная и нравственная «миссия учителя» [45], развивались идеи педагогики о формировании учащегося в социальной среде и развития индивидуальности ребенка [6], педагогические методы основывались на психологии [48], распространялись демократические тенденции в образовании [5; 48] и др. Таким образом, представления А.П. Нечаева о требованиях к учителю (педагогической компетентности) были встроены в педагогическую науку того времени.

Опираясь на подход метанаучного актуализма, сделаем вывод о том, что взгляды А.П. Нечаева на личностные и профессиональные качества педагога обусловлены интеллектуальным, социально-историческим и морально-нравственным контекстом того времени: гуманистическими и психологическими идеями, демократизацией общества и образования, общественно полезными ценностями.

Проведенная реконструкция научных представлений ученого показала, что истоками современных концепций педагогической компетентности можно также считать труды А.П. Нечаева, которые были им написаны не только вследствие развития педагогики, но и под влиянием социально-исторических условий. Перспективой дальнейших исследований является проведение историко-психологического анализа психолого-педагогических представлений других ученых начала XX в. (П.П. Блонского, В.В. Зеньковского, М.М. Рубинштейна, Н.Е. Румянцева и др.), а также сравнение их концептуальных положений.

Библиография

1. Андриенко А.С. Компетентностно-ориентированный подход в системе высшего образования: история, современное состояние и перспективы развития. Чебоксары: ИД

"Среда", 2018. DOI: 10.31483/r-22120. EDN: YVXFAD.
2. Антонов В.И., Очирова О.А. Слово о выдающемся ученом-психологе XX столетия: лекции П.Я. Гальперина в контексте риторической компетенции // Высшее образование сегодня. 2020. № 2. С. 21-24. DOI: 10.25586/RNU.HET.20.02.P.21. EDN: SQCMSU.
3. Аншакова В.В. Вклад А.П. Нечаева в становление и развитие возрастной и педагогической психологии. Астрахань: Изд-во Астраханского гос. пед. ун-та, 2002.
4. Байханов И.Б. Сквозные компетенции в системе компетенций современного педагога // Педагогическое образование в России. 2022. № 5. С. 17-25. DOI: 10.26170/2079-8717_2022_05_02. EDN: IYBNAB.
5. Беленцов С.И. Вклад В.П. Вахтерова в развитие русской педагогики второй половины XIX – начала XX веков // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2016. № 2(19). С. 100-109. EDN: WGFBRD.
6. Бим-Бад Б.М. Педагогические течения в начале двадцатого века: лекции по педагогической антропологии и философии образования. М.: Изд-во УРАО, 1998.
7. Божко Е.М., Ильнер А.О. Компетентностный подход в России и за рубежом: исторические и теоретические аспекты // Мир науки. Педагогика и психология. 2019. № 1. С. 26. EDN: BABNQT.
8. Большакова В.В. Экспериментальное изучение психологии школьников в трудах А.П. Нечаева // История становления и развития экспериментально-психологических исследований в России. М.: Наука, 1990. С. 189-199.
9. Быкова Е.А., Истомина С.В., Самылова О.А. Изучение психолого-педагогической компетентности педагогов // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 4. С. 26-29. DOI: 10.24411/1991–5497-2020-00664. EDN: CLJEIC.
10. Быстрай Е.Б., Бароненко Е.А., Райсвих Ю.А. Формирование интерактивной компетенции будущих педагогов как основа педагогической резильентности // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2021. № 1 (161). С. 46-64. DOI: 10.25588/CSPU.2021.161.1.003. EDN: PLFLLK.
11. Власова О.А. Историзм и споры о статусе науки: от философии к новой истории психологии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2024. Т. 40. № 3. С. 380-391. DOI: 10.21638/spbu17.2024.302. EDN: ZOZZPL.
12. Гатен Ю.В. Становление психологической компетенции в системе профессиональной подготовки педагогов в России в конце XIX – начале XX века // Известия Южного федерального университета. Педагогические науки. 2014. № 2. С. 45-52. EDN: RXOUTL.
13. Гоголина Н.Г., Насырова Э.Ф. Соотношение содержания категорий понятий компетентность и компетенция как основы профессионализма современного педагога // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 3 (82). С. 128-131. DOI: 10.24411/1991–5497-2020-00483. EDN: HWTBUM.
14. Громыко Ю.В., Просекин М.Ю. Обучающая мыследеятельность нового поколения и базовые педагогические компетенции // Психолого-педагогические исследования. 2022. Т. 14. № 2. С. 100-128. DOI: 10.17759/psyedu.2022140207. EDN: MGHPMP.
15. Зеер Э.Ф., Заводчиков Д.П. Модель soft-компетенций педагога среднего профессионального образования // Профессиональное образование и рынок труда. 2022. № 4 (51). С. 82-97. DOI: 10.52944/PORT.2022.51.4.006. EDN: PPGHCX.
16. Зимняя И.А. Компетенция и компетентность в контексте компетентностного подхода в образовании // Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики. 2013. № 4. С. 16-31. EDN: QJQKQK.
17. Исаева Т.Е. Компетенции и "электронная" педагогическая культура преподавателя высшей школы в постпандемическом мире // Высшее образование в России. 2021. № 6. С. 80-96. DOI: 10.31992/0869–3617-2021-30-6-80-96. EDN: YTOOXF.

18. Кадневский В.М. А.П. Нечаев и становление экспериментальной педагогики в России // Педагогика. 2005. № 1. С. 71-78.
19. Канке В.А. Философия и методология исторического познания. М.: Юрайт, 2025.
20. Кашапов М.М., Сурина Н.В., Кашапов А.С. Ресурсность мышления как ключевая компетентность педагога в условиях цифровизации образовательной среды // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология. 2022. Т. 40. С. 18-30. DOI: 10.26516/2304–1226.2022.40.18. EDN: QTJUWU.
21. Кольцова В.А. Теоретико-методологические основы истории психологии. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2004. EDN: QXKYQZ.
22. Костригин А.А. Историко-психологические идеи А.П. Нечаева. Часть 2: история психологии в различные эпохи, персоналии // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2021. Т. 6. № 2(22). С. 271-295. DOI: 10.38098/ipran.sep_2021_22_2_11. EDN: DRZVKY.
23. Мазилов В.А. Уроки Ушинского: психологическая наука и идеи великого педагога // Ярославский психологический вестник. 2024. № 1(58). С. 22-29. EDN: RUGXOS.
24. Мазилов В.А., Слепко Ю.Н. Проблема способностей в отечественной психологии: страницы истории // Психология способностей и одаренности: Сборник статей II Всероссийской научно-практической конференции, Ярославль, 24-25 ноября 2022 года. Ярославль: ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, 2022. С. 49-55.
25. Мазилов В.А., Слепко Ю.Н. Психологический анализ педагогических компетенций в структуре профессиональной подготовки учителя // Интеграция образования. 2024. Т. 28. № 4(117). С. 514-532. DOI: 10.15507/1991–9468.117.028.202404.514-532. EDN: CQQKGM.
26. Митина Л.М., Осадчева И.И., Митин Г.В. Учитель будущего: новые научные подходы, матрицы компетенций, ресурсы развития // Вестник практической психологии образования. 2023. Т. 20. № 4. С. 43-56. DOI: 10.17759/bppe.2023200404. EDN: USXPZQ.
27. Молчанова Л.Н., Малихова Л.Н., Кузнецова А.А. Социально-психологическая компетентность как фактор возникновения и преодоления эмоционального выгорания педагогов отдельных образовательных организаций в условиях пандемии COVID-19 // Перспективы науки и образования. 2022. № 2 (56). С. 448-459. DOI: 10.32744/pse.2022.2.26. EDN: OKCHWL.
28. Нечаев А.П. К вопросу о взаимном отношении педагогики и психологии // Русская школа. 1899. № 3. С. 45-51.
29. Нечаев А.П. Об организации психологических наблюдений // Русская школа. 1902. № 2. С. 149-154.
30. Нечаев А.П. Индивидуализация обучения и задачи общего образования // Русская школа. 1908. Т. 2. С. 226-230.
31. Нечаев А.П. Очерк психологии для воспитателей и учителей. СПб.: Тип. П.П. Сойкина, 1911.
32. Нечаев А.П. Как преподавать психологию? СПб.: Тип. П.П. Сойкина, 1913.
33. Нечаев А.П. Курс педагогической психологии для народных учителей. Пг.; М.: Т-во "В.В. Думнов, наследн. братьев Салаевых", 1916.
34. Нечаев А.П. Психологический метод обучения чтению. М.: Т-во "В.В. Думнов, наследн. братьев Салаевых", 1923.
35. Новикова Г.В. Деятельностная теория учения Н.Ф. Талызиной в подготовке современного педагога // Вестник Московского университета. Серия 20. Педагогическое образование. 2023. № 4. С. 43-59. DOI: 10.55959/MSU2073-2635–2023-21-4-43-59. EDN: NMPCTA.
36. Осадчева И.И. К вопросу о диагностике способностей и готовности учащихся к выбору профессии педагога // Вестник практической психологии образования. 2024. Т.

21. № 2. С. 25-32. DOI: 10.17759/bppe.2024210203. EDN: KYJUXB.
37. Павлова О.С. Хухлаев О.Е., Бучек А.А., Александрова Е.А., Гаврюшина М.К., Кривцова А.С., Лейбман И.Я., Шорохова В.А. Межкультурная компетентность и самоэффективность учителя в мультикультурной среде // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2022. Т. 19. № 1. С. 45-60. DOI: 10.17323/1813–8918-2022-1-45-60. EDN: PVRNBC.
38. Пеша А.В., Евплова Е.В. Надпрофессиональные компетенции педагога XXI века // Педагогика и просвещение. 2020. № 3. С. 29-46. DOI: 10.7256/2454-0676.2020.3.33247 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=33247
39. Романов А.А. А.П. Нечаев – вдохновитель и деятель экспериментальной педагогики России (к 145-летию со дня рождения) // Психолого-педагогический поиск. 2015. № 2. С. 99. EDN: UBFLBV.
40. Сакович И.А. Педагогические воззрения А.П. Нечаева: Автореф. дисс. … канд. пед. наук: 13.00.01. М., 2009. EDN: ICEOUB.
41. Сергеев А.Н. Становление идей трудового обучения и политехнического образования в истории педагогической мысли и современной теории и практике. Тула: Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, 2012. EDN: UIAZBF.
42. Слепко Ю.Н. Психологическая структура личностной компетентности // Человеческий фактор: Социальный психолог. 2025. № 1(53). С. 194-203. EDN: BPCREE.
43. Стоюхина Н.Ю. Психотехнические исследования 1920-1930-х гг. по предотвращению аварий на транспорте // Психолог. 2015. № 1. С. 66-93. DOI: 10.7256/2409-8701.2015.1.13932 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=13932
44. Токарева М.В. Цифровая компетенция или цифровая компетентность // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2021. № 4 (52). С. 133-140. DOI: 10.52772/25420291_2021_4_133. EDN: SNRKGJ.
45. Уткин А.В. Миссия учителя как предмет теоретического осмысления в истории отечественного образования XVIII – начала XX века: Автореф. дисс. … докт. пед. наук. М., 2013.
46. Шадриков В.Д. Дидактика: компетентностный подход. Часть 1. М.: Когито-Центр, 2023. EDN: NSLMPK.
47. Шайденко Н.А., Подзолков В.Г., Сергеев А.Н., Сергеева А.В. Проблемы компетентности и компетенций в психолого-педагогических исследованиях. Тула: Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, 2007. EDN: UIMWLV.
48. Юдина Н.П. Развитие гуманистической демократической традиции в отечественной педагогике 70-х годов XIX века – начала XX века: Автореф. дисс. … докт. пед. наук. Хабаровск, 2004. EDN: NNIEWT.
49. Maslov K. "Neither class, nor party": Paradoxes and transformations of the Russian and Soviet scientific intelligentsia // History of the Human Sciences. 2015. Vol. 28. № 2. P. 111-127.
50. Tucker S.A., Cofsky K.M. Competency-Based Pay on Banding Platform, Competence at Work. New York: Wiley, 1999.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.
Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться здесь.

Объектом исследования в представленной на рецензирование рукописи выступает педагогическая компетентность как интегративное профессионально-личностное

качество, предметом – её трактовка через призму воззрений А.Нечаева.

Актуальность исследования обусловлена пониманием того, что в последнее время компетенция как культурно-дидактическая единица приобрела центральный статус в педагогическом дискурсе, причём как на научном, так и на учебно-методическом уровне; при этом в большинстве современных работ компетенция рассматривается остенсивным образом с позиций конкретных качеств, в то время как абстрактно-теоретическое понимание компетенции почти не исследуется. Несмотря на большое количество современных работ нет и однозначного понимания дифференциации понятия компетенции и компетентности, так эти термины часто употребляются практически синонимично, что тоже формирует определённый методологический пробел.

Новизна исследования заключается в весьма редко применяемом в педагогике реконструктивном подходе, предполагающем понимание того, что хотя термин «компетентность» зафиксировался относительно недавно, педагогические представления о ней развивались ещё на заре отечественного научного психолого-педагогического знания, существенный вклад в становление которого внёс А.Нечаев, чьи положения находятся в фокусе настоящего исследования.

С методологической точки зрения, таким образом, исследовательский инструментарий состоит из анализа, сопоставления и абстрагирования. Вкупе данные методы позволяют решать поставленные в работе задачи и определяют полностью теоретический, историко-педагогический характер статьи.

Со структурной точки зрения работа полностью соответствует требованиям к теоретическим исследованиям: от постановочной части автор переходит к аналитическим разделам.

Основной текст посвящён рассмотрению трактовки педагогической компетентности А.Нечаевым через призму более современной теории В.Шадрикова, в которой компетентность уже имеет более чётко выраженную содержательную фиксацию. Таким образом, автор достигает понимания структуры и содержания педагогической компетентности. Отметим, что она представлена на достаточно широком знаниевом фоне рассматриваемой эпохи, что тоже положительно характеризует настоящую статью.

Выводы автора содержат основные полученные в ходе теоретического анализа понимания.

Работа выполнена языком, полностью соответствующим требованиям научного стиля. Список литературы с содержательной точки зрения соответствует требованиям и находит отражение на страницах работы.

Текст может вызвать интерес у широкой аудитории, интересующейся историей отечественной педагогики, поскольку хотя и рассматривает конкретное явление, представляет его во взаимосвязи с целом рядом профессиональных и личностных феноменов педагогической деятельности.

Исследование выиграло, если бы в начале автор упомянул, какие конкретно ведущие современные учёные рассматривают компетенции, в частности соотношение компетентности и компетенции.

Данное замечание имеет рекомендательный характер и не отменяет понимания того, что работа является целостным завершённым авторским исследованием, выполненном на высоком содержательном и методологическом уровне. Текст соответствует основным структурным и содержательным требованиям, предъявляемым к научным статьям, и заслуживает публикации в рецензируемом журнале по психолого-педагогическому направлению.

Психология и Психотехника
Правильная ссылка на статью:
Милехина И.Д., Трубицына Л.В. Особенности виктимной идентичности подростков с хроническими заболеваниями // Психология и Психотехника. 2025. № 3. DOI: 10.7256/2454-0722.2025.3.73025 EDN: UVYOAK URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73025

Особенности виктимной идентичности подростков с хроническими заболеваниями

Милехина Ирина Дмитриевна

ORCID: 0009-0000-9801-0888

независимый исследователь

129128, Россия, г. Москва, ул. Проспект мира, 188бк2, кв. 72

irinamilekhina5@gmail.com

Трубицына Людмила Валентиновна

ORCID: 0000-0003-0479-1148

кандидат психологических наук

доцент; институт клинической психологии и социальной работы; ФГАОУ ВО РНИМУ им Н.И. Пирогова Минздрава России (Пироговский университет)

123592, Россия, г. Москва, Строгинский бул., 7к1, кв. 312

lrinamilekhina5@gmail.com

Статья из рубрики "Клиническая психология"

DOI:

10.7256/2454-0722.2025.3.73025

EDN:

UVYOAK

Дата направления статьи в редакцию:

14-01-2025

Аннотация: В статье представлены результаты исследования особенностей виктимной идентичности подростков с хроническими заболеваниями. В научной литературе встречается много исследований личностных особенностей у подростков с хроническими заболеваниями, однако обнаружена недостаточная разработанность проблемы особенности виктимной идентичности у подростков с разными хроническими заболеваниями. Целью данного исследования является исследование особенностей

виктимной идентичности у подростков с хроническими заболеваниями. Приводятся результаты экспериментальной проверки выдвинутыми авторами гипотез о наличии различий по характеристикам виктимности между тремя группами подростков с хроническими кожными, хроническими урологическими заболеваниями и хроническими заболеваниями ЖКТ и наличии связи между показателями виктимности с тревожностью, и социальной ориентации и наличии разницы в данных связях между тремя группами. В работе использованы методики, разработанные Андронниковой О.О: «Методика исследования склонности к виктимному поведению» Андронниковой О.О., тест жертвенной позиции личности Андронниковой О.О., тест виктимной идентичности Андронниковой О.О.; методика измерения уровня тревожности Тейлора (адаптация Т.А. Немчинова), Методика диагностики социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере О.Ф. Потемкиной. В результате было обнаружено, что у подростков с кожными и урологическими заболеваниями достоверно выше степень проявления склонности к гиперсоциальному, жертвенному поведению, чем у подростков с заболеваниями ЖКТ, подростки с кожными заболеваниями достоверно чаще склонны попадать в угрожающие ситуации, имеют большую внутреннюю предрасположенность и готовность к виктимным ситуациям, имеют склонность к агрессивному импульсивному поведению больше, чем подростки с урологическими заболеваниями и заболеваниями ЖКТ. Подростки с урологическими и кожными заболеваниями достоверно чаще используют жертвенность как наказание себя, значимые различия обнаруживаются между группой подростков с заболеваниями ЖКТ и группой с кожными заболеваниями, подростки с заболеваниями ЖКТ достоверно ниже, чем другие группы, склонны к данному. Подростки с заболеваниями ЖКТ, кожными и урологическими заболеваниями различаются не только по показателям виктимности, но и по структуре связей между виктимностью и уровнем тревоги и социальной направленности, что указывает на важность сравнения не только по отдельным показателям, но и по структуре их связей.

Ключевые слова:

Идентичность, Виктимная идентичность, Формирование идентичности, Жертвенная позиция, Позиция жертвы, Хронические заболевания, Влияние хронических заболеваний, исследование виктимной идентичности, характеристики виктимности, виктимность

Общество находится в ситуации постоянной трансформации, информационной и техногенной перегрузки. Беспрерывно возникает необходимость в адаптации к новым условиям социальной среды, при этом важно сохранить психологическое здоровье человека и его способность к адаптации, качество жизни. Для индивидуума в социальном пространстве значимо регулировать границы психологического пространства, данный навык позволяет личности избирательно взаимодействовать с миром, развить автономность, ответственность и собственную аутентичность. Андронникова О.О. предполагает, что виктимизация личности происходит в случае неспособности человека выстраивать взаимоотношения с миром, а именно адаптивно выстраивать психологические границы, возникает повышенная проницаемость. Подростковый возраст является периодом формирования самосознания, границ взаимодействия с миром. Подросток, у которого формирование личности проходит в условиях наличия хронического заболевания, может столкнуться с рядом проблем, конфликтности, противоречивости в самоотношении, личностные переживания могут проходить в обостренной форме. В условии хронического заболевания может отмечаться

наличие хронической астенизации, ограниченность в социальных контактах, необходимость многократного прохождения лечения, наличие ограничений в деятельности, гиперопека со стороны родителей также влияет на формирование личности подростка и его идентичности. Формирование субъективного восприятия себя как жертвы и повышение риска становления жертвы может затруднить процесс адаптации подростка к референтной группе, вызвать проблемы в межличностных отношениях в семье и со сверстниками, сформировать эмоционально-личностные нарушения, ухудшить качество жизни. В психологических исследованиях таких авторов, как В.В. Николаева, Е.Т. Соколова, Т.Г. Горячева, Н.А. Коваленко и многих других, выявлено, что из-за наличия соматических нарушений эмоционально-личностное развитие претерпевает изменения. В научной литературе встречается много исследований личностных особенностей у подростков с хроническими заболеваниями, однако обнаружена недостаточная разработанность проблемы особенности виктимной идентичности у подростков с разными хроническими заболеваниями [1-4].

Целью нашего исследования стало изучение особенностей виктимной идентичности подростков с хроническими заболеваниями.

Обзор литературы

В своих научных работах французский философ Поль Рикер и один из основоположников интеракционизма Дж. Мид объясняют понятие идентичности через понятие самости. В работе «Я сам как другой» Рикер выделяет четыре уровня самости: лингвистический (тождество говорящего субъекта), практический (тождество агента действия), повествовательный (тождество персонажа, о котором идет повествование) и этико-юридический (дееспособный субъект, ответственный за свои поступки). При этом самость считается полностью сконструированной, если ее формирование происходит сразу на всех четырех уровнях. Благодаря работам Э.Эриксона термин «идентичность» получил широкое распространение. Э.Эриксон считал, что идентичность является процессом, который позволяет человеку сформировать самооценку, опираясь на взаимодействие с другими людьми и их оценке и базируется на отражении и наблюдении окружающего мира.

Также понятие «идентичность» в аналитической психологии рассматривал К.Юнг. Он говорил о наличие персоны и самости в структуре психики человека. Говоря о персоне, он подразумевал совокупность взаимствованных от других социальных правил и норм. Самость же является центральным звеном психики, которое формирует личностные характеристики человека, создавая идентичность [5-10]. «Идентичность – это результат непрерывных процессов личности, реализующихся в ходе ее субъективной жизнедеятельности в тесной связи с ее индивидуальным психофизиологическим потенциалом и социальным контекстом ее существования». По мнению Г. У. Солдатовой в настоящее время идентичность является более дифференцированной и размытой, что обусловлено цифровизацией общества, различием Я-реального и Я-виртуального. Исходя из этого можно сделать вывод, что мир современного человека многогранен и, в связи с этим, происходит интеграция все большего количества составляющих в личность человека. «Это может быть результатом и цифровой социальности, поскольку распространение технологий стало одним из факторов изменения движущих сил развития общества, когда на первый план выходит взаимодействие, сотрудничество и конкуренция не социальных групп, а отдельных индивидов».

Идентичность – это процесс отождествления себя с другими людьми, социальными группами, осознание человеком самого себя, а также набор качеств, убеждений,

которые характеризуют человека или группу. В подростковом возрасте формируются ценностные установки и рефлексивные умения, которые активизируют процесс идентичности. На данном этапе личность оценивает собственные поступки, расширяет социальный репертуар, выстраивает жизненные перспективы. Стремясь проявить себя, отобразить свой внутренний мир, подростки занимаются творческой деятельностью, продуктами которой являются рисунки, стихотворения, рассказы. Через творческую деятельность они также могут сформировать представления о своей индивидуальности, осознать собственные особенности [8-11].

Обратимся к анализу понятия «виктимность» для более глубокого понимания феномена виктимной идентичности. По мнению О. О. Андронниковой виктимность – это системное свойство индивида, которое закреплено в поведении и обуславливает потенциальную или реальную предрасположенность личности стать жертвой [1-2]. Н. А. Сахарова считает, что виктимность личности связана с неопределенностью личных границ [14], а Л. Г.Жедунова описывает следующие характеристики виктимной личности: слабость, низкая самооценка, уязвимость, неустойчивость. Клинико-психологические исследования, проведенные Л.Д. Зикеевой на данной группа пациентов, выявили наличие нарушений невротического уровня, которые проявлялись в виде ипохондрической реакции, тревожных и депрессивных проявлениях. При исследовании особенности когнитивных функций у данных испытуемых было отмечено наличие лабильности нейродинамического компонента психической деятельности, истощаемости, колебаний внимания и мнестических нарушений. Исследователь О.В. Фролова говорит о том, что подростки с хроническими заболеваниями, по сравнению с нормативипичными сверстниками, имеют меньшее количество социальных контактов из-за ограничений, которые накладывает условие болезни. В связи с данной дефицитарностью самооценка претерпевает изменения и формируется негативное отношение к социуму, возникают трудности формирования межличностных взаимоотношений. В исследованиях Г. А. Винокуровой, которые посвящены аксиологическому компоненту психологического благополучию лиц подросткового возраста, имеющих хронические заболевания, отмечается низкий уровень принятия своей личности и других, по сравнению в нормативипичными сверстниками [12-18]. В психологических исследованиях таких авторов, как В.В. Николаева, Е.Т. Соколова,

Н.А. Коваленко и многих других, выявлено, что из-за наличия соматических нарушений эмоционально-личностное развитие претерпевает изменения. На эмоционально-личностное развитие особе влияние оказывают следующие хронические заболевания: астма, язвенные заболевания, диабет. Исследования, проводимые на данных группах больных, показывают, что в результате болезни появляются характерные особенности личности и они оказывают влияние на социальную жизнь человека [3-4].

Результаты исследования и их обсуждение

В исследовании приняло 60 подростков, 20 подростков с хроническими заболеваниями ЖКТ, 20 подростков с хроническими кожными заболеваниями и 20 подростков с урологическими заболеваниями. Результаты обследования анализировались с помощью методов математической статистики (критерия Краскела-Уоллиса и корреляционного анализа Спирмена) в программе SPSS. В начале проводилась оценка связей всех показателей всех методик, затем сравнивались три группы испытуемых между собой. Так как не проводилась проверка на нормальность распределения для сравнения использовался непараметрический критерий Краскела-Уоллиса для К независимых групп.

Проведенный нами корреляционный анализ в рамках одной группы подростков с заболеваниями ЖКТ, позволяет констатировать наличие у респондентов связей между показателями. Отмечается статистически значимая корреляционная связь между агрессивным поведением и уровнем виктимной идентичности, уровнем тревожности, ориентацией на альтруизм. Значимая положительная связь прослеживается между показателями склонности к самоповреждающему поведению и уровнем виктимности и тревожности. Значимая отрицательная связь прослеживается между склонностью к самоповреждающему поведению и жертвой как наказание других. Положительная связь отмечается также между склонностью к гиперсоциальному поведению и уровнем тревожности, склонностью к зависимому и беспомощном поведению и уровнем виктимной идентичности и уровнем тревожности (таблица 1).

Таблица 1. Статистически значимые корреляционные связи между шкалами в группе подростков с заболеваниями ЖКТ

	Уровень виктимной идентичности	Уровень тревожности	Ориентация на альтруизм	Жертва как наказание других
Агрессивное поведение	0,583	0,638	0,722	
Склонность к самоповреждающему поведению	0,530	0,503		-0,507
Склонность к гиперсоциальному поведению		0,582		
Склонность к зависимому и беспомощному поведению	0,619	0,765		

Корреляционный анализ, проведенный в рамках одной группы подростков с кожными заболеваниями, позволяет констатировать наличие у респондентов связей между показателями. Отмечается статистически значимая связь отрицательная между склонностью к некритичному поведению и жертвенности как наказание других, положительная связь между склонностью к самоповреждающему поведению и уровнем виктимной идентичности, отрицательная значимая связь между показателями жертвы как наказание себя и уровнем виктимной идентичности, ролевой жертвы и уровнем тревожности, положительная связь между жертвой как наказание себя и ориентацией на альтруизм (таблица 2)

Таблица 2. Статистически значимые корреляционные связи между шкалами в группе подростков с кожными заболеваниями

	Тест виктимной идентичности	Уровень тревожности	Ориентация на альтруизм	Жертва как наказание других
Склонность к некритичному				-0,471

поведению				
Склонность к самоповреждающему поведению	0,459			
Жертва как наказание себя	-0,474		0,526	
Ролевая жертва		-0,533		

Статистически значимые корреляционные связи между показателями обнаруживаются и в группе подростков с урологическими заболеваниями. Статистически значимые отрицательные связи между склонностью к некритичному поведению и ориентации на альтруизм, склонности к зависимому и беспомощному поведению и уровнем тревожности (таблица 3).

Таблица 3. Статистически значимые корреляционные связи между шкалами в группе подростков с заболеваниями урологическими

	Тест виктимной идентичности	Уровень тревожности	Ориентация на альтруизм	Жертва как наказание других
Склонность к некритичному поведению			-0,576	
Склонность к зависимому и беспомощному поведению		-0,506		

Мы не исследовали подростков, имеющих реализованную криминальную виктимность, а оценивали только субъективное восприятие себя жертвой из-за наличия хронического заболевания в жизни подростка. У респондентов с заболеваниями ЖКТ тревожность имеет связь и с агрессивным и аутоагрессивным поведением, и с гиперсоциальным и беспомощным поведением, у респондентов с кожными заболеваниями достоверная связь обнаруживается только в ролевой позиции жертвы, а у испытуемых с урологическими заболеваниями только со склонностью к беспомощному поведению. Социальная направленность на альтруизм у испытуемых с заболеваниями ЖКТ имеет связь только с агрессивным поведением, у группы с кожными заболеваниями с жертвой как наказание себя, а у респондентов с урологическими заболеваниями только отрицательная связь со склонностью к некритичному поведению.

Проводя статистический анализ с помощью критерия Краскела-Уоллиса, между тремя группами обнаружилось, что по шкале «склонность к гиперсоциальному поведению», группа с заболеваниями ЖКТ достоверно отличается от двух других групп ($P \leq 0.000$). Подростки с кожными и урологическими заболеваниями достоверно чаще используют провоцирующее виктимную ситуацию социально одобряемое поведение, По шкале «реализованная виктимность» обнаружено, что группа с заболеваниями ЖКТ имеет статистически значимые различия с группой подростков с кожными заболеваниями ($P \leq 0,05$) что свидетельствует о том, что, подростки с кожными заболеваниями чаще склонны попадать в опасные и угрожающие здоровью (психологическому и соматическому) ситуации в связи с наличием внутренней предрасположенности и

готовности к подобным ситуациям. В тесте Андронниковой О.О. «жертвенная позиция личности» по шкале жертвенность как наказание себя обнаруживается статистически значимые различия между группой с заболеваниями ЖКТ и группой с кожными заболеваниями (P≤0,05). Подростки с заболеваниями кожи достоверно чаще используют жертвенность в виде наказание себя, чем другие группы, группа подростков с заболеваниями ЖКТ достоверно реже использует данную жертвенность. Значимые различия обнаруживаются в методике Андронниковой О.О. «тест виктимной идентичности» между группой подростков с заболеваниями ЖКТ и кожными заболеваниями, между группой с хроническими заболеваниями ЖКТ и урологическими заболеваниями (P≤0,05). Самый высокий уровень обнаруживается у подростков с кожными заболеваниями, однако ни в одной группе не было обнаружено высокого уровня. Подростки с заболеваниями ЖКТ склонны воспринимать себя и окружающую действительность в положительном ключе, у них отсутствует отношение к себе с позиции жертвы, наблюдается автономия и осознанная позиция в жизни. Подростки с заболеваниями кожи и урологическими имеют реалистичное самоуважение, имеют понимание ответственности и способны осознавать ее в своей жизни.

Заключение

Нами было проведено комплексное исследование особенностей виктимной идентичности у подростков с хроническими заболеваниями и были выделены связи между виктимными проявлениями и уровнем тревожности, и социальными направленностями. Было отмечено, что самый высокий уровень виктимной идентичности отмечается у подростков с кожными заболеваниями, подростки с кожными и урологическими заболеваниями имеют значимые различия с подростками с заболеваниями ЖКТ. Однако все три группы не имеют высокого уровня, все показатели не превышают средний уровень. При исследовании склонности к самоповреждающему поведению в группе подростков с заболеваниями ЖКТ и кожными заболеваниями отмечается большой размах по группе в ответах, что свидетельствует о том, при наличии этих заболеваний может присутствовать разная степень проявления самоповреждающего поведения. Очень высокие показатели обнаруживаются у подростков с кожными и урологическими заболеваниями по склонности к гиперсоциальному поведению, что имеет значимые различия с группой подростков с заболеваниями ЖКТ. Реализованная виктимность, а именно частота попадания в неприятные и угрожающие ситуации у подростков и хроническими заболеваниями кожи более выражена, чем у других групп. Наименьшую склонность к данному имеют подростки с заболеваниями ЖКТ. У подростков с урологическими заболеваниями отмечается широкий разброс ответов, и в рамках нормы, и выше и ниже ее. В результате нашего исследования было выявлено, что в целом виктимные проявления более выражены у подростков с кожными и урологическими заболеваниями, наименее склонны к виктимным проявлениям подростки с заболеваниями ЖКТ.

Библиография

1. Андронникова, О. О. Виктимная идентичность личности и факторы её становления: теоретический и эмпирический анализ: монография / Academic Publishing GmbH & Co. KG. 2011. 143 с.
2. Андронникова, О. О. Психологическое пространство виктимной личности // Евразийское Научное Объединение.2017. № 11(33). С. 153-155.
3. Филякова, Е. Г. Образ Я детей с хроническими соматическими заболеваниями (бронхиальная астма и гастродуоденальная патология) // Педиатрия. 2002. № 4. С. 97-103.
4. В.В. Николаева. Влияние хронической болезни на психику: научное исследование /

Издательство Московского университета, 1987. 167 с.
5. Мид, Д. Интернализованные другие и самость // Американская социологическая мысль. сост. Е. И. Кравченко. М.: Изд-во МГУ, 1994. 496 с.
6. Шаповаленко, И. В. Возрастная психология (Психология развития и возрастная психология) / И. В. Шаповаленко. М.: Гайдарики, 2005. 349 с.
7. Шнейдер, Л. Б Профессиональная идентичность / Л.Б. Шнейдер М.: МОСУ, 2001. 211 с.
8. Эриксон, Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996. 344 с.
9. Юнг, К. Г. Психология бессознательного / пер. с англ. М.: Когито-Центр, 2010. 352 с.
10. Баранова, Т. С. Теоретические модели социальной идентификации личности // Социальная идентификация личности. М.: Институт социологии РАН, 1993. С. 35-46.
11. Солдатова, Г. У. Я-реальное и Я-виртуальное: идентификационные матрицы подростков и взрослых // Культурно-историческая психология. 2022. Т. 18. № 4. С. 27-37.
12. Ялтонский, В. М. Восприятие подростками системного хронического заболевания и совладание с ним // Вопросы психического здоровья детей и подростков. 2020. Т. 20. № 2. С. 20-26.
13. Ялтонский В.М., Дияжева Л.В., Абросимов И.Н. Совладающее поведение подростков, больных муковисцидозом // Медицинская психология в России. 2011. № 6. С. 56-60.
14. Сахарова, Н. А. Феномен «Психологические границы личности» в психологии // Dubna Psychological Journal. 2014. № 3. С. 1-9.
15. Жедунова, Л. Г. Границы психологического пространства личности как фактор нарушений пищевого поведения // Ярославский педагогический вестник. 2014. № 4. С. 237-241.
16. Зикеева, Л. Д. Невротические реакции у больных хроническим гломерулонефритом и хроническим пиелонефритом // Клиническая медицина. 1974. № 9. С. 43-48.
17. Винокурова, Г. А. Особенности аксиологического компонента психологического здоровья у подростков с хроническими соматическими заболеваниями // Интеграция науки и образования в XXI веке: психология, педагогика, дефектология.2016. С. 24-32.
18. Гальчук, Д. С. Понятие «идентичность личности» // Вестник бурятского государственного университета. Философия. 2017. № 5. С. 44-51.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.
Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться здесь.

Предмет исследования: особенности виктимной идентичности.

Методология исследования: В исследовании приняло 60 подростков, 20 подростков с хроническими заболеваниями ЖКТ, 20 подростков с хроническими кожными заболеваниями и 20 подростков с урологическими заболеваниями. Результаты обследования анализировались с помощью методов математической статистики (критерия Краскела-Уоллиса и корреляционного анализа Спирмена) в программе SPSS. В начале проводилась оценка связей всех показателей всех методик, затем сравнивались три группы испытуемых между собой. Так как не проводилась проверка на нормальность распределения для сравнения использовался непараметрический критерий Краскела-Уоллиса для К независимых групп.

Актуальность: Общество находится в ситуации постоянной трансформации, информационной и техногенной перегрузки. Беспрерывно возникает необходимость в

адаптации к новым условиям социальной среды, при этом важно сохранить психологическое здоровье человека и его способность к адаптации, качество жизни. Для индивидуума в социальном пространстве значимо регулировать границы психологического пространства, данный навык позволяет личности избирательно взаимодействовать с миром, развить автономность, ответственность и собственную аутентичность. Андронникова О.О. предполагает, что виктимизация личности происходит в случае неспособности человека выстраивать взаимоотношения с миром, а именно адаптивно выстраивать психологические границы, возникает повышенная проницаемость. Подростковый возраст является периодом формирования самосознания, границ взаимодействия с миром. Подросток, у которого формирование личности проходит в условиях наличия хронического заболевания, может столкнуться с рядом проблем, конфликтности, противоречивости в самоотношении, личностные переживания могут проходить в обостренной форме.

Научная новизна: При исследовании склонности к самоповреждающему поведению в группе подростков с заболеваниями ЖКТ и кожными заболеваниями отмечается большой размах по группе в ответах, что свидетельствует о том, при наличии этих заболеваний может присутствовать разная степень проявления самоповреждающего поведения.

Стиль, структура, содержание: Представленная на рецензию статья носит научный характер. Содержание работы соответствует поставленным авторами целям. Материал изложен четко, логично, в доступной форме, тщательно отредактирован.

Библиография: Литература соответствует заявленной тематике, однако, отсутствует сопоставление научных данных отечественной и зарубежной литературы. Все разделы статьи логически взаимосвязаны, а положения статьи подтверждены цитатами из авторитетных источников и ссылками на научные исследования.

Апелляция к оппонентам: в представленной статье отражена научная полемика, таких авторов, как В.В. Николаева, Е.Т. Соколова, Т.Г. Горячева, Н.А. Коваленко и многих других. Обращения к оппонентам корректные, оформлены ссылками на источники опубликования.

Выводы, интерес читательской аудитории: Практическая значимость заключается в том, что полученные результаты могут быть использованы в качестве профилактики виктимной идентичности подростков с хроническими заболеваниями. Однако, не представлены практические рекомендации для психологов.

Психология и Психотехника
Правильная ссылка на статью:
Ситникова Э.О., Султанова А.Н., Зинина А.И., Букин А.В., Шестакова Е.С. Личностные аспекты реабилитации пациентов с расстройствами шизофренического спектра и коморбидной аддиктивной патологией в условиях психиатрической больницы специализированного типа // Психология и Психотехника. 2025. № 3. DOI: 10.7256/2454-0722.2025.3.75589 EDN: VBPNLZ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75589

Личностные аспекты реабилитации пациентов с расстройствами шизофренического спектра и коморбидной аддиктивной патологией в условиях психиатрической больницы специализированного типа

Ситникова Элина Олеговна

ORCID: 0000-0002-9969-8677

независимый исследователь

630541, Россия, Новосибирская обл., Новосибирский р-н, поселок Элитный, ул. Николая Казарина, д. 2

✉ sitnikova-elina@yandex.ru

Султанова Аклима Накиповна

ORCID: 0000-0001-6420-6591

доктор медицинских наук

профессор; кафедра Психиатрии, наркологии, психотерапии и клинической психологии; Федеральное Государственное Бюджетное Образовательное Учреждение Высшего Образования "Новосибирский государственный медицинский университет" Министерства Здравоохранения Российской Федерации

630091, Россия, Новосибирская обл., г. Новосибирск, Центральный р-н, Красный пр-кт, д. 52

✉ sultanova.aklima@yandex.ru

Зинина Алла Ивановна

кандидат медицинских наук

Главный врач; Федеральное казенное учреждение «Новосибирская психиатрическая больница (стационар) специализированного типа с интенсивным наблюдением» Министерства здравоохранения Российской Федерации

630040, Россия, Новосибирская обл., г. Новосибирск, Заельцовский р-н, ул. Охотская, д. 90

✉ npbstin@mail.ru

Букин Андрей Викторович

Заведующий отделением; Федеральное казенное учреждение «Новосибирская психиатрическая больница (стационар) специализированного типа с интенсивным наблюдением» Министерства здравоохранения Российской Федерации

630040, Россия, Новосибирская обл., г. Новосибирск, Заельцовский р-н, ул. Охотская, д. 90

✉ bukin@mail.ru

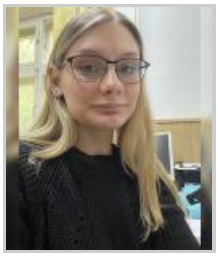
Шестакова Елена Сергеевна

ORCID: 0000-0002-1251-3028

Клинический психолог; Научно-практический центр психического здоровья им. Ц.П. Короленко

644116, Россия, Омская обл., г. Омск, Центральный округ, ул. Герцена, д. 250 к. 1

beautifulpinkfridge@gmail.com

Статья из рубрики "Клиническая психология"

DOI:

10.7256/2454-0722.2025.3.75589

EDN:

VBPNLZ

Дата направления статьи в редакцию:

20-08-2025

Аннотация: Настоящее исследование посвящено определению возможностей психологической реабилитации в контексте личностной сферы пациентов с установленным расстройством шизофренического спектра (РШС) и коморбидной аддиктивной патологией в психиатрической больнице специализированного типа. Объектом исследования выступили лица, страдающие от РШС и коморбидной аддикции, в процессе психологической реабилитации в условиях психиатрической больницы специализированного типа. Предметом исследования выступили личностные особенности пациентов с РШС и коморбидной аддиктивной патологией. Гипотеза исследования состояла в том, что значимо измененные в процессе психологической реабилитации пациентов с РШС и коморбидной аддикцией параметры (негативные симптомы и когнитивные способности) будут ассоциироваться с личностными характеристиками пациентов, предопределяя возможность их коррекции при продолжительном многоаспектном и системном реабилитационном процессе. Были использованы следующие психодиагностические методики: «Монреальская когнитивная шкала», «Шкала краткой оценки негативных симптомов (BNSS)», «Способы совладающего поведения», «Индекс жизненного стиля», «Временная перспектива», «Мотивы употребления наркотиков». Математико-статистический анализ осуществлялся с помощью теста Уилкоксона для парных наблюдений и ранговой корреляции Спирмена. Новизна исследования заключается в определении тех личностных конструктов, на коррекцию которых можно рассчитывать в реабилитационном процессе указанного контингента пациентов при групповой работе с традиционными мишенями – негативными симптомами и когнитивными навыками. В процессе психологической реабилитации была обнаружена динамика по интегральному показателю негативных симптомов (p=0,01), притупленному аффекту (p=0,04), ангедонии (p=0,04), социальной отчужденности (p=0,03); а также в когнитивных навыках (p=0,03). Корреляционный анализ позволил установить предположительно скрытый реабилитационный потенциал в следующих

направлениях: механизмы психологической защиты, копинг-стратегии, мотивация употребления ПАВ и временная перспектива. Перспектива работы направлена на подтверждение выявленных взаимосвязей на практическом опыте в условиях продолжительной, систематической и многоаспектной психологической реабилитации. Эффективная психологическая коррекция личностных особенностей коморбидных пациентов предупредит вероятность регоспитализаций и повторных правонарушений.

Ключевые слова:

коморбидность, аддикция, шизофренический спектр, психологическая реабилитация, личностная сфера, совладающее поведение, когнитивные навыки, негативные симптомы, специализированный тип, групповые тренинги

Введение

Пациенты, получающие лечение в условиях психиатрической больницы специализированного типа, демонстрируют значимые отличия от лиц с аналогичными нозологиями, наблюдающихся в иных медицинских организациях. Эта закономерность в полной мере применима к больным с РШС и сопутствующей аддиктивной патологией. Их специфика проявляется в особенностях социально-демографического профиля, этиопатогенетических механизмах, клинической симптоматике, а также в социально-психологических детерминантах комплаенса. Таким образом, уникальность данной категории пациентов требует дифференцированного подхода не только к психофармакотерапии, но и к психокоррекционным мероприятиям.

Существенные ограничения в лечении и реабилитации обусловлены выраженным апато-абулическим синдромом, высокой степенью агрессивности и психомоторного возбуждения, наличием выраженных позитивных симптомов, а также повышенным суицидальным риском. Подобная клиническая картина диктует необходимость специфического психофармакологического вмешательства, которое, хотя и обеспечивает купирование симптоматики, зачастую создает дополнительные барьеры для установления терапевтического контакта и проведения продуктивной психокоррекционной работы.

Важным фактором, осложняющим реабилитационный процесс, является низкий уровень интеллекта, образования и культурной компетентности пациентов, что может препятствовать адекватному восприятию общеизвестных понятий. Выявление подобных когнитивных дефицитов и их дифференциация от проявлений негативной симптоматики, побочных эффектов терапии или уклонения от контакта возможны лишь при условии установления доверительных отношений не только между пациентом и психологом, но и внутри всей группы в ходе тренинговых занятий.

На сегодняшний день в научном сообществе существует консенсус относительно того, что достижение клинически значимых изменений возможно только при комплексном подходе, сочетающем психофармакотерапию и психосоциальные интервенции. Ключевой целью реабилитации являются функциональные улучшения, включающие не только стабилизацию психического состояния, но и снижение риска рецидивов девиантного поведения за счет повышения приверженности лечению. Однако именно комплаенс представляет наибольшую сложность ввиду личностных особенностей пациентов, неблагоприятных условий воспитания и развития, а также ограниченности социальных ресурсов, что препятствует длительной и системной терапии в амбулаторных условиях. Вероятность регоспитализации таких больных существенно превышает шансы на их

успешную социальную адаптацию.

Традиционными мишенями реабилитационного процесса при работе с коморбидными пациентами данной нозологической группы являются негативная симптоматика и когнитивные нарушения. Несмотря на обширное число исследований, посвященных данной проблематике, вопрос о возможностях коррекции личностных характеристик остается недостаточно изученным. Между тем, именно личностные особенности пациентов достоверно коррелируют с уровнем комплаенса и эффективностью постреабилитационной адаптации.

Несмотря на то, что достижение устойчивых личностных изменений требует значительных временных и ресурсных затрат, применение методов корреляционного анализа позволяет выявить значимые ассоциации между динамикой негативных симптомов, когнитивных функций и личностных характеристик даже в рамках краткосрочной (для данной категории пациентов) реабилитации. Полученные данные могут служить основанием для прогнозирования позитивных сдвигов в личностной сфере при долгосрочном психосоциальном вмешательстве.

Анализ литературных источников

Метаанализ исследований 1999-2017 гг. демонстрирует следующую статистику распространенности зависимости от ПАВ среди пациентов с РШС – 41,7%, среди которых в качестве аддиктивного агента было выбрано наркотическое вещество в 27,5% случаев, а именно: каннабис (26,2%), алкоголь (24,3%), стимуляторы (7,3%). Для мужчин распространенность злоупотребления ПАВ составила 48%, для женщин – 22,1% среди пациентов с РШС [1].

Структура госпитализации пациентов с коморбидной патологией соответствует модели частых, но кратковременных обращений за различной медицинской помощью. Уникальная особенность данных пациентов – очень высокая вероятность самостоятельного обращения за неотложной помощью. В среднем такие пациенты обращаются в отделение неотложной психиатрической или общей помощи примерно два раза в год. Коморбидные пациенты с меньшей вероятностью принимают формат амбулаторного наблюдения, менее мотивированы к изменению режима приема ПАВ, испытывают трудности с началом лечения, отличаются медленным прогрессом в лечении и с большей вероятностью покидают долгосрочные реабилитационные программы (по сравнению с пациентами, страдающими от расстройств, связанных с употреблением ПАВ, без психотических расстройств) [2].

Проблема рецидивизма преступлений, совершаемых пациентами с РШС и коморбидной аддикцией, остается нерешенной ввиду многоаспектности данного феномена. Исследователи документируют факт низкого социального статуса рассматриваемой категории пациентов [3,4]. Известно так же о более тяжелых психотических симптомах [5]. Такие пациенты моложе на момент первой регистрации психиатрического диагноза и первого эпизода криминальной активности, а также осуждены более, чем за одно преступление [6]. Сочетание конституциональных особенностей протекания патологических процессов, социальных ограничений, последствий совершаемых деликтов, а также личностных характеристик психотических пациентов создает сложную цепочку взаимосвязанных конструктов, влияющих на комплаентность и частоту рецидивизма пациентов.

В отношении взаимосвязи негативных симптомов РШС и коморбидности злоупотребления ПАВ среди исследователей не был достигнут консенсус. Недавний метаанализ сообщает о меньшей выраженности негативных симптомов среди потребителей каннабиса. Подобные результаты могут быть следствием как самолечения, так и склонности пациентов с низкой выраженностью негативных симптомов к употреблению ПАВ. С употреблением каннабиса так же не были связаны дезорганизация и степень тяжести депрессии. Однако уровень возбуждения был выше для пациентов с коморбидной аддикцией [7]. Негативные симптомы так же ассоциируются с выраженностью нарушений экспрессии у психотических пациентов [8].

Риск совершения убийства пациентами, страдающими от коморбидной патологии, связан с историей насилия в отношении других, переживанием стрессового события за год до совершения преступления, а также клиническими факторами: тяжелые психотические симптомы, длительная продолжительность нелеченого психоза, низкая степень приверженности лечению. Насилие пациентов с ранней манифестацией антисоциального поведения чаще является незапланированным, адресуется знакомым лицам и не обязательно связано с симптомами шизофрении [9].

Несмотря на большое число практических и теоретических изысканий относительно реабилитационного процесса пациентов с шизофренией, реальное положение дел далеко от желаемого. Приоритетным при процессе реабилитации является функциональный результат, достижение которого возможно исключительно при комплексном подходе, сочетающем фармакотерапию и психосоциальные вмешательства. Доказательными формами реабилитационных вмешательств являются: структурированное психообразование, когнитивно-поведенческая психотерапия, обучение социальным навыкам, когнитивная реабилитация, профессиональное вмешательство, жилищное сопровождение, спортивные занятия. Все вышеперечисленное представляется наиболее эффективным при интегрированном взаимодействии – в формате многокомпонентных программ, которые пока не внедрены в достаточном объеме повсеместно в условиях реальной медицинской помощи [10, 11]. Однако даже введение нестандартных дополнительных мер для работы с коморбидными пациентами могут быть эффективны, например, терапия с участием животных (собак) [12].

Психологическая реабилитация открывает возможность воздействия на множество переменных, одной из которых выступает личностная сфера коморбидных пациентов.

Материалы и методы исследований

Участниками исследования в течение трех месяцев на базе ФКУ НПБСТИН Минздрава России стали пациенты (n=16) с РШС и коморбидной аддиктивной патологией. Средний возраст составил 41,25±9,34 лет. Пациенты были распределены на экспериментальную (n=8) и контрольную группы (n=8).

В качестве методик были использованы: «Монреальская когнитивная шкала», «Шкала краткой оценки негативных симптомов (BNSS)», «Способы совладающего поведения», «Индекс жизненного стиля», «Временная перспектива», «Мотивы употребления наркотиков». Статистический анализ производился с помощью критериев Уилкоксона для парных наблюдений и ранговой корреляции Спирмена.

Реабилитационная программа составлялась с учетом особенностей изучаемой категории пациентов на основе материалов, апробированных для пациентов с шизофренией.

Критерий включения в группу: отсутствие выраженных психопродуктивных симптомов, интеллектуального снижения, дефицитарных симптомов и нарушений поведения, наличие подписанного добровольного информированного согласия и установленное РШС и сопутствующая аддиктивная патология.

Цель реабилитационных мероприятий: повышение адаптационных возможностей пациентов, страдающих от РШС и коморбидной аддикции, с возможностью перехода на следующий этап реабилитации в условиях общего типа принудительного лечения.

Задачи:

1. Сформировать мотивацию к реабилитационной работе;

2. Способствовать тренировке когнитивных навыков;

3. Способствовать выработке навыков социального взаимодействия;

4. Компенсировать вторичные негативные симптомы.

Содержание занятий было заимствовано и адаптировано под пациентов НПБСТИН из программы тренинга когнитивных и социальных навыков А.Б. Холмогоровой [13], методики для мотивирования пациентов к психосоциальной реабилитации Н.Д. Семеновой [14], методических рекомендации по тренингу развития коммуникативных навыков для больных, страдающих шизофренией [15], метакогнитивного тренинга для пациентов с РШС [16], а также расширено с помощью иных форм реабилитационных мероприятий.

Результаты

При оценке динамики эмоционально-волевой и когнитивной сфер были обнаружены значимые изменения в конструктах негативных симптомов и когнитивных навыках (таблица 1).

Таблица 1

Динамика негативных симптомов и когнитивных навыков пациентов, страдающих от РШС и коморбидной аддиктивной патологии, в процессе психологической реабилитации

	Контрольная группа			Экспериментальная группа			
Шкалы	До ПР (n=8)	После ПР (n=8)	P	До ПР (n=8)	После ПР (n=8)	Z	P
	M±SD	M±SD		M±SD	M±SD		
АГ	11,50±3,21	11,50±3,21	1,00	9,88±2,23	9,00±1,77	-2,07[b]	0,04
СО	9,14±1,07	9,14±1,07	1,00	6,88±1,25	6,00±1,20	-2,07[b]	0,03
ПА	12,88±3,18	13,00±2,98	0,66	8,50±3,25	7,38±3,02	-2,04[b]	0,04
СУМ	57,57±7,46	57,00±6,52	0,18	41,00±10,56	36,00±7,80	-2,53[d]	0,01
МШ	18,88±4,45	18,00±4,41	0,12	22,63±3,96	26,13±2,75	-2,21[d]	0,03

Примечание: ПР – психологическая реабилитация; АГ – ангедония; СО – социальная отгороженность; ПА – притупленный аффект; СУМ – суммарный балл по негативным

симптомам; МШ – монреальская шкала; d – на основе положительных рангов; b – на основе отрицательных рангов.

Статистически значимые изменения были достигнуты по интегральному показателю (p=0,01), притупленному аффекту (p=0,04), ангедонии (p=0,04), социальной отчужденности (p=0,03); а также в когнитивных навыках (p=0,03).

Проанализированы данные корреляционного анализа между значимо измененными параметрами и компонентами личностной сферы респондентов (рис. 1).

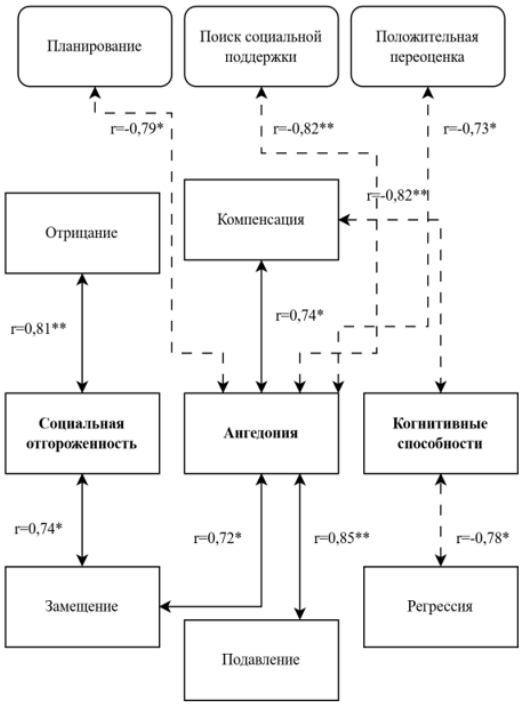

Рис. 1. Взаимосвязь негативных симптомов и когнитивных навыков с механизмами психологической защиты и копинг-стратегиями (*- p<0,05, **- p<0,01)

Получена взаимосвязь механизма психологической защиты отрицание и социальной отгороженности (r=0,81; при p<0,01); механизма психологической защиты замещение и социальной отгороженности (r=0,74; при p<0,05). Была так же обнаружена положительная ассоциация между замещением и ангедонией (r=0,72; при p<0,05).

Получена взаимосвязь механизма психологической защиты компенсация и ангедонии (r=0,74; при p<0,05), когнитивных способностей (r=-0,82; при p<0,01); механизма психологической защиты подавление и ангедонии (r=0,85; при p<0,01); механизма психологической защиты регрессия и когнитивных способностей (r=-0,78; при p<0,05).

Положительные ассоциации были обнаружены между ангедонией и различными копинг-стратегиями, а именно: планирование (r=-0,79; при p<0,05), поиск социальной поддержки (r=-0,82; при p<0,01), положительная переоценка (r=-0,73; при p<0,05).

Рассмотрим взаимосвязь негативных симптомов с параметрами временной перспективы и мотивационным напряжением (рис. 2).

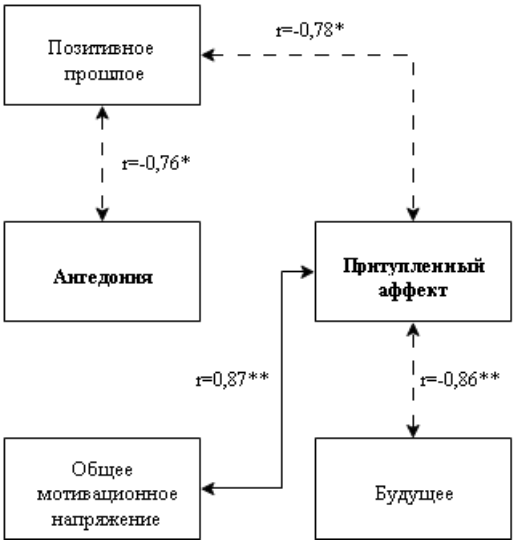

Рис. 2. Взаимосвязь негативных симптомов с параметрами временной перспективы и мотивационным напряжением в контексте аддикции (*- p<0,05, **- p<0,01)

Позитивное представление о собственном прошлом негативно ассоциируется с ангедонией (r=-0,76; при p<0,05) и притупленным аффектом (r=-0,78; при p<0,05). Общее мотивационное напряжение положительно ассоциируется с притупленным аффектом (r=0,87; при p<0,01). Способность к планированию и целеполаганию негативно ассоциируется с притупленным аффектом (r=-0,86; при p<0,01).

Обсуждение

Социальная отгороженность, как минус-симптом, может способствовать развитию отрицания, поскольку для пациентов социальная изоляция с последующим расторжением всех социальных контактов прошлого не дает возможности помнить и распространять иную версию произошедших травмирующих событий (что наиболее вероятно в условиях принудительного лечения – совершенного преступления). Пациенты неосознанно создают собственные мифы, предпочитают верить в них и не контактируют в реальности с теми людьми, которые могли бы представить их взору иную версию событий. Данные исследований позволяют утверждать, что жертвами преступлений рассматриваемой категории пациентов чаще выступают знакомые, родственники [17]. При таких обстоятельствах уголовного дела немногие из числа друзей и знакомых пациентов поддерживают контакт – связь может оборваться в одностороннем порядке. Отрицание – наиболее предпочитаемая защитная стратегия среди исследуемых пациентов, что может быть обусловлено невозможностью психики справиться с ужасом содеянного – с ее помощью возможно жить с представлением о том, что убийство было совершено не пациентом, убитая им жертва жива, диагноз неверен, следствие было настроено против него и пр.

Социальная отгороженность так же интенсифицирует замещение в связи с невозможностью вступить в контакт с истинными источниками негативных переживаний. Это касается как физической изоляции – фигуранты уголовного дела, близкие друзья и враги остались за пределами учреждения, так и личностной – многие пациенты выбирают в качестве стратегии адаптации пассивно-подчиняемую позицию и не имеют возможности противодействовать тем, кто вызывает у них фрустрационные реакции. Для таких целей приемлемыми оказываются другие пациенты, соседи по палате и прочие более доступные объекты смещения недопустимых чувств. Снижение степени переживаемого удовольствия, как и предвосхищаемого, может способствовать

бессознательному поиску иных форм отреагирования чувств в поиске того объекта, взаимодействие с которым позволит ощутить желаемый катарсис.

Положительная ассоциация между компенсацией и ангедонией может быть обусловлена аналогичным процессом, описанным ранее для взаимосвязи ангедонии и замещения. Отличие в том, что для замещения реализуется поиск объекта катарсиса негативных переживаний, а для компенсации – поиск установок, ценностей, смыслов, форм поведения с целью восполнить утраченную способность испытывать удовольствие. Негативная ассоциация компенсации и когнитивных способностей может быть обусловлена формализмом реализации компенсации, как механизма психологической защиты. Положительные изменения в когнитивных способностях позволяют реализовывать процесс заимствования более критично, с опорой на приобретенные или вновь актуализированные навыки.

Ангедония сопутствует развитию шизофренического процесса, как негативный симптом. Согласно теории Р.А. Шпица и У.Г. Коблинера агрессия, будучи движущей силой жизнедеятельности, для шизофренических личностей становится нейтрализованной с помощью либидинальных импульсов. Таким образом ребенок защищает от агрессии материнский объект (источник травмы). Впоследствии агрессия подавляется все сильнее – Эго тратит больше сил для ее вытеснения и удерживания в бессознательном. Из-за недостатка ресурсов для развития Эго нарушается созревание психического аппарата. Интенсивность психического напряжения может быть легко скомпрометирована любой ситуацией фрустрации – тогда чувства начинают затоплять Эго, на что в ответ пациент переживает психотическую тревогу, а за ней и остальные психопатологические симптомы. Все происходящее служит единственной цели – сохранению баланса между агрессивными импульсами и их стабилизацией [18]. Следовательно, подавление при прогрессировании негативных симптомов РШС есть и предпосылка возникновения, и следствие развития эндогенного процесса.

Парциальное восстановление когнитивных способностей – значимый результат работы с пациентами, страдающими от РШС. Одна из ведущих жалоб (часто не поддающаяся психофармакотерапии, более того – выступающая как побочный эффект препаратов) – нарушение когнитивных функций. Опора на сохранные навыки позволяет в меньшей степени прибегать к использованию поведенческих стратегий ранних стадий развития. Наблюдение позитивных изменений в когнитивных способностях дает надежду на ремиссию, повышение качества жизни и возвращение прежних возможностей в ограниченном, но существенном по своей сути, объеме.

Исследования демонстрируют следующую особенность ангедонии у больных шизофренией: для них характерно испытывать не столько консуматорную ангедонию (снижение способности испытывать удовольствие от деятельности, которая ранее ее приносила), сколько антиципационную (снижение способности предвосхищать удовольствие в будущем) [19]. Однако обе стороны изучаемого явления учитываются при оценке негативных симптомов у пациентов. Планирование представляет из себя способность предвосхищать будущую деятельность, учитывая опыт прошлого и ресурсы настоящего. Поиск социальной поддержки – способность обращаться к социальным ресурсам и ожидать положительного отклика от окружения. Положительная переоценка – способность переосмыслять трудности с точки зрения их пользы для развития и изменения. Во всех вышеназванных стратегиях совладания существенным представляется прогностический компонент, который не всегда связан с собственными усилиями в настоящем, а учитывает и действия окружающих. Более того –

планирование, положительная переоценка и поиск социальной поддержки – проактивные, требующие значительных энергетических затрат, рационально осмысляемые формы совладания. Антиципационная ангедония затрудняет возможность представить положительный, приносящий желаемое удовольствие, исход от вышеназванных поведенческих стратегий. А общее состояние в связи с антипсихотической терапией, сопутствующими заболеваниями, условиями лечения и другими косвенными факторами не позволяет в полном объеме обращаться к имеющимся ресурсам совладания.

Пациенты с притупленным аффектом, согласно данным исследователей, обладают недостаточной вербальной памятью и недостаточными способностями идентификации эмоций других людей, по сравнению с пациентами без выраженной уплощенности аффекта (при этом социально-демографические характеристики обеих групп не существенно отличаются) [20]. Следовательно, объективные события прошлого имеют мало общего со степенью выраженности притупленного аффекта в настоящем. Однако опосредующим звеном является субъективное представление, формируемое посредством суждений и хранящееся в вербальной памяти пациентов.

Под влиянием событий осуждения за уголовное правонарушение, условий лечения, где персонал больницы и другие пациенты в меньшей степени склонны сопереживать и поддерживать пациентов – недостаточность вербальной памяти может наполниться новыми суждениями негативного характера относительно собственного (что важно – неизменного) прошлого. Подобное предположение не может быть неоспоримо ввиду значимости на уровне тенденции, авербального компонента мышления, а также отсутствия ассоциации с дихотомичным параметром «Негативное прошлое». Подобная интерпретация нуждается в дополнительной эмпирической проверке с расширением выборки.

Ангедония закономерно негативно ассоциируется с позитивным прошлым ввиду снижения степени выраженности удовольствия в настоящем и будущем. Прошлое мыслится в каузальных связях с настоящим и будущим. Следовательно, все события прошлого скорее отрицательны и криминогенны, болезненны и ответственны за те страдания (неудовольствия) настоящего и будущего, которые для него представляют особую актуальность. Опыт работы с пациентами также показывает, что обращение к ресурсам позитивных воспоминаний у пациентов с выраженной ангедонией затрудняется ввиду отсутствия ожидания положительного результата. В результате подобная процедура скорее формальна и мало содержательна, если предоставить пациенту полную самостоятельность в работе. При поддержке и стимуляции активности возможно получение положительного отклика и видимых изменений.

Общее мотивационное напряжение представляет собой количественный показатель степени зависимости от ПАВ. Следовательно, чем сильнее зависимость, тем сильнее выраженность притупленного аффекта. Подобный результат может быть связан с тем вкладом, который употребление ПАВ вносит в деформацию эмоциональной сферы пациентов – зависимое поведение способствует снижению степени переживания высших чувств, актуализирует низшие, появляется цинизм и пренебрежение к ранее значимым аспектам человеческого опыта. С другой стороны, низкий эмоциональный интеллект выступает предиктором злоупотребления ПАВ. А низкая социальная перцепция – предиктор притупленного аффекта. Следовательно, опыт наркотизации может разными путями вносить вклад в количественное выражение степени притупленности аффекта. Помимо процесса эндогенизации, бедность эмоциональной экспрессии может быть

результатом и внутренних личностных изменений по психопатоподобному типу.

Способность к планированию и целеполаганию негативно ассоциируется с притупленным аффектом, что можно объяснить так же через конструкт вербальной памяти. Способность к целеполаганию и планированию подразумевает удержание в памяти суждений, оценивающих положение дел будущего, прошлого и настоящего для анализа и выделения тех компонентов, которые следует изменить и, более того, спланировать этапные изменения для достижения цели. Нарушенная вербальная память будет препятствовать успешной реализации выявленной цепочки связей.

Таким образом, результаты нашего исследования позволяют определить личностные конструкты, которые ассоциируются со значимо измененными параметрами в результате реабилитационных мероприятий. Следовательно, их можно рассматривать как предполагаемую скрытую динамику реабилитации. Такими конструктами выступили механизмы психологической защиты: замещение, отрицание, подавление, регрессия и компенсация; копинг-стратегии: планирование, поиск социальной поддержки и положительная переоценка; параметры временной перспективы: позитивное прошлое и будущее; общее мотивационное напряжение.

Заключение и рекомендации

Настоящее исследование направлено на расширение представлений о потенциале психологической реабилитации у пациентов с РШС и коморбидной аддиктивной патологией. Наряду с ожидаемым регрессом негативной симптоматики и улучшением когнитивных функций, систематическая и комплексная реабилитационная работа с данной категорией пациентов может способствовать модификации личностных характеристик. Данный эффект достигается за счет пролонгированного воздействия на традиционные мишени терапии.

В ходе исследования соблюдались общие принципы работы с психотическими пациентами, включающие создание безопасной среды, атмосферы уважения и честности. Значительный объём времени был отведён психообразовательной работе, в рамках которой освещались методы саморегуляции в различных контекстах применения. Все применяемые методики были подробно разъяснены участникам. Каждый член группы получал достаточный объём внимания и поддержки как со стороны ведущих, так и со стороны других участников. Пассивная позиция некоторых пациентов корректировалась путём персонального обращения, постановки наводящих вопросов и оказания повышенного внимания. К завершающему этапу работы была достигнута стабильная и конструктивная групповая динамика, в которой каждый пациент стал активным участником процесса, а не наблюдателем. Активное поощрение, поддержание чувства собственного достоинства и самоценности участников способствовали созданию атмосферы, в которой групповая работа стала доступной и востребованной формой реабилитации.

Опыт настоящего исследования показывает, что оценку динамики необходимо осуществлять посредством специалистов на основании наблюдения и беседы. Самоотчеты со стороны пациентов могут быть информативны и репрезентативны только в случае пристального наблюдения за процессом их заполнения, уточнения понимания всех используемых в тестах слов и выражений. Важно учитывать состояние пациента, его готовность к работе и особенности психофармакологического лечения. Предварительно требуется оценить способность участников исследования к рефлексии, поскольку при ее отсутствии результаты будут малоинформативны. В конце каждого

занятия важно оставлять время для обратной связи со стороны пациентов. Каждый из участников должен определить самостоятельно или с поддержкой специалиста, какие изменения произошли. Таким образом возможно компенсировать дефицит способности к рефлексии при условии достаточной вовлеченности в реабилитационный процесс и сохранности когнитивных функций.

Психологическая реабилитация, как компонент комплексной работы с коморбидными пациентами, в рамках исследования была реализована в виде следующей системы мероприятий:

1. Формирование мотивации к реабилитационной работе. На первоначальном этапе проводилось информирование пациентов о целях и задачах реабилитационной программы, её потенциальных результатах для группы в целом и для каждого участника в отдельности. Были сформулированы индивидуальные цели, актуальные как для текущей групповой работы, так и для долгосрочной перспективы в течение всего периода лечения. Посредством специализированных упражнений актуализировался когнитивный диссонанс между актуальным и идеальным «Образом-Я». На основе этого с непосредственным участием пациентов и при поддержке специалистов были определены индивидуальные задачи, касающиеся как групповой, так и самостоятельной работы.

2. Когнитивные навыки. Этой части реабилитационных мероприятий было выделено особое место и значительное количество времени, поскольку данный конструкт является сквозным для всех остальных – оказывает положительное влияние не только на конкретные параметры, но и повышает общую эффективность любых реабилитационных воздействий. Трудности возникали в связи с влиянием психофармакологического лечения – пациенты предъявляли жалобы на замедленность реакций, отвлекаемость, трудности запоминания, повышенную сонливость, затуманенность зрения, головные боли и пр. Примечательно так же, что при сниженной критичности к собственной внутренней психической реальности когнитивные трудности подчеркивались особенным образом. Была предпринята модификация традиционных упражнений, направленных на работу с данной мишенью, а также внедрены элементы игры и творческих заданий. Для тренировки памяти и внимания пациенты периодически получали домашние задания, результаты выполнения которых впоследствии обсуждались в групповом формате.

3. Социальные навыки. Проводились занятия, направленные на развитие навыков межличностного взаимодействия, самопрезентации, вербальной и невербальной коммуникации. Особое внимание уделялось работе над речевыми характеристиками, произношением и интонацией. В качестве вступительной и завершающей части каждого занятия использовался «дневник чувств» — инструмент, применяемый в реабилитации аддиктивных пациентов для дифференциации чувств, мыслей, действий и телесных ощущений с целью контроля над компульсивными попытками регуляции состояния с помощью аддиктивных агентов. В условиях данного исследования классический письменный формат ведения дневника был невозможен, в связи с чем был применён его сокращённый вербальный аналог.

Для верификации полученных результатов необходимо проведение дальнейших практико-ориентированных исследований. Долгосрочные программы психологической реабилитации, как предполагается, могут оказывать позитивное влияние не только на клиническую симптоматику, но и на личностную сферу пациентов с коморбидными расстройствами.

Выводы

1. В процесс психологической реабилитации пациентов, страдающих от РШС и коморбидной аддикции, были обнаружены значимые изменения в конструктах негативных симптомов (ангедонии, социальной отчужденности, притупленного аффекта и интегрального показателя) и социальной деятельности (в рамках личностного и социального функционирования).

2. Коморбидные пациенты по итогам групповой тренинговой работы продемонстрировали статистически значимую положительную динамику в когнитивных способностях.

3. Корреляционный анализ позволил выявить предположительно скрытый реабилитационный потенциал пациентов с РШС и коморбидной зависимостью в следующих направлениях: механизмы психологической защиты (замещение, отрицание, подавление, регрессия и компенсация); копинг-стратегии (планирование, поиск социальной поддержки и положительная переоценка); параметры временной перспективы (позитивное прошлое и будущее); общее мотивационное напряжение.

Библиография

1. Hunt G.E., Large M.M., Cleary M., Lai H.M.X., Saunders J.B. Prevalence of comorbid substance use in schizophrenia spectrum disorders in community and clinical settings, 1990–2017: Systematic review and meta-analysis // Drug and Alcohol Dependence. 2018. No 191. Pp. 234-258. DOI: 10.1016/j.drugalcdep.2018.07.011.
2. Schmidt L.M., Hesse M., Lykke J. The impact of substance use disorders on the course of schizophrenia – a 15-year follow-up study: dual diagnosis over 15 years // Schizophrenia Research. 2011. No 130(1-3). Pp. 228-233. DOI: 10.1016/j.schres.2011.04.011.
3. Compton M.T., Weiss P.S., West J.C., Kaslow N.J. The associations between substance use disorders, schizophrenia-spectrum disorders, and Axis IV psychosocial problems // Social Psychiatry and Psychiatric Epidemiology. 2005. No. 40(12). Pp. 939-946. DOI: 10.1007/s00127-005-0964-4.
4. Green A.I., Kokhar O.Y. Addiction and schizophrenia: A translational perspective // Schizophrenia Research. 2018. No. 194. Pp. 1-3. DOI: 10.1016/j.schres.2017.10.008.
5. Brunette M.F., Mueser K.T., Babbin S., Meyer-Kalos P., Rosenheck R., Correll C.U., Cather C., Robinson D.G., Schooler N.R., Penn D.L. Demographic and clinical correlates of substance use disorders in first episode psychosis // Schizophrenia Research. 2018. No. 194. Pp. 4-12. DOI: 10.1016/j.schres.2017.06.039.
6. Patterson A., Sonnweber M., Lau S., Günther M.P., Seifritz E., Kirchebner J. Schizophrenia and substance use disorder: Characteristics of coexisting issues in a forensic setting // Drug and Alcohol Dependence. 2021. No. 226. Pp. 108850. DOI: 10.1016/j.drugalcdep.2021.108850.
7. Argote M., Sescousse G., Brunelin J., Baudin G., Schaub M.P., Rabin R., Schnell T., Ringen P.A., Andreassen O.A., Addington J.M., Brambilla P., Delvecchio G., Bechdolf A., Wobrock T., Schneider-Axmann T., Herzig D., Mohr C., Vila-Badia R., Rodie J.U., Mallet J., Ricci V., Martinotti G., Knížková K., Rodriguez M., Cookey J., Tibbo P., Scheffler F., Asmal L., Garcia-Rizo C., Amoretti S., Huber C., Thibeau H., Kline E., Fakra E., Jardri R., Nourredine M., Rolland B. Association between cannabis use and symptom dimensions in schizophrenia spectrum disorders: an individual participant data meta-analysis on 3053 individuals // EClinicalMedicine. 2023. No. 64. Pp. 102199. DOI: 10.1016/j.eclinm.2023.102199.
8. Ihler H.M., Lyngstad S.H., Gardsjord E.S., Widing L.H., Flaaten C.B., Åsbø G., Wold K.F., Engen M.J., Simonsen C., Ueland T., Lagerberg T.V., Melle I., Romm K.L. The trajectory of two negative symptom dimensions in first-episode psychosis and the role of cannabis use: A 10-year follow-up study // Schizophrenia Research. 2023. No. 252. Pp. 317-325. DOI: 10.1016/j.schres.2023.01.024.

9. Richard-Devantoy S., Bouyer-Richard A.I., Jollant F., Mondoloni A., Voyer M., Senon J.L. Homicide, schizophrénie et abus de substances: des liaisons dangereuses? // Revue d'Épidémiologie et de Santé Publique. 2013. No. 61(4). Pp. 339-350. DOI: 10.1016/j.respe.2013.01.096.
10. Nibbio G., Barlati S., Cacciani P., Corsini P., Mosca A., Ceraso A., Deste G., Vita A. Evidence-Based Integrated Intervention in Patients with Schizophrenia: A Pilot Study of Feasibility and Effectiveness in a Real-World Rehabilitation Setting // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2020. No. 17(10). Pp. DOI: 10.3390/ijerph17103352.
11. Попов С.Н. Сравнительный анализ клинико-криминологических характеристик пациентов с органическими психическими расстройствами и больных шизофренией, совершивших повторные общественно опасные деяния // Воронежский центр медицинских экспертиз; Россия, г. Воронеж. 2022. Т. 4. № 21. С. 67-71. DOI: 10.31550/1727–2378-2022-21-4-67-71.
12. Monfort M., Benito A., Haro G., Fuertes-Saiz A., Cañabate M., Baquero A. The Efficacy of Animal-Assisted Therapy in Patients with Dual Diagnosis: Schizophrenia and Addiction // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2022. No. 19(11). Pp. 6695. DOI: 10.3390/ijerph19116695.
13. Холмогорова А.Б., Гаранян Н.Г., Долныкова А.А., Шмуклер А.Б. Программа тренинга когнитивных и социальных навыков (ТКСН) у больных шизофренией // Социальная и клиническая психиатрия. 2007. Т. 17, № 4. С. 67-77.
14. Семенова Н.Д. Методика для мотивирования пациентов к психосоциальной реабилитации // Социальная и клиническая психиатрия. 2010. Т. 20, № 1. С. 52-63.
15. Ястребов В.С., Солохина Т.А., Шевченко Л.С., Алиева Л.М., Грачев Н.С., Рзаев А.А., Аксенова Е.В., Дульцев А.В., Ефремова Д.Н., Кулик Т.А., Куликова И.А., Мясников А.Ю., Новоселова Н.Ю., Острикова Н.В., Тюбекина М.В., Цикина Г.А. Тренинг развития коммуникативных навыков у больных, страдающих шизофренией: методические рекомендации. М.: МАКС Пресс, 2012. С. 24-40.
16. Папсуев О.О., Мовина Л.Г., Миняйчева М.В. Метакогнитивный тренинг для больных шизофренией и расстройствами шизофренического спектра // Социальная и клиническая психиатрия. 2014. Т. 24, № 3. С. 33-36.
17. Carabellese F., Mandarelli G., Felthous A.R., Catanesi R. Forensic psychiatric evaluation of 187 homicidal assailants with and without a schizophrenia spectrum disorder: Clinical, criminological and behavioral characteristics // Behavioral Sciences & the Law. 2021. No. 39(2). Pp. 190-204. DOI: 10.1002/bsl.2515.
18. Федоров Я.О., Белов Е.Н., Белова Е.Б., Клокова М.В., Шиканова Е.А. Тотем без табу: психоанализ доэдипальных состояний (шизофрения, расстройства личности, аффективные расстройства и др.). СПб., 2017. С. 23-28.
19. Mucci A., Dima D., Soricelli A., Volpe U., Bucci P., Frangou S., Prinster A., Salvatore M., Galderisi S., Maj M. Is avolition in schizophrenia associated with a deficit of dorsal caudate activity? A functional magnetic resonance imaging study during reward anticipation and feedback // Psychological Medicine. 2015. No. 45(8). Pp. 1765–1778. DOI: 10.1017/S0033291714002943.
20. Gur R.E., Kohler C.G., Ragland J.D., Siegel S.J., Lesko K., Bilker W.B., Gur R.C. Flat affect in schizophrenia: relation to emotion processing and neurocognitive measures // Schizophrenia Bulletin. 2006. No. 32(2). Pp. 279-287. DOI: 10.1093/schbul/sbj041.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться здесь.

Предмет исследования: личностные аспекты реабилитации пациентов с расстройствами шизофренического спектра и коморбидной аддиктивной патологией.

Методология исследования: Участниками исследования в течение трех месяцев на базе ФКУ НПБСТИН Минздрава России стали пациенты (n=16) с РШС и коморбидной аддиктивной патологией. Средний возраст составил 41,25±9,34 лет. Пациенты были распределены на экспериментальную (n=8) и контрольную группы (n=8). В качестве методик были использованы: «Монреальская когнитивная шкала», «Шкала краткой оценки негативных симптомов (BNSS)», «Способы совладающего поведения», «Индекс жизненного стиля», «Временная перспектива», «Мотивы употребления наркотиков». Статистический анализ производился с помощью критериев Уилкоксона для парных наблюдений и ранговой корреляции Спирмена.

Актуальность: В статье представлены результаты эмпирического исследования, направленного на изучение значимых ассоциаций между динамикой негативных симптомов, когнитивных функций и личностных характеристик в рамках краткосрочной (для данной категории пациентов) реабилитации.

Научная новизна: результаты, представленные авторами работы, обладают научной новизной, поскольку выявлены значимые изменения в конструктах негативных симптомов (ангедонии, социальной отчужденности, притупленного аффекта и интегрального показателя) и социальной деятельности (в рамках личностного и социального функционирования). Коморбидные пациенты по итогам групповой тренинговой работы продемонстрировали статистически значимую положительную динамику в когнитивных способностях.

Стиль, структура, содержание: представленная на рецензию статья носит научный характер. Содержание работы соответствует поставленным авторами целям. Материал изложен четко, логично, в доступной форме, тщательно отредактирован.

Библиография: Литература соответствует представленной тематике исследования. Не во всех источниках представлен doi.

Апелляция к оппонентам: апелляция к оппонентам заявлена на примере широкого и подробного анализа литературы, в том числе и авторов, которые не были упомянуты в списке литературы, но имеющих широкое признание в научной среде. К примеру, авторы отмечают, что "Ангедония сопутствует развитию шизофренического процесса, как негативный симптом. Согласно теории Р.А. Шпица и У.Г. Коблинера агрессия, будучи движущей силой жизнедеятельности, для шизофренических личностей становится нейтрализованной с помощью либидинальных импульсов. Таким образом ребенок защищает от агрессии материнский объект (источник травмы)".

Выводы, интерес читательской аудитории: интересным представляется полученный авторами вывод о том, что предположительно скрытый реабилитационный потенциал пациентов с РШС и коморбидной зависимостью в следующих направлениях: механизмы психологической защиты (замещение, отрицание, подавление, регрессия и компенсация); копинг-стратегии (планирование, поиск социальной поддержки и положительная переоценка); параметры временной перспективы (позитивное прошлое и

будущее); общее мотивационное напряжение.

В качестве основного замечания: результатом такого исследования должна стать система мероприятий, программа или же написана программа психологического сопровождения в качестве практических рекомендаций, благодаря которым можно отследить динамику адаптационных возможностей пациентов, страдающих от РШС и коморбидной аддикции.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.
Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться здесь.

Предметом исследования в представленной статье являются личностные аспекты реабилитации пациентов с расстройствами шизофренического спектра и коморбидной аддиктивной патологией в условиях психиатрической больницы специализированного типа.
В качестве методологии предметной области исследования в данной статье были использованы дескриптивный метод, метод категоризации, метод анализа, метод сравнения, опросный метод и, как указано в тексте рукописи, были применены следующие методики: «Монреальская когнитивная шкала», «Шкала краткой оценки негативных симптомов (BNSS)», «Способы совладающего поведения», «Индекс жизненного стиля», «Временная перспектива», «Мотивы употребления наркотиков» и методы статистического анализа («критерий Уилкоксона для парных наблюдений» и «критерий ранговой корреляции Спирмена»).
Актуальность статьи не вызывает сомнения, поскольку современный социум порождает множество разнообразных рисков, которые влекут за собой различные угрозы, которые в первую очередь отражаются на состоянии здоровья современного человека, в том числе психическом здоровье. Различные виды расстройств и патологий, вызванные различными причинами, в том числе расстройства шизофренического спектра и коморбидная аддиктивная патология, становятся сравнительно распространенным явлением среди различных социальных групп, нуждающихся в оказании им комплексной помощи. Важное значение в этом процессе имеют вопросы реабилитации, а эффективно подобранные реабилитационные мероприятия могут позитивно отразиться на результате оказания помощи и лечения пациентов. В этом контексте исследование личностных аспектов реабилитации пациентов с расстройствами шизофренического спектра и коморбидной аддиктивной патологией в условиях психиатрической больницы специализированного типа представляет научный интерес в сообществе ученых и практический интерес в профессиональном сообществе.
Научная новизна исследования заключается в изучении по авторской методике личностных аспектов реабилитации пациентов с расстройствами шизофренического спектра и коморбидной аддиктивной патологией в условиях психиатрической больницы специализированного типа. В исследование было проведено обследование и изучение 16 пациентов, находящихся на лечении в ФКУ НПБСТИН Минздрава России, которые страдали расстройствами шизофренического спектра и коморбидной аддиктивной патологией. В ходе проведения исследования пациенты были разделены на равные по количеству участников экспериментальную и контрольную группы.
Статья написана языком научного стиля с использованием в тексте исследования изложения различных позиций ученых к изучаемой проблеме и применением научной терминологии и дефиниций, а также демонстрацией результатов исследования в

табличной форме и рисунках, их подробным анализом и описанием.

Структура статьи в целом выдержана с учетом основных требований, предъявляемых к написанию научных статей. В структуре данного исследования представлены такие элементы как введение, анализ литературных источников, материалы и методы исследования, результаты, обсуждение, заключение и рекомендации, выводы и библиография.

Содержание статьи отражает ее структуру. В частности, особую ценность представляет выявленные в ходе исследования и отмеченные тенденции, характеризующие особенности взаимосвязи негативных симптомов и когнитивных навыков с механизмами психологической защиты и копинг-стратегиями, а также взаимосвязи негативных симптомов с параметрами временной перспективы и мотивационным напряжением в контексте аддикции, что наглядно представлено на рисунках 1 и 2 рукописи.

Библиография содержит 20 источников, включающих в себя отечественные и зарубежные периодические и непериодические издания.

В статье приводится описание различных позиций и точек зрения ученых, характеризующие особенности реабилитации пациентов с расстройствами шизофренического спектра и коморбидной аддиктивной патологией в условиях специализированных медицинских учреждений. В статье содержится апелляция к различным научным трудам и источникам, посвященных этой тематике, которая входит в круг научных интересов исследователей, занимающихся указанной проблематикой.

В представленном исследовании содержатся выводы, касающийся предметной области исследования. В частности, отмечается, что в ходе проведения исследования у пациентов с расстройствами шизофренического спектра и коморбидной аддиктивной патологией были выявлены «значимые изменения в конструктах негативных симптомов» и «социальной деятельности», что подробно проанализировано и описано в представленной рукописи.

Материалы данного исследования рассчитаны на широкий круг читательской аудитории, они могут быть интересны и использованы учеными в научных целях, педагогическими работниками в образовательном процессе, руководством и работниками специализированных психиатрических больниц, психологами, психиатрами, психотерапевтами, консультантами, аналитиками и экспертами.

В качестве недостатков данного исследования следует отметить, то, что при описании материалов исследования название медицинской организации, на базе которой проводилось исследование, стоило бы указать полностью, а не использовать его сокращенную форму. При использовании сокращений, таких, как РШС, ПАВ, целесообразно было бы указать при первом использовании полный термин с указанием в скобках «далее — … (сокращенный термин)», то есть, (далее — РШС, далее — ПАВ). При оформлении таблицы и рисунков необходимо обратить внимание на требования действующего ГОСТа, оформить их в соответствии с этими требованиями. Выводы можно было бы описать до заключения, после них «встроить» практические рекомендации, а заключением завершить исследование, поскольку именно оно создает впечатление законченности и логической завершенности исследования. Указанные недостатки не снижают высокую степень научной и практической значимости самого исследования, а скорее, относятся к особенностям подачи материала и оформления текста статьи. С учетом незначительности указанных замечаний и, конечно же, после их устранения, несомненно, рукопись рекомендуется опубликовать.

Психология и Психотехника
Правильная ссылка на статью:
Филатова Ю.С., Солодчук О.Н. Профессионализация личности врача: обзор исследований // Психология и Психотехника. 2025. № 3. DOI: 10.7256/2454-0722.2025.3.75130 EDN: UZZKRV URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75130

Профессионализация личности врача: обзор исследований

Филатова Юлия Сергеевна

ORCID: 0000-0003-3024-9483

кандидат медицинских наук

зав. кафедрой; кафедра клинической психологии; федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Ярославский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации

Россия, Ярославская обл., г. Ярославль, пр-кт Дзержинского 6 - 45

y.s.filatova@mail.ru

Солодчук Оксана Николаевна

ORCID: 0009-0006-3458-3576

кандидат медицинских наук

доцент; кафедра педиатрии 1; федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Ярославский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации

150006, Россия, Ярославская обл., г. Ярославль, ул. Ярославская, д. 117, кв. 5

sleep504@yandex.ru

Статья из рубрики "Психология развития"

DOI:

10.7256/2454-0722.2025.3.75130

EDN:

UZZKRV

Дата направления статьи в редакцию:

11-07-2025

Аннотация: Статья посвящена изучению процесса профессионализации врача. Он рассматривается как многогранный динамический процесс, включающий формирование не только профессиональных компетенций, но и важных личностных качеств и

социально-психологических навыков. Основное внимание уделяется интеграции клинических знаний, коммуникативных способностей врачей, а также ряду этико-психологических аспектов медицинской деятельности. Основной фокус исследования направлен на изучение взаимосвязи между формированием клинических компетенций, развитием коммуникативных навыков и становлением профессиональной идентичности медицинских специалистов. Особое внимание уделяется таким ключевым аспектам, как: этапы профессионального становления, психологические компоненты профессионализма и этико-деонтологические аспекты взаимодействия в системе "врач-пациент Авторы анализируют ключевые этапы профессионального становления врача, такие как адаптация к профессиональной среде, развитие эмпатии, стрессоустойчивости и рефлексивных навыков в процессе деятельности, а также влияние цифровых технологий и искусственного интеллекта на современную медицинскую практику. Исследование основано на системном анализе научных публикаций и теоретических подходов, включая субъектно-деятельностный и компетентностный. Авторы также опираются на данные эмпирических исследований в области медицинской психологии и профессионального образования. Научная новизна работы заключается в целостном рассмотрении профессионализации врача как процесса, объединяющего профессиональное и личностное развитие. Авторы подчеркивают, что современный медицинский профессионализм требует не только высокого уровня клинической подготовки, но и развитых коммуникативных навыков, эмоционального интеллекта и способности адаптироваться к изменениям в здравоохранении. Основные выводы исследования свидетельствуют о необходимости интеграции психологических компетенций в медицинское образование, включая развитие пациент-ориентированного подхода и профилактику профессионального выгорания. Особое значение придается формированию профессиональной идентичности, которая позволяет врачам эффективно взаимодействовать с пациентами и коллегами, сохраняя приверженность этическим принципам. Авторы делают акцент на том, что гармоничное сочетание технических навыков и гуманистических ценностей является ключевым условием повышения качества медицинской помощи и укрепления доверия пациентов.

Ключевые слова:

профессиональное становление, личностно-профессиональное развитие, эмоциональный интеллект, коммуникативная компетентность, пациентоориентированный подход, Профессиональная идентичность, Профессиональное самосознание, Этические принципы, Эмоциональное выгорание, Цифровые технологии

Введение. Понимание специфики становления профессионала неразрывно связано с исследованием особенностей развития личности и социальной зрелости будущего специалиста как активного субъекта коммуникативной деятельности. Для современного профессионала важно понимать свою профессию в широком социальном контексте, осознавать требования, которые предъявляются к ней и её представителям, а также глубоко осознавать содержание и особенности своей профессиональной деятельности. Он должен уметь ориентироваться в круге задач и быть готовым решать их в условиях динамично меняющейся социальной реальности. В процессе профессионализации формируются все необходимые профессиональные знания, умения и навыки, а также нормы поведения, ценностные ориентиры, идеалы и внутренние структуры личности.

Профессионализация представляет собой многогранный процесс, который может

рассматриваться с различных точек зрения: как обучение, профессиональная реализация, обретение социального статуса или развитие трудового потенциала и охватывает как внутренние, психологические изменения личности, так и её внешнюю социальную интеграцию в профессиональную среду, обеспечивая гармоничное развитие специалиста в процессе его профессионального становления.

Профессиональная социализация - это механизм, посредством которого человек осваивает определённые профессиональные ценности, интегрирует их в свою систему взглядов, развивает профессиональное сознание и культуру. В результате такой подготовки индивид обретает как объективную, так и субъективную готовность к профессиональной деятельности, что позволяет ему успешно реализовывать себя в выбранной профессиональной сфере.

Процессы дифференциации профессиональной деятельности настолько интенсивны, что требуют пересмотра профессиональных ценностей в современном обществе: на смену монопрофессионализму приходит полипрофессионализм. Современный профессиональный мир нуждается в мобильных специалистах, способных успешно адаптироваться и реализовывать себя в условиях изменяющейся социально-экономической реальности. Такие специалисты должны уметь планировать и выстраивать свою профессиональную жизнь, оставаясь гибкими и готовыми к постоянному обучению и развитию.

В психологии труда изучается процесс профессионального становления личности, который связан с такими понятиями, как «становление профессионала», «профессионализация», «профессиональное развитие», «личностно-профессиональное развитие», «акме-профессиональное развитие»

Основным понятием, объединяющим вышеуказанные термины, является «развитие», которое понимается как последовательные, прогрессирующие и в целом необратимые количественные и качественные изменения психики, допускающие при этом отдельные моменты регресса. В связи с этим более точным будет использование термина «личностно-профессиональное развитие», отражающего процесс становления личности в профессиональном контексте.

Личностно-профессиональное развитие как количественное, качественное и структурное изменение психологических характеристик личности, связанных с выполнением ею различных действий в процессе профессиональной деятельности охватывает как формирование профессиональных компетенций, так и развитие личностных качеств, необходимых для успешной самореализации в профессиональной деятельности. Этот процесс предполагает не только приобретение знаний, умений и навыков, но и трансформацию внутренних установок, ценностей и мотиваций, что в совокупности способствует гармоничному росту специалиста как профессионала и как личности.

В отечественных исследованиях личностно-профессиональное развитие рассматривается как процесс становления и развития субъекта профессиональной деятельности. Этот процесс включает в себя несколько ключевых этапов: подготовку к вхождению в профессиональную среду, освоение профессиональной деятельности, адаптацию к ней и последующее совершенствование профессионального мастерства.

Личностно-профессиональное развитие также предполагает становление и развитие профессионализма, представляя собой целостный и непрерывный процесс. Этот процесс основан на рассогласовании между Я-реальным и Я-духовным, что стимулирует стремление к достижению высших форм профессионализма и формированию

психологической системы деятельности. Таким образом, личностно-профессиональное развитие является многогранным процессом, объединяющим как профессиональный рост, так и личностное становление.

Е. А. Климов, основываясь на субъектно-деятельностном подходе, разработал психологическую классификацию профессий в контексте задач профессионального самоопределения и профконсультирования. В своих работах он обосновал концепцию профессионального труда. Е. А. Климов подчеркивает, что профессиональное становление личности - это динамичный процесс, который включает в себя несколько этапов: от выбора профессии и начального освоения профессиональных навыков до достижения высшего уровня мастерства. Его подход позволяет не только систематизировать различные виды профессиональной деятельности, но и понять закономерности развития специалиста на каждом этапе его профессионального пути [3].

С позиции субъектно-деятельностного подхода В. А. Бодров обосновал положение о человеке как субъекте деятельности, в котором проявляются, формируются и реализуются его деятельностно-ориентированные возможности. Процесс становления субъекта профессиональной деятельности включает подготовку к профессии, её освоение, адаптацию и совершенствование профессионального мастерства.

Согласно В. А. Бодрову, самоопределение личности не может рассматриваться в отрыве от её развития, становления как профессионала и достижения необходимого уровня профессиональной пригодности. С позиции профессиоцентрического подхода автор определяет профессиональную пригодность как адаптацию субъекта труда к требованиям профессиональной деятельности.

Самоопределение личности тесно связано с её развитием и формированием профессиональных навыков и качеств. Оно выступает важным фактором профессионального развития и определяет процесс формирования профессиональной пригодности. В процессе освоения трудовой деятельности формируются не только знания и навыки, но и сложные психические системы регуляции социального поведения, которые находят отражение в образе «Я-профессионал».

В.А. Бодровым также были сформулированы важные положения, касающиеся предпосылок профессионального становления личности. Согласно его концепции, профессиональное развитие личности происходит поэтапно и характеризуется неравномерным изменением требований к профессиональным навыкам на разных стадиях этого процесса. При этом развитие охватывает как операционные (практические), так и психологические качества и структуры личности.

Особое значение имеет соотношение индивидуально-психологических особенностей и способностей личности с требованиями профессии, которое может обусловливать как прогрессивные, так и регрессивные изменения в профессиональном развитии. Центральным фактором, определяющим направление и содержание этого процесса, выступает ведущая деятельность. Таким образом, профессиональное становление личности представляет собой сложный, многомерный процесс, интегрирующий когнитивные, операционные и личностные аспекты развития.

Актуальность исследования заключается в важности изучение процесса профессионализации личности врача в условиях динамично меняющейся социально-экономической реальности. Современный профессиональный мир требует от специалистов не только высокого уровня мастерства, но и гибкости, способности к постоянному обучению и адаптации. Полипрофессионализм, заменивший

монопрофессионализм, ставит новые задачи перед системой профессионального становления, что делает необходимым углублённое исследование данного процесса. Несмотря на значительное количество исследований в области профессионального становления, значительное внимание уделяется к техническим и клиническим аспектам медицинской профессии. По-прежнему остаются недостаточно изученными механизмы интеграции личностного и профессионального развития, а также влияние ряда психологических и коммуникативных компетенций на процесс профессионализации врача.

Научная новизна исследования заключается в комплексном междисциплинарном подходе к изучению личностно-профессионального развития врача, интегрирующем психологические, коммуникативные и технологические аспекты профессионализации, а также в переосмыслении процесса профессионализации врача, его этапов и детерминант успешности.

Цель работы - проанализировать проблемы профессионализации личности врача.

Задачи исследования

1. Проанализировать существующие теоретические подходы к изучению личностно-профессионального развития.

2. Выявить ключевые этапы и механизмы профессионализации личности.

3. Определить факторы, способствующие успешной адаптации и самореализации специалиста.

Объект исследования – профессионализация субъекта.

Предмет исследования - профессионализации личности врача.

В качестве **методологической основы исследования** был применен комплекс взаимодополняющих научных подходов, включающий интегративный подход позволяющий рассматривать профессиональный опыт как феномен, характеризующий видением ситуации в целом, себя в этой ситуации, критериями эффективного поведения в ситуации, предвидением развития события, управлением ситуацией; субъектно-деятельностный подход, в рамках которого категория субъекта является центральной и системообразующей; компетентностный подход является смыслопорождающим способом модернизации профессионального образования и ориентирован на цели – векторы образования: обучаемость, самоопределение, самоактуализация, социализация и развитие индивидуальности; а также метод критического анализа, обеспечивающий глубину интерпретации эмпирических данных и теоретических положений.

Основная часть. Профессия врача является одной из древнейших и наиболее уважаемых в истории человечества. Она отражает присущую людям потребность помогать тем, кто в этом нуждается. С развитием общества менялось положение врача: повышался его общественный престиж и авторитет, что крайне важно для успешного выполнения профессиональных обязанностей, а также трансформировались требования как к самим врачам, так и к системе здравоохранения в целом. Тем не менее, независимо от социально-общественных формаций, неизменным условием эффективного врачевания остаётся соблюдение общепринятых морально-этических принципов во взаимоотношениях между врачом и пациентом.

Труд врача является крайне сложным и многогранным. Успех и уважение в этой

профессии достигаются благодаря постоянному совершенствованию медицинских знаний, высокому уровню профессионализма и умению выстраивать эффективные коммуникации с пациентами. Это включает в себя непрерывное изучение фундаментальных и клинических дисциплин, освоение современных методов диагностики заболеваний, а также освоение передового медицинского опыта.

Важным аспектом работы врача является непосредственное взаимодействие с пациентами, глубокое понимание их потребностей и переживаний. Даже при использовании современных инновационных достижений медицинской науки, успешное лечение во многом зависит от освоения искусства врачевания, которое предполагает не только технические навыки, но и эмоциональную чуткость, способность к эмпатии и индивидуальный подход к каждому пациенту.

Оказание медицинской помощи всем категориям населения требует комплексного подхода. Психологический анализ врачебной деятельности предполагает выделение системы отношений субъектного, объектного, субъектно-объектного типа, а также социальных отношений, которые опосредуют взаимодействие врача и пациента. Центральным элементом этой системы является лечащий врач, который обеспечивает её целевую направленность и эффективное функционирование.

Роль лечащего врача заключается, прежде всего, в организации своевременного и квалифицированного обследования и лечения пациента. Он предоставляет информацию о состоянии здоровья пациента, привлекает консультантов и организует консилиумы. При этом рекомендации консультантов могут быть приняты только после согласования с лечащим врачом. Именно лечащий врач несет ответственность за недобросовестное выполнение своих профессиональных обязанностей в соответствии с нормами российского законодательства.

Профессионализация врача в контексте психологии лечебного процесса рассматривается как многомерный динамический процесс, включающий интеграцию когнитивных компетенций (клинические знания, диагностические навыки), коммуникативных способностей и ценностно-нормативных аспектов профессионализма (этическая рефлексия, эмпатическая вовлеченность). Концепция профессионального превосходства в медицине, по данным A. Khawar и его соавторов, включает три взаимосвязанных компонента: компетентность, мотивацию (особенно к обучению и уходу за пациентами) и личностные характеристики. Формирование профессиональной идентичности врача детерминировано не только формальным усвоением клинических алгоритмов, но и развитием метакомпетенций – способности к саморегуляции (внутренняя мотивация, рефлексивная практика) и диалогическому взаимодействию в системе «врач-пациент», что подтверждает тезис о неразрывности технической и гуманистической составляющих медицинского профессионализма. Эти выводы подчеркивают необходимость синергии эпистемического компонента (научно-обоснованная практика), аксиологического компонента (ценности медицинской этики) и личностно-мотивационного компонента (устойчивая профессиональная идентичность) [1].

Компетентностный подход в медицинском образовании реализуется через развитие не только специальных медицинских знаний, но и интеграцию социально-личностных компетенций, включая коммуникативную компетентность (партисипаторные стратегии, эмпатия), рефлексивную саморегуляцию (стрессоустойчивость, управление эмоциями и обратной связью, навыки общения), а также интеграцию этических и клинических принципов (баланс между протоколами и индивидуальным подходом). Исследования Е.С. Ильиной, Н.В. Копыловой, Н.Д Твороговой, С.В. Старцева и О.В. Макаровой

демонстрируют, что формирование профессиональной идентичности студентов-медиков происходит через взаимосвязь личностного и профессионального развития, где ключевую роль играет развитие профессионального самосознания и коммуникативной компетентности, проявляющейся в эмпатии, способности к рефлексии и саморазвитию, умении взаимодействовать с пациентами и коллегами. При этом кризисы профессионального становления (адаптация на 1-м курсе, трудоустройство на выпускных курсах) могут существенно влиять на качество будущей врачебной деятельности [2].

Marcotte LM и соавторы утверждают, что профессионализм врачей должен стать ключевым драйвером реформ в здравоохранении, поскольку ориентация на внутреннюю мотивацию и профессиональные ценности эффективнее внешних ограничений способствует оптимизации медицинской помощи. Как подчеркивают авторы, интеграция принципов профессионализма в медицинское образование и клиническую практику позволяет перейти от реактивного контроля затрат к проактивной модели, основанной на ценностно-ориентированном оказании помощи [3].

Профессионализация врача предполагает развитие психологической компетентности - способности понимать эмоциональное состояние пациента, управлять стрессовыми ситуациями и выстраивать терапевтический альянс, в том числе и в цифровой сфере [4]. Например, диагностика темперамента и мотивационных типов позволяет врачу осознать свои поведенческие паттерны и адаптировать стиль общения с пациентами, что напрямую влияет на приверженность лечению и снижение тревожности у пациентов [5].

Согласно исследованию Messinger A и Das S, деперсонализация в клинической практике может выступать не только следствием, но и ключевым этиологическим фактором профессионального выгорания врачей, что требует пересмотра традиционных интервенционных стратегий. Исследование раскрывает связь между профессионализацией врача и интерсубъективными отношениями: чем сильнее деперсонализация пациента, тем больше страдает профессиональная идентичность врача, поскольку утрачивается этическая и смысловая основа медицинской практики. Авторы подчеркивают, что истинная профессионализация предполагает не только техническую компетентность, но и способность к диалогическому взаимодействию с пациентом [6].

Исследование В.Г. Шаровой с коллегами выявило, что формирование коммуникативной компетентности происходит в процессе обучения в вузе: 94% студентов 4 курса демонстрируют авторитарную модель взаимодействия с пациентами, тогда как партнёрский подход отмечают лишь 43% шестикурсников ($p<0,05$), что свидетельствует о развитии коммуникативных навыков в процессе обучения. Мотивация трансформируется с мотива получения диплома на 4 курсе на профессиональные мотивы к 6-му курсу [7].

Е.С. Ильина в исследовании демонстрирует, что у студентов-медиков отмечаются высокие показатели эмпатии (на 25-30% выше, чем у технических студентов) и социального интеллекта, что способствует установлению доверительных отношений с пациентами. Низкие показатели социальной интроверсии у медиков говорят об их большей открытости в общении. Высокий уровень компетентного стиля общения (по методике Михельсона) показывает их способность к адекватному реагированию в разных ситуациях, что напрямую влияет на качество медицинской помощи [8].

С.Ю. Астанина подчёркивает, что компетентностный подход в современном медицинском образовании смещает акцент с содержания обучения на его результаты, обеспечивая

гибкость и преемственность образовательных программ. Профессиональная компетентность врача формируется через интеграцию знаний, умений и ценностного отношения к решению профессиональных задач [9].

С.В. Старцев и Е.Ю. Рождественская подчеркивают, что современный кризис доверия к традиционной медицине и рост популярности альтернативных методов лечения связан с недостатком эмпатии и заботы в коммуникации [10].

Ключевым аспектом профессионализации, согласно исследованию Н.С. Давыдовой, выступает развитие рефлексивных навыков, соответствующих модели «reflective practitioner». Это предполагает не только анализ собственных действий, но и коррекцию коммуникативных стратегий в динамике лечебного процесса. Например, у студентов-медиков, демонстрирующих компетентный стиль общения (18.1–18.2 балла по методике Михельсона), отмечается снижение риска эмоционального выгорания и конфликтов в мультидисциплинарных командах [11].

По мнению С. А. Шапиро важна оценка социально-личностных компетенций врачей, таких как мотивационные предпочтения, лидерские качества и стиль поведения в конфликтах. Врач, владеющий стратегиями сотрудничества и компромисса, способен минимизировать «ятрогенные» конфликты (например, при несогласии пациента с планом лечения) и трансформировать их в конструктивный диалог. Это соответствует принципам patient-centered care, где психологический комфорт пациента является частью терапевтического воздействия. Оценка личностных компетенций и уровня лояльности помогает выявить риски профессиональной деформации. Это согласуется с концепцией «ресурсного состояния» врача, где психологическая стабильность напрямую влияет на качество оказания помощи [12].

С. Ю. Астанина также подчеркивает, что компетентностный подход в современном медицинском образовании смещает акцент с содержания обучения на его результаты, обеспечивая гибкость, преемственность и сопоставимость образовательных программ, что соответствует принципам непрерывного профессионального развития врача. Авторы отмечают, что профессиональная компетентность врача, включающая диагностические, лечебные и профилактические компетенции, формируется через интеграцию знаний, умений и ценностного отношения к решению профессиональных задач, что определяет качество медицинского образования. Формирование компетенций врача, таких как информирование пациента и формирование приверженности к лечению, требует развития конкретных умений, выступающих индикаторами их сформированности, что отражает практико-ориентированный характер медицинского образования [9, с 10].

Профессионализация врача, как отмечают О.В. Горшкова с коллегами, в контексте пациентоориентированности требует интеграции психологических компетенций, таких как эмпатия, навыки персонализированной коммуникации и управление эмоциональным выгоранием, что напрямую влияет на формирование доверительных отношений с пациентом и повышение комплаенса [13]. Так же в исследованиях подчеркивается, что развитие этих качеств невозможно без системного подхода, включающего тренинги по конфликтологии, программы профилактики выгорания и внедрение методов оценки социально-психологических навыков персонала, что соответствует предложенной ими ценностно-ориентированной модели психологического обеспечения пациентоориентированности, где ключевую роль играет способность врача учитывать психологические реакции пациента на заболевание и вовлекать его в совместное принятие решений [14].

О.В. Макарова и Р.Н. Хвощ подчеркивают, что интеграция лингвистического подхода с психологическими аспектами общения и применение практико-ориентированных методик (таких как Calgary-Cambridge модель) способствует развитию не только базовых, но и продвинутых навыков пациентоцентричной коммуникации [15]. Эффективное общение (включая вербальные и невербальные компоненты) формирует терапевтический альянс, который напрямую влияет на приверженность лечению и психологическое состояние пациента. Например, при онкологии [10, с 97], отсутствие доверия к врачу может подтолкнуть пациента к альтернативной медицине. Слова и поведение врача могут усиливать или ослаблять эффективность лечения. Управление собственными эмоциями (например, при конфликтах) - ключевой компонент профессионализма.

Работа С.В. Старцева демонстрирует, что выбор модели коммуникации («патерналистская», «менторская», «партисипаторная») напрямую влияет на уровень доверия пациента и его приверженность лечению. Авторы выделяют, что переход к партисипаторной модели, предполагающей совместное принятие решений, снижает риск конфликтов и повышает эффективность терапии, особенно в онкологической практике. Это подтверждается эмпирическими данными, где пациенты, ощущавшие эмпатию и уважение со стороны врачей, реже обращались к альтернативной медицине [10 , с 119].

Н.Д. Творогова рассматривает коммуникативную компетентность медицинского работника как интегративное качество, включающее мотивационную, целеполагающую и операциональную составляющие, с акцентом на необходимость гибкого индивидуального стиля общения. Автор подчёркивает важность саморегуляции и аутогенного менеджмента в профессиональной деятельности врача [16].

Креативность как компонент профессионализма проявляется в способности адаптировать стандартные протоколы. М.М. Кашапов и О.Н. Солодчук выявили, что 38% практикующих врачей демонстрируют креативный подход при индивидуализации лечения [17].

Е.С. Ващенко выделяет ключевые причины конфликтных ситуаций: низкий уровень врачебной этики, неудовлетворенные ожидания пациентов и недостаточная согласованность медицинских услуг, подчеркивая роль клиент-центрированного подхода в снижении конфликтогенности [18].

Формирование профессиональной идентичности врача по мнению А.Д Каприна. включает развитие эмпатии (67% врачей демонстрируют её при обсуждении плана лечения), эмоциональной стабильности и коммуникативной компетентности. Согласно исследованию, 88% врачей, обладающих развитой эмпатией и эмоциональной стабильностью, демонстрируют более высокую удовлетворенность профессиональной деятельностью [19].

Т.С Бузина. и В.Н.Бузин отмечают, что современный лечебный процесс требует активного участия пациентов, особенно при хронических заболеваниях, где приверженность терапии становится ключевым фактором эффективности. Исследования показывают, что 52% врачей демонстрируют готовность к обоснованному риску, а 38% сохраняют креативность, что позволяет адаптировать лечение к индивидуальным потребностям пациентов. При этом, как подчеркивают авторы, формирование адекватной внутренней картины болезни у пациента напрямую зависит от качества коммуникации с врачом [20].

A. Fitzgerald в ходе концептуального анализа профессиональной идентичности в сфере здравоохранения выявила пять ключевых характеристик: профессиональные навыки и функции, систему ценностей и этических принципов, личностную идентичность, групповую принадлежность и контекстуальные факторы медицинской практики [21].

Развитие цифровых технологий создает новые вызовы и возможности для профессионализации врачей [23]. Так исследование Vukušić Rukavina демонстрирует парадоксальное влияние социальных сетей на медицинскую практику: с одной стороны, они расширяют профессиональные возможности, способствуя непрерывному обучению, междисциплинарному взаимодействию и коммуникации с пациентами, с другой - создают серьезные риски нарушения конфиденциальности, размывания профессиональных границ и демонстрации непрофессионального поведения [24].

И.А. Асеева в своем исследовании отмечает, что внедрение искусственного интеллекта в медицинскую практику, несмотря на технологическую эффективность (оптимизация документооборота и анализ данных), сопряжено с серьезными этическими и профессиональными рисками. Необходимо соблюдение биоэтических принципов, включая информированное согласие и защиту конфиденциальности пациентов. Использование искусственного интеллекта может приводить к шаблонному мышлению и техническим сбоям, что снижает доверие медицинского персонала [25].

Профессиональное самосознание побуждает врачей выстраивать своё поведение в соответствии с задачами медицинской организации и их профессиональными функциями. Оно способствует сознательному подчинению своих поступков этическим и профессиональным нормам, а также умению контролировать свои чувства, устремления, эмоции и переживания.

Именно профессиональное самосознание играет ключевую роль в формировании социально-психологических состояний, оценке собственных знаний и умений, а также в реализации задач профессионального самосовершенствования. Потребность в самооценке стимулирует врача к осмыслению себя как личности, активизирует процессы саморегуляции, самопознания и постоянного развития. Это позволяет специалисту не только эффективно выполнять свои обязанности, но и стремиться к профессиональному росту, что в конечном итоге способствует повышению качества медицинской помощи

Профессиональное становление врача как субъекта медицинской деятельности представляет собой сложный и многогранный процесс. С одной стороны, оно включает формирование комплекса профессиональных знаний, умений и навыков, необходимых для эффективного выполнения медицинских обязанностей. С другой стороны, этот процесс предполагает развитие профессионально значимых социально-психологических качеств, таких как эмпатия, стрессоустойчивость, коммуникабельность и способность к саморегуляции.

Анализ существующих теоретических подходов и полученных эмпирических данных исследования личностно-профессионального развития врача позволяет отметить, что современная медицинская практика требует комплексного подхода к профессионализации, сочетающего высокий уровень профессиональных знаний, сформированные коммуникативные навыки и психологическую устойчивость.

Анализ и теоретическое осмысление исследований профессионализации врачей.

Проведенный анализ современных исследований позволяет выявить несколько

ключевых тенденций в понимании профессионализации врачей. Наблюдается явный парадигмальный сдвиг от традиционного технократического подхода, акцентирующего исключительно клинические компетенции, к интегративной модели медицинского профессионализма.

Теоретический синтез представленных исследований позволяет констатировать, что современная медицинская практика формирует принципиально новые требования к профессионализации врачей. Если традиционно процесс становления врача рассматривался как линейное накопление клинических знаний и навыков, то современные данные [1, 8, 10] демонстрируют нелинейный характер этого процесса, где кризисные точки (адаптация, трудоустройство) становятся катализаторами профессионального роста. Особое значение приобретает концепция "reflective practitioner" [11], предполагающая постоянную рефлексивную коррекцию профессионального поведения.

Важным теоретическим выводом является установление диалектической взаимосвязи между технической компетентностью и гуманистической составляющей врачебной деятельности. Как показывают исследования [6, 12], деперсонализация в клинической практике приводит не только к профессиональному выгоранию врачей, но и к утрате смысловой основы медицинской профессии. Это подтверждает тезис о том, что истинный профессионализм предполагает синтез научного знания и искусства врачевания.

Особого теоретического осмысления требует влияние цифровой трансформации на процесс профессионализации. Анализ работ [22, 24] выявляет парадоксальный характер этого влияния: с одной стороны, цифровые технологии расширяют профессиональные возможности, с другой - создают риски дегуманизации медицинской практики. Это требует разработки новых теоретических моделей, интегрирующих технологические инновации с принципами пациентоориентированности.

На основании проведенного теоретического анализа проблемы профессионализации врача необходимо сделать следующие **выводы**:

1 . Современная профессионализация врачей представляет собой комплексный, нелинейный процесс, требующий не только профессиональных компетенций, но и сохранения гуманистических подходов, а также построения профессиональной идентичности и адаптации к цифровой трансформации медицины, включая необходимость постоянной рефлексивной коррекции профессиональных действий.

2. Ключевыми детерминантами успешной профессионализации являются сбалансированное развитие когнитивных и эмоционально-коммуникативных компетенций, формирование рефлексивной практики как основы профессионального роста, интеграция технологических инноваций с этическими принципами медицины и преодоление кризисных точек профессионального становления через систему наставничества.

3. Профессиональная идентичность врача формируется через интеграцию специальных медицинских знаний, ценностно-этических установок, личностных качеств и социально-коммуникативных компетенций.

В рамках проведенного исследования можно сформулировать ряд **практических рекомендации**. С целью формирования коммуникативных навыков и эмоционального интеллекта в условиях цифровизации необходима разработка и внедрение тренингов, в том числе с использованием симуляционных технологий, на всех этапах образования.

Необходимо более активно развивать систему менторства и наставничества для молодых специалистов и создавать программы психологической поддержки персонала. В рамках научных исследований представляется целесообразным продолжение изучения эффективных методов формирования профессиональной идентичности, исследовать влияние цифровых технологий на качество медицинской коммуникации и разрабатывать методики оценки и развития метакомпетенций врачей

Заключение. Таким образом, профессиональное становление врача - это не только освоение технических аспектов работы, но и развитие личностных характеристик, которые позволяют ему успешно взаимодействовать с пациентами, коллегами и другими участниками медицинского процесса. Это способствует не только профессиональному росту, но и повышению качества оказываемой медицинской помощи.

Обобщая приведенные определения, можно заключить, что профессионализация представляет собой процесс освоения необходимых профессиональных знаний, умений и навыков, а также адаптации к профессиональной среде. Профессионализм, в свою очередь, является результатом этого процесса, показателем его успешности и качественной характеристикой специалиста. Профессионализм можно рассматривать как социальную перспективу, которая в той или иной степени доступна каждому специалисту.

Таким образом, профессионализация врача – это сложный, динамический, многокомпонентный процесс, требующий интеграции клинической компетентности, коммуникативных навыков и этико-психологической рефлексии, что согласуется с современным требованиям к непрерывному профессиональному развитию в медицине.

Библиография

1. Khawar A., Frederiks F., Nasori M. et al. What are the characteristics of excellent physicians and residents in the clinical workplace? A systematic review. *BMJ Open*. 2022; 12(9): 065333. doi: 10.1136/bmjopen-2022-065333. Available at: https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/36127103/
2. Копылова Н.В., Михайлюк Ю.В. Концептуальные подходы к исследованию феномена профессионального становления студентов медицинского вуза // Вестник Тверского государственного университета. Серия "Педагогика и психология". 2025. № 1(70). С. 72-81. doi: 10.26456/vtpsyped/2025.1.072. Available at: https://eprints.tversu.ru/id/eprint/14501/1/ПЕД.%20И%20ПС._1_2025_ИТОГ-72-81.pdf
3. Marcotte L.M., Moriates C., Wolfson D.B., Frankel R.M. Professionalism as the Bedrock of High-Value Care. *Acad Med*. 2020; 95(6): 864-867. doi: 10.1097/ACM.0000000000002858. Available at: https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/31274519/
4. Malouin-Lachance A. et al. Does the Digital Therapeutic Alliance Exist? Integrative Review. *J MIR Mental Health*. 2025; 12: 69294. doi: 10.2196/69294. Available at: https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/39924298/
5. Iroegbu C. et al. The Influence of Patient-Provider Communication on Self-Management Among Patients With Chronic Illness: A Systematic Mixed Studies Review. *Journal of Advanced Nursing*. 2025; 81(4): 1678-1699. doi: 10.1111/jan.16492. Available at: https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/39340765/
6. Messinger A., Das S. Erosion of the 'ethical' doctor-patient relationship and the rise of physician burn-out. *Med Humanit*. 2023; 49(3): 390-395. doi: 10.1136/medhum-2022-012506. Available at: https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/36526412/
7. Шарова В.Г., Замяткина О.В., Жиляева Ю.А., Гаврилюк Е.В. Оценка уровня мотивации к обучению и коммуникативной компетентности студентов на клинической кафедре медицинского вуза // Методология и технология непрерывного профессионального

образования. 2020. № 2(2). С. 23-29. doi: 10.24075/MTCPE.2020.009. Available at: https://mtcpe.rsmu.press/files/issues/mtcpe.rsmu.press/2020/2/2020-2-1005_ru.pdf?lang=ru
8. Ильина Е.С., Ледванова Т.Ю., Филиппова Н.В., Барыльник Ю.Б. Сравнительный анализ коммуникативной компетентности студентов медицинского, гуманитарного и технического высших учебных заведений города Саратова // Психическое здоровье. 2021. № 12. С. 48-59. doi: 10.25557/2074-014X.2021.12.48-59. Available at: https://elibrary.ru/item.asp?id=47273558
9. Астанина С.Ю., Калинина А.М., Шепель Р.Н. Психолого-педагогические особенности подготовки врача-терапевта участкового к проведению профилактического консультирования. Москва: ООО "Силицея-Полиграф", 2023. 68 с. ISBN 978-5-605-00614-5. doi: 10.15829/ROPNIZ-a1-2023. Available at: https://elibrary.ru/rlyasd
10. Старцев С.В., Рождественская Е.Ю. Как уходят в альтернативную медицину: кризис доверия в коммуникации врача и онкопациента // Журнал социологии и социальной антропологии. 2022. № 25(2). С. 96-126. doi: 10.31119/jssa.2022.25.2.5. Available at: https://elibrary.ru/item.asp?id=48654007
11. Давыдова Н.С., Дьяченко Е.В., Самойленко Н.В., Серкина А.В. Навыки общения с пациентами: симуляционное обучение и оценка коммуникативных навыков в медицинском вузе: методическое руководство. Москва: Общероссийская общественная организация "Российское общество симуляционного обучения в медицине", 2020. 128 с. ISBN 978-5-604-34552-1-4. Available at: https://elibrary.ru/item.asp?id=42828723
12. Шапиро С.А., Бобкова Т.В. Методы трудовой диагностики социально-личностных компетенций врачей-стоматологов // Путеводитель предпринимателя. 2020; № 13(3): 201-219. doi: 10.24182/2073-9885-2020-13-3-201-219. Available at: https://elibrary.ru/ggobkq
13. Горшкова О.В., Кадыров Р.В., Капустина Т.В. Проблема психологического обеспечения пациентоориентированности в сфере здравоохранения: обзор. // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. № 17(11). С. 2176-2187. Available at: https://elib.sfu-kras.ru/bitstream/handle/2311/154181/12_Gorshkova.pdf?sequence=1
14. Underdahl L. et al. Physician Burnout: Evidence-Based Roadmaps to Prioritizing and Supporting Personal Wellbeing. *Journal of Healthcare Leadership*. 2024; 1: 15-27. doi: 10.2147/JHL.S389245. Available at: https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/38192639/
15. Макарова О.В., Хвощ Р.Н. Лингвометодический аспект формирования коммуникативной компетенции будущего врача // Проблемы современного педагогического образования. 2022. № 77-3. С. 152-155. Available at: https://elibrary.ru/xqvyhc
16. Творогова Н.Д. Коммуникативная составляющая профессиональной деятельности медицинского работника. Часть 2 // Медицинская психология в России. 2021. № 13(4(69)). doi: 10.24412/2219-8245-2021-4-2. Available at: http://www.medpsy.ru/mprj/archiv_global/2021_4_69/nomer10.php
17. Кашапов М.М., Солодчук О.Н. Динамика личностных качеств врача на этапах профессионализации // Коллекция гуманитарных исследований. 2017. № 1(4). С. 66-83. Available at: https://elibrary.ru/item.asp?id=28907331
18. Ващенко Е.С. Конфликтные ситуации между врачом и пациентом в коммерческой медицинской организации: анализ причин возникновения // Государство, общество, бизнес в условиях цифровизации: Сборник научных трудов по материалам Всероссийской научно-практической конференции, Саратов, 13 февраля 2020 года. Саратов: Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина – филиал ФГБОУ ВПО "Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте

Российской Федерации", 2020. С. 111-113. Available at: https://elibrary.ru/item.asp?id=43082856
19. Каприн А.Д., Костин А.А., Пономаренко Б.Т., Гриднев О.В., Самсонов Ю.В. Психологические аспекты личности врача в процессе его профессионализации // Исследования и практика в медицине. 2015. № 2(2). С. 81-84. doi: 10.17709/2409-2231-2015-2-2-81-84. Available at: https://www.rpmj.ru/rpmj/article/view/67/84
20. Бузина Т.С., Бузин В.Н. Социально-психологические аспекты лечебного процесса. // Профилактическая медицина. 2018. № 21(4). С. 20-24. doi: 10.17116/profmed201821420. Available at: https://www.mediasphera.ru/issues/profilakticheskaya-meditsina/2018/4/1230549482018041020
21. Fitzgerald A. Professional identity: A concept analysis. *Nurs Forum*. 2020; 55(3): 447-472. doi: 10.1111/nuf.12450. Available at: https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/32249453/
22. Vukušić Rukavina T., Viskić J., Machala Poplašen L. et al. Dangers and Benefits of Social Media on E-Professionalism of Health Care Professionals: Scoping Review. *J Med Internet Res*. 2021; 23(11): 25770. doi: 10.2196/25770. Available at: https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/34662284/
23. Moodley K. Artificial intelligence (AI) or augmented intelligence? How big data and AI are transforming healthcare: Challenges and opportunities. *S Afr Med J*. 2023; 114(1): 22-26. doi: 10.7196/SAMJ.2024.v114i1.1631. Available at: https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC11296939/
24. Асеева И.А. Социальные роли искусственного интеллекта. Часть 2. Искусственные системы с интеллектом в научных исследованиях и медицинской практике // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2024. № 14(5). С. 240-255. doi: 10.21869/2223-1552-2024-14-5-240-255. Available at: https://ecsocmenus.elpub.ru/jour/article/view/839

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.
Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться здесь.

Предмет и объект исследования заявлены в тексте работы, сформулированы весьма корректно. Отдельного внимания заслуживает "подводка" к формулированию предмета, объекта, цели исследования, задач исследования. Вводная часть статьи позволяет читателю уже заранее "подготовиться" к чтению дальнейшего содержания статьи, также в определенной части введение позволяет обосновать актуальность выбранной авторами темы.

Методология статьи вызывает двойственные чувства. Авторами заявлено множество красивых терминов и методов "дескриптивный анализ", "субъектно-деятельностный подход", "компетентностный подход", однако сама статья, как видно далее по тексту, представляет собою по сути литературный обзор. Не совсем понятно из текста статьи, а как конкретно применялись данные методы, подходы и теоретические положения. Можно допустить, что в данном случае под методологическими основами исследования автор(ы) имеют в виду философско-методологическую базу исследования. В таком случае, необходимо посвятить ей отдельный раздел, в свою очередь дополнив статью еще одним разделом про конкретные методы теоретического анализа, который применялся авторами в рамках данной работы.

Актуальность исследования авторами обоснована в целом. Между тем, было бы полезно

дополнить обоснование актуальности ссылками на иные исследования, возможно, полемикой.

К обоснованию научной новизны результатов работы возникают некоторые вопросы. Совсем неочевидно, что применение "комплексного междисциплинарного подхода к изучению личностно-профессионального развития врача, интегрирующего психологические, коммуникативные и технологические аспекты профессионализации" является представляет собою нечто оригинальное, никогда никем ранее не применявшееся. Кроме того, не совсем понятно, новизну чего именно таким образом обосновывае(ю)т автор(ы) - результатов работы или самих методологических принципов работы. Под новизной обычно понимают новизну выводов, итогов работы (да, возможно, полученных инновационным методом). В любом случае эту часть стоит либо усилить ссылками на другие работы, демонстрацией подлинной новизны такого подхода, либо раздел стоит переписать.

Стиль статьи научный. Структура в целом не противоречит требованиям к структуре научных статей по психологии.

К содержанию статьи имеются некоторые замечания. Авторы проводят хороший литературный обзор. Однако затем сразу переходят к выводам, ограничиваясь "дежурной" фразой про проведенный теоретический анализ. Однако сам анализ как-будто бы "выпущен" авторами статьи. Не оспаривая сами выводы по существу, между тем, стоит отметить, что они слишком общие и не отражают собственно теоретический анализ. Необходимо дополнить статью промежуточным звеном, собственно анализом, собственно теоретизированием. Необходимо показать то, как от обзора позиций различных авторов авторы статьи приходят к выводам по существу. Да и сами выводы по существу необходимо сделать.

Например: Авторы пишут "Выявлены ключевые этапы и механизмы профессионализации личности" - какие? Почему именно эти?

"Определены факторы, способствующие успешной адаптации и самореализации специалиста." - какие? По каким критериям из литературы выбраны именно они?

Выводом по существу можно признать лишь вывод номер 3.
В целом это существенный недостаток статьи.

Библиография статьи в целом приличная, содержит зарубежные исследования, современные исследования. 24 источника это немного для теоретического анализа, но в целом допустима.

Апелляция к оппонентам именно как дискуссия, как сравнительный анализ отсутствует.

В целом статья может быть интересна читателям, но необходимо ее расширить и дополнить. Если статья претендует на теоретический анализ, в статье должен быть не только лишь обзор, но и анализ, и формулировка выводов из анализа.
Вероятно, автором могло бы помочь большее структурирование литературного обзора. Не простое перечисление источников, но встройка их в определенную структуру. Затем по этой структуре (категориям) можно было бы формулировать выводы.

В настоящем виде статья рекомендуется к доработке.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.
Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться здесь.

Объектом исследования в представленной на рецензирование статье выступает профессионализация личности, предметом – её реализация в медицинской деятельности.
Актуальность исследования обусловлена высокой социальной значимостью профессии врача и глобальными трансформациями профессиональной деятельности на современном этапе в целом.
Новизна работы состоит в обобщении теоретического материала по проблеме профессионализации в узкоспециализированном аспекте медицинский деятельности.
Статья имеет полностью теоретический характер.
Со структурной точки зрения работа соответствует общим пониманиям составления теоретических текстов: в первой содержательной части реализуется рассмотрение имеющихся исследований, во второй – изложение собственного авторского понимания, полученного на данной основе.
Отметим, однако, что введение выглядит слишком затянутым. Так со структурной точки зрения работа выиграла, если бы определения были перенесены в теоретическую часть.
С методологической точки зрения работа имеет в большей степени описательный характер. Систематизация, заявленная автором в методическом блоке, реализуется в относительной степени. Она предполагает разделение подходов по научным школам, по эпохам, по содержательному вкладу в исследование вопроса и пр.. – это в тексте не реализуется.
С языковой точки зрения работа выполнена в соответствии с требованиями научного стиля.
Список литературы соответствует содержательным требованиям и находит отражение на страницах работы.
Работа может быть интересна весьма широкой публике, в научные интересы представителей которой входит профессиональная психология, поскольку многие вопросы рассматриваются не только в медицинском, но и в общепрофессиональном контексте.
По работе существуют следующие замечания.
На наш взгляд, необходимо более тщательно подойти к формулировке задач исследования.
Пятая задача фактически не решается, поскольку никаких конкретных практических предложений в работе не приводится.
Четвертая задача «исследовать роль мотивационных и ценностных ориентаций…» на наш взгляд, излишняя, поскольку эта роль является аксиоматической.
Мы полагаем, что работу лучше назвать «Профессионализация личности врача: обзор исследований» - такое название будет лучше соответствовать содержанию текста. Дело в том, что название, содержащее формулировку «… анализ проблем…» предполагает описание конкретных проблем и способов их решения. В статье же говорится скорее о современной трансформации деятельности целом, нежели о конкретных её проблемах.
Необходимо, на наш взгляд, переработать выводы – в них содержится информация, фактически повторяющая определение профессионализации. С учётом большого объёма проанализированного материала ожидается больший уровень конкретики применительно

к отдельным аспектам медицинской сферы.
Таким образом, мы полагаем, что данная работа, хотя и является целостным завершённым произведением, соответствующим основным структурным и содержательным требованиям, предъявляемым к научным статьям, нуждается в точечной доработке.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.
Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться здесь.

РЕЦЕНЗИЯ НА СТАТЬЮ
«Профессионализация личности врача: обзор исследований»

Предмет исследования заявлен автором как «профессионализации личности врача», но желательно раскрыть предметную сущность. Например, речь идет о сравнении подходов к пониманию профессионализации личности врача, или о выделении признаков эффективной профессионализации? В самом предмете важно обозначить суть предмета.
Методология исследования построена на классическом подходе, который включает в себя теоретический анализ и обобщение литературных данных по заявленной теме. В нем не предполагается проведение прикладного исследования. Поэтому использование сравнительных методов и методов обобщения литературных и исследовательских данных здесь представляется вполне обоснованным.
Автор в статье грамотно выделяет основные методологические моменты – актуальность, научную новизну, цель и задачи, объект и предмет исследования.
Актуальность представленной статьи очевидна. С одной стороны, она связана с ростом внимания к профессиональной деятельности врачей, особенно в условиях постковидного мира. С другой стороны, важна популяризация профессиональной деятельности врачей, что требует поиска эффективных механизмов их профессионализации.
Автор работает над важной целью, связанной с анализом проблемы профессионализации личности врача.
Научная новизна заявлена автором в двух контекстах:
1) комплексный междисциплинарный подход к изучению личностно-профессионального развития врача, интегрирующем психологические, коммуникативные и технологические аспекты профессионализации,
2) переосмысление процесса профессионализации врача, его этапов и детерминант успешности.
Стиль, структура, содержание
Статья грамотно структурирована, и несмотря на сложность заявленной темы читается весьма доступно.
Вводная часть обосновывает выбор темы, а основная часть представляет описание компетентностного подхода, который транслирован в работах Е.С. Ильиной, Н.В. Копыловой, Н.Д Твороговой, С.В. Старцева и О.В. Макаровой и др., а также систематизацию подходов к пониманию профессионализации врача. Важно, что проанализированы фундаментальные работы Климова.
В основной части статьи автор обстоятельно описывает методологические основы исследования, делает обширный сравнительный анализ исследований по вопросам, связанным с профессиональной деятельностью врачей. Представлены обширный анализ и теоретическое осмысление более десятка исследований профессионализации врачей.

В заключении автор делает выводы, которые несколько шире тех результатов, которые представлены в статье. Но в целом они отражают суть работы. Особо выделю вывод, который касается профессионализма, который автор заявляет, как результат процесса профессионализации, показатель его успешности и качественной характеристикой специалиста.

Библиография

Представлена 24 литературными источниками и включает статьи из журналов, монографии, обзоры. Среди которых представлены фундаментальные работы отечественных и зарубежных ученых, прикладные работы, в том числе на английском языке. Важно, что автор использует литературные источники разных лет, а также разные работы – и фундаментальные, и прикладные, которые датированы самыми актуальными периодами (2022-24г.г.)

Апелляция к оппонентам – статья может быть допущена к публикации. Рекомендуется внести изменения в характеристику предмета исследования. Но это имеет именно рекомендательный характер.

Выводы, интерес читательской аудитории – статья вызовет интерес читательской аудитории – медицинских психологов, преподавателей психологии и медицинских вузов, профориентологов, специалистов по работе с молодёжью, которые занимаются привлечением молодых врачей-специалистов в клиники.

Психология и Психотехника
Правильная ссылка на статью:
Финогенова Т.А. Связь психологической безопасности и переживания террористической угрозы у студентов: межрегиональное исследование // Психология и Психотехника. 2025. № 3. DOI: 10.7256/2454-0722.2025.3.75137 EDN: UVHIMU URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75137

Связь психологической безопасности и переживания террористической угрозы у студентов: межрегиональное исследование

Финогенова Татьяна Александровна

ORCID: 0000-0003-2814-4498

преподаватель; кафедра научных основ экстремальной психологии; Московский государственный психолого-педагогический университет

127051, Россия, г. Москва, ул. Сретенка, 29

tatiana07finogenova@gmail.com

Статья из рубрики "Психология чрезвычайных ситуаций"

DOI:

10.7256/2454-0722.2025.3.75137

EDN:

UVHIMU

Дата направления статьи в редакцию:

12-07-2025

Аннотация: Актуальность исследования объясняется значительным ростом террористической активности в Российской Федерации. Современный терроризм, несущий в себе психотравмирующие последствия, все чаще приобретает опосредованный характер, действуя косвенно через информационное воздействие. Особое внимание в статье уделяется психологической безопасности как внутреннему ресурсу личности, который наряду с другими ресурсами обеспечивает ее устойчивость и защищенность, оказывает сопротивление негативному воздействию террористической угрозы. Одной из менее защищенных категорий, в силу личностной незрелости, является студенческая молодежь. Цель исследования: выявить особенности взаимосвязи между психологической безопасностью личности и переживанием террористической угрозы у студентов из разных регионов. Предметом исследования являются особенности взаимосвязи психологической безопасности личности и переживания террористической угрозы у студентов колледжей. Методы. Были применены

методики диагностики переживания террористической угрозы, психологической безопасности личности, эмоциональной безопасности образовательной среды, качества межличностных отношений, витальности, жизнеспособности. Использовались математико-статистические методы: описательная статистика, корреляционный анализ r-Спирмена. Испытуемые. В исследовании участвовали студенты колледжей (349 человек), обучающиеся в разных регионах: белгородском, московском и других субъектах РФ. Результаты. Выявлено, что в регионе с высоким уровнем объективной террористической угрозы (белгородский), наименее подвержены переживанию угрозы теракта студенты, отличающиеся целеустремленностью, домашним благополучием, применяющие конструктивные способы совладания, с развитыми способностями адаптации и позитивными межличностными отношениями. В регионе с опосредованной террористической угрозой (московский), снижение интенсивности переживания наблюдается у студентов с высоким уровнем стрессоустойчивости, способных быстро и эффективно адаптироваться к изменчивости среды, применять конструктивные стратегии, переживающих благополучие в творческой среде. В спокойных (других) регионах, с низким уровнем объективной террористической угрозы снижение уязвимости студенческой молодежи к данной угрозе связано с их целеустремленностью, экзаменационным благополучием конструктивными способами совладания со стрессом. Заключение. Установлено, что корреляционные связи между психологической безопасностью студентов и переживанием ими террористической угрозы различаются в зависимости от региона проживания и специфики влияния угрозы терроризма (реальной / опосредованной). Полученные результаты могут способствовать разработке программ, направленных на развитие личностной устойчивости и формирования психологической безопасности студентов, учитывая специфику влияния внешних угроз.

Ключевые слова:

терроризм, переживание террористической угрозы, психологическая безопасность личности, студенты, эмоциональное благополучие, витальность, жизнеспособность, межличностные отношения, стратегии совладания, способности адаптации

Введение

Современное общество сталкивается с большим количеством угроз, подрывающих безопасность личности. В данном аспекте проблема терроризма занимает особое место.

Согласно В.А. Соснину и Т.А. Нестику, терроризм — «одновременно преступное, политическое, социальное, психологическое и морально-нравственное явление» [1, с. 7]. Проявляясь в различных формах насилия, направленного на мирное население. Его цель заключается в устрашении, демонстрации власти, достижении политического и других преимуществ [1]. Согласно последним данным, представленным в отчете по мировому уровню терроризма, в Российской Федерации наблюдается значительный рост террористической активности. В 2024 году среди 163 стран она заняла 16 место по показателям террористической напряженности [2].

В связи с этим возрастает актуальность изучения восприятия террористической угрозы, ее последствий для личности. Террористическая угроза понимается как сформировавшееся представление о повторении теракта и о себе в роли его потенциальной жертвы [3].

Научно доказано, что последствия после террористического нападения, кроме физических травм и увечий, часто имеют психологический характер [4, 5, 6, 7]. К таковым относятся депрессии, тревожные расстройства, нарушения сна, нарушения в эмоциональной и ценностно-смысловой сферах, постоянное чувство опасности, настороженности и бдительности, социальная дезадаптация. В ряде случаев развивается посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР), как отсроченная реакция на произошедшее. Кроме этого, может наблюдаться снижение академической успеваемости, проявления зависимого поведения, а также агрессия и конфликтность (часто к представителям других национальностей или социальных групп) [8].

Ю.В. Быховец и Н.В. Тарабриной выявлено, что жертвами терроризма могут быть не только непосредственные пострадавшие, которые сами, или их близкие, оказались на месте совершения теракта. Ими могут быть и лица, испытавшие негативное воздействие посредством получения информации про теракт через различные источники. В первом случае речь идет о прямых жертвах, во втором — о косвенных. Психологическое реагирование на информационные сообщения о террористическом акте, по Ю.В. Быховец, Н.В. Тарабриной, представляют собой феномен «переживание террористической угрозы» [3].

Научные исследования подтверждают косвенную травматизацию жертв. Установлено, что воздействие медиаконтента о терактах может сопровождаться тем же симптомокомплексом, что и при непосредственной встрече с реальной угрозой [3, 8].

В науке доказано, что риск уязвимости личности в ситуации угрозы жизни значительно увеличивается при сниженной психологической безопасности [9].

Психологическая безопасность личности, согласно И.А. Баевой, выступает ее состоянием, которое обеспечивает внутренний комфорт, защищенность; ее свойством, отражающим личностный ресурсный запас для сохранения устойчивости и осуществления противодействия стресс-факторам (внутренним и внешним); процессом, изменяющимся во времени [10, 11]. Опираясь в своей концепции на средовый подход, И.А. Баева указывает, что безопасность личности формируется во взаимосвязи с окружающей средой. Эти два феномена создают единство и укрепляют личностную безопасность [10]. А.Л. Журавлев и Н.В. Тарабрина данный феномен определяют, как интегративную характеристику субъекта, отражающую степень удовлетворения потребности в безопасности, что проявляется в переживании личностью психологического благополучия [12].

Мы разделяем подход Н.Е. Харламенковой и соавторов, которые психологическую безопасность относят к внутренним ресурсам личности. Согласно их мнению, кроме функции обеспечения чувства защищенности и комфорта, она поддерживает другие ресурсы личности, которые в экстремальные ситуации помогают оказывать сопротивление негативному воздействию [13]. Последние, вслед за Н.Е. Водопьяновой, мы называем внешние (социальные) и внутренние факторы (способности, навыки, возможности), обеспечивающие развитие личности, достижение поставленных целей, устойчивость в сложных для нее ситуациях [14].

В группу особой уязвимости в условиях восприятия террористической угрозы попадает молодое поколение, в частности студенческая молодежь [15]. В данном возрасте происходит личностное, профессиональное, социальное, нравственное становление;

формируется внутренняя позиция, ценности и смыслы жизни, что требует стабильности, предсказуемости и защищенности от окружающей действительности. Однако чрезмерное переживание террористической угрозы способно нарушить благополучие, спровоцировать деструктивные изменения в развитии личности, самоопределении и в целом жизненном пути. В силу отсутствия жизненного опыта, личностной незрелости студентов и высокой уязвимости к информационному воздействию их способности противостоять внешним стресс-факторам снижается. Согласно статистике «Global Digital 2024», наибольший процент интернет-пользователей приходится именно на возрастной сегмент 16-24 года [16].

Принимая во внимание уязвимость студентов к переживанию угрозы теракта, а также недостаточную проработанность данной проблемы, важным становится изучение взаимосвязи психологической безопасности и переживанием террористической угрозы на студенческой выборке.

Организация исследования

Цель исследования: выявить особенности взаимосвязи между психологической безопасностью личности и переживанием террористической угрозы у студентов из разных регионов.

Гипотеза исследования: существуют статистически значимые взаимосвязи между психологической безопасностью личности и интенсивностью переживания террористической угрозы у студентов; характер и сила корреляционных связей у студентов отличается в зависимости от региона проживания.

Методы исследования. Переживания студентами террористической угрозы оценивалось с помощью опросника Ю.В. Быховец, Н.В. Тарабриной ОПТУ-21[3]. Для изучения психологической безопасности была выбрана методика И.И. Приходько — «Экспресс-диагностика психологической безопасности личности» (ПБЛ)[17]. Основываясь на подходе И.А. Баевой, мы исходили из важности изучения психологической безопасности образовательной среды колледжа, как важного условия личностной безопасности студентов. Так, эмоциональное благополучие было исследовано методикой Т.Н. Березиной «Эмоциональная безопасность образовательной среды» (ЭБОС)[18], межличностные отношения в студенческих группах определялись путем применения методики Г.С. Кожухаря, В.В. Коврова «Качество межличностных отношений в образовательной среде» (КЛМО)[19]. Для целостного изучения обеспечения и поддержания психологической безопасности личности нами были включены показатели жизненных сил и внутреннего потенциала — жизнеспособность и витальность. Жизнеспособность исследовалась с помощью теста, разработанной Е.А. Рыльской («Жизнеспособность человека» (ТЖС))[20], витальность — с помощью одноименного теста Г.В. Резапкиной («Тест витальности»)[21]. Метод статистической обработки — описательная статистика, корреляционный анализ r-Спирмена.

Эмпирическая база и выборка исследования. Исследование проводилось на протяжении 2023–2024 гг. Выборка исследования — студенты колледжей, обучающиеся в разных регионах. Количество всех опрошенных 349 человек, из них:

1) группа № 1 — студенты из белгородского региона (Валуйский колледж, Белгородская область) — (n=167, возраст 16,9±1,2).

2) группа № 2 — студенты из московского региона (Колледж предпринимательства № 11,

Налоговый колледж, г. Москва) — (n=130, возраст 17,6±1).

3) группа № 3 — студенты из других регионов (Колледж БГПУ им. М. Акмуллы, г. Уфа; Усманский многопрофильный колледж, г. Усмань) — (n=52, возраст 17,4±0,95).

Результаты исследования

Корреляционный анализ был проведен в каждой из выделенных групп.

Результаты корреляционного анализа по белгородской выборке представлены в таблице 1.

Таблица 1 — Корреляционные взаимосвязи между переживанием террористической угрозы и психологической безопасностью, эмоциональным благополучием, качеством межличностных отношений, жизнеспособностью и витальностью у студентов из белгородского региона (только статистически значимые результаты)

Методика	**Показатели**	**Общий индекс переживания ТУ (r)**
ПБЛ	Посттравматический рост	-0,259**
	Стратегии совладания со стрессовыми ситуациями	-0,300**
	Ценностно-смысловая шкала	-0,212**
	Морально-волевая урегулированность	-0,251**
	Индекс ПБЛ	-0,285**
ЭБОС	Благополучие творческо-креативной среды	-0,257**
	Благополучие перемен	-0,235**
	Экзаменационное благополучие	-0,238**
	Домашнее благополучие	-0,285**
	Учебное благополучие	-0,269**
	Интегральный показатель ЭБОС	-0,280**
КЛМО	Шкала доверия	-0,272**
	Шкала враждебности	0,190*
	Шкала агрессивности	0,192*
	Шкала манипулятивного отношения	0,181*
	Шкала конфликтности	0,210**
	Шкала доброжелательности	-0,222**

	Шкала толерантности	-0,171*
	Индекс позитивного отношения	-0,284**
	Индекс негативного отношения	0,235**
Витальность	Жизненный тонус	-0,211**
	Стрессоустойчивость	-0,263**
	Целеустремленность	-0,303**
	Общий уровень витальности	-0,324**
ТЖС	Способности адаптации	-0,263**
	Способности саморегуляции	0,202**
	Общий балл жизнеспособности	-0,171*

Примечание. * — статистическая значимость на уровне $p \leq 0,05$; ** — статистическая значимость на уровне $p \leq 0,01$; ТУ — террористическая угроза; ПБЛ — психологическая безопасность личности; ЭБОС — эмоциональная безопасность образовательной среды; КЛМО — качество межличностных отношений; ТЖС — тест жизнеспособности человека.

Как видно из таблицы 1, шкалы психологической безопасности личности отрицательно взаимосвязаны с общим индексом переживания террористической угрозы (r_s= от -0,189 до -0,300). Это указывает на то, что чем выше у студентов психологическая безопасность личности, тем ниже переживание террористической угрозы. Корреляционная связь применима и в обратную сторону: чем выше переживание террористической угрозы, тем ниже психологическая безопасность. Также следует подчеркнуть, что основную нагрузку среди компонентов психологической безопасности несет шкала, отражающая стратегии совладания со стрессовыми ситуациями (r_s= -0,300; $p \leq 0,01$). Это свидетельствует о том, что применение студенческой молодежью эффективных стратегий совладания, умение быстро и гибко реагировать на неблагоприятные изменения внешней среды, могут минимизировать переживания угрозы теракта.

Параметры методики ЭБОС Т.Н. Березиной взаимосвязаны с переживанием террористической угрозы. Отрицательная двухсторонняя взаимосвязь выявлена между общей эмоциональной безопасностью образовательной среды и общим индексом переживания террористической угрозы (r_s= -0,280; $p \leq 0,01$). Чем более эмоционально безопасна среда колледжа, где обучаются студенты, тем менее выражены у них переживания террористической угрозы. В данной связи корреляционную нагрузку в большей мере несет показатель домашнего благополучия (r_s= -0,285; $p \leq 0,01$).

Корреляционный анализ выявил значимые взаимосвязи между почти всеми показателями методики КЛМО (кроме связи шкалы принятия и общим индексом переживания террористической угрозы). С общим уровнем переживания террористической угрозы наиболее устойчивая двухсторонняя отрицательная связь с индексом позитивного отношения (r_s = -0,284; $p \leq 0,01$). Также обнаружена двухсторонняя положительная взаимосвязь переживания террористической угрозы с индексом негативного отношения (r_s= 0,235 $p \leq 0,01$): повышение индекса негативного отношения (агрессивности, конфликтности, враждебности, манипулятивного отношения)

связано с увеличением уровня переживания студентами данной угрозы.

В группе из белгородского региона также существуют тесные взаимосвязи между переживанием террористической угрозы и всеми показателями витальности (кроме независимости от мнения других). Во взаимосвязи с общим индексом террористической угрозы основную корреляционную нагрузку несут общий показатель витальности ($r= -0,324$; $p\leq0,01$) и целеустремленность ($r_s= -0,303$; $p\leq0,01$). Это свидетельствует о том, что студенты с высокими показателями витальности, в частности целеустремленности, реже подвергаются интенсивному переживанию террористической угрозы и проявляют большую устойчивость к ней.

Обнаружены взаимосвязи между жизнеспособностью и переживанием террористической угрозы. Двухсторонняя отрицательная связь общей шкалы жизнеспособности и общим индексом переживания террористической угрозы ($r_s= -0,171$; $p\leq0,05$) указывает на то, что у более жизнеспособного человека вероятность интенсивного переживания террористической угрозы снижается. Особый вклад в связь с общим уровнем переживания угрозы теракта вносит показатель способности адаптации ($r_s= -0,263$; $p\leq0,01$). Способность адаптации более выражена у тех студентов, кто менее подвержен переживанию угрозы.

Результаты корреляционного анализа в московской выборке представлены в таблице 2.

Таблица 2 — Корреляционные взаимосвязи между переживанием террористической угрозы и психологической безопасностью, эмоциональным благополучием, качеством межличностных отношений, жизнеспособностью и витальностью у студентов из московского региона (только статистически значимые результаты)

Методика	**Показатели**	**Общий индекс переживания ТУ (r)**
ПБЛ	Посттравматический рост	$-0,240^{**}$
	Стратегии совладания со стрессовыми ситуациями	$-0,267^{**}$
	Ценностно-смысловая шкала	$-0,258^{**}$
	Индекс ПБЛ	$-0,250^{**}$
ЭБОС	Благополучие творческо-креативной среды	$-0,451^{**}$
	Благополучие перемен	$-0,421^{**}$
	Экзаменационное благополучие	$-0,213^{*}$
	Домашнее благополучие	$-0,369^{**}$
	Учебное благополучие	$-0,308^{**}$
	Интегральный показатель ЭБОС	$-0,419^{**}$
	Шкала враждебности	$0,198^{*}$

	Шкала принятия	0,209*
	Индекс негативного отношения	0,198*
Витальность	Стрессоустойчивость	-0,390**
	Целеустремленность	-0,181*
	Независимость от мнения окружающих	-0,176*
	Общий уровень витальности	-0,274**
ТЖС	Способности адаптации	-0,385**
	Способности саморегуляции	0,191*
	Общий балл жизнеспособности	-0,420**

Примечание. * — статистическая значимость на уровне p ≤ 0,05; ** — статистическая значимость на уровне p ≤ 0,01; ТУ — террористическая угроза; ПБЛ — психологическая безопасность личности; ЭБОС — эмоциональная безопасность образовательной среды; ТЖС — тест жизнеспособности человека.

Как видим из таблицы 2, общий индекс психологической безопасности личности отрицательно взаимосвязан с общим индексом переживания террористической угрозы (r_s= -0,250; p≤0,01). Наиболее устойчивую отрицательная связь с общим уровнем переживания террористической угрозы, как и в белгородской выборке, имеет шкала стратегии совладания (r_s= -0,267; p≤0,01).

Наибольшую корреляционную нагрузку среди показателей методики ЭБОС берет на себя благополучие творческо-креативной среды (r_s= -0,451; p≤0,01). Занятие творчеством и креативной деятельностью вызывают у студентов положительные эмоции, что благоприятно влияет на эмоциональное состояние студентов и может снижать их тревожное состояние, соответственно переживание угрозы теракта также снижается.

Обнаружена двухсторонняя отрицательная связь витальности с переживанием террористической угрозы (r_s= -0,274; p≤0,01). Наиболее сильную корреляционную нагрузку во взаимосвязи с общим уровнем переживания террористической угрозы несет стрессоустойчивость (r_s= -0,390; p≤0,01): чем выше стрессоустойчивость, тем большую устойчивость проявляют студенты перед угрозой террористических атак.

Во взаимосвязи с жизнеспособностью студентов из Москвы особое внимание заслуживает связь способностей адаптации с переживанием угрозы теракта (r_s= -0,385; p≤0,01): чем более выражены адаптивные способности у студентов, тем более они устойчивы к негативному воздействию травмирующих факторов.

Взаимосвязь между общим индексом переживания террористической угрозы и межличностным отношением не выявлено.

Результаты корреляционного анализа в выборке из других регионов отражены в таблице 3.

Таблица 3 — Корреляционные взаимосвязи между переживанием террористическойугрозы и психологической безопасностью, эмоциональным

благополучием, качеством межличностных отношений, жизнеспособностью и витальностью у студентов из других регионов (только статистически значимые результаты)

Методика	**Показатели**	**Общий индекс переживания ТУ (r)**
ПБЛ	Посттравматический рост	-0,344*
	Стратегии совладания со стрессовыми ситуациями	-0,428**
	Ценностно-смысловая шкала	-0,305*
	Морально-волевая урегулированность	-0,320*
	Индекс ПБЛ	-0,377**
ЭБОС	Экзаменационное благополучие	-0,339*
	Учебное благополучие	-0,292*
	Интегральный показатель ЭБОС	-0,303*
Витальность	Жизненный тонус	-0,420**
	Стрессоустойчивость	-0,281*
	Целеустремленность	-0,486**
	Общий уровень витальности	-0,487**

Примечание. * — статистическая значимость на уровне $p \leq 0,05$; ** — статистическая значимость на уровне $p \leq 0,01$; ТУ — террористическая угроза; ПБЛ — психологическая безопасность личности; ЭБОС — эмоциональная безопасность образовательной среды.

В группе студентов из других регионов (таблица 3) также обнаружена отрицательная двухстороння взаимосвязь между психологической безопасностью студентов и их переживанием террористической угрозы (r_s= -0,377; $p \leq 0,01$). Наиболее устойчивая связь, как и у студентов из приграничья и Москвы, наблюдается, по шкале стратегии совладания со стрессовыми ситуациями (r_s= -0,428; $p \leq 0,01$).

Существует тесная связь между эмоциональной безопасностью образовательной среды и переживанием угрозы теракта. Наиболее сильно с данной угрозой связан показатель эмоционального благополучия сессии (r_s= -0,339; $p \leq 0,05$): чем более комфортной и эмоционально безопасной ощущается образовательная среда во время сессии, чем меньше негативных эмоций вызывает этот процесс, тем меньше вероятность, что студенты будут подвержены переживанию террористической угрозы.

Особую корреляционную нагрузку в связи с общим уровнем переживания угрозы среди компонентов витальности несет показатель целеустремленности, с которым выявлена отрицательная связь (r_s= -0,486; $p \leq 0,01$).

Между общим уровнем переживания угрозы теракта и показателями методики КЛМО и

ТЖС статистически значимых связей выявлено не было.

На рисунке 1 наглядно изображены наиболее значимые взаимосвязи с общим уровнем переживания террористической угрозы у студентов из 3-х групп.

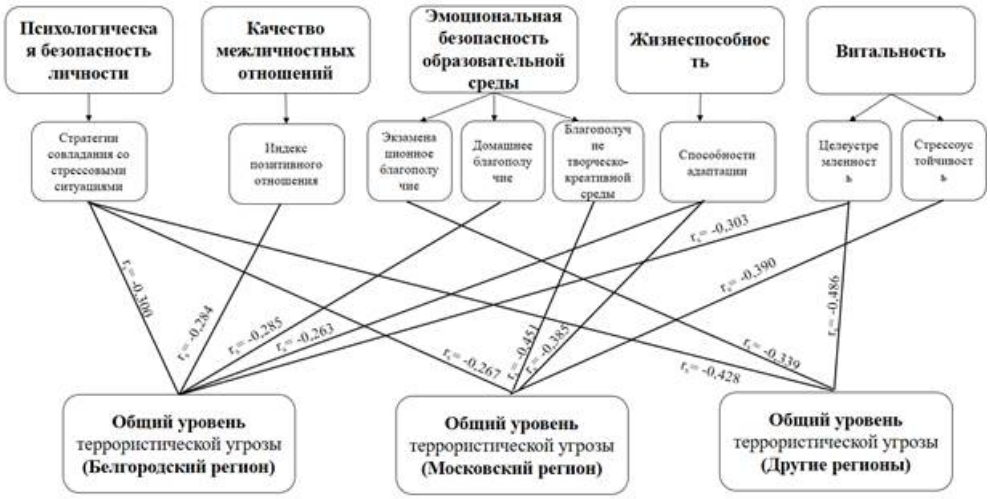

Рисунок 1 — Наиболее значимые взаимосвязи между общим уровнем переживания террористической угрозы и психологической безопасностью, эмоциональным благополучием, качеством межличностных отношений, жизнеспособностью и витальностью у 3-х группах

Обсуждение результатов

Нами был проведен корреляционный анализ в 3-х группах студентов. Группы были определены в зависимости от региона проживания (белгородский, московский, другие регионы). При выборе регионов учитывался объективный риск угрозы теракта. В белгородском регионе существует непосредственная террористическая угроза, что подтверждается введением с 2022 году на бессрочный срок желтого уровня террористической опасности. В московском регионе террористическая угроза больше характеризуется опосредованным характером, воздействие которой происходит через информационные каналы. Усиление террористической опасности наблюдалось несколько месяцев после событий в «Крокус Сити» (2023 г.). В других регионах террористическая угроза обусловлена информационным влиянием, объективная террористическая активность низкая.

Проведенный корреляционный анализ во всех группах подтвердил взаимосвязь между психологической безопасностью студентов и переживанием ими террористической угрозы.

Было выявлено, что студенты, имеющие высокий уровень психологической безопасности личности, в меньшей степени подвержены переживанию террористической угрозы. Психологическая безопасность обеспечивает чувство защищенности, в результате чего молодые люди проявляют меньшую уязвимость перед психотравмирующим воздействием угрозы.

Наши данные находят отражение в исследовании А.В. Котеневой. Ранее ученой было выявлено, что от сформированности психологической безопасности студентов зависит их способность оказания сопротивления и сохранения устойчивости перед угрозой теракта. Автором было обнаружено, что у студентов, у которых психологическая безопасность

была недостаточной, симптоматика ПТСР и страх оказаться жертвой теракта проявлялись значимо чаще [9].

Следует подчеркнуть, что в настоящем исследовании в качестве основного компонента психологической безопасности, при котором у молодых людей снижается переживание террористической угрозы, выступают конструктивные стратегии совладания со стрессовыми ситуациями, при чем не зависимо от региона проживания. Стратегии совладания, понимаемые как осознанные и целенаправленные способы преодоления стресса, выступают ключевым механизмом, снижающим силу воздействия изучаемого психотравмирующего фактора у всех опрошенных студентов. Результаты научных исследований подтверждают важность стратегий совладания в обеспечении устойчивости личности в экстремальных ситуациях и защищенности от травмирующего влияния. К наиболее эффективным способам совладания в условиях угрозы теракта ученые относят принятие ответственности, социальную поддержку, контроль происходящего [6].

В рамках исследования безопасности образовательной среды нами была изучена ее эмоциональная безопасность. Т.Н. Березина в рамках своей концепции эмоциональное состояние обучающихся в образовательной среде относит к факторам, влияющих не только на психологическую безопасность, но и на психосоматическое здоровье [18]. Так, согласно полученным результатам, при остаточной обеспеченности эмоциональной безопасности у юношей и девушек происходит минимизация переживаний террористической угрозы. Положительная эмоциональная атмосфера в образовательной среде может способствовать снижению уровня восприятия террористической угрозы. Обучающиеся, которые чаще испытывают позитивные эмоции, связанные с образовательной средой, меньше подвержены мыслям и переживаниям о возможных терактах. Однако, корреляционные компоненты эмоциональной безопасности в разных регионах отличаются. Для студенческой молодежи из белгородского региона таким компонентов выступает домашнее благополучие, из московского — благополучие творческо-креативной среды, из других регионов — экзаменационное благополучие. Выраженность домашнего благополучия у студентов из Белгорода можно объяснить тем, что периодически из-за существующей в регионе угрозы обстрелов занятия периодически проходят в дистанционном режиме.

Витальность, которую принято понимать, как жизненную энергию, ученые часто относят к необходимым ресурсам психологической безопасности [22] для преодоления экстремальных и повседневных стресс-факторов [23]. В нашем исследовании также было выявлено, что молодые люди, обладающие внутренней жизненной силой и энергией, менее болезненно воспринимают и реагируют на потенциальную угрозу терроризма. Если в белгородском и других регионах в качестве ведущего компонента, с повышением которого у студентов снижаются переживания террористической угрозы, выступает целеустремленность, то для московского региона таковым выступает стрессоустойчивость.

Было обнаружено, что снижение переживания террористической угрозы при высокой жизнеспособности более выражено лишь у студентов из белгородского и московского региона. Данный феномен в науке определяют, как способность управлять своим внутренним потенциалом [24], сохранять целостность [20], здоровье, а также выживать в сложных ситуациях [25]. Молодые юноши и девушки, демонстрирующие высокую способность сохранить свою целостность, проявляющие легкую адаптацию в

окружающем мире, самостоятельность, уверенность, ответственность за свои действия, стремящиеся к самопониманию и развитию, реже подвергаются переживанию потенциальной угрозе. Основная нагрузка принадлежит способностям адаптации.

Полученные нами результаты находят отражение в других научных исследованиях. Так, Н.Н. Казымовой было выявлено, что человек обладающий высокой жизнеспособностью в меньшей мере поддается негативному воздействию, в условии террористической угрозы он проявляет большую стойкость и выносливость. В обратной ситуации все наоборот: сниженная жизнеспособность повышает риск психотравмирующего воздействия [26]. Д.Н. Церфус, Т.В. Ивановой, Л.Н. Антилоговой доказана роль жизнеспособности в сохранении нормального функционирования организма, обеспечения чувства защищенности и благополучия в целом. В исследовании, проведенном на студентах, ученые называют жизнеспособность фактором психологической безопасности [27].

Полученные нами данные, указывают, что только в группе студентов из белгородского региона позитивные межличностные отношения могут ослабить чувство переживания угрозы терроризма. Это происходит по мере увеличения проявления во взаимодействии студенческой молодежи из Белгорода позитивного отношения (доверия, доброжелательности, толерантности). В остальных обследуемых группах качество межличностных отношений в зависимости от угрозы теракта не изменяется.

Исследователи сходятся во мнении, что от социальных взаимоотношений зависит поведение личности в экстремальной ситуации, ее устойчивость и последующие реакции на пережитое событие. В молодежной среде, для которых личностно-доверительные отношение, включенность в социум, общественное признание имеет большое значение, межличностные отношения в сложных условиях жизнедеятельности выступают ресурсом, поддержкой и необходимым условием преодоления стрессового воздействия [11, 28].

Таким образом, мы наблюдаем, общие и различные взаимосвязи между психологической безопасностью и переживанием террористической угрозы у студентов из разных регионов. Общими для всех студентов, вне зависимости от места проживания, являются взаимосвязи с компонентом психологической безопасности личности — конструктивными стратегиями совладания со стрессом; компонентами витальности — целеустремленностью (для белгородского и других регионов) и стрессоустойчивостью (для московского региона); компонентами эмоциональной безопасности образовательной среды — домашним (для белгородского региона), экзаменационным (для других регионов) и благополучием творческо-креативной среды (для московского региона). При высоких значениях вышеперечисленных компонентов студенты реже и менее интенсивно переживают угрозу теракта.

Жизнеспособность, в частности способности адаптации, снижают воздействие потенциальной угрозы только в группах из белгородского и московского регионов. Возможно, это связано с более высоким риском террористической опасности на этих территориях, связанных с ней изменениями в жизнедеятельности и вынужденной адаптацией молодых людей к новым обстоятельствам.

Выраженность позитивных межличностных отношений при низком уровне переживания террористической угрозы наблюдаются только у студентов из белгородского региона. Для юношей и девушек, проживающих на территориях с высоким уровнем террористической опасности, поддержание личностно-доверительных отношений в среде сверстников является значимым условием обеспечения устойчивости перед воздействием стресса.

Выводы

Существует взаимосвязь между психологической безопасностью студентов и переживанием ими террористической угрозы. Системообразующими показателями, обеспечивающими устойчивость личности перед угрозой теракта для всех опрошенных студентов, вне зависимости от региона проживания, выступают конструктивные стратегии совладания со стрессовыми ситуациями (механизм психологической безопасности), эмоциональная безопасность образовательной среды, витальность.

Адаптационный компонент жизнеспособности способен снизить уровень переживания террористической угрозы только у студентов из белгородского и московского регионов. Качество межличностных отношений в аспекте защищенности перед угрозой имеет значимость только у студентов из белгородского региона.

В белгородском регионе с высоким уровнем объективной угрозы студенты, отличающиеся целеустремленностью, домашним благополучием, применяющие адаптивные способы совладания, с развитыми способностями адаптации и позитивными межличностными отношениями менее подвержены переживанию террористической угрозы.

В московском регионе, где террористическая угроза имеет опосредованный характер, снижение интенсивности переживания угрозы теракта наблюдается у студентов с высоким уровнем стрессоустойчивости, способных быстро и успешно адаптироваться к изменчивости среды и применять адаптивные стратегии, проявляющих интерес к творческо-креативной деятельности, которая обеспечивает эмоциональное благополучие.

В более спокойных регионах, где объективный риск террористической угрозы сведен к минимуму, снижение уязвимости студенческой молодежи к данной угрозе в большей степени связано с целеустремленностью, экзаменационным благополучием, применением конструктивных способов совладания с стрессом.

Подводя итог, можно отметить, что настоящее исследование, проведенное на межрегиональной выборке, расширяет представления о механизмах личностной устойчивости молодого поколения в ситуации реальной и опосредованной террористической угрозы. Полученные данные позволяют рассматривать психологическую безопасность как важный стратегический ресурс личности, который может обеспечить не только защищенность и способность противостоять негативным стрессогенным воздействиям, но и сохранить целостность, способствовать формированию устойчивого будущего молодежи в реалиях современных вызовов. Результаты исследования могут служить основой для разработки программ психологической профилактики и поддержки студентов с учетом их индивидуально-психологических характеристик, а также особенностей социальной, информационной, культурной и духовно-нравственной среды конкретного региона.

Библиография

1. Соснин В. А., Нестик Т. А. Современный терроризм: социально психологический анализ. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2008. 240 с. EDN: QCTDNL.
2. Global Terrorism Index 2025 [Электронный ресурс] // Institute for Economics & Peace. 2025. 111 pp. URL: https://www.visionofhumanity.org/wp-content/uploads/2025/03/Global-Terrorism-Index-2025.pdf (дата обращения 01.07.2025).
3. Быховец Ю. В., Тарабрина Н. В. Психологическая оценка переживания

террористической угрозы: руководство. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2010. 85 с. EDN: QYAGQR.
4. Влияние разных видов стресса на биопсихологический возраст / Т. А. Финогенова [и др.] // Современная зарубежная психология. 2023. Т. 12. № 3. С. 41-51. DOI: 10.17759/jmfp.2023120304. EDN: BXKCGL.
5. Финогенова Т. А., Берко А. А. Влияние травматических переживаний на психологическую безопасность личности обучающихся в контексте террористической угрозы // Экстремальная психология и безопасность личности. 2024. Т. 1. № 2. С. 61-75. DOI: 10.17759/epps.2024010205. EDN: WLSUOC.
6. Проблемы психологической безопасности личности в экстремальных условиях жизнедеятельности / А. В. Литвинова [и др.] // Современная зарубежная психология. 2021. Т. 10. № 1. С. 8-16. DOI: 10.17759/jmfp.2021100101. EDN: YIMMBA.
7. Сенаторова Е. Н., Балан А. С., Гацуцын В. В. Профессиональное выгорание педагогов средней школы в условиях террористической угрозы [Электронный ресурс] // Экстремальная психология и безопасность личности. 2024. Т. 1. № 1. С. 34-43. DOI: 10.17759/epps.2024010104. EDN: OPXIWI.
8. Быховец Ю. В., Казымова Н. Н. Современные отечественные исследования психологических факторов переживания террористической угрозы // Психологический журнал. 2019. Т. 40. № 3. С. 22-30. DOI: 10.31857/S020595920004542-2. EDN: QKXACV.
9. Котенева А. В. Личностные факторы переживания террористической угрозы студентами // Психология обучения. 2016. № 7. С. 46-64. EDN: WCLKQN.
10. Баева И. А. Психологическая безопасность образовательной среды: становление направления и перспективы развития // Экстремальная психология и безопасность личности. 2024. Т. 1. № 3. С. 5-19. DOI: 10.17759/epps.2024010301. EDN: JUXFAJ.
11. Ресурсы психологической безопасности студентов в напряженной социокультурной среде: обзор теоретических и эмпирических исследований [Электронный ресурс] / И. А. Баева, Е. Б. Лактионова, И. В. Кондакова [и др.] // Психолого-педагогические исследования. 2024. Т. 16. № 2. С. 3-29. DOI: 10.17759/psyedu.2024160201. EDN: OKOAOX.
12. Журавлев А. Л., Тарабрина Н. В. Психологическая безопасность: на пути к комплексным, междисциплинарным исследованиям (вместо предисловия) // Проблемы психологической безопасности / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Н. В. Тарабрина. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2011. С. 5-21.
13. Психологические последствия переживания стресса в детском возрасте – феномены "оставленности" и "вовлеченности" / Н. Е. Харламенкова [и др.] // Клиническая и специальная психология. 2022. Т. 11. № 3. С. 71-96. DOI: 10.17759/cpse.2022110303. EDN: WSWNBM.
14. Водопьянова Н. Е. Психодиагностика стресса. СПб.: Питер, 2009. 336 с. EDN: QXVSDN.
15. Особенности личностных ресурсов психологической безопасности студентов разных уровней образования в напряженной социальной среде / И. А. Баева, И. В. Кондакова, М.-Е.-Л. С. Соколова [и др.] // Психолого-педагогические исследования. 2025. № 17 (2). С. 3-21. DOI: 10.17759/psyedu.2025170201.
16. Kemp S. Digital 2024: Global Overview Report [Электронный ресурс] // портал DataReportal. URL: https://datareportal.com/reports/digital-2024-global-overview-report (дата обращения 01.07.2025).
17. Приходько И. И. Психодиагностический инструментарий определения психологической безопасности личности специалиста экстремального вида деятельности // Мир науки, культуры, образования. 2013. № 3 (40). С. 28-31. EDN: QCPYAH.
18. Березина Т.Н. Эмоциональная безопасность образовательной среды и когнитивные

процессы // Современное образование. 2019. № 3. С. 29-43. DOI: 10.25136/2409-8736.2019.3.29191 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=29191
19. Кожухарь Г. С., Ковров В. В. Экспресс-диагностика безопасности образовательной среды детей, попавших в трудную жизненную ситуацию // Экспертиза психологической образовательной среды. Информационно-методический бюллетень Городской экспериментальной площадки второго уровня / Ред.-сост. И. А. Баева, В. В. Ковров. М.: Экон – Информ, 2008. № 1. С. 48-51. EDN: VLDDEN.
20. Рыльская Е. А. Тест "Жизнеспособность человека": разработка и психометрические характеристики // Социум и власть. 2016. № 1 (57). С. 25-30. EDN: VUCYMZ.
21. Резапкина Г. В. Саморазрушительное поведение: причины и профилактика // Академический вестник Академии социального управления. 2017. № 2 (24). С. 18-24. EDN: ZCHOXD.
22. Кузьмина Г. А. Составляющие инновационного потенциала личности как ресурсы психологической безопасности // Развитие и образование личности в современном коммуникативном пространстве: материалы III Всероссийской научно-практической конференции, посвящённой 90-летию со дня рождения В. Г. Асеева / под редакцией И. М. Кыштымовой, Л. В. Скоровой. Иркутск: Аспринт, 2021. С. 113-121. EDN: ZVHHPA.
23. Мальцева Т. В. Теоретико-методологические подходы к пониманию концептов "жизненная сила" и "субъективная витальность" в рамках концептуальной модели развития субъективной витальности руководителей органов внутренних дел // Прикладная психология и педагогика. 2021. Т. 6. № 1. С. 10-19. DOI: 10.12737/2500-0543-2020-10-19. EDN: HFGSNN.
24. Лактионова А. И. Возрастные и гендерные различия жизнеспособности человека. Часть 2 // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2022. Т. 7. № 1. С. 96-119. DOI: 10.38098/ipran.opwp_2022_22_1_005. EDN: YUNAYM.
25. Котовская С. В. Психофизиологические факторы профессиональной жизнеспособности специалистов экстремального профиля с позиции эмергентно-синергетического подхода // Психология. Психофизиология. 2020. Т. 13. С. 79-87. DOI: 10.14529/jpps200109. EDN: HFXPMN.
26. Казымова Н. И. Факторы риска и ресурсы устойчивости к переживанию террористической угрозы // Общество: социология, психология, педагогика. 2017. № 12. С. 102-109. DOI: 10.24158/spp.2017.12.22. EDN: YLFQVW.
27. Церфус Д. Н., Иванова Т. В., Антилогова Л. Н. Жизнеспособность как условие психологической безопасности будущих специалистов транспортной отрасли // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2024. Т. 29. № 3 (98). С. 246-253. DOI: 10.24412/1999-6241-2024-398-246-253. EDN: HFQKHJ.
28. Завязкина К. В., Балан А. С. Ресурсы и психологическая безопасность студентов колледжей с разным уровнем террористической опасности // Личностные ресурсы антистарения: монография / кол. авторов; общ. ред. Т. Н. Березиной, А. В. Литвиновой. Москва: РУСАЙНС, 2024. С. 189-200. EDN: CZNGUT.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.
Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться здесь.

Предметом исследования в представленной статье является связь психологической безопасности и переживания террористической угрозы у студентов.
В качестве методологии предметной области исследования в данной статье были

использованы дескриптивный метод, метод категоризации, метод анализа, метод сравнения, опросный метод, а также, как отмечается в статье, были применены опросник Ю.В. Быховец, Н.В. Тарабриной ОПТУ-21, методика И.И. Приходько «Экспресс-диагностика психологической безопасности личности» (ПБЛ), методика Т.Н. Березиной «Эмоциональная безопасность образовательной среды» (ЭБОС), методика Г.С. Кожухаря, В.В. Коврова «Качество межличностных отношений в образовательной среде» (КЛМО), тест Е.А. Рыльской «Жизнеспособность человека» (ТЖС), тест Г.В. Резапкиной «Тест витальности», методы статистического анализа и описательной статистики.

Актуальность статьи не вызывает сомнения, поскольку в современном социуме происходят различные процессы трансформации и социальных изменений, которые неизбежно влекут за собой множество рисков и угроз, что приводят к отрицательным и деструктивным последствиям как для общества, так и для личности. Одной из таких угроз выступает террористическая угроза. Прежде всего, она оказывает значительное влияние на состояние защищенности личности, психологическую безопасность и личное благополучие, а наиболее уязвимой социальной группой является молодежь, прежде всего, студенты различных образовательных организаций. Одной из главных вопросов в деятельности образовательной организации является обеспечение безопасности студентов. С этих позиций исследование связи психологической безопасности и переживания террористической угрозы у студентов различных регионов представляет научный интерес в сообществе ученых и, безусловно, практический интерес в профессиональном сообществе.

Научная новизна представленной работы заключается в проведении по авторской методике исследования, направленного на выявление особенностей «взаимосвязи между психологической безопасностью личности и переживанием террористической угрозы у студентов из разных регионов», а также в анализе полученных результатом и их подробном описании. В межрегиональном исследовании приняли участие 349 студентов, которые обучаются в колледжах Белгородской области, Москвы и других регионов (г. Уфа, г. Усмань) и представляют в данной статье три сравниваемые группы.

Статья написана языком научного стиля с применением в тексте исследования изложения различных позиций ученых к изучаемой проблеме и научной терминологии и дефиниций, характеризующих предмет исследования, а также наглядной демонстрацией, анализом и подробным описанием полученных результатов исследования.

Структура статьи, в целом выдержана с учетом основных требований, предъявляемых к написанию научных статей. В структуре данного исследования представлены такие элементы как введение, организация исследования, методы исследования, эмпирическая база и выборка исследования, результаты исследования, обсуждение результатов, выводы и библиография.

Содержание статьи отражает ее структуру. В частности, особую ценность представляет выявленные и отмеченные в представленной статье тенденции, характеризующие наиболее значимые взаимосвязи между общим уровнем переживания террористической угрозы и изучаемыми в рамках данной работы показателями (психологическая безопасность, эмоциональное благополучие, качество межличностных отношений, жизнеспособность, витальность) у студентов трех сравниваемых групп, что наглядно представлено на рисунке 1.

Библиография содержит 28 источников, включающих в себя отечественные и периодические и непериодические издания, а также зарубежные электронные ресурсы.

В статье приводится анализ исследований ученых по вопросам психологической безопасности молодежи, в том числе студентов образовательных организаций. В статье содержится апелляция к различным научным трудам и источникам, посвященных этой тематике, которая входит в круг научных интересов исследователей, занимающихся

указанной проблематикой.

В представленном исследовании содержатся краткие основные выводы, касающийся предметной области исследования. В частности, отмечается, что установлено наличие взаимосвязи между психологической безопасностью студентов и переживанием ими террористической угрозы, при этом основными показателями устойчивости обучающихся колледжей перед угрозой террористического акта, независимо от их региональной принадлежности, являются «механизм психологической безопасности, эмоциональная безопасность образовательной среды, витальность».

Материалы данного исследования рассчитаны на широкий круг читательской аудитории, они могут быть интересны и использованы учеными в научных целях, педагогическими работниками в образовательном процессе, руководством и администрацией различных образовательных организаций, специалистами по работе со студентами, кураторами, специалистами по воспитательной работе, специалистами по работе с молодежью, социологами, психологами, консультантами, аналитиками и экспертами.

В качестве недостатков данной работы следует отметить, то, что при описании выборки исследования можно было бы уточнить на базе каких именно образовательных организаций (колледжей) было проведено межрегиональное исследование, то есть указать их названия. В тексте статьи в выводах есть предложение с формулировкой «Системообразующими показателями, обеспечивающими устойчивость личности перед угрозой тракта…», представляется, что в слове «тракта», пропущена буква «е» и имеется ввиду слово «тракта». При оформлении таблиц и рисунка необходимо обратить внимание на требования действующего ГОСТа, оформить их в соответствии с этими требованиями. Целесообразно было бы сформулировать обобщающее заключение, которое должно создать впечатление логической завершенности и законченности исследования, а не ограничиваться только выводами по проведенной научно-исследовательской работе. Указанные недостатки не снижают научную и практическую значимость самого исследования по заявленной актуальной теме, они, в большей степени, относятся к особенностям изложения, оформления и редактирования текста статьи. С учетом незначительности указанных замечаний и, конечно же, после их устранения, несомненно, рукопись рекомендуется опубликовать.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться здесь.

К рассмотрению в статье предлагается очень интересная проблема, связанная с представлением межрегионального аспекта связи психологической безопасности и переживания террористической угрозы у студентов. Фактически рассматривается реагирование молодежи в условиях восприятия террористической угрозы.

Методология исследования раскрыта и научно обоснована.

Актуальность исследования соотносится с пониманием психологической безопасности как ресурса личности, обеспечивающего способность противостоять негативным стрессогенным воздействиям, сохранять целостность и пр. В рамках статьи конкретно раскрываются взаимосвязи между психологической безопасностью и переживанием террористической угрозы у студентов из разных регионов. Даются как общие, так и различительные характеристики данной взаимосвязи. Например, в качестве обобщенных для студентов, вне зависимости от региона проживания, показаны взаимосвязи с компонентом психологической безопасности личности — конструктивными стратегиями совладания со стрессом. В качестве специфических - показана связь с отдельными

компонентами, в частности, - компонентами витальности — целеустремленностью (для студентов белгородского и других регионов) и стрессоустойчивостью (для студентов московского региона); компонентами эмоциональной безопасности образовательной среды — домашним (для студентов белгородского региона), экзаменационным (для студентов других регионов) и благополучием творческо-креативной среды (для студентов московского региона). Также показано, что способности адаптации, снижают воздействие потенциальной угрозы только в группах из белгородского и московского регионов. В качестве обоснования, определено наличие более высокого риска террористической опасности на этих территориях, связанных с ней изменениями в жизнедеятельности.

Научная новизна в статье четко не выделена, но по содержанию можно понять, что исследование соотносится с представлением взаимосвязей между психологической безопасностью личности и интенсивностью переживания террористической угрозы у студентов, что определяет возможность выстраивания качественного воздействия, возможности коррекции возможных личностных нарушений и нарушений эмоциональной сферы.

Результаты исследования могут служить основой для разработки программ психологической профилактики и поддержки студентов с учетом их индивидуально-психологических характеристик, а также особенностей социальной, информационной, культурной и духовно-нравственной среды конкретного региона.

Стиль изложения - научный. Структура статьи в полном объеме - выдержана. Содержание представляет собой сочетание результатов теоретического анализа литературы по проблеме исследования и проведенного обширного эмпирического исследования, результаты которого очень корректно описаны.

Библиография представлена достаточно обширным списком, представляющим современную и разноплановые источники.

Выводы по работе построены как обобщение представленных данных, без соотнесения с данными, имеющимися в современных исследованиях аспектов рассматриваемой проблемы, что немного снижает достоинство данной статьи.

Апелляция к оппонентам в целом отсутствует. Представляет интерес для читательской аудитории с точки зрения рассмотрения именно регионального аспекта отреагирования студентов.

Англоязычные метаданные

Working with dreams as a factor in reducing anxiety levels

Bogachev Aleksei Mikhailovich

Researcher at the Center for the Prevention of Extremism in Education and Youth Environment, A. I. Herzen Russian State Pedagogical University; Senior Lecturer of the Department of Practical Psychology, Mariupol State Humanitarian University named after A.I. Kuindzhi

197198, Russia, Saint Petersburg, Bolshaya Pushkarskaya str., 6, sq. 20

amb1976@mail.ru

Butenko Tat'yana Aleksandrovna

Senior Lecturer; Department of Tourism; Priazovsky State Technical University

13 Chernomorskaya St., Mariupol, Donetsk People's Republic, 354002, Russia

tat.nazare@mail.ru

Korshikova Mariya Alekseevna

Postgraduate student; Department of Age and Educational Psychology; Tambov State University named after G.R. Derzhavin

33 Internatsionalnaya str., Tambov, 392036, Russia

korshikovama@gmail.com

Abstract. The subject of the study is the dreams as manifestations of the psychological activity of the individual in the context of psychological psychotherapy. The object of the study is the participants—individuals—who, with the help of a psychologist, work with the material of their dreams to reduce their anxiety levels. The hypothesis of the study is that working with dream material within the framework of an author's synthetic concept of dreams is effective, which is manifested in the reduction of both situational and personal anxiety of the individual whose dreams are being worked with. The relevance of the study is determined, on one hand, by the growing interest in the subject of dreams from both scientific and practical psychological-psychotherapeutic perspectives and, on the other hand, by the lack of data confirmed through mathematical analysis regarding the effectiveness of working with dream material. The research utilized, among other methods, the case study method, the testing method (the Spielberg-Hanin anxiety test), and the self-observation method (introspection). The results of the study allow for statistically significant conclusions about the psychological-psychotherapeutic effectiveness of working with dream material using the algorithm proposed within the framework of the author's synthetic concept of dreams. Meanwhile, using mathematical statistical methods, the data previously presented in the works of authors such as V.V. Kozlov, V.V. Maikov, S.A. Parfentiev, and others are confirmed, yet had not been substantiated from the standpoint of academic science before. The novelty of the presented research lies in such substantiation, which may pique the interest of both theoretical scientists and practitioners in the field of psychology. As evidenced by the data obtained by the researchers, differences on the "Situational Anxiety" scale are significant at the Wilcoxon test level of significance p.

Keywords: Psychotherapy, Integrity, Anxiety, Experiment, Interpretation, Analysis, Development, Symbol, Personality, Dream

References (transliterated)

1. Gottesmann, C. The dreaming sleep stage: a new neurobiological model of schizophrenia? // Neuroscience. – 2006. – V. 140. – P. 1105-1115.
2. Manoach, D. S., Stickgold, R. Does abnormal sleep impair memory consolidation in schizophrenia? // Front. Hum. Neurosci. – 2009. – V. – P. 21.
3. Assadzhioli R. A. Psikhosintez. Printsipy i tekhniki / Per. s angl. E. Pero. – M.: Izd-vo EKSMO-Press, 2002. – 416 s.
4. Bogachev, A. M., Mezheritskaya, A. M. Mir snovidenii i simvoly // Nauchnoe mnenie. – 2019. – № 1-2. – S. 29-34. – DOI 10.25807/PBH.22224378.2019.1-2.29.34. – EDN RCGCNS.
5. Bogachev, A. M. O nekotorykh aspektakh prakticheskoi raboty so snovideniyami // Psikhologiya i psikhotekhnika. – 2020. – № 1. – S. 54-67. – DOI 10.7256/2454-0722.2020.1.32332. – EDN FXNAMX.
6. Bogachev, A. M. Psikhologiya snovidenii: obosnovanie i razvitie sinteticheskogo podkhoda // Psikhologiya i psikhotekhnika. – 2024. – № 3. – S. 49-72. – DOI 10.7256/2454-0722.2024.3.71244. – EDN FOSVFE.
7. Bogachev, A. M. Put' k Drugomu. O nekotorykh zakonomernostyakh prakticheskoi psikhologii : monografiya / A. M. Bogachev. – 2-e izdanie, ispravlennoe i dopolnennoe. – Sankt-Peterburg : Asterion, 2019. – 221 s. – ISBN 978-5-00045-655-2. – EDN YSEHCP.
8. Bogachev, A. M. Sinteticheskaya kontseptsiya raboty so snovideniyami: aprobatsiya v oblasti psikhologicheskoi psikhoterapii i razvitiya lichnosti // Psikhologiya i psikhotekhnika. – 2024. – № 1. – S. 1-23. – DOI 10.7256/2454-0722.2024.1.43920. – EDN WMFRTA.
9. Bogachev, A. M. Fil'my uzhasov i nochnye koshmary: nekotorye aspekty psikhologicheskogo analiza yavlenii // Psikhologiya i psikhotekhnika. – 2019. – № 4. – S. 39-49. – DOI 10.7256/2454-0722.2019.4.31301. – EDN RSVLUQ.
10. Garfild, P. Tvorcheskoe snovidenie. – SPb., 1996. – S. 286-339.
11. Garfild, P. Upravlenie snovideniyami. – M., 1994. – S. 98-122.
12. Ginger, S. Geshtal't: iskusstvo. Novyi optimisticheskii podkhod k chelovecheskim otnosheniyam. – M.: PER SE, 2002. – 320 s.
13. Ginger, S., Ginger, A. Geshtal't-terapiya kontakta. 2-e izd. – SPb.: Izd-vo SpetsLit, 2001. – 470 s.
14. Zavershneva, E. Yu. Issledovaniya snovidenii v sovremennoi kognitivnoi psikhologii: metody, metodiki i rezul'taty eksperimentov // Voprosy psikhologii. – 2020. – № 4. – S. 125-141. – EDN SYAADS.
15. Kozlov, V. V. Psikhotekhnologii izmenennykh sostoyanii soznaniya. Lichnostnyi rost. Metody i tekhniki. – M.: Izd-vo In-ta Psikhoterapii, 2001. – 442 s.
16. Lengle, A. Ekzistentsial'nyi analiz – naiti soglasie s zhizn'yu. – Fundamenta Psychiatrica, 1999. – V. 12. – S. 139-146.
17. Maslou, A. Dal'nie predely chelovecheskoi psikhiki. – SPb.: Evraziya, 1997. – 360 s.
18. Menegetti, A. Mir obrazov: Per. s ital. Izd. 3-e. – M.: NNBF "Ontopsikhologiya", 2002. – 224 s.
19. Maikov, V. V., Kozlov, V. V. Transpersonal'nyi proekt: psikhologiya, antropologiya, dukhovnye traditsii. Tom I. Mirovoi transpersonal'nyi proekt. – M., 2007. – 350 s. – EDN ZBYYEL.

20. Mindell, A., Mindell, E. Vskach', zadom napered: protsessual'naya rabota v teorii i praktike. – M.: TLI, 1998. – 387 s.
21. Mindell, A. Rabota so snovidyashchim telom // Moskovskii psikhoterapevticheskii zhurnal. – 1993. – № 1,2. – S. 10-16.
22. Moreno, Ya. Psikhodrama. – Moskva, 2008. – 492 s.
23. Parfent'ev, S. A. Analiz snovidenii kak metod psikhodiagnostiki i psikhokorrektsii lichnosti v sotsial'noi psikhologii // Vestnik universiteta (Gosudarstvennyi universitet upravleniya). Seriya: Sotsiologiya i upravlenie personalom. – M., 2006. – № 5 /21/. – S. 93-97.
24. Parfent'ev, S. A. Analiz snovideniya v sovremennoi psikhoterapii: podkhody, rasprostranennost' ispol'zovaniya // Vestnik Integrativnoi Psikhologii. Vyp. 1. – M. – Yaroslavl', 2003. – S. 38-41.
25. Parfent'ev, S. A. Analiz snovidenii kak metod psikhodiagnostiki i psikhokorrektsii lichnosti v sotsial'noi psikhologii : spetsial'nost' 19.00.05 "Sotsial'naya psikhologiya" : dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata psikhologicheskikh nauk / Parfent'ev Sergei Aleksandrovich. – Yaroslavl', 2006. – 243 s. – EDN NOCOBP.
26. Parfent'ev, S. A. Dinamika poiskovoi aktivnosti i lichnoi sily kak sotsial'no-psikhologicheskikh kharakteristik lichnosti v snovideniyakh // Vestnik Integrativnoi Psikhologii. – M. –Yaroslavl', 2006. – Vyp. 4. – S. 136-138.
27. Perlz, F. Praktika geshtal't-terapii. – M.: Institut obshchegumanitarnykh issledovanii, 2001. – 268 s.
28. Ross, Sh. Razmyshleniya o "Tolkovanii snovidenii" Freida // Zhurnal prakticheskoi psikhologii i psikhoanaliza. – 2001. – № 3. – S. 18-28.
29. Slezin, V. B., Muzalevskaya, N. I., Uritskii, V. M., Rybina, I. Ya. Izmeneniya funktsional'nogo sostoyaniya golovnogo mozga pri khristianskoi molitve // Nezavisimyi psikhiatricheskii zhurnal. – 1999. – T. 4. – S. 30.
30. Freid, Z. Tolkovanie snovidenii. – Mn.: OOO "Popurri", 1998. – 576 s.
31. Khillman, D. Terapiya, sny, voobrazhenie // Khrestomatiya po glubinnoi psikhologii. – M., 1996. – S. 6-33.
32. Kholl, D. Yungianskoe tolkovanie snovidenii. – SPb.: B.S.K., 1997. – 214 s.
33. Yung, K. G. Alkhimiya snov. – SPb.: Izd-vo "Timothy", 1997. – 352 s.
34. Yung, K. G. Praktika psikhoterapii: Per. s nem. – M.: OOO "Firma "Izdatel'stvo ACT", SPb.: "Universitetskaya kniga", 1998. – 416 s.
35. Yung, Karl Gustav. Struktura i dinamika psikhicheskogo / Karl Gustav Yung ; per. s angl. [V. V. Zelenskogo, K. M. Butyrina, D. A. Uzlanera]. – Moskva : Kogito-Tsentr, 2008. – 478 s.

Anticipation and depression: research overview

Borovikov Andrei Vladislavovich

Independent researcher, Faculty of Psychology, Saint Petersburg State University

199034, Russia, Saint Petersburg, emb. Makarova street, 6

alohaman1999@gmail.com

Abstract. Anticipation encompasses many spheres of mental activity and participates in a number of important adaptive processes. In recent years, a significant amount of research has

been conducted on the study of anticipation as a factor influencing the onset of depression. There is still a lack of studies that summarize and systematize data on anticipation in the context of depression. This is due to the fact that anticipation is a relatively broad concept, and researchers use various definitions to describe different aspects of anticipation. The aim of this work is to investigate the disparate studies dedicated to anticipation in the context of depression. The subject of the research is anticipation as one of the key factors influencing the development of depression. To achieve this aim, a review was conducted. The literature search was performed using the following keywords: «anticipation», «perspective», «expectation», «foresight», «forecasting», «prediction», «future thinking», «future-directed thinking», «predictive processing», and» judgment about the future» in combination with the terms «dysphoria», «depression», and «depressive disorder». The work examines theoretical models of depression that highlight the role of anticipation in its etiopathogenesis. The results of the research indicate that depression is characterized by a specific profile of future forecasting and a conviction in the inevitability of negative outcomes. The accuracy of forecasts and the stability of negative expectations are discussed. The deficit of specificity in episodic thinking is described, based on mechanisms of impaired memory. It is shown that individuals with depression experience distortions in goal-setting processes and impairments in the forecasting of emotions and pleasure. Anticipation, viewed as a trait, is also related to depression. Interventions aimed at developing anticipation and capable of reducing depressive symptoms are presented. Conclusions are formulated regarding the interrelationship between depression and anticipation, and directions for future research in this area are highlighted.

Keywords: predictive processing, dispositional expectations, episodic thinking, thinking about future, forecasting, positive expectations, negative expectations, expectations, depression, anticipation

References (transliterated)

1. Lomov B. F. Psikhicheskaya regulyatsiya deyatel'nosti: Izbrannye trudy. – M.: Izd-vo «Institut psikhologii RAN», 2006. 624 s. (Vydayushchiesya uchenye Instituta psikhologii RAN)
2. Mendelevich V. D. Antitsipatsionnye mekhanizmy nevrozogeneza. – M.: ID «Gorodets», 2018. 448 s.
3. Nichiporenko N. P., Mendelevich V. D. Fenomen antitsipatsionnykh sposobnostei kak predmet psikhologicheskogo issledovaniya //Psikhologicheskii zhurnal. 2006. T. 27. № 5. S. 50-59.
4. Regush L. A. Psikhologiya prognozirovaniya: uspekhi v poznanii budushchego. Sankt-Peterburg: SPb.: Izd-vo Rech', 2003. 352 s.
5. Sergienko E. A. Antitsipatsiya: fenomen i printsip psikhicheskoi organizatsii //Razrabotka ponyatii sovremennoi psikhologii. – 2021. – S. 85-134.
6. Ellis L. Kognitivnyi element depressii, kotorym nespravedlivo prenebregayut // Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya. 1994. Tom 3. № 1.
7. Abramson L. Y., Seligman M. E., Teasdale J. D. Learned helplessness in humans: critique and reformulation // Journal of abnormal psychology. 1978. Vol. 87. № 1. P. 49-74.
8. Abramson L. Y., Metalsky G. I., Alloy L. B. Hopelessness depression: A theory-based subtype of depression //Psychological review. 1989. Vol. 96. № 2. P. 358-372.
9. Addis D. R., Hach S., Tippett L. J. Do strategic processes contribute to the specificity of future simulation in depression? // British Journal of Clinical Psychology. 2016. Vol.

55. № 2. P. 167-186.

10. Alloy L. B., Abramson L. Y. Judgment of contingency in depressed and nondepressed students: Sadder but wiser? // Journal of experimental psychology: General. 1979. Vol. 108. № 4. P. 441-485.
11. Alloy L. B., Abramson L. Y. Depressive realism: Four theoretical perspectives. – 1988.
12. Alloy L. B. et al. The hopelessness theory of depression: Attributional aspects //British Journal of Clinical Psychology. 1988. Vol. 27. № 1. P. 5-21.
13. Andersen S. M., Lyon J. E. Anticipating undesired outcomes: The role of outcome certainty in the onset of depressive affect //Journal of Experimental Social Psychology. 1987. Vol. 23. № 5. P. 428-443.
14. Andersen S. M. The inevitability of future suffering: The role of depressive predictive certainty in depression // Social cognition. 1990. Vol. 8. № 2. P. 203-228.
15. Andersen S. M., Spielman L. A., Bargh J. A. Future-event schemas and certainty about the future: automaticity in depressives' future-event predictions //Journal of personality and social psychology. 1992. Vol. 63. № 5. P. 711-23.
16. Andersen S. M., Limpert C. Future-event schemas: Automaticity and rumination in major depression //Cognitive Therapy and Research. 2001. Vol. 25. P. 311-333.
17. Atance C. M., O'Neill D. K. The emergence of episodic future thinking in humans //Learning and motivation. 2005. Vol. 36. № 2. P. 126-144.
18. Bandura A.A. Self-efficacy: Toward a unifying theory of behavior change // Psychological Review. 1977. Vol. 84. P. 191-215.
19. Barrett L. F., Quigley K. S., Hamilton P. An active inference theory of allostasis and interoception in depression // Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences. 2016. Vol. 371. № 1708. P. 20160011.
20. Beck A. T. Cognitive therapy and the emotional disorders. – Penguin, 1979.
21. Beck A. T. et al. Specificity of hopelessness about resolving life problems: Another test of the cognitive model of depression // Cognitive Therapy and Research. 2006. Vol. 30. P. 773-781.
22. Belcher J., Kangas M. Reduced goal specificity is associated with reduced memory specificity in depressed adults // Cognition & emotion. 2014. Vol. 28. № 1. – P. 163-171.
23. Benoit R. G., Schacter D. L. Specifying the core network supporting episodic simulation and episodic memory by activation likelihood estimation // Neuropsychologia. 2015. Vol. 75. P. 450-457.
24. Carver C. S., Scheier M. F., Segerstrom S. C. Optimism // Clinical psychology review. 2010. Vol. 30. № 7. P. 879-889.
25. Carver C. S., Scheier M. F. Dispositional optimism // Trends in cognitive sciences. 2014. Vol. 18. № 6. P. 293-299.
26. Clark J. E., Watson S., Friston K. J. What is mood? A computational perspective // Psychological medicine. 2018. Vol. 48. № 14. P. 2277-2284.
27. Dickson J. M., Moberly N. J., Kinderman P. Depressed people are not less motivated by personal goals but are more pessimistic about attaining them // Journal of abnormal psychology. 2011. Vol. 120. № 4. P. 975-80.
28. Dickson J. M., Moberly N. J. Reduced specificity of personal goals and explanations for goal attainment in major depression // PloS one. 2013. Vol. 8. № 5. – P. e64512.
29. Dickson J. M. et al. Goal fluency, pessimism and disengagement in depression // PloS one. 2016. Vol. 11. № 11. P. e0166259.

30. Gamble B. et al. Specificity of future thinking in depression: A meta-analysis // Perspectives on Psychological Science. 2019. Vol. 14. № 5. P. 816-834.

31. Giltay E. J., Zitman F. G., Kromhout D. Dispositional optimism and the risk of depressive symptoms during 15 years of follow-up: the Zutphen Elderly Study // Journal of affective disorders. 2006. Vol. 91. № 1. P. 45-52.

32. Hallford D. J. et al. Psychopathology and episodic future thinking: A systematic review and meta-analysis of specificity and episodic detail // Behaviour research and therapy. 2018. Vol. 102. P. 42-51.

33. Hallford D. J., Sharma M. K. Anticipatory pleasure for future experiences in schizophrenia spectrum disorders and major depression: A systematic review and meta‐analysis //British Journal of Clinical Psychology. 2019. Vol. 58. № 4. P. 357-383.

34. Hallford D. J. et al. Changing the future: An initial test of future specificity training (FeST) // Behaviour Research and Therapy. 2020. Vol. 131. P. 103638.

35. Hallford D. J. et al. Reducing anhedonia in major depressive disorder with future event specificity training (FEST): a randomized controlled trial // Cognitive Therapy and Research. 2023. Vol. 47. № 1. P. 20-37.

36. Hoerger M. et al. Affective forecasting and self-rated symptoms of depression, anxiety, and hypomania: Evidence for a dysphoric forecasting bias // Cognition & emotion. 2012. Vol. 26. № 6. P. 1098-1106.

37. Jacobson J. A., Weary G., Edwards J. A. Certainty-related beliefs and depressive symptomatology: Concurrent and longitudinal relationships // Social Cognition. 1999. Vol. 17. № 1. P. 19-45.

38. Kronstrom K. et al. Optimism and pessimism as predictors of work disability with a diagnosis of depression: a prospective cohort study of onset and recovery // Journal of affective disorders. 2011. Vol. 130. № 1-2. P. 294-299.

39. Kube T., Rief W., Glombiewski J. A. On the maintenance of expectations in major depression–investigating a neglected phenomenon // Frontiers in Psychology. 2017. Vol. 8. P. 9.

40. Kube T., Glombiewski J. A., Rief W. Situational expectations mediate the effect of global beliefs on depressive symptoms: a 1-year prospective study using a student sample // Current Opinion in Psychiatry. 2018. Vol. 31. № 5. P. 409-416.

41. Kube T. et al. Integrating situation-specific dysfunctional expectations and dispositional optimism into the cognitive model of depression – A path-analytic approach // Journal of Affective Disorders. 2018. Vol. 229. P. 199-205.

42. Kube T. et al. Distorted cognitive processes in major depression: A predictive processing perspective // Biological psychiatry. 2020. Vol. 87. № 5. P. 388-398.

43. Laferton J. A. C. et al. Patients' expectations regarding medical treatment: a critical review of concepts and their assessment // Frontiers in psychology. 2017. Vol. 8. P. 233.

44. Leahy R. L. Depression and resistance: An investment model of decision-making // Behaviour Therapist. 1997. Vol. 20. P. 3-5.

45. Leahy R. L. An investment model of depressive resistance // Journal of cognitive psychotherapy. 1997. Vol. 11. № 1. P. 3-19.

46. Liu X. et al. Abnormalities of autobiographical memory of patients with depressive disorders: A meta‐analysis // Psychology and Psychotherapy: Theory, Research and Practice. 2013. Vol. 86. № 4. P. 353-373.

47. Luszczynska A., Scholz U., Schwarzer R. The general self-efficacy scale: multicultural

validation studies // The Journal of psychology. 2005. Vol. 139. № 5. P. 439-457.
48. MacLeod A. K., Byrne A. Anxiety, depression, and the anticipation of future positive and negative experiences // Journal of abnormal psychology. 1996. – Vol. 105. № 2. P. 286-289.
49. MacLeod A. K. et al. Retrospective and prospective cognitions in anxiety and depression // Cognition & Emotion. 1997. Vol. 11. № 4. P. 467-479.
50. MacLeod A. K., Salaminiou E. Reduced positive future-thinking in depression: Cognitive and affective factors // Cognition & Emotion. 2001. Vol. 15. № 1. P. 99-107.
51. Maddux J. E., Meier L. J. Self-efficacy and depression // Self-efficacy, adaptation, and adjustment: Theory, research, and application. – Boston, MA : Springer US, 1995. P. 143-169.
52. Maier S. F., Seligman M. E. Learned helplessness: theory and evidence // Journal of experimental psychology: general. 1976. Vol. 105. № 1. P. 3-46.
53. Marroquin B., Nolen-Hoeksema S. Event prediction and affective forecasting in depressive cognition: Using emotion as information about the future // Journal of Social and Clinical Psychology. 2015. Vol. 34. № 2. P. 117-134.
54. Mathersul D. C., Ruscio A. M. Forecasting the future, remembering the past: Misrepresentations of daily emotional experience in generalized anxiety disorder and major depressive disorder // Cognitive Therapy and Research. 2020. Vol. 44. № 1. P. 73-88.
55. Mathews A., Mackintosh B., Fulcher E. P. Cognitive biases in anxiety and attention to threat // Trends in cognitive sciences. 1997. Vol. 1. № 9. P. 340-345.
56. McFarland C. P. et al. Enhancing memory and imagination improves problem solving among individuals with depression // Memory & cognition. 2017. – Vol. 45. P. 932-939.
57. Milanovic M. et al. Self efficacy in depression: bridging the gap between competence and real world functioning // The Journal of nervous and mental disease. 2018 Vol. 206. № 5. P. 350-355.
58. Miloyan B., Pachana N. A., Suddendorf T. The future is here: A review of foresight systems in anxiety and depression // Cognition & emotion. 2014. Vol. 28. – № 5. P. 795-810.
59. Miranda R., Mennin D. S. Depression, generalized anxiety disorder, and certainty in pessimistic predictions about the future // Cognitive therapy and research. 2007. Vol. 31. P. 71-82.
60. Miranda R., Fontes M., Marroquin B. Cognitive content-specificity in future expectancies: Role of hopelessness and intolerance of uncertainty in depression and GAD symptoms // Behaviour research and therapy. 2008. Vol. 46. № 10. P. 1151-1159.
61. Moore M. T., Fresco D. M. Depressive realism: A meta-analytic review // Clinical psychology review. 2012. Vol. 32. № 6. S. 496-509.
62. Nes L. S., Segerstrom S. C. Dispositional optimism and coping: A meta-analytic review // Personality and social psychology review. 2006. Vol. 10. № 3. P. 235-251.
63. Parlar M. et al. Parental bonding and neuropsychological performance are associated with episodic simulation of future events in trauma**l**exposed patients with major depressive disorder // Brain and Behavior. 2016. Vol. 6. № 7. P. e00474.
64. Rehm L. P. A self-control model of depression // Behavior therapy. 1977. Vol. 8. № 5. P. 787-804.
65. Renner F. et al. Effects of engaging in repeated mental imagery of future positive events on behavioural activation in individuals with major depressive disorder //Cognitive Therapy and Research. 2017. Vol. 41. P. 369-380.

66. Rief W., Joormann J. Revisiting the cognitive model of depression: The role of expectations // Clinical Psychology in Europe. 2019. Vol. 1. № 1. P. 1-19.

67. Roepke A. M., Seligman M. E. P. Depression and prospection // British Journal of Clinical Psychology. 2016. Vol. 55. № 1. P. 23-48.

68. Schacter D. L., Addis D. R. The cognitive neuroscience of constructive memory: remembering the past and imagining the future // Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences. 2007. Vol. 362. № 1481. P. 773-786.

69. Schacter D. L., Benoit R. G., Szpunar K. K. Episodic future thinking: Mechanisms and functions // Current opinion in behavioral sciences. 2017. Vol. 17. P. 41-50.

70. Scheier M. F., Carver C. S. Dispositional optimism and physical health: A long look back, a quick look forward // American Psychologist. 2018. Vol. 73. № 9. P. 1082-1094.

71. Seligman M. E. P., Maier S. F., Solomon R. L. Unpredictable and uncontrollable aversive events // Aversive conditioning and learning. 1971. P. 347-400.

72. Sherdell L., Waugh C. E., Gotlib I. H. Anticipatory pleasure predicts motivation for reward in major depression // Journal of abnormal psychology. 2012. Vol. 121. № 1. P. 51-60.

73. Strunk D. R., Lopez H., DeRubeis R. J. Depressive symptoms are associated with unrealistic negative predictions of future life events // Behaviour research and therapy. 2006. Vol. 44. № 6. P. 861-882.

74. Szpunar K. K., Spreng R. N., Schacter D. L. A taxonomy of prospection: Introducing an organizational framework for future-oriented cognition // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2014. Vol. 111. № 52. P. 18414-18421.

75. Van Vreeswijk M. F., De Wilde E. J. Autobiographical memory specificity, psychopathology, depressed mood and the use of the Autobiographical Memory Test: A meta-analysis // Behaviour research and therapy. 2004. Vol. 42. № 6. P. 731-743.

76. Vickers K. S., Vogeltanz N. D. Dispositional optimism as a predictor of depressive symptoms over time // Personality and Individual Differences. 2000. Vol. 28. № 2. P. 259-272.

77. Vilhauer J. S. et al. Treating major depression by creating positive expectations for the future: A pilot study for the effectiveness of future‐directed therapy (FDT) on symptom severity and quality of life // CNS neuroscience & therapeutics. 2012. Vol. 18. № 2. P. 102-109.

78. Watkins E. Dysregulation in level of goal and action identification across psychological disorders // Clinical psychology review. 2011. Vol. 31. № 2. P. 260-278.

79. Watkins E. R., Moberly N. J., Moulds M. L. When the ends outweigh the means: Mood and level of identification in depression // Cognition & Emotion. 2011. Vol. 25. № 7. P. 1214-1227.

80. Wenze S. J., Gunthert K. C., German R. E. Biases in affective forecasting and recall in individuals with depression and anxiety symptoms // Personality and Social Psychology Bulletin. 2012. Vol. 38. № 7. P. 895-906.

81. Williams J. M. G. Capture and rumination, f unctional a voidance, and ex ecutive control (CaRFAX): Three processes that underlie overgeneral memory // Cognition and emotion. 2006. Vol. 20. № 3-4. P. 548-568.

82. Williams J. M. G. et al. Autobiographical memory specificity and emotional disorder // Psychological bulletin. 2007. Vol. 133. № 1. P. 122-48.

83. Wilson T. D., Gilbert D. T. Affective forecasting // Advances in experimental social psychology. 2003. Vol. 35. № 35. P. 345-411.

84. Wilson T. D., Gilbert D. T. Affective forecasting: Knowing what to want // Current directions in psychological science. 2005. Vol. 14. № 3. P. 131-134.

Aggression as a Psychological Phenomenon and Its Theoretical Foundations

Shilova Viktoriia Artemovna

Clinical psychologist; Faculty of Psychology; St. Petersburg State University
Specialist in organizing and conducting youth events; Educational and Methodological Center; St. Petersburg City Center for Social Programs and Prevention of Antisocial Phenomena among Youth "KONTAKT"

197349, Russia, St. Petersburg, Primorsky district, Komendantsky ave., 9 letter A

yermilova.v@gmail.com

Abstract. Aggression is a complex and multifaceted psychological phenomenon that impacts interpersonal relationships and social stability. Despite extensive theoretical research, varying interpretations of its nature, forms, and motivations challenge practical psychological interventions addressing aggressive behaviors. This research focuses on aggression as a psychological phenomenon and the theoretical frameworks used to understand it, alongside related concepts such as "aggressive behavior," "aggressiveness," and "hostility." The primary aim was to systematize and critically analyze key theoretical approaches to aggression, identifying core psychological mechanisms and motivational factors underlying human aggressive tendencies. Additionally, the research sought to propose an integrative definition of aggression suitable for guiding empirical investigations and practical prevention and intervention strategies. Aggression was posited to differ significantly from related constructs and to be conceptualized as a multi-level structure encompassing functional and motivational components. The study employed a theoretical and methodological analysis of scientific publications to identify the key components of aggression, define its terminological scope, and systematize approaches to its understanding. Initially, publications were selected through a straightforward keyword search using terms such as “aggression” and “aggressive behavior,” after which the selected articles underwent direct content analysis. The authors analyzed both classical and contemporary concepts of aggression, identified the diversity of its forms, and formulated clear distinctions among the terms “aggression,” “aggressiveness,” “aggressive behavior,” as well as “anger” and “hostility.” A classification of approaches to understanding the mechanisms of aggression was also proposed, integrating not only psychological and biological concepts but also incorporating the application of ecological perspectives to this phenomenon. Furthermore, the article presented an integrative definition of aggression as a psychological phenomenon that takes into account its biological, psychological, and social determinants. The developed classification broadens the conceptual framework for understanding the phenomenon, while the formulated definition opens avenues for in-depth empirical research, the development of diagnostic tools, and the creation of prevention and intervention programs targeting aggressive behavior within contemporary sociocultural contexts.

Keywords: aggressiveness, aggression as a psychological phenomenon, theoretical review, classification, definition of aggression, the nature of aggression, aggression study approaches, psychological mechanisms of aggression, aggressive behavior, aggression

References (transliterated)

1. Agressiya i psikhicheskoe zdorov'e: kollektivnaya monografiya; pod red. Akademika

RAMN T.B. Dmitrievoi i professora B.V. Shostakovicha. SPb.: Izdatel'stvo "Yuridicheskii tsentr Press", 2002. 464 s.

2. Banshchikova T.N. Agressiya kak ponyatiinyi konstrukt: ob''yasnitel'nye kharakteristiki i vidy // Kontsept. 2013. № 8 (24). S. 1-9.
3. Berkovits L. Agressiya: prichiny, posledstviya i kontrol': uchebnik. SPb.: Praim-EVROZNAK, 2001. 512 s.
4. Bol'shoi psikhologicheskii slovar': Pod red. B. Meshcheryakova, V. Zinchenko. SPb.: Praim-EVROZNAK; M.: OLMA-Press, 2003. 666 s.
5. Gudoll Dzh. Shimpanze v prirode: Povedenie / per. s angl. E.Z. Godinoi, V.V. Svechnikova; pod red. L.A. Firsova. M.: Mir, 1992. 670 s.
6. Enikolopov S.N. Ponyatie agressii v sovremennoi psikhologii // Prikladnaya psikhologiya. 2001. № 1. S. 60-72.
7. Il'in E.P. Psikhologiya agressivnogo povedeniya: kniga. SPb.: Piter, 2014. EDN: UYNEAN. 368 s.
8. Kleiberg Yu.A. Teoretiko-metodologicheskie obosnovaniya psikhologii deviantnogo povedeniya // Metodologiya sovremennoi psikhologii. 2020. № 11. S. 149-165. EDN: GEGHIX.
9. Komlev Yu.Yu. Teoriya stigmatizatsii: genezis, ob''yasnitel'nyi potentsial, znachenie // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2016. № 2(24). S. 6-14. EDN: VYUAXV.
10. Lorents K. Agressiya ili tak nazyvaemoe zlo / per. s nem. A. Fedorova. M.: Izdatel'stvo AST, 2018. 416 s.
11. Nevenchannyi S.V. Ponyatie agressivnogo povedeniya v sovremennoi psikhologii // Nauka i sovremennost'. 2011. № 10-1. S. 1-10.
12. Nlchadzhyan A.A. Agressivnost' cheloveka. SPb.: Piter, 2007. 736 s.
13. Padun I.I. Teorii deviantnogo povedeniya // Materialy VII Mezhdunarodnoi studencheskoi nauchnoi konferentsii "Studencheskii nauchnyi forum", 2015. 6 s.
14. Petrenko R.A. Mnogoaspektnost' ponyatii "Agressiya" i "Agressivnost'" // Gumanitarnye i sotsial'nye nauki. 2010. № 5. S. 94-100. EDN: RKWPUF.
15. Popova A.A. Osnovnye nauchnye podkhody k issledovaniyu fenomena agressii // Vestnik AGU. 2015. Vyp. 2 (158). S. 208-213.
16. Psikhologiya krizisnykh i ekstremal'nykh situatsii: uchebnik / pod red. N.S. Khrustalevoi. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2018. 748 s.
17. Pushkar' V.S., Maiorov I.S. Ekologiya: uchebnoe posobie. Vladivostok: Izd-vo VGUES, 2003. 188 s.
18. Rozanov V.A. Stress i psikhicheskoe zdorov'e (neirobiologicheskie aspekty) // Sotsial'naya i klinicheskaya psikhiatriya. 2013. № 1. S. 79-86. EDN: QADGOP.
19. Safuanov F.S. Psikhologiya kriminal'noi agressii: kniga. M.: Smysl, 2003. 300 s. EDN: UEDSPJ.
20. Safuanov F.S., Kalashnikova A.S., Tsar'kov A.E. Kliniko-psikhologicheskie faktory kriminal'noi agressii // Psikhologiya i pravo. 2017. № 4. S. 44-58. DOI: 10.17759/psylaw.2017070405. EDN: ZWJMYR.
21. Tikhodeev O.N. Osnovy psikhogenetiki: uchebnik dlya studentov uchrezhdenii vysshego professional'nogo obrazovaniya. M.: Izdatel'skii tsentr "Akademiya", 2011. 320 s.
22. Fromm E. Anatomiya chelovecheskoi destruktivnosti: kniga / per. s nem. E. Telyatnikova. M.: Izdatel'stvo AST, 2020. 736 s.
23. Shagako D.S., Kurochkina L.Ya. K voprosu o proiskhozhdenii chelovecheskoi

agressivnosti (biogeneticheskii podkhod) // Vestnik VGTU. 2009. № 9. s. 182-185.

24. Shamshikova O.A., Belashina T.V. Psikhometricheskii analiz oprosnika "Otsenka proyavlenii gneva" (STAXI-2) Ch.D. Spilbergera // MNKO. 2015. № 6(55). S. 269-273. EDN: VKIFIH.
25. Bethea C.L. et al. Anxious behavior and fenfluramine-induced prolactin secretion in young rhesus macaques with different alleles of the serotonin reuptake transporter polymorphism (5HTTLPR) // Behavior genetics. 2004. Vol. 34. P. 295-307. EDN: FMCULR.
26. Mendez M.F. The Neurobiology of Moral Behavior: Review and Neuropsychiatric Implications // NIH. CNS Spectr. 2009. November. 14(11). P. 608-620.

Psychological atmosphere in a Russian university as a basis for motivation to study

Fam Thi Kieu An'

Postgraduate student; Institute of Foreign Languages (IIA); P. Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

39 Yubileyny ave., Reutov, Moscow region, 143965, Russia

kyeuanhh@gmail.com

Karavanova Lyudmila ZHalalovna

Doctor of Psychology

Associate Professor; Institute of Foreign Languages (IIA); P. Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

125212, Russia, Moscow, Golovinsky district, Golovinskoe highway, 11, block 363

karavanova_lzh@pfur.ru

Abstract. Motivation for learning depends on both the student's personality traits and external factors, including the psychological atmosphere that is formed in study groups. This aspect has been studied rather poorly for foreign students. The purpose of the study is the impact of the psychological atmosphere on motivation for studying at a higher educational institution among Vietnamese students of different years of study. The psychological atmosphere of study groups where Vietnamese students study can be characterized as favorable, while foreign students to a greater extent highlight such components as cooperation, friendliness, agreement and satisfaction. Mutual support, passion, entertainment and success are expressed to a lesser extent. Strong correlations were found between intrinsic motivation and individual components of the psychological atmosphere in study groups, while no significant correlations were found for motivation to obtain a diploma. To a greater extent, such components of the psychological atmosphere as success, mutual support and cooperation affect intrinsic motivation. The study was conducted on a sample of 40 Vietnamese students who were examined using standard methods twice, in the 1st and 3rd years of study. The obtained results were subjected to correlation analysis and pairwise comparison using the Mann-Whitney coefficient. For the first time, the features of Vietnamese students' motivation to study at Russian universities in the 1st and 3rd years were considered in a comparative key. The prevalence of external motivation in the junior years and internal motivation in the senior years was revealed, which contradicts the previously obtained data on this social group. For the first time, a stable nature of the motivation "getting a diploma" was shown among Vietnamese students, which is explained by national and cultural characteristics, as well as the prestige of higher education in Vietnam. For the first time, an increase in motivation to

study was demonstrated among 3rd-year students compared to the first, which can be explained by the psychological atmosphere of the educational institution for which the study was conducted. Statistically significant differences in the structure of motivation among students from Vietnam in the 1st and 3rd years of study were shown. For the first time, the features of the psychological climate in groups where Vietnamese students study were demonstrated, and key characteristics of the psychological climate were identified that demonstrate strong correlations with motivation for learning.

Keywords: adaptation of first-year students, psychological climate, cultural and psychological characteristics, internal motivation, external motivation, foreign students, Vietnam, motivation to learn, psychological atmosphere, dynamics of motivation

References (transliterated)

1. Ibatova A. Z., Volkova E. A. Izuchenie mezhlichnostnykh otnoshenii v uchebnoi gruppe // Azimut nauchnykh issledovanii: pedagogika i psikhologiya. 2021. T. 10. № 3 (36). S. 121-124. DOI: 10.26140/anip-2021-1003-0029. EDN: MKXMCX
2. Kargina N. V., Polyanskaya E. N. Psikhologicheskie faktory, vliyayushchie na kachestvo poluchaemogo obrazovaniya i akademicheskie dostizheniya sovremennykh studentov // Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya. 2025. № 87-3. S. 119-121. EDN: ESCKUS
3. Kartavykh K. S., Larina G. N. Sotsial'no-psikhologicheskie faktory soprotivleniya optimizatsionnym izmeneniyam // Uchenye zapiski. Elektronnyi nauchnyi zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta. 2024. № 4 (72). S. 355-364. EDN: BFUMOE
4. Kodochigova A. A. Sotsial'no-psikhologicheskii klimat sotrudnikov organizatsii // Ekonomika i sotsium. 2024. № 2-1 (117). S. 1595-1598. EDN: YMKULY
5. Kuklin S. Ya., Kuklina L. V. Emotsional'no-psikhologicheskii klimat kak bazovyi komponent obrazovatel'noi ekosistemy vuza // Vysshee obrazovanie segodnya. 2023. № 5. S. 10-17. DOI: 10.18137/RNU.HET.23.05.P.010. EDN: ZRNLUS
6. Ladykina T. A. Moral'no-psikhologicheskii klimat kak faktor sotsial'noi adaptatsii studentov-yuristov k obrazovatel'noi srede vuza // Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk. 2024. № 4-3 (91). S. 203-209. DOI: 10.24412/2500-1000-2024-4-3-203-209. EDN: PSBDJQ
7. Logvinova I. K., Logvinova I. K. Sotsial'no-psikhologicheskii klimat kak prostranstvo garmonizatsii rabochei sredy // Estestvenno-gumanitarnye issledovaniya. 2024. № 4 (54). S. 419-425. EDN: GUCLSU
8. Muskhadzhieva T. A., Makhaeva G. M., Gitinova P. Sh. Sushchnost' i soderzhanie svyazi sotsial'no-psikhologicheskogo klimata s motivatsiei k uchebnoi deyatel'nosti u studentov // Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya. 2022. № 74-3. S. 213-216. EDN: AXWVNB
9. Puzikov D. V., Shnaider I. R. Psikhologo-pedagogicheskii analiz motivatsii i prokrastinatsii v professional'nom obrazovanii s ispol'zovaniem distantsionnykh tekhnologii // Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie. 2025. № 5. S. 317-323. EDN: OKFEFU
10. Rostovtseva M.V., Dulinets T.G., Trofimova V.V., Polomoshnova A.V., Desyatova I.S. Issledovanie strategii konfliktnogo povedeniya pedagogov i psikhologicheskoi atmosfery v pedagogicheskom kollektive // Konfliktologiya / nota bene. 2023. № 1. S. 94-102. DOI: 10.7256/2454-0617.2023.1.39341 EDN: KPJOFU URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39341

11. Starovoit N. V. Osobennosti psikhologicheskoi atmosfery v inklyuzivnykh gruppakh studentov vuza // Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Filologiya, pedagogika, psikhologiya. 2023. № 4. S. 104-118. DOI: 10.5922/pikbfu-2023-4-11. EDN: QVZRGX
12. Strachuk A. M. Blagopriyatnyi psikhologicheskii klimat kak sredstvo povysheniya produktivnosti obucheniya u studentov SPO // Vestnik nauki. 2024. T. 4. № 11 (80). S. 1018-1022. EDN: FLMTIQ
13. Surkova I. Yu., Egunova E. S. Sotsial'no-psikhologicheskii klimat v voinskom kollektive: spetsifika i faktory vliyaniya // Gumanitarnyi nauchnyi zhurnal. 2024. № 1-1. S. 60-65. EDN: WPVNWM
14. Tatarchuk E. R. Psikhologicheskaya podderzhka optimal'nogo klimata i atmosfery v zhenskikh vysokokvalifitsirovannykh komandakh po futbolu // Teoriya i praktika fizicheskoi kul'tury. 2023. № 10. S. 78-78. EDN: JAMABU
15. Sharova S. N., Smirnova N. B., Varaeva N. V. Problema optimizatsii sotsial'no-psikhologicheskogo klimata studencheskoi gruppy na zanyatiyakh angliiskim yazykom // Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya. 2025. № 86-3. S. 300-303. EDN: ELTVQS
16. Shkerdina A. A. Znachenie roli rukovoditelya v formirovanii blagopriyatnogo sotsial'no-psikhologicheskogo klimata kollektiva // Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya. 2018. № 60-3. S. 402-404. EDN: YMBQJN
17. Le Thanh Thao, Trut Thuy P. Navigating transitions: Vietnamese students' experiences and challenges in the first year of higher education // International Journal of Lifelong Education. 2024. Vol. 44, № 1. P. 38-56.
18. Li X., Rahman M. S., Yu L. Is University Support Effective? A Longitudinal Study of Cultural Adaptation of South Asian Students in Chinese Universities // Journal of Studies in International Education. 2023. Vol. 28, № 4. P. 643-662.
19. Li X., Yu Z. Teacher support, academic engagement and learning anxiety in online foreign language learning // British Journal of Educational Technology. 2024. Vol. 55. P. 2151-2172.
20. Mulyadi E., Permatasari D., Soares D., Syarifudin M., da Silva Pinto T., Sarmento J. Culture Shock: Challenges of International Students // International Journal of Health Engineering and Technology (IJHET). 2024. Vol. 3, № 1. P. 98-112.
21. Nguyen T. T. T., Hajek J. Motivation for learning Chinese in a study abroad context: Vietnamese students in Taiwan // Journal of Multilingual and Multicultural Development. 2021. Vol. 45, № 2. P. 444-458.
22. Nguyen-Viet B., Nguyen-Viet B. Gamification in Vietnamese education: Assessing psychological need satisfaction, intrinsic motivation, and learning effectiveness // Learning and Motivation. 2025. Vol. 89. P. 102101. DOI: 10.1016/j.lmot.2025.102101. EDN: LZPPGJ
23. Zhang Y., Zhang X., Meng Z. Effect of interactive immediacy on online learning satisfaction of international students in Chinese universities: The chain mediating role of learning interest and academic engagement // Acta Psychologica. 2024. Vol. 244. P. 104202. DOI: 10.1016/j.actpsy.2024.104202. EDN: UOTFNO

The concept of health psychology as the basis for the effectiveness of rehabilitation and habilitation of children with Autism Spectrum Disorders and other neuropsychological developmental disorders.

Antonenko Alexander Viktorovich

Director General, Scientific Secretary, Clinical psychologist, Pathopsychologist; SANAT Research Laboratory of Clinical Pathopsychology

353917, Krasnodar Territory, Novorossiysk, Krasnoznamenny lane, 2A, room II

info1@medicus-curat.ru

Kaloshin Alexander Viktorovich

Head of the Health Center of the SANAT Research Laboratory of Clinical Pathopsychology, Pediatrician and Clinical Pharmacologist

353917, Krasnodar Territory, Novorossiysk, Krasnoznamenny lane, 2A, room II

info@medicus-curat.ru

Zavialov Alexander Anatolyevich

Leading analyst of the Department of development and support of corporate and educational services of the digitalization directorate, Teacher, Special education teacher, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

6 Miklukho-Maklaya Street, Moscow, 117198

esc8787@mail.ru

Berezin Semen Igorevich

Chief physician, Laboratory of Clinical Pathopsychology «SANAT» Head of the Novorossiysk branch of the State Budgetary Healthcare Institution "Narcological Dispensary" of the Ministry of Health of the Krasnodar Territory, Psychiatrist

353917, Krasnodar Territory, Novorossiysk, Krasnoznamenny lane, 2A, room II

semeshka08@mail.ru

Orlov Mikhail Nikolaevich

PhD in Medicine

Associate Professor; Department of Propaedeutics of Dental Diseases; Stavropol State Medical University, Senior Researcher, Dentist; Laboratory of Clinical Pathopsychology 'SANAT'

310 Mira Street, Stavropol Territory, 355017

skydent250@rambler.ru

Orlov Semyon Mikhailovich

Laboratory assistant at the Department of Propaedeutics of Dental Diseases of Stavropol State Medical University, Dentist

310 Mira Street, Stavropol Territory, 355017

Semor2000@mail.ru

Abstract. The object of the research is the process of rehabilitation and habilitation of children with ASD. The subject of the research is the concept of health psychology as a condition for the successful rehabilitation and habilitation of children with ASD. The goal of the research is the experimental justification of the effectiveness of rehabilitation and habilitation of children with ASD and other neuropsychological developmental disorders, based on the principles and methods of the health psychology concept. The process of rehabilitation and habilitation and the health of children with ASD are considered from the perspective of the theory and practice of health psychology. Special attention is given to understanding the health of a child with ASD in the context of the main provisions of health psychology, which is defined as a systemic formation, as a balance of mental, physical, and social well-being of an

individual. ASD is considered as a specific systemic disorder of the mental development of children, which manifests itself in disruptions in social interaction, neurophysiological, and somatic functioning of the body. Research methods include neurophysiological methods, laboratory methods, psychological examination methods, individual nutrient calculation methods, rational nutrition methods, behavioral intervention methods, and quantitative and qualitative data processing methods. The study was conducted among children aged 4 to 10 diagnosed with ASD, totaling 48 individuals at the Health Center of the Research Laboratory of Clinical Pathopsychology "SANAT" in Novorossiysk. The main conclusion of the conducted research is the effectiveness of the secondary prevention program for children with ASD and other neuropsychological development disorders, grounded on the principles and methods of the health psychology concept. The inclusion of children with ASD in the secondary prevention program ensures positive dynamics in the neurophysiological development of children: improvements in cerebral blood flow indicators, vascular condition, and bioelectrical activity of the brain, improvements in markers of brain damage, as well as an increase in social communication skills and a reduction in comorbid ASD disorders. The novelty of the research lies in the fact that it scientifically substantiates for the first time the effectiveness of the theory and practice of health psychology concerning children with ASD. The obtained results allow for recommending the implementation of the proposed program to achieve positive dynamics in neurophysiological and psychological development, reduction of comorbid symptoms, and improvement of somatic health in children with ASD within the framework of secondary prevention programs.

Keywords: neurophysiological development, social communication disorders, autism spectrum disorders, secondary prevention, habilitation, rehabilitation, health psychology, dietary regimen, neurodietology, somatic health

References (transliterated)

1. Ustinova N.V., Namazova-Baranova L.S., Basova A.Ya., Soloshenko M.A., Vishneva E.A., Suleimanova Z.Ya., Lapshin M.S. Rasprostranennost' rasstroistv autisticheskogo spektra v Rossiiskoi Federatsii: retrospektivnoe issledovanie // Consortium Psychiatricum. 2022. № 3 (4). S. 28-37. DOI: 10.17816/CP211 EDN: SRXVPD.
2. Terletskaya R.N., Kuzenkova L.M., Vinyarskaya I.V., Lashkova A.N. Sovremennye aspekty rasprostranennosti autizma sredi detei razlichnykh vozrastnykh grupp // Rossiiskii pediatricheskii zhurnal. 2020. № 23 (1). S. 21-27.
3. Vygotskii L.S. Osnovy defektologii. Moskva: Izdatel'stvo Yurait, 2023. 332 s.
4. Azimova N.M., Abdukodirova S.A. Detskii autizm: diagnostika, terapiya, reabilitatsiya // Inter education & global study. 2025. Vol. 3 № 4(1). S. 334-339.
5. Hodges H., Fealko C., Soares N. Autism spectrum disorder: definition, epidemiology, causes, and clinical evaluation // Translational pediatrics. 2020. T. 9. No. 1. Pp. 55-66.
6. Madra M., Ringel R., Margolis K.G. Gastrointestinal issues and autism spectrum disorder // Child and adolescent psychiatric clinics of North America. 2020. T. 29. No. 3. Pp. 501-513.
7. Chua R.X.Y., Tay M.J.Y., Ooi D.S.Q., et al. Understanding the Link Between Allergy and Neurodevelopmental Disorders: A Current Review of Factors and Mechanisms // Front Neurol. 2021. T. 11. No. 603571. Pp. 1-15.
8. Lai M.C. et al. Prevalence of co-occurring mental health diagnoses in the autism population: a systematic review and meta-analysis // The Lancet Psychiatry. 2019. T. 6. No. 10. Pp. 819-829.

9. Neumeyer A.M. et al. Identifying associations among co-occurring medical conditions in children with autism spectrum disorders // Academic Pediatrics. 2019. T. 19. No. 3. Pp. 300-306.
10. Lawson L.P. et al. Cross-sectional and longitudinal predictors of quality of life in autistic individuals from adolescence to adulthood: The role of mental health and sleep quality // Autism. 2020. T. 24. No. 4. Pp. 954-967. DOI: 10.1177/1362361320908107 EDN: SXYDIN.
11. Antonenko A.V., Orlov M.N., Berezin S.I., Kaloshin A.V. Metody traditsionnoi meditsiny v kompleksnom lechenii i reabilitatsii detei s rasstroistvom autisticheskogo spektra, zaderzhkoi psikhicheskogo i psikhorechevogo razvitiya (s umerennym narusheniem sotsial'nogo vzaimodeistviya) // Traditsionnaya meditsina. 2022. № 3 (69). S. 19-36. DOI: 10.54296/18186173_2022_3_19 EDN: HZIWCC.
12. Nikiforov G.S. Psikhologiya zdorov'ya: istoriya stanovleniya: uchebnoe posobie. Moskva: Skifiya, 2024. 310 s.
13. Golubova T.F., Tsukurova L.A., Korsunskaya L.L., Osipyan R.R., Vlasenko S.V., Savchuk E.A. Belok S100V v krovi detei s rasstroistvami autisticheskogo spektra // Zhurnal nevrologii i psikhiatrii im. S.S. Korsakova. 2019. T. 119 (12). S. 76-83. DOI: 10.17116/jnevro201911912176 EDN: BVXSOX.
14. Sorokin A.B., Balandina O.V., Polevaya S.A., Mishanov G.A., Savchuk L.V., Borzikov V.V., Dvoryaninova V.V., Belova A.N. Svyaz' spektral'nykh kharakteristik EEG so stepen'yu vyrazhennosti autisticheskikh proyavlenii // Sovremennye tekhnologii v meditsine. 2019. № 11 (1). S. 84-89. DOI: 10.17691/stm2019.11.1.10 EDN: TVKVLA.
15. Baldova S.N., Belova A.N., Sheiko G.E., Borzikov V.V., Kuznetsov A.N., Polyakova A.G., Loskutova N.V. Kolichestvennaya elektroentsefalografiya pri izuchenii rasstroistv autisticheskogo spektra // Prakticheskaya meditsina. 2017. № 1 (102). S. 35-39. EDN: YHZKMV.
16. El'-Ansari A. GAMK, defitsity neirotransmittera glutamata pri autizme i ikh neitralizatsiya kak novaya gipoteza effektivnoi strategii lecheniya // Autizm i narusheniya razvitiya. 2020. Tom 18. № 3. C. 46-63. DOI: 10.17759/autdd.2020180306 EDN: DDRKGX.
17. Kuz'mich G.V., Sinel'nikova A.N., Mukhin K.Yu. Diskussionnye voprosy komorbidnosti autizma i epilepsii: subklinicheskaya epileptiformnaya aktivnost' i autisticheskii epileptiformnyi regress // Russkii zhurnal detskoi nevrologii. 2019. № 14 (1). S. 40-48. DOI: 10.17650/2073-8803-2019-14-1-40-48 EDN: WMPAUW.
18. Kuz'mich G.V., Sinel'nikova A.N., Mukhin K.Yu. Diskussionnye voprosy komorbidnosti autizma i epilepsii: subklinicheskaya epileptiformnaya aktivnost' i autisticheskii epileptiformnyi regress // Russkii zhurnal detskoi nevrologii. 2019. № 14 (1). S. 40-48. DOI: 10.17650/2073-8803-2019-14-1-40-48 EDN: WMPAUW.
19. El'-Ansari A. GAMK, defitsity neirotransmittera glutamata pri autizme i ikh neitralizatsiya kak novaya gipoteza effektivnoi strategii lecheniya // Autizm i narusheniya razvitiya. 2020. Tom 18. № 3. C. 46-63. DOI: 10.17759/autdd.2020180306 EDN: DDRKGX.
20. Klinicheskaya dietologiya detskogo vozrasta: Rukovodstvo dlya vrachei / Pod red. prof. T.E. Borovik, prof. K.S. Ladodo. Moskva: OOO "Izdatel'stvo "Meditsinskoe informatsionnoe agentstvo", 2015. 720 s.
21. Nigmatullina I.A., Ivanova O.A., Sazonova A.Yu., Diyarova I.V. Rasstroistva autisticheskogo spektra: prikladnoi analiz povedeniya v rabote s det'mi i ikh roditelyami: uchebno-metodicheskoe posobie. Kazan': Izdatel'stvo Kazanskogo

universiteta, 2022. 108 s.
22. Healy S. et al. The effect of physical activity interventions on youth with autism spectrum disorder: A meta-analysis // Autism Research: Official Journal of the International Society for Autism Research. 2018. No. 6 (11). Pp. C. 818-833.
23. Chan J.S.Y., Deng K., Yan J.H. The effectiveness of physical activity interventions on communication and social functioning in autistic children and adolescents: A meta-analysis of controlled trials // Autism. 2021. T. 25. No. 4. Pp. 874-886. DOI: 10.1177/1362361320977645 EDN: OCKMDM.
24. Schoen S.A. et al. A systematic review of ayres sensory integration intervention for children with autism // Autism Research. 2019. T. 12. No. 1. Pp. 6-19.
25. Waddington H. et al. The effects of JASPER intervention for children with autism spectrum disorder: A systematic review // Autism. 2021. T. 25. No. 8. Pp. 2370-2385. DOI: 10.1177/13623613211019162 EDN: MUVURZ.
26. Gengoux G.W. et al. Pivotal response treatment parent training for autism: Findings from a 3-month follow-up evaluation // Journal of Autism and Developmental Disorders. 2015. No. 9 (45). Pp. 2889-2898. DOI: 10.1007/s10803-015-2452-3 EDN: SVEKQM.
27. Gengoux G.W. et al. A pivotal response treatment package for children with autism spectrum disorder: An RCT // Pediatrics. 2019. No. 3 (144). Pp. E20190178.

Emotional components of psychological health in young individuals with adaptation disorders.

Abbasalieva Sevinj Elbrus gizi

Postgraduate student; Laboratory of Stereotactic Methods; Federal State Budgetary Institution of Science N.P. Bekhtereva Brain Institute of the Russian Academy of Sciences (IMH RAS)

197022, Saint Petersburg, Akademika Pavlova str., 9, Russian Federation

sevulya.abbasova.27@gmail.com

Reznikova Tatyana Nikolaevna

Doctor of Medicine

Professor; Leading Researcher; Laboratory of Stereotactic Methods; Federal State Budgetary Institution of Science N.P. Bekhtereva Brain Institute of the Russian Academy of Sciences (IMH RAS)

197022, Saint Petersburg, Akademika Pavlova str., 9, Russian Federation

tnreznikova@rambler.ru

Seliverstova Natalia Alekseevna

Doctor of Psychology

Senior Researcher; Laboratory of Stereotactic Methods; Federal State Budgetary Institution of Science N.P. Bekhtereva Brain Institute of the Russian Academy of Sciences (IMH RAS)

197022, Saint Petersburg, Akademika Pavlova str., 9, Russian Federation

selivnat@mail.ru

Chikhachev Igor Vladimirovich

Postgraduate student; Laboratory of Stereotactic Methods; Federal State Budgetary Institution of Science N.P. Bekhtereva Brain Institute of the Russian Academy of Sciences (IMH RAS)

197022, Saint Petersburg, Akademika Pavlova str., 9, Russian Federation

igor.chikachev@gmail.com

Abstract. The subject of the study is the emotional state of youth diagnosed with

"adaptation disorder" in the context of psychological health. The author thoroughly examines aspects of the topic such as the significance of emotions in the overall system of personal well-being, which includes physical, mental, social, and spiritual health. Special attention is paid to manifestations of anxiety, subdepressive mood, fear, as well as aggressive and self-destructive emotional reactions, including feelings of guilt and sensitivity. It is noted that such emotional dysfunctions significantly impact the quality of life of young people, leading to decreased life activity, deterioration of mental state, and overall well-being. Furthermore, the role of both internal factors (insecurity, low self-esteem) and external factors (social instability, information overload) in forming emotional tension is emphasized. The focus is on the lack of adaptive resources and insufficient development of effective emotional regulation strategies in this category of youth. Psychodiagnostic examination was conducted using questionnaires to assess anxiety, depression, and quality of life indicators. Validated methods were applied: the Zung Scale, the Taylor Anxiety Scale, and the Bass-Darke Questionnaire. This allowed for a comprehensive analysis of emotional manifestations and the identification of key disruptions in the emotional and personal spheres in youth with adaptation disorders. The main conclusions of the conducted research include establishing a link between adaptation disorder and pronounced emotional disorders in youth, including high levels of anxiety, subdepression, fear, and aggression, as well as a significant decrease in quality of life indicators. The dependence of emotional tension on the combination of internal and external factors, as well as the insufficiency of psychological adaptation mechanisms, was identified. It was established that combined variants of emotional deviations, which lead to a significant reduction in quality of life and overall psychological well-being, are most characteristic. The novelty of the research lies in a comprehensive approach to studying the emotional state of youth, taking into account both individual-personal characteristics and the social context in which maladaptive reactions are formed. A special contribution of the author to the study of the topic is the emphasis on the necessity of individualizing psychotherapeutic programs and developing emotional resilience as crucial directions for psychological assistance to youth experiencing emotional and adaptation distress.

Keywords: mental health, emotional well-being, psychotherapeutic programs, distress, fear, aggressive reaction, young individuals, adaptation disorder, emotional components, psychological health

References (transliterated)

1. Smith J., Brown K. The impact of health information system integration on healthcare delivery: An empirical study // Journal of Health Informatics. 2020. Vol. 14. P. 123-136.
2. Wüthrich-Grossenbacher U. The need to widen the concept of health and to include the spiritual dimension // International Journal of Public Health. 2024. Vol. 69. № 1606648. P. 1-4. DOI: 10.3389/ijph.2024.1606648. EDN: YDJXGE
3. Morgacheva Yu. A. Fenomen psikhologicheskogo zdorov'ya / Yu.A. Morgacheva – Tekst: neposredstvennyi // Molodoi uchenyi. 2022. № 24 (419). S. 554-556. EDN: SWVWTU
4. Il'in E. P., Ponamareva M. S. Vozrastno-polevaya dinamika bazovykh emotsii // Anan'evskie chteniya: Tezisy nauchno-prakticheskoi konferentsii. SPb., 2010. S. 85-87.
5. Yumatov E. A., Kashina Yu. V., Cherednik I. L. (red.) Psikhofiziologiya emotsii, emotsional'nogo stressa i adaptatsiya studentov: Monografiya. M.: Sputnik+, 2024. 265 s.
6. Reikovskii Ya. Psikhologiya lichnostnogo razvitiya: sovremennye podkhody. M.: Nauka, 2022. 280 s.
7. Befani A. A. Psikhologiya emotsii i povedeniya: sovremennye issledovaniya. M.: Rech',

2019. 300 s.

8. Babin S. M., Bomov P. O., Vasil'ev A., Zotova A. V. i dr. Nevroticheskie, svyazannye so stressom i somatoformnye rasstroistva. SPb.: Izd-vo SZGMU im. I. I. Mechnikova, 2015. 42 s. EDN: YKWPZN
9. Bisson Dzhi., Sakhudzha D. Rasstroistva adaptatsii // Psikhiatriya. 2013. № 7. S. 240-242.
10. Njardvik U., Smaradottir H., Öst L. G. The Effects of Emotion Regulation Treatment on Disruptive Behavior Problems in Children: A Randomized Controlled Trial // Research on Child and Adolescent Psychopathology. 2022. Vol. 50, № 7. P. 895-905. DOI: 10.1007/s10802-022-00903-7. EDN: SJTCAT
11. van Lissa C. J. Mapping phenomena relevant to adolescent emotion regulation: A text-mining systematic review // Adolescence Research Review. 2022. T. 7, № 1. P. 127-139. DOI: 10.1007/s40894-021-00160-7. EDN: EZRYMY
12. Haag A. C., Bagrodia R., Bonanno G. A. Emotion Regulation Flexibility in Adolescents: A Systematic Review from Conceptualization to Methodology // Clin Child Fam Psychol Rev. 2024. Vol. 27, № 3. P. 697-713. DOI: 10.1007/s10567-024-00483-6. EDN: GOGHLR
13. Martínez-Líbano J., Axel Kosch Serey, Barahona-Fuentes G. Emotional Regulation and Subjective Well-Being in Adolescents: A Systematic Review // Mental Health: Global Challenges Journal. 2025. Vol. 8, № 1. P. 14-26. DOI: 10.56508/mhgcj.v8i1.240. EDN: DWOEBZ
14. Njardvik U., Smaradottir H., Öst L. G. The Effects of Emotion Regulation Treatment on Disruptive Behavior Problems in Children: A Randomized Controlled Trial // Research on Child and Adolescent Psychopathology. 2022. Vol. 50, № 7. P. 895-905. DOI: 10.1007/s10802-022-00903-7. EDN: SJTCAT
15. Zhou R., Zhang L., Liu Z., et al. Emotion Regulation Difficulties and Disordered Eating in Adolescents and Young Adults: A Meta-Analysis // Journal of Eating Disorders. 2025. Vol. 13. Article 25. DOI: 10.1186/s40337-025-01197-y. EDN: LAOKKW
16. Thomson N. D., Kevorkian S. S., Hazlett L., Perera R., Vrana S. A New Treatment Approach to Conduct Disorder and Callous-Unemotional Traits: An Assessment of the Acceptability, Appropriateness, and Feasibility of Impact VR // Frontiers in Psychiatry. 2025. Vol. 16. Article 1484938. DOI: 10.3389/fpsyt.2025.1484938
17. Holmqvist Larsson K., Zetterqvist M. An Emotion Regulation Skills Training for Adolescents and Parents: Perceptions and Acceptability of Methodological Aspects // Frontiers in Psychiatry. 2024. Vol. 15. Article 1448529. DOI: 10.3389/fpsyt.2024.1448529
18. Larsson K. H., Aspeqvist E., Falkenström F., Andersson G., Svedin C. G., Zetterqvist M. Assessing emotion regulation difficulties in adolescents: validation and clinical utility of the difficulties in emotion regulation scale, 16-item // BMC Psychology. 2025. Vol. 13, № 1. P. 237. DOI: 10.1186/s40359-025-02540-3. EDN: HXYFIP
19. Smulevich A. D. Depressii pri somaticheskikh i psikhicheskikh zabolevaniyakh. M.: Meditsinskoe informatsionnoe agentstvo, 2003. № 44-46. S. 328-344.
20. Myurei A. Effektivnaya rabota v Microsoft Excel. M.: DMK Press, 2021. 276 s.
21. Walkenbach J. Excel 2021 Bible. Hoboken, NJ: Wiley, 2021. 1120 p.
22. Amirdzhanova V. N., Goryachev D. V., Korshunov N. I., Rebrov A. P., Sorotskaya V. N. Populyatsionnye pokazateli kachestva zhizni po oprosniku SF-36 (rezul'taty mnogotsentrovogo issledovaniya kachestva zhizni "Mirazh") // Nauchno-prakticheskaya revmatologiya. 2008. № 1. S. 26-32. EDN: PZMDWR 23.

23. Simón-Saiz M. J., Fuentes-Chacón R. M., Garrido-Abejar M., Serrano-Parra M. D., Larrañaga-Rubio E., Yubero-Jiménez S. Influence of resilience on health-related quality of life in adolescents // Enferm Clin (Engl Ed). 2018. Vol. 28, № 5. P. 283-291. DOI: 10.1016/j.enfcli.2018.06.003.
24. Ivanova E. V., Shapovalenko I. V. Problema psikhologicheskogo i emotsional'nogo povedeniya detei i zhiznestoikost' ikh roditelei v sovremennykh zarubezhnykh issledovaniyakh // Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya. 2023. T. 12. № 3. S. 52-63. DOI: https://doi.org/10.17759/jmfp.2023120305. EDN: DQTSKA
25. Diener E., Oishi S., Lucas R. E. National accounts of subjective well-being // American Psychologist. 2015. Vol. 70, № 3. P. 234-242. DOI: 10.1037/a0038899.

Psychological well-being of adolescents from the perspective of a holistic approach based on mind and body

Reben Ramadhan Saleh

Postgraduate student of the Department of Developmental and Clinical Psychology of the Faculty of Social Sciences of the Nizhny Novgorod Lobachevsky State University

23 Gagarin Avenue, Nizhny Novgorod, 603950, Russia

reben.r.salehh@su.edu.krd

Davydov Sergey Vladimirovich

PhD in Psychology

Associate Professor; Department of Age and Clinical Psychology, Faculty of Social Sciences; N.I. Lobachevsky Nizhny Novgorod State University

23 Gagarin Avenue, Nizhny Novgorod, 603950, Russia

sergej.davydov@googlemail.com

Abstract. The subject of the research is the psychological well-being of adolescents in the context of a holistic approach that integrates work with the mind and body. Adolescence is a critical stage of development characterized by significant social, emotional, and physiological changes. These changes have a profound impact on emotional regulation, anxiety levels, and stress resilience. The article discusses the integration of cognitive therapy and body-oriented methods as the most effective direction for harmonizing the internal state of adolescents. Special attention is given to how the combination of psychological and somatic practices allows for the bridging of gaps in traditional approaches, forming comprehensive support strategies. The aim of the research is to demonstrate that such an interdisciplinary approach fosters the development of self-regulation, resilience, and mindfulness, addressing the multidimensional needs of adolescents. The study synthesizes data from empirical works, theoretical models (including K. Ryff's concept of psychological well-being and W. Reich's body-oriented psychotherapy), and clinical observations to assess the effectiveness of integrated approaches. Special emphasis is placed on peer-reviewed studies dedicated to cognitive and somatic methods of working with adolescents. The results indicate that the integration of mind-body approaches significantly enhances psychological well-being. This effect is achieved through the comprehensive development of self-regulation skills, sustained reduction in anxiety levels, and increased personal autonomy. The scientific novelty of the work lies in the synthesis of cognitive and bodily techniques, effectively compensating for the key limitations of isolated methods (e.g., the neglect of the bodily aspect of trauma in classical CBT). The practical implementation of the findings includes the development of school programs and clinical protocols that integrate breathing practices, mindfulness, and

cognitive restructuring. This integrative approach is particularly relevant for adolescents, as it fully meets their developmental need for bodily self-exploration and growth. This analysis contributes to the development of interdisciplinary approaches in the field of mental health, offering a consolidated theoretical foundation for subsequent empirical research and the development of evidence-based interventions.

Keywords: integrative psychotherapy, body awareness, school mental health, stress reduction, psychosomatics, emotion regulation, body-oriented therapy, cognitive-behavioral therapy, adolescents, psychological well-being

References (transliterated)

1. Andronnikova, O. O., Veterok, E. V. Psikhologicheskoe blagopoluchie i zdorov'e kak aktual'naya potrebnost' sovremennogo cheloveka v ramkakh deviktimizatsii // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2016. № 1 (65). S. 72-76. EDN: VQSVPD.
2. Akhmedov, T. I. Telesno-orientirovannaya psikhoterapiya // Mezhdunarodnyi meditsinskii zhurnal. 2003. № 4. S. 116-122.
3. Borisov, G. I. Fizicheskoe i psikhologicheskoe zdorov'e kak resurs psikhologicheskogo blagopoluchiya pedagogov pozdnego vozrasta // Cognitive Neuroscience. Ekaterinburg, 2022. S. 109-114. EDN: YLHQPK.
4. Byzova, V. M. Psikhologiya telesnogo samosoznaniya: uchebnoe posobie. Sankt-Peterburg: Skifiya-print, 2022. 68 s. EDN: TIBHLB.
5. Vasilenko, T. D. Psikhologiya telesnosti: protsessual'no-smyslovoi podkhod // Rossiiskii psikhiatricheskii zhurnal. 2013. № 4. S. 49-55. EDN: RBTKRZ.
6. Vygotskii, L. S. Problemy vozrasta. V Pedologiya podrostka (Original'naya rabota opublikovana v 1929 g.) // PsychLib.ru. URL: https://psychlib.ru/mgppu/VPp-1929/VPp-504.htm#n7 (data obrashcheniya: 20.08.2025).
7. Davydov, S. V., Semonyuk, A. M. Fenomen telesnosti v ontogeneticheski orientirovannom psikhoterapevticheskom podkhode // Klinicheskaya psikhologiya v zdravookhranenii, obrazovanii i sotsial'noi sfere: ontogeneticheski orientirovannye podkhody. 2022. S. 80-84. EDN: TSYARQ.
8. Zhdanova, T. A., Filippova, E. V. Psikhologicheskoe blagopoluchie podrostka: lichnostnye kachestva i semeinye otnosheniya (po materialam zarubezhnykh issledovanii) // Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya. 2024. T. 13. № 4. S. 51-63. DOI: 10.17759/jmfp.2024130405 EDN: PLMDKB.
9. Zulkaidova, D. K., Osipova, N. V. Telesno-orientirovannaya terapiya kak metod psikhologicheskoi pomoshchi // Innovatsionnye nauchnye issledovaniya. 2023. № 1-3(25). S. 136-143. https://doi.org/10.5281/zenodo.7654241.
10. Barbato, L. Transformation in Body Psychotherapy: Conscious States and the Future // International Body Psychotherapy Journal. 2023. Vol. 22. № 2.
11. Damasio, A. R. Descartes' error: Emotion, reason, and the human brain. New York: Avon Books, 2005. 331 p.
12. Dong, Y. et al. The effects of mind-body exercise on anxiety and depression in older adults: a systematic review and network meta-analysis // Frontiers in Psychiatry. 2024. Vol. 15. S. 1305295. https://doi.org/10.3389/fpsyt.2024.1305295 EDN: ATCFRH.
13. Erikson, E. H. Childhood and Society [Electronic resource]. New York: W.W. Norton & Company, 1950. URL: https://archive.org/details/dli.ernet.1996 (data obrashcheniya:

20.08.2025).

14. George, E., Engel, L. The clinical application of the biopsychosocial model // American Journal of Psychiatry. 1980. Т. 137. № 5. S. 535-544.
15. Giuntoli, L. et al. The different roles of hedonic and eudaimonic motives for activities in predicting functioning and well-being experiences // Journal of Happiness Studies. 2021. Vol. 22. № 4. S. 1657-1671. https://doi.org/10.1007/s10902-020-00290-0 EDN: OJULXO.
16. Guamanga, M. H. et al. Analysis of the contribution of critical thinking and psychological well-being to academic performance // Frontiers in Education. Frontiers Media SA, 2024. Vol. 9. S. 1423441. https://doi.org/10.3389/feduc.2024.1423441 EDN: QNEDPW.
17. Huppert, F. A. Psychological well‐being: Evidence regarding its causes and consequences // Applied Psychology: Health and Well‐Being. 2009. Vol. 1. № 2. S. 137-164. https://doi.org/10.1111/j.1758-0854.2009.01008.x.
18. Koch, S. C. et al. Effects of dance movement therapy and dance on health-related psychological outcomes. A meta-analysis update // Frontiers in Psychology. 2019. Vol. 10. S. 1806. https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.01806.
19. Klocek, A., Řiháček, T. The associations between interoceptive awareness, emotion regulation, acceptance, and well-being in patients receiving multicomponent treatment: a dynamic panel network model // Research in Psychotherapy: Psychopathology, Process, and Outcome. 2023. Vol. 26. № 2. S. 659. https://doi.org/10.4081/ripppo.2023.659 EDN: DHPIJD.
20. Leitan, N. D., Murray, G. The mind-body relationship in psychotherapy: Grounded cognition as an explanatory framework // Frontiers in Psychology. 2014. Vol. 5. S. 472. https://doi.org/10.3389/fpsyg.2014.00472.
21. Li, W. et al. Gender based adolescent self-compassion profiles and the mediating role of nonattachment on psychological well-being // Current Psychology. 2024. Vol. 43. № 10. S. 9176-9190. https://doi.org/10.1007/s12144-023-05049-3 EDN: BOMSIL.
22. Lugg, W. The biopsychosocial model-history, controversy and Engel // Australasian Psychiatry. 2022. Т. 30. № 1. S. 55-59. https://doi.org/10.1177/10398562211037333 EDN: WAEINS.
23. Mehling, W. E. et al. The multidimensional assessment of interoceptive awareness (MAIA) // PloS One. 2012. Vol. 7. № 11. S. e48230. https://doi.org/10.1371/journal.pone.0048230.
24. Mehling, W. E. et al. The multidimensional assessment of interoceptive awareness, version 2 (MAIA-2) // PloS One. 2018. Vol. 13. № 12. S. e0208034. https://doi.org/10.1371/journal.pone.0208034.
25. Oud, M. et al. Effectiveness of CBT for children and adolescents with depression: A systematic review and meta-regression analysis // European Psychiatry. 2019. Vol. 57. S. 33-45. https://doi.org/10.1016/j.eurpsy.2018.12.008.
26. Price, C. J., Hooven, C. Interoceptive awareness skills for emotion regulation: Theory and approach of mindful awareness in body-oriented therapy (MABT) // Frontiers in Psychology. 2018. Vol. 9. S. 798. https://doi.org/10.3389/fpsyg.2018.00798.
27. Raison, C. L. et al. Somatic influences on subjective well-being and affective disorders: the convergence of thermosensory and central serotonergic systems // Frontiers in Psychology. 2015. Vol. 5. S. 1580. https://doi.org/10.3389/fpsyg.2014.01580.
28. Ryff, C. D. Psychological well-being revisited: Advances in the science and practice of

eudaimonia // Psychotherapy and Psychosomatics. 2013. Vol. 83. № 1. S. 10-28. https://doi.org/10.1159/000353263.

29. Ryff, C. D. The privilege of well-being in an increasingly unequal society // Current Directions in Psychological Science. 2024. T. 33. № 5. S. 300-307. https://doi.org/10.1177/09637214241266818 EDN: KQEHNY.
30. Ryff, C. D., Keyes, C. L. M. The structure of psychological well-being revisited // Journal of Personality and Social Psychology. 1995. Vol. 69. № 4. S. 719. https://doi.org/10.1037/0022-3514.69.4.719.
31. Santrock, J. W. Adolescence. 16th ed. New York: McGraw-Hill Education, 2016.
32. Tang, Y. Y., Tang, R., Gross, J. J. Promoting psychological well-being through an evidence-based mindfulness training program // Frontiers in Human Neuroscience. 2019. Vol. 13. S. 237. https://doi.org/10.3389/fnhum.2019.00237.
33. Veckalne, R. Somatic transformation: examining the role of body-oriented therapy in restoring health and well-being // Science and Education. 2023. Vol. 4. № 4. S. 137-143.
34. Yang, Q., Zhang, Y., Li, S. The impact of mind-body exercise on the quality of life in older adults: the chain mediation effect of perceived social support and psychological resilience // Frontiers in Public Health. 2024. Vol. 12. S. 1446295. https://doi.org/10.3389/fpubh.2024.1446295 EDN: FJTPDN.
35. Yuen, M., Wu, L. Relationship between school connectedness and psychological well-being in adolescents: A meta-analysis // Current Psychology. 2024. Vol. 43. № 12. S. 10590-10605. https://doi.org/10.1007/s12144-023-05164-1.
36. Zozaya, N., Vallejo, L. The effect of the economic crisis on adolescents' perceived health and risk behaviors: A multilevel analysis // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2020. Vol. 17. № 2. S. 643. https://doi.org/10.3390/ijerph17020643 EDN: KGDSQJ.

Studying family history as a means of leisure, self-realization and therapy of students' psycho-emotional states

Zheleznyak Nadezhda Evgen'evna

Assistant Professor; Department of Mass Communications; Peoples' Friendship University of Russia. Patrice Lumumba

350,000, Russia, Moscow, Miklukho-Maklaya str., 6

kultterapia@gmail.com

Abstract. The article provides a summary review of the available research results on the use of family history classes in therapeutic practice based on publications by Russian and foreign authors. The psychological mechanisms of the impact of family history, such as family scenario, family myth, intergenerational transmission, on the psycho-emotional state of students are considered.

It is shown that family history classes can be a resource of social adaptation for people with low resilience, intergenerational dialogue and interaction have an unconditional positive effect on psychological well-being. It has also been confirmed that there is a link between emotional well-being and an indicator of family identity as an experience of family value. It was revealed that students who study family history courses have improved indicators of identification with family, increased self-esteem and decreased anxiety. At the same time, it is noted that in some cases, the study of family history can have reverse negative consequences for a person's

psychoemotional state. By analyzing the available materials, it has been established that the study of family history is an increasingly popular and effective method of therapy for psychoemotional conditions in Russia and the world. The results of the research conducted to date indicate that the use of genealogical research in psychological practice, as well as in training events, gives positive psychotherapeutic effects. Studying family history can ensure the individualization of a life path, form a historical and cultural identity, contribute to the process of spiritual and moral self-determination and social integration of participants in this process, as well as become a factor of social and individual attitudes towards personal self-realization.

Keywords: family history, psychology, family myth, family scenario, family psychology, psycho-emotional states, genealogy, family memory, leisure activities, self-realization

References (transliterated)

1. Vygotskii L.S. Pedologiya podrostka. – M.: Nauka. – 1931. – 300 s.
2. Pchelov E.V. Teoreticheskie ponyatiya genealogii; Teoreticheskie ponyatiya genealogii // Gerboved. № 45. M., 2000. S. 54-61.
3. Freid Z. Vvedenie v psikhoanaliz: Lektsii. M.: Nauka, 1991. 456 s. (Ser. «Klassiki nauki»).
4. Dol'to F. Na storone rebenka. M.: Izd-vo U-Faktoriya, 2003. 672 s.
5. Freid Z. Totem i tabu. – M., Akademicheskii proekt, 2007. – 159 s. (Seriya «Psikhologicheskie tekhnologii»)
6. Yung K.G. Arkhetip i simvol. – M., 1991.
7. Varga A. Ya. Teoriya semeinykh sistem Myurreya Bouena: Osnovnye ponyatiya, metody i klinicheskaya praktika – M.: Kogito-Tsentr, 2005. – 496 s.
8. Varga A. Ya., Drabkina T. S. Sistemnaya semeinaya psikhoterapiya. Kratkii lektsionnyi kurs. SPb.: Rech', 2001. – 144 s.
9. Chernikov A.V. Ch 89 Sistemnaya semeinaya terapiya: Integrativnaya model' diagnostiki. – Izd. 3-e, ispr. i dop. M.: Nezavisimaya firna "Klass", 2001. – 208 s. – (Biblioteka psikhologii i psikhoterapii. Vyp. 97).
10. Mikhailova E. "Nashi mertvye ne pokinut nas v bede": psikhodramaticheskaya rabota s semeinoi istoriei/ Psikhologi o migrantakh i migratsii. Informatsionno-analiticheskii byulleten', 2001, № 3.
11. Raimova L.A. Po doroge vospominanii…Terapiya vospominaniyami v rabote s lyud'mi pozhilogo vozrasta: metod. posobie dlya spetsialistov uchrezhdenii sotsial'noi sfery, rabotayushchikh s lyud'mi pozhilogo vozrasta. – Kazan': Veda, 2014. – 142 s.
12. Ridiko, M. V. Terapiya vospominaniyami v rabote s pozhilymi grazhdanami / M. V. Ridiko, S. D. Matyushkova // Povyshenie kachestva professional'noi podgotovki spetsialistov sotsial'noi i obrazovatel'noi sfer : sbornik nauchnykh statei. – Vitebsk : VGU imeni P. M. Masherova, 2021. – S. 248-250.
13. Karabanova O.A. Psikhologiya semeinykh otnoshenii i osnovy semeinogo konsul'tirovaniya: Uchebnoe posobie. – M.: Gardariki, 2005. – 320 s.
14. Jetten J, Haslam C, Pugliese C, Tonks J, Haslam SA. Declining autobiographical memory and the loss of identity: effects on well-being. J Clin Exp Neuropsychol. 2010 Apr; 32(4), 408-16. doi:10.1080/13803390903140603. Epub 2009 Sep 25. PMID: 19787523.
15. Addis DR, Tippett LJ. Memory of myself: autobiographical memory and identity in

Alzheimer's disease. Memory. 2004 Jan; 12(1), 56-74. doi:10.1080/09658210244000423. PMID: 15098621.

16. Buse C, Twigg J. Materialising memories: exploring the stories of people with dementia through dress. Ageing and Society. 2016; 36(6), 1115-1135. doi:10.1017/S0144686X15000185
17. Winterich, K. P., Reczek, R. W., & Irwin, J. R. (2017). Keeping the Memory but Not the Possession: Memory Preservation Mitigates Identity Loss from Product Disposition. *Journal of Marketing, 81*(5), 104-120. URL: https://doi.org/10.1509/jm.16.0311
18. Elfrink T.R., Zuidema S.U., Kunz M., Westerhof G.J. Life story books for people with dementia: a systematic review. International Psychogeriatrics. 2018. 30(12), 1797-1811. doi:10.1017/S1041610218000376
19. Asano T. et al. Effectiveness of high-frequency individual reminiscence interventions using life story books on persons with dementia // British Journal of Occupational Therapy. – 2021. – T. 84. – № 5. – S. 317-326.
20. Catala A, Nazareth D. S., Félix P, Truong K.P., Westerhof G. 2021. Emobook: A Multimedia Life Story Book App for Reminiscence Intervention. In 22nd International Conference on Human-Computer Interaction with Mobile Devices and Services (MobileHCI '20). Association for Computing Machinery, New York, NY, USA, Article 10, 1-4. URL: https://doi.org/10.1145/3406324.3410717
21. Baird, A., Gelding, R., Brancatisano, O., & Thompson, W. F. (2020). A Preliminary Exploration of the Stability of Music-and Photo-Evoked Autobiographical Memories in People with Alzheimer's and Behavioral Variant Frontotemporal Dementia. Music & Science, 3. URL: https://doi.org/10.1177/2059204320957273
22. Woods B, Spector A, Jones C, Orrell M, Davies S. Reminiscence therapy for dementia. Cochrane Database Syst Rev. 2005 Apr 18;(2):CD001120. doi: 10.1002/14651858.CD001120.pub2. Update in: Cochrane Database Syst Rev. 2018 Mar 01;3:CD001120. PMID: 15846613.
23. Bern E. Lyudi, kotorye igrayut v igry. Igry, v kotorye igrayut lyudi. – M.: Progress, 1988. – 400 s. S. 175-176.
24. Bateson G. Steps to an ecology of mind: collected essays in anthropology, psychiatry, evolution and epistemology. University of Chicago Press, 1972.
25. Barocas H., Barocas C. Manifestation of Concentration Camp Effect on the Second Generation // American Journal of Psychiatry. 1973, 130. P. 820-826.
26. Daud A. et al. Children in families of torture victims: Transgenerational transmission of parents' traumatic experiences to their children // International Journal of Social Welfare. 2005, 14. P. 23-32.
27. Yung K.G. Vospominaniya, snovideniya, razmyshleniya; per. s nem. – Kiev: Izd-vo AirLand, 1994. 406 s.
28. Krasnaya E. V., Patturina N. P. Mezhpokolennaya identichnost' i zhiznestoikost' studentov pedagogicheskogo vuza Rossiiskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet im. A. I. Gertsena DOI: 10.33910/herzenpsyconf-2020-3-96
29. Strizhitskaya O. Yu., Petrash M. D. Rol' mezhpokolennogo dialoga i mezhpokolennogo vzaimodeistviya v psikhologicheskom blagopoluchii studentov Sankt-Peterburga https://scipress.ru/pedagogy/articles/rol-mezhpokolennogo-dialoga-i-mezhpokolennogo-vzaimodejstviya-v-psikhologicheskom-blagopoluchii-studentov-sankt-peterburga.html (data obrashcheniya 01.05.2014)
30. Petrova E. A. Mezhpokolennye otnosheniya kak resurs sovladayushchego povedeniya: avtoref. dis. kand. psikh. nauk: 19.00.13. – M., 2008. – 28 s.

31. Strokova S.S. Svyaz' obraza sem'i i semeinoi identichnosti s emotsional'nym blagopoluchiem podrostkov [Elektronnyi resurs] // Klinicheskaya i spetsial'naya psikhologiya. 2017. Tom 6. № 1. C. 119-137. doi: 10.17759/psyclin.2017060108
32. Lunt B.M. Summers K. M, Wood D. A. Improving Psychological Well-Being of Young Adults by Conducting Family History Research at a Religious University. Vol. 6 No. 1 (2022) DOI: https://doi.org/10.24240/23992964.2023.1234541
33. Riley H. Confronting the conspiracy of silence and denial of difference for late discovery adoptive persons and donor conceived people //Australian Journal of Adoption. – 2013. – T. 7. – №. 2. – S. 1-13.
34. Theunissen C. A. The effects of DNA test results on biological and family identities //Genealogy. – 2022. – T. 6. – №. 1. – S. 17.
35. Yehuda R. et al. Phenomenology and psychobiology of the intergenerational response to trauma // Y. Danieli (Ed.), International handbook of multigenerational legacies of trauma. New York: Plenum Press, 1998. P. 639-655.
36. Abul'khanova-Slavskaya, K. A. Strategiya zhizni [Tekst]: monografiya / K. A. Abul'khanova-Slavskaya. – M.: Mysl', 1991. – 299 s.
37. Kudinov S. I. Polisistemnyi podkhod issledovaniya samorealizatsii lichnosti // Sibirskii pedagogicheskii zhurnal. 2007. № 11.
38. Seppo E Iso-Ahola, Roy F. Baumeister Psychol., 28 fevralya 2023, 14-2023. https://doi.org/10.3389/fpsyg.2023.1074649
39. Tregubov, B. A. Svobodnoe vremya molodezhi: sushchnost', tipologiya, upravlenie [Tekst] / B. A. Tregubov. – Sankt-Peterburg, 2011.
40. Stebbins R.A. Personal decisions in the public square: Beyond problem into a positive sociology. New Brunswick, NJ: Transaction Publications, 2009.
41. Hershkovitz, Arnon. 2012. A Suggested Taxonomy of Genealogy as a Multidisciplinary Academic Research Field. Journal of Multidisciplinary Research 4, 5-21.
42. Erikson E. G. Detstvo i obshchestvo [Tekst]: per. s angl. – SPb.: Lenato, AST, Fond «Universitetskaya kniga», 1996. – 592 s.
43. Merrill, N., & Fivush, R. (2016). Intergenerational narratives and identity across development. Developmental Review, 40, 72-92. URL: https://doi.org/10.1016/j.dr.2016.03.001
44. Koptseva N.P. Vliyanie sovremennykh kul'turnykh praktik na etnicheskuyu identichnost' korennykh malochislennykh narodov Tsentral'noi Sibiri // Sotsiodinamika. 2014. № 6. S. 1-27. DOI: 10.7256/2306-0158.2014.6.12201. URL: https://e-notabene.ru/pr/article_12201.html
45. Stefanenko T.G. Etnopsikhologiya. – M.: Institut psikhologii RAN, «Akademicheskii proekt», 1999. 320 s. [Elektronnyi resurs] URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/ stef/12.php
46. Ball R. Visualizing genealogy through a family-centric perspective //Information Visualization. – 2017. – T. 16. – №. 1. – S. 74-89.

The possibilities of the psychosemantic method in the study of social anhedonia in patients with schizophrenia

Vlasov Andrey Sergeevich

Lecturer; Department of Psychology; Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Medical Education of the Ministry of Health of the Russian Federation
Psychologist; GBUZ 'OKSPNBNo.1', Chelyabinsk

454141, Russia, Chelyabinsk region, Chelyabinsk, Central district, Vorovskiy str., 66

andrey_wlasov@mail.ru

Shumakova Olga Alekseevna

Doctor of Psychology

Head of the Department; Department of Psychology; South Ural State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation

454092, Russia, Chelyabinsk region, Chelyabinsk, Vorovskiy str., 66, office 220

olgash37@yandex.ru

Abstract. The results of a study of social anhedonia in patients with schizophrenia are presented. The subject of the study is social anhedonia in patients with schizophrenia. The purpose of the work: to conduct a theoretical analysis of the possibilities of the psychosemantic approach and to present empirical data on the features of the subjective semantic structure of social experience in patients with schizophrenia, its links with the severity of social anhedonia and the characteristics of social motivation. It clarifies that patients with schizophrenia with pronounced social anhedonia show active social avoidance, instead of the expected indifference. Special attention is paid to the psychosemantic approach, which makes it possible to describe the structure of subjective semantic coordinates of social experience in patients with schizophrenia and to identify its relationship with motivation for social avoidance. The study involved 42 patients aged 23 to 46 years (mean age = 34.8 years, SD = 7.4) with a diagnosis of "F20.0 paranoid schizophrenia" with more than 5 years of illness, in a state of subremission, without pronounced psychotic symptoms. Adapted methods "Scale of social anhedonia" (Eckblad et al., 1982), "Scale of social avoidance and distress" (D. Watson, R. Friend, 1969), "A brief scale of fear of negative social assessment" (M. Leary, 1983), "The Toronto scale of alexithymia" (G. Taylor, J. Parker, R. Bagby, 1994); SPSS Statistics program ver.22. It has been revealed that social anhedonia in patients with schizophrenia is associated with the peculiarities of the subjective semantic structure of social experience; patients with schizophrenia, regardless of the available characteristics and context, characterize others as evil and malevolent, which leads them to the inability to enjoy social interaction; these features mediate motivation for social avoidance, and also prevent the acquisition of emotional experience from an actual situation of social interaction. The novelty of the results lies in the application of a psychosemantic method, namely a directed associative experiment, in which subjects were consistently presented with images representing photographs of the eyes of professional actors expressing various emotional states. The results obtained complement previous studies in the field of social motivation of patients with schizophrenia. Scope of the results: development and implementation of psychocorrective and psychotherapeutic programs.

Keywords: social avoidance, social interaction, hedonistic functions, emotional and evaluative properties, psychosemantics, schizophrenia, social motivation, psychosemantic methods, social anhedonia, anhedonia

References (transliterated)

1. Freedman L.R. The New York High-Risk Project: attention, anhedonia and social

outcome // Schizophrenia research. 1998. Vol. 30, № 1. P. 1-9.

2. Der-Avakian A., Markou A. The neurobiology of anhedonia and other reward-related deficits // Trends Neurosci. 2012. Vol. 35, № 1. P. 68-77.
3. Petelin D.S., Bairamova S.P., Sorokina O.Yu. Apatiya, angedoniya i kognitivnaya disfunktsiya: obshchie simptomy depressii i nevrologicheskoi patologii // Nevrologiya, neiropsikhiatriya, psikhosomatika. 2022. T. 14, № 5. S. 96-102. DOI: 10.14412/2074-2711-2022-5-96-102 EDN: HQACJE.
4. Fu X-w., Juan Y., Yao X-r. An ERP study on pre-attentive processing of emotional faces in individuals with high social anhedonia // Psychiatry Research: Neuroimaging. 2025. 349:111988.
5. Strauss G.P., Knippenberg A.R., Allen D.N. Anhedonia is associated with impaired memory for positive emotional stimuli in individuals with schizophrenia // Neuropsychology. 2025. Vol. 24.
6. Abel D.B. Social anhedonia in the daily lives of people with schizophrenia: Examination of anticipated and consummatory pleasure // Schizophrenia research. 2024. Vol. 271. P. 253-261. DOI: 10.1016/j.schres.2024.07.043 EDN: RIXLER.
7. Hall A.F., Browning M., Huys Q.J.M. The computational structure of consummatory anhedonia // Trends in cognitive sciences. 2024. Vol. 28, № 6. P. 541-553.
8. Rychkova O.V., Soina N.A., Gurevich G.L. Emotsional'nyi intellekt pri shizofrenii // Acta Biomedica Scientifica. 2013. T. 94, № 6. S. 59-64. EDN: RWBMJN.
9. Kholmogorova A.B., Rychkova O.V. Narusheniya sotsial'nogo poznaniya – novaya paradigma v issledovaniyakh tsentral'nogo psikhologicheskogo defitsita pri shizofrenii: monografiya. – M.: FORUM, 2016. – 288 s. EDN: WLJEBH.
10. Dodell-Feder D. The neural basis of theory of mind and its relationship to social functioning and social anhedonia in individuals with schizophrenia // Neuroimage Clin. 2013. Vol. 4. P. 154-163.
11. McCarthy J.M., Treadway M.T., Blanchard J.J. Motivation and effort in individuals with social anhedonia // Schizophrenia research. 2015. Vol. 165, № 1. P. 70-75.
12. Hanewald B. Functional connectivity in a monetary and social incentive delay task in medicated patients with schizophrenia // Front Psychiatry. 2023. 14:1200860.
13. Beames J.R. Using the experience sampling methodology to measure anhedonia and its correlates in mental health research: A systematic review // Clinical psychology review. 2025. 119:102590.
14. Gard D.E. Anhedonia in schizophrenia: distinctions between anticipatory and consummatory pleasure // Schizophrenia research. 2007. Vol. 93. P. 253-260.
15. Lee T.M.C. The Chinese "Reading the Mind in the Eyes" Test: A study with normal adults, and adults with Asperger syndrome/high-functioning autism // Asian journal of psychiatry. 2023. 89:10378.
16. Stafford O.A. 20-Year Systematic Review of the 'Reading the Mind in the Eyes' Test across Neurodegenerative Conditions // Brain sciences. 2023. Vol. 13, № 9. P. 1268. DOI: 10.3390/brainsci13091268 EDN: GANTDP.
17. Gao Z. Facial Emotion Recognition in Schizophrenia // Front Psychiatry. 2021. Vol. 12. P. 633717.
18. Mandal M.K., Habel U., Gur R.C. Facial expression-based indicators of schizophrenia: Evidence from recent research // Schizophrenia research. 2023. Vol. 252. P. 335-344. DOI: 10.1016/j.schres.2023.01.016 EDN: WJSMZA.
19. Kas'yanov E.D., Rukavishnikov G.V., Kibitov A.O., Mazo G.E. Validatsiya shkaly

udovol'stviya Sneita-Gamil'tona dlya otsenki angedonii u patsientov s monopolyarnoi depressiei v rossiiskoi populyatsii // Zhurnal nevrologii i psikhiatrii im. S.S. Korsakova. 2025. T. 125, № 7. S. 110-121. DOI: 10.17116/jnevro2025125071110 EDN: GPXHTO.

20. Rychkova O.V., Kholmogorova A.B. Adaptatsiya metodiki diagnostiki sotsial'noi angedonii (RSAS) na rossiiskoi vyborke // Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya. 2016. T. 24, № 4. S. 62-96. DOI: 10.17759/cpp.2016240404 EDN: XIKMGP.
21. Sandman C.F., Craske M.G. Psychological Treatments for Anhedonia // Current topics in behavioral neurosciences. 2022. Vol. 58. P. 491-513.
22. Farina E.A. Factors Related to Passive Social Withdrawal and Active Social Avoidance in Schizophrenia // The Journal of Nervous and Mental Disease. 2022. Vol. 210, № 7. P. 490-496. DOI: 10.1097/nmd.0000000000001502 EDN: RWKUGJ.
23. Artem'eva E.Yu. Osnovy psikhologii sub''ektivnoi semantiki. M.: Nauka, 1999.
24. Artem'eva E.Yu. Psikhologiya sub''ektivnoi semantiki. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1980.
25. Serkin V.P. Psikhosemantika. M.: Izdatel'stvo Yurait, 2024.
26. Robinson M.D., Clore G.L. Episodic and semantic knowledge in emotional self-report: evidence for two judgment processes // Journal of personality and social psychology. 2002. Vol. 83, № 1. P. 198-215. EDN: GXTUFV.

The impact of information and communication platforms on the behavior of modern adolescents

Glushkova Svetlana Aleksandrovna

Postgraduate student; Department of Pedagogy, Psychology and Social Work; Omsk Humanitarian Academy

644105, Russia, Omsk region, Omsk, ul. Fourth Chelyuskintsev, 2A

glushkova.s.a@gmail.com

Abstract. Digital technologies have become an integral part of the lives of modern teenagers. In addition to entertainment functions, communication applications are able to modernize the educational process and create prerequisites for the formation of a full-fledged personality of a teenager who adequately assesses the risks of using information and communication technologies and who is able to extract positive experiences to form a successful career in the future.

The introduction of information and communication platforms helped to identify the characteristics of social behavior among adolescents. Depending on the intensity of the use of electronic services, there is a change in the behavior of older students. It is advisable to consider the Internet communication environment as a means of improving communication skills and developing compensatory functions of socialization. The purpose of the article is to identify the relationship between the intensity of use of information and communication platforms and the characteristics of the actual social behavior of adolescents. Diagnostics of the level of demonstrativeness by O.S. Posypanova; questionnaire of social desirability by D. Crown, D. Marlowe; testing "Who am I?" by M. Kuhn, modified by T. V. Rumyantseva, questionnaire to identify the locus of control by J. Rotter, a questionnaire to identify behavioral reactions (the author's method) were used in the research. To diagnose the external characteristics of behavior an interview of the users was conducted. In the course of the study, it turned out that teenagers with a low level of use of communication applications are aimed at using the application for educational purposes. Teenagers with an average intensity of application use share their personal successes and achievements, as well as

communicate on educational topics to receive and transmit information. High activity in the application among teenagers leads to the formation of an extensive circle of friends, the administration of groups and active participation in various educational activities in order to present themselves in a favorable perspective. The more intensively teenagers use an electronic application, the more pronounced demonstrative behavior is manifested, social desirability is intensified, behavioral reactions are more pronounced, and there is also a shift in the locus of control towards the external. As the presence of interactive communication platforms grows, the healthy use of information resources should be encouraged.

Keywords: altering appearence, publications, selphism, physical I, reflection, application Spherum, teenagers, social behaviour, behaviour reactions, communication

References (transliterated)

1. Moreno Megan A, Binger K., Minich M., Zhao Q. Adolescent digital technology interactions and importance: associations with depression and well-Being // Cyberpsychology, behaviour and social networking, 2022. № 25(4). doi:10.1089/cyber.2021.0294
2. Il'in A.N. Tendentsiya k demonstrativnosti v obshchestve potrebleniya // Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Sotsiologiya. Ekonomika. Politika. 2022. № 4 (15). S. 39-51.
3. Coldatova G.U., Voiskunskii A.E. Sotsial'no-kognitivnaya kontseptsiya tsifrovoi sotsializatsii: novaya ekosistema i sotsial'naya evolyutsiya psikhiki // Psikhologiya. Zhurnal VShE. 2021. № 3. S. 431-450.
4. Rudenko E.S. Virtual'naya kommunikatsiya kak psikhologicheskii fenomen // Nauchnyi rezul'tat. Pedagogika i psikhologiya obrazovaniya. 2020. № 2. C. 50-54.
5. Nechaev N.N. O novom podkhode k yazyku i rechevoi deyatel'nosti v usloviyakh tsifrovizatsii // Psikhologicheskaya gazeta. 2020. № 6. S. 19-34.
6. Pavlova N. V., Filippova E. V. Fenomen selfi i ego psikhologicheskii smysl dlya sovremennogo podrostka // Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya. 2022. Tom 30, № 1. S. 109-131.
7. Demin P. N. Riski i vozmozhnosti onlain-sotsializatsii podrostkov i molodezhi // Tsennosti i smysly. 2022. № 3 (79). S. 76-85.
8. Zalevskaya M.A. Vozrastnaya periodizatsiya v Rossiiskoi federatsii v sovremennykh usloviyakh // Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal. 2020. № 12-3 (102). S. 17-21.
9. Karpov A. V., Karpova E. V., Markova E. V. Lokus kontrolya kak faktor metakognitivnoi sfery lichnosti i ego spetsifika v obrazovatel'noi deyatel'nosti // Perspektivy nauki i obrazovaniya. 2022. № 3 (57). S. 402-421.
10. Al-Ansi A.M., Hazaimeh M., Hendi A., AL-hrinat J., Adwan G. How do social media influencers change adolescents' behaviour? Evidence from middle east countries // Heliyon. 2023. № 9 (5). URL: https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2023.e15983.
11. Bauman S., Perry V. M., Wachs S. The rising threat of cyberhate for young people around the globe // Child and Adolescent Online Risk Exposure / Eds. M.F. Wright, L.B. Schiamberg. London: Academic Press. P. 2021. Pp. 149-175. doi:10.1016/B978-0-12-817499-9.00008-9
12. Bergmann M. C., Baier D. Prevalence and Correlates of Cyberbullying Perpetration. Findings from a German Representative Student Survey // International journal of environmental research and public health. 2018. № 15 (2). 13 p.

doi:10.3390/ijerph15020274

13. Betts L. R., Spenser K. A., Gardner S. E. Adolescents' involvement in cyber bullying and perceptions of school: The importance of perceived peer acceptance for female adolescents // Sex Roles. 2017. № 77 (7-8). Pp. 471-481. doi:10.1007/s11199-017-0742-2
14. Hsu Michelle S. H., Rouf A., Allman-Farinelli M. Effectiveness and behavioral mechanisms of social media interventions for positive nutrition behaviours in adolescents: a systematic review // Journal of adolescent health. 2018. № 63(5). Pp. 531-545.
15. Lou C., Kim H. K. Fancying the new rich and famous? Explicating the roles of influencer content, credibility, and parental mediation in adolescents' para-social relationship, materialism, and purchase intentions // Frontiers in Psychology. 2019. № 10. doi: https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.02567
16. Nahidh M., Al-Khawaja N. F. K, Jasim H. M., Cervino G., Cicciù M., Minervini G. The role of social media in communication and learning at the time of COVID-19 lockdown - an online survey // Dentistry Journal. 2023. № 11(2):48. doi: https://doi.org/10.3390/dj11020048
17. Nesi J. The impact of social media on youth mental health: challenges and opportunities // North Carolina Medical Journal. 2020. № 81 (2). Pp. 116-121.
18. Simonson M. Social Media and Online Learning: Pros and Cons // Distance Learning. 2023. № 20 (4). Pp. 59-61.
19. Tao Z., Sun L. The influence of internet celebrities on the mainstream values of college students: evidence from Beijing questionnaire // 6th International conference on social science and higher education. Atlantis Press. 2020. Pp. 872-876. doi: 10.2991/assehr.k.201214.166
20. Vasyura S.A., Kuzmina O.V., Maletova M.I. Internet Communications: time phenomenon in online activity // Education and self-development. 2020. № 15 (4). doi: 10.26907/esd15.4.03

Psychosemantics as a method of studying unconscious attitudes in the context of solving complex problems

Kharitonov Igor Yuryevich

Lecturer; Institute of Experimental Psychology; Moscow State Psychological and Pedagogical University
Postgraduate student; Institute of Experimental Psychology; Moscow State Psychological and Pedagogical University
Junior Researcher; Laboratory of 'Intellectual and Virtual Events'; Moscow State Psychological and Pedagogical University

142710, Russia, Moscow region, Vidnoye, village. Lopatino, Sukhanovskaya St., 8, sq. 53

exisai@mail.ru

Selivanov Vladimir Vladimirovich

Doctor of Psychology

Professor; Institute of Foreign Languages, Modern Communications and Management; Moscow State Psychological and Pedagogical University
Professor, Head of Department; Department of General Psychology; Smolensk State University
Head of Laboratory; Laboratory of 'Intellectual and Virtual Events'; Moscow State Psychological and Pedagogical University

214036, Smolenskaya region, Smolensk g, Rylenkova St., house No. 42, 123 sq.

selivanovvv@mgppu.ru

Abstract. The article explores unconscious attitudes that shape cognitive patterns for perceiving and solving complex tasks under conditions of uncertainty. The relevance of the study is determined by the necessity to overcome the limitations of traditional models focused on conscious strategies and to shift towards analyzing implicit factors that significantly determine the success of intellectual activity. Particular attention is paid to situations requiring a creative approach, where unconscious semantic structures of consciousness act as a key filter for interpreting the problem field. The research is based on the psychosemantic paradigm, which allows for the reconstruction of deep evaluation criteria through the analysis of subjective semantic spaces. This approach enables the operationalization of a subject's implicit expectations before task solving begins, revealing hidden coordinates that form an anticipatory image of the problem, set the trajectory for solution search, and mediate the interaction between affective and cognitive components of thinking. The primary method was a laboratory experiment using an original semantic differential (17 bipolar scales) adapted for task perception assessment. The sample consisted of 72 respondents (aged 18–44). Data processing involved factor analysis (principal axis factoring with oblimin rotation), correlation analysis, and graphical analysis. A valid tool for diagnosing unconscious attitudes towards a task was developed and tested. The structure of the "task" semantic space was revealed, with its key dimensions being "Emotional and Motivational Attractiveness" (32% of variance, α=0.938) and "Structural Clarity and Creative Potential" (20% of variance, α=0.864), which are strongly positively correlated (r=0.850). It was established that the "ideal" and "undesirable" tasks occupy semantically opposite positions within this space. The findings contribute to understanding the unity of affective and cognitive processes in problem situation perception. The theoretical significance of the work lies in the development of a context-specific tool, while its practical significance lies in identifying the implicit criteria that subjects unconsciously use to evaluate and choose solution strategies, opening up possibilities for optimizing the organization of creative activity. It is shown that the semantic space of a task is not universal and reflects the interaction of the task's objective characteristics and the subject's cognitive styles.

Keywords: emotional and motivational attractiveness, semantic space, task perception, unconscious attitude, semantic differential, psychosemantics, intellectual event, structural clarity, unconscious, consciousness

References (transliterated)

1. Aleksandrova O. V., Dermanova I. B. Semanticheskii differentsial zhiznennoi situatsii // Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya. 2018. T. 26. № 3. S. 127-145. DOI: 10.17759/cpp.2018260307. EDN: VACFQU.
2. Barabanshchikov V. A. Psikhologiya vospriyatiya: organizatsiya i razvitie pertseptivnogo protsessa. M.: Kogito-Tsentr, 2006. 239 s. EDN: SUPOBB.
3. Barabanshchikov V. A., Selivanov V. V. Reduktsiya trevogi i depressii cherez programmy na garniture virtual'noi real'nosti vysokoi immersivnosti // Eksperimental'naya psikhologiya. 2023. T. 16. № 2. S. 36-48. DOI: 10.17759/exppsy.2023160203. EDN: FZWHAS.
4. Vygotskii L. S. Voobrazhenie i tvorchestvo v detskom vozraste: psikhol. ocherk. 3-e izd. M.: Prosveshchenie, 1991. 93 s.
5. Petrenko V. F. Osnovy psikhosemantiki. 3-e izd. M.: Eksmo, 2010. 480 s. (Psikhologicheskoe obrazovanie). ISBN 978-5-699-38287-3.
6. Petrenko V. F. Vvedenie v eksperimental'nuyu psikhosemantiku: issledovanie form

reprezentatsii v obydennom soznanii. M.: Izd-vo MGU, 1983. 177 s. EDN: STXDND.

7. Petrenko V. F., Mitina O. V., Suprun A. P. K probleme soznaniya i bessoznatel'nogo v psikhosemantike // Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki. 2021. № 4. S. 930-943. DOI: 10.17323/1813-8918-2021-4-930-943. EDN: ABASUK.
8. Leont'ev A. N. Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'. M.: Politizdat, 1975. 304 s. EDN: ZJUELZ.
9. Selivanov V. V. Psikhologiya soznaniya. Smolensk: Izd-vo SGU, 1999. 144 s.
10. Selivanov V. V., Maitner L., Griber Yu. A. Osobennosti ispol'zovaniya tekhnologii virtual'noi real'nosti pri korrektsii i lechenii depressii v klinicheskoi psikhologii [Elektronnyi resurs] // Klinicheskaya i spetsial'naya psikhologiya. 2021. T. 10. № 3. S. 231-255. DOI: 10.17759/cpse.2021100312. URL: https://psyjournals.ru/psyclin/2021/n3/Selivanov_Maitner_Griber.shtml (data obrashcheniya: 15.10.2025). EDN: KWMICM.
11. Selivanov V. V., Pobokin P. A. Osobennosti trevozhnosti i samoregulyatsii psikhicheskoi deyatel'nosti v virtual'noi srede // Eksperimental'naya psikhologiya. 2024. T. 17. № 1. S. 108-117. DOI: 10.17759/exppsy.2024170107. EDN: CFSUNJ.
12. Uznadze D. N. Psikhologicheskie issledovaniya. M.: Nauka, 1966. 452 s.
13. Uznadze D. N. Psikhologiya ustanovki. SPb.: Piter, 2001. 416 s.
14. Khokhlov N. A., Fedorova E. D. Neiropsikhologiya bessoznatel'nogo: sovremennoe sostoyanie problemy // Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal. 2021. № 1 (41). S. 127-148. DOI: 10.11621/npj.2021.0111. EDN: ZVCGOK.
15. Freid Z. Psikhopatologiya obydennoi zhizni. M.: Azbuka, 2013. 224 s.
16. Trofimova I. An Investigation of How People of Different Age, Sex, and Temperament Estimate the World [Elektronnyi resurs] // Psychological Reports. 1999. Vol. 85. No. 2. P. 533-552. DOI: 10.2466/pr0.1999.85.2.533. Rezhim dostupa: dlya zaregistrir. pol'zovatelei. Zagl. s ekrana. Yaz. angl. EDN: YCVIDK.
17. Zacks J. M., Swallow K. M. Event Segmentation [Elektronnyi resurs] // Current Directions in Psychological Science. 2007. Vol. 16. No. 2. P. 80-84. DOI: 10.1111/j.1467–8721.2007.00480.x. Rezhim dostupa: dlya zaregistrir. pol'zovatelei. Zagl. s ekrana. Yaz. angl.
18. Smith M. E., Zacks J. M. Event Segmentation Interventions Improve Memory for Naturalistic Events [Elektronnyi resurs] // Current Directions in Psychological Science. 2025. Epub ahead of print. DOI: 10.1177/09637214251350690. Rezhim dostupa: dlya zaregistrir. pol'zovatelei. Zagl. s ekrana. Yaz. angl.
19. Osgood C. E. The nature and measurement of meaning [Elektronnyi resurs] // Psychological Bulletin. 1952. Vol. 49. No. 3. P. 197-237. DOI: 10.1037/h0055737. Rezhim dostupa: dlya zaregistrir. pol'zovatelei. Zagl. s ekrana. Yaz. angl.

Methods of machine learning in determining mental state based on data from a coordinate input device

Uymin Anton Grigoryevich

Senior Lecturer; Department of Information Technology Security; Gubkin Russian State University of Oil and Gas

119991, Moscow, Leninsky Prospekt, 65 K. 1.

au-maill@ya.ru

Abstract. The subject of the study is the potential use of machine learning methods to

analyze computer mouse movements for diagnosing users' mental states. The proposed model, based on data about mouse movement speed, click frequency, and aiming accuracy, allows for the assessment of users' anxiety and stress levels. The experiment is conducted within the framework of the Remote Topology project, which collects data for subsequent model validation. The main focus is on automating the monitoring process of learners' psycho-emotional states and utilizing modern technologies to support their psychological well-being in educational environments. The developed approach involves performing tasks within a comprehensive infrastructure, enabling participants to work with standard system administrator tasks. The typical assignments incorporate logic whereby the task will not be solved using conventional algorithms. The research method is the implementation of machine learning techniques in the psychodiagnostics of students, allowing for the analysis of big data, the identification of hidden patterns, and the forecasting of emotional states. Examples of projects and systems utilizing NLP, movement analysis, and activity for the early detection of anxiety, stress, and depression are provided. The main outcome of the conducted research is the statistical analysis of stress and anxiety among participants. The experimental protocol was designed to recreate a scenario similar to the workday of a mid-level enterprise specialist solving tasks according to the professional standard 6.027, a specialist in the administration of network devices of information and communication systems. As a result, the experimental protocol induces an overall increase in perceived stress and anxiety levels, which can be accurately determined using machine learning methods. The differences in the tasks of these classes and algorithms complicate direct comparisons of the results obtained in our study with existing studies presented in the literature review. During previous and current research aimed at determining stress levels using mouse activity data, validation of the experimental group was conducted using machine learning methods. The analysis confirmed the significance of such features as key hold time, intervals between key presses, and mouse movement speed, which aligns with the findings of previous works.

Keywords: automation, experiment, anxiety, stress, verification, RemoteTopology, digital educational environments, machine learning, psychodiagnostics, click frequency

References (transliterated)

1. Vserossiiskoe chempionatnoe dvizhenie po professional'nomu masterstvu // Professionaly. URL: https://pro.firpo.ru/ (data obrashcheniya: 01.08.2025).
2. Ivanova A.O., Stepanova O.S. Osobennosti trevozhnosti shkol'nikov vo vzaimosvyazi s psikhologicheskoi bezopasnost'yu obrazovatel'noi sredy // Ekstremal'naya psikhologiya i bezopasnost' lichnosti. 2024. T. 1. DOI: 10.17759/epps.2024010302 EDN: BZHSPZ.
3. Makarcheva A.V. Teoreticheskii obzor problemy izucheniya dinamiki psikhicheskikh sostoyanii cheloveka [Tekst] // Vesennie psikhologo-pedagogicheskie chteniya: Sbornik materialov VII Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 95-letiyu so dnya rozhdeniya pochetnogo professora AGU im. V.N. Tatishcheva A.V. Burovoi. Sost. I.A. Eremitskaya. Astrakhan': AGU im. V.N. Tatishcheva, 2023. S. 32-36. DOI: 10.54398/9785992614299_32 EDN: EIDEKZ.
4. Panov E.V. Fizicheskaya kul'tura i sport kak sposob profilakticheskoi raboty s vozniknoveniem stressovogo sostoyaniya v professional'noi deyatel'nosti sotrudnikov pravookhranitel'nykh organov // NAUKA-2020: Setevoe izdanie. 2024. № 1(68). S. 58-63. URL: http://nauka-2020.ru/NV_1(68)2024.pdf (data obrashcheniya: 01.08.2025).
5. Profstandart 06.027 Spetsialist po administrirovaniyu setevykh ustroistv informatsionno-kommunikatsionnykh sistem. ot 05.10.2015 № 686n // Ofitsial'nyi internet-resurs Mintruda Rossii. URL: https://profstandart.rosmintrud.ru/obshchiy-

informatsionnyy-blok/natsionalnyy-reestr-professionalnykh-standartov/reestr-professionalnykh-standartov/index.php?ELEMENT_ID=50442 (data obrashcheniya: 01.08.2025).

6. Svidetel'stvo o gosudarstvennoi registratsii programmy dlya EVM № 2023683139 Rossiiskaya Federatsiya. Remote Topology extensions: Klient-servernoe brauzernoe rasshirenie, obespechivayushchie otslezhivanie deistvii pol'zovatelya s tsel'yu provedeniya biometricheskoi autentifikatsii: № 2023682110: zayavl. 25.10.2023: opubl. 02.11.2023 / A.G. Uimin. EDN MSIISH.
7. Timofeev N.S. Rol' tsennostnykh orientatsii starsheklassnikov v protsesse vybora professional'noi deyatel'nosti // Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika. 2024. T. 14. № 1. S. 147-159. DOI: 10.21869/2223-151X-2024-14-1-147-159 EDN: VFKMEU.
8. Uimin A.G. Avtomaticheskoe markirovanie setevogo trafika brauzera dlya analiza i klassifikatsii na primere platformy "Remotetopology" // T-Comm-Telekommunikatsii i Transport. 2022. T. 16. № 12. S. 17-22. DOI: 10.36724/2072–8735-2022-16-12-17-22 EDN: YLTNCI.
9. Uimin A.G. Analiz dinamiki dvizhenii koordinatnogo ustroistva vvoda informatsii kak sposob opredeleniya psikhicheskogo sostoyaniya pol'zovatelya // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika i psikhologiya. 2024. № 2(67). S. 104-114. DOI: 10.26456/vtpsyped/2024.2.104. EDN: XCLNZE.
10. Uimin A.G. Otsenka emotsional'no psikhologicheskogo sostoyaniya pri distantsionnom obuchenii. Instrumental'nye sredstva // Sbornik materialov XVIII mezhvuzovskoi konferentsii molodykh uchenykh po rezul'tatam issledovanii v oblasti psikhologii, pedagogiki, sotsiokul'turnoi antropologii. 2023. S. 328-334. EDN: XWBCXU.
11. Shamakov V.A. i dr. Opredelenie psikhoemotsional'nogo sostoyaniya pol'zovatelya informatsionnoi sistemy po dvigatel'noi aktivnosti s pomoshch'yu komp'yuternoi myshi. 2022. // URL: https://koha.lib.tsu.ru/cgi-bin/koha/opac-detail.pl?biblionumber=1003927 (data obrashcheniya: 01.08.2025). EDN: ZSBWCP.
12. Iancu B. Evaluating Google speech-to-text API's performance for Romanian e-learning resources // Informatica Economica. 2019. T. 23. № 1. S. 17-25.
13. Kumar A., Sharma K., Sharma A. MEmoR: A multimodal emotion recognition using affective biomarkers for smart prediction of emotional health for people analytics in smart industries // Image and Vision Computing. 2022. T. 123. S. 104483. DOI: 10.1016/j.imavis.2022.104483 EDN: JWGJAG.
14. Nakayama S., Low M.F. The research function of universities in Japan // Higher Education. 1997. T. 34. № 2. S. 245-258. EDN: AJTXHB.
15. Teufl P., Payer U., Lackner G. From NLP (natural language processing) to MLP (machine language processing) // Computer Network Security: 5th International Conference on Mathematical Methods, Models and Architectures for Computer Network Security, MMM-ACNS 2010, St. Petersburg, Russia, September 8–10, 2010. Proceedings 5. Springer Berlin Heidelberg, 2010. S. 256-269.
16. Uymin A. Instruments for student verification and assessment of his emotional and psychological state during remote work // Norwegian Journal of Development of the International Science. 2022. № 96. P. 98-101. DOI 10.5281/zenodo.7327249. EDN YBJRXC.

Psychological support as one of the mechanisms ensuring the effectiveness of labor activity

Soboleva Elena Vladimirovna

PhD in Psychology

Associate Professor; Department of Pedagogy and Psychology; St. Petersburg University of Management Technologies and Economics

090020, Russia, Saint Petersburg, 44 Lermontovsky str., Lit. A

bernar5@mail.ru

Abstract. The object of the study is psychological aspects of the effectiveness of labor activity. The subject of the study is the internal psychological mechanisms that affect a person's interest in the profession, the need for professional development and self-realization, career growth, attitude to work, colleagues, organizations, as well as his motivational values. The purpose of the study is to deepen the theoretical and methodological provisions, to study the indicators of labor efficiency before and after the implementation of the psychological support program and to develop scientific and practical recommendations on psychological support as a mechanism for ensuring the effectiveness of labor. In the course of the study, psychological indicators of labor efficiency were identified. The author of the article presents an original program of psychological support aimed at regulating the stress level of employees in accordance with the effectiveness of work. The methodology of the article is based on the research of the domestic and foreign scientists, revealing the psychological factors affecting the effectiveness of work, as well as psychological support in conditions of increased stress at different stages of work. The study uses theoretical (comparative analysis) and empirical research methods (conversation, questionnaire). The scientific novelty of the work lies in the fact that in the scientific and practical field of knowledge, the problem of the influence of psychological mechanisms on the effectiveness of labor activity has become one of the central aspects of economic efficiency. The practical significance lies in the fact that the conducted research expands the range of knowledge about the specifics of psychological support as a mechanism that increases the efficiency of work. The developed program of psychological support for employees of the organization can be used by psychologists of psychological services.

Keywords: professional development, well-being, mental health, stressful situations, psychological mechanisms, psychological support, workers, organization, effectiveness, work experience

References (transliterated)

1. Vasil'eva A.V. Vozmozhnosti otsenki ekonomicheskoi effektivnosti truda v razlichnykh vidakh ekonomicheskoi deyatel'nosti // Kreativnaya ekonomika. 2022. Tom 16. № S. 833-848. DOI: 10.18334/ce.16.2.114198.
2. Evstifeeva E.A., Filippchenkova S.I., Balakshina E.V. Osobennosti psikhologicheskogo soprovozhdeniya personala v organizatsii // Vestnik TvGU. Seriya "Pedagogika i psikhologiya". 2018. № 2. S. 43-49.
3. Ermakov G.P., Kotel'nikova N.V., Trunichkina E.I., Ganieva I.N. Effektivnost' truda i voznagrazhdenie za ego rezul'taty: teoriya i praktika // Ekonomika truda. 2021. Tom 8. № 8. S. 841-864. DOI: 10.18334/et.8.8.113240.
4. Symanyuk E.E., Zeer E.F. Psikhologiya professional'nykh destruktsii // M.: Akademicheskii proekt. 2005. S. 2005-240.
5. Ivanova E. M. O psikhologicheskikh mekhanizmakh povysheniya effektivnosti deyatel'nosti personala v organizatsii // Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo

universiteta. 2016. T. 18. S. 3-11. URL: http://izvestia_psy.isu.ru/ru/index.html

6. Kamalova O.M., Karavanova L.Zh. Motivatsionno-smyslovye otnosheniya lichnosti v professional'noi deyatel'nosti // Psikhologiya i Psikhotekhnika. 2024. № 2. S. 29-37. DOI: 10.7256/2454-0722.2024.2.70276 EDN: FRUXSW URL: https://e-notabene.ru/ptmag/article_70276.html
7. Konovalova V. G. Psikhicheskoe zdorov'e na rabochikh mestakh: novyi uroven' problem i ikh resheniya // UPIRR. 2022. № 6.
8. Rodionova E. A. Psikhologicheskie faktory effektivnosti sotrudnikov sovremennogo predpriyatiya // Terra Linguistica. 2011. № 124.
9. Sel'e G. Stress bez boleznei. SPb.: TOO Leila, 2003. 384 s.
10. Sel'e G. Stress bez distressa / G. Sel'e; red. E. M. Kreps; avt. predisl. Yu. M. Saarm. – M.: Progress, 1979. 126 s.
11. Adebayo A.O., Hussein A.A., Hussein A.A. Data mining using hierarchical clustering techniques on the position of employees in an information technology firm // Glob. Scientific J. 2019. 69. Pp. 50-76.
12. Jilan B., Wen Z. Quantitative analysis of the impact of perceived organizational support on employees' work-family enrichment in paper industry // Paper Asia. 2018. 1. Pp. 87-90.
13. Sharma H., Sharma S. Psychological pressure and stress on employees during 'unlock-1': a case study // Invertis J. Sci. Technol. 2020. 13. Pp. 51-99. DOI: 10.5958/2454-762X.2020.00005.0
14. Silva M.K., Sansaloni M., Pol A. Psychology of testimony: a pilot study on accuracy of memory in an emotional Vs. neutral situation // Global journal of. Intell. Dev. Disabil. 2018. 4. Pp. 9-14.

The system of logical levels as a model of anthropocentric standard of health.

Mustafayeva Mariam Abdurrahman

PhD in Psychology

Lecturer; Faculty of Psychology; Baku State University

AZ 1148, Azerbaijan, Baki, Baku

trukhanovas77@gmail.com

Abstract. The subject of the research is the phenomenon of health as a complex, multidimensional, and hierarchically organized system, including physical, mental, social, and spiritual components. The object of the research is the sociocultural standards of health that determine societal and personal representations of health and illness. The author examines aspects of the topic such as ancient, adaptive, and anthropocentric approaches to understanding health in detail. Special attention is given to the anthropocentric standard, within which the individual is perceived as a self-developing system capable of awareness, self-knowledge, spiritual growth, and internal integration. The research is based on a systemic-structural approach, which allows for the analysis of health as a dynamic process involving the interaction of different levels of human being. The annotation emphasizes the significance of the inner core of the individual as a key component that ensures the integrity and resilience of the individual. The methodological foundation of the research is the systemic-structural approach and the model of logical levels of consciousness by R. Dilts, complemented by elements of structural psychosomatics, allowing for the analysis of the

internal organization of the individual through the lens of values, identity, and spiritual core. The scientific novelty of this research lies in the integration of the model of logical levels of consciousness into the interpretation of the anthropocentric standard of health, which provides a new perspective on the internal structure of the individual as a system. This approach offers the possibility for a deep analysis of the value-semantic foundations of human existence and the mechanisms of self-organization. The work emphasizes that health in the anthropocentric context acts as a result of stable interaction between various levels of the mental and spiritual organization of the individual. Unlike the ancient and adaptive standards, the proposed approach focuses on the inner core of the individual as a source of vital energy, existential meaning, and spiritual resilience. It is concluded that the disruption of the connection with the core of the individual is at the heart of many personal and psychosomatic crises. Restoring this connection contributes to achieving psychological integrity, personal maturity, internal balance, and high stress resilience, which opens new perspectives for both theoretical psychology and practical psychotherapy.

Keywords: System of logical levels, spiritual dimension of personality, self-actualization, structural psychosomatics, personality core, integrative model, anthropocentric health standard, health standards, existential approach, systemic-structural approach

References (transliterated)

1. Spynu S.Yu., Gerasimenko O.N., Timoshenko P.E. Mezhdistsiplinarnyi podkhod k preobrazovaniyu pedagogicheskogo protsessa i obnovleniyu struktury uchebnovospitatel'nogo zanyatiya v vysshem professional'nom obrazovanii // Novye nauchnye issledovaniya i razrabotki. – 2025. – S. 180-201. EDN: QQPPTP.
2. Zankovskii A.N. Psikhologiya truda, ergonomika, inzhenernaya i organizatsionnaya psikhologiya v Institute psikhologii RAN: traditsii, dostizheniya, perspektivy // Istoriya, sovremennost' i perspektivy razvitiya psikhologii v sisteme Rossiiskoi akademii nauk. – 2022. – S. 730-733. EDN: WOUCZW.
3. Shevkoplyas I.V. Vliyanie antropologicheskogo podkhoda na protsess formirovaniya i razvitiya professional'nogo mirovozzreniya studentov yuridicheskikh vuzov // Vestnik pedagogicheskikh nauk. – 2024. – № 5. – S. 138-144. DOI: 10.62257/2687-1661-2024-5-138-144. EDN: ABREVN.
4. Goncharova V.A. Zdorov'e cheloveka i ego ontologicheskie osnovaniya // Intellekt. Innovatsii. Investitsii. – 2020. – № 2. – S. 67-73. DOI: 10.25198/2077-7175-2020-2-67. EDN: CSYZOO.
5. Martynenko E.A. Osobennosti tsennostno-smyslovoi sfery, determiniruyushchei psikhologicheskuyu suverennost' lichnosti // Azimut nauchnykh issledovanii: pedagogika i psikhologiya. – 2022. – T. 11. – № 3(40). – S. 40.
6. Atazhanova A.A. Potrebnosti kak yadro lichnosti // Nauka molodykh – budushchee Rossii. – 2020. – S. 287-290. EDN: SUBQBR.
7. Bozhovich L.I. Problemy formirovaniya lichnosti. // M.; Voronezh: MODEK, 1997. – S. 351.
8. Vasil'eva O.S., Filatov F.R. Psikhologiya zdorov'ya cheloveka: etalony, predstavleniya, ustanovki. // M.: Izdatel'skii tsentr “Akademiya”, 2001. – 352 s.
9. Vernadskii V.I. Mysli i nabroski. // Moskva : Nauka, 1988. – № 15. – S. 294.
10. Gippokrat. O prirode cheloveka // Klyatva. Zakon. O vrache. Nastavleniya. – Minsk, 1998. – S. 111-131.
11. Grof S. Kholotropnoe soznanie. Tri urovnya chelovecheskogo soznaniya i ikh vliyanie na

nashu zhizn'. // M.: AST, 2003. – 272 s.

12. Davydovskii I. V. Prisposobitel'nye protsessy v patologii. // Vestnik AMN SSSR, 1962. – № 4. – S. 27-37.
13. Dilts R. "Put' razmyshlenii" Darvina // SNT. – 2013. – T. 1. – S. 381-385.
14. Dyurkgeim E. Sotsiologiya: ee predmet, metod, prednaznachenie // Sotsiologiya. – M., 1995. – S. 304.
15. Kaznacheev V.P., Spirin E.A. Kosmoplanetarnyi fenomen cheloveka. // Problemy kompleksnogo izucheniya. – Novosibirsk, 1991. – S. 304. EDN: RZYHSX.
16. Lindeman Kh. Sistema psikhofizicheskogo samoregulirovaniya. // Moskva : RENAR, 1992. – S. 5-52.
17. Lorents K. Oborotnaya storona zerkala. // Respublika, 1998. – S. 393.
18. Magomed-Eminov M.Sh. Transformatsiya lichnosti. // Psikhoanaliticheskaya Assotsiatsiya Moskva, 2007. – S. 496.
19. Minchenkov A.V., Elpidiforov P.B. Metody strukturnoi psikhosomatiki // – SPb.: Yuventa; M.: Institut obshchegumanitarnykh issledovanii, 2001. – S. 409.
20. Mustafaeva M. Sistemno-strukturnyi podkhod v psikhologii i osobennosti strukturnoi psikhosomatiki // Psikhologiya. – 2019. – № 2. – S. 30.
21. Olport G. Lichnost' v psikhologii. // M.: Yuventa, 1998. – S. 345.
22. Platon. Dialogi Platona. – URL: http://psylib.org.ua/books/plato01/27timei.htm.
23. Sel'e G. Stress bez distressa. // Riga, 1992. – S. 112.
24. Frankl V. Ekzistentsial'nyi vakuum // Chelovek v poiskakh smysla. – M., 1990. – S. 308-321.
25. Tsitseron. O starosti // O starosti. O druzhbe. Ob obyazannostyakh. – M., 1975. – S. 7-31.
26. Maslow A.H. Motivation and Personality. // Harper & Row, 1970. – S. 369.
27. Maslow A.H. Toward a Psychology of Being. // Litton Education Publishing, 1968. – S. 240.
28. Maslow A.H. Psikhologiya bytiya. // M.: Refl-buk; K.: Vakler, 1997. – S. 304.
29. Dilts R. Kouching s pomoshch'yu NLP. // SPb.: praim-EVROZNAK, 2004. – 256 s. EDN: QXIVHJ.
30. Dirac P.A.M. A Theory of Electrons and Protons // Proc. R. Soc. Lond. A. – 1930. – Vol. 126. – S. 360-365.
31. Erikson E.H. Childhood and Society. // N.Y.: Norton, 1963. – S. 200.
32. Erikson E.H. Identity: Youth and Crisis. // W.W. Norton Company, 1968. – S. 338.
33. Fromm E. Escape from Freedom. // N.Y.: Avon, 1956. – S. 333.
34. Mustafayeva M. El modelado como instrumento clave del enfoque sistemático-estructural de la psicología de la personalidad // Interacción y Perspectiva. – 2021. – Vol. 11, № 2. – S. 129-140.
35. Mustafayeva M. Integration of polarities as a trend towards integrity of the personality // Revista Universidad y Sociedad. – URL: https://rus.ucf.edu.cu/index.php/rus/issue/view/89.
36. Podd'yakov A.N. Sotsial'nyi konstruktivizm i uchebno-issledovatel'skie internet-proekty // Issledovatel'skaya deyatel'nost' uchashchikhsya: ot detskogo sada do vuza. – Moskva, 2010. – S. 68-77. EDN: VWRRNO.
37. Bayanasova A.A., Golubeva O.Yu. Razvitie sovremennoi lichnosti: sotsiokul'turnyi kontekst // Sotsial'no-kul'turnaya deyatel'nost': vektory issledovatel'skikh i

prakticheskikh perspektiv. – Kazan', 2022. – S. 124-129. EDN: XWETGY.

38. Bukhanovskii A.O., Kutyavin Yu.A., Litvak M.E. [i dr.]. Obshchaya psikhopatologiya. // Moskva: "KnoRus", 2022. – S. 368. EDN: MQUDJO.

The problem of pedagogical competence in the works of A.P. Nechaev

Kostrigin Artem Andreevich

PhD in Psychology

Associate Professor; Department of Psychology; A.N. Kosygin Russian State University (Technology. Design. Art)
Senior Researcher; Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences

1 Malaya Kaluzhskaya str., Moscow, 119071, Russia

artdzen@gmail.com

Abstract. The article examines the problem of pedagogical competence in Russian psychology. The direction of analysis of the historical sources of modern ideas about pedagogical competence is highlighted. It is noted that such historical-scientific research is devoted mainly to well-known personalities, while there are scientists of the early 20th century, whose ideas about pedagogical competence are little studied. A historical-psychological analysis of the psychological and pedagogical views of A.P. Nechaev (1870–1948) on the personality and activities of a teacher is carried out. The scientist did not study the problem of pedagogical competence itself (since it was developed later), however, in his scientific works A.P. Nechaev described the requirements for the personal and professional qualities of a teacher, on the basis of which it is possible to reconstruct his ideas about significant types of competence. The main methodological principle of the study was the provision on the possibility of using modern concepts to determine the structure of scientific ideas of individuals on a particular problem. The concept of competence of V.D. Shadrikov was used as a modern approach. The main research methods are problem analysis and historical-psychological reconstruction. It has been established that in his scientific works A.P. Nechaev considered all types of pedagogical competence: in his views, personal competence included the teacher's focus on studying the child's mental life, motivational competence included individualization of learning, organizational competence included the preparation of educational materials based on the age-related characteristics of the child's mental development, informational competence included the teacher's mastery of psychological knowledge, program competence included the construction of the educational process based on experimental and psychological data, and purpose competence included the desire to form a "morally valuable" and integral personality of the student. A.P. Nechaev attached great importance to the use of psychology in pedagogical activity. In conclusion, it is said that the scientist's views were conditioned by the intellectual, socio-historical and moral context of that time. The conducted research allows us to say that the sources of modern ideas about pedagogical competence include, among others, the works of A.P. Nechaev, which reflect the focus of the teacher and his activities on the inner world of students, the development of their personality, taking into account the age-related characteristics of their mental development.

Keywords: inner world of a child, pedagigocal activity, personality of teacher, historical-psychological reconstruction, A.P. Nechaev, pedagogical competence, pedagogical psychology, history of psychology, individualization of teaching, education

References (transliterated)

1. Andrienko A.S. Kompetentnostno-orientirovannyi podkhod v sisteme vysshego obrazovaniya: istoriya, sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya. Cheboksary: ID "Sreda", 2018. DOI: 10.31483/r-22120. EDN: YVXFAD.
2. Antonov V.I., Ochirova O.A. Slovo o vydayushchemsya uchenom-psikhologe KhKh stoletiya: lektsii P.Ya. Gal'perina v kontekste ritoricheskoi kompetentsii // Vysshee obrazovanie segodnya. 2020. № 2. S. 21-24. DOI: 10.25586/RNU.HET.20.02.P.21. EDN: SQCMSU.
3. Anshakova V.V. Vklad A.P. Nechaeva v stanovlenie i razvitie vozrastnoi i pedagogicheskoi psikhologii. Astrakhan': Izd-vo Astrakhanskogo gos. ped. un-ta, 2002.
4. Baikhanov I.B. Skvoznye kompetentsii v sisteme kompetentsii sovremennogo pedagoga // Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii. 2022. № 5. S. 17-25. DOI: 10.26170/2079-8717_2022_05_02. EDN: IYBNAB.
5. Belentsov S.I. Vklad V.P. Vakhterova v razvitie russkoi pedagogiki vtoroi poloviny KhIKh – nachala KhKh vekov // Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika. 2016. № 2(19). S. 100-109. EDN: WGFBRD.
6. Bim-Bad B.M. Pedagogicheskie techeniya v nachale dvadtsatogo veka: lektsii po pedagogicheskoi antropologii i filosofii obrazovaniya. M.: Izd-vo URAO, 1998.
7. Bozhko E.M., Il'ner A.O. Kompetentnostnyi podkhod v Rossii i za rubezhom: istoricheskie i teoreticheskie aspekty // Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya. 2019. № 1. S. 26. EDN: BABNQT.
8. Bol'shakova V.V. Eksperimental'noe izuchenie psikhologii shkol'nikov v trudakh A.P. Nechaeva // Istoriya stanovleniya i razvitiya eksperimental'no-psikhologicheskikh issledovanii v Rossii. M.: Nauka, 1990. S. 189-199.
9. Bykova E.A., Istomina S.V., Samylova O.A. Izuchenie psikhologo-pedagogicheskoi kompetentnosti pedagogov // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. 2020. № 4. S. 26-29. DOI: 10.24411/1991–5497-2020-00664. EDN: CLJEIC.
10. Bystrai E.B., Baronenko E.A., Raisvikh Yu.A. Formirovanie interaktivnoi kompetentsii budushchikh pedagogov kak osnova pedagogicheskoi rezil'entnosti // Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta. 2021. № 1 (161). S. 46-64. DOI: 10.25588/CSPU.2021.161.1.003. EDN: PLFLLK.
11. Vlasova O.A. Istorizm i spory o statuse nauki: ot filosofii k novoi istorii psikhologii // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya. 2024. T. 40. № 3. S. 380-391. DOI: 10.21638/spbu17.2024.302. EDN: ZOZZPL.
12. Gaten Yu.V. Stanovlenie psikhologicheskoi kompetentsii v sisteme professional'noi podgotovki pedagogov v Rossii v kontse XIX – nachale XX veka // Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta. Pedagogicheskie nauki. 2014. № 2. S. 45-52. EDN: RXOUTL.
13. Gogolina N.G., Nasyrova E.F. Sootnoshenie soderzhaniya kategorii ponyatii kompetentnost' i kompetentsiya kak osnovy professionalizma sovremennogo pedagoga // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. 2020. № 3 (82). S. 128-131. DOI: 10.24411/1991–5497-2020-00483. EDN: HWTBUM.
14. Gromyko Yu.V., Prosekin M.Yu. Obuchayushchaya mysledeyatel'nost' novogo pokoleniya i bazovye pedagogicheskie kompetentsii // Psikhologo-pedagogicheskie issledovaniya. 2022. T. 14. № 2. S. 100-128. DOI: 10.17759/psyedu.2022140207. EDN: MGHPMP.
15. Zeer E.F., Zavodchikov D.P. Model' soft-kompetentsii pedagoga srednego professional'nogo obrazovaniya // Professional'noe obrazovanie i rynok truda. 2022. № 4 (51). S. 82-97. DOI: 10.52944/PORT.2022.51.4.006. EDN: PPGHCX.

16. Zimnyaya I.A. Kompetentsiya i kompetentnost' v kontekste kompetentnostnogo podkhoda v obrazovanii // Uchenye zapiski Natsional'nogo obshchestva prikladnoi lingvistiki. 2013. № 4. S. 16-31. EDN: QJQKQK.
17. Isaeva T.E. Kompetentsii i "elektronnaya" pedagogicheskaya kul'tura prepodavatelya vysshei shkoly v postpandemicheskom mire // Vysshee obrazovanie v Rossii. 2021. № 6. S. 80-96. DOI: 10.31992/0869–3617-2021-30-6-80-96. EDN: YTOOXF.
18. Kadnevskii V.M. A.P. Nechaev i stanovlenie eksperimental'noi pedagogiki v Rossii // Pedagogika. 2005. № 1. S. 71-78.
19. Kanke V.A. Filosofiya i metodologiya istoricheskogo poznaniya. M.: Yurait, 2025.
20. Kashapov M.M., Surina N.V., Kashapov A.S. Resursnost' myshleniya kak klyuchevaya kompetentnost' pedagoga v usloviyakh tsifrovizatsii obrazovatel'noi sredy // Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Psikhologiya. 2022. T. 40. S. 18-30. DOI: 10.26516/2304–1226.2022.40.18. EDN: QTJUWU.
21. Kol'tsova V.A. Teoretiko-metodologicheskie osnovy istorii psikhologii. M.: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2004. EDN: QXKYQZ.
22. Kostrigin A.A. Istoriko-psikhologicheskie idei A.P. Nechaeva. Chast' 2: istoriya psikhologii v razlichnye epokhi, personalii // Institut psikhologii Rossiiskoi akademii nauk. Sotsial'naya i ekonomicheskaya psikhologiya. 2021. T. 6. № 2(22). S. 271-295. DOI: 10.38098/ipran.sep_2021_22_2_11. EDN: DRZVKY.
23. Mazilov V.A. Uroki Ushinskogo: psikhologicheskaya nauka i idei velikogo pedagoga // Yaroslavskii psikhologicheskii vestnik. 2024. № 1(58). S. 22-29. EDN: RUGXOS.
24. Mazilov V.A., Slepko Yu.N. Problema sposobnostei v otechestvennoi psikhologii: stranitsy istorii // Psikhologiya sposobnostei i odarennosti: Sbornik statei II Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Yaroslavl', 24-25 noyabrya 2022 goda. Yaroslavl': YaGPU im. K.D. Ushinskogo, 2022. S. 49-55.
25. Mazilov V.A., Slepko Yu.N. Psikhologicheskii analiz pedagogicheskikh kompetentsii v strukture professional'noi podgotovki uchitelya // Integratsiya obrazovaniya. 2024. T. 28. № 4(117). S. 514-532. DOI: 10.15507/1991–9468.117.028.202404.514-532. EDN: CQQKGM.
26. Mitina L.M., Osadcheva I.I., Mitin G.V. Uchitel' budushchego: novye nauchnye podkhody, matritsy kompetentsii, resursy razvitiya // Vestnik prakticheskoi psikhologii obrazovaniya. 2023. T. 20. № 4. S. 43-56. DOI: 10.17759/bppe.2023200404. EDN: USXPZQ.
27. Molchanova L.N., Malikhova L.N., Kuznetsova A.A. Sotsial'no-psikhologicheskaya kompetentnost' kak faktor vozniknoveniya i preodoleniya emotsional'nogo vygoraniya pedagogov otdel'nykh obrazovatel'nykh organizatsii v usloviyakh pandemii COVID-19 // Perspektivy nauki i obrazovaniya. 2022. № 2 (56). S. 448-459. DOI: 10.32744/pse.2022.2.26. EDN: OKCHWL.
28. Nechaev A.P. K voprosu o vzaimnom otnoshenii pedagogiki i psikhologii // Russkaya shkola. 1899. № 3. S. 45-51.
29. Nechaev A.P. Ob organizatsii psikhologicheskikh nablyudenii // Russkaya shkola. 1902. № 2. S. 149-154.
30. Nechaev A.P. Individualizatsiya obucheniya i zadachi obshchego obrazovaniya // Russkaya shkola. 1908. T. 2. S. 226-230.
31. Nechaev A.P. Ocherk psikhologii dlya vospitatelei i uchitelei. SPb.: Tip. P.P. Soikina, 1911.
32. Nechaev A.P. Kak prepodavat' psikhologiyu? SPb.: Tip. P.P. Soikina, 1913.

33. Nechaev A.P. Kurs pedagogicheskoi psikhologii dlya narodnykh uchitelei. Pg.; M.: T-vo "V.V. Dumnov, nasledn. brat'ev Salaevykh", 1916.
34. Nechaev A.P. Psikhologicheskii metod obucheniya chteniyu. M.: T-vo "V.V. Dumnov, nasledn. brat'ev Salaevykh", 1923.
35. Novikova G.V. Deyatel'nostnaya teoriya ucheniya N.F. Talyzinoi v podgotovke sovremennogo pedagoga // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 20. Pedagogicheskoe obrazovanie. 2023. № 4. S. 43-59. DOI: 10.55959/MSU2073-2635–2023-21-4-43-59. EDN: NMPCTA.
36. Osadcheva I.I. K voprosu o diagnostike sposobnostei i gotovnosti uchashchikhsya k vyboru professii pedagoga // Vestnik prakticheskoi psikhologii obrazovaniya. 2024. T. 21. № 2. S. 25-32. DOI: 10.17759/bppe.2024210203. EDN: KYJUXB.
37. Pavlova O.S. Khukhlaev O.E., Buchek A.A., Aleksandrova E.A., Gavryushina M.K., Krivtsova A.S., Leibman I.Ya., Shorokhova V.A. Mezhkul'turnaya kompetentnost' i samoeffektivnost' uchitelya v mul'tikul'turnoi srede // Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki. 2022. T. 19. № 1. S. 45-60. DOI: 10.17323/1813–8918-2022-1-45-60. EDN: PVRNBC.
38. Pesha A.V., Evplova E.V. Nadprofessional'nye kompetentsii pedagoga XXI veka // Pedagogika i prosveshchenie. 2020. № 3. S. 29-46. DOI: 10.7256/2454-0676.2020.3.33247 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=33247
39. Romanov A.A. A.P. Nechaev – vdokhnovitel' i deyatel' eksperimental'noi pedagogiki Rossii (k 145-letiyu so dnya rozhdeniya) // Psikhologo-pedagogicheskii poisk. 2015. № 2. S. 99. EDN: UBFLBV.
40. Sakovich I.A. Pedagogicheskie vozzreniya A.P. Nechaeva: Avtoref. diss. … kand. ped. nauk: 13.00.01. M., 2009. EDN: ICEOUB.
41. Sergeev A.N. Stanovlenie idei trudovogo obucheniya i politekhnicheskogo obrazovaniya v istorii pedagogicheskoi mysli i sovremennoi teorii i praktike. Tula: Tul'skii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet im. L.N. Tolstogo, 2012. EDN: UIAZBF.
42. Slepko Yu.N. Psikhologicheskaya struktura lichnostnoi kompetentnosti // Chelovecheskii faktor: Sotsial'nyi psikholog. 2025. № 1(53). S. 194-203. EDN: BPCREE.
43. Stoyukhina N.Yu. Psikhotekhnicheskie issledovaniya 1920-1930-kh gg. po predotvrashcheniyu avarii na transporte // Psikholog. 2015. № 1. S. 66-93. DOI: 10.7256/2409-8701.2015.1.13932 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=13932
44. Tokareva M.V. Tsifrovaya kompetentsiya ili tsifrovaya kompetentnost' // Vestnik Shadrinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2021. № 4 (52). S. 133-140. DOI: 10.52772/25420291_2021_4_133. EDN: SNRKGJ.
45. Utkin A.V. Missiya uchitelya kak predmet teoreticheskogo osmysleniya v istorii otechestvennogo obrazovaniya XVIII – nachala XX veka: Avtoref. diss. … dokt. ped. nauk. M., 2013.
46. Shadrikov V.D. Didaktika: kompetentnostnyi podkhod. Chast' 1. M.: Kogito-Tsentr, 2023. EDN: NSLMPK.
47. Shaidenko N.A., Podzolkov V.G., Sergeev A.N., Sergeeva A.V. Problemy kompetentnosti i kompetentsii v psikhologo-pedagogicheskikh issledovaniyakh. Tula: Tul'skii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet im. L.N. Tolstogo, 2007. EDN: UIMWLV.
48. Yudina N.P. Razvitie gumanisticheskoi demokraticheskoi traditsii v otechestvennoi pedagogike 70-kh godov XIX veka – nachala XX veka: Avtoref. diss. … dokt. ped. nauk. Khabarovsk, 2004. EDN: NNIEWT.
49. Maslov K. "Neither class, nor party": Paradoxes and transformations of the Russian and

Soviet scientific intelligentsia // History of the Human Sciences. 2015. Vol. 28. № 2. P. 111-127.

50. Tucker S.A., Cofsky K.M. Competency-Based Pay on Banding Platform, Competence at Work. New York: Wiley, 1999.

Features of victim identity of adolescents with chronic diseases

Milekhina Irina Dmitrievna

independent researcher

129128, Russia, Moscow, Prospekt mira str., 188bk2, sq. 72

irinamilekhina5@gmail.com

Trubitsina Lyudmila Valentinovna

PhD in Psychology

Associate Professor; Institute of Clinical Psychology and Social Work; Pirogov Russian National Research Medical University, Ministry of Health of the Russian Federation (Pirogov University)

123592, Russia, Moscow, Stroginsky blvd., 7k1, sq. 312

lrinamilekhina5@gmail.com

Abstract. The article presents the results of a study of the characteristics of the victim identity of adolescents with chronic diseases. There are many studies of adolescents' with chronic diseases personality traits in the scientific literature, but insufficient research has been found on the problem of victim identity of adolescents with various chronic diseases. The purpose of this research is to study the characteristics of victim identity of adolescents with chronic diseases. The results of an experimental verification of hypotheses put forward by the authors about the presence of differences in victimization characteristics between three groups of adolescents with chronic skin, chronic urological and chronic gastrointestinal diseases and the presence of a link between indicators of victimization with anxiety and social orientation and the presence of a difference in these links between the three groups are presented. Methods developed by Andronnikova O.O. used in the study: "Methodology for the study of propensity to victim behavior" by Andronnikova O.O., test of the sacrificial position of personality by Andronnikova O.O., test of victim identity by Andronnikova O.O.; Taylor's methodology for measuring anxiety level (adaptation by T.A. Nemchinov), Methodology for diagnosing socio-psychological attitudes of personality in the motivational-need sphere by O.F. Potemkina. As a result, it was found that adolescents with skin and urological diseases have a significantly higher degree of tendency to hypersocial, sacrificial behavior than adolescents with gastrointestinal diseases, adolescents with skin diseases are significantly more likely to get into threatening situations, have a greater internal predisposition and willingness to victimize situations, have a tendency to aggressive impulsive behavior more than adolescents with urological and gastrointestinal diseases. Adolescents with urological and skin diseases are significantly more likely to use sacrifice as a punishment for themselves, significant differences are found between the group of adolescents with gastrointestinal diseases and the group with skin diseases, adolescents with gastrointestinal diseases are significantly less prone to this than other groups. Adolescents with gastrointestinal, skin, and urological diseases differ not only in terms of victimization, but also in the structure of relationships between victimization and anxiety and social orientation,

which indicates the importance of comparison not only in individual indicators, but also in the structure of their relationships.

Keywords: Victim identity research, The impact of chronic diseases, Chronic diseases, Victim's position, The sacrificial position, Identity formation, Victim identity, Identity, characteristics of victimization, victimization

References (transliterated)

1. Andronnikova, O. O. Viktimnaya identichnost' lichnosti i faktory ee stanovleniya: teoreticheskii i empiricheskii analiz: monografiya / Academic Publishing GmbH & Co. KG. 2011. 143 s.
2. Andronnikova, O. O. Psikhologicheskoe prostranstvo viktimnoi lichnosti // Evraziiskoe Nauchnoe Ob''edinenie.2017. № 11(33). S. 153-155.
3. Filyakova, E. G. Obraz Ya detei s khronicheskimi somaticheskimi zabolevaniyami (bronkhial'naya astma i gastroduodenal'naya patologiya) // Pediatriya. 2002. № 4. S. 97-103.
4. V.V. Nikolaeva. Vliyanie khronicheskoi bolezni na psikhiku: nauchnoe issledovanie / Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1987. 167 s.
5. Mid, D. Internalizovannye drugie i samost' // Amerikanskaya sotsiologicheskaya mysl'. sost. E. I. Kravchenko. M.: Izd-vo MGU, 1994. 496 s.
6. Shapovalenko, I. V. Vozrastnaya psikhologiya (Psikhologiya razvitiya i vozrastnaya psikhologiya) / I. V. Shapovalenko. M.: Gaidariki, 2005. 349 s.
7. Shneider, L. B Professional'naya identichnost' / L.B. Shneider M.: MOSU, 2001. 211 s.
8. Erikson, E. Identichnost': yunost' i krizis. M.: Progress, 1996. 344 s.
9. Yung, K. G. Psikhologiya bessoznatel'nogo / per. s angl. M.: Kogito-Tsentr, 2010. 352 s.
10. Baranova, T. S. Teoreticheskie modeli sotsial'noi identifikatsii lichnosti // Sotsial'naya identifikatsiya lichnosti. M.: Institut sotsiologii RAN, 1993. S. 35-46.
11. Soldatova, G. U. Ya-real'noe i Ya-virtual'noe: identifikatsionnye matritsy podrostkov i vzroslykh // Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya. 2022. T. 18. № 4. S. 27-37.
12. Yaltonskii, V. M. Vospriyatie podrostkami sistemnogo khronicheskogo zabolevaniya i sovladanie s nim // Voprosy psikhicheskogo zdorov'ya detei i podrostkov. 2020. T. 20. № 2. S. 20-26.
13. Yaltonskii V.M., Diyazheva L.V., Abrosimov I.N. Sovladayushchee povedenie podrostkov, bol'nykh mukovistsidozom // Meditsinskaya psikhologiya v Rossii. 2011. № 6. S. 56-60.
14. Sakharova, N. A. Fenomen «Psikhologicheskie granitsy lichnosti» v psikhologii // Dubna Psychological Journal. 2014. № 3. S. 1-9.
15. Zhedunova, L. G. Granitsy psikhologicheskogo prostranstva lichnosti kak faktor narusheniі pishchevogo povedeniya // Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik. 2014. № 4. S. 237-241.
16. Zikeeva, L. D. Nevroticheskie reaktsii u bol'nykh khronicheskim glomerulonefritom i khronicheskim pielonefritom // Klinicheskaya meditsina. 1974. № 9. S. 43-48.
17. Vinokurova, G. A. Osobennosti aksiologicheskogo komponenta psikhologicheskogo zdorov'ya u podrostkov s khronicheskimi somaticheskimi zabolevaniyami // Integratsiya nauki i obrazovaniya v XXI veke: psikhologiya, pedagogika, defektologiya.2016. S. 24-32.

18. Gal'chuk, D. S. Ponyatie «identichnost' lichnosti» // Vestnik buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. 2017. № 5. S. 44-51.

Personality aspects of rehabilitation of patients with schizophrenia spectrum disorders and comorbid addictive pathology in a specialized psychiatric hospital setting

Sitnikova Elina Olegovna

Independent researcher

630541, Russia, Novosibirsk region, Novosibirsk region, Elite settlement, Nikolay Kazarin str., 2

sitnikova-elina@yandex.ru

Sultanova Aklima Nakipovna

Doctor of Medicine

Professor; Department of Psychiatry, Narcology, Psychotherapy and Clinical Psychology; Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education 'Novosibirsk State Medical University' of the Ministry of Health of the Russian Federation

630091, Russia, Novosibirsk region, Novosibirsk, Central district, Krasny prospekt, 52

sultanova.aklima@yandex.ru

Zinina Alla Ivanovna

PhD in Medicine

Chief Physician; Federal Government Institution 'Novosibirsk Psychiatric Hospital (inpatient) of specialized type with intensive supervision' of the Ministry of Health of the Russian Federation

90 Okhotskaya St., Novosibirsk, Zaeltsovsky district, 630040, Russia, Novosibirsk region

npbstin@mail.ru

Bukin Andrei Viktorovich

Head of the Department; Federal Government Institution 'Novosibirsk Psychiatric Hospital (inpatient) of a specialized type with intensive supervision' of the Ministry of Health of the Russian Federation

90 Okhotskaya St., Novosibirsk, Zaeltsovsky district, 630040, Russia, Novosibirsk region

bukin@mail.ru

Shestakova Elena Sergeevna

Clinical psychologist; Scientific and Practical Center of Mental Health named after Ts.P. Korolenko

644116, Russia, Omsk region, Omsk, Central district, Herzen St., 250 K. 1

beautifulpinkfridge@gmail.com

Abstract. This study is devoted to identifying the potential of psychological rehabilitation concerning the personal sphere of patients with diagnosed schizophrenia spectrum disorders (SSD) and comorbid addictive pathology in a specialized psychiatric hospital. We studied the individuals suffering from SSD and comorbid addiction undergoing psychological rehabilitation in a specialized psychiatric hospital setting. The subject of the research was the personality characteristics of patients with SSD and comorbid addictive pathology. The study hypothesis was that the parameters significantly altered during the psychological rehabilitation of patients with SSD and comorbid addiction would be associated with the patients' personality characteristics, predetermining the possibility of their correction through a rehabilitation process. The following psychodiagnostic instruments were used: the Montreal Cognitive Assessment (MoCA), the Brief Negative Symptom Scale (BNSS), the Ways of Coping

Questionnaire, the Life Style Index (LSI), the Zimbardo Time Perspective Inventory (ZTPI), and the Motives for Drug Use scale. Mathematical and statistical analysis was performed using the Wilcoxon signed-rank test and Spearman's rank correlation coefficient. The novelty of the research lies in identifying the specific personality constructs that can be targeted for correction in the rehabilitation process of this patient population through group work focused on traditional targets—negative symptoms and cognitive skills. In the course of psychological rehabilitation, dynamic changes were found in the integral indicator of negative symptoms ($p=0.01$), blunted affect ($p=0.04$), anhedonia ($p=0.04$), and asociality ($p=0.03$), as well as in cognitive skills ($p=0.03$). The correlation analysis indicated a potential for rehabilitation that is presumably latent in the following areas: psychological defense mechanisms, coping strategies, motivation to use psychoactive substances, and time perspective. The future direction of this work is aimed at confirming the identified relationships through practical experience within a long-term, systematic, and multifaceted psychological rehabilitation program.

Keywords: group training, specialized type, negative symptoms, cognitive skills, personal domain, coping behavior, psychological rehabilitation, schizophrenia spectrum, addiction, comorbidity

References (transliterated)

1. Hunt G.E., Large M.M., Cleary M., Lai H.M.X., Saunders J.B. Prevalence of comorbid substance use in schizophrenia spectrum disorders in community and clinical settings, 1990–2017: Systematic review and meta-analysis // Drug and Alcohol Dependence. 2018. No 191. Pp. 234-258. DOI: 10.1016/j.drugalcdep.2018.07.011.
2. Schmidt L.M., Hesse M., Lykke J. The impact of substance use disorders on the course of schizophrenia – a 15-year follow-up study: dual diagnosis over 15 years // Schizophrenia Research. 2011. No 130(1-3). Pp. 228-233. DOI: 10.1016/j.schres.2011.04.011.
3. Compton M.T., Weiss P.S., West J.C., Kaslow N.J. The associations between substance use disorders, schizophrenia-spectrum disorders, and Axis IV psychosocial problems // Social Psychiatry and Psychiatric Epidemiology. 2005. No. 40(12). Pp. 939-946. DOI: 10.1007/s00127-005-0964-4.
4. Green A.I., Kokhar O.Y. Addiction and schizophrenia: A translational perspective // Schizophrenia Research. 2018. No. 194. Pp. 1-3. DOI: 10.1016/j.schres.2017.10.008.
5. Brunette M.F., Mueser K.T., Babbin S., Meyer-Kalos P., Rosenheck R., Correll C.U., Cather C., Robinson D.G., Schooler N.R., Penn D.L. Demographic and clinical correlates of substance use disorders in first episode psychosis // Schizophrenia Research. 2018. No. 194. Pp. 4-12. DOI: 10.1016/j.schres.2017.06.039.
6. Patterson A., Sonnweber M., Lau S., Günther M.P., Seifritz E., Kirchebner J. Schizophrenia and substance use disorder: Characteristics of coexisting issues in a forensic setting // Drug and Alcohol Dependence. 2021. No. 226. Pp. 108850. DOI: 10.1016/j.drugalcdep.2021.108850.
7. Argote M., Sescousse G., Brunelin J., Baudin G., Schaub M.P., Rabin R., Schnell T., Ringen P.A., Andreassen O.A., Addington J.M., Brambilla P., Delvecchio G., Bechdolf A., Wobrock T., Schneider-Axmann T., Herzig D., Mohr C., Vila-Badia R., Rodie J.U., Mallet J., Ricci V., Martinotti G., Knížková K., Rodriguez M., Cookey J., Tibbo P., Scheffler F., Asmal L., Garcia-Rizo C., Amoretti S., Huber C., Thibeau H., Kline E., Fakra E., Jardri R., Nourredine M., Rolland B. Association between cannabis use and symptom dimensions in schizophrenia spectrum disorders: an individual participant data meta-

analysis on 3053 individuals // EClinicalMedicine. 2023. No. 64. Pp. 102199. DOI: 10.1016/j.eclinm.2023.102199.

8. Ihler H.M., Lyngstad S.H., Gardsjord E.S., Widing L.H., Flaaten C.B., Åsbø G., Wold K.F., Engen M.J., Simonsen C., Ueland T., Lagerberg T.V., Melle I., Romm K.L. The trajectory of two negative symptom dimensions in first-episode psychosis and the role of cannabis use: A 10-year follow-up study // Schizophrenia Research. 2023. No. 252. Pp. 317-325. DOI: 10.1016/j.schres.2023.01.024.
9. Richard-Devantoy S., Bouyer-Richard A.I., Jollant F., Mondoloni A., Voyer M., Senon J.L. Homicide, schizophrénie et abus de substances: des liaisons dangereuses? // Revue d'Épidémiologie et de Santé Publique. 2013. No. 61(4). Pp. 339-350. DOI: 10.1016/j.respe.2013.01.096.
10. Nibbio G., Barlati S., Cacciani P., Corsini P., Mosca A., Ceraso A., Deste G., Vita A. Evidence-Based Integrated Intervention in Patients with Schizophrenia: A Pilot Study of Feasibility and Effectiveness in a Real-World Rehabilitation Setting // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2020. No. 17(10). Pp. DOI: 10.3390/ijerph17103352.
11. Popov S.N. Sravnitel'nyi analiz kliniko-kriminologicheskikh kharakteristik patsientov s organicheskimi psikhicheskimi rasstroistvami i bol'nykh shizofreniei, sovershivshikh povtornye obshchestvenno opasnye deyaniya // Voronezhskii tsentr meditsinskikh ekspertiz; Rossiya, g. Voronezh. 2022. T. 4. № 21. S. 67-71. DOI: 10.31550/1727–2378-2022-21-4-67-71.
12. Monfort M., Benito A., Haro G., Fuertes-Saiz A., Cañabate M., Baquero A. The Efficacy of Animal-Assisted Therapy in Patients with Dual Diagnosis: Schizophrenia and Addiction // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2022. No. 19(11). Pp. 6695. DOI: 10.3390/ijerph19116695.
13. Kholmogorova A.B., Garanyan N.G., Dolnykova A.A., Shmukler A.B. Programma treninga kognitivnykh i sotsial'nykh navykov (TKSN) u bol'nykh shizofreniei // Sotsial'naya i klinicheskaya psikhiatriya. 2007. T. 17, № 4. S. 67-77.
14. Semenova N.D. Metodika dlya motivirovaniya patsientov k psikhosotsial'noi reabilitatsii // Sotsial'naya i klinicheskaya psikhiatriya. 2010. T. 20, № 1. S. 52-63.
15. Yastrebov V.S., Solokhina T.A., Shevchenko L.S., Alieva L.M., Grachev N.S., Rzaev A.A., Aksenova E.V., Dul'tsev A.V., Efremova D.N., Kulik T.A., Kulikova I.A., Myasnikov A.Yu., Novoselova N.Yu., Ostrikova N.V., Tyubekina M.V., Tsikina G.A. Trening razvitiya kommunikativnykh navykov u bol'nykh, stradayushchikh shizofreniei: metodicheskie rekomendatsii. M.: MAKS Press, 2012. S. 24-40.
16. Papsuev O.O., Movina L.G., Minyaicheva M.V. Metakognitivnyi trening dlya bol'nykh shizofreniei i rasstroistvami shizofrenicheskogo spektra // Sotsial'naya i klinicheskaya psikhiatriya. 2014. T. 24, № 3. S. 33-36.
17. Carabellese F., Mandarelli G., Felthous A.R., Catanesi R. Forensic psychiatric evaluation of 187 homicidal assailants with and without a schizophrenia spectrum disorder: Clinical, criminological and behavioral characteristics // Behavioral Sciences & the Law. 2021. No. 39(2). Pp. 190-204. DOI: 10.1002/bsl.2515.
18. Fedorov Ya.O., Belov E.N., Belova E.B., Klokova M.V., Shikanova E.A. Totem bez tabu: psikhoanaliz doedipal'nykh sostoyanii (shizofreniya, rasstroistva lichnosti, affektivnye rasstroistva i dr.). SPb., 2017. S. 23-28.
19. Mucci A., Dima D., Soricelli A., Volpe U., Bucci P., Frangou S., Prinster A., Salvatore M., Galderisi S., Maj M. Is avolition in schizophrenia associated with a deficit of dorsal caudate activity? A functional magnetic resonance imaging study during reward

anticipation and feedback // Psychological Medicine. 2015. No. 45(8). Pp. 1765–1778. DOI: 10.1017/S0033291714002943.

20. Gur R.E., Kohler C.G., Ragland J.D., Siegel S.J., Lesko K., Bilker W.B., Gur R.C. Flat affect in schizophrenia: relation to emotion processing and neurocognitive measures // Schizophrenia Bulletin. 2006. No. 32(2). Pp. 279-287. DOI: 10.1093/schbul/sbj041.

Professionalization of a doctor's personality: a review of research

Filatova Yuliya Sergeevna

PhD in Medicine

Head of the Department; Department of Clinical Psychology; Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education 'Yaroslavl State Medical University' of the Ministry of Health of the Russian Federation

Russia, Yaroslavl region, Yaroslavl, Dzerzhinskiy ave. 6 - 45

y.s.filatova@mail.ru

Solodchuk Oksana Nikolaevna

PhD in Medicine

Associate Professor; Department of Pediatrics 1; Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education 'Yaroslavl State Medical University' of the Ministry of Health of the Russian Federation

150006, Russia, Yaroslavl region, Yaroslavl, Yaroslavskaya str., 117, sq. 5

sleep504@yandex.ru

Abstract. The article is dedicated to the study of the professionalization process of physicians. It is viewed as a multifaceted dynamic process that encompasses the formation of not only professional competencies but also important personal qualities and socio-psychological skills. The main focus is on the integration of clinical knowledge, communicative abilities of physicians, as well as a number of ethical and psychological aspects of medical activities. The primary focus of the research is directed towards examining the relationship between the formation of clinical competencies, the development of communication skills, and the establishment of professional identity among medical specialists. Special attention is given to key aspects such as: stages of professional development, psychological components of professionalism, and ethical-deontological aspects of interaction in the "doctor-patient" system. The authors analyze the key stages of a physician's professional development, such as adaptation to the professional environment, the development of empathy, stress resilience, and reflective skills in the course of activities, as well as the influence of digital technologies and artificial intelligence on modern medical practice. The research is based on a systematic analysis of scientific publications and theoretical approaches, including the subject-activity and competency-based approaches. The authors also draw on empirical research data in the fields of medical psychology and professional education. The scientific novelty of the work lies in the holistic consideration of the professionalization of physicians as a process that integrates professional and personal development. The authors emphasize that modern medical professionalism requires not only a high level of clinical training but also developed communication skills, emotional intelligence, and the ability to adapt to changes in healthcare. The main findings of the study indicate the necessity of integrating psychological competencies into medical education, including the development of a patient-centered approach and prevention of professional burnout. Particular importance is given to the formation of professional identity, which enables physicians to interact effectively with patients and colleagues while maintaining adherence to ethical principles. The authors

emphasize that a harmonious combination of technical skills and humanistic values is a key condition for improving the quality of medical care and strengthening patient trust.

Keywords: Digital technologies, Emotional burnout, Ethical principles, Professional self-awareness, Professional identity, patient-oriented approach, communication competence, emotional intelligence, personal and professional development, professional development

References (transliterated)

1. Khawar A., Frederiks F., Nasori M. et al. What are the characteristics of excellent physicians and residents in the clinical workplace? A systematic review. *BMJ Open*. 2022; 12(9): 065333. doi: 10.1136/bmjopen-2022-065333. Available at: https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/36127103/
2. Kopylova N.V., Mikhailyuk Yu.V. Kontseptual'nye podkhody k issledovaniyu fenomena professional'nogo stanovleniya studentov meditsinskogo vuza // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Pedagogika i psikhologiya". 2025. № 1(70). S. 72-81. doi: 10.26456/vtpsyped/2025.1.072. Available at: https://eprints.tversu.ru/id/eprint/14501/1/PED.%20I%20PS._1_2025_ITOG-72-81.pdf
3. Marcotte L.M., Moriates C., Wolfson D.B., Frankel R.M. Professionalism as the Bedrock of High-Value Care. *Acad Med*. 2020; 95(6): 864-867. doi: 10.1097/ACM.0000000000002858. Available at: https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/31274519/
4. Malouin-Lachance A. et al. Does the Digital Therapeutic Alliance Exist? Integrative Review. *J MIR Mental Health*. 2025; 12: 69294. doi: 10.2196/69294. Available at: https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/39924298/
5. Iroegbu C. et al. The Influence of Patient-Provider Communication on Self-Management Among Patients With Chronic Illness: A Systematic Mixed Studies Review. *Journal of Advanced Nursing*. 2025; 81(4): 1678-1699. doi: 10.1111/jan.16492. Available at: https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/39340765/
6. Messinger A., Das S. Erosion of the 'ethical' doctor-patient relationship and the rise of physician burn-out. *Med Humanit*. 2023; 49(3): 390-395. doi: 10.1136/medhum-2022-012506. Available at: https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/36526412/
7. Sharova V.G., Zamyatkina O.V., Zhilyaeva Yu.A., Gavrilyuk E.V. Otsenka urovnya motivatsii k obucheniyu i kommunikativnoi kompetentnosti studentov na klinicheskoi kafedre meditsinskogo vuza // Metodologiya i tekhnologiya nepreryvnogo professional'nogo obrazovaniya. 2020. № 2(2). S. 23-29. doi: 10.24075/MTCPE.2020.009. Available at: https://mtcpe.rsmu.press/files/issues/mtcpe.rsmu.press/2020/2/2020-2-1005_ru.pdf?lang=ru
8. Il'ina E.S., Ledvanova T.Yu., Filippova N.V., Baryl'nik Yu.B. Sravnitel'nyi analiz kommunikativnoi kompetentnosti studentov meditsinskogo, gumanitarnogo i tekhnicheskogo vysshikh uchebnykh zavedenii goroda Saratova // Psikhicheskoe zdorov'e. 2021. № 12. S. 48-59. doi: 10.25557/2074-014X.2021.12.48-59. Available at: https://elibrary.ru/item.asp?id=47273558
9. Astanina S.Yu., Kalinina A.M., Shepel' R.N. Psikhologo-pedagogicheskie osobennosti podgotovki vracha-terapevta uchastkovogo k provedeniyu profilakticheskogo konsul'tirovaniya. Moskva: OOO "Silitseya-Poligraf", 2023. 68 s. ISBN 978-5-605-00614-5. doi: 10.15829/ROPNIZ-a1-2023. Available at: https://elibrary.ru/rlyasd
10. Startsev S.V., Rozhdestvenskaya E.Yu. Kak ukhodyat v al'ternativnuyu meditsinu:

krizis doveriya v kommunikatsii vracha i onkopatsienta // Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii. 2022. № 25(2). S. 96-126. doi: 10.31119/jssa.2022.25.2.5. Available at: https://elibrary.ru/item.asp?id=48654007

11. Davydova N.S., D'yachenko E.V., Samoilenko N.V., Serkina A.V. Navyki obshcheniya s patsientami: simulyatsionnoe obuchenie i otsenka kommunikativnykh navykov v meditsinskom vuze: metodicheskoe rukovodstvo. Moskva: Obshcherossiiskaya obshchestvennaya organizatsiya "Rossiiskoe obshchestvo simulyatsionnogo obucheniya v meditsine", 2020. 128 s. ISBN 978-5-604-34552-1-4. Available at: https://elibrary.ru/item.asp?id=42828723
12. Shapiro S.A., Bobkova T.V. Metody trudovoi diagnostiki sotsial'no-lichnostnykh kompetentsii vrachei-stomatologov // Putevoditel' predprinimatelya. 2020; № 13(3): 201-219. doi: 10.24182/2073-9885-2020-13-3-201-219. Available at: https://elibrary.ru/ggobkq
13. Gorshkova O.V., Kadyrov R.V., Kapustina T.V. Problema psikhologicheskogo obespecheniya patsientoorientirovannosti v sfere zdravookhraneniya: obzor. // Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. 2024. № 17(11). S. 2176-2187. Available at: https://elib.sfu-kras.ru/bitstream/handle/2311/154181/12_Gorshkova.pdf?sequence=1
14. Underdahl L. et al. Physician Burnout: Evidence-Based Roadmaps to Prioritizing and Supporting Personal Wellbeing. *Journal of Healthcare Leadership*. 2024; 1: 15-27. doi: 10.2147/JHL.S389245. Available at: https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/38192639/
15. Makarova O.V., Khvoshch R.N. Lingvometodicheskii aspekt formirovaniya kommunikativnoi kompetentsii budushchego vracha // Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya. 2022. № 77-3. S. 152-155. Available at: https://elibrary.ru/xqvyhc
16. Tvorogova N.D. Kommunikativnaya sostavlyayushchaya professional'noi deyatel'nosti meditsinskogo rabotnika. Chast' 2 // Meditsinskaya psikhologiya v Rossii. 2021. № 13(4(69)). doi: 10.24412/2219-8245-2021-4-2. Available at: http://www.medpsy.ru/mprj/archiv_global/2021_4_69/nomer10.php
17. Kashapov M.M., Solodchuk O.N. Dinamika lichnostnykh kachestv vracha na etapakh professionalizatsii // Kollektsiya gumanitarnykh issledovanii. 2017. № 1(4). S. 66-83. Available at: https://elibrary.ru/item.asp?id=28907331
18. Vashchenko E.S. Konfliktnye situatsii mezhdu vrachom i patsientom v kommercheskoi meditsinskoi organizatsii: analiz prichin vozniknoveniya // Gosudarstvo, obshchestvo, biznes v usloviyakh tsifrovizatsii: Sbornik nauchnykh trudov po materialam Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Saratov, 13 fevralya 2020 goda. Saratov: Povolzhskii institut upravleniya imeni P.A. Stolypina – filial FGBOU VPO "Rossiiskaya akademiya narodnogo khozyaistva i gosudarstvennoi sluzhby pri Prezidente Rossiiskoi Federatsii", 2020. S. 111-113. Available at: https://elibrary.ru/item.asp?id=43082856
19. Kaprin A.D., Kostin A.A., Ponomarenko B.T., Gridnev O.V., Samsonov Yu.V. Psikhologicheskie aspekty lichnosti vracha v protsesse ego professionalizatsii // Issledovaniya i praktika v meditsine. 2015. № 2(2). S. 81-84. doi: 10.17709/2409-2231-2015-2-2-81-84. Available at: https://www.rpmj.ru/rpmj/article/view/67/84
20. Buzina T.S., Buzin V.N. Sotsial'no-psikhologicheskie aspekty lechebnogo protsessa. // Profilakticheskaya meditsina. 2018. № 21(4). S. 20-24. doi: 10.17116/profmed201821420. Available at: https://www.mediasphera.ru/issues/profilakticheskaya-meditsina/2018/4/1230549482018041020

21. Fitzgerald A. Professional identity: A concept analysis. *Nurs Forum*. 2020; 55(3): 447-472. doi: 10.1111/nuf.12450. Available at: https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/32249453/
22. Vukušić Rukavina T., Viskić J., Machala Poplašen L. et al. Dangers and Benefits of Social Media on E-Professionalism of Health Care Professionals: Scoping Review. *J Med Internet Res*. 2021; 23(11): 25770. doi: 10.2196/25770. Available at: https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/34662284/
23. Moodley K. Artificial intelligence (AI) or augmented intelligence? How big data and AI are transforming healthcare: Challenges and opportunities. *S Afr Med J*. 2023; 114(1): 22-26. doi: 10.7196/SAMJ.2024.v114i1.1631. Available at: https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC11296939/
24. Aseeva I.A. Sotsial'nye roli iskusstvennogo intellekta. Chast' 2. Iskusstvennye sistemy s intellektom v nauchnykh issledovaniyakh i meditsinskoi praktike // Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment. 2024. № 14(5). S. 240-255. doi: 10.21869/2223-1552-2024-14-5-240-255. Available at: https://ecsocmenus.elpub.ru/jour/article/view/839

The relationship between psychological safety and the experience of terrorist threat among students: an interregional study

Finogenova Tatiana Aleksandrovna

Lecturer; Department of Scientific Foundations of Extreme Psychology; Moscow State University of Psychology and Education

29 Sretenka St., Moscow, 127051, Russia

tatiana07finogenova@gmail.com

Abstract. The relevance of the study is explained by the significant increase in terrorist activity in the Russian Federation. Modern terrorism, which carries traumatic consequences, is increasingly becoming indirect, acting indirectly through informational influence. Special attention in the article is paid to psychological safety as an internal resource of a personality, which, along with other resources, ensures its stability and safety, and resists the negative effects of the terrorist threat. One of the less protected categories, due to personal immaturity, is students. The purpose of the study is to identify the features of the relationship between the psychological safety of an individual and the experience of a terrorist threat among students from different regions. The subject of the research is the peculiarities of the relationship between the psychological safety of the individual and the experience of the terrorist threat among college students. Methods of diagnosing the experience of a terrorist threat, psychological safety of the individual, emotional safety of the educational environment, the quality of interpersonal relationships, vitality, and vitality were applied. Mathematical and statistical methods were used: descriptive statistics, r-Spearman correlation analysis. The study involved college students (349 people) studying in different regions: Belgorod, Moscow and other regions of the Russian Federation. It has been revealed that in a region with a high level of objective terrorist threat (Belgorod), students who are characterized by determination, well-being at home, using constructive coping methods, with developed adaptive abilities and positive interpersonal relationships are the least susceptible to experiencing the threat of a terrorist attack. In a region with an indirect terrorist threat (Moscow), a decrease in the intensity of anxiety is observed among students with a high level of stress tolerance, who are able to quickly and effectively adapt to environmental variability,

apply constructive strategies, and experience well-being in a creative environment. In calm (other) regions with a low level of objective terrorist threat, reducing the vulnerability of students to this threat is associated with their determination, exam well-being, and constructive ways of coping with stress. It has been established that the correlations between the psychological safety of students and their experience of the terrorist threat vary depending on the region of residence and the specifics of the impact of the threat of terrorism (real / indirect). The results obtained can contribute to the development of programs aimed at developing personal stability and the formation of psychological safety of students, taking into account the specifics of the impact of external threats.

Keywords: adaptation skills, coping strategies, interpersonal relationships, viability, vitality, emotional well-being, students, psychological safety of the individual, experiencing a terrorist threat, terrorism

References (transliterated)

1. Sosnin V. A., Nestik T. A. Sovremennyi terrorizm: sotsial'no psikhologicheskii analiz. M.: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2008. 240 s. EDN: QCTDNL.
2. Global Terrorism Index 2025 [Elektronnyi resurs] // Institute for Economics & Peace. 2025. 111 pp. URL: https://www.visionofhumanity.org/wp-content/uploads/2025/03/Global-Terrorism-Index-2025.pdf (data obrashcheniya 01.07.2025).
3. Bykhovets Yu. V., Tarabrina N. V. Psikhologicheskaya otsenka perezhivaniya terroristicheskoi ugrozy: rukovodstvo. M.: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2010. 85 s. EDN: QYAGQR.
4. Vliyanie raznykh vidov stressa na biopsikhologicheskii vozrast / T. A. Finogenova [i dr.] // Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya. 2023. T. 12. № 3. S. 41-51. DOI: 10.17759/jmfp.2023120304. EDN: BXKCGL.
5. Finogenova T. A., Berko A. A. Vliyanie travmaticheskikh perezhivanii na psikhologicheskuyu bezopasnost' lichnosti obuchayushchikhsya v kontekste terroristicheskoi ugrozy // Ekstremal'naya psikhologiya i bezopasnost' lichnosti. 2024. T. 1. № 2. S. 61-75. DOI: 10.17759/epps.2024010205. EDN: WLSUOC.
6. Problemy psikhologicheskoi bezopasnosti lichnosti v ekstremal'nykh usloviyakh zhiznedeyatel'nosti / A. V. Litvinova [i dr.] // Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya. 2021. T. 10. № 1. S. 8-16. DOI: 10.17759/jmfp.2021100101. EDN: YIMMBA.
7. Senatorova E. N., Balan A. S., Gatsutsyn V. V. Professional'noe vygoranie pedagogov srednei shkoly v usloviyakh terroristicheskoi ugrozy [Elektronnyi resurs] // Ekstremal'naya psikhologiya i bezopasnost' lichnosti. 2024. T. 1. № 1. S. 34-43. DOI: 10.17759/epps.2024010104. EDN: OPXIWI.
8. Bykhovets Yu. V., Kazymova N. N. Sovremennye otechestvennye issledovaniya psikhologicheskikh faktorov perezhivaniya terroristicheskoi ugrozy // Psikhologicheskii zhurnal. 2019. T. 40. № 3. S. 22-30. DOI: 10.31857/S020595920004542-2. EDN: QKXACV.
9. Koteneva A. V. Lichnostnye faktory perezhivaniya terroristicheskoi ugrozy studentami // Psikhologiya obucheniya. 2016. № 7. S. 46-64. EDN: WCLKQN.
10. Baeva I. A. Psikhologicheskaya bezopasnost' obrazovatel'noi sredy: stanovlenie napravleniya i perspektivy razvitiya // Ekstremal'naya psikhologiya i bezopasnost' lichnosti. 2024. T. 1. № 3. S. 5-19. DOI: 10.17759/epps.2024010301. EDN: JUXFAJ.

11. Resursy psikhologicheskoi bezopasnosti studentov v napryazhennoi sotsiokul'turnoi srede: obzor teoreticheskikh i empiricheskikh issledovanii [Elektronnyi resurs] / I. A. Baeva, E. B. Laktionova, I. V. Kondakova [i dr.] // Psikhologo-pedagogicheskie issledovaniya. 2024. T. 16. № 2. S. 3-29. DOI: 10.17759/psyedu.2024160201. EDN: OKOAOX.
12. Zhuravlev A. L., Tarabrina N. V. Psikhologicheskaya bezopasnost': na puti k kompleksnym, mezhdistsiplinarnym issledovaniyam (vmesto predisloviya) // Problemy psikhologicheskoi bezopasnosti / Otv. red. A. L. Zhuravlev, N. V. Tarabrina. M.: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2011. S. 5-21.
13. Psikhologicheskie posledstviya perezhivaniya stressa v detskom vozraste – fenomeny "ostavlennosti" i "vovlechennosti" / N. E. Kharlamenkova [i dr.] // Klinicheskaya i spetsial'naya psikhologiya. 2022. T. 11. № 3. S. 71-96. DOI: 10.17759/cpse.2022110303. EDN: WSWNBM.
14. Vodop'yanova N. E. Psikhodiagnostika stressa. SPb.: Piter, 2009. 336 s. EDN: QXVSDN.
15. Osobennosti lichnostnykh resursov psikhologicheskoi bezopasnosti studentov raznykh urovnei obrazovaniya v napryazhennoi sotsial'noi srede / I. A. Baeva, I. V. Kondakova, M.-E.-L. S. Sokolova [i dr.] // Psikhologo-pedagogicheskie issledovaniya. 2025. № 17 (2). S. 3-21. DOI: 10.17759/psyedu.2025170201.
16. Kemp S. Digital 2024: Global Overview Report [Elektronnyi resurs] // portal DataReportal. URL: https://datareportal.com/reports/digital-2024-global-overview-report (data obrashcheniya 01.07.2025).
17. Prikhod'ko I. I. Psikhodiagnosticheskii instrumentarii opredeleniya psikhologicheskoi bezopasnosti lichnosti spetsialista ekstremal'nogo vida deyatel'nosti // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. 2013. № 3 (40). S. 28-31. EDN: QCPYAH.
18. Berezina T.N. Emotsional'naya bezopasnost' obrazovatel'noi sredy i kognitivnye protsessy // Sovremennoe obrazovanie. 2019. № 3. S. 29-43. DOI: 10.25136/2409-8736.2019.3.29191 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=29191
19. Kozhukhar' G. S., Kovrov V. V. Ekspress-diagnostika bezopasnosti obrazovatel'noi sredy detei, popavshikh v trudnuyu zhiznennuyu situatsiyu // Ekspertiza psikhologicheskoi obrazovatel'noi sredy. Informatsionno-metodicheskii byulleten' Gorodskoi eksperimental'noi ploshchadki vtorogo urovnya / Red.-sost. I. A. Baeva, V. V. Kovrov. M.: Ekon – Inform, 2008. № 1. S. 48-51. EDN: VLDDEN.
20. Ryl'skaya E. A. Test "Zhiznesposobnost' cheloveka": razrabotka i psikhometricheskie kharakteristiki // Sotsium i vlast'. 2016. № 1 (57). S. 25-30. EDN: VUCYMZ.
21. Rezapkina G. V. Samorazrushitel'noe povedenie: prichiny i profilaktika // Akademicheskii vestnik Akademii sotsial'nogo upravleniya. 2017. № 2 (24). S. 18-24. EDN: ZCHOXD.
22. Kuz'mina G. A. Sostavlyayushchie innovatsionnogo potentsiala lichnosti kak resursy psikhologicheskoi bezopasnosti // Razvitie i obrazovanie lichnosti v sovremennom kommunikativnom prostranstve: materialy III Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 90-letiyu so dnya rozhdeniya V. G. Aseeva / pod redaktsiei I. M. Kyshtymovoi, L. V. Skorovoi. Irkutsk: Asprint, 2021. S. 113-121. EDN: ZVHHPA.
23. Mal'tseva T. V. Teoretiko-metodologicheskie podkhody k ponimaniyu kontseptov "zhiznennaya sila" i "sub''ektivnaya vital'nost'" v ramkakh kontseptual'noi modeli razvitiya sub''ektivnoi vital'nosti rukovoditelei organov vnutrennikh del // Prikladnaya psikhologiya i pedagogika. 2021. T. 6. № 1. S. 10-19. DOI: 10.12737/2500-0543-2020-10-19. EDN: HFGSNN.

24. Laktionova A. I. Vozrastnye i gendernye razlichiya zhiznesposobnosti cheloveka. Chast' 2 // Institut psikhologii Rossiiskoi akademii nauk. Organizatsionnaya psikhologiya i psikhologiya truda. 2022. T. 7. № 1. S. 96-119. DOI: 10.38098/ipran.opwp_2022_22_1_005. EDN: YUNAYM.

25. Kotovskaya S. V. Psikhofiziologicheskie faktory professional'noi zhiznesposobnosti spetsialistov ekstremal'nogo profilya s pozitsii emergentno-sinergeticheskogo podkhoda // Psikhologiya. Psikhofiziologiya. 2020. T. 13. S. 79-87. DOI: 10.14529/jpps200109. EDN: HFXPMN.

26. Kazymova N. I. Faktory riska i resursy ustoichivosti k perezhivaniyu terroristicheskoi ugrozy // Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika. 2017. № 12. S. 102-109. DOI: 10.24158/spp.2017.12.22. EDN: YLFQVW.

27. Tserfus D. N., Ivanova T. V., Antilogova L. N. Zhiznesposobnost' kak uslovie psikhologicheskoi bezopasnosti budushchikh spetsialistov transportnoi otrasli // Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh. 2024. T. 29. № 3 (98). S. 246-253. DOI: 10.24412/1999-6241-2024-398-246-253. EDN: HFQKHJ.

28. Zavyazkina K. V., Balan A. S. Resursy i psikhologicheskaya bezopasnost' studentov kolledzhei s raznym urovnem terroristicheskoi opasnosti // Lichnostnye resursy antistareniya: monografiya / kol. avtorov; obshch. red. T. N. Berezinoi, A. V. Litvinovoi. Moskva: RUSAINS, 2024. S. 189-200. EDN: CZNGUT.